

ISSN 2077-8325

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА

(РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ)

- ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

№ 3 (89)-2025

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА

(РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ)

UNIVERSITY BULLETIN

(RUSSIAN-TAJIK (SLAVONIC) UNIVERSITY)

**РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ
(СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ**

Основан в 2002 г.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА
(РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (89) – 2025 г.

Душанбе – 2025

RUSSIAN TAJIK (SLAVONIC) UNIVERSITY

Founded in 2002

UNIVERSITY BULLETIN

(RUSSIAN-TAJIK (SLAVONIC) UNIVERSITY)

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 3 (89) – 2025 г.

Dushanbe – 2025

ISSN – 2077-8325

Учредитель: Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования
«Российско-Таджикский (Славянский) университет»

Главный редактор: Файзулло Машраб Курбонали, доктор экономических наук

Редакционная коллегия:

Русакова Марина Васильевна, кандидат филологических наук,
заместитель главного редактора журнала

Баратова Рано Вахидовна, ответственный секретарь журнала

по филологическим наукам:

Шамбезода Хусрав Джамшедович, доктор филологических наук (Таджикистан)

Салимов Рустам Давлатович, доктор филологических наук (Таджикистан)

Искандарова Дилоро Мукаддасовна, доктор филологических наук (Таджикистан)

Абдуллозода Масрур Ахмад, доктор филологических наук (Таджикистан)

Муллоев Шариф Бокиевич, доктор филологических наук (Таджикистан)

Мамадназаров Абдусалом, доктор филологических наук (Таджикистан)

Турсунов Фаёз Мелибоевич, доктор филологических наук (Таджикистан)

Косимов Олимджон Хабибович, доктор филологических наук (Таджикистан)

Муродов Мурод Бердиевич, доктор филологических наук (Таджикистан)

по экономическим наукам:

Султанов Зубайдулло Султанович, доктор экономических наук (Таджикистан)

Комилов Сироджиддин Джалалиддинович, доктор экономических наук (Таджикистан)

Амонова Дильбар Сабхоновна, доктор экономических наук (Таджикистан)

Тураева Мадина Октамовна, доктор экономических наук (Россия)

Ткаченко Александр Александрович, доктор экономических наук (Россия)

Плоских Елена Викторовна, доктор экономических наук (Кыргызстан)

Ташбаева Рано Гайбуллаевна, кандидат экономических наук (Узбекистан)

Редактор: Р.В.Баратова

Технический редактор/
компьютерная верстка: Г.Х.Ташматова

Перевод на английский язык: С.У.Тагаева

Перевод на таджикский язык: К.Камолов

Компьютерная верстка: Н.Р.Тохиров

Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан

Свидетельство о регистрации №275/ЖР-97 от 08 февраля 2023 года.

Входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства
науки и высшего образования Российской Федерации и ВАК при Президенте Республики
Таджикистан

Подписной индекс журнала 77691

Адрес редакции: 734025, Республика Таджикистан, город Душанбе, улица М. Турсунзаде,
д.30

тел: (+992) 44 620 42 34; 44 620 42 11

www.vestnik_rtsu.tj

vestnik_rtsu@mail.ru

© Российско-Таджикский (Славянский) университет
Типография РТСУ

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Вестник университета» (Российско-Таджикский (Славянский) университет) ежеквартально публикует статьи преподавателей, аспирантов и соискателей университета, других учебных заведений и научных учреждений Республики Таджикистан, являющиеся результатом их научных изысканий в области экономики и филологии. Журнал открыт для публикаций ученых стран ближнего и дальнего зарубежья.

Материал, представляемый в редакцию журнала, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других научных изданиях.

Статьи принимаются на рассмотрение редакционной коллегии при наличии рецензии от специалиста, имеющего ученую степень доктора наук (если автор статьи является доктором наук), доктора или кандидата наук (если автор статьи является кандидатом наук, соискателем или аспирантом). Рецензия должна быть подписана рецензентом и заверена по месту его работы (требования к рецензированию см. на сайте РТСУ).

Авторы представляют свои работы в электронной и печатной версиях, оформленные в соответствии с требованиями, установленными Правилами для авторов.

Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту статьи.

К рукописи статьи обязательно прилагается справка о прохождении через систему «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 70%.

Общий объем статьи без аннотации, ключевых слов и списка литературы – не менее 10 страниц, но не более 14 страниц.

В структурные элементы статьи входят (в порядке расположения): УДК, название статьи, ФИО автора/авторов (полностью) с указанием ученой степени, ученого звания (при наличии), должности, названия структурного подразделения, учреждения/организации, почтового адреса с индексом, номера телефона и E-mail; аннотация (150-200 слов) на русском, английском и таджикском языках; ключевые слова (не менее 7 слов и выражений через точку с запятой).

Название статьи должно отражать проблематику работы, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, определяющие основные аспекты работы.

Аннотация должна ясно излагать содержание статьи и быть пригодной для публикации отдельно от статьи. В аннотации необходимо кратко описать актуальность рассматриваемой проблемы, цель работы, элементы новизны, результаты исследования и общий вывод.

Статья должна носить проблемный характер, в ней должны отражаться научная новизна проблемы или новизна подходов к её решению, знание автором научных достижений в этой области, результаты исследования и чётко сформулированные выводы. Необходимо соблюдать точность цитирования, фактологическую достоверность, научный стиль изложения, ясность и последовательность выражения суждений (мыслей).

В статье обязательны ссылки на источники информации, в том числе на источник получения статистических данных. Рисунки, диаграммы, таблицы размещаются в соответствующем по смыслу фрагменте текста. Они должны быть озаглавлены, пронумерованы и сопровождаться ссылками на источник заимствования данных. Объем рисунков и таблиц не должен превышать 1/3 объема научного текста.

Разрешаются общепринятые сокращения. Аббревиатуры приводятся сначала полностью с указанием в скобках принятого сокращенного варианта для его дальнейшего использования в тексте (например, Российско-Таджикский (Славянский) университет) (далее – РТСУ).

Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р705-2008.

В списке должно быть представлено не менее 10 наименований только научной литературы, в том числе не менее 5 источников, опубликованных за последние 5 лет. При-

ветствуются материалы, опубликованные в рецензируемых научных изданиях и за рубежом. Самоцитирование, использование учебников и учебных пособий строго ограничено. Список литературы располагается в алфавитном порядке, сначала указываются работы на русском языке, далее литература на иностранных языках. Работы отечественных ученых, опубликованные на таджикском языке, приводятся в переводе на русский язык в общем перечне с русскоязычными источниками с указанием языка оригинала (на тадж.яз.). В список литературы не должны включаться работы, ссылки на которые отсутствуют в тексте статьи.

При цитировании или при ссылке на ту или иную работу в тексте статьи используются квадратные скобки, в которых указаны номер источника в перечне литературы и цитированная страница (напр.: [7, с.20]).

Источники публицистического характера, в том числе из печатных и электронных СМИ, официальные документы, архивные материалы, статистические издания и т.д. указываются в постраничных сносках на языке оригинала.

Ответственность за достоверность и полноту описания библиографических данных несёт автор статьи.

Завершают рукопись название статьи, данные о её авторе/авторах и текст аннотации на английском и таджикском языках.

Библиографический список приводится на двух языках: русском и английском.

Страницы статьи должны иметь сквозную нумерацию. Рукопись должна быть тщательно выверена и отредактирована автором.

Ответственный секретарь редакционной коллегии может самостоятельно отправить рукопись на доработку в случае, если её оформление не соответствует установленным правилам оформления.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные поправки, не искажающие основное содержание статьи.

Статьи, не отвечающие правилам оформления, к рассмотрению не принимаются, рукописи не возвращаются.

Доработанный вариант статьи с её электронной версией возвращается в редакцию вместе с первоначальной версией не позднее, чем через две недели после получения замечаний. В случае нарушения указанного срока, а также повторного обнаружения ошибок и недоработок дата опубликования статьи переносится на более поздний срок.

Датой поступления считается день поступления окончательного варианта текста статьи.

В редакцию принимаются тексты, подготовленные в формате MS Word for Windows. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 12, списка литературы – 12, интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25. Размер полей: сверху – 2 см, снизу – 2 см, слева – 3 см, справа – 1,5 см.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	13

• ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Джабборова М.Т. Способы выражения грамматического значения в русском и таджикском языках.....	16
Овчаренко А.Ю., Шапринская Е.А. Культурная география в информационной среде: создание интерактивной карты творческой судьбы В.Ф.Ходасевича.....	29
Джамshedов П.Дж., Кобилова Ф.Х. Терминологическое определение и характеристика дискурсивных маркеров в английском и таджикском языках.....	48
Султанова Р.М., Сакаева Л.Р. К вопросу о передаче стилистической доминанты: переводческие трансформации как инструмент адекватного перевода.....	60
Брагина М.А., Левина В.Н., Игумнова Е.С., Шарапова Е.В. Пейзаж в художественном тексте: современные интерпретации и контексты.....	74
Алюнина Ю.М., Меденица Л., Григорян В.А. Морфемный конструктор: словообразовательная игра на уроках РКИ.....	86
Александрова О.И., Жарбулова С.Т., Эбзеева Ю.Н. Измерение языковой компетентности билингвов: роль методов языковой диагностики и социолингвистических факторов.....	103
Арсеньева И.А., Ельникова С.И., Салоев А.Т. Особенности вербального выражения приветствия в языках России и стран СНГ.....	114
Калинина Ю.М., Анумян К.С., Саидов З.З. Современное состояние русского языка в образовательной среде Республики Армения и Республики Таджикистан	130
Смолий Е.С., Повалко П.Ю., Колышева О.Н., Ашуров А.Дж. Представления современных таджиков о себе и Таджикистане, России и русских: методология исследования и результаты.....	143
Боровик В.В., Каверзина А.В., Салоев А.Т., Толмачева Е.Ю. Особенности лингвистических конструкторов грамматических концептов на примере структуры «взял(а)».....	161
Кобылко Я., Куновски М.Н. Славяно-тюркские языковые контакты: принцип герметичности грамматик в свете системной типологии языков.....	173
Хасанова Ш.Р. Рациональные прилагательные как средство языковой репрезентации личности.....	187
Дуктова Л.Г., Шарапова Е.В. Литературный эпос Беларуси в период суверенитета республики: тематическое своеобразие.....	199
Гусаров Д.А., Пшеничникова А.Ю., Мельникова Е.Н. Лингвокультурный символ <i>лес</i> в немецкоязычной литературе 2024 года.....	218
Некушоева Ш.С. Макрополе <i>kata-čīd</i> «малая родина» как отражение концепта «дом» в шугнано-рушанской лингвокультуре.....	237
Иванова В.В. Развитие коммуникативных навыков русского языка у студентов из СНГ на уровне ТРКИ-3.....	252

Иванова С.С., Вологина Н.В., Юсупова Д.Т. Репрезентация пространственного образа <i>лес</i> сквозь призму коми-пермяцкой языковой картины мира (на материале повестей Василия Климova «Богатырская палица» и Валериана Баталова «Нехоженной тропой»).....	262
Лазарева О.С., Акопян Л.С. Лингвокультурные маркеры дискурса художественных текстов магического реализма Габриэля Маркеса и Исабель Альенде	275
Москвичева С.А., Баянбаева Ж.А., Алтынбекова Б. Единицы и стратегии при киргизско-русском переключении кода: трудности выделения, алгоритм анализа.....	297
Яркина Л.П., Ху Чанцин, Новикова Н.С. Когнитивно-лингвистический анализ метафоры «Футляр» (на материале рассказа А.П.Чехова «Человек в футляре»).....	313
Пронкин Н.В. Лингвокультуремы персофонов как условие для этноориентированного обучения РКИ.....	324
Норов М.Б. Отражение элементов крестьянства в социокультурной жизни таджикского народа.....	330

• ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Баринoв М.А. Инновационная направленность генезиса региональных систем.....	346
Шарифов Т.А. Экономико-правовое регулирование трансграничной несостоятельности (банкротства) в Республике Таджикистан.....	357
Быкова М.Л. Особенности научно-инновационного развития регионов России.....	366
Раимдодов У. Регулирование трудовой миграции в контексте обеспечения продуктивной занятости населения Республики Таджикистан.....	382
Худяков С.О. Системы управления знаниями как фактор развития корпоративного обучения.....	398

CONTENTS

Preface	13
 • <u>PHILOLOGICAL SCIENCES</u>	
Jabborova M.T. Ways of expressing grammatical meaning in the Russian and Tajik languages.....	16
Ovcharenko A.Yu., Shaprinskaya E.A. Cultural geography in the information environment: creating an interactive map of V.N. F.N.Khodasevich's creative destiny.....	29
Jamshedov P.J., Kobilova F.Kh. Terminological definition and characteristics of discursive markers in the English and Tajik languages.....	48
Sultanova R.M., Sakaeva L.R. On the question of transferring stylistic dominance: translation transformations as a tool for adequate translation.....	60
Bragina M.A., Levina V.N., Igumnova E.S., Sharapova E.V. Landscape in fiction: contemporary interpretations and contexts.....	74
Alyunina Yu.M., Medenica L., Grigoryan V.A. Morpheme constructor: word formation game for Russian foreign language learners.....	86
Alexandrova O.I., Zharbulova S.T., Ebzeeva Yu.N. Measurement of linguistic competence in bilinguals: the role of language diagnostic methods and sociolinguistic factors.....	103
Arsenyeva I.A., Yelnikova S.I., Saloev A.T. Features of the verbal expression of greetings in the languages of Russia and the CIS countries.....	114
Kalinina Yu.M., Anumyan K.S., Saidov Z.Z. The current state of the Russian language in an educational environment of the Republic of Armenia and the Republic of Tajikistan.....	130
Smoliy E.S., Povalko P.Yu., Kolyшева O.N., Ashurov A.J. Modern Tajiks' perceptions of themselves and Tajikistan, Russia and Russians: research methodology and results.....	143
Borovik V.V., Kaverzina A.V., Saloev A.T., Tolmacheva E.J. Features of linguistic constructs of grammatical concepts on the example of the structure «ВЗЯЛ(а)».....	161
Kobylko Ya., Kunovski M.N. Slavic-Turkic language contacts: the principle of grammar hermeticity in light of systemic language typology.....	173
Khasanova Sh.R. Rational adjectives as a means of linguistic representation of personality.....	187
Duktova L.G., Sharapava E.V. The literary epos of Belarus during the period of the republic's sovereignty: thematic originality.....	199
Gusarov D.A., Pshenichnikova A.Yu., Melnikova E.N. <i>Forest</i> as linguocultural symbol in German-language literature of the 2024 year.....	218
Nekushoeva Sh.S. Macro-field <i>kata-čīd</i> – "small homeland" as a reflection of the concept «home» in Shughny-Rushani linguistic culture.....	237
Ivanova V.V. Development of communicative skills in the Russian language of students from the CIS at the C-1 level.....	252

Ivanova S.S., Vologina N.V., Yusupova D.T. Representation of the spatial image of the <i>forest</i> through the prism of the Komi-Permyak linguistic worldview (based on the story of Vasily Klimov "The bogatyr mace" and Valerian Batalov "The untreated path").....	262
Lazareva O.S., Hakobyan L.S. Linguocultural markers of discourse in magical realism artistic texts by Gabriel Marquez and Isabel Allende.....	275
Moskvitcheva S.A., Bayanbayeva Zh.A., Altynbekova B. Nits and strategies in Kyrgyz-Russian code switching: difficulties in identification, analysis algorithm.....	297
Yarkina L.P., Hu Changqing, Novikova N.S. Cognitive-linguistic analysis of the metaphor "Case" (based on the story "The Man in the Case" by A.P. Chekhov).....	313
Pronkin N.V. Linguo-culturomems of persophones as a condition for ethno-oriented teaching of Russian as a foreign language.....	324
Norov M.B. Reflection of peasantry elements in the socio-cultural life of the Tajik people.....	330

• **ECONOMIC SCIENCES**

Barinov M.A. Innovative focus on the genesis of regional systems.....	346
Sharifov T.A. Economic and legal regulation of cross-border insolvency (bankruptcy) in the Republic of Tajikistan.....	357
Bykova M.L. Features of scientific and innovative development of Russian regions.....	366
Raimdodov U. Regulation of labor migration in the context of ensuring productive employment in the Republic of Tajikistan.....	382
Khudyakov S.O. Knowledge management systems as a factor in the development of corporate training.....	398

МУНДАРИҶА

Мукаддима.....	13

• ИЛМҲОИ ФИЛОЛОГӢ

Чабборова М.Т. Роҳҳои изҳори маънои грамматикӣ дар забонҳои русӣ ва тоҷикӣ.....	16
Овчаренко А.Ю., Шапринская Е.А. Географияи фарҳангӣ дар муҳити иттилоотӣ: таҳияи харитаи интерактивии сарнавишти эҷодии В.Ф.Ходасевич.....	29
Чамшедов П., Кабилова Ф. Тавсифи терминологӣ ва хусусиятҳои маркерҳои дискурси дар забони англисӣ ва тоҷикӣ	48
Султонова Р.М., Сакаева Л.Р. Ба масъалаи интиқоли доминантаи услубӣ: таҳаввулотҳои тарҷумонӣ ва нақши он дар тарҷумаи мувофиқ.....	60
Брагина М.А., Левина В.Н., Игумнова Е.С., Шарапова Е.В. Landscape in fiction: contemporary interpretations and contexts.....	74
Алюнина Ю.М., Меденица Л., Григорян В.А. Калимабандии морфемӣ: бозии калимасозӣ дар дарсҳои РКИ.....	86
Александрова О.И., Жарбулова С.Т., Эбзеева Ю.Н. Ченкунии салоҳияти забонӣ дар байни дузабонҳо: нақши усулҳои таҳлили забонӣ ва омилҳои сотсиолингвистӣ.....	103
Арсеньева И.А., Ельникова С.И., Салоев А.Т. Хусусиятҳои изҳори шифоҳии хайрамақдамгӯӣ дар забонҳои Россия ва кишварҳои Иттиҳоди Давлатҳои Мустақил.....	114
Калинина Ю.М., Анумян К.С., Саидов З.З. Ҳолати муосири забони русӣ дар муҳити таълимии Ҷумҳурии Арманистон ва Ҷумҳурии Тоҷикистон.....	130
Смолий Е.С., Повалко П.Ю., Колышева О.Н., Ашуров А.Ч. Тасаввуроти тоҷикони муосир дар бораи худ ва Тоҷикистон, дар бораи Россия ва русҳо: методологияи тадқиқ ва натиҷаҳо.....	143
Боровик В.В., Каверзина А.В., Салоев А.Т., Толмачева Е.Ю. Хусусиятҳои конструктҳои лингвистӣ дар таркиби концептҳои грамматикӣ дар мисоли таркиби «взял(а)»	161
Кобылко Я., Куновски М.Н. Контактҳои забонии славянию туркӣ: принсипи герметикӣ будани грамматика дар партави типологияи системии забонҳо....	173
Хасанова Ш.Р. Сифатҳои рационалӣ ҳамчун воситаи репрезентатсияи шахсият дар забон.....	187
Дуктова Л.Г., Шарапова Е.В. Эпоси адабии Беларус дар давраи соҳибхотӣ-ёри: хусусияти мавзӯӣ.....	199
Гусаров Д.А., Пшеничникова А.Ю., Мельникова Е.Н. Лингвокультурный символ <i>лес</i> в немецкоязычной литературе 2024 года.....	218
Некушоева Ш.С. Ҳавзаҳои воҳидҳои “Ватани хурд” ҳамчун инъикоскунандаи концепти “хона” дар забонҳои гурӯҳи шуғлонӣ-рушонӣ.....	237
Иванова В.В. Рушди малакаҳои коммуникатсионии забони русӣ дар донишҷӯени ИДМ дар сатҳи С-1.....	252

Иванова С.С., Володина Н.В., Юсупова Д.Т. Репрезентатсияи образи фазои «Чангал» аз муддои манзараи забонию фарҳангии коми-пермяк (бар асоси повестҳои Василий Климов «Богатырская палица» ва Валериан Баталов «Нехоженой тропой»).....	262
Лазарева О.С., Акопян Л.С. Нишонаҳои лингвофарҳангии дискурси матнҳои ҳунари дар раҳи магииски реализми Габриэль Маркес ва Исабель Альенде.....	275
Москвичева С.А., Баянбаева Ж.А., Алтынбекова Б. Воҳидҳо ва стратегияҳо дар қадами киргизӣ-русӣ: диққат ба мушкилоти таъйини воҳидҳо ва алгоритми таҳлил.....	297
Яркина Л.П., Ҳу Чанцин, Новикова Н.С. Таҳлили маърифатӣ-лингвистикӣ метафораи "Парванд" (бар асоси ҳикояи "Марде дар парванд"-и А.П. Чехов).....	313
Пронкин Н.В. Лингвокултуремҳои персонҳои: шарт барои таълими этноориентири русӣ чун забони хориҷӣ.....	324
Норов М.Б. Инъикоси унсурҳои деҳқонӣ дар зиндагии иҷтимоиву фарҳангии мардуми тоҷик.....	330

• ИЛМҲОИ ИҚТИСОДИ

Баринов М.А. Самтгирии инноватсионии генезиси системаҳои регионалӣ.....	346
Шарифов Т.А. Танзими иқтисодию ҳукукии шикасти (муфлисшавии) беасоси трансмарзӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон.....	357
Бикова М.Л. Хусусиятҳои рушди илмӣ ва инноватсионии минтақаҳои Россия.....	366
Раимдодов У. Танзими мигратсияи меҳнатӣ дар қаринаи таъмини серкориҳои самараноки аҳолии Ҷумҳурии Тоҷикистон.....	382
Худяков С. Системаҳои идоракунии дониш ҳамчун омилҳои рушди омӯзиши корпоративӣ.....	398

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели, дорогие друзья!

Под девизом «Русский язык объединяет» успешно продолжилось в текущем году сотрудничество Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы со славянскими университетами стран СНГ (Таджикистана, Узбекистана, Армении, Кыргызстана, Беларуси, Казахстана). 2025 год стал периодом значительных достижений в области науки и образования. Благодаря синергии усилий преподавателей и сотрудников филологического факультета, института русского языка РУДН и коллег из ведущих образовательных организаций стран СНГ, был успешно реализован комплекс масштабных политематических проектов. Эти инициативы охватили научно-образовательную, культурно-просветительскую и общегуманитарную сферы, в том числе был проведен цикл научно-методических семинаров; просветительские телемосты и дискуссии; конкурс профессионального мастерства для молодых педагогов русского языка и общеобразовательных предметов. Наблюдаемая высокая вовлеченность участников мероприятий свидетельствует о неуклонном росте популярности русского языка на пространстве СНГ. Русский язык продолжает оставаться мощным инструментом межнационального диалога и сохраняет свою фундаментальную значимость для научно-образовательной и социально-экономической сфер.

Материалы специального выпуска журнала «Вестник университета» (РТСУ) знакомят научную общественность с актуальными исследованиями в области языкознания, социолингвистики, литературоведения. В этом году в подготовке выпуска журнала приняли активное участие не только ученые из Таджикистана, России, Беларуси, но и из Армении, Казахстана.

Мы выражаем надежду, что материалы специального выпуска, созданного интернациональным научным коллективом, привлекут внимание как опытных специалистов, так и начинающих исследователей, а также станут источником вдохновения для новых проектов по продвижению русского языка и развитию межкультурной коммуникации.

**Институт русского языка
Российского университета
дружбы народов
имени Патриса Лумумбы**

Dear colleagues and dear friends!

Under the motto "The Russian language unites," collaboration between the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba and Slavonic universities in the CIS countries (Tajikistan, Uzbekistan, Armenia, Kyrgyzstan, Belarus and Kazakhstan) has successfully continued this year. The year 2025 has become a period of significant achievements in science and education. Due to the synergistic efforts of the academic and administrative staff of the faculty of philology, the Russian language institute of RUDN, and colleagues from leading educational institutions in the CIS countries, a complex of large-scale, polythematic projects was successfully implemented. These initiatives spanned scientific, educational, cultural, and humanitarian fields, including a series of scientific and methodological seminars; educational teleconferences and discussions; and a professional excellence competition for young teachers of Russian language and general subjects. The observed high level of participant engagement at these events testifies to the steady growth in the popularity of the Russian language in the CIS. The Russian language continues to be a powerful tool for international dialogue and retains its fundamental importance in scientific, educational, and socioeconomic spheres.

The materials in this special issue of the journal "University Bulletin" (RTSU) introduce the scientific community to current research in the fields of linguistics, sociolinguistics and literary studies. This year, scholars from Tajikistan, Russia and Belarus, as well as Armenia and Kazakhstan, actively participated in preparing the journal.

We express the hope that the materials in this special issue, created by an international research team, will attract the attention of both experienced specialists and emerging researchers, and will also serve as a source of inspiration for new projects promoting the Russian language and developing intercultural communication.

**Institute of Russian language
People's Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba**

Хонандагони мухтарам, дӯстони азиз!

Тахти шиори «Забони русӣ муттаҳид месозад» ҳамкориҳои Донишгоҳи дӯстии халқҳои Русия ба номи Патрис Лумумба бо донишгоҳҳои славянии кишварҳои ИДМ (Тоҷикистон, Ўзбекистон, Арманистон, Қирғизистон, Беларус, Қазокистон) дар соли чорӣ бо муваффақият идома ёфт. Соли 2025 давраи дастовардҳои назаррас дар соҳаи илм ва маориф гардид. Бо талошҳои муштараки устодон ва кормандони факултети филология, Институти забони русии ДДХР ва ҳамкорони онҳо аз муассисаҳои пешбари таълимии кишварҳои ИДМ маҷмӯи лоиҳаҳои азими политематикӣ бомуваффақият амалӣ гардид. Ин иқдомҳо самтҳои илмию таълимӣ, фарҳангию-маърифатӣ ва гуманитариро фаро гирифта, аз ҷумла силсилаи семинарҳои илмию методӣ, телемостҳо ва баҳсҳои маърифатӣ, инчунин озмуни маҳорати касбӣ барои омӯзгорони ҷавони забони русӣ ва фанҳои умумитаълимӣ гузаронида шуданд. Сатҳи баланди иштироки иштирокчиён нишон медиҳад, ки маъруфияти, оммафаҳмии забони русӣ дар фазои ИДМ пайваستا афзоиш меёбад. Забони русӣ воситаи пуриктидори муколамаи байнимиллатӣ боқӣ монда, аҳамияти бунёдии худро барои соҳаҳои илмию таълимӣ ва иҷтимоию иқтисодӣ нигоҳ медорад.

Маводҳои шумораи махсуси маҷаллаи «Вестник университета» (ДРТС) ҷомеаи илмиро бо таҳқиқоти актуалӣ дар соҳаи забоншиносӣ, сотсиолингвистика ва адабиётшиносӣ шинос мегардонанд. Имсол дар таҳияи шумораи маҷалла на танҳо олимони Тоҷикистон, Русия ва Беларус, балки олимони Арманистон ва Қазокистон низ фаъолона иштирок намуданд.

Умедворем, ки маводҳои шумораи махсус, ки аз ҷониби як дастаи байналмилалӣ олимони таҳия шудааст, таваҷҷуҳи мутахассисони варзида ва муҳаққиқони навкорро ҷалб намуда, барои офаридани лоиҳаҳои нави тарғиби забони русӣ ва рушди муоширати байнифарҳангӣ манбаи илҳом мегардад.

**Институти забони русии
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
ба номи Патрис Лумумба**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81.2: 372.46

**СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ
В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ**

Джабборов Мархабо Тухтасуновна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры современного русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+ 992) 90 781 30 00 (м.)
m.jabborova@mail.ru

Актуальность проблематики исследования обусловлена тем, что вопросы выражения грамматического значения в русском и таджикском языках связаны не только с историческими изменениями языковых систем двух языков и их морфологической типологией, но и спецификой грамматического членения мира. В статье рассматриваются основные способы выражения грамматического значения в сопоставляемых языках в типологическом и когнитивном аспектах. Обосновывается, что сопоставление морфологических и синтаксических механизмов выражения грамматических значений позволяет выявить различия между синтетическим и аналитическим строем разноструктурных исследуемых языков, а также показать взаимное влияние этих тенденций. Констатируется, что русский язык, сохраняя синтетическо-флективную основу, демонстрирует рост аналитических конструкций; таджикский, напротив, укрепляет аналитическую систему при наличии элементов вторичного синтетизма. Анализ основан на работах российских и таджикских лингвистов и отражает универсальные закономерности эволюции грамматики. Сделан вывод о динамическом равновесии морфологических и синтаксических средств выражения грамматического значения в обоих сравниваемых языках.

Ключевые слова: грамматическое значение; синтетизм; аналитизм; морфология; синтаксис; типологическое сопоставление; система языка; грамматические категории; русский язык; таджикский язык; грамматикализация; когнитивный аспект.

Грамматическое значение – системообразующая категория языка, которая формирует связи между единицами речи и обеспечивает структурную целостность высказывания. В сопоставляемых русском и таджикском языках, генеалогически принадлежащих к группам одной индоевропейской семьи – славянской и иранской, но типологически разных, вопрос грамматического значения рассматривается не только как сравнительно-типологическая, но и как культурно-когнитивная проблема. Различие в способах выражения грамматического значения отражает историческую эволюцию языковых систем, их морфологическую типологию и специфику грамматического членения мира.

В лингвистике классифицируют два основных способа выражения грамматического значения – синтетический и аналитический. Синтетизм проявляется передачей грамматических значений в пределах слова при помощи аффиксов – флексий и формообразующих суффиксов и префиксов. «К языкам синтетического строя относятся: русский, польский, литовский и большинство других индоевропейских языков. Синтетическими были все древнеписьменные индоевропейские языки: латинский, древнегреческий, готский» [8, с.31]. Аналитизм характеризуется вынесением грамматического значения за пределы слова и выражением его с помощью служебных слов, вспомогательных глаголов, частиц или порядка слов. В «Словаре лингвистических терминов» аналитические языки определяются как «языки, в которых грамматические значения выражаются вне слова (в предложении) посредством: 1) порядка слов; 2) интонации; 3) служебных слов и др. Аналитическими языками являются: английский, французский, итальянский, испанский и все изолирующие языки» [8, с.326-327].

Следовательно, в индоевропейских языках, включая русский, синтетический способ грамматического значения является основным, тогда как таджикский язык, как представитель иранских языков данной семьи, наряду с другими, например, с английским, проявляет тенденцию к аналитизму. Однако различие это относительное, поскольку оба языка содержат и синтетические, и аналитические элементы, что позволяет говорить не о противопоставлении, а о типологическом континууме [3, с.31; 7, с.132].

В русском языке грамматическое значение выражается преимущественно морфологически – посредством окончаний, суффиксов, префиксов, чередований корневых гласных и согласных и др. Грамматическая морфема, как отмечал академик В.В.Виноградов, выступает «знаком не только формы, но и синтаксической функции слова в предложении» [4, с.148]. Так, флексия существительного совмещает значения рода, числа и падежа (*стол – столы – стола*), флексия прилагательного так же – рода, числа и падежа, но зависимых от существительного (*деревянный стол, деревянные столы, деревянного стола*), а глагольные окончания выражают лицо, число, время, наклонение и др. значения (*читаю, буду читать, читай, читал бы*). Эти грамматические показатели обладают свойством кумулятивности, т.е. объединения нескольких значений в одной форме [15, с.650].

Таджикский язык, напротив, отличается изолятивно-аналитическим строем. Здесь грамматическое значение чаще всего выражается вне пределов слова, при помощи служебных слов, вспомогательных глаголов и др. Для выражения временных и модальных значений широко используются аналитические глагольные конструкции – сочетания причастных форм с глаголами *будан (быть), истодан (стоять), шудан (становиться), кардан (делать)*. Например: *хонда буд (читал), дида истодаам (вижу), гирифта шуд (был взят)*. По этому поводу А.З.Розенфельд замечает: «Большое число глагольных форм образуется описательно (аналитически) – сочетанием причастных форм спрягаемого глагола с личными формами вспомогательных глаголов», эти конструкции «обладают чет-

кой грамматической функцией и отражают исторический переход от синтетической структуры к аналитической» [14, с.33].

Типологическое сопоставление показывает, что русский язык – флективный, синтетический, таджикский – аналитический и агглютинативный. Однако оба языка демонстрируют внутреннюю динамику: в русском прослеживается рост аналитических тенденций (*буду читать, стал работать, наиболее трудный*), в таджикском – элементы вторичного синтетизма, когда сочетания знаменательных и служебных слов образуют устойчивые морфемные комплексы (*хондагист, рафтааст*). Как отмечается в исследованиях ученых, в этом смысле тенденции обоих языков сближаются, «на базе аналитизма формируются новые элементы синтетизма» [6, с.84].

Исторически русский язык прошел путь от сложных аналитических форм (перфект *азъ есмь написалъ*) к современному синтетическому прошедшему времени (*написал*). Этот процесс сопровождался утратой вспомогательного глагола *быти* и конденсацией грамматического значения в пределах одной формы [3, с.33]. В таджикском же языке, наоборот, наблюдалась противоположная тенденция – постепенное развитие аналитических форм перфекта и имперфекта, где вспомогательные глаголы стали обязательной частью временной парадигмы [1]. В сравниваемых языках аналитизм больше представлен в таджикском языке, чем в русском, особенно если речь идет о его устной форме. Разумеется, наблюдаются и обратные случаи: аналитический способ обнаруживается в русском языке (к примеру, *буду читать, менее сложный*), а синтетический – в таджикском (*мехонам – читаю, бихон – прочитай*).

Русский синтетизм проявляется также в словообразовательной системе. Морфемные способы выражения (аффиксация, чередование звуков, нулевая морфема) обеспечивают внутреннюю связанность грамматических категорий. Например, категория числа выражается не только окончаниями (*стол – столы*), но и чередованиями звуков (*лист – листья, ухо – уши*), заменой суффиксов (*медвежонок – медвежата, гражданин – граждане*), супплетивизмом (*ребёнок – дети, человек – люди*) и др. Категория времени глагола выражается морфемно синтетически и аналитически (*пишу – написал – напишу, буду писать*), категория залога – синтетическими и аналитическими средствами (*строим – был построен*). По замечанию Л.А.Буланина, «в русском языке страдательный залог представляет собой переходную зону между синтетическими и аналитическими формами» [3, с.38].

В таджикском языке подобные переходные зоны особенно многочисленны. Так, форма *гирифта шуда (взятый)* сочетает признаки причастия и пассивного сказуемого, а *гирифта шуда буд (был взят)* уже полностью реализует аналитическую структуру. Аналитическая природа таджикского глагола проявляется также в его способности образовывать сложноее причастные формы – характерное языковое явление, описанное В.С.Расторгуевой [13, с.211], которое будет детально рассмотрено ниже.

Современная типология рассматривает аналитизм и синтетизм как параметры, находящиеся в непрерывном взаимодействии. Аналитические конструкции

развиваются из синтетических, когда морфемы утрачивают фонетическую и семантическую самостоятельность; синтетические формы могут возникать из устойчивых аналитических сочетаний в результате грамматикализации.

Сопоставляемые русский и таджикский языки демонстрируют разную степень морфологической плотности. В русском языке одно слово часто выражает сразу несколько грамматических значений, в таджикском же грамматическое значение в слове обычно передается отдельным элементом. Так, в русском предложении *я прочитал книги* грамматические значения числа, рода, времени, вида объединены в форме сказуемого *прочитал*. В таджикском эквиваленте *ман китобхоро хонда шудам* грамматические значения оформляются так: значения, лица, прошедшего времени, законченности действия передаются вспомогательным глаголом *шудам* – компонентом составного сказуемого, а прямое дополнение с особым элементом – послелогом *-ро* – выражается существительным в форме множественного числа, образованного с помощью суффикса *-хо* (*китобхоро*).

Синтаксис обоих языков так же отражает различие способов выражения грамматического значения. В русском языке порядок слов относительно свободен и не несет грамматической нагрузки; что касается таджикского, то в нем фиксированный порядок SOV (подлежащее – дополнение – сказуемое) является важным грамматическим маркером. В таджикской синтаксической системе служебные слова, изафет *-и*, послелог *-ро* компенсируют отсутствие флексий, а к примеру, предлоги *ба*, *аз*, *дар* передают значения падежей, аналогичных дательному, родительному, предложному в русском языке [2, с.142-146].

Таким образом, различие между синтетизмом и аналитизмом сопоставляемых языков носит не абсолютный, а градуальный характер. Как отмечает И.Б.Мошеев, «сопоставительный анализ русского и таджикского языков обнаруживает их функциональную эквивалентность на уровне выражения грамматических значений при формальном различии средств» [11, с.12]. Это значит, что оба языка, несмотря на типологические различия, реализуют сходные коммуникативные задачи через разные морфологические механизмы.

Современные исследования подтверждают факт того, что в русском языке усиливаются аналитические тенденции, особенно в разговорной и научно-технической речи: *буду делать*, *стал понимать*, *имеет значение*, *дает возможность*. В таджикском языке аналогичные тенденции проявляются в переходе от простых синтетических форм к сложным конструкциям, что можно рассматривать как результат интерференции русского языка и процессов стандартизации.

Интерес представляет и вопрос семантического соотношения грамматических значений. В русском языке грамматические категории (время, вид, залог, падеж, число, род и др.) имеют четкую морфологическую маркировку; в таджикском же они реализуются, в основном, синтаксически или лексически. Категория вида, например, в таджикском языке отсутствует, но компенсируется временными формами – законченность или незаконченность действия выражается либо вспомогательными глаголами *истодан* (*стоять*), *шудан* (*становиться*), либо приставкой *ме-*. Таким образом, по мнению У.Абдурахмонова, таджикский язык

демонстрирует иной принцип грамматического членения действия, где «время – главная грамматическая координата высказывания» [1, с.98].

Сравнение глагольных систем двух языков показывает, что в русском языке грамматическое значение тесно связано с формоизменением, а в таджикском – с синтаксической позицией и сочетательными средствами. Это подтверждает мысль о типологическом единстве языков при структурной разнице: в обоих случаях грамматическое значение реализуется как функциональная категория, объединяющая морфологический, синтаксический и семантический уровни.

Исследуя способы выражения грамматического значения в сравниваемых языках, отметим, что современное сопоставительное языкознание всё чаще опирается на междисциплинарные подходы – когнитивную лингвистику, типологию грамматикализации, корпусные исследования. Применение этих методов к материалу русского и таджикского языков позволяет уточнить динамику взаимодействия синтетизма и аналитизма, проследить закономерности эволюции грамматических форм и прогнозировать дальнейшие изменения в системе. Стало быть, «тенденция к аналитизму в таджикском языке не разрушает, а обновляет его грамматическую систему, придавая ей гибкость и выразительность» [7, с.128].

Действительно, способы выражения грамматического значения в русском и таджикском языках демонстрируют сложное взаимодействие не только морфологических и синтаксических, но и семантических механизмов. Русский язык сохраняет синтетическую основу при росте аналитических конструкций; таджикский – наоборот, укрепляет аналитическую структуру при наличии элементов вторичного синтетизма. Это свидетельствует о том, что развитие грамматических систем не подчинено простому разделению синтетизма и аналитизма, а представляет собой процесс взаимопроникновения структурных тенденций, отражающих универсальные закономерности человеческого языка.

Грамматическое значение, будучи системным элементом языка, реализуется через взаимодействие различных языковых средств. В русском и таджикском языках это взаимодействие выражается по-разному: в русском – через морфемную структуру слова, во внутренней его форме; в таджикском – через синтаксические связи и комбинации знаменательных и служебных слов. Тем самым способы выражения грамматического значения отражают типологическую природу языка и формируют его когнитивный профиль.

Если обратиться к грамматическим категориям имени существительного, то в русском языке они представлены системой рода, числа и падежа. Все три категории выражаются синтетически при помощи флексий: *дом – дома – домов; река – реки – рек; учитель – учителя – учителей*. Грамматическая флексия несёт одновременно и морфологическое, и синтаксическое значение. Так, форма *учителя* выражает не только множественное число, но и зависимость от глагола в контексте (*вижу учителя, нет учителя*). В таджикском языке подобные отношения передаются аналитически с помощью служебных слов и др., которые указывают на пространственные, временные и логические отношения [2, с.142].

Род в таджикском языке отсутствует как грамматическая категория; но различие людей и животных по полу может выражаться в языке лексически

(зан – женщина, мард – мужчина, мурғ – курица, хурус – пестух) или морфологически (муаллим – учитель, муаллима – учительница) [11, с.23]. В русском же языке род – обязательный грамматический признак, охватывающий не только существительные, но и согласуемые с ними прилагательные, местоимения, глаголы прошедшего времени (он читал – мама читала). Таким образом, морфологическая плотность русского языка гораздо выше, чем таджикского: одно слово несёт несколько грамматических признаков.

Категория числа так же иллюстрирует типологические различия. В русском языке она имеет строго морфологическое выражение, реализуемое, к примеру, через флексии и иногда чередования звуков: рука – руки, крыло – крылья. В таджикском языке множественность морфологически выражается посредством суффиксов -ҳо (китобҳо – книги), -он (-вон, -ён): бачагон (дети), абрувон (брови), моҳиён (рыбы). При этом в речи множественное число может опускаться, если значение множественности уже выражено контекстом. Это демонстрирует семантический приоритет контекстуальной информации над морфологической – типичная черта аналитических языков [11, с.24].

Особый интерес представляет выражение грамматической категории падежа. Русская падежная система, насчитывающая шесть форм, образует сложную сеть грамматических значений. Каждый падеж совмещает несколько синтаксических и семантических функций. В таджикском языке нет категории падежа, но падежная система заменена набором предлогов, послелога -ро и изафета -и, и в этом смысле грамматические значения выражаются и синтаксически, и морфологически. Например, выражение дательного падежа со значением адресата осуществляется сочетанием предлога ба + существительное (ба устод – учителю), родительного – через предлог аз (аз бародар – от брата), предложного – через предлог дар (дар хона – в доме), а вот родительный падеж со значением принадлежности передаётся с помощью изафета -и (хонаи падар – дом отца) и винительный – с помощью послелога -ро (мактубро навишт – написал письмо). Эти элементы имеют высокий уровень грамматикализации и функционируют как маркеры, приближаясь по степени обязательности к флексиям русского языка [2, с.142-146].

Переходя к рассмотрению глагольной системы сравниваемых языков, необходимо подчеркнуть, что в русском языке парадигма глагола развита чрезвычайно широко. Категории времени, вида, наклонения, залога, лица и числа имеют строго морфологическое оформление. Грамматическая форма глагола синтезирует несколько значений: читал – прошедшее время, несовершенный вид, изъявительное наклонение, действительный залог, мужской род, единственное число. В таджикском же языке часть перечисленных значений передаётся аналитически, что отражает общий изолятивный характер структуры. Так, прошедшее время образуется сочетанием причастной основы на -а с формой вспомогательного глагола будан (быть) – хонда буд (читал); настоящее определенное время – через вспомогательный глагол истодан (стоять) – дида истодаам (вижу).

Таджикские грамматисты отмечают, что аналитические формы выполняют не только временные, но и аспектуальные функции, выражая завершённость, длительность или повторяемость действия [1, с.95; 13, с.203 и др.].

Интересна трактовка категории вида в сопоставительном аспекте. В русском языке противопоставление совершенного и несовершенного видов является фундаментальным: *читать – прочитать, делать – сделать, ловить – поймать*. Стало быть, вид выражается, к примеру, префиксально или суффиксально, реже – супплетивно. В таджикском языке глагол не имеет категории вида, в связи с чем подобного морфологического противопоставления нет. Здесь видовые различия русского языка эквивалентны временным формам, образованным либо приставками *ме-* и *би-*, либо вспомогательным глаголам: *истодан (стоять)*, выражающим незавершённость действия, и *шудан (становиться), кардан (делать)* – завершённость [5, с.199]. Например, *менависам – пишу, навишта шуд – написано*. Таким образом, видовые значения русского языка в таджикском выражаются как синтетическими, так и аналитическими показателями.

Категория наклонения также иллюстрирует контраст. В русском языке глагол имеет изъявительное, повелительное и сослагательное наклонения, выражаемые синтетически и аналитически (*делаю – делай (пусть сделает) – делал бы*). В таджикском языке различаются наклонения: изъявительное, повелительное, условно-сослагательное и предположительное; повелительность передаётся глагольной основой настоящего времени, иногда с префиксом *би-* (*хон – читай, бихон – прочитай*) и личным окончанием глагола *-ед* во множественном числе (*хонед – читайте, бихонед – прочитайте*), условность формируется через аналитические формы в предложении, к примеру, с частицей *агар (если)* и глаголом. Предположительное наклонение, отсутствующее в русском языке, характеризуется особыми формами: *омадагист – наверное пришел, мерафтагист – наверное пойдет* и др. [5, с.215].

С образованием выше перечисленных аналитических форм тесно связано и функционирование сложносоставных глаголов (точнее, той группы, которая называется сложноее причастными глаголами), представляющих собой специфическую особенность таджикского языка, не встречающуюся в других иранских языках, за исключением наиболее близких таджикскому языку (например, языки дари и хазара) [7, с.196]. Заметим, что описываемые глагольные конструкции прочно вошли в таджикский литературный язык, активно в нем используются для выражения различных оттенков действия и «имеют широкое употребление», хотя в некоторых таджикских диалектах они отсутствуют [13, с.211].

По мнению В.С.Расторгуевой, «сочетания, определяемые сложноее причастными глаголами, выражают единое действие и не разлагаются семантически на два компонента (*ханда карда фиристод* – это значит дословно: *засмеявшись отправил, дониста мон – узнав оставь*), их составные части объединяются общим ударением, которое падает на последний слог второго компонента, например: *ханда карда фиристод (рассмеялся)* или *дониста мон (запомни)* [13, с.211].

По соотношению компонентов сложноее причастные глаголы делятся на два типа. К первому типу относятся глагольные конструкции, в которых компоненты не являются равноправными: один, выраженный формой причастия на *-а*, является носителем основного значения, а второй компонент – служебный, вносящий дополнительные семантические оттенки, например: *сурх шуда рафтан* – *покраснеть* (*сурх шудан* – *краснеть* является основным компонентом, обозначающим содержание действия, *рафтан* – *уходить* выполняет роль служебного элемента, указывающего на интенсивность действия); *омада мондан* – *прийти* (*омадан* – *приходить* – основной компонент, *мондан* – *оставлять* – служебный элемент, подчеркивающий внезапность). Данные глагольные формы грамматикализованы, они служат для выражения определенных грамматических значений [13, с.213]. Глаголы с равноправными компонентами относятся ко второму типу, к примеру: *парида рафтан* (дословно означает *улетев, уйти*), *рафта расидан* (дословно *дойдя, достичь*) и т.д.

А.З.Розенфельд приводит более 30 глагольных форм, наиболее регулярно используемых в качестве вспомогательных, и разделяет их на две группы в зависимости от видового значения [14, с.45]. В академической грамматике таджикского языка в число наиболее регулярно употребительных вспомогательных глаголов выделено 18 глаголов [5, с.236].

Выражение залога – одна из наиболее показательных областей для типологического сравнения. В русском языке активные и пассивные формы глагола различаются синтетически (возвратные формы с *-ся*: *строится, моется*) и аналитически (*был написан, будет построен*). В таджикском языке пассив выражается исключительно аналитически, посредством формы причастия и вспомогательного глагола *шудан* (*становиться*, принимающего все формальные показатели лица, числа, времени, наклонения, вида): *гирифта шуд* – *был взят*; *сохта шудааст* – *построен*. Страдательный залог в таджикском языке, как и в русском, пронизывает всю глагольную парадигму: инфинитив (*гирифта шудан* – *взяться*), причастия (*гирифта шуда*, *гирифта шудагӣ*, *гирифта шуда истода*, *гирифта мешудагӣ*, *гирифташаванда*, *гирифта шуданӣ* – *взятый*), личные формы всех времен (*гирифта шуд*, *гирифта шуда буд*, *гирифта шуда истодааст* и т.д.).

В этом случае достаточно легко заметить определенный параллелизм в образовании пассивных форм русских глаголов совершенного вида, которые образованы сочетанием вспомогательного глагола с причастной формой, например: *гирифта шудан* – *быть взятым*, *гирифта шуд* – *был взят*, *гирифта хоҳад шуд* – *будет взят*. Однако, если аналитическая форма в русском языке с использованием причастий регулярно образуется лишь от переходных глаголов совершенного вида, то в таджикском языке эта форма может быть образована от любого переходного глагола. Аналитические формы пассива в таджикском языке могут быть образованы также при помощи причастий прошедшего времени на *-гӣ*, например: *Дарвозаи мактаб кушодагӣ буд* (Улуғзода, Субҳи чавонии мо). – *Ворота школьного здания были открыты*. Подобное явление рассматривается в таджикской лингвистике как новообразование, характерное прежде всего для разговорной речи [6, с.55]. По своему морфологическому статусу пассивные формы с причастиями на *-гӣ*

тождественны причастным конструкциям на *-а*; сравним: *сохта шуда* – *сохта шудагӣ* – *построенный*; *хонда шуда* – *хонда шудагӣ* – *прочитанный* и т.п.

Как мы видим, в разноструктурных русском и таджикском языках для разных частей речи расхождения между формой и содержанием различны. Неизменяемость формы слова в таджикском нефлективном языке приводит к тому, что в предложении оно выступает в окружении служебных слов-актуализаторов, по связи с которыми устанавливаются грамматические категории (части речи).

Особое место в таджикской системе глагола занимает противопоставление очевидных и неочевидных форм времени – категория, отсутствующая в русском языке. Эти глагольные формы различаются по степени осведомлённости говорящего: *дидаам* – *я видел* (сам свидетель), *дида будаам* – *мне известно со слов других* [12, с.71]. В своей монографии И.Б.Мошеев замечает, что «их можно рассматривать как особый тип глагольных сочетаний» [11, с.109].

Грамматическое значение времени в таджикском языке различается также по степени достаточно большей избыточности. Русский язык имеет три времени – настоящее, прошедшее и будущее – каждое из которых маркировано морфологически. Таджикский глагол отличается своими временными формами; выделяются формы настоящего-будущего (*мехонам* – *читаю*, *буду читать*), настоящего определенного (*хонда истодаам* – *читаю*) и будущего сложного (*хоҳам хонд* – *прочитаю*) времен, а также формы прошедшего: простое прошедшее (*хондам* – *читал*, *прочитал*), прошедшее длительное (*мехондам* – *читал*), преждепрошедшее (*хонда буд* – *читал*), прошедшее определенное (*хонда истода буд* – *читал*) и четыре формы неочевидного прошедшего времени (*хондааст*, *мехондааст*, *хонда будааст*, *хонда истода будааст*). В системе таджикского глагола всего 11 временных форм. Большинство форм времени является аналитическими и строится по модели «причастие + вспомогательный глагол». Тем самым выражение грамматического времени осуществляется синтаксическими средствами, что подтверждает аналитический характер языка [1, с.104; 5, с.211].

Сравнение адъективных систем обоих сравниваемых языков также подтверждает различие способов выражения грамматических значений. В русском языке прилагательные изменяются по роду, числу и падежу, имеют краткие и полные формы (*высок* – *высокий*). В таджикском языке прилагательные неизменяемы, но грамматические отношения выражаются синтаксически – порядком слов и изафетом (*писари калон* – *взрослый сын*). Это иллюстрирует сдвиг от морфологической к синтаксической стратегии.

Местоименные системы обоих языков отражают те же закономерности. Русские местоимения, к примеру, изменяются по падежам (*я* – *меня* – *мне*), таджикские – остаются неизменными (*ман*, *ту*, *ӯ*), а синтаксические отношения выражаются служебными словами (*ба ӯ* – *ему*).

Следовательно, современные типологические исследования указывают, что синтетизм и аналитизм являются не жёсткими типами, а динамическими

состояниями языка. В русском синтетизме постепенно накапливаются аналитические черты, в таджикском аналитизме – синтетические.

Грамматическая эволюция таджикского языка во многом связана с социально-историческими факторами – развитием письменности, влиянием персидской классической традиции и русского языка как языка межнационального общения. Эти влияния усилили аналитизм, особенно в письменной и официальной речи. Однако в диалектной и разговорной практике сохраняются реликты синтетизма – спряжённые формы глагола без вспомогательных слов (*рафтам, дидам*), что подтверждает сохранение морфологического потенциала [1, с.101].

На уровне синтаксиса различие проявляется в порядке слов. Русский язык допускает перестановки ради актуализации темы и ремы: *Письмо написал ученик / Ученик написал письмо*. Таджикский порядок слов в предложении фиксирован: *Хонанда мактуб навишт* (букв. ученик письмо написал). Именно порядок слов и служебные элементы выполняют здесь роль грамматических индикаторов.

Современная сравнительная лингвистика рассматривает подобные различия не как иерархию «простоты» или «сложности», а как разные стратегии экономии языковых средств. Синтетические формы экономят на синтаксисе, аналитические – на морфологии. Поэтому русский и таджикский языки можно рассматривать как взаимодополняющие модели выражения грамматического значения.

В современных лингвистических исследованиях отмечается тенденция к универсализации грамматических систем – развитие аналитизма даже в языках с развитой флексией. Русский язык не исключение: конструкции типа *я собираюсь читать, мне приходится работать* становятся грамматически устойчивыми и выполняют функции модальных форм. Это же наблюдается в таджикском языке: *мехоҳам рафтан* – буквально «хочу идти», где модальное значение становится частью грамматической системы [7, с.73].

Таким образом, способы выражения грамматического значения в русском и таджикском языках отражают как типологическое различие, так и общие универсальные тенденции развития языка: грамматикализацию, аналитизацию и семантическое сближение морфологических и синтаксических средств. В русском языке доминирует синтетическая форма, но рост аналитизма в некоторых конструкциях заметен. В таджикском – аналитизм является основой системы, но морфологическая экономия создаёт условия для появления новых синтетических форм.

Грамматическое значение – живая категория, постоянно балансирующая между морфологией и синтаксисом, между формой и содержанием. Именно поэтому способы его выражения подвержены постоянной эволюции: аналитические конструкции переходят в синтетические и наоборот [15, с.658]. В этом заключается универсальный закон языкового развития, наблюдаемый и в русском, и в таджикском языках.

Русский язык, как отмечал А.А.Зализняк, представляет собой «развитую флексивную систему, в которой внутренняя форма слова реализует максимум грамматической информации» [9, с.14]. Каждая грамматическая морфема здесь

обладает высокой информационной плотностью, совмещая в себе не одно, а несколько значений. Например, окончание -у в слове *иду* обозначает и первое лицо, и единственное число, и настоящее время, и изъявительное наклонение. В таджикском языке такая совокупность значений требует целой синтаксической конструкции (*ман меравам – я иду*).

В исследуемых русском и таджикском языках когнитивные аспекты грамматических различий заслуживают внимания. Для русскоязычного сознания характерно «внутреннее кодирование» действия (всё заключено в слове), для таджикского – «внешнее кодирование» (значение разворачивается во фразе). Это различие влияет на процессы перевода, интерпретации и усвоения иностранного языка: русскому учащемуся труднее освоить таджикские аналитические конструкции, таджикскому – морфологическую систему русских окончаний.

Таким образом, сопоставление русского и таджикского языков по способам выражения грамматического значения выявляет не только формальные, но и функциональные и когнитивные различия. Оба языка реализуют универсальные закономерности развития: русский – через усиление аналитизма, таджикский – через упорядочивание синтетических структур. Их взаимодействие в условиях билингвизма приводит к типологическому сближению данных явлений, что отражает глобальные тенденции языковой эволюции.

Можно прийти к выводу о том, что грамматическая система русского языка продолжает оставаться преимущественно синтетической, однако процессы аналитизации в ней необратимы. Для таджикского языка характерно преобладание аналитизма, но в нём сохраняются синтетические формы древнего происхождения, особенно в разговорной речи. Эти два направления – анализ и синтез – явления не противоположные, а взаимодополняющие: они обеспечивают динамическое равновесие языка.

Как справедливо писал академик В.В.Виноградов, «язык никогда не бывает полностью синтетическим или аналитическим; он лишь смещает акценты в зависимости от внутренних законов развития» [4, с.198].

Тем самым, способы выражения грамматического значения в русском и таджикском языках представляют собой сложную систему взаимодействия морфологических, синтаксических и семантических средств, в которой отражены исторические, когнитивные и культурные особенности народа. Сравнительный анализ этих систем не только углубляет представление о типологии языков, но и демонстрирует универсальные механизмы языковой эволюции – от морфемы к слову, от слова к конструкции, от конструкции к значению.

Литература

1. Абдурахманов У. Непрягаемые глагольные формы в современном таджикском и персидском языках. – Душанбе: Дониш, 1988. – 168 с.
2. Арзуманов С., Сангинов А. Таджикский язык. – Душанбе: Ирфон, 1998. – 415 с. (на тадж.яз.)
3. Буланин Л.А. Категория залога в современном русском языке. – Л.: ЛГУ, 1986. – 86 с.

4. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1972. – 614с.
5. Грамматика современного литературного таджикского языка. Ч.1: Фонетика и морфология. – Душанбе: Дониш, 1985. – 355 с. (на тадж.яз.)
6. Джабборов М.Т. Сопоставительно-типологическое исследование причастий: структура, семантика и функционирование (на материале таджикского и русского языков). – Душанбе: РТСУ, 2019. – 132 с.
7. Джабборов М.Т. Система неличных форм глагола в русском и таджикском языках. – Душанбе, РТСУ, 2005. – 299 с.
8. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
9. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 750 с.
10. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. Т. 1. – Братислава, 1965. – 302 с.
11. Мошеев И.Б. Сопоставительная типология русского и таджикского языков. – Душанбе: Дониш, 1991. – 232 с.
12. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. – М.: Языки славянской культуры, 2011. – 384 с.
13. Расторгуева В.С., Керимова А.А. Система таджикского глагола. – М.: Наука, 1964. – 291 с.
14. Розенфельд А.З. Материалы к исследованию сложносоставных глаголов в современном таджикском литературном языке // Очерки по грамматике современного таджикского языка. – Сталинабад: АН Тадж. ССР, 1953. – Вып. 1. – 47с.
15. Современный русский язык. Морфология: учебник для студентов фил. фак. вузов / С.И.Богданов, М.Д.Воейкова, В.Б.Евтюхин и др. – СПб, 2007. – 662 с.

WAYS OF EXPRESSING GRAMMATICAL MEANING IN THE RUSSIAN AND TAJIK LANGUAGES

Jabborova Marhabo Tukhtasunovna

Doctor of philological sciences,
professor of the chair of modern Russian
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+ 992) 90 781 30 00 (m.)
m.jabborova@mail.ru

The actuality of this research issue is determined by the fact that issues of expressing grammatical meaning in Russian and Tajik are connected not only with historical changes in the linguistic systems of the two languages and their morphological typology, but also with the specifics of the grammatical division of the world. In the article, the main methods of expressing grammatical meaning in the compared languages from typological and cognitive perspectives are examined. It is proved that a comparison of the morphological and syntactic mechanisms for expressing grammatical meanings allows us to identify differences between the synthetic and analytical structures of the languages studied, which differ in structure, and to demonstrate the mutual influence of these tendencies. It is stated that Russian, while maintaining a synthetic-inflectional basis, demonstrates an increase in analytical constructions; Tajik, on the contrary, strengthens its analytical system while containing elements of secondary synthetism. The

analysis is based on the work of Russian and Tajik linguists and reflects universal patterns of grammatical evolution. A conclusion is drawn about a dynamic equilibrium between the morphological and syntactic means of expressing grammatical meaning in both compared languages.

Keywords: grammatical meaning; synthetism; analyticism; morphology; syntax; typological comparison; language system; grammatical categories; Russian; Tajik; grammaticalization; cognitive aspect.

РОҲҶОИ ИЗҶОРИ МАЪНОИ ГРАММАТИКӢ ДАР ЗАБОНҶОИ РУСӢ ВА ТОЧИКӢ

Ҷабборова Мархабо Тухтасуновна

Доктори илмҳои филологӣ,
профессори кафедраи забони муосири русӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 90 781 30 00 (м.)
m.jabborova@mail.ru

Рузмарагии баҳси ин таҳқиқот аз он ҷиҳат муҳим аст, ки масъалаҳои баён ёфтани маънои грамматикӣ дар забонҳои русӣ ва тоҷикӣ на танҳо бо таҳаввулоти таърихӣ низоми ин ду забон ва хусусиятҳои типологии морфологии онҳо вобаста аст, балки бо тарзи ҳоси грамматикӣ дарк кардан ва тақсим намудани ҷаҳон низ иртибот дорад. Дар мақола роҳҳои асосии ифодаи маъноҳои грамматикӣ дар ин ду забони муқоисашаванда аз ҷиҳати типологӣ ва когнитивӣ баррасӣ мегарданд. Иҷбот карда мешавад, ки муқоисаи роҳи воситаҳои морфологӣ ва синтаксисии баёни маъноҳои грамматикӣ имкон медиҳад, то фарқиҳои сохтори забони синтетикӣ ва аналитикӣ муайян шаванд ва ҳамзамон таъсири мутақобилаи ин тамоюлҳо ошкор гардад. Таъкид мешавад, ки забони русӣ, ки асосҳои синтетикӣ флективӣ ҳудро ҳифз мекунад, шумораи сохторҳои аналитикӣ нигоҳ медорад, дар ҳоле ки забони тоҷикӣ, баръакс, низоми аналитикии ҳудро мустақкам месозад ва ҳамзамон унсурҳои синтетизми дуҷумдараҷаро низ дар худ нигоҳ медорад. Таҳлил дар асоси қорҳои забоншиносони рус ва тоҷик анҷом ёфта, қонуниятҳои умумии тақомули грамматикӣ инъикос менамояд. Хулоса чунин аст, ки миёни воситаҳои морфологӣ ва синтаксисии баёни маъноҳои грамматикӣ дар ҳар ду забони муқоисашаванда як тавозуни динамикӣ ҳифз мегардад.

Калидвожаҳо: маънои грамматикӣ; синтетизм; аналитизм; морфология; синтаксис; муқоисаи типологӣ; низоми забон; категорияҳои грамматикӣ; забони русӣ; забони тоҷикӣ; грамматикализатсия; ҷанбаҳои когнитивӣ.

УДК 82.02/.09

**КУЛЬТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ:
СОЗДАНИЕ ИНТЕРАКТИВНОЙ КАРТЫ ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЫ
В.Ф.ХОДАСЕВИЧА**

Овчаренко Алексей Юрьевич

Доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: (+7) 909 165 86 41 (м.)
ovcharenko_avu@pfur.ru

Шапринская Елизавета Андреевна

Лаборант кафедры русского языка и лингвокультурологии
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: (+7) 968 462 22 80 (м.)
shaprinskaya_ea@pfur.ru

Статья посвящена разработке цифрового проекта, направленного на мультимедийное представление культурного наследия выдающегося русского поэта Владислава Фелициановича Ходасевича в форме интерактивной геоинформационной карты. В условиях преобладания цифрового мышления у современных пользователей создание подобных проектов становится актуальным инструментом гуманитарных исследований и популяризации классической литературы. Целью работы стало формирование прототипа программного продукта (backend-части), способного хранить, систематизировать и визуализировать информацию о жизни и творчестве В.Ф.Ходасевича. Новизна проекта заключается в отсутствии ранее созданных геоинформационных ресурсов, посвящённых этому автору. В статье детально описывается структура базы данных, включающая биографические, литературные, географические и библиографические сведения, а также механизм их интеграции в единую цифровую систему. Используемая архитектура поддерживает прикрепление медиафайлов, координат, влияний и связей между объектами. Представлены этапы сбора, верификации и структурирования источников, предложена стратегия пользовательского взаимодействия. Полученные результаты позволяют как эффективно хранить данные, так и проводить филологический анализ. Проект может стать важным шагом в развитии цифровой гуманитаристики и культурной памяти в XXI веке.

Ключевые слова: цифровая гуманитаристика; геоинформационная система; В.Ф.Ходасевич; интерактивная карта; база данных; культурное наследие; литературная биография; мультимедийное представление.

Одним из наиболее перспективных видов представления культурно-исторических фактов в последние годы стал цифровой формат: сайты в сети Интернет с размещением событий в виде «таймлайнов», на которых в удобном для восприятия виде отображается хронология каких-либо событий; новостные порталы определённой эпохи или посвящённые определённой личности, а также интерактивные карты. Сегодня существует множество проектов и платформ, воплощающих эти идеи в жизнь. Каждая из них требует глубокого и детального изучения для создания качественного продукта, поэтому было принято решение остановиться на одном из видов воплощения культурно-исторического корпуса данных, а именно: на программном продукте хранения и получения данных для дальнейшего формирования интерактивной карты – одного из распространённых сегодня способов мультимедийного преобразования знаний.

Популярность именно такого способа связана прежде всего с преобладанием цифрового (клипового) мышления у современного поколения [13]. Для сохранения культурного наследия следует прежде всего ориентироваться на запросы данного поколения: мультимедийное представление информации является «образовательным трендом», а также и коммерчески более выгодным проектом [14].

В связи с этим работа над созданием культурной географии в цифровой среде обусловлена как необходимостью реактуализации творчества классиков для новых поколений, привыкших к цифровому контенту, так и существующим определённым разрывом между культурным наследием и его восприятием современным поколением. Именно поэтому мы предприняли попытку устранить этот разрыв путём разработки базовой части (backend с возможностью взаимодействия через консоль; в дальнейшем планируется визуализация базы данных и совершенствование консоли управления) подобной цифровой среды для жизни и творчества выдающегося русского поэта В.Ф.Ходасевича. Проект станет важным шагом к созданию цифровой географии культуры, способной оживить литературное наследие с помощью современных технологий.

В этом же и состоит и научная новизна проекта: на настоящий момент не существует геоинформационного пространства, связанного с личностью В.Ф.Ходасевича. Конечно, нельзя не отметить фундаментальную работу по «цифровизации» структурных связей в камер-фурьерском журнале В.Ф.Ходасевича. С помощью технологии сетевого анализа даётся развёрнутая панорама эмигрантского сообщества, с которым был знаком поэт [9]. Однако мы опираемся на более широкий круг источников, предлагая скорее интерактивный корпус произведений В.Ф.Ходасевича с привязкой к биографии. Из близких к нашей идее проектов мы можем назвать только сайты с корпусами текстов автора и информацией о нём¹.

¹ Репозиторий открытых данных по русской литературе и фольклору. URL: <https://dataverse.pushdom.ru/dataverse/openlit> (дата обращения: 03.06.2025). «ImWerden»: Электронная библиотека Андрея Никитина-Перенского. Владислав Фелицианович Ходасевич (1886-1939). URL: <https://imwerden.de/author-276?ysclid=m7pegmisoy981554831> (дата обращения: 03.06.2025).

Н.А.Богомолов пишет о важности биографического контекста при изучении творчества В.Ф.Ходасевича: «Его стихи теснейшим образом сопрягаются с событиями биографии поэта, претворяют их в события генерального мифа о жизни поэта вообще, любого поэта. Следовательно, если мы хотим по-настоящему понять стихи Ходасевича, мы должны постараться реконструировать его биографию, чтобы увидеть за ней не просто события личной жизни поэта, но основу поэтической мифологии» [2, с.6]. Ещё раз подчеркнём, что в нашу задачу пока не входит создание программного продукта, позволяющего реконструировать поэтико-мифологическое жизнетворчество В.Ф.Ходасевича. В статье представлена возможная стратегия создания полноценного программного продукта (backend с возможностью взаимодействия через консоль), управляющего информацией (курсив наш – авторы) о жизни и творчестве В.Ф.Ходасевича, а также предоставляющий возможность добавления подобной информации и о других деятелях культуры. Этот результат, однако, является промежуточным. В дальнейшем планируется интеграция полученного программного продукта, моделирующего геоинформационное пространство автора, практически с любой интерактивной картой с API.

Биография В.Ф.Ходасевича отличается структурированностью жизненных этапов, что особенно важно, когда речь идёт о создании культурной географии в цифровой среде. Опишем этапы в хронологическом порядке:

1) 1886-1908 гг. Детство, молодость автора, его первые поэтические опыты и посещение известных литературных собраний эпохи Серебряного века; кроме того, в этот же период В.Ф.Ходасевич пережил свою первую сильную любовь и первое расставание (М.Э.Рындина). В качестве произведения, проводящего черту между молодостью и писательской зрелостью, был выбран одноимённый сборник – «Молодость» (1908); в качестве историко-литературного фона может быть использована переписка В.Ф. Ходасевича с однокашником по 3-й московской гимназии Александром Яковлевичем Брюсовым, младшим братом поэта В.Я.Брюсова [16];

2) 1908-1917 гг. Предреволюционный период. Короткий, но бурный роман с Е.В.Муратовой, серьёзные отношения с А.И.Чулковой-Гренцион. Кроме того, именно в эти годы был выпущен второй сборник стихотворений В.Ф.Ходасевича – «Счастливый домик» (1910), посвящённый Анне Чулковой-Гренцион, который стал важным шагом на пути поиска себя и своего голоса в мире поэзии [28];

3) 1917-1925 гг. Послереволюционный советский период. В.Ф.Ходасевич принимает революцию, однако вскоре осознаёт невозможность дальше жить в своей стране. В 1920 году он выпускает сборник «Путём зерна», в 1921 г. – книгу стихов «Тяжёлая лира». В этом же году поэт встречается Н.Берберову, которая сыграла одну из важнейших ролей в его жизни. В 1922 пара уезжает в Берлин, чтобы больше никогда не вернуться на Родину: в 1925 году ему и Н. Берберовой будет запрещён въезд в СССР. Историко-литературные и биографические детали

этого периода подробно изложены в довольно объективной (насколько вообще объективны могут быть любые воспоминания) мемуарной книге «Некрополь», основанной «...только на том, чему я сам был свидетелем, на прямых показаниях действующих лиц и на печатных и письменных документах. Сведения, которые мне случалось получать из вторых и третьих рук, мною отстранены. Два-три незначительных отступления от этого правила указаны в тексте» [26, с.17];

4) 1925-1939 гг. Период, который продлится до самой смерти поэта: эмиграция, написание «Некрополя» (1939), расставание с Н.Берберовой и свадьба с О.Б.Марголиной. Важным в логике нашего исследования является «Камерфурьерский журнал» поэта [24], поскольку «Обращение к жанру камерфурьерского журнала предполагает, что попадающие в текст события обладают предельной исторической значимостью и достойны того, чтобы быть зафиксированными во всей полноте» [9, с.19.].

Деятельность В.Ф.Ходасевича как одного из ведущих литературных критиков эмиграции отражена в публикуемых с предисловием и комментариями Н.А.Богомолова переписке с Д.С.Мережковским и письмах к В.Я.Ирецкому [3; 11].

Один из длительных и трудоёмких этапов исследования – это поиск информации для базы данных. Среди наших источников диссертации – статьи, монографии, научные сайты и др. Охарактеризуем основные из них.

По русскому периоду критического творчества В.Ф.Ходасевича мы обращаемся к работам Д.А.Луговской, специализирующейся на описании эстетического феномена, генезиса и культурно-исторического фона очерков, рецензий и критических работ писателя, среди которых, например, важный [25] в творческом становлении доклад о Надсоне [4-7].

Однако указанные источники дают довольно узкоспециализированную информацию. Для полного хронологического описания персоналии В.Ф.Ходасевича мы обратились, во-первых, к диссертации П.Ф.Успенского, охватывающей творчество поэта в биографическом контексте 1900-1917 годов [19], и к монографии [31], хотя и адресованной, прежде всего, западному читателю, тем не менее ставшей первой полной биографией поэта; во-вторых, к сайтам, содержащим корпус прокомментированных трудов персоналии, а также электронные версии изданий поэта (в том числе прижизненных и тех, что являются почти академически полными); в-третьих, к статье Н.А.Богомолова, позволяющей собрать обобщённый материал по жизни и творчеству В.Ф.Ходасевича для соответствующих разделов в базе данных [1; 2]. Также нам были необходимы источники по отдельным произведениям, сборникам или переводам, сыгравших важную роль во всём литературном процессе тех лет. Среди таких произведений, например, «Баллада»¹ (1921), которой посвящена статья в литературоведческом ресурсе «Полка», а также научные работы, посвященные роли поэтических сборников («Европейская ночь» (1927), «Тяжёлая лира» (1923), «Путём зерна» (1920),

¹ Между строк: «Баллада» Владислава Ходасевича. URL: <https://polka.academy/materials/719> (дата обращения: 03.06.2025).

«Счастливый домик» (1913), «Молодость» (1908)), прозаических произведений (будь то детская сказка «Загадки» или фундаментальная биография «Державин») и переводов (польских, еврейских, французских и английских поэтов) [8; 10; 12; 15; 19-23; 26; 30; 32].

Следующим важным разделом в базе данных является информация о работах, написанных о В.Ф.Ходасевиче, например, биография или воспоминания современников. Нельзя не отметить воспоминания жены В.Ф.Ходасевича – А.И.Ходасевич, биографию поэта, написанную В.И.Шубинским, и др. [29; 33].

Для воссоздания духа эпохи в кратких описаниях периодов жизни В.Ф.Ходасевича нами будут использованы отрывки из сохранившихся писем, опубликованных в 4 томе собрания сочинений поэта [27], важные цитаты из них – на сайте Арзамас¹, а также воспоминания современников о поэте [17].

Создание алгоритма эффективного способа поиска источников.

Процесс сбора информации о жизни и творчестве В.Ф.Ходасевича начинается с разработки эвристической стратегии и определения тематических блоков исследования. В отличие от общего обзора, здесь важно выделить конкретные направления: периоды в творчестве, периоды в жизни, взаимодействие с другими персонами и поэтику произведений. Каждое из этих направлений решает свою задачу, важную в контексте определения структуры базы данных.

Источники из ветки выбора темы «Периоды в творчестве» будут использованы для заполнения информации о периодах творчества В.Ф.Ходасевича в соответствующем разделе геоинформационной базы данных. «Периоды в жизни» позволяют выявить информацию, необходимую для определения точных хронологических рамок периодов творчества поэта (детство в Москве, жизнь в Петербурге, эмиграция). Ветка «Взаимодействие с другими персонами» предполагает поиск источников, которые затем станут частью характеристики памятных мест (например, отношения с М.Горьким или Ю.Анненковым для описания характеристик тех или иных памятных мест и адресов В.Ф. Ходасевича). Источники, полученные в ходе поиска по ветке выбора темы «Поэтика произведений», сформируют обширный блок описания прозаических и поэтических опытов В.Ф.Ходасевича.

Далее осуществляется поиск источников по указанным направлениям в различных интернет-ресурсах. Это могут быть как академические платформы – eLibrary² или CyberLeninka³, электронные библиотеки, включая ImWerden⁴ и «ФЭБ»⁵, так и специализированные сайты, посвященные В.Ф.Ходасевичу. На этом этапе формируется предварительный список материалов: книг, статей, диссертаций.

¹ 15 цитат из писем Ходасевича. URL: <https://arzamas.academy/mag/781-khodasevich?ysclid=m7peorck4e798642352> (дата обращения: 03.03.2025).

² eLibrary – научная электронная библиотека. URL: <https://elibrary.ru/defaultx.asp>

³ CyberLeninka – российская научная электронная библиотека. URL: <https://cyberleninka.ru/>

⁴ ImWerden – электронная библиотека. URL: <https://imwerden.de/>

⁵ «ФЭБ» – фундаментальная электронная библиотека. URL: <https://feb-web.ru/>

После сбора данных каждый источник проверяется на достоверность. Для этого оценивается его научная значимость – опубликован ли он в рецензируемом журнале, есть ли ссылки на авторитетные работы или архивные материалы. Если источник вызывает сомнения, его исключают из списка, заменяя на более надёжный вариант.

Следующий шаг – это систематизация найденной информации. Параллельно с ним выявляются связи между работами, например, взаимное цитирование или полемика между исследователями.

Если информации оказывается недостаточно, поиск расширяется: можно изучить библиографические ссылки в уже найденных работах. Новые достоверные источники добавляются в базу данных.

Завершающий этап – фиксация результатов. Все материалы оформляются в единый список, желательно в алфавитном порядке, который затем будет занесён в базу данных в соответствующую таблицу.

Архитектура базы данных

База данных организована в реляционном формате и состоит из четырёх основных категорий таблиц: основных, фактологических, контекстуальных (вспомогательных) и связующих. В нижеприведённом списке в каждой таблице опущено только одно поле – идентификационное. Оно строится по модели «Название таблицы (всё с маленькой буквы; пробелы, опущенные в названии, добавляются в виде нижнего подчёркивания; если в названии есть постфикс -s, то он удаляется) + нижнее подчёркивание + id».

Individuals (о русифицированных названиях таблиц смотреть главу 1.5) – центральная таблица системы. Содержит ключевую информацию о персонах:

- last_name (Фамилия),
- first_name (Имя),
- middle_name (Отчество),
- birth_year (Год рождения),
- death_year (Год смерти).

Фактологические таблицы:

1) FactProse:

- title (Название),
- year_ (Год создания),
- characteristic (Характеристика),
- genre (Жанр),
- individual_id (Ссылка на автора) – внешний ключ,

2) FactCollections:

- title (Название),
- publication_year (Год публикации),
- characteristic (Описание),
- individual_id (Ссылка на автора) – внешний ключ,

3) FactMemorialPlace:

- title (Название места),
- description_ (Описание),

- event_year_start (Год начала),
- event_year_end (Год окончания),
- event_years_description (Описание периода),
- individual_id (Ссылка на персону) – внешний ключ

4) FactTranslationLanguage:

- language_ (Язык),
- individual_id (Ссылка на автора) – внешний ключ,

5) FactTranslation:

- author (Автор перевода),
- language_id (Язык перевода) – внешний ключ,

6) FactPoemTranslation:

- title (Название),
- author_id (Автор перевода) – внешний ключ.

Контекстуальные таблицы

1) Coordinates:

- latitude (Широта),
- longitude (Долгота),
- address_ (Адрес),

2) Files:

- file_name (Имя файла),
- characteristic (Описание),

3) Influence:

- characteristic (Описание влияния),

4) FactBibliography:

- bibliography (Библиографическая запись).

Система связующих таблиц включает в себя 18 таблиц, построенных по модели «сущность-связь» и реализующих связи многие-ко-многим между основными сущностями:

1) Таблицы связи файлов:

- Files_Individuals,
- Files_FactCollections,
- Files_FactTranslation,
- Files_FactProse,
- Files_FactMemorialPlace,

2) Таблицы связи влияния:

- Influence_FactMemorialPlace,
- Influence_FactProse,
- Influence_FactCollections,
- Influence_FactTranslation,

3) Таблицы связи координат:

- Coordinates_FactMemorialPlace,
- Coordinates_FactTranslation,
- Coordinates_FactCollections,
- Coordinates_FactProse,

- 4) Таблицы связи библиографии:
- FactBibliography_FactMemorialPlace,
 - FactBibliography_FactProse,
 - FactBibliography_FactTranslation,
 - FactBibliography_FactCollections,
 - FactBibliography_Influence.

Каждая связующая таблица содержит три поля – идентификаторы связываемых сущностей, а также поле с идентификатором самой таблицы.

База данных для исследования жизни и творчества В.Ф.Ходасевича построена с учётом принципов строгой типизации данных, гибкой системы взаимосвязей и корректной работы с хронологическими данными, что обеспечивает многофакторный анализ разнородной информации.

Архитектура базы данных включает в себя механизмы прикрепления цифровых копий документов и медиафайлов к соответствующим сущностям, что позволяет связать рукописи, фотографии и другие материалы с фактами жизни и творчества В.Ф.Ходасевича. Функционал работы с географическими координатами дает возможность фиксировать места, связанные с жизнью писателя и переводимых им авторов.

Система библиографических ссылок, интегрированная во все компоненты базы, обеспечивает ясность источников информации и удобный доступ к научным работам (О структуре сущности «Влияния» см. подробнее в главе 1.5.)

Структура таблиц служит основой для последующей реализации пользовательского интерфейса взаимодействия с ними. Для упрощения задачи восприятия 29 сущностей (включая сущности-связи), была создана ER-диаграмма в нотации Чена (см. рис.1), где основная и фактологические таблицы связаны с контекстными посредством разных цветов для облегчения восприятия.

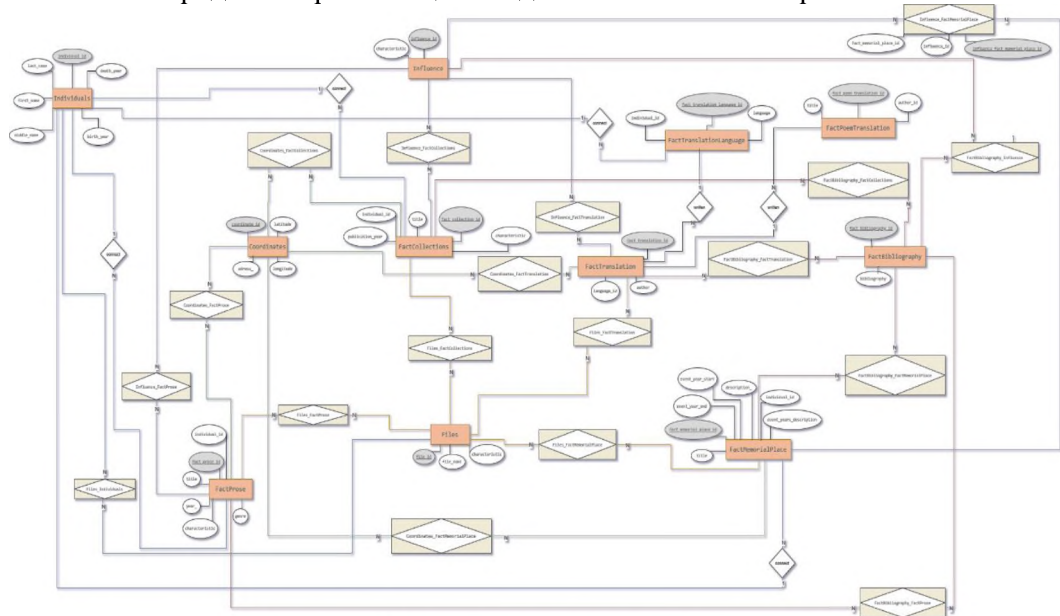

Рис. 1 – ER-диаграмма в нотации Чена

Формирование базы данных: от проектирования до первичного наполнения

После проектирования структуры базы данных и создания таблиц следующий этап – реализация SQL-запросов для первичного наполнения базы данных. Запросы формируются в соответствии с логикой найденных источников, включающих биографические данные, географические координаты, а также факты, связанные с литературной деятельностью В.Ф.Ходасевича. Центральной сущностью стала таблица с основными данными поэта (фамилия, имя, отчество, а также даты рождения и смерти). Важно отметить, что во все атрибуты, требующие даты, можно ввести только год, что связано не только со сложной системой перевода дат из дореволюционной в современную систему летоисчисления, но и с отсутствием у многих фактов жизни и творчества поэта точной датировки. Можно было бы вводить для данных без «точности до дня» условную дату «01.01.0000» (или другой год), однако это создаст вероятность неверной трактовки событий для будущих исследователей, которые будут пользоваться нашей базой данных для более детального изучения генезиса творчества и жизни В.Ф.Ходасевича. Поэтому было принято решение оставить в атрибутах с датой возможность ввести только год.

Географические данные включают в себя значимые места как в текстовом формате, так и в виде координат – от мест проживания в Москве и Петербурге до городов, где публиковались его произведения или жили переведённые им авторы. Среди «географических точек» назовём Берлин, Париж, Москву и так далее.

Также есть таблица, содержащая информацию о памятных местах, данные которых предназначены для информации о памятниках, адресах, музеях, связанных с В.Ф.Ходасевичем.

Литературное наследие структурировано по основным жанрам. Поэтическое творчество представлено сборниками стихов, среди которых выделим «Тяжёлую лиру» с характерной кольцевой композицией и «Европейскую ночь», отражающую влияние идей А.И.Герцена на В.Ф.Ходасевича и т. д.

Прозаические работы включают: биографические исследования В.Ф.Ходасевича (например, биографию «Державин»), мемуарные произведения.

Отдельно систематизирована переводческая деятельность с группировкой по языкам и авторам оригинальных произведений.

Научный контекст обеспечивается таблицей с библиографическими данными. Особая таблица посвящена анализу влияния произведений из базы данных на саму жизнь и другие тексты В.Ф.Ходасевича (подробнее о русифицированных версиях названий сущностей в следующих главах, посвящённых коду и инструкции взаимодействия с ним).

Дополнительные материалы (файлы) включают документы-тексты, фотографии и сканированные версии изданий.

Связующие таблицы заполняются после ввода данных основных таблиц с использованием соответствующих идентификаторов.

Русифицированные соответствия названий таблиц в коде

В консольном интерфейсе программы и в структуре кода используются англоязычные наименования таблиц, которые в рамках русскоязычного проекта

требуют соответствующих аналогов. Приводим ниже все использованные нами соответствия:

- 1) Individuals – персона;
- 2) FactCollections – сборники;
- 3) FactProse – проза (прозаические произведения);
- 4) FactMemorialPlace – памятные места;
- 5) FactTranslation – переводы. Содержит информацию о переводах стихотворений с указанием автора оригинала и языка, на котором было изначально написано произведение;
- 6) Files – файлы;
- 7) Coordinates – координаты;
- 8) FactBibliography – библиография;
- 9) Influence – влияние;
- 10) Connections (в коде не выделено отдельной таблицей, но реализуется логически посредством восемнадцати таблиц, построенных по модели «сущность-связь») – связи между сущностями. Эти связи реализуются технически через промежуточные таблицы (например, Files_FactProse, Coordinates_FactMemorialPlace), хотя напрямую не представлены в меню консольного интерфейса.

Таблица «Влияние» в данном проекте трактуется не как формальная внешняя связь, а как содержательная интерпретация – текстовые записи, отражающие творческое, культурное или биографическое влияние, оказанное на В.Ф.Ходасевича фактами его жизни и творчества. Таблица может включать упоминания авторов, направлений, событий, повлиявших на стиль, мировоззрение автора или выбор им жанров. Кроме того, необходимо отметить, что таким образом в рамках проекта комментируются только ключевые в творчестве поэта «художественные факты» (произведения, памятные места и проч.), однако возможность изменять данные позволяет будущим исследователям дополнять существующую информацию.

Напротив, связи (в техническом смысле слова) – это способ описания отношений между таблицами: например, один и тот же файл может быть связан с несколькими памятными местами или произведениями через промежуточные таблицы, и обратно – памятное место может быть связано с несколькими файлами.

Структура кода и описание меню

Для запуска программы необходимо открыть файл с соответствующий файл и выполнить последовательно все ячейки, начиная с верхней, содержащей импорт библиотек, и заканчивая блоком кода с функцией `user_menu()` и строкой `if __name__ == "__main__": user_menu()`. Именно эта последняя часть запускает основное меню и позволяет пользователю взаимодействовать с системой через консольный интерфейс.

Исходный код программы в файле Jupiter состоит из следующих логических блоков:

- 1) Импорт библиотек. Подключаются необходимые модули: `sqlite3`, `Error` из `sqlite3`, а также `clear_output` из `IPython.display` для очистки вывода в ячейке;

2) Создание базы данных. Выполняется однократный запуск SQL-скрипта `ddl.sql`, содержащего схему базы данных (таблицы, связи и т.д.);

3) Первичное наполнение базы. Используется функция `init_fill_db()`, которая загружает данные из файла `fill_db.sql`, если таблицы ещё пусты. Это предотвращает повторную загрузку одних и тех же данных;

4) Функции чтения данных (Read). Содержат вызовы к базе данных с различными параметрами: по автору перевода, языку, названию и др. Используются для извлечения информации в подменю «Чтение данных» (подробнее об этом и следующих крупных блоках функций – далее);

5) Функции добавления данных (Insert). Позволяют пользователю вводить новую информацию в базу данных – в частности, новые переводы, сборники, прозаические произведения, координаты, влияния и т.п.;

6) Функции обновления данных (Update). Используются для изменения уже существующих записей по каждой из тематических таблиц;

7) Функции удаления данных (Delete). Реализуют удаление записей из таблиц, включая связанные сущности, где это необходимо;

8) Функция отображения периодов жизни Ходасевича – `get_khodasevich_periods()` – позволяет пользователю получить полную информацию об этапах жизни и творчества поэта, включая сами произведения, памятные места, переводы, их «влияние», библиографическое и географическое описание.

9) Главное консольное меню (`user_menu`). Организует интерфейс взаимодействия с пользователем: отображает меню, обрабатывает выбор действий и вызывает соответствующие функции. При запуске программы пользователю отображается консольное меню, с помощью которого осуществляется управление программой и базой данных, посвящённой жизни и творчеству В.Ф. Ходасевича. Главное меню содержит пять пунктов и шестой, дополнительный – выход из меню, – которые можно посмотреть на рис.2.

=== МЕНЮ УПРАВЛЕНИЯ ДАННЫМИ О ХОДАСЕВИЧЕ ===

1. Чтение данных
2. Добавление данных
3. Обновление данных
4. Удаление данных
5. Периоды жизни Ходасевича
0. Выход

Рис.2 – Основное меню

Для взаимодействия с системой необходимо вводить соответствующие номера пунктов. При выборе первой опции чтения открывается подменю, позволяющее выполнять выборку данных по различным критериям. Пользователь может получить информацию о переводах, отсортированных по автору перевода, языку или автору оригинала. Также доступны данные о персонах, сборниках по автору или названию, памятных местах по персоне или наименованию, прозаических

произведениях по автору или названию. Кроме того, можно просматривать данные из таблиц «Файлы», «Координаты», «Влияние» и «Библиография» (подменю чтения данных можно посмотреть на рис.3).

=== ЧТЕНИЕ ДАННЫХ ===

1. Переводы по автору перевода
2. Переводы по языку
3. Переводы по автору оригинала
4. Сборники по автору
5. Сборники по названию
6. Памятные места по персоне
7. Памятные места по названию
8. Проза по названию
9. Проза по автору
10. Персоны по фамилии
11. Данные из таблицы Файлы
12. Данные из таблицы Координаты
13. Данные из таблицы Влияние
14. Данные из таблицы Библиография
0. Назад

Рис.3 – Подменю чтения данных

Переход к подменю добавления данных происходит через пункт 2 основного меню. В этом подменю пользователь выбирает один из пунктов: перевод, сборник, прозаическое произведение, памятное место, персону (в основу программы заложен потенциал работы с данными корпуса фактов, связанных не только с В.Ф.Ходасевичем, но и другими деятелями культуры и истории, что открывает перспективу разработки более крупной геоинформационной системы, включающей в себя информацию о фактах биографии иных деятелей, связанных с поэтом), файл, координаты, влияние или библиография. Подменю обновления данных представлено на рис.4.

=== ДОБАВЛЕНИЕ ДАННЫХ ===

1. Добавить перевод
2. Добавить сборник
3. Добавить прозу
4. Добавить памятное место
5. Добавить персону
6. Добавить файл
7. Добавить координаты
8. Добавить влияние
9. Добавить библиографию
0. Назад

Рис.4 – Подменю добавления данных

Переход к подменю обновления данных происходит через пункт 3 основного меню. Подменю обновления данных предоставляет доступ к редактированию ранее внесённой информации. Интерфейс предусматривает выбор строки, после чего в неё можно внести изменения. Оставив поле пустым, можно сохранить текущее значение. Подменю и функцию «оставить поле пустым» можно посмотреть на рис. 5 и 6.

```

=== ОБНОВЛЕНИЕ ДАННЫХ ===
1. Обновить перевод
2. Обновить сборник
3. Обновить прозу
4. Обновить памятное место
5. Обновить персону
6. Обновить файл
7. Обновить координаты
8. Обновить влияние
9. Обновить библиографию
0. Назад

```

Рис. 5 – Подменю обновления данных

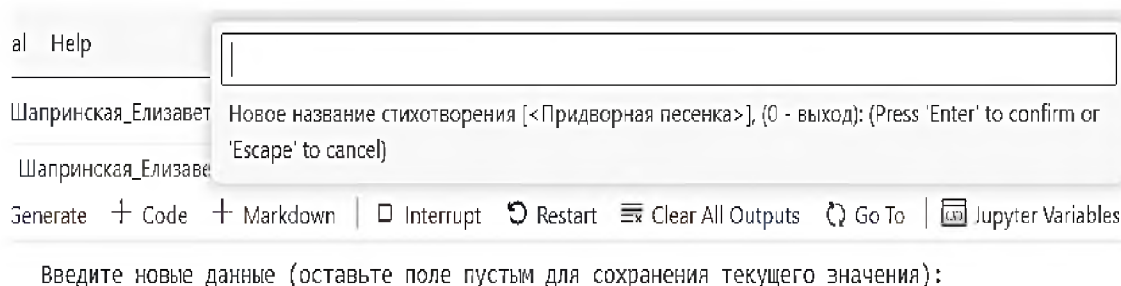

Рис.6 – Функция «оставить поле пустым» в случае, если пользователь хочет сохранить текущее значение поля

Переход к подменю удаления данных происходит через пункт 4 основного меню. Подменю удаления данных предоставляет доступ к удалению ранее внесённой информации. Пользователь может выбрать тип сущности и удалить конкретную запись из неё, всю группу связей, оставив файл, либо удалить файл и всю группу связей. Причём важно отметить, что в этих случаях под удалением связи не подразумевается удаление её объекта. Эта функция доступна для сущностей «Файлы», «Координаты», «Влияние» и «Библиография», от которых зависят многочисленные таблицы, построенные по модели «сущность-связь». Её более подробную реализацию можно посмотреть на рис.7. Для подтверждения удаления необходимо ввести «да», для отмены – Enter, что позволяет избежать случайного удаления данных.

Выбран файл: Kamergersky_pereulok_6_5.jpg

Связей найдено: 1

Связанные записи:

1. Памятное место → Дом детства

Выберите действие (0 - выход):

1. Удалить весь файл и все связи
2. Удалить отдельные связи
3. Удалить все связи, оставить файл
0. Назад

Рис.7 – Удаление связей

Пятый пункт главного меню – просмотр периодов жизни Ходасевича, реализующий корпус геоинформационных запросов, что позволяет пользователю получить доступ к тематико-биографической информации, разбитой на ключевые этапы жизни поэта. Сопутствующие события и произведения отображаются в хронологическом порядке. Каждый факт жизни и творчества автора сопровождается координатным описанием; файлом с медиаконтентом, текстом произведения, библиографией и описанием влияния факта на жизнь и творчество В.Ф.Ходасевича (пример геоинформационного запроса можно посмотреть на рисунке 8, а вид подменю – на рис.9).

2. Квартира Юрия Анненкова

Последний адрес Ходасевича в Петрограде, из которого он уехал в эмиграцию.

Координаты:

- 59.943791, 30.354559, Петербург, Кирочная 11

Файлы:

- Kv_Annenkov.jpg (Квартира Юрия Анненкова)

Влияния:

- Последним петербургским адресом Владислава Феликсовича Ходасевича стала квартира на улице Кирочной, дом 11. Здесь он жил вместе с Ниной Берберовой, и именно отсюда они отправились. Этот адрес стал для Ходасевича не просто последним в череде петербургских квартир – он стал порогом, за которым закончилась его жизнь в России и началась долгая и трудная эмигрантская жизнь.

Библиография:

- Богомолов, Н.А. Жизнь и поэзия Владислава Ходасевича [Текст] / Н.А. Богомолов // Вопросы литературы. – 1988. – №3. – С. 23-61.
 - Первая биография Ходасевича: удаchi и просчеты [Электронный ресурс]. – URL: <https://magazines.eonkv.media/znanie/2013/9/pervaya-biografija-hodasevicha-udachi-i-proschetv.html> (Дата обращения: 10.05.2018)
 - Шубинский, В.И. Владислав Ходасевич: чающий и говорящий / В.И. Шубинский // Москва: Молодая гвардия – 2012. – 521 с.

Нажмите Enter для перехода в предыдущее меню

Рис.8 – Пример результата геоинформационного за

=== ПЕРИОДЫ ЖИЗНИ ХОДАСЕВИЧА ===

=== Выберите интересующий вас период жизни В.Ф. Ходасевича ===

1. 1886 – 1908 гг. Детство, молодость и первые творческие опыты
2. 1908 – 1917 гг. Предреволюционный период
3. 1917 – 1925 гг. Послереволюционный период
4. 1925 – 1939 гг. Эмиграция и последние годы
5. Из разных лет (без точной датировки)
0. Назад

Рис.9 – Подменю вывода периодов жизни Ходасевича

Каждый раздел программы снабжён подсказками, облегчающими навигацию и ввод данных. Возврат к предыдущему меню осуществляется путём ввода нуля или нажатием клавиши Enter.

Такой интерфейс делает работу с базой данных интуитивно понятной даже для пользователя, не обладающего специализированными знаниями в области программирования.

Пользовательские и исследовательские стратегии работы с таблицами-меню

Работа с меню приложения предполагает различные подходы в зависимости от целей пользователя. Как мы предполагаем, одним из распространённых будет пользовательский сценарий, ориентированный на постепенное наполнение базы данных. Например, пользователь может последовательно добавить памятные места, указывая их географические координаты, затем прикрепить к ним файлы (фотографии, документы), после чего вписать необходимую информацию в таблицу «Влияние», отражающую значимость этих мест для В.Ф.Ходасевича. Такая стратегия особенно эффективна при создании комплексного хронологического или пространственного профиля персоналии.

Данные из таблицы «Влияние» усиливают исследовательскую составляющую: они содержат текстовые описания, в которых фиксируются внутренние творческие трансформации. Их сопоставление с переводами, прозаическими произведениями и сборниками позволит в будущем построить не только линейную, но и смысловую карту генезиса Ходасевича как поэта и критика.

Кроме того, возможно проведение геокультурного анализа: связывая координаты памятных мест с событиями жизни поэта, исследователь получает инструмент пространственной визуализации биографии. Сопоставление географических данных с влиянием и произведениями позволяет, например, обнаружить закономерности между пребыванием Ходасевича в определённом городе и появлением новых тем в его текстах.

Если проводить разделительную черту, то можно сказать, что пользовательские сценарии фокусируются на систематическом вводе данных, а исследовательские – на извлечении связей и закономерностей между сущностями, представленными в базе.

Выводы

В ходе создания проекта была реализована первая стадия комплексного цифрового продукта, посвящённого культурной географии жизни и творчества В.Ф.Ходасевича. Работа направлена на решение сразу нескольких актуальных задач гуманитаристики XXI века: сохранение культурной памяти, мультимодальное представление информации, а также формирование инструментов цифровой гуманитаристики, способных заинтересовать как исследователей, так и пользователей, задействованных в сохранении наследия поэта.

Перевод биографических и литературных данных в формат базы данных позволяет не только хранить информацию, но и превращать её в аналитический инструмент. Использование фильтров, взаимосвязанных таблиц, пользовательских и исследовательских стратегий обращения с данными даёт возможность выявлять скрытые связи, проводить перекрёстные анализы и выдвигать литературоведческие гипотезы.

Созданная база данных представляет собой не только инструмент хранения и поиска информации, но и динамичную платформу, ориентированную на обыкновенного пользователя, равнодушного к судьбе творческого наследия В.Ф. Ходасевича. Кроме того, структура программы предполагает возможность включения в неё и других персоналий, связанных с биографией В.Ф. Ходасевича. В будущем, благодаря прямой, а не проектной, как сейчас, интеграции с ГИС (геоинформационной системой), база данных станет полноценной культурной картой, отображающей важные точки литературной биографии в интерактивном формате.

Литература

1. Богомолов Н.А. Владислав Ходасевич в московском и петроградском литературном кругу // Новое литературное обозрение. – 1996. – №14. – С.119-130.
2. Богомолов Н.А. Жизнь и поэзия Владислава Ходасевича // Ходасевич В. Стихотворения. – Л.: Сов. Писатель, 1989. – С.5-48.
3. Из переписки В.Ф. Ходасевича с Мережковскими // Новое литературное обозрение. – 2008. – №90. – С.115-147.
4. Луговская Д.А. В.Ф.Ходасевич в 1905-1907 годах: стратегия критика и становление литературной репутации // Русская литература. – 2020. – №3. – С.199-208. – DOI 10.31860/0131-6095-2020-3-199-208.
5. Луговская Д.А. В.Ф.Ходасевич – литературный критик: поэтика, генезис эстетических взглядов: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.1 / Луговская Дарья Алексеевна. – М., 2022. – 231 с.
6. Луговская Д. А. Как преодолеть кризис символизма с помощью «народнических идеалов»? Критика В.Ф.Ходасевича начала 1910-х годов и доклад Надсон [Электронный ресурс] // Studi Slavistici. –2021. –№18. –С.67-85. – Режим доступа: https://doi.org/10.36253/Studi_Slavici-9837.
7. Луговская Д.А. Статьи В.Ф.Ходасевича 1908-1914 годов: критика прогресса, «мещанства» и поиск новой эстетики // Сборник Матице српске за славистику. – 2021. – №99. – С.251-263.
8. Овчинникова Ю.А. Светообозначения в сборнике стихов В.Ф.Ходасевича «Путём зерна» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – №2, ч.2. – С.149-151.

9. Орехов Б.В. Цифровые подходы к «Камер-фурьерскому журналу» В.Ф.Ходасевича / Б.В.Орехов, П.Ф.Успенский, В.В.Файнберг // Русская литература. – 2018. – №3. – С.19-53.
10. Петрова Г.М. Романтические образы А.Мицкевича в переводах и интерпретации В.Ходасевича // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики. – 2004. – Вып.5, ч.1. – С.124-127.
11. Письма В.Ф. Ходасевича к В.Я.Ирецкому // Новое литературное обозрение. – 2008. – №90. – С.148-162.
12. Роговский А.А. Моделирование образа М.Горького в воспоминаниях В.Ф.Ходасевича // Известия ВГПУ. – 2018. – №1 (124). – С.162-168.
13. Седов В.В. Цифровое мышление и лидерство как ключевые факторы в современном мире // Этносоциум и межнациональная культура. – 2024. – №192. – С.36-46.
14. Смирнова Е.В. Образовательные технологии в системе цифровой образовательной среды / Е.В.Смирнова, И.Л.Ляпин, А.М.Петровский // Проблемы современного педагогического образования. – 2025. – №86-4. – С.266-269.
15. Смирнов М.Н. Мотив двоемирия в поэтическом сборнике В.Ф.Ходасевича «Тяжёлая лира» // Вестник КГУ. – 2010. – №3. – С.143-146.
16. Соболев А.Л. В.Ф.Ходасевич и А.Я.Брюсов. Переписка // Russian Literature. – 2016. – Vol.83/84. – P.259-283.
17. Современники о Владиславе Ходасевиче. – СПб.: Алетейя, 2004. – 413 с.
18. Успенский П.Ф. Творчество В.Ф.Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг. – 1917 г.): дис. ... д-ра филос. по рус. лит-ре / Успенский Павел Фёдорович. –Тарту, 2014. – 215 с.
19. Успенский П.Ф. В.Ф.Ходасевич и А.И.Герцен: о названии и поэтике сборника «Европейская ночь» // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2017. – Т.76, №3. – С.5-22.
20. Ходасевич В.Ф. Белый коридор: Воспоминания. – Нью-Йорк: Серебряный век, 1982. – 314с.
21. Ходасевич В.Ф. Воспоминания о Горьком. – М.: Правда, 1989. – 46 с.
22. Ходасевич В.Ф. Державин. – М.: Книга, 1988. – 326 с.
23. Ходасевич В.Ф. Загадки: Сказка Владислава Ходасевича. – Петербург: Эпоха, 1922. – 15 с.
24. Ходасевич Вл. Камер-фурьерский журнал. – М.: Эллис Лак 2000, 2002. – 480 с.
25. Ходасевич В.Ф. Надсон. Публикация С.Богатыревой // Вопросы литературы. – 1987. – №9. – С.206-224.
26. Ходасевич В.Ф. Некрополь. Литература и власть. Письма Б.А.Садовскому. – М.: СС, 1996. – 466 с.
27. Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т.4 // Некрополь. Воспоминания. Письма. – М.: Согласие, 1997. – С.379-536.
28. Чулкова-Ходасевич А.И. Воспоминания о Владиславе Ходасевиче // Russica-81: Литературный сборник. – Нью-Йорк: Russica Publishers Inc. – 1982. – С.275-293.
29. Шубинский В. И. Владислав Ходасевич: чающий и говорящий. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 521 с.
30. Щедрина Н.М. Творческая самоидентификация Владислава Ходасевича в книге «Державин» [Электронный ресурс] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2022. – Т.22, вып. 4. – С.439-449. – Режим доступа: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-439-449>.
31. Bethea David M. Khodasevich His life and art. – Princeton (N.J.): Princeton university press, cop.1983, – 380 p.
32. Hughes R.P. Wladislaw Chodasiewicz and Polish Romanticism // Language, literature, linguistics. – 1987. – P.89-101.
33. Молодяков В. Первая биография Ходасевича: удачи и просчёты // Знамя. – 2013. – №9. – С.225-227.

**CULTURAL GEOGRAPHY IN THE INFORMATION ENVIRONMENT:
CREATING AN INTERACTIVE MAP OF V.N. F.N. KHODASEVICH'S
CREATIVE DESTINY**

Ovcharenko Alexey Yurievich

Doctor of philological sciences,
professor at the chair of the Russian language and cultural linguistics
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: (+7) 909 165 86 41 (м.)
ovcharenko_avu@pfur.ru

Shaprinskaya Elizaveta Andreevna

Laboratory assistant at the chair of the Russian language and cultural linguistics
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: (+7) 968 462 22 80 (м.)
shaprinskaya_ea@pfur.ru

The article is devoted to the development of a digital project aimed at a multimedia presentation of the cultural heritage of the outstanding Russian poet Vladislav Felitsianovich Khodasevich in the form of an interactive geoinformation map. In the context of the prevalence of digital thinking among modern users, the creation of such projects becomes an important tool for humanitarian research and the popularization of classical literature. The goal of the work was to create a prototype of a software product (backend part) that can store, systematize, and visualize information about Khodasevich's life and work. The novelty of the project lies in the fact that there are no previously created geoinformation resources dedicated to this author. The article describes in detail the structure of the database, which includes biographical, literary, geographical, and bibliographic information, as well as the mechanism for integrating this information into a single digital system. The used architecture supports the attachment of media files, coordinates, influences, and connections between objects. The stages of collecting, verifying, and structuring sources are presented, and a user interaction strategy is proposed. The results obtained allow for both efficient data storage and philological analysis. This project can be an important step in the development of digital humanities and cultural memory in the 21st century.

Keywords: digital humanities; geoinformation system; V.F.Khodasevich; interactive map; database; cultural heritage; literary biography; multimedia presentation.

**ГЕОГРАФИЯИ ФАРҲАНГӢ ДАР МУҲИТИ ИТТИЛООТӢ:
ТАҲИЯИ ХАРИТАИ ИНТЕРАКТИВИИ САРНАВИШТИ
ЭҶОДИИ В.Ф.ХОДАСЕВИЧ**

Овчаренко Алексей Юрьевич

Доктори илмҳои филологӣ,
профессори кафедраи забони русӣ ва лингвوماданшиносӣ
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: (+7) 909 165 86 41 (м.)
ovcharenko_avu@pfur.ru

Шапринская Елизавета Андреевна

Лаборанти кафедраи забони русӣ ва лингвوماданшиносӣ
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: (+7) 968 462 22 80 (м.)
shaprinskaya_ea@pfur.ru

Мақола ба таҳияи лоиҳаи рақамии фарҳангӣ бахшида шудааст, ки ҳадафаш ташкили муаррифии мультимедиавии мероси фарҳангии шоири барҷастаи рус Владислав Фелитсианович Ходасевич дар шакли харитаи геоиттилоотии интерактивӣ мебошад.

Дар шароити афзоиши тафаккури рақамӣ миёни истифодабарандагони муосир, офаридани чунин тарҳҳо ба яке аз абзорҳои муҳими таҳқиқоти гуманитарӣ ва василаи самарабахши таблиғи адабиёти классикӣ табдил меёбад.

Мақсади тадқиқот – ташкили прототипи маҳсулоти нармафзорӣ (қисмати “backend”) мебошад, ки метавонад иттилоотро дар бораи ҳаёт ва эҷодиёти В.Ф.Ходасевич нигоҳ дорад, систематизатсия ва визуализатсия намояд.

Навоварии лоиҳа дар он аст, ки то имрӯз барои ин шоир ягон манбаи геоиттилоотии мукамал вучуд надошт. Дар мақола сохтори пойгоҳи додаҳо муфассал тавсиф ёфтааст, ки маълумоти биографӣ, адабӣ, ҷуғрофӣ ва библиографиро дар бар мегирад ва механизмҳои ҳамгироии онҳоро ба як системаи рақамии ягона шарҳ медиҳад.

Архитектураи истифодашуда имкони замима намудани медиамаҳсулот, координатаҳо, робитаҳо ва таъсири байни объектҳои фароҳам меорад. Дар мақола марҳилаҳои ҷамъоварӣ, санҷиш ва сохторбандии манбаҳо нишон дода шуда, стратегияи ҳамкории корбар пешниҳод гардидааст.

Натиҷаҳои бадастомада имкон медиҳанд, ки маълумот на танҳо самаранок хифз гардад, балки барои таҳлили филологӣ низ истифода бурда шавад. Лоиҳа метавонад як қадами муҳим дар рушди гуманитаристикаи рақамӣ ва хифзи хотираи фарҳангӣ дар асри XXI гардад.

Калидвожаҳо: гуманитаристикаи рақамӣ; низоми геоиттилоотӣ; В.Ф.Ходасевич; харитаи интерактивӣ; пойгоҳи додаҳо; мероси фарҳангӣ; тарҷумаи холи адабӣ; муаррифии мультимедиаӣ.

УДК 811.111'373

**ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКА
ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ В АНГЛИЙСКОМ
И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ**

Джамshedов Парвонахон Джамshedович

Доктор филологических наук,
профессор кафедры иностранных языков
Национальная Академия наук Таджикистана
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 17
Тел.: (+992) 91 900 20 53 (м.)
pjam07@mail.ru

Кобилова Фариза Хурсанджоновна

Соискатель кафедры теории и практики английского языка
Худжандский государственный университет имени академика Б.Гафурова
735700, Республика Таджикистан, Согдийский область, Худжанд,
проезд Мавлонбекова, 1
Тел.: (+992) 93 601 01 33 (м.)
kobilovafariza@gmail.com

В статье представлены подходы к интерпретации понятия «дискурсивный маркер» в лингвистической литературе, раскрываются трудности терминологического разграничения данного языкового элемента в разных лингвистических традициях. Особое внимание уделяется функциональной роли маркеров: организации текста, выражению эмоций, модальности, структурированию устной речи. Проведен сравнительный анализ наиболее употребимых маркеров обоих языков, выделены их сходства и различия, показаны национально-культурные особенности их использования. Приводятся примеры из диалогической речи, подтверждающие универсальность функций маркеров и специфику реализации в разных языках. Рассматриваются вопросы их переводимости и места при обучении иностранным языкам. Делается вывод о необходимости межкультурного подхода к изучению дискурсивных маркеров и их роли в формировании естественной, аутентичной коммуникации на английском и таджикском языках.

Ключевые слова: дискурсивные маркеры; английский язык; таджикский язык; межкультурная коммуникация; сравнительный анализ; вводные слова; национальные особенности; перевод; функции маркеров.

Вопрос о роли дискурсивных маркеров в языке сегодня уже нельзя назвать новым, но он по-прежнему вызывает массу дискуссий и пересмотров – как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике. Дискурсивные маркеры – это ма-

ленькие, зачастую почти незаметные слова и выражения, которые, на первый взгляд, не несут значимой смысловой нагрузки. Тем не менее, D.Shiffrin и М.Рахматуллоева признают «Без них невозможно представить себе ни повседневный диалог, ни структурированное письменное высказывание. В английском языке, например, сложно вообразить живую речь без “well”, “so”, “you know”, а в таджикском такие элементы, как «хӯш», «яъне», «ба фикрам», давно стали неотъемлемой частью повседневного общения» [8, с.23; 3, с.17].

По мнению В.Fraser и К.Aijmer, «одна из причин, по которой эта тема продолжает привлекать внимание исследователей – это неразрешённые до сих пор терминологические сложности». В разных языках и даже в рамках одной научной школы используется разная терминология: “discourse markers”, “pragmatic markers”, “connectives”, “дискурсивные слова”, “частицы” и другие обозначения» [6, с.36; 4, с.41]. Каждый из этих терминов выделяет отдельные аспекты их функционирования, что часто запутывает даже опытных лингвистов.

Для нас особый интерес представляет сопоставление дискурсивных маркеров в английском и таджикском языках. Как справедливо отмечает тажикский исследователь С.Мухаммадиева, «если в англоязычных исследованиях такие слова изучены достаточно глубоко, то в таджикском лингвистическом пространстве до недавнего времени этому аспекту уделялось заметно меньше внимания» [2, с.63]. Это при том, что дискурсивные маркеры есть в любом языке, просто их проявления и функции могут отличаться в зависимости от национальных традиций, коммуникативных норм и исторического развития языка.

Еще одну важную причину актуальности вопроса называют такие ученые, как А.Н.Баранов и D.Crystal, – это преподавание иностранных языков и перевод. Даже опытные переводчики часто испытывают трудности при передаче подобных “малых” элементов: иногда они оказываются лишними, а иногда, наоборот, их отсутствие делает речь неестественной [1, с.3; 5, с.89]. Для преподавателей английского и таджикского языков осознанная работа с дискурсивными маркерами становится важнейшей частью формирования коммуникативной компетенции.

Таким образом, изучение дискурсивных маркеров обусловлено не просто академическим интересом. Их осмысление дает возможность лучше понять, как функционирует живая речь, как создаётся ощущение “настоящего” диалога и, в конечном счёте, как языки сближаются и различаются в деталях.

Пожалуй, одно из самых больших препятствий для системного и сопоставительного изучения дискурсивных маркеров – это отсутствие единой устоявшейся терминологии. Как ни странно, даже в англоязычной научной традиции, где вопросы прагматики и дискурса разрабатываются уже не одно десятилетие, исследователи до сих пор спорят о том, как правильно называть эти языковые элементы, что к ним относить, а что – нет. А когда дело доходит до других языков, в том числе до таджикского, терминологическая путаница становится ещё более заметной.

В англоязычных работах чаще всего встречается термин *discourse markers*, который активно использовала Дебора Шифрин в своей монографии [8]. Однако

встречаются работы, например, В. Fraser «Pragmatic markers» [6] и К. Aijmer «Discourse particles» [4], где используются термины *connectives*, *cue phrases* и даже просто *fillers*. Каждый термин отражает разные стороны явления. Например, «*pragmatic marker*» подчеркивает роль таких слов в выражении отношений между участниками коммуникации; «*discourse marker*» – организационную функцию в потоке речи; «*discourse particle*» – их статус как самостоятельных лексических единиц, зачастую не имеющих конкретного значения.

В русском научном дискурсе так же нет единого мнения. А.Н. Баранов указывает на то, что здесь можно встретить то «*дискурсивные маркеры*» [1, с.14], то «*дискурсивные слова*», «*дискурсивные маркеры*», иногда даже «*частицы*» или «*вводные слова*». Причём границы между ними весьма размыты: где заканчиваются частицы и начинаются дискурсивные маркеры – вопрос, по сути, открытый».

С таджикским языком ситуация еще интереснее. Например, С. Мухаммадиева и М. Рахматуллоева пришли к заключению, что в научной и учебной литературе чаще всего фигурируют выражения типа «*калимаҳои кӯмакрасон*» (букв. – вспомогательные слова), «*калимаҳои робитасоз*» (связующие слова), но именно термин «*дискурсивный маркер*» встречается редко и почти всегда – как калька из русского или английского» [2, с.61; 3, с.76]. В обиходной речи педагоги и вовсе предпочитают использовать привычные термины вроде «*вводное слово*» или «*мол*».

Другая проблема – что же именно считать дискурсивным маркером? Например, по В. Fraser, – это английское “well”, которое почти во всех исследованиях включается в этот список, а вот “and”, “but”, “so” – где-то относятся к маркерам, а где-то – к союзам» [6, с.37]. В таджикском языке ситуация ещё сложнее: те же слова «хӯш» или «яъне» иногда рассматривают как частицы, иногда – как вводные слова, а иногда – именно как маркеры дискурса [2, с.55].

Ряд исследователей, такие как D. Schiffrin и G. Redeker предлагают выделять дискурсивные маркеры по функциональным признакам [8, с.93; 7, с.1139-1172]:

- Они не влияют на грамматическую структуру предложения и могут быть убраны без потери смысла;
- Их основная функция – структурирование, организация, модификация высказывания, а не выражение его предметного содержания;
- Они чаще всего встречаются в устной, а не письменной речи;
- Они сигнализируют о намерениях и установках говорящего, формируют отношение к собеседнику или к собственной речи.

Однако даже при таком подходе возникают пограничные случаи. Например, “actually” в английском иногда играет роль вводного слова, иногда – маркера переформулировки, а иногда – просто уточнения. В таджикском языке «ба фикрам» (“по-моему”) также может быть либо самостоятельной репликой, либо маркером субъективности, либо просто частью фразы.

Следует отметить, что в англоязычных исследованиях, как правило, гораздо больше внимания уделяется прагматическим, коммуникативным и социолингвистическим функциям маркеров. В то же время С. Мухаммадиева полагает, что в

отечественной традиции акцент часто смещается в сторону синтаксической или лексико-грамматической стороны [1, с.23; 2, с.110]. То есть английское “well” и таджикское «хӯш» выполняют сходную функцию (смягчение, заполнение паузы, смена темы), но описываются по-разному: в одном случае как прагматический сигнал, в другом – как частица или междометие.

Это создает большие трудности для сопоставительных и переводческих работ. Например, переводчики часто не знают, что делать с такими маркерами: опускать, заменять, искать функциональный эквивалент или оставлять без перевода? Более того, даже сами носители языка не всегда способны объяснить, зачем они употребляют те или иные маркеры – это часть живой устной традиции, которая интуитивно осваивается в процессе социализации.

Ещё одна проблема – так называемая полифункциональность: одно и то же слово в разных контекстах может выполнять функции и союза, и частицы, и дискурсивного маркера. Например, “so” в английском может быть союзом (“So I went home”), может быть маркером вывода (“So, what do you think?”), а может – заполнять паузу (“So... I don’t know”). В таджикском “яъне” иногда выполняет функцию объяснения, а иногда – служит чисто формальным переходом между частями реплики.

Таким образом, несмотря на то, что предпринимаются серьезные усилия дать строгое определение дискурсивным маркерам, они наталкиваются на реальные языковые практики, которые гораздо богаче и разнообразнее любой классификации [4, с.147].

В последние десятилетия интерес к дискурсивным маркерам заметно вырос во всех языках, но особенно много работ появилось по английскому. Это объяснимо: английский язык стал своего рода «лабораторией» для изучения разговорной коммуникации, и маркеры здесь буквально на каждом шагу. Так, по мнению С.Мухаммадиевой и М.Рахматуллоевой считают, что в таджикском языке подобные элементы также присутствуют, хотя их традиционно изучали в рамках других грамматических категорий – например, как вводные слова, частицы или связки [2, с.132; 3, с.184].

B.Fraser и D.Schiffrin подчеркивают простыми словами, дискурсивные маркеры – это такие слова или выражения, которые не несут прямого лексического значения, но очень сильно влияют на то, как воспринимается и строится речь. Они служат своеобразным «клеем», который скрепляет разные части высказывания, организует диалог, помогает собеседникам лучше понимать друг друга [8, с.210; 6, с.49].

Попробуйте вспомнить обычную живую беседу – вы наверняка заметите, что в ней почти всегда есть такие слова, как “well”, “so”, “you know” в английском или «хӯш», «яъне», «ба фикрам» в таджикском. Без них речь кажется сухой, «неживой», слишком книжной. Вот почему дискурсивные маркеры часто называют «смазкой» для разговора.

Большинство современных исследователей, такие как G.Redeker и D.Schiffrin, выделяют следующие признаки дискурсивных маркеров [8, с.19; 7, с.1170]:

- Слабая или отсутствующая лексическая нагрузка: если убрать маркер из предложения, его основной смысл обычно не изменится.

- Гибкость позиции: маркер может стоять в начале, середине или конце высказывания.

- Функциональность: основная задача – организация потока речи, а не сообщение новой информации.

- Частота в устной речи: они встречаются гораздо чаще в разговоре, чем в письменных текстах.

- Эмоциональная окраска или выражение отношения: они помогают говорящему выразить сомнение, согласие, удивление и т.д.

В английском языке существует несколько определений, но в основе почти всех лежит идея о том, что дискурсивный маркер – это слово или выражение, помогающее структурировать речь, сигнализировать об отношении говорящего и организовать взаимодействие с собеседником.

Д.Шифрин приводит следующее классическое определение: *“Discourse markers are sequentially dependent elements which bracket units of talk”* [8, с.178]. То есть это «элементы, которые структурируют и выделяют отдельные части речи».

В более прикладном смысле, дискурсивные маркеры в английском выполняют функции:

- вступления в диалог (“well”, “so”);
- перехода между темами (“by the way”, “anyway”);
- выражения уточнения или противопоставления (“actually”, “on the other hand”);
- заполнения паузы (“like”, “you know”).

Примеры:

“Well, I think we should try again.”

“So, what do you want to do?”

“Actually, that’s not what I meant.”

“You know, it’s really hard to say.”

В.Fraser обращает особое внимание на тот факт, что в формальной письменной речи такие маркеры появляются редко, а вот в устной они встречаются постоянно [6]. В таджикском языке явление дискурсивных маркеров тоже хорошо известно, хотя традиция их изучения начала складываться сравнительно недавно. До сих пор многие такие элементы относили к частицам, междометиям, вводным словам или просто «связующим» [2].

Вот как описывает эти единицы С.Мухаммадиева: «Вспомогательные и связующие слова – это элементы речи, которые служат для соединения частей предложения, выражения эмоций, пояснения или выражения мнения» [2, с.24]. То есть, это такие слова, которые помогают соединять части фразы, выражать эмоции, уточнять или передавать мнение.

Типичные таджикские маркеры:

- «хӯш» – для привлечения внимания или заполнения паузы;

- «яъне» – пояснение, как “то есть”;
- «ба фикрам» – выражение субъективного мнения, как “по-моему”;
- «хамин тавр» – подведение итога, как “таким образом”;
- «масалан» – пример, как “например”.

Примеры:

«*Хӯш, ба фикрам, мо дер кардем*» (Так, по-моему, мы опоздали)

«*Яъне, ту розӣ нестӣ?*» (То есть ты не согласна?)

«*Хамин тавр, мо метавонем идома диҳем*» (Таким образом, мы можем продолжить).

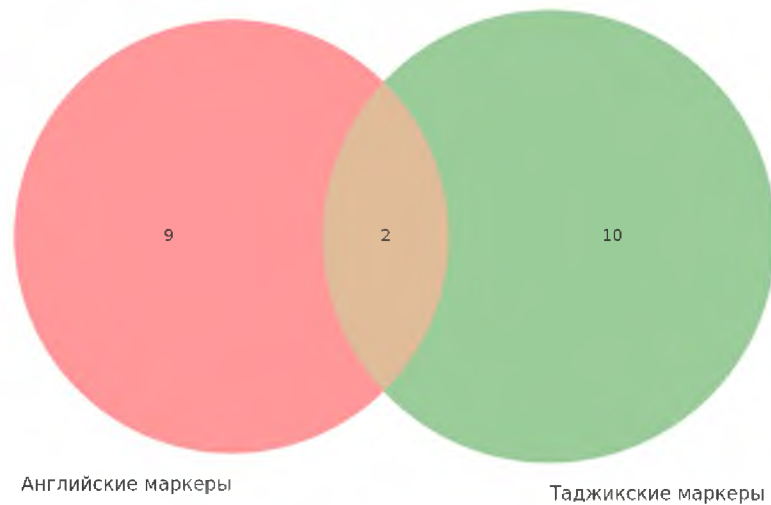
Хотя в обоих языках выделяют примерно одни и те же функции и критерии, всё же есть различия в трактовке. В английской традиции акцент делается на прагматике, на коммуникативной нагрузке маркеров. В таджикской – больше на формальной стороне, синтаксисе и роли таких слов в структуре предложения. Например, в англоязычных работах на первый план выходит то, каким образом дискурсивные маркеры способствуют управлению диалогом, выражению эмоций, регулированию хода коммуникации между собеседниками [8, с.83; 6, с.19]. D.Crystal подчеркивает: маркеры – это не просто «балласт», а живой инструмент передачи интонации, уточнения, выражения согласия или сомнения. Даже то, как распределяются паузы и вставные конструкции вроде “well” или “you know”, может многое рассказать о стиле, намерении, эмоциональном состоянии говорящего [5, с.223].

В таджикском языке, считают С.Мухаммадиева и М.Рахматуллоева, наоборот, акцент часто делается на то, где именно располагается маркер в предложении, какую синтаксическую функцию он выполняет и к какой части речи его следует отнести [2, с.64; 3, с.43]. Например, «ба фикрам» (“по-моему”), «яъне» (“то есть”), «хӯш» чаще классифицируются как вводные слова или частицы, а их прагматическая функция остается на втором плане. В практических грамматиках встречаются даже попытки прописать строгие правила употребления подобных слов – хотя на деле в живой устной речи они очень вариативны.

Таким образом, несмотря на общие функции, специфика и набор дискурсивных маркеров в английском и таджикском языках формируются под влиянием национальных традиций, норм вежливости и жанровых особенностей коммуникации. Для большей наглядности основные дискурсивные маркеры в английском и таджикском языках представлены на следующей схеме пересечения (диаграмма 1).

Диаграмма 1

Пересечение дискурсивных маркеров в английском и таджикском языках

Есть и культурные различия. В английском языке дискурсивные маркеры зачастую отражают стремление говорить максимально непрямо, смягчать категоричность, показывать гибкость позиции. Например, вместо прямого несогласия: I don't think so. - часто используется: - Well, I'm not sure... или: - Actually, I see it differently.

В таджикской устной традиции многие маркеры также служат для выражения уважения и деликатности, но при этом вежливость чаще достигается не только подбором дискурсивных слов, но и построением всей фразы, использованием дополнительных формул обращения, дублирующих вежливость («лутфан», «илтимос» и т.д.).

В итоге можно сказать, что оба языка сходятся в том, что дискурсивные маркеры – это “инструменты коммуникации”, обеспечивающие гибкость, спонтанность и естественность диалога. Но английская традиция делает акцент на их роли в управлении дискурсом, а таджикская – на структурных и синтаксических параметрах, формальном распределении таких слов в предложении.

Разумеется, в современной лингвистике эти подходы всё чаще смешиваются, и исследователи признают: чтобы по-настоящему понять, как работают дискурсивные маркеры, нужно учитывать и структуру, и прагматику, и особенности каждой языковой культуры [4, с.72; 7, с.1163]. Именно поэтому сопоставительные исследования маркеров становятся все более востребованными: они позволяют не только “посчитать” частотность, но и раскрыть культурные коды, которые скрываются за этими, казалось бы, незаметными словами.

Сравнительный анализ английских и таджикских дискурсивных маркеров позволяет увидеть, насколько универсальны их функции, и как по-разному они реализуются в разных языках.

D.Schifffrin, B.Fraser и G.Redeker, классифицируя дискурсивные маркеры, делят их на несколько основных групп по коммуникативным функциям [8, с.97; 6, с.52; 7, с.1156]:

- Связующие: указывают на логические связи между фрагментами текста или диалога (например, английские *so, anyway*; таджикские *ҳамин тавр, дигар*);
- Поясняющие и уточняющие: здесь присутствуют примеры, переформулировка или уточнения (*for example, actually*; масалан, яъне);
- Выражение мнения, эмоции, субъективности: позволяют выразить неуверенность, удивление, согласие, мнение (*I guess, you know, well*; ба фикрам, медонӣ, э);
- Организационные: структурируют диалог, управляют очередностью, помогают менять тему или возвращаться к ней (*by the way, anyway*; ростӣ, ҳамин тавр).

Рассмотрим, как это проявляется в реальных примерах:

Английский:

- *Well* – универсальное выражение начала или реакции: *Well, I think we should try something else.*
- *So* – передает сигнал перехода, переключения: *So, what are we going to do now?*
- *You know* – приглашение к взаимопониманию, привлечение внимания: *It was, you know, really strange.*
- *Actually* – уточнение, возможное несогласие: *Actually, I don't agree.*
- *Like* – модный молодежный маркер, заполнитель паузы: *She was like, totally shocked.*

Таджикский:

- *Хӯш* – универсальный маркер паузы, эмоций, начала: *Хӯш, ба фикрам ин дуруст нест.*
- *Яъне* – пояснение, уточнение: *Яъне, ту намераӣ?*
- *Ба фикрам* – мягкое, деликатное введение мнения: *Ба фикрам, мо дер омадем.*
- *Ҳамин тавр* – итог, завершение: *Ҳамин тавр, мо метавонем суҳанҳои гуфтаи муаллифро дар ҳулоаи худ тасдиқ намоем.*
- *Масалан* – введение примера: *Масалан, ман ҳар рӯз китоб мехонам.*

К.Aijmer и М.Рахматуллоева утверждают, что сходство между ними заключается в универсальности самих их функций: оба языка используют маркеры, чтобы облегчить коммуникацию, сделать речь плавной, логичной, показать отношение говорящего к теме или к собеседнику [4, с.52, 3, с.16].

Еще одно сходство – маркеры наиболее часто встречаются в устной, спонтанной речи, где заранее сформулировать фразу не всегда возможно. Они позволяют выигрывать время для обдумывания ответа (“well...”, «э...»), смягчать категоричность высказывания или просто «держать» диалог (Crystal, 2010).

Однако при внешней схожести функций маркеров есть и яркие различия, которые отражают культурные и языковые традиции.

Американский лингвист D.Schiffrin, специалист в области дискурс-анализа и социолингвистики, говорит о том, что в английском некоторые маркеры, например, *like*, *you know*, активно переходят в молодежный сленг, а другие (*well*, *actually*) можно встретить и в формальном общении, но в ограниченном количестве [8, с.79]. С.Мухаммадиева и М.Рахматуллоева указывают на то, что, в таджикском некоторые маркеры, напротив, строго ограничены устной разговорной речью и практически не используются в официальной письменной коммуникации. К примеру, такие слова, как «хӯш» или «яъне», редко встретишь в академических текстах или деловой переписке, их уместность ограничена неформальным, часто эмоционально окрашенным общением [2, с.41; 3, с.77]. Даже такие маркеры, как «ба фикрам» или «масалан», хотя и допустимы в публицистике, всё же гораздо естественнее звучат в повседневных диалогах.

Английский язык, особенно в британской традиции, отличается определённой сдержанностью и часто требует от собеседника избегать пауз. Поэтому маркеры вроде *“well”*, *“so”*, *“you know”* заполняют возможные разрывы, поддерживая непрерывность диалога и позволяя обдумывать ответ. В таджикском разговоре паузы допустимы и даже могут служить элементом вежливости – для того, чтобы не перебивать, дать собеседнику время сформулировать мысль. Маркеры в таджикском часто служат для оформления уважительного или осторожного отношения, иногда – для смягчения прямоты суждения («ба фикрам», «ба назарам»).

Роль вежливости и уважения. В таджикской устной традиции дискурсивные маркеры часто используются как средство выражения деликатности, скромности, уважения к собеседнику. Даже выражая несогласие, носитель таджикского языка предпочитает начать с мягкой вводной:

— *Ба фикрам, ин дуруст нест...*

— *Ба назарам, мумкин хато мекунам, вале...*

V. Fraser считает, что в английском языке это чаще выражается через интонацию, использование модальных глаголов или специальных вежливых оборотов. Тем не менее, маркеры вроде *“I guess”*, *“maybe”*, *“well”* тоже помогают сделать речь менее категоричной, что соответствует принципу «не быть слишком прямым» [6].

Вместе с тем, некоторые маркеры отражают именно национальную специфику мышления и общения. Например, английское *“like”* стало в 21 веке не только заполнительным элементом, но и модным идентификатором молодежной речи, а *“you know”* часто выступает способом установить неформальный контакт даже между малознакомыми людьми. В таджикском языке есть маркеры, отражающие местные традиции, например, использование фраз *“ба ростӣ”* (по правде говоря) или *“боз”* (еще, к тому же) для плавного перехода от одной темы к другой.

Часто наблюдается ситуация, когда при переводе с английского на таджикский (или наоборот) подобные маркеры теряются или переводятся не дословно, а функционально. Например, английское слово *“well”* можно перевести как «хӯш», однако в некоторых контекстах этот маркер в таджикском языке может показаться слишком простым или даже неуместным. В таких случаях переводчик вынуж-

ден переосмысливать всю фразу или искать другой эквивалент, чтобы сохранить нюансы значения.

В итоге, маркеры – это всегда элемент, требующий гибкого, контекстуального подхода.

В современном языковом пространстве наблюдается тенденция к расширению функций отдельных маркеров, их адаптации под новые жанры общения (например, мессенджеры, социальные сети). Так, в таджикских чатах или голосовых сообщениях все чаще можно встретить устные маркеры (“хӯш”, “яъне”, “ба фикрам”), которые раньше считались исключительно «разговорными». В английском “like” или “you know” давно стали частью не только устной, но и письменной неформальной коммуникации, даже в блогах или твитах.

Итак, сравнительный анализ показывает: несмотря на внешние различия, дискурсивные маркеры выполняют в английском и таджикском языках схожие функции – делают речь связной, выражают отношение говорящего, помогают регулировать динамику диалога и отражают национальные культурные особенности общения. При этом специфика каждого языка проявляется в деталях: это может быть частотность маркеров либо их роль в формальной/неформальной среде, либо в оттенках значения, которые они помогают донести.

Именно поэтому сопоставительное изучение данного языкового явления важно не только для лингвистов, но и для преподавателей, переводчиков, всех, кто стремится понять и использовать язык максимально естественно и аутентично.

Литература

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учеб. пособие. – 4-е изд., стереотип. – М.: Флинта; Наука, 2012. – 592 с.
2. Мухаммадиева С. Вспомогательные слова на таджикском языке. – Душанбе: Маориф, 2013. – 176 с. (на тадж.яз.)
3. Рахматуллоева М. Таджикский разговорный язык. – Душанбе: Ирфон, 2016. – 232 с. (на тадж.яз.)
4. Aijmer K. English Discourse Particles. – Amsterdam: John Benjamins, 2002. – 232p.
5. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 496 p.
6. Fraser B. Pragmatic Markers // Pragmatics. – 1999. – Vol.9, №2. – P.167-190.
7. Redeker G. Linguistic markers of discourse structure // Linguistics. – 1991. – Vol.29. – P.1139-1172.
8. Schiffrin D. Discourse Markers. – Cambridge: Cambridge university press, 1987. – 328 p.

**TERMINOLOGICAL DEFINITION AND CHARACTERISTICS OF
DISCURSIVE MARKERS IN THE ENGLISH AND TAJIK LANGUAGES**

Jamshedov Parvonakhon Jamshedovich

Doctor of philological sciences
professor of the chair of foreign languages
National Academy of sciences of Tajikistan
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave., 17-30
Ph.: (+992) 91 900 20 53 (m.)
pjam07@mail.ru

Kobilova Fariza Khursandjonovna

Competitor for a degree of the chair of theory and practice of the English language
Khujand state university named after B. Gafurov
735700, Republic of Tajikistan, Sughd Region,
Khujand, Mavlonbekov passage, 1
Ph.: (+992) 93 601 01 33 (m.)
kobilovafariza@gmail.com

This article presents approaches to interpreting the concept of "discourse marker." The linguistic literature reveals the difficulties in terminologically distinguishing this linguistic element in different linguistic traditions. Special attention is paid to the functional role of markers: text organization, emotional expression, modality, and structuring of oral speech. A comparative analysis of the most commonly used markers in both languages has been conducted, highlighting their similarities and differences, and demonstrating national and cultural characteristics of their use. Examples from dialogic speech are given, confirming the universality of marker functions and the specific implementation in different languages. Issues of their translatability and place in foreign language teaching are considered. A conclusion is drawn regarding the need for an intercultural approach to the study of discursive markers and their role in the formation of natural, authentic communication in English and Tajik.

Keywords: discursive markers; English language; Tajik language; intercultural communication; comparative analysis; introductory words; national characteristics; translation; marker functions.

**ТАВСИФИ ТЕРМИНОЛОҒИ ВА ХУСУСИЯТҲОИ МАРКЕРҲОИ
ДИСКУРСИ ДАР ЗАБОНИ АНГЛИСИ ВА ТОҶИКӢ**

Ҷамшедов Парвонахон Ҷамшедович

Доктори илмҳои филологӣ,
профессори кафедраи забонҳои хориҷӣ
Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёб. Рӯдакӣ, 17/30
Тел.: (+992) 91 900 20 53 (м.)
pjam07@mail.ru

Қобилова Фариза Хурсандҷоновна

Довталаби кафедраи назария ва амалияи забони англисӣ
Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Б. Ғафуров
735700, Ҷумҳурии Тоҷикистон, вилояти Суғд, Хучанд,
кӯч. Мавлонбеков, 1
Тел.: (+992) 93 601 01 33 (м.)
kobilovafariza@gmail.com

Дар мақола муносибатҳои гуногун ба таъбири мафҳуми «маркерҳои дискурси» шарҳ дода мешаванд, дар адабиёти забоншиносӣ мушкилот вобаста ба муайянсозии терминологӣ, ки дар мактабҳои гуногуни лингвистӣ вучуд доранд, баррасӣ мегарданд. Таваҷҷӯҳи махсус ба он равона карда мешавад, ки маркерҳои дискурси дар ташкили матн, ифодаи эҳсосот, расонидани маъноҳои модалӣ ва танзими нутқи шифоҳӣ нақши муҳим доранд. Аз муқоисаи маркерҳои бештар истифодашавандаи забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ шабоҳату ихтилофоти онҳо равшан гардонида шуда, хусусиятҳои милли-фарҳангии истифодаи ин унсурҳои забонӣ нишон дода мешаванд. Мисолҳо аз нутқи муқоламавӣ оварда мешаванд, ки ҳам умумияти функционалии маркерҳоро тасдиқ мекунанд ва ҳам вижагӣҳои ба ҳар забон хосро равшан месозанд. Ҳамчунин масъалаи тарҷумаи онҳо ва ҷойгоҳашон дар таълими забонҳои хориҷӣ таҳлил карда мешавад. Дар натиҷа ҳулоса бароварда мешавад, ки омӯзиши маркерҳои дискурси бояд бар асоси назариёти байнимадании муошират сурат гирад, зеро онҳо дар ташаккули нутқи зинда, табиӣ ва мувофиқ ба меъёрҳои коммуникатсионии англисӣ ва тоҷикӣ нақши калидӣ доранд.

Калидвожаҳо: маркерҳои дискурси; забони англисӣ; забони тоҷикӣ; коммуникатсияи байнимаданӣ; таҳлили муқоисавӣ; калимаҳои муқаддимаӣ; хусусиятҳои милли; тарҷума; вазифаи маркерҳо.

УДК 821.161.1=222.8=222.1

**К ВОПРОСУ О ПЕРЕДАЧЕ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ДОМИНАНТЫ:
ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ
АДЕКВАТНОГО ПЕРЕВОДА**

Султанова Рафохат Мирзоевна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры современного русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 80 666 66 68 (м.)
rafoat10@mail.ru

Сакаева Лилия Радиковна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры лингвистического образования
для иностранных студентов
Институт международных отношений, истории и востоковедения
Казанский федеральный университет
420111, Россия, Республика Татарстан, Казань, ул. Пушкина, 1/55
Тел.: +7 917 225 04 00 (м.)
liliasakaeva@rambler.ru

Настоящее исследование посвящено анализу таджикского и персидского переводов романа Л.Н.Толстого «Анна Каренина» в аспекте воспроизведения стилистической доминанты оригинала, представленной преимущественно метафорами и эпитетами. В качестве основного материала рассмотрены описания лиц персонажей – как выразительные средства передачи их внутреннего состояния, через акцент на телесной пластике.

Уточняется, что под стилистической адекватностью понимается сохранение художественной индивидуальности текста оригинала, включая его образность, экспрессивность и структурную выразительность. Переводческие трансформации трактуются как осмысленные изменения языковых средств, направленные на достижение функционально-стилистической эквивалентности при переходе между языками.

Выявлено, что в обоих переводах из большого количества видов переводческих трансформаций активно применяются такие трансформации, как лексическое добавление и лексическая замена, однако степень их оправданности варьируется. По причине больших расхождений в грамматических системах исходного и целевых языков широкую реализацию нашли и грамматические трансформации. Установлено, что преобладающая часть рассмотренных фрагментов при переводе сохранила образность и экспрессивность, несмотря на искажение информационного содержания оригинала и изменении компонентного состава образной единицы.

В целом установлено, что таджикский перевод ближе к оригинальному тексту по стилистическим параметрам и демонстрирует большую точность в передаче авторской манеры. Таким образом, трансформации рассматриваются как средство сохранения стилистической специфики оригинала при межкультурной адаптации.

Ключевые слова: русский язык; таджикский язык; персидский язык; стилистическая адекватность; переводческие трансформации; лексическая замена; лексическое добавление; грамматическая трансформация; метафора; эпитет; образность; информационное содержание; компонентный состав.

В современной теории перевода одной из наиболее значимых задач является проблема воспроизведения стилистических особенностей текста, вызывающая пристальный интерес как у теоретиков-переводоведов, так и у лингвистов-практиков. Художественный текст является важным инструментом в процессе межкультурного общения, его исследование в сопоставительном плане привлекает внимание многих ученых [10].

Правильная передача образности текста обеспечивает адекватное понимание читателем авторского замысла, отражённых автором эмоциональных состояний, а также нюансов значений и различных оттенков смысла. Стилистические средства языка, отклоняясь от нейтральных норм, усиливают выразительность текста, акцентируют внимание на отдельных деталях или явлениях и побуждают читателя к глубокому осмыслению произведения и формированию собственного мнения. Роль стилистических фигур и тропов заключается не только в передаче языковой и сюжетной информации, но и в отражении эмоционального, эстетического и интеллектуального опыта автора. Будучи противоположностью нейтральному стилю, экспрессивные языковые средства на лексическом и синтаксическом уровнях вызывают у читателя эмоциональный отклик, эстетическое переживание и активизируют поток ассоциаций и размышлений.

Одной из ключевых задач перевода является адекватная передача изобразительных и выразительных средств, используемых автором оригинала. «Адекватная передача образной информации художественного произведения является основным вопросом исследования перевода образных средств. Для передачи чувств, состояния, переживаний автора при переводе переводчику помимо обладания большим словарным запасом, необходимо обладать навыками распознавания экспрессии в переводимом тексте» [7, с.203].

Теория перевода устанавливает особые стилистические требования, которые предъявляются к переводу и выступают в качестве нормативных стандартов для аналогичных текстов на языке перевода. Среди таких требований выделяют смысловое соответствие оригиналу, грамотность, а также лексическую и стилистическую адекватность. Однако, чтобы текст перевода полностью отвечал этим стилистическим критериям, сохранял выразительность и уместность используемых приёмов в конкретном контексте, переводчик должен в совершенстве владеть стилистическими возможностями обоих языков и хорошо знать их стилистические нормы.

Проводимое в рамках настоящей статьи исследование имеет цель выявить и систематизировать переводческие механизмы и ресурсы передачи стилистически маркированных единиц при переводе художественного текста.

В стилистической системе участвующих в процессе перевода языков одни и те же художественные фигуры могут иметь различный смысловой потенциал и выполнять разные функции. В результате переводчик вынужден обратиться к трансформациям, воссоздав при этом идентичный исходному тексту эффект на читателя. Перед переводчиком поставлена цель: в случае нереальности сохранения стилистического приёма оригинала, необходимо воспроизведение в конечном тексте функции этого стилистического приёма, которое может быть достигнуто выделяемыми в теории перевода различного рода стилистическими трансформациями.

Прежде всего, целесообразно определить природу понятия стилистическая трансформация. Наиболее точной дефиницией данного термина, на наш взгляд, является определение, данное Л.Л.Нелюбиным: «Стилистическая трансформация – преобразование стиля текста при передаче стилистического значения с целью воссоздать в переводе тот же эффект, т.е. вызвать у читателя аналогичную реакцию, хотя часто переводчику приходится достигать этого, прибегая к совершенно иным языковым средствам, используя приёмы замены и компенсации» [3, с.109].

Стилистическая модификация достигается посредством переводческих трансформаций, которые в теории перевода интерпретируются как «преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле. И поскольку переводческие трансформации осуществляются с языковыми единицами, имеющими как план содержания, так и план выражения, они носят формально-семантический характер, преобразуя как форму, так и значение исходных единиц» [2, с.172]. Переводческие трансформации не являются реальными действиями переводчика, а представляют собой лишь описание процесса перевода уже после его завершения («пост-фактум»). Это обусловлено тем, что сам процесс перевода в его основной части не поддаётся непосредственному наблюдению, так как протекает в сознании переводчика. Поэтому описание переводческих трансформаций осуществляется путём сравнения фрагментов исходного и конечного текстов.

В соответствии с заявленной целью объектом сопоставительного анализа оригинальных и переводных текстов выбраны эпизоды романа Л.Н.Толстого «Анна Каренина» и его переводов на персидский и таджикский языки (авторы: Манучехр Бигдали и Рахим Хошим). Иными словами, задачей нашего исследования является выявление стилистической адекватности переводов одновременно на два языка.

В современном толстоведении известен факт пристального внимания Л.Н.Толстого к Востоку и восточной культуре, писатель был хорошо знаком с произведениями персидско-таджикской классической литературы. Ответный, не менее обостренный и огромный интерес проявляют к творчеству русского классика в Иране и в Таджикистане. Так, А.З.Розенфельд ещё в 1962 году насчитала

более 70 переводов произведений этого величайшего писателя-романиста на персидский язык [4, с.165]. Среди всех переводов Л.Н.Толстого на персидский язык более всего привлекает внимание перевод эпического шедевра русской литературы – романа «Анна Каренина». На сегодняшний день, согласно мнению Р.Ф.Бекметова и Н.Д.Казема, насчитывается 12 его переводов на фарси: «Начиная с 1950-х годов «Анна Каренина» выходит в полных переводах, так что уместно применительно к этому произведению использовать понятие «переводческой множественности»: количество персидских переводов не уступает числу переводов на главные европейские языки, взятые по отдельности» [1, с.97]. Также ученые отмечают, что «не будет преувеличением считать, что толстовский роман – наиболее популярная часть художественного творчества русского писателя в Иране» [1, с.97].

Установлено, что в художественном мире Л.Н.Толстого наиболее типичским и знаковым приёмом является его акцентирование на телесной составляющей, в частности – выразительности и пластики лица персонажей. Толстой обладал удивительной способностью передавать внутренние переживания героев через тончайшие изменения в выражении их лиц. Для него лицо персонажа – это зеркало души, отражающее самые скрытые эмоции, страхи, сомнения и надежды. Как правило, вербальная реализация переживаний и эмоций героев осуществляется при помощи стилистических приёмов лексического уровня, таких как эпитет, метафора и метонимия.

Например, при характеристике Левина в контексте «*И так странно было видеть это умное, мужественное лицо в таком детском состоянии, что Облонский перестал смотреть на него*» [10, с.26] эпитет *умное* указывает не только на интеллект, но и формирует определённое впечатление, вызывая уважение. В свою очередь, определение *мужественное* несёт не только физическую, но и моральную окраску: решительность, силу характера. Оба прилагательных эмоционально окрашены и используются не как обычные определения, а как художественные характеристики, в связи с чем, есть основания полагать, что рассматриваемые единицы выполняют функцию эпитета.

Удалось ли автору перевода воссоздать эмоционально-экспрессивную семантику единиц оригинального текста?

ابلاڻسكى كه بود عجب قدرى به كودكانه، هماغان وضعى ايمردانه و هوشمندانه صورت چنان ديند
[9, с.41].

Двойной эпитет оригинала в полном объёме нашел своё отражение в конечном тексте: *امردانه و هوشمندانه صورت* (sūrat-e hūshmandāneh va mardāneh) – *умное и мужественное лицо*.

Полное воспроизведение семантики и образности маркированных единиц отмечаем и в таджикском тексте: «*Ин руи бофаросати мардонро дар ин ӯлати қўдакона дидан ба андозае алоиб буд, ки Облонский дигар ба вай нигоҳ накард*» [8, с.30].

Примечательно с точки зрения использования ярких художественных определений описание лица матери Кити в следующем примере: «*Я одно хочу сказать, – начала княгиня, и по серьёзно-оживлённому лицу её Кити угадала, о чём*

будет речь» [10, с.58]. Л.Толстой часто использует составные определения, чтобы показать многослойность психологического состояния персонажей: *серьёзно-оживлённое лицо* передаёт противоречие – княгиня говорит о чём-то значимом, но её волнение и эмоциональность выдают внутреннее оживление. Прилагательное *серьёзно-оживлённое* называет качественные признаки, передающие впечатление, которое производит лицо. Оно выполняет характеризующую функцию и усиливает эмоциональное восприятие. Определение, как и в предыдущем случае, является художественным. Более того, сложное слово образовано на основе взаимоисключающих понятий, вследствие чего можно констатировать нанизывание двух средств выразительности: эпитета и оксюморона.

به حرفی چه زد حدس او چهره متوشح حالت از کیتی و «...بیگویم چیزی خواهمی»: گفت خانم شاهزاده [9, с.84].

Отмечается неадекватная передача художественного определения исходного текста: *چهره متوشح حالت* (hālat-e motavaššeh-e chehre) – досл. *состояние обращающего внимание лица*. Данное выражение можно эксплицировать двояко: «привлекающее к себе выражение лица» или «выражение лица человека, который хочет обратиться к кому-либо». В любом случае, подобное переводческое решение неоправданно, переводческая трансформация лексической замены, несмотря на сохранение некоторой доли образности, не передаёт смысловое содержание контекста, вследствие чего наблюдается потеря информации и компонентного состава эпитета.

В таджикском тексте также прослеживается некоторое несоответствие, а именно: «Ман фақат як чизро гуфтанӣ ҳастам... – гуфта гап сар кард князхонум, аммо Кити аз ифодаҳои ҷиддӣ ва ҳаяҷономези ӯ дар чӣ хусус гап заданӣ шудани ӯро фаҳмид» [8, с.66]. Сочетание *ифодаҳои ҷиддӣ ва ҳаяҷономез* – досл. *серьёзные и взволнованные выражения* содержит некоторую экспрессивность, однако не может выступать в качестве полноценного коррелята исходного образного выражения. Более того, отмечается замена субстантива эпитета – конкретного существительного *лицо* на более отвлеченное существительное *выражение*, что, несомненно, сказывается на потере информационного содержания оригинала. Вместе с тем лексическая замена прилагательного *оживлённое* на *ҳаяҷономез* (взволнованный, встревоженный) значительно искажает интенцию автора.

Вызывает интерес в плане поиска переводческого решения следующий фрагмент художественного текста, где объектом описания становятся переживания и эмоции Долли: «Рот ее сжался, мускул щеки затрясся на правой стороне бледного, нервного лица» [10, с.12]. В сочетании *бледное, нервное лицо* представлено содержащее художественно-выразительную окраску описание эмоционального и физического состояния лица героини. Прилагательное *нервный* отражает внутреннее психоэмоциональное состояние и придаёт образу динамичность и тревожность. Адъективная единица зрительного восприятия *бледный* добавляет визуальный признак, указывающий на волнение, страх, болезненность. Анализируемые определения не только констатируют факт, но и создают выразительный художественный образ.

В персидском переводном тексте в качестве эквивалента двойного эпитета оригинала выступает простой эпитет:

[9, с.28]. شد منقبضی ای عضله اش، عصبی چهره راست رخنیم در فشرده، برهم را لباسش

Необоснованная переводческая трансформация лексического опущения (в частности, лексемы *бледный*) влечет за собой частичную передачу информации оригинала: бледное, нервное лицо → *عصبی چهره* (chehre-ye asabī) – досл. *нервное лицо*. Тогда как в таджикском тексте отмечается абсолютно адекватный перевод эпифразы: *руи паридаранг ва асабони* – досл. *бледное и нервное лицо*. – «*Даҳани вай бурма шуд ва мушақҳои рухсорани тарафи рости руи паридаранг ва асабониаш ба ларза афтоданд*» [8, с.18].

В качестве следующего объекта исследования целесообразно рассмотреть описание лица другого персонажа произведения – Вронского: «*Вронский был невысокий, плотно сложенный брюнет, с добродушно-красивым, чрезвычайно спокойным и твердым лицом*» [10, с.65]. В данном контексте отмечается функционирование нескольких эпитетов, так называемого эпитета-цепочки, подразумевающего последовательное соединение нескольких художественных определений. Адъективная единица *добродушно-красивый* выполняет функцию сложного эпитета, состоящего из сочетания нравственной и эстетической оценки лица; словосочетание *чрезвычайно спокойный* представляет собой интенсивно окрашенный эпитет, эмоциональную усиленность признака; прилагательное тактильной перцепции *твёрдый* в данном случае характеризует внутреннюю силу и устойчивость – эмоционально значимый признак.

Воссоздание столь насыщенного и распространенного художественного средства выразительности является задачей непосильной даже для опытного переводчика. Какое же переводческое решение принял автор персидского перевода?

از حاکی و گیر چهره در آسوده و محکم حالتی با بود، فامیل قامت‌میان و چهارشانه مردی زانسی و تازه نظامی لباس و پاکتراش چانه تا کوتاه بسیار سیاه موی از پیکرش، و سر در چیز همه اش، نهادی خوش [9, с.91].

Выражение *bas hālatī mohkam o āsude dar chehre-ye gīr va hākī az khosh-nehādī-yash* – досл. *с твёрдым и спокойным выражением на привлекательном лице, говорящем о его добром нраве* не может быть представлено в качестве эквивалентного соответствия распространенного эпитета оригинала. В этом контексте в результате лексических добавлений отмечается использование двух эпифраз – *твёрдое и спокойное выражение* и *притягательное, говорящее лицо*, содержащих в себе описание двух субстантивов: выражения и лица. Данное обстоятельство, безусловно, повлекло преобразования не только в структуре и компонентном составе образной единицы, но и значительно исказило смысловое содержание исходного текста.

В отличие от персидского таджикский перевод можно оценить как абсолютно эквивалентный и стилистически адекватный перевод: «*Вронский ҷавони миёнакад, тануманди сиёҳчаранг буда симои меҳрубону зебо ва фавқуллодда орому батамкине дошт*» [8, с.74].

Выражение *симои меҳрубону зебо ва ғавқуллода оромӣ батамкин* (досл. ласковое и красивое, чрезвычайно спокойное и невозмутимое лицо), на наш взгляд, вполне точно воссоздает информационное содержание, сохраняет компонентный состав и стилистическую маркированность образной единицы. Можно отметить только замену тактильного прилагательного *твердый*, использованного в оригинале в переносном значении, на его таджикский коррелят – *ботамкин*.

В корпусе языкового материала исследования представлено значительное число примеров описаний лиц персонажей романа Л.Н.Толстого, выраженных посредством эпитетов. Часть из них, ввиду ограниченности рамок данной научной работы, может быть приведена в следующей таблице без подробного анализа и комментариев только с указанием реализованной переводческой трансформации.

Текст оригинала	Перевод на фарси	Перевод на таджикский
Красивое лицо	جذاب رخسار (roksār-e jazāb) – привлекательное лицо (лексическая замена)	чехраи зебо – красивое лицо
Строгое рябое лицо	گون و آبله جدی صورت (sūrat-e jeddī va āble-gūn) – строгое и рябое (досл. с оспинами) лицо	чехраи чиддӣи чӯтур – строгое рябое лицо
Измученное страдальческое лицо	دیده رنج و افروخته صورت (sūrat-e bar-afrūkte va ranj-dīde) – вспыхнувшее и выдавшее страдание лицо (лексическая замена)	рӯи афсурда ва пур аз ранҷу изтироб – увядшее и полное страдания и тревоги лицо (лексическое добавление)
Добродушно сияющее лицо	درخشیدی باصفا صورت (sūrat-e bā-safā mī-darakhshīd) – добродушное (чистое) лицо сияло (грамматическая трансформация)	чехраи аз меҳрубонӣ дурахшанда – сияющее лаской лицо (грамматическая трансформация)
Грустное виноватое лицо	گناهکار و ناآشنا ای قیافه (qāfe-ye nā-āshenā va gonāhkār) – незнакомое и виноватое лицо (лексическая замена)	симои ғамгини айбдорона – грустное виноватое лицо
Отчаянное лицо	نومید صورت (sūrat-e nōmīd) – отчаявшееся лицо	чехраи маъюс – отчаявшееся лицо
Испуганные лица	آمدندمی نظر به هر اسان (harāsān be nazar mī-āmadand) – казались испуганными (грамматическая трансформация)	чехраҳои чаросон – испуганные лица

Как можно судить из приведенных примеров таджикский вариант перевода в меньшей степени подвергнут переводческим трансформациям и является более стилистически адекватным.

Как было указано ранее, наряду с художественными определениями для характеристики лица персонажей Л.Н.Толстой мастерски использует стилистический приём метафоризации, предполагающий перенос значения лексем на основе сходства каких-либо признаков.

Так, в эпизоде художественного текста «...лицо ее утратило всю свою ласковость, и Левин узнал знакомую игру ее лица, означавшую усилие мысли» [10, с.40] отмечается использование двух метафорических сочетаний. В первом – *лицо утратило ласковость* имеет место перенос признака эмоционального состояния на внешний облик, в результате чего абстрактное становится зримым. Лицо, будучи физиологической частью тела, теряет абстрактное качество характера или поведения. В физиологической реальности лицо не обладает ласковостью как свойством материи, более того, лицо ведет себя как субъект, который теряет качество, то есть наделяется свойствами одушевленных предметов. В этом случае устанавливается использование такого вида метафоры, как олицетворение.

Рассматриваемое метафорическое выражение нашло отражение в тексте персидского перевода следующим образом:

ناراحت فکری از که را، اش قیافه تغییر فقطنه و داد دست از را اش دوستانه حالت تمامی کیتی صورت
[9, с.59]. دریافت بود،

В выражении *лицо утратило свое дружелюбное выражение* реализованы как лексическая, так и грамматическая трансформации, выражающиеся в лексической замене отвлеченных существительных и частеречных модификациях. При этом объём информационного содержания оригинала претерпел изменение, вследствие чего наблюдается искажение смысла.

В таджикском переводе также отмечаются выявленные в персидском тексте лексические и грамматические трансформации: «...*чехраи духтар ифодаи меҳрубонӣ ва навозишкори худро гум кард ва Левин бозии ба ҳудаи маълуми руи уро пайхаст кард*» [8, с.45].

В метафорическом выражении *чехра ифодаи меҳрубонӣ ва навозишкори(ро) гум кард* – досл. *лицо потеряло выражение приветливости и ласки*, помимо грамматической трансформации отмечается абсолютно неправомерное лексическое добавление синонимичного слова.

Несмотря на допущенные в двух переводах переводческие преобразования, повлекшие за собой искажение смыслового содержания и изменения компонентного состава, следует отметить сохранение образности метафоры-олицетворения.

Метафора оригинала *игра лица* в персидском переводе преобразована в *تغییر قیافه* (taghyir-e ghyâfe) – досл. *изменение лица*. Нецелесообразная лексическая замена содержащей коннотацию единицы на нейтральную (игра – изменение), безусловно, сказалась на упрощении информационного содержания контекста и потере образности сочетания.

Абсолютная адекватность таджикского перевода несомненна: *игра лица* → *бозии рӯй*.

Описание переживаний и эмоций, отражающихся на лице другого персонажа романа – Левина, привлекает наше внимание в качестве объекта исследования: «лицо его из того детски-восторженного выражения, которым только что любовался Облонский, вдруг перешло в злое и неприятное» [10, с.49]. Данный фрагмент текста, как и предыдущий, насыщен метафорическими образами. Первое метафорическое переосмысление – *детски-восторженное выражение лица* – осуществляется на переносе черты детского восприятия мира на взрослого персонажа, превращая лицо в зеркало душевного состояния, что создает художественно-эмоциональный образ.

Сочетание *детски-восторженное* в рассматриваемом метафорическом выражении выполняет функцию эпитета, обозначающего способ переживания эмоции (по-детски), которая выражает крайнюю степень положительного переживания. Сочетание *выражение лица*, будучи нейтральным физиологическим термином, в данном контексте выступает в качестве носителя психологической и когнитивной информации. В этом случае важно подчеркнуть, что речь идёт о языковой метафоре.

Персидский вариант анализируемого фрагмента текста представлен следующим образом:

عصبی ناگهان و داد دست از بود، نسکی ابلّا تحسین موجب که را ای کودکانه شوق حالت اش چهره
رسید نظر به ناخشنود [9, с.74].

Метафорического выражение *کودکانه شوق حالت اش چهره* (chehreh-ash hâlat-e shogh-e kudakâne) – досл. *лицо с оживленным детским выражением*, несмотря на некоторые грамматические преобразования, в достаточной степени адекватно передаёт содержание и экспрессивность оригинальной образной единицы.

В таджикском варианте перевода данной переводческой единицы следует констатировать неадекватность перевода. Причиной тому является прежде всего неоправданная лексическая замена и столь же необоснованное лексическое добавление тождественного по значению слова: *детски-восторженное* → *шоду масрури кудакона* (досл. *детски радостный и веселый*). Разумеется, что лексема *шод* (*веселый*), как и его синоним *масрур*, не может служить в качестве соответствия лексеме *восторженный*, поскольку не является тождественным по значению, хотя и служит обозначением положительного эмоционального состояния. Ср.: «чехраи ӯ он ифодаи шоду масрури кудаконаеро, ки Облонский аз тамошони он андакак пеш завқ бурда истода буд, гум карда якбора як шакли хашимомуд ва тундеро гирифт» [8, с.58].

Метафора-олицетворение оригинала *выражение лица перешло*, будучи вторым метафорическим переосмыслением рассматриваемого эпизода текста, в переводных текстах подверглась лексической трансформации, в частности лексической замене, на наш взгляд, неоправданной: *داد دست از حالت چهره* (chehreh hâlat-gâ az dast dâd) – досл. *лицо упустило выражение*. Вместе с тем в качестве субъекта выступает не выражение лица, а само лицо.

Аналогичное переводческое решение принял автор таджикского перевода: *чехра ифода(ро) гум карда* – досл. *лицо потеряв выражение*. Более того, отмечается грамматическое преобразование, заключающееся в замене глагола его деепричастной формой.

Таким образом, при передаче данной метафоры-олицетворения, независимо от осуществлённой лексической трансформации, сохраняется используемый стилистический приём, а вместе с ним – и образность, хотя и с определённым смещением авторского замысла.

Аналогичное явление произвольной лексической замены отмечается также при воспроизведении следующего образного выражения: *злое и неприятное выражение лица* → *چهره ناخشنود و عصبی حالت نا* (hâlat-e asabi va nâkhoshnood chehreh) – досл. *нервное и недовольное выражение лица* → *шакли хашмолуд ва тунди чеъра* – досл. *разгневанный и грубый вид лица*.

Следует отметить, что предложенные переводчиками соответствия действительно репрезентируют негативные черты личности, однако не могут рассматриваться в качестве полноправных эквивалентов, поскольку характеризуются различной семантической структурой и содержательной нагрузкой.

Таким образом, сопоставительный анализ фрагмента исходного и переводных вариантов текста романа позволил установить неадекватность его перевода.

Эмпирическая база языковых данных исследования содержит многочисленные образцы описаний мимической выразительности персонажей, основанных на метафорическом переосмыслении лексических единиц.

Ограниченные рамки настоящего исследования не дают возможности провести детальный анализ всех отобранных языковых примеров. В этой связи часть из них представлена в следующей таблице без развернутых комментариев и интерпретации, исключительно с указанием использованного типа переводческой трансформации, что, тем не менее, позволяет зафиксировать общие закономерности, выявленные в ходе сопоставительного анализа.

Оригинал	Перевод на фарси	Перевод на таджикский
Лицо просияло	شد باز چهره (chehreh bâz shod) – лицо просветлело (досл. открылось)	Чехра кушода шуд – лицо просветлело (досл. открылось)
Лицо просияло	شد درخشان صورت (soorat derakhshân shod) – лицо просияло	Чехра дурахшон гардид – лицо просияло
На лице было насмешливое внимание	دیده طنز آمیز دقتی از حاکی حالتی قیافه در شدمی (dar ghyiyâfe hâlati hâki az deqqati tanz-âميز dide mishod) – (досл.) на лице видно выражение, свидетельствующее о насмешливом внимании (лексическое добавление)	Аз рӯяш нишонаи як диққати тамасхуромезе дида мешуд – на лице был виден отпечаток насмешливого внимания (лексическое добавление)

На лице изобразился ужас	شد هراسان (harâsân shod) – испугался (приём модуляции)	Дар симо осори дахшат намоён гардид – на лице появилось выражение (досл. знак) ужаса (лексическое добавление)
Улыбка осветила лицо	کرد روشن را چهره لبخندی (labkhandi chehreh râ roshan kard) – улыбка осветила лицо	Табассум чехра(ро) равшан кард – улыбка осветила лицо
Радость и оживление сияли на ее лице	بود هیچانی و وجد نمایانگر اش چهره (Chehreh-ash namāyāngar-e vojdo hīčgāhī-ye bud) – Её лицо выражало (досл. было показателем) радость и оживление (грамматическая трансформация)	Осори шодӣ ва рӯхбаландӣ дар чехраи ӯ фурӯзон буд – (досл.) на её лице сверкали следы радости и воодушевления (лексическая замена)

В ходе проведённого анализа установлено, что в большинстве случаев переводчики стремились к воспроизведению стилистической доминанты оригинала, акцентируя внимание на сохранении образности и экспрессивных средств, что, однако, нередко сопровождалось снижением содержательной точности. Выявлено широкое использование разнообразных переводческих трансформаций, часть из которых не всегда представляется функционально оправданной с точки зрения целей перевода. В качестве наиболее эффективных средств передачи стилистически маркированных единиц были реализованы такие лексические приёмы, как замены и добавления, обеспечивающие частичную компенсацию стилистических потерь.

Значимым результатом исследования является вывод о том, что перевод романа Л.Н.Толстого на таджикский язык отличается большей степенью стилистической адекватности по сравнению с его персидской интерпретацией. Данный факт подтверждает высказывание Р.Бекметова и Н.Д.Казема: «Таджикский контекст на фоне персидского (если уж сравнивать их, имея в виду тесную близость, культурное родство двух ираноязычных народов) выглядит более благоприятно – во многом потому, что в советский период истории практиковался государственный заказ на такого рода исследования в республиках СССР, а в нынешнее время сохраняется инерция филологических штудий – преимущественно с таджикской стороны, и в значительной мере это обусловлено устойчивостью российско-таджикского сотрудничества в широком значении слова (торгово-экономическом, политико-дипломатическом, социально-гуманитарном, образовательно-просветительском и т.д.)» [1, с.99].

Таким образом проведенное исследование позволило определить, что достижение полной стилистической адекватности при переводе представляется в значительной степени проблематичным, а в ряде случаев – невозможным. Это обусловлено как объективными различиями между языковыми системами, так и глубинными культурно-историческими расхождениями между исходной и целе-

вой лингвокультурами. Кроме того, индивидуальный авторский стиль, включающий экспрессивно-образные средства, синтаксические особенности, контекстуальные аллюзии и прагматическую направленность, нередко оказывается укоренённым в уникальной речевой среде, не имеющей функциональных эквивалентов в языке перевода.

Литература

1. Бекметов Р.Ф., Казем Н.Д. Роман Л.Н.Толстого "Анна Каренина" в переводе на персидский язык: о стратегии К. Симоняна // Филология и культура. – 2021. – №2 (64). – С.94-102.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода. – М.: Высшая школа, 1990. – 254 с.
3. Нелюбин Л.Л. Лингвостилистика современного английского языка. – М.: Флинта, 2008. – 128 с.
4. Розенфельд А.З. Л.Н.Толстой в изданиях на персидском языке // Народы Азии и Африки. – 1962. – №5. – С.165-169.
5. Русско-персидский словарь / под ред. А.Асадуллаева и Л.С.Пейсикова. – М.: Сов.энциклопедия, 1970. – 1091 с.
6. Русско-таджикский словарь / под ред.М.С.Асимова. – М.: Русский язык, 1985. – 1279с.
7. Султанова Р.М. Проблемы перевода метафор // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2017. – №4 (60) – С. 203-205.
8. Толстой Л.Н. Анна Каренина. Ч.1-4. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1960. – 607 с. (на тадж.яз.)
9. Толстой Л.Н. Анна Каренина. – Тегеран: Негарестан-е-кедаб, 1999. – 688 с. (на перс.яз.)
10. Толстой Л.Н. Анна Каренина. – М.: Эксмо, 2018. – 960 с.
11. Sakaeva L.R. Translation features of author neologisms on the example of modern English prose / L.R.Sakaeva, A.Yu.Ermolenko, M.A.Yahin // Revista San Gregorio. – 2018. – Is.23. – P.108-114.

ON THE QUESTION OF TRANSFERRING STYLISTIC DOMINANCE: TRANSLATION TRANSFORMATIONS AS A TOOL FOR ADEQUATE TRANSLATION

Sultanova Rafokhat Mirzoyevna

Doctor of philological sciences,
professor of the chair of modern Russian language
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 80 666 66 68 (m.)
rafoat10@mail.ru

Sakaeva Liliya Radikovna

Doctor of philological sciences,
professor of the chair of linguistic education for foreign students
Institute of International relations, history, and oriental studies
Kazan Federal university
420111, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, Pushkin str., 1/55
Ph.: +7 917 225 04 00 (m.)
liliyasakaeva@rambler.ru

This study is devoted to the analyses of the Tajik and Persian translations of Leo Tolstoy's novel "Anna Karenina" in terms of their reproduction of the original's stylistic dominant features, represented primarily by metaphors and epithets. The primary material examined is the characters' facial descriptions, which serve as expressive means of conveying their inner state through an emphasis on bodily movement.

It is clarified that stylistic adequacy is understood as the preservation of the original text's artistic individuality, including its imagery, expressiveness, and structural expressiveness. Translation transformations are interpreted as meaningful changes in linguistic means aimed at achieving functional and stylistic equivalence when transitioning between languages.

It is found that both translations actively employ lexical addition and substitution, among a wide range of translation transformations, although the degree of their justification varies. Due to significant differences in the grammatical systems of the source and target languages, grammatical transformations are also widely used. It was established that the majority of the examined fragments retained their imagery and expressiveness during translation, despite the distortion of the original's informational content and changes in the component composition of the figurative unit.

Overall, it was established that the Tajik translation is closer to the original text in stylistic parameters and demonstrates greater accuracy in conveying the author's manner. Thus, transformations are considered a means of preserving the stylistic specificity of the original during interlingual adaptation.

Keywords: Russian language; Tajik language; Persian language; stylistic adequacy; translation transformations; lexical substitution; lexical addition; grammatical transformation; metaphor; epithet; imagery; informational content; component composition.

**БА МАСЪАЛАИ ИНТИҚОЛИ ДОМИНАНТАИ УСЛУБӢ:
ТАҲАВВУЛОТИ ТАРҶУМОӢ ВА НАҚШИ ОН ДАР ТАРҶУМАИ
МУВОФИҚ**

Султонова Рафоҳат Мирзоевна

Доктори илмҳои филологӣ,
профессори кафедраи забони муосири русӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 80 666 66 68 (м.)
rafoat10@mail.ru

Сакаева Лилия Радиковна

Доктори илмҳои филологӣ,
профессори кафедраи таҳсилоти забоншиносӣ
барои донишҷӯёни хориҷӣ
Донишгоҳи Федералии Қазон

Институти муносибатҳои байналмилалӣ, таърих ва шарқшиносӣ
420111, Россия, Ҷумҳурии Тотористон, Қазон, кӯч. Пушкин, 1/55

Тел.: +7 917 225 04 00 (м.)

lilivasakaeva@rambler.ru

Ин тадқиқот ба таҳлили тарҷумаҳои тоҷикӣ ва форсии романи Л.Н.Толстой “Анна Каренина” бахшида шудааст, ки аз дидгоҳи инъикоси доминантаи услубии асари асл баррасӣ мегардад. Доминантаи мазкур асосан тавассути истифодаи метафораҳо ва эпитетҳо дар насли Толстой зоҳир мегардад.

Маводи асосии таҳқиқро тасвирҳои чехра ва ҳолати персонажҳо ташкил медиҳанд, ки воситаи ифодаи ҳаҷми ботинии онҳо ба шумор мераванд ва тавассути ҷузъиёти ҷисмонӣ ва пластикаи ҳаракат таҷассум меёбанд.

Муаллифон таъкид мекунанд, ки мувофиқати услубӣ (адекватность) дар тарҷума маънои ҳифзи шахсияти бадеии матни аслро дорад – бо тамоми хусусиятҳои тасвирӣ, эҳсосӣ ва сохтории он. Дар ин замина таҳаввулоти тарҷумонӣ (трансформатсияҳо) ҳамчун тағйироти огоҳонаи забонӣ баррасӣ мешаванд, ки ҳадафшон расидан ба муодилаи функционалӣ-услубӣ дар раванди интиқоли маъно аз як забон ба забони дигар аст.

Дар натиҷаи таҳлил муайян гардид, ки дар ҳар ду тарҷума аз шумораи зиёди навҳои трансформатсияҳо бештар иловакунии луғавӣ ва ивазкунии луғавӣ истифода шудаанд, вале дараҷаи асоснокии онҳо гуногун аст. Бо сабаби фарқияти ҷиддии низомҳои грамматикӣ миёни забони манбаъ ва забонҳои мақсад, таҳаввулоти грамматикӣ низ васеъ татбиқ ёфтаанд.

Таҳлил нишон дод, ки қисми зиёди порчаҳои мавриди баррасӣ образнокӣ ва эҳсосияти матни аслро нигоҳ доштаанд, гарчанде дар баъзе мавридҳо мазмунӣ иттилоотӣ ва таркибии компонентии воҳидҳои тасвирӣ тағйир ёфтааст.

Дар маҷмӯъ муайян гардид, ки тарҷумаи тоҷикӣ аз нигоҳи параметрҳои услубӣ ба матни асл наздиктар буда, дақиқтар усули нигоҳишро муаллифро инъикос менамояд. Ҳамин тариқ, таҳаввулоти тарҷумонӣ ҳамчун воситаи ҳифзи хусусияти услубии асл дар раванди мутобиқсозии байнизабонӣ арзёбӣ мегардад.

Калидвожаҳо: забони русӣ; забони тоҷикӣ; забони форсӣ; мувофиқати услубӣ; таҳаввулоти тарҷумонӣ; ивазкунии луғавӣ; иловакунии луғавӣ; таҳаввулоти грамматикӣ; метафора; эпитет; образнокӣ; мазмунӣ иттилоотӣ; таркибии компонентӣ.

УДК 82.09

**ПЕЙЗАЖ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ:
СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И КОНТЕКСТЫ**

Брагина Марина Александровна

Кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой русского языка №1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 495 787 38 03, доб. 15 13
bragina-ma@rudn.ru

Левина Вера Николаевна

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка № 1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, доб. 15 86
levina-vn@rudn.ru

Игумнова Елена Сергеевна

Кандидат филологических наук,
педагог дополнительного образования кафедры русского языка № 1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, доб. 15 86
igumnova_es@pfur.ru

Шарапова Елена Васильевна

Старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин
Белорусско-Российский университет
212000, Республика Беларусь, Могилев, пр. Мира, 43
elenasharapova@tut.by

В статье анализируются основные современные направления и различные подходы к изучению пейзажных описаний в художественном тексте. Особое внимание уделяется ключевым аспектам и методам исследования роли пейзажа как неотъемлемого элемента художественной структуры произведения, его функции в раскрытии идейного содержания и характеристики персонажей. В изучении пейзажных единиц как элемента языковой картины мира автора намечились определенные тенденции, которые говорят о новизне восприятия роли пейзажных описаний. Пейзажное описание в художественном тексте – уникальное образование, которое содержит изобразительную семантику, выраженную имплицитно или эксплицитно и получающую свое развитие в условиях контекста. Анализ показал, что современные исследования уже выходят за рамки лингвистики, акцентируя свое внимание на психологическом, методологическом, философском и культурологическом аспектах пейзажа в художественном тексте. Пейзаж представляется сложным художественным феноменом, требующим комплексного изучения с учетом всех его функций и особенностей проявления в современном литературном произведении, учитывающего как лингвистические, так и литературоведческие аспекты, а также культурный контекст эпохи создания произведения.

Ключевые слова: пейзаж; языковая картина мира; пейзажная единица; изобразительная семантика; культурный контекст; психологизм.

В современном языкознании все чаще встречаются работы, в которых представлено изучение языковой картины мира с точки зрения выделения в ней каких-либо значимых элементов. Такой подход в целом оправдан в силу того, что позволяет глубже понять, как язык отражает и формирует наше восприятие реальности, а также как различные социокультурные факторы влияют на языковые представления. Языковая картина мира включает в себя совокупность знаний, представлений и концепций, которые формируются в сознании людей на основе их опыта и взаимодействия с окружающим миром. Она проявляется в языке через лексику, грамматику, фразеологию и другие языковые средства.

Настоящая статья посвящена анализу современных направлений в исследовании пейзажных описаний в языковой картине мира. Ученые обращаются к изучению роли пейзажа в художественном тексте уже не первое десятилетие, при этом современные исследования уже выходят за рамки лингвистики, акцентируя свое внимание на психологическом, методологическом, философском и культурологическом аспектах.

Исследователи уже давно говорят о таких значимых фрагментах языковой картины мира, как пространство, время, восприятие (Е.Л.Пупышева, З.А.Дубинец, Ю.Г.Пыхтина) [6; 5; 17]. Эти категории и формируют целостную пейзажную картину. Значительное место в лингвистических исследованиях всегда занимало рассмотрение пейзажа как особого художественного пространства в языке писателей (И.А.Даниленко, В.Н.Левина, С.В.Лонгвиненко, К.Ю.Лошкарева) [5; 10; 12; 13]. Необходимость изучения пейзажной картины мира оправдана тем, что она отражает «представления русского человека о природе в структуре прозаического текста», входит в число элементов «системы русской языковой культуры» и репрезентируется текстовыми пейзажными единицами, которые характеризуются определенной семантикой (исходной или

приращенной в тексте), формой выражения и функциональной спецификой [10, с.5].

Понятие *пейзаж* в настоящее время становится предметом исследования не только филологов, но и представителей многих смежных гуманитарных и социальных наук. Рассмотрение пейзажного описания в контексте междисциплинарности способствует раскрытию его новых смысловых граней, позволяющих вербально и невербально (с помощью других семиотических систем) изображать окружающую действительность. Об этом свидетельствует разнообразие толкований данного понятия в лексикографических источниках.

Так, например, в «Словаре лингвистических терминов» приводится следующее определение этого термина: «пейзаж – вид описания, нацеленный на изображение природы, картины окружающего мира» [7, с.256]. В другом издании «Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению» обращается внимание на дифференциацию функций пейзажа в зависимости от жанра произведения: «Пейзаж (от франц. *pay sage*, от *pay* – страна, местность) – изображение картин природы. Функции пейзажа в художественном произведении определяются его методом, жанрово-родовой принадлежностью, стилем» [18, с.124]. В «Словаре литературоведческих терминов» под редакцией С.П.Белокуровой дается следующее значение: «Пейзаж – (от фр. *pay sage*, от *pay*. – страна, местность) описание природы как части реальной обстановки, в которой разворачивается действие, – описание картины природы» [1, с.120]. В «Литературном энциклопедическом словаре» пейзаж определяется как «один из содержательных и композиционных компонентов художественного произведения: описание природы, шире – любого незамкнутого пространства внешнего мира» [9, с.325].

В основе представленных определений понятия *пейзаж* лежит понимание его как «вида описания природы». В отдельных источниках *пейзаж* означает не только описание природы, но и является частью реального мира. В литературном же произведении *пейзаж* – это не только «описание природы», но и фон происходящего действия, материальная часть мира произведения, некая вымышленная действительность. Он проецирует среду, в которой живут и действуют герои. Это особый тип текста не только в плане способов, которыми пользуется при его создании автор, но и в плане восприятия его читателем.

В научных исследованиях отмечается, что пейзаж всегда несет значительную смысловую нагрузку и никогда не появляется в тексте случайно. Исследования показывают его многогранность и сложность как художественного явления, что делает дальнейшее изучение этого феномена особенно перспективным.

Пейзаж – это, прежде всего, средство раскрытия художественного образа. Пейзажное описание может предопределять события в сюжете произведения. Его функции могут быть самые разнообразные: пейзажное описание может передавать настроение героя, отражать характерные событийные линии или противопоставляться им по своим характеристикам, выражая особое авторское видение.

Традиционно в литературоведении выделяют следующие типы пейзажа в соответствии с его функциями в художественном произведении:

- лирический пейзаж, который отличается сильной психологической нагрузкой, экспрессивностью и символизмом и в котором для создания нужного эффекта писателями чаще всего используются приемы параллелизма, персонификации, метафоры;

- эпический пейзаж, который может быть фоном событий или самостоятельным объектом изображения, часто выполняет сюжетную функцию;

- драматический пейзаж, который обычно сокращен, а функцию описания часто берут на себя образы замкнутого пространства.

В лингвистике же обращение к изучению пейзажа связано с исследованием особенностей языкового воплощения пейзажных фрагментов, относящихся к описанию природной среды в литературно-художественном произведении. Так, в работах Д.С.Лихачева отмечается, что «филология антиформалистична, ибо учит правильно понимать смысл текста, будь то исторический источник или художественный памятник» [11, с.227]. Эта мысль применима и к анализу пейзажа как части текста. Д.С.Лихачев подчеркивает важность понимания пейзажа не как отдельного элемента, а как части целостного художественного мира.

В современной филологии пейзаж изучается как комплексный феномен с нескольких ключевых позиций. Одним из продуктивных методов изучения пейзажа является его классификация по родам литературы и выявление особенностей языковой репрезентации в конкретном литературном произведении. В связи с этим рассматривается и понятие «контекста», который может быть словесным, или речевым (собственно лингвистическое употребление термина, узкий контекст) и рассматриваться в рамках конкретной речевой ситуации (конситуации, условия общения, обстановка речи, условия бытования словесного контекста). Также необходимо учитывать контекст культуры (условия интерпретации бытующего словесного контекста, словесная культура народа, понятийная культура, то есть различные знания, известные говорящим). В данном случае пейзажная единица может выступать как связующее звено между существующими типами контекста и целым текстом, единицей которого она является, и рассматриваться как носитель национального культурного сознания. Говоря о пейзажной единице текста, следует отметить, что «это особый элемент текстовой структуры, который имеет свою семантику, в первую очередь изобразительную, грамматическую выраженность средствами разных уровней языка (лексическим, синтаксическим, морфологическим), а также функциональную значимость для всего содержания текста» [19, с.8].

Вместе с тем, «содержательная сторона текста может быть рассмотрена через наличие сложной совокупной информации, которая в практике лингвистического исследования делится на типы информационной значимости текста:

- 1) событийная (реально-фантазийная; система героев; время, пространство, пейзаж, место);

2) философская (система понятий; оценки, сообщения; соотносённость с общепринятыми или реально существующими закономерностями данных событий и действий);

3) социальная (система принятых норм и традиций);

4) психологическая (выражение мотивации поступков в ходе анализа);

5) эстетическая (присутствие фактора культуры).

Все перечисленные типы информации реальны и для пейзажной единицы как части текста» [19, с.8].

Исходя из перечисленных выше типов информации, обоснованно были выделены различные «типы пейзажных единиц по семантике, грамматическим признакам и функционированию в тексте: семантический; грамматический; функциональный» [10].

При анализе пейзажных единиц необходимо также учитывать и психологическую ситуативность, которая позволяет обратить пристальное внимание на:

«а) пейзаж-настроение – описание пейзажа, вызывающего определенное эмоциональное состояние (например, радостный лес, грустный закат);

б) пейзаж-переживание – описание пейзажа, связанного с определёнными психологическими переживаниями (например, пейзаж, вызывающий чувство покоя, тревоги)» [19].

Пейзаж в художественном произведении может иметь философскую семантику, о чем свидетельствуют, например:

«а) пейзаж-рассуждение – описание пейзажа, содержащее философские размышления (например, размышления о жизни, времени, судьбе);

б) пейзаж морально-этический – описание пейзажа, связанное с моральными и этическими вопросами (например, пейзаж как символ чистоты, гармонии, или, наоборот, разрушения) и др.» [19].

Анализируя публикации исследователей последних 5 лет, мы пришли к выводу о том, что в изучении пейзажных описаний как значимого элемента языковой картины мира автора наметились определенные тенденции, которые говорят о новизне восприятия роли пейзажа.

Так, лингвисты и литературоведы заговорили о значимости пейзажных описаний как средства патриотического воспитания, так как они помогают формировать у читателей чувство любви к родному краю через любовь к природе. Например, пейзажные единицы оказывают сильнейшее эмоциональное воздействие на читателя, который видит окружающую действительность глазами героев литературного произведения.

Природный мир своей необычностью, новизной и яркостью красок воздействует непосредственно на эмоциональный фон человека, вызывая у него удивление, радость и восторг. Здесь стоит вспомнить впечатления Егорушки, героя повести А.П.Чехова «Степь», который оказался в непривычной для него обстановке и видит целостную картину, построенную по законам живописного полотна с выделением переднего и заднего плана, зрительной перспективы: *«Когда он проснулся, уже восходило солнце; курган заслонял его собою, а оно,*

стараясь брызнуть светом на мир, напряженно палило свои лучи во все стороны и заливало **горизонт** золотом. Егорушке показалось, что оно было не на своем месте, так как вчера оно восходило **сзади** за его спиной, а сегодня много **левее**... Да и вся местность не походила на вчерашнюю. Холмов уже не было, а **всюду, куда ни взглянешь**, тянулась без конца бурая, невеселая равнина; **кое-где** на ней высились небольшие курганы, и летали вчерашние грачи. **Далеко впереди** белели колокольни и избы какой-то деревни; по случаю воскресного дня хохлы сидели дома, пекли и варили – это видно было по дыму, который шел из всех труб и сизой прозрачной пеленой висел над деревней. **В промежутках между изб** и за церковью синела река, а **за нею** туманилась даль» [21, с.164]. Здесь автор показывает нам особенности восприятия степного пейзажа глазами ребёнка, который оказывается в непривычной для него ситуации, в новом месте и с новыми людьми. Свою любовь к родному краю А.П.Чехов доносит до читателей через восприятие главного героя.

Герой видит степь глазами писателя, она его восхищает величием, пугает своей широтой, наводит на мысли о сказочных героях и великанах: «**Но ничто не походило так мало на вчерашнее, как дорога. Что-то необыкновенно широкое, размашистое и богатырское тянулось по степи вместо дороги; то была серая полоса, хорошо выезженная и покрытая пылью, как все дороги, но шириною в несколько десятков сажень. Своим простором она возбудила в Егорушке недоумение и навела его на сказочные мысли. Кто по ней ездит? Кому нужен такой простор? Непонятно и странно. Можно, в самом деле, подумать, что на Руси еще не перевелись громадные, широко шагающие люди, вроде Ильи Муромца и Соловья Разбойника, и что еще не вымерли богатырские кони. Егорушка, взглянув на дорогу, вообразил штук шесть высоких, рядом скачущих колесниц, вроде тех, какие он видывал на рисунках в священной истории; заложены эти колесницы в шестерки диких, бешеных лошадей и своими высокими колесами поднимают до неба облака пыли, а лошадьми правят люди, какие могут сниться или вырастать в сказочных мыслях. И как бы эти фигуры были к лицу степи и дороге, если бы они существовали!**» [21, с.164-165]. Обращение к героическому прошлому Руси, упоминание об Илье Муромце и Соловье Разбойнике, на наш взгляд, здесь дано не случайно. Автор повести таким образом связывает прошлое и настоящее своей страны с прошлым и грядущим будущим своего героя, заставляет читателей вспомнить это прошлое, удивится его величием и не забывать об этом.

После такого лирического отступления автор снова возвращает нас к реальности, продолжая описывать путь героя его глазами: «**По правой стороне дороги на всем ее протяжении стояли телеграфные столбы с двумя проволоками. Становясь всё меньше и меньше, они около деревни исчезали за избами и зеленью, а потом опять показывались в лиловой дали в виде очень маленьких, тоненьких палочек, похожих на карандаши, воткнутые в землю. На проволоках сидели ястребы, кобчики и вороны и равнодушно глядели на двигавшийся обоз**» [21, с.165].

Таким образом, в приведенном примере знакомство читателя с пейзажным описанием способствует эмоциональному и эстетическому развитию, пробуждает искреннее чувство любви к своему краю, родной природе, прививает доброе и бережное отношения к окружающей действительности. При этом следует отметить, что важную роль в пейзажных описаниях патриотической направленности играет и присущий им психологизм, так как они оказывают влияние на психоэмоциональное состояние читателя.

Функция патриотического воспитания возложена и на национальный (или локальный) пейзаж в художественной литературе, который представляет собой описание природы конкретного региона и отражает особенности культуры, менталитета и мировосприятия народа. Через образы природы передаются духовные ценности, традиции и исторические события, формируя у читателей чувство принадлежности к своей стране.

В связи с все возрастающей востребованностью интернет-текстов развиваются исследования, посвященные роли национального пейзажа в формировании языковой картины мира. Так, в работах З.А.Дубинец, В.Н.Левиной, М.А.Брагиной, К.В.Карабинеровой, Р.А.Ворониной и других ученых описывается таврическая степь, тувинский пейзаж, английский пейзаж, арктический и водный пейзажи [2; 3; 6; 8].

Например, в ходе анализа образа пространства Тувы в Рунете было установлено, что «описание вербальных и невербальных средств формирования образа Республики Тува как уникального региона России в разножанровых виртуальных креолизованных русскоязычных интернет-текстах о путешествиях (блоги, посты, сайты)» создает положительный образ региона, способствует его восприятию как важной части большой страны, тем самым привлекая в регион большое количество соотечественников для детального знакомства с этим краем [2, с.187]. Отмечается, что «образ Тувы раскрывается, визуализируется как другой мир, другое пространство посредством текстовых пейзажных единиц (природа, воздух, Тува), эмотивной лексики (красиво, переполняет от эмоций и др.), эпитетов (девственная природа), метафор (фантастические краски)» [2, с.190].

Таким образом, пейзажное описание в художественном тексте уникальный феномен, который содержит изобразительную семантику, выраженную имплицитно или эксплицитно и получающую свое развитие в условиях контекста.

Язык художественной литературы как в лексическом, так и в грамматическом отношении представляет собой очень сложное образование: в нем в той или иной степени и в разных формах находят свое отражение самые разнообразные формы общенародного языка, преломленные сквозь призму мировоззрения и мастерства писателя, что, в свою очередь, позволяет нам говорить об особенностях языковой картины мира писателя.

При анализе языковой картины мира с точки зрения ее репрезентации в пейзаже необходимо рассматривать пейзажные описания как особый семантический тип, говорить о них с позиций их лексической наполняемости,

морфологической и синтаксической выраженности, а также особенностей функционирования в них изобразительно-выразительных средств языка. Необходимо учитывать многофункциональность пейзажных описаний, обращать внимание на их взаимосвязь с общим движением повествования, историческим и культурным контекстом, анализировать их роль в раскрытии авторского замысла, выявлять способы выражения психологического состояния героев посредством особого типа пейзажных единиц.

Таким образом, современные исследования пейзажа показывают его как сложный художественный феномен, требующий комплексного анализа с учетом всех его функций и особенностей проявления в литературном произведении. Пейзаж выступает не просто как декорация, а как важный инструмент создания художественного образа, помогающий раскрыть характеры героев, передать авторский замысел и создать в произведении целостную, многогранную картину событий. Пейзажное описание – это и средство создания художественного пространства, и способ представления читателю авторского мировоззрения, и инструмент характеристики персонажей, и важный композиционный элемент в структуре произведения, который не может быть рассмотрен вне исторического и культурного контекста времени создания произведения.

Литература

1. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. – СПб.: Паритет, 2005. – 412с.
2. Брагина М.А., Левина В.Н. Образ пространства Тувы в Рунете // Новые исследования Тувы. – 2023. – №4. – С.185-199.
3. Воронин Р.А. Виды и функции пейзажных описаний в литературе // Филология и лингвистика в современном мире: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2017 г.). – М.: Буки-Веди, 2017. – С.1-4.
4. Воронин Р.А. Особенности имён прилагательных в описаниях арктического пейзажа в «Северных» рассказах Джека Лондона // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т.12, №11. – С.285-288.
5. Даниленко И.А. Роль пейзажных единиц в номинативном поле дуального концепта «любовь и одиночество» (на материале романа Ф.С. Фицджеральда «The great Gatsby» / «Великий Гетсби») // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2016. – Т.2, № 4. – С.3-8.
6. Дубинец З.А. Таврическая степь как элемент языковой картины мира (на материале творчества русских и украинских писателей) // Перекоп – ворота в Крым: материалы III Международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 49-58.
7. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. – 5-е изд. – Нарзань: Пилигрим, 2010. – 486 с.
8. Карабинерова К.В. Роль пейзажа в рассказе У.С.Мозма «Дождь» (“Rain”) // Гуманитарные науки. Студенческий научный форум: материалы LXX студенческой Международной научно-практической конференции. – М., 2023. – С.129-136.
9. Кожевников В.М., Николаев П.А. Литературный энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – 752 с.
10. Левина В.Н. Пейзажная картина мира в системе русской языковой культуры. – автореферат дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Левина Вера Николаевна. – Тамбов, 2013. – 45 с.
11. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. – М.: Дет. лит., 1988. – 238с.

12. Логвиненко С.В. Роман Михаила Пришвина «Осударева дорога». Философия. – М., 2019. – 152 с.
13. Лошкарёва К.Ю. Синтаксис пейзажных зарисовок К.Г.Паустовского // Современные научные знания: сборник статей II Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2023. – С.146-149.
14. Меньшикова Е.Е. Концептуализация пейзажа в рекламном туристическом нарративе // Research Forum 2025: материалы Международной научно-практической конференции. – Петрозаводск, 2025. – С.50-58.
15. Пупышева Е.Л. Пейзажные модели в идиолекте С.Т.Романовского // Язык – текст – дискурс: дискурсивное измерение языковых процессов: материалы VIII международной научной конференции. – Самара, 2022. – С.143-148.
16. Пыж А.М. Лингвостилистические особенности и прагматические функции водного пейзажа в романе Вирджинии Вульф “No the lighthouse” “На маяк”) // Актуальные вопросы науки и практики: материалы XVI Международной научно-практической конференции: в 2-х ч. – Уфа, 2025. – С.158-168.
17. Пыхтина Ю.Г. Функционально-семантическая типология пространственных образов и моделей в русской литературе: автореф. дис. ... д-ра филол наук: 10.01.01, 10.01.08 / Пыхтина Юлиана Григорьевна. – М., 2014. – 30 с.
18. Русова Н.Ю. Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. От аллегории до ямба. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 304 с
19. Рябова В.Н. Пейзажная единица текста: семантика, грамматическая форма, функция (на материале произведений А.П.Чехова): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Рябова Вера Николаевна. – Тамбов, 2002. – 25 с.
20. Синютин А.А. Народная культура в контексте формирования современных патриотических установок // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2025. – №1 (140). – С.37-42.
21. Чехов А.П. Степь // Чехов А.П. Повести и рассказы. – Р/на-Дону, 1984.

LANDSCAPE IN FICTION: CONTEMPORARY INTERPRETATIONS AND CONTEXTS

Bragina Marina Alexandrovna

Candidate of philology,
the head of the Russian language chair №1
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 495 787 38 03, ext. 15 13
bragina-ma@rudn.ru

Levina Vera Nikolayevna

Doctor of philology, associate professor,
professor of the Russian language chair №1
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 434 00 01, ext. 15 86
levina_vn@mail.ru

Igumnova Elena Sergeevna

Candidate of philology,
teacher of additional education of the Russian language chair №1
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 434 00 01, ext. 15 86
igumnova-es@rudn.ru

Sharapava Alena Vasiljewna

Senior lecturer of the chair of humanities
Belarusian-Russian university
212000, Republic of Belarus Mogilev, Mira, 43
elenasharapova@tut.by

In the article, the main contemporary trends and various approaches to the study of landscape descriptions in fiction are analyzed. Special attention is paid to key aspects and methods of investigating the role of landscape as an integral element of the artistic structure of a work, its function in revealing the ideological content and characterization of characters. In the study of landscape units as an element of the author's linguistic worldview, certain trends have emerged that indicate a new perception of the role of landscape descriptions. Landscape descriptions in fiction are unique entities that contain figurative semantics, expressed implicitly or explicitly and developed within the context. The analysis revealed that contemporary research is already moving beyond linguistics, focusing on the psychological, methodological, philosophical, and cultural aspects of landscape in fiction. Landscape is a complex artistic phenomenon that requires comprehensive study, taking into account all its functions and manifestations in modern literary works, taking into account both linguistic and literary aspects, as well as the cultural context of the era of the work's creation.

Keywords: landscape; linguistic picture of the world; landscape unit; figurative semantics; cultural context; psychologism.

**МАНЗАРА ДАР МАТНИ БАДЕЙ:
ТАҒЙИРУ ТАВЗЕҲҲОИ МУОСИР ВА КОНТЕКСТҲО**

Брагина Марина Александровна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
мудирӣ кафедраи забони русии №1
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дустии халқҳои Русия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 495 787 38 03, ид. 15 13
bragina-ma@rudn.ru

Левина Вера Николаевна

Доктори илмҳои филологӣ, дотсент,
профессори кафедраи забони русии №1
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дустии халқҳои Русия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, ид. 15 86
levina-vn@rudn.ru

Игумнова Елена Сергеевна

Номзади илмҳои филологӣ,
муаллими таълими иловагии кафедраи забони русии №1
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дустии халқҳои Русия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, ид. 15 86
igumnova_es@pfur.ru

Шарапова Елена Васильевна

Сармуаллими кафедраи фанҳои гуманитарӣ
Донишгоҳи Беларусу Россия
212000, Ҷумҳурии Беларусь, Могилёв, хиёб. Мир, 43
elenasharapova@tut.by

Дар мақола самтҳои асосии муосир ва равишҳои гуногуни омӯзиши тавсифҳои манзара дар матни бадеӣ таҳлил карда мешаванд. Таваҷҷуҳи махсус ба ҷанбаҳои калидӣ ва усулҳои таҳқиқи нақши манзара ҳамчун унсури ҷудонашавандаи сохтори бадеии асар дода мешавад, ки вазифаи он дар ошкор сохтани мазмунӣ ғоявӣ ва тавсифи персонажҳо ифода меёбад.

Дар омӯзиши воҳидҳои манзаравӣ ҳамчун унсури манзараи забонии ҷаҳони муаллиф тамоюлҳоеро дидан мумкин аст, ки аз навгониҳои дар дарки нақши тавсифҳои манзаравӣ пайдошуда шаҳодат медиҳанд. Тавсифи манзара дар матни бадеӣ як сохтори махсус буда, дорои семантикаи тасвирӣ мебошад, ки метавонад ба таври имплицитӣ ё эксплицитӣ ифода ёфта, дар шароити контекст рушд меёбад.

Таҳлил нишон дод, ки тадқиқоти муосир аз доираи лингвистика берун рафта, тавачҷуҳи худро ба ҷанбаҳои равшанӣ, методологӣ, фалсафӣ ва фарҳангшиносии манзара дар матни бадеӣ равона мекунанд. Манзара ҳамчун як падидаи мураккаби бадеӣ дарк мешавад, ки барои омӯзиши ҳаматарафа бо дарназардошти тамоми вазифаҳо ва хусусиятҳои зухури он дар асари адабии муосир зарурат дорад. Ин омӯзиш бояд ҷанбаҳои ҳам лингвистӣ, ҳам адабиётшиносӣ ва инчунин заминаи фарҳангии давраи эҷоди асарро дар бар гирад.

Калидвожаҳо: манзара; манзараи забонии ҷаҳон; воҳиди манзаравӣ; семантикаи тасвирӣ; контексти фарҳангӣ; равшанӣшиносӣ.

УДК 37.013.32

**МОРФЕМНЫЙ КОНСТРУКТОР:
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИГРА НА УРОКАХ РКИ**

Алюнина Юлия Матвеевна

Кандидат филологических наук, PhD in linguistics,
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 20 12 (11-59)
aliunina_yum@pfur.ru

Меденица Лука

Доктор филологических наук,
профессор кафедры славистики филологического факультета
Белградский университет
заместитель председателя
Общество славистов Сербии
11000, Сербия, Белград, Студентски трг, 3
Тел.: +381 11 2638622
luka.medenica@fil.bg.ac.rs

Григорян Виолетта Амаяковна

Кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка и профессиональной коммуникации
Институт филологии и межкультурной коммуникации
Российско-Армянский (Славянский) университет
0051, Республика Армения, Ереван, ул. О.Эмина, 123
Тел.: +(374 12) 775 775
violetta.grigoryan@rau.am

Статья посвящена описанию игры «Пустая фраза», представляющей собой морфемный конструктор, который позволяет увидеть и «потрогать», как морфемы участвуют в создании слов, как слова образуют фразы. Цель игры – создать полноценную фразу из отдельных морфем. Игра была разработана для закрепления навыков морфологии и словообразования у учащихся, которые изучают русский язык как иностранный, и апробирована в аудитории с русскоязычными эритажными говорящими, с носителями финского и итальянского языков. Положительный отклик об игре стимулировал её адаптацию к формату мастер-класса для учителей русского языка за рубе-

жом. В данной работе приводится теоретико-методологическое описание игры, адаптированной к формату мастер-класса для «Зимней школы», которая ежегодно проводится для школьных учителей-русистов в Российском центре науки и культуры «Русский дом» в Белграде (Сербия). Дается краткое описание ситуации с преподаванием русского языка в Сербии; описываются процедура игры «Пустая фраза» и её игровые атрибуты; приводится методическая и образовательная ценность игры на уроках русского языка как иностранного.

Ключевые слова: языковая игра; русский как иностранный; словообразование; морфология; морфемика.

Введение. Настоящая статья представляет собой результат теоретико-методологического осмысления игры «Пустая фраза», представляющей собой морфемный конструктор и ориентированной на закрепление знаний морфологии и словообразования у учащихся, которые изучают русский язык как иностранный [9]. В основе статьи лежит опыт разработки и апробации игры «Пустая фраза», которая изначально была создана для проведения внеучебного занятия по дисциплине «Морфология и словообразование русского языка» в университете г. Турку (Финляндия) в 2016 году [9, с.154]. Слушателями курса были финские и русские студенты. Для первых русский язык был иностранным на уровне владения B2-C1, для вторых – эритажным [11], то есть унаследованным в иноязычной среде от родителей, которые являются носителями русского языка [2, с.3]. Повторная апробация игры состоялась в новой аудитории, которая включала носителей итальянского языка с уровнем владения русским языком между B1 и B2. Игра была интегрирована в образовательный процесс как внеучебное занятие по курсу «Русское словообразование» в Национальном исследовательском Томском государственном университете в 2017 году. Положительный отклик на такой тип образовательного мероприятия в аудиториях с разным уровнем владения русским языком как иностранным побудил к её развитию, популяризации и адаптации к формату мастер-класса для учителей русского языка за рубежом. Последний из таких мастер-классов был проведён на традиционной «Зимней школе» для педагогов-русистов в «Русском доме» в Белграде (Сербия) 13-14 января 2025 года при участии Общества славистов Сербии и Филологического факультета Белградского университета¹.

Целью данной статьи является систематизация опыта адаптации игры «Пустая фраза» к формату мастер-класса для учителей русского языка как иностранного в Сербии и методологическое описание организации внеучебного занятия с использованием приёма морфемного конструктора.

Логика статьи предполагает (1) краткое описание ситуации с преподаванием русского языка в Сербии и определение целевой аудитории, для которой проводился мастер-класс; (2) описание методического материала игры, критериев его

¹ Зимняя школа славистов в Русском Доме в Белграде // Русский дом в Белграде. URL: <https://serbia.rs.gov.ru/news/zimnyaya-shkola-slavistov-v-russkom-dome-v-belgrade/> (дата обращения: 05.09.2025).

отбора и процедуры проведения игры; (3) характеристика образовательной и методической ценности игры.

Место русского языка в системе школьного образования в Сербии

Образовательная реформа, начавшаяся в Сербии в 2000 году, затронула, в том числе, и преподавателей иностранных языков. В рамках данной реформы начало изучения первого иностранного языка было перенесено с пятого класса на первый класс восьмилетней школы, а второго иностранного языка – с третьего класса на пятый. Таким образом, в современной сербской системе образования русский язык изучают как первый иностранный язык, начиная с первого класса, и как второй иностранный язык – с пятого класса. Наибольшей популярностью среди иностранных языков в Сербии пользуется английский. Кроме него в школах также преподаются немецкий, французский, русский, испанский и итальянский языки [3; 4].

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики Сербии, русский язык в качестве первого иностранного изучает всего лишь около 0,4% учащихся восьмилетних школ. Таким образом, в подавляющем большинстве образовательных учреждений он преподаётся в статусе второго иностранного языка. В настоящее время его изучает приблизительно 17,6% школьников данного уровня [4].

Кроме того, русский язык изучается и в двуязычных школах. Двуязычное образование характерно не для всех стран мира. Напротив, оно является скорее исключением, чем обычной практикой. Выбор двуязычного формата образования может быть обусловлен разными причинами: формирование у населения навыков активного владения иностранным языком; сохранение языковой компетенции; поддержание социокультурной адаптации мигрантов; преодоление утраты языкового разнообразия; решение и предвосхищение проблем межкультурной коммуникации и др. [8, с.33, 10, р.311]. В Сербии развитию двуязычного обучения способствуют как школьные программы, так и культурные центры стран-партнёров, например, Российский центр науки и культуры в Белграде «Русский дом» [1, с.125]. Первые попытки организации русско-сербского двуязычного образования в Сербии относятся к 2007-2008 учебному году, когда оно было введено в формате восьмилетней школы «Ольга Петрова». Такое обучение продлилось лишь несколько лет и было отменено. К сожалению, та же участь постигла восьмилетнюю школу в г.Нови-Сад. На сегодняшний день русско-сербское двуязычное образование в Сербии осуществляется в двух гимназиях, а именно в гимназии «Йован Йованович Змай» в г.Нови-Сад и в гимназии г.Алексинаца [5, с.7]. В этих гимназиях обучение ведётся на двух языках. То есть русский язык преподаётся не только как отдельный предмет, но также используется в преподавании неязыковых курсов [1]. Как правило, полностью на русском языке обучение ведётся на 30-50% неязыковых предметов.

Важный вклад в поддержание обучения русскому языку в сербских школах делают Общество славистов Сербии и «Русский дом» – Российский центр науки и культуры в Белграде, которые ежегодно проводят двухдневную «Зимнюю школу», нацеленную на усовершенствование профессиональных компетенций у пе-

дагогов-русистов. Участниками этой программы являются учителя сербских школ. Программа «Зимней школы» включает ориентированные на практику лекции и мастер-классы, которые в основном проводят специалисты – исследователи, преподаватели и методисты из России и других стран мира. В 2025 году в программу Школы вошёл мастер-класс по организации занятия в формате игры «Пустая фраза», предназначенная для развития навыков морфологии и словообразования.

Процедура игры «Пустая фраза»

Методическая цель игры в формате морфемного конструктора состоит в закреплении теоретического материала и отработке практических навыков разбора слова по составу и создания новых слов. Игровая цель – составить фразу, которая соответствует морфемной схеме.

Для реализации игры «Пустая фраза» участникам необходимо разделиться на команды. В зависимости от количества человек может варьироваться и количество команд. Ведущим игры назначается преподаватель или один из учащихся, что допускается, если игра проходит в группе с высоким уровнем владения русским языком. На мастер-классе в «Зимней школе» участники были распределены по трём командам, а ведущим был приглашённый преподаватель.

В начале игры каждой команде предоставляются так называемые «пустые фразы». Это фразы, зашифрованные в виде морфем, маркеров служебных слов и местоимений с указанием морфологических признаков всех слов фраз. Все фразы разные, поэтому их морфемные схемы тоже различаются. Чтобы собрать фразу, необходимо «купить» все её компоненты. Каждый компонент имеет свою стоимость. Условной денежной единицей в игре является монета R (сокращение от *Rubles*). Чтобы получить игровые монеты, требуется выполнить задания и ответить на вопросы, связанные с русским языком и русской культурой. Каждый компонент фразы имеет свою стоимость (табл.1).

Таблица 2 – Стоимость морфем и слов в игре «Пустая фраза»

Компонент фразы	Стоимость за шт.
Корень	4 R
Суффикс	2 R
Приставка	2 R
Окончание	3 R
Служебное слово	1 R
Местоимение	1 R

** Таблица составлена авторами*

Вопросы и задания в игре распределены по трём категориям сложности. Сложность вопроса влияет на его стоимость. Каждой категории сложности соответствует свой носок¹ в зависимости от его цвета.

¹ Поскольку «Зимняя школа» проходила в послерождественский период 13-14 января, в игре использовались большие декоративные носки, которые традиционно вывешиваются на камин для

- Шуточные загадки и вопросы – 3R – красный носок.
- Лексика и грамматика – 2R – синий носок.
- Угадай мелодию, произнеси скороговорку – 1R – зелёный носок.

В процессе игры каждый человек в команде должен участвовать в выполнении заданий. Один и тот же человек не может выполнять два задания подряд. Игра реализуется полностью на русском языке. За использование сербского или иного иностранного языка, общего для участников игры, команда штрафует на 10R.

В комплект игры входят 2 набора игровых атрибутов: для команд и для ведущего.

Набор команды включает следующие атрибуты: 1) карточка с морфемной схемой; 2) карточка с названиями и количеством элементов, соответствующих морфемной схеме; 3) начальный капитал; 4) бонусные карты.

Рассмотрим подробнее каждый игровой атрибут команды.

1. Карточка с морфемной схемой или «пустой фразой» с обозначением морфологических признаков её слов (см. рис.1). Эта карточка является своеобразным аналогом игрового поля, которое индивидуально для каждой команды.

КОМАНДА 1									
прил. ж.р. И.п.	сущ. ж.р. И.п.	пр. ж.р. Д.п.	сущ. ж.р. Д.п.	кр.прил. ж.р. ед.ч.	пр. ж.р. ед.ч.	сущ. ж.р. Р.п.	пр. ж.р. ед.ч.	сущ. м.р. Д.п.	
Морфемная схема вашей фразы:	1	2	3	4	5	6	7	8	9
	л	л	л	л	л	л	л	л	л

К.Г. Паустовский

Рис. 1 – Морфемная схема к фразе «Истинная любовь к стране немыслима без любви к своему языку»

На рисунке выше приведена схема к фразе, использованной на мастер-классе по морфемному конструктору. Для удобства все слова фразы пронумерованы и отделены друг от друга вертикальными линиями. Над словами, зашифрованными в виде морфем, указаны их грамматические признаки. Слова под номерами 3, 6 и 8 – это предлоги, сокращённо маркированные как *пр.*

2. Карточка команды с названиями и количеством элементов «пустой фразы», которые необходимо собрать, а также совокупная стоимость этих элементов (табл. 2).

подарков или в качестве праздничного украшения. Вместо носков могут быть использованы разноцветные бумажные конверты, пакеты, коробки или другие ёмкости для размещения вопросов. Также можно использовать программные решения, как рандомайзеры, с помощью которых вопросы выпадают учащимся автоматически. Например, «Рандомус». URL: <https://randomus.ru/> (дата обращения: 07.09.2025).

Таблица 2 – Стоимость морфем и слов для «Пустой фразы» на рис. 1

Компонент и его количество во фразе	Стоимость / шт.	Компонент и его количество во фразе	Стоимость / шт.
Корень – 6	4	Приставка – 1	2
Окончание – 6	3	Предлог – 3	1
Суффикс – 4	2		
Необходимое количество монет для всех компонентов фразы			55

* Таблица составлена авторами

В качестве игровых фраз были выбраны изречения о языке, методическая ценность которых состоит в обогащении словарного запаса и развитии интереса к изучению языка. Поскольку в мастер-классе в «Зимней школе» участники были разделены по трём командам, было подобрано три фразы для каждой команды.

- Команда 1: «Истинная любовь к стране немыслима без любви к языку.»
(К.Г. Паустовский).
- Команда 2: «Как ни говори, а родной язык всегда остаётся родным.»
(Л.Н. Толстой).
- Команда 3: «Язык есть исповедь народа: в нем слышится его природа.»
(П.А. Вяземский).

Одним из критериев при подборе фраз была их условная стоимость в игровых денежных единицах. Для первой фразы необходимо заработать 55R, для второй – 47 R, для третьей – 50R.

3. Начальный капитал монет.

- Команда 1 – 11R.
- Команда 2 – 3R.
- Команда 3 – 6R.

Разное количество монет в стартовом капитале обусловлено количеством монет, которое необходимо собрать каждой команде, чтобы «купить» все необходимые компоненты для составления фразы. У Команды 1 полная стоимость фразы равна 55R, у Команды 2 – 47R, у Команды 3 – 50R. Начальный капитал необходим, что все команды начали игру в равных условиях, но при этом не создавать членам Команды 2 ощущение, что их стартовые условия отличаются от условий других команд. Поэтому Команда 2 – с минимальной стоимостью фразы – тоже получает начальный капитал. Таким образом, каждой команде для «покупки» всех морфем своей «пустой фразы» было необходимо заработать по 44R.

4. Бонусные карты. Это вспомогательные карты, которыми можно пользоваться по желанию в процессе игры для получения большего количества баллов при верном ответе на вопросы. На каждой карте написаны условия их использования (см. рис. 2-5). Каждую карту можно использовать только один раз. После использования карты её необходимо отдать преподавателю или ведущему игры.

Рис. 2 – Бонусная карта «Двое из ларца»

Рис. 3 – Бонусная карта «Жар-птица»

Рис. 4 – Бонусная карта «Кощей Бессмертный»

Рис. 5 – Бонусная карта «Баба Яга»

Изображения для бонусных карт были сгенерированы с помощью нейросети «Шедеврум»¹ от Яндекса. Текстовый запрос для генерации изображений включал описание персонажей и указание на использование стиля акварельной живописи для единообразного оформления картинок. Выбор персонажей для бонусных карт обусловлен их связью с русской культурой и корреляцией их волшебных сил с действиями, которые в игре «Пустая фраза» выполняют бонусные карты. Так карта «Кощей Бессмертный», который у А.Пушкина «над златом чах-

¹ «Шедеврум» URL: https://shdevrum.ai/?utm_source=vandex&utm_campaign=shdevrum_vandex_search_desktop&utm_content=15996734538&utm_term=шедеврум&yclid=2949331223351394303 (дата обращения: 03.09.2025).

нет»¹, удваивает монеты за правильный ответ на вопрос. Бонусные карты распечатываются на цветной плотной бумаге и при необходимости могут быть заламинированы для многократного использования. Количество комплектов бонусных карт должно соответствовать количеству команд в игре – каждая команда должна иметь все четыре бонусные карты на старте игры.

Набор ведущего представлен следующими игровыми атрибутами: 1) комплект вопросов и заданий; 2) конверт с игровыми монетами; 3) комплект необходимых элементов фразы для команд; 4) проверочный лист.

Рассмотрим, что входит в каждый атрибут из набора ведущего.

1. Комплект вопросов и заданий по трём уровням сложности. В первой и второй категории сложности было создано по 30 вопросов и заданий. В третьей, самой простой категории сложности, было разработано 46 заданий.

Наиболее сложные вопросы – Шуточные загадки и вопросы – оцениваются в 3R и предлагаются в красном носке. С одной стороны, эти вопросы развивают сообразительность и смекалку, с другой – дают возможность поработать с лексикой. Несколько примеров таких вопросов приведено ниже. В круглых скобках после вопроса даётся правильный ответ.

- Чем кончаются как день, так и ночь? (*мягким знаком*)
- С какой птицы нужно ощипать перья чтобы получилось сразу утро, день, вечер и ночь? (*с утки => сутки*)
- Чем кончается лето и начинается осень? (*буквой «о»*)
- Когда руки бывают тремя местоимениями? (*когда они вы-мы-ты*)
- От названия какого африканского животного надо отнять первую и последнюю буквы, чтобы получилось русское женское имя. (*ж_ИРА_ф*)
- На столе лежали три огурца и пять яблок. Вася взял со стола одно. Сколько овощей осталось на столе? (*три, потому что яблоки – это не овощи*²)
- По чему летает самолёт? (*по небу*³)
- Что общего у вора и дерева? (*их можно посадить*⁴)
- Почему сложные загадки опасны для людей? (*потому что люди над ними ломают свои головы*⁵)
- В одноэтажном розовом доме были: розовый стол, розовое кресло, розовый шкаф и розовый телефон. Какого цвета была лестница, ведущая на второй этаж? (*В доме не было лестницы, так как дом был одноэтажным*⁶)

¹ У лукоморья дуб зелёный (отрывок из поэмы «Руслан и Людмила») // Культура.РФ. URL: <https://www.culture.ru/poems/4447/u-lukomorva-dub-zelvonvi-otrvok-iz-poemv-ruslan-i-lyudmila> (дата обращения: 06.09.2025).

² В загадке есть местоимение-числительное среднего рода, которое указывает на то, что было взято яблоко (оно), а не огурец (он).

³ «Почему» и «по чему» – разные слова в русском языке.

⁴ «Посадить» – многозначное слово в русском языке.

⁵ «Ломать» – многозначное слово в русском языке. «Ломать голову» – переносное значение.

⁶ В России первый этаж – это то же самое, что в Европе нулевой этаж.

Некоторые из разработанных вопросов представляют собой игру слов на русском языке, а какие-то позволяют обсудить особенности русского быта, как, например, последний вопрос в приведённом выше списке.

Задания среднего уровня сложности – Лексика и грамматика – оцениваются в 2R. Для этой категории сложности необходимо разрабатывать задания по тем лексико-грамматическим темам, которые, по наблюдениям, могут вызывать наибольшие трудности у участников. При адаптации мастер-класса к «Зимней школе» в Сербии к таким темам были отнесены падежные окончания, причастные и деепричастные обороты, спряжения глаголов. Также включались задания, напрямую относящиеся к сути игры – связанные с темой словообразования. Примеры заданий среднего уровня сложности приведены ниже.

- Образуйте наречия от следующих прилагательных: *красивый, умный, элегантный*.

- Образуйте прилагательные от следующих существительных: *курица, апельсин, мёд, кошка, олово, ягода*.

- Образуйте названия спортсменов в мужском и женском роде (если возможны два варианта) от следующих названий видов спорта: *биатлон, фигурное катание, плавание*.

- Образуйте причастие настоящего времени ж.р. и м.р., причастие прошедшего времени ж.р. и м.р. от следующих глаголов: *сверкать, говорить, петь*.

- Измените предложение, чтобы в нём использовался причастный оборот настоящего времени: *Девочка, которая катается на коньках, профессионально занимается спортом*.

- Измените предложение, чтобы в нём использовался деепричастный оборот: *Иван-дурак, который проспал на печи всю зиму, ухитрился поймать в проруби волшебную щуку*.

- Измените предложение, чтобы в нём использовалось придаточное времени вместо деепричастного оборота: *Поймав золотую рыбку, старик не мог поверить своему счастью*.

- Измените предложение, чтобы в нём использовалось придаточное определительное вместо причастного оборота: *Домовой, прячущийся за печкой, охраняет наш дом*.

- Сделайте предложные словосочетания со следующими словами: *идти + лес; жить + море; покупать + квартира*.

- Заполните пропуски в предложениях, используя правильные склонения в словосочетаниях.

Не позволяй _____ (русалки) разговаривать с тобой!

Чтобы получить подарок, расскажите стихотворение _____ и _____ (Дед Мороз и Снегурочка).

При разработке некоторых заданий для второго уровня сложности были использованы названия лексические единицы, апеллирующие к русской культуре и славянскому фольклору, как, например: *волшебная щука и Иван-дурак, золотая рыбка и старик, русалка, домовой, Дед Мороз и Снегурочка*.

Задания самого простого уровня сложности – Угадай мелодию, произнеси скороговорку – оцениваются в 1R. Эти задания позволяют через музыкальные композиции вспомнить произведения, связанные с русской культурой (художественные фильмы, мультфильмы, известные песни и мелодии), а через скороговорки – провести тренировку навыков произношения.

В заданиях на определение мелодии правильным ответом считалось сказать название песни или напеть её фрагмент, сказать название фильма или мультфильма, в котором звучит данная песня. Мелодии должны находиться у преподавателя на компьютере или на мобильном устройстве и быть пронумерованы. Учащиеся называют номер мелодии в обозначенном диапазоне, а преподаватель включает музыкальную композицию. Если мелодия угадана, преподаватель исключает её номер из дальнейшего опроса. Если нет, мелодия возвращается в перечень вопросов. На мастер-классе в Сербии таких музыкальных заданий было 30. Источником мелодий послужил интернет-ресурс «Дети Онлайн»¹. Названия некоторых музыкальных композиций, задействованных на мастер-классе, даны ниже.

- Музыка к песне «Ах вы сени, мои сени».
- Музыка к песне «Смуглянка».
- Музыка к песне «Катюша»
- Музыка к песне «Колыбельная медведицы» из мультфильма «Умка» (1969).
- Музыка к песне «Песенка Винни Пуха» из мультфильма «Винни Пух» (1969).
- Музыка к песне «Никого не будет в доме» из фильма «Ирония судьбы, или С лёгким паром!» (1975).
- Музыка к песне «Никого не будет в доме» из фильма «С любимыми не расставайтесь» (1975).
- Музыка к песне «Новогодние игрушки», которую исполняет Анита Цой.
- Мелодия «Вальс цветов» из балета П.И. Чайковского «Щелкунчик».
- Мелодия «Вступление» из балета П.И. Чайковского «Лебединое озеро».

Выбор музыкальных композиций, апеллирующих к русской культуре, обусловлен целевой аудиторией мастер-класса, в которую в основном входят преподаватели среднего возраста (40-44 года), причём три четверти из них работает в восьмилетних школах [6]. Для проведения игры «Пустая фраза» в аудитории со школьниками или студентами более узнаваемыми могут оказаться другие музыкальные композиции и соответствующие им российские фильмы и мультфильмы.

Также в заданиях третьего уровня сложности давались скороговорки. Их было отобрано 16. Каждая скороговорка предварялась текстом «Произнесите скороговорку без ошибок». Примеры скороговорок приведены ниже.

- *Бублик, баранку, батон и буханку
Пекарь из теста испёк спозаранку.*

¹ «Дети Онлайн». URL: <https://deti-online.com/> (дата обращения: 06.09.2025).

- *Мама мыла Милу мылом, Мила мыло не любила.*
- *Мышки сушек засушили, мышки кошек пригласили.*
- *Шёл корабль с карамелью, наскочил на третью мель, и матросы три недели карамель на мели ели.*
- *На горе Арарат рвала Варвара виноград.*
- *У ежа ежата, у ужа ужата.*
- *Четыре чёрненьких чумазеньких чертёнка чертили чёрными чернилами чертёж чрезвычайно чётко.*
- *Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет.*
- *Зимним утром от мороза
На заре звенят берёзы.*
- *Ехал Грека через реку,
Видит Грека в реке – рак.
Сунул Грека руку в реку,
Рак за руку Греку – цап!*

При выборе скороговорок внимание обращалось на разнообразие отрабатываемых звуков, а также на лексику, которая должна быть понятна участникам мастер-класса.

Таким образом, все задания, разработанные для мастер-класса по игре «Пустая фраза», позволяют затронуть не только морфологию и словообразование русского языка, но и другие темы, связанные с грамматикой, лексикой, фонологией, а также русской культурой.

2. Конверт с игровыми монетами – это второй атрибут комплекта ведущего в игре «Пустая фраза». В нём находятся условные игровые монеты R, распечатанные на плотной бумаге. Количество монет не обязательно должно соответствовать совокупной стоимости всех компонентов фраз, которые требуется составить в игре. Монет может быть меньше, потому что в процессе игры участники могут «покупать» морфемы, служебные слова и междометия у преподавателя и тем самым возвращать монеты в условный банк.

3. Комплект необходимых элементов фразы для команд – это карточки-морфемы и карточки со служебными словами и междометиями. Для создания этого комплекта необходимо напечатать фразу крупным шрифтом, разделить её на морфемы путём расстановки пробелов, распечатать документ и разрезать фразу по морфемам, служебным словам и междометиям.

Поскольку в игре задействовано три команды и, соответственно, три фразы, их компоненты тоже конструируют разные фразы. Поэтому компоненты разных фраз необходимо распечатать на бумаге разных цветов. Так для мастер-класса на «Зимней школе» Команда 1 собирала фразу зелёного цвета, Команда 2 – оранжевого, Команда 3 – жёлтого. В начале игры все компоненты фраз размещаются на общем столе в единых группах (или «кучках») в зависимости от типа морфемы: корни, суффиксы, приставки, окончания. В отдельные группы складываются служебные слова и местоимения. Когда член определённой команды «покупает»,

например, корень слова, он берёт его из группы корней, выбирая карточку того цвета, которая соответствует цвету фразы, собираемой его командой.

4. Проверочный лист – это документ преподавателя с фразами, написанными полными словами, и проверочными таблицами, в которых указано, из какого количества морфем, служебных слов и междометий состоит каждая фраза, задействованная в игре. Например, фразе «Язык есть исповедь народа: в нём слышится его природа» (П.А.Вяземский) соответствует следующая проверочная таблица (табл. 3).

Таблица 3 – Пример проверочной таблицы к «пустой фразе»

Корень	7	Местоимение	2
Окончание	5	Предлог	1
Суффикс	1		

Таким образом, в процессе игры «Пустая фраза» участники делятся на команды, получают карточки с морфемными схемами своих фраз, отвечают на вопросы, зарабатывают игровые монеты R, «покупают» у преподавателя компоненты фраз за R и расшифровывают фразу в рамках своей команды. Выигрывает команда, первой собравшая фразу.

Используемые в игре материалы (карточки, бонусные карты, вопросы, носки для вопросов и др.) и тактики (конкурентное поведение и групповая/самостоятельная работа) позволяют учащимся задействовать все каналы восприятия информации:

- визуальный, связанный с чтением как видом речевой деятельности, – чтение текстов заданий, анализ структуры морфемной фразы;
- аудиальный, связанный с аудированием как видом речевой деятельности, – прослушивание вопросов, ответов, музыкальных композиций, которые вызывают ассоциации с художественными фильмами и мультфильмами на русском языке;
- кинестетический – работа с физическими атрибутами игры при составлении фразы.

Такой методический приём способствует более прочному закреплению знаний, умений и навыков, полученных и отработанных на занятиях, и позволяет провести урок в непринуждённой обстановке.

Заключение. Методическая цель занятия в формате игры «Пустая фраза» достигается посредством выполнения задачи вовлечь учащихся в образовательный процесс и оценить их уровень освоения программы не только по морфологии и словообразованию, но и по другим направлениям, как грамматика и лексика, чтение и аудирование. Игра даёт преподавателю возможность оценить знания и умения учащихся, проверить, насколько доступно был объяснён материал, и понять, на что стоит обратить внимание в дальнейшей педагогической практике. Помимо этого, игра даёт возможность развить культурную компетентность посредством музыкальных заданий, бонусных карт и соответствующей лексики во всех игровых заданиях и вопросах.

Литература

1. Вучо Ј.Ј. Двојезична настава страних језика у Србији. Језици у образовању и језичке образовне политике / ур. Ј.Филиповић, О.Дурбаба. – Београд: Филолошки факултет, 2014. – С.107-151.
2. Выренкова А.С. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык / А.С.Выренкова, М.С.Полинская, Е.В.Рахилина // Вопросы языкознания. – 2014. – №3. – С.3-19.
3. Гинић Ј., Меденица Л. Настава руског језика у основној школи: актуелно стање и перспектива. Руски језик у Србији и Републици Српској данас // Зборник радова поводом 75 година Славистичког друштва Србије / ур. Б.Марић, Ј.Гинић, Л.Меденица. – Београд: Славистичко друштво Србије, 2023. – С.115-128.
4. Јовановић А. Страни језици у формалном образовању Србије. Руски језик у Србији и Републици Српској данас // Зборник радова поводом 75 година Славистичког друштва Србије / ур. Б.Марић, Ј.Гинић, Л.Меденица. – Београд: Славистичко друштво Србије, 2023. – С.95-114.
5. Меденица Л., Гинић Ј. Постигнућа ученика на пријемном испиту за упис у српско-руско билингвална одељења // Примењена лингвистика. – 2018. – №19. – С.23-29. doi.org/10.18485/primling.2018.19.2
6. Меденица Л., Матрусова А.Н. Актуальные проблемы и вызовы сербских педагогов-русистов // Русский язык за рубежом. – 2021. – №2. – С.77-81. doi: 10.37632/PI.2021.285.2.011
7. Милоевич М. Опыт преподавания русского языка в двуязычном обучении // Русский язык как инославянский. – 2009. – №1. – С.123-126.
8. Смокотин В.М. Многоязычие и проблемы преодоления межъязыковых и межкультурных коммуникативных барьеров в современном мире. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 222с.
9. Alyunina Y.M. Morpheme Constructor or «Empty Phrase»: Learning Word Formation in a Game Way // Language, Individual & Society. – 2018. – №12. – P.153-163.
10. Brisk M.E. Bilingual Education: from Compensatory to Quality schooling / ed. J.W.Rosenthal. – Mahwah: Erlbaum, 1999. – P. 311–315.
11. Protassova E. Teaching Russian as a heritage language in Finland // Heritage Language Journal. – 2008. – №1(6). – P. 127–152.

MORPHEME CONSTRUCTOR: WORD FORMATION GAME FOR RUSSIAN FOREIGN LANGUAGE LEARNERS

Alyunina Yulia Matveevna

Candidate of philological sciences, PhD in linguistics
senior lecturer of the chair of Foreign languages
specialist of Research and Academic Institute of modern languages,
intercultural communication and migration

RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 434 20 12, ext. 11-59

aliunina_yum@pfur.ru

Medenica Luka

PhD in philological sciences,
associate professor of the chair of Slavic studies
of faculty of philology
University of Belgrade
vice-president of the Serbian association of slavists
3 Studentski trg, Serbia, Belgrade, 11000
Ph.: +381 11 2638622
luka.medenica@fil.bg.ac.rs

Grigoryan Violetta Amayakovna

Candidate of pedagogical sciences, associate professor,
associate professor of the chair of Russian language and professional communication
Institute of philology and intercultural communication
Russian-Armenian (Slavonic) University
123 Hovsep Emin str., Yerevan, Republic of Armenia, 0051
Ph.: +(374 12) 775 775
violetta.grigoryan@rau.am

This article is devoted to the game "Empty Phrase," a morpheme construction, that allows students to see and "to touch" how morphemes contribute to the creation of words and how words form phrases. The goal of the game is to create a complete phrase from individual morphemes. The game was developed to reinforce morphological and word formation skills in students learning Russian as a foreign language and was tested in a classroom with native speakers of Russian heritage, Finnish, and Italian. The positive response to the game prompted its adaptation as a workshop for Russian language teachers abroad. In this paper, a theoretical and methodological description of a game adapted for the Winter School workshop format is presented, which is held annually for school teachers specializing in Russian studies at the Russian Center for Science and Culture "Russian House" in Belgrade, Serbia. It briefly describes the current state of Russian language teaching in Serbia, describes the procedure for the "Empty Phrase" game and its game attributes, and highlights the methodological and educational value of the game in Russian as a foreign language lesson.

Keywords: language game; Russian as a foreign language; word formation; morphology; morphemics.

КАЛИМАБАНДИИ МОРФЕМЙ: БОЗИИ КАЛИМАСОЗӢ ДАР ДАРСҲОИ РКӢ

Алюнина Юлия Матвеевна

Номзади илмҳои филологӣ, PhD in linguistics,
омӯзгори калони кафедраи забонҳои хориҷии
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 434 20 12 (11-59)
aliunina_yum@pfur.ru

Меденица Лука

Доктори илмҳои филологӣ, профессори кафедраи славистика
факултети филология
Донишгоҳи Белград
муовини раиси Иттиҳодияи славистони Сербия
11000, Сербия, Белград, Студентски трг, 3
Тел.: +381 11 2638622
luka.medenica@fil.bg.ac.rs

Григорян Виолетта Амаяковна

Номзади илмҳои педагогӣ, дотсент,
дотсенти кафедраи забони русӣ ва коммуникатсияи касбии
Институти филология ва коммуникацияи байнифарҳангӣ,
Донишгоҳи (Славянии) Русӣ-Арманӣ
0051, Ҷумҳурии Арманистон, Ереван, кӯч. О.Эмин, 123
Тел.: +(374 12) 775 775
violetta.grigoryan@rau.am

Макола ба тавсифи бозии «Ибораи ҳолӣ» бахшида шудааст ва худ конструктори калимабандии морфемӣ мебошад, ки имкон медиҳад чӣ гуна иштирок кардан ва чӣ тавр калимаҳо ба ибора табдил ёфтани морфемаҳоро дар сохтани калимаҳо равшан دیدан ва эҳсос намоем. Ҳадафи асосии бозӣ сохтани як ибораи пурра аз мачмӯи морфемаҳои ҷудогона мебошад. Ин бозӣ барои таҳкими малакаҳои морфология ва калимасозӣ дар байни хонандагон тарҳрезӣ шудааст, ки забони русиро ҳамчун забони хориҷӣ меомӯзанд; он дар гурӯҳҳои дорои гуяндагони русзабони меросӣ, инчунин донишҷӯёни финӣ ва итолиёӣ санҷида шудааст. Назарҳои мусбат ба бозӣ боис гардид, ки он барои формати дарсҳои устодӣ барои омӯзгори русзабон дар хориҷ мӯтобиқ карда шавад. Дар мақолаи мазкур тавсифи назариявӣ ва методологии бозӣ пешниҳод мешавад — бозие, ки барои мастер-класси «Мақтаби зимистона», ки ҳар сол барои омӯзгори русшинос дар Маркази илмӣ-фарҳангии Русия «Русский дом» дар Белград (Сербия) доир мегардад, мӯтобиқ карда шудааст. Илова бар ин, шарҳи мухтасари вазъияти омӯзиши забони русӣ дар Сербия низ пешниҳод мешавад; тартиби гузаронидани бозии «Ибораи ҳолӣ» ва

унсурҳои бозии он тавсиф мегардад; аҳамияти методӣ ва таълимии ин бозӣ дар дарсҳои русӣ ҳамчун забони хориҷӣ нишон дода мешавад.

Калидвожаҳо: бозии забонӣ; русӣ ҳамчун забони хориҷӣ; калимабандӣ; морфология; морфемика.

УДК 81'36:81'246.3:316.774

ИЗМЕРЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БИЛИНГВОВ: РОЛЬ МЕТОДОВ ЯЗЫКОВОЙ ДИАГНОСТИКИ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

Александрова Оксана Ивановна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего и русского языкознания
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 787 38 03, доб. 12 73

alexandrova_oi@pfur.ru

alexandrova-oi@rudn.ru

Жарбулова Сауле Траровна

Кандидат филологических наук, профессор РАЕ,
старший преподаватель кафедры русского языка и литературы
Кызылординский государственный университет им. Коркыт Ата
Республика Казахстан, Кызылорда, Айтеке би, 29А

Тел.: +7242 26 27 14

Zharbul@korkyt.kz

Эбзеева Юлия Николаевна

Доктор социологических наук,
заведующий кафедрой иностранных языков
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 37 45, доб. 12 65

ebzeeva-yun@rudn.ru

Значимость выявления факторов, влияющих на повышение уровня языковых компетенций у билингвов на постсоветском пространстве, и актуальность задач по сохранению функционального билингвизма с учетом специфики языковых ситуаций в странах СНГ определили приоритеты данного исследования. Целый ряд проблем, волнующих исследователей-лингвистов, нуждается в разработке: Какие факторы оказываются наиболее важными при определении уровня владения первым и вторым языком билингвов? Каковы современные методы определения уровня владения языками и каковы их ограничения? Есть ли взаимосвязь между результатами использования инструментальной диагностики языковой грамотности с помощью тестирования на образователь-

ной платформе и результатами анализа социолингвистических данных? Наконец, в каких языковых ситуациях билингвы подтверждают свой уровень билингвизма на практике? В исследовании предпринята попытка приблизиться к ответам на эти вопросы, используя данные эксперимента, в котором участвовало 24 респондента из Азербайджана, Кыргызстана и Казахстана. Эксперимент построен на совмещении метода диагностики языковых компетенций с помощью образовательной платформы и метода комплексного социолингвистического опроса. Результаты пробного исследования показали, что 50% билингвов, считающих свой уровень владения русским языком отличным, с одной стороны, подтверждают его минимальным количеством ошибок, а с другой – при тестировании совершают ошибки в заданиях уровня А1-В1. Определяющими факторами формирования высокого уровня владения русским языком билингва оказались самооценка владения языком, выбор русского языка, а не первого в качестве основного для общения с друзьями и регулярного чтения. Сравнительный анализ различных социолингвистических ситуаций показал, что поддержанию высокого уровня владения русским языком в странах СНГ способствуют прежде всего сохранение русскоговорящей среды и поддержание русского языка на государственном уровне. Безусловно, масштабирование эксперимента может дать новые результаты, однако подход видится перспективным и оригинальным.

Ключевые слова: билингвизм; русский язык; языковая компетентность; диагностика; социолингвистические факторы.

Введение. Основной целью данного исследования является выявление предикторов языковой компетентности через комплексный качественно-количественный анализ результатов поуровневого тестирования на образовательной платформе билингвов из стран СНГ с различными языковыми ситуациями, то есть определение возможных причин различий в уровнях владения билингвами русским языком.

Актуальность изучения факторов, влияющих на уровень языковой компетентности билингвов, живущих в странах СНГ, обусловлена сложностью и различиями социолингвистических ситуаций: в условиях многонациональности, языковой политики и глобальных процессов сохранение функционального билингвизма требует особого внимания, в том числе анализа взаимовлияния социальных, образовательных и культурных условий. В современных исследованиях языковых компетенций билингвов рассматривается целый ряд аспектов как социолингвистического, так и методического характера, например, социолингвистические факторы и их влияние на билингвизм [см. 4; 5; 6 и др.], методы диагностики языковой компетентности [см. 1; 7 и др.], сохранение функционального билингвизма [2; 3; 8; 9; 10 и др.]. Тем не менее работ, в которых бы на основе экспериментальных данных проверялась связь результатов проверки языковой компетентности с социолингвистическими факторами, влияющими на уровень владения языком у билингвов, мы не нашли. В связи с этим на современные подходы к изучению билингвизма, а методология направлена на выявление конкретных механизмов влияния социолингвистических факторов на языковую компетентность.

Для эмпирической проверки гипотезы о взаимосвязи социолингвистических факторов и уровня языковой компетентности использовались качественно-количественные методы анализа данных, позволяющие получить статистически подтвержденные результаты. Особое внимание уделялось ограничениям: данные

не анализировались с точки зрения типов ошибок (грамматические, лексические), что затрудняет их лингвистическую классификацию, а самооценка уровня владения (например, «с трудом») может быть субъективной. Для преодоления этих ограничений в дальнейших исследованиях планируется комбинирование количественных тестов и опросов с качественными интервью.

Методы и материал исследования. Постановка задачи исследования обусловила использование индуктивного подхода с опорой на экспериментальные данные: для того, чтобы определить значимость факторов, определяющих языковые компетенции и уровень владения языками, необходимо охватить максимальное количество возможных социолингвистических факторов и сравнить данные с результатами проверки уровня владения языком. С этой целью в данном исследовании были использованы два ключевых инструмента: 1) обучающая платформа ЛингвоДок, разработанная сотрудниками Института системного программирования РАН <http://edu.ispras.ru/>, к которой специально для проведения исследования авторам был предоставлен доступ, 2) социолингвистическая анкета, разработанная О.А.Казакевич в Институте языкознания РАН¹. Выбор данных инструментов объясняется рядом причин:

1) Обучающая платформа ЛингвоДок <http://edu.ispras.ru/> содержит как обучающие, так и контролирующие блоки, характеризуется уровневой организацией материала и тестовых заданий по принципу от базового к профессиональному, позволяет выгружать статистические данные по результатам прохождения тестов обучающимися.

2) Социолингвистическая анкета позволяет максимально охватить факторы, влияющие на формирование языковых компетенций билингвальной личности, поскольку содержит 36 вопросов, касающихся места проживания респондента в разные периоды жизни, места учебы, профессии, национальности респондента и членов его семьи, родного языка и языков, используемых респондентом и членами его семьи и окружением в различных языковых ситуациях, функциональное использование языков, оценку респондентом уровня владения различными языками.

К проведению экспериментальной части исследования были привлечены 24 билингва из Азербайджана, Кыргызстана и Казахстана, согласившиеся принять участие в исследовании, количество участников обусловлено большим объемом поставленных перед респондентами задач. Для пилотного исследования такая выборка видится нам достаточной, поскольку позволяет апробировать метод совмещения подходов к анализу языковой компетентности.

Первичный отбор респондентов осуществлялся на основании прямого доступа исследовательского коллектива к ним, их самоопределения как билингвов и их уверенности в свободном владении русским и родным языками. Все участники относятся к категории молодежи в возрасте 24-32 лет (17 девушек и 7 юношей), получают или уже имеют высшее образование (за исключением 1 респондента из Азербайджана). В каждой из трех групп страновой принадлежности вы-

¹ <http://ilingran.ru/main/departments/ural-altaic> (дата обращения: 07.09.2018)

делено по две подгруппы респондентов на основании критериев, потенциально способных влиять на уровень владения русским языком, а именно: постоянное место проживания билингвов, основной язык обучения в школе, определение билингвом одного из языков в качестве родного. Внимание к данным критериям основано на научных работах, посвященных социолингвистическим аспектам национально-русского билингвизма.

Экспериментальная часть исследования включала несколько этапов:

1) Каждый респондент регистрировался на обучающей платформе ЛингвоДок <http://edu.ispras.ru/> и выполнял задания, распределенные по уровням владения русским языком от A1 до C2. Платформа устроена так, что перейти к выполнению заданий следующего уровня можно только после безошибочного выполнения предшествующего. Каждый респондент выполнил не менее 30 заданий, проверяющих знание падежной системы, глагольного словоизменения и глагольного управления, различных синтаксических конструкций – от словосочетаний с предлогами до причастных оборотов, лексической сочетаемости, функциональных стилей. Результаты прохождения тестов с указанием ошибок и тестового задания с ошибками выгружались в сводную таблицу для дальнейшей обработки. Важным ограничением данного этапа (тестирования знания русского языка билингвами на обучающей платформе ЛингвоДок) является его ориентация исключительно на письменную речь, поэтому корреляции социолингвистических параметров и результатов оценки владения русским языком с помощью обучающей платформы ЛингвоДок могут относиться лишь к навыкам чтения и письма.

2) Каждый респондент, прошедший все уровни тестирования, получал ссылку на социолингвистическую анкету с 36 вопросами, размещенную на ресурсе Google forms, после чего данные выгружались в сводную таблицу для дальнейшей обработки. Использование электронной формы анкеты обеспечило сбор данных респондентов, находящихся в разных странах.

В качестве метода исследования выбран качественно-количественный анализ с применением корреляционного анализа по Спирману. Обработка результатов выполнения заданий респондентами позволила получить данные о количестве сделанных ими ошибок на каждом уровне, определить уровень от A1 до C1, на котором появляются первые ошибки, и ранжировать участников эксперимента по степени их владения русской письменной речью. Корреляционный анализ количественных показателей (ошибки) с полученными социолингвистическими данными (языковая среда, биография, идентичность, языковые практики) использовался для определения возможных предикторов языковой компетентности билингвов.

Результаты исследования. Анализ данных, полученных по результатам тестирования билингвов из отобранных стран СНГ, показал, что 50% (12 чел.) респондентов подтвердили высокий уровень владения русским языком, продемонстрировав минимальное количество ошибок 0-2 по результатам прохождения всех шести уровней, и всего 16% респондентов (4 чел.) совершили от 6 до 9 ошибок. Если рассматривать результаты правильного выполнения заданий в процентном соотношении к общему количеству в разрезе по странам и по предвари-

тельно выделенным на основе трех критериев группам (для азербайджанцев – постоянное место проживания билингов, для представителей Кыргызстана – основной язык обучения в школе, для казахстанцев – определение билингвами одного из языков в качестве родного), то наибольшие различия в результатах выполнения заданий по уровням наблюдаются в казахской и азербайджанской группах на уровне C1, а в киргизской группе на уровнях от B1 до C2 (рис.1). Выборка по подгруппам относительно мала, чтобы считать результаты релевантными, но полученные данные указывают на жизнеспособность выдвигаемой ранее гипотезы, что именно язык обучения в школе влияет на формирование языковой компетентности билинга на уровне письменной речи.

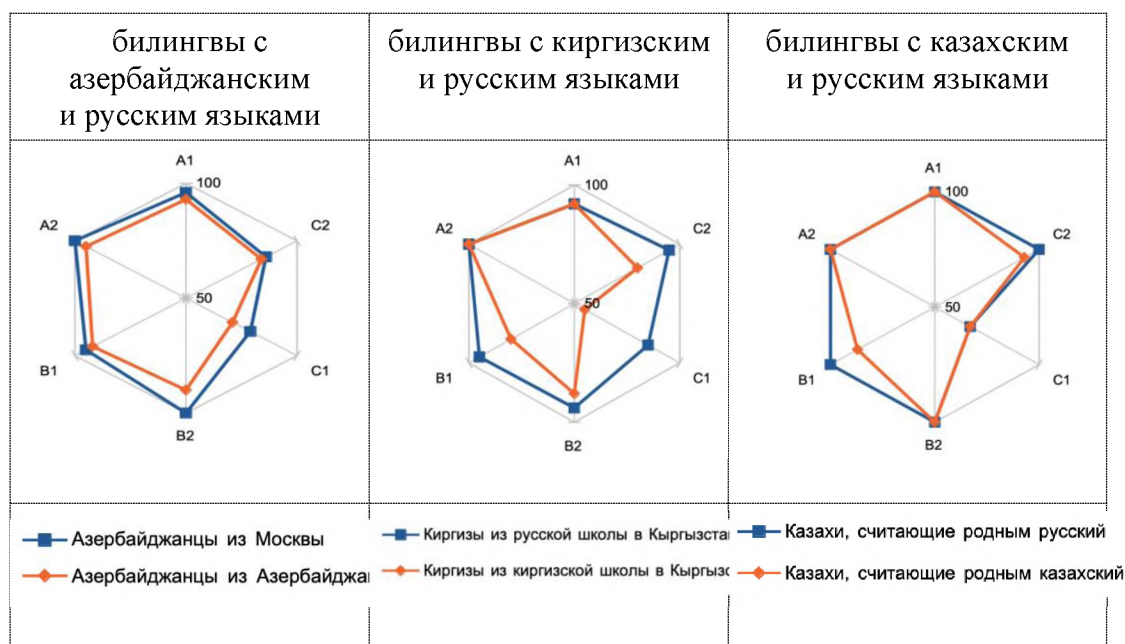

Рис.1 – Различия в количестве верно выполненных заданий на обучающей платформе представителями групп респондентов по странам с учетом различных критериев

Корреляционный анализ данных языковой компетентности, условно определяемой обратным соотношением с количеством ошибок, с данными социолингвистических факторов, закодированных в виде числовых переменных, показал, что из 36 параметров значимыми оказались лишь несколько. В таблице 1 показаны результаты сведенных количественных и качественных данных с учетом предполагаемых предикторов, заложенных на этапе отбора респондентов (постоянное место жительства, субъективная оценка ведущности одного из языков и уровня владения языками, язык обучения в школе), а также с учетом предикторов, показавших значимую корреляцию с результатами выполнения заданий и количеством ошибок.

Таблица 1 – Результаты обработки количественных и качественных данных по результатам тестирования и опроса, имеющие значение для выявления языковой компетентности билингвов (где А – азербайджанский язык, Р – русский, Кирг – киргизский, Каз – казахский; Р5 – русский на отлично, Р4 – на хорошо и т.д.)

		Уровень, где первые ошибки	Всего ошибок	Место проживания	родной язык	Самостоятельная оценка уровня владения языками	Язык до школы и в Школе	Общение Семья (Отец + Мать)	Чтение	Профессиональн ая / учебная деятельность	Друзья
Азербайджан	Анара	C2	1	Россия	P+A	P5 Az5 Тур4	P	A+P	P	P	PA
	Маммадали	C1	2	Россия	A+P	Az5 P5 Тур5 Англ4 Чеш3	P	P+P	PA	P	PA
	Айтадж	C1	2	Россия	P	P5 Az4 Англ3 Исп3	A+P	A+P	P	P	AP
	Айла	B1	2	Россия	P	Az5 P5	A+P	A+P	P, Англ	P	P
	Лала	A1	3	Россия	P	P5 Az4	P	P+P	P	P	PA
	Айсел	C2	0	Азербайджан	A	Az5 P4	A+P	A+P	P+A	A	A+P
	Яна	C1	1	Азербайджан	A+P	Az5 P5 Англ4	P+A	A+P	P	P	P+A
	Али	B1	3	Азербайджан	A	Az5 P5 Англ5	A+P	A+P	A	A	A
	Гаяс	A1	7	Азербайджан	A	Az5 P5	A+P	A+P	P+A	A+P	A+P
Киргизия	Тарана	A1	7	Азербайджан	A	Az5 P5	P+AP	A+P	Англ	A	A+P
	Асель	C2	0	Киргизия	Кирг	P5 Кирг4	P РШ	Кирг	P	P	Кирг
	Нурайым	C1	1	Киргизия	Кирг	P5 Кирг4	P РШ	Кирг	P	P	Кирг
	Айзада	A1	2	Киргизия	Кирг	P5 Кирг5 Англ5 Нем3	Кирг РШ	Кирг	P	P	P+Кирг
	Таалайбек	A1	5	Киргизия	Кирг	P5 Ан4 Кирг3	P РШ	P	P	P	P
	Мээрим	B2	4	Киргизия	Кирг	Кирг5 P3 Ан2	Кирг	Кирг	Кирг	Кирг	Кирг
	Бема	B1	5	Киргизия	Кирг	Кирг5 P5	Кирг	Кирг +P	P	P	P+Кирг
	Жанылай	A1	6	Киргизия	Кирг	Кирг5 P5 Тур4 Англ3	Кирг	Кирг	P+Кирг	Кирг	Кирг
	Нурбек	A1	9	Киргизия	Кирг	Кирг5 P3	Кирг	Кирг	Кирг	Кирг	Кирг
Казахстан	Райса	C1	1	Казахстан	P	P5 Каз3 Англ3	P	P	P	P	P
	Камила	C1	2	Казахстан	P+Каз	P5 Каз4 Англ4 Пол4	P	P	P	P	P
	Ангелина	C1	2	Казахстан	P	P5 Каз3 Ан3	Каз+P	P	P	P	P
	Зарина	C1	1	Казахстан+ Россия	Каз	P5 Каз4 Ан3	P	Каз	P	P	P
	Зайда	C1	1	Казахстан	Тур	P5 Тур5 Каз4 Ан4 Аз4	P+Каз	Тур+P	P	P	P+Каз
	Басар	B1	5	Казахстан	P+Каз	P5 Каз4 Тур3	P	P	P	P	P

Результаты корреляционного анализа по Спирмену показали, что языковая компетентность билингвов предсказывается прежде всего субъективной оценкой владения русским языком, языком общения с друзьями, языком чтения и опосредованно через эти три фактора — профессией, местом проживания в детстве (село или город) и языком школьного обучения (табл.2).

Таблица 2 – Значимые результаты корреляционного анализа данных по результатам выполнения заданий на образовательной платформе и социолингвистического опроса

Предиктор	ρ	p-value
Сельское детство	+0.32	0.13
Язык образования в школе	-0.37	0.07
Профессия	-0.39	0.06
Язык чтения	-0.46	0.02
Язык общения с друзьями	-0.51	0.01
Субъективная оценка владения русским языком	-0.62	0.001

Анализ полученных данных позволил сделать ряд наблюдений.

– Из показавших в результате анализа выраженные связи факторов значимым предиктором языковой компетентности оказалась субъективная оценка владения языком: респонденты, которые уверенно оценивали уровень владения языком на отлично совершали меньше ошибок.

– Вторым по значимости фактором оказался язык общения с друзьями: респонденты, общающиеся с друзьями только на русском, делают в 3 раза меньше ошибок, чем те, кто использует только родной (табл. 3):

Таблица 3 – Язык общения с друзьями и количество ошибок при выполнении заданий на русском языке

Группа	Среднее количество ошибок
Только русский язык	1.8 ± 0.9
Смешанное общение	3.4 ± 1.7
Только родной язык	6.2 ± 2.1

– Третьим по значимости предиктором языковой компетентности оказалось чтение на русском языке: билингвы, читающие преимущественно на русском языке, делают в среднем на 3.2 ошибки меньше (4.1 vs 7.3). Выбор русского языка (не другого языка билингва) в качестве основного для регулярного чтения может стать определяющим фактором формирования высокого уровня языковой компетенции билингва.

Построение регрессионной модели ($\text{Ошибки} = 6.7 - 1.9 \cdot \text{Самооценка} - 1.5 \cdot \text{Язык\_друзей} - 1.1 \cdot \text{Язык\_чтения} \rightarrow R^2 = 0.74$) позволяет утверждать, что вместе три этих фактора оказывают наибольшее влияние на формирование языковой письменной компетентности у билингвов, владеющих русским языком.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что языковая компетентность формируется через идентификацию – самооценку владения языком / языками, социальные практики, прежде всего, неформальное общение, и культурное потребление, а именно чтение на русском языке.

Заключение. Проведенное комплексное исследование, безусловно, требует масштабирования для подтверждения гипотезы (количество респондентов было достаточно скромным), но уже на малой выборке обнаруживает высокую значимость субъективных факторов (самооценка и языковые практики) на фоне формальных характеристик (тип школы, место проживания, профессия), которые оказываются важными, но вторичными.

Это означает, что эффективные программы поддержки билингвов должны, во-первых, развивать позитивную языковую идентичность, во-вторых, создавать среду неформального общения на целевом языке, в-третьих, обеспечивать доступ к аутентичным материалам для чтения.

Дальнейшая разработка этой гипотезы может опираться на глубинные интервью с соответствующими кейсами, например с ключевой проблемой: почему самооценка коррелирует с компетентностью сильнее объективных показателей? Перспективными видятся эксперимент по внедрению книжных клубов на русском языке для билингвов и замер прогресса в языковой компетентности билингвов одной из рассмотренных стран, который мог бы обеспечить верификацию данных и проверку рабочей гипотезы.

Литература

1. Арынбаева Р.А. Формирование лингвокультурологической компетенции казахстанских учащихся в обучении русскому языку как неродному / Р.А.Арынбаева, Ж.К.Маханова, Н.В.Дмитрюк // Русистика. – 2023. – Т. 21. – №3. – С.341-355. doi: 10.22363/2618-8163-2023-21-3-341-355.
2. Дербисева З.К. Особенности билингвизма в Кыргызстане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – Т.13, №1. – С.144-155. doi: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-144-155
3. Джусупов М. Билингвизм, полилингвизм в Центральной Азии и их взаимодействие в поликультурной тюркоязычной среде: Казахстан, Узбекистан // Полилингвистичность и транскультурные практики. – 2025. – Т.22, №2. – С.251-264. doi: 10.22363/2618-897X-2025-22-2-251-264
4. Жаркынбекова Ш.К., Чернявская В.Е. Казахско-русская билингвальная практика: смешение кода как ресурс в коммуникативном взаимодействии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – Т.13, №2. – С.468-482. doi: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-468-482
5. Исследование этнолингвокультурных особенностей коммуникативного поведения в молодежной среде Таджикистана: монография [Электронный ресурс] / Д.М.Искандарова, О.В.Ладыгина, С.Г.Сабирова [и др.]; под. ред. Д.М.Искандаровой, О.В.Ладыгиной. – СПб.: Сциентиа, 2025. – 112с. – Режим доступа: <https://scientia-pub.org/index.php/Sci/catalog/book/89>
6. Москвичева С.А., Гасанов М.М. Языковые практики и языковые идеологии при передаче языка в азербайджанской общине в Москве // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2021. – №3 (33). – С.59-69.
7. Хамраева Е.А., Кытина Н.И., Болмазова Е.В. Комплексная диагностика уровня владения

- русским языком обучающихся в полиэтнических классах РФ // Русистика. – 2023. – Т.21. – №3. – С.370-386. doi: 10.22363/2618-8163-2023-21-3-370-386
8. Aleksandrova O.I., Mikheeva E.S. Difficulties in decoding Russian colloquial speech in the formation of foreign students' communicative competence: word-formation and pragma-stylistic aspects // EDULEARN21 Proceedings. – 2021. – P.4266-4273.
9. Moskvitcheva S., Abdullayev R. Vectors and Key Factors of the Dynamics of Languages in the Secondary Education System in the Republic of Azerbaijan in 1990-2020 // International e-Journal of Advanced in Education. – 2020. – Vol.6, №18. – P.365-372. <https://doi.org/10.18768/ijaedu.81937>
10. Shelestyuk E. Professional communication in the Republic of Kazakhstan in conditions of diglossia and bilingualism [Electronic resource] / E.Shelestyuk, A.Suyunbayeva, M.Bukharbaev // Quaestio Rossica. – 2022. – Vol.10, №5. – P.1642-1656. – Access mode: <https://doi.org/10.15826/qr.2022.5.752>

MEASUREMENT OF LINGUISTIC COMPETENCE IN BILINGUALS: THE ROLE OF LANGUAGE DIAGNOSTIC METHODS AND SOCIOLINGUISTIC FACTORS

Alexandrova Oksana Ivanovna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of general and Russian linguistics
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 787 38 03, ext. 12 73
alexandrova_oi@pfur.ru
alexandrova-oi@rudn.ru

Zharbulova Saule Trarovna

Candidate of pedagogical sciences,
professor at the Russian Academy of natural studies,
senior lecturer of the chair of Russian language and literature
Kyzylorda state university named after Korkyt Ata
Republic of Kazakhstan, Kyzylorda, Aiteke bi, 29A
Ph: +7242 26 27 14
Zharbul@korkyt.kz

Ebzeeva Yulia Nikolaevna

Doctor of sociology,
head of the chair of foreign languages
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 434 37 45, ext. 12 65
ebzeeva-yun@rudn.ru

The importance of identifying factors influencing the improvement of linguistic competence among bilinguals in the post-Soviet space and the urgency of preserving functional bilingualism, taking into account the specific linguistic situations in the CIS countries, determined the priorities of this study. A number of issues of concern to linguistic researchers require further study: What factors are most important in determining bilinguals' proficiency in their first and second languages? What are current methods for assessing language proficiency, and what are their limitations? Is there a correlation between the results of instrumental language literacy assessments using testing on an educational platform and the results of sociolinguistic data analysis? Finally, in what language situations do bilinguals confirm their bilingualism in practice?

This study attempts to approach answers to these questions by using data from an experiment involving 24 respondents from Azerbaijan, Kyrgyzstan, and Kazakhstan. The experiment combines the method of assessing language competence using an educational platform and a comprehensive sociolinguistic survey. The results of the pilot study showed that 50% of bilinguals who consider their Russian proficiency excellent, while confirming this with a minimal number of errors, make mistakes in A1-B1 tasks during testing. The determining factors in developing a high level of Russian language proficiency in bilinguals were self-assessment of language proficiency and the choice of Russian, rather than their native language, as their primary language for communicating with friends and for regular reading. A comparative analysis of various sociolinguistic situations revealed that maintaining a high level of Russian language proficiency in the CIS countries is primarily facilitated by the preservation of the Russian-speaking environment and the promotion of the Russian language at the state level. While scaling up the experiment could certainly yield new results, the approach appears promising and original.

Keywords: bilingualism; Russian language; language competence; diagnostics; sociolinguistic factors.

ЧЕНКУНИИ САЛОҲИЯТИ ЗАБОНӢ ДАР БАӢНИ ДУЗАБОНҲО: НАКШИ УСУЛҲОИ ТАШХИСИ ЗАБОНӢ ВА ОМИЛҲОИ СОТСИОЛИНГВИСТӢ

Александрова Оксана Ивановна

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи забоншиносии умумӣ ва русии
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 787 38 03, доб. 12 73
alexandrova_oi@pfur.ru
alexandrova-oi@rudn.ru

Жарбулова Сауле Траровна

Номзади илмҳои филологӣ, профессори АФЕ,
омӯзгори калони кафедраи забон ва адабиёти руси
Донишгоҳи давлатии Қизилорда ба номи Қорқит Ата
Қазоқистон, Қизилорда, кӯч. Айтеке би, 29А
Тел.: +7242 26 27 14
Zharbul@korkyt.kz

Эбзеева Юлия Николаевна

Доктори илмҳои сотсиологӣ, мудири кафедраи забонҳои хориҷии
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 434 37 45, доб. 12 65
ebzeeva-vun@rudn.ru

Мавқеи муҳим доштани омилҳое, ки ба болоравии сатҳи салоҳияти забонии билингвҳо дар минтақаи пасошӯравӣ таъсир мерасонанд, инчунин зарурати ҳифзи билингвизми функционалӣ бо дарназардошти хусусиятҳои вазъҳои забонӣ дар кишварҳои ИДМ, самти асосии ин таҳқиқотро муайян кардаанд. Як қатор масъалаҳое, ки муҳаққиқонро ба изтироб меоранд, талабгори баррасии ҷиддӣ мебошанд: кадом омилҳо ҳангоми муайян кардани дараҷаи дониши забони якум ва дуҷуми билингвҳо нақши калидӣ доранд? Усулҳои муносири муайян намудани сатҳи дониши забонҳо кадоманд ва маҳдудиятҳои онҳо дар чист? Оё байни натиҷаи таҳлили асбоби саводнокии забонӣ дар платформаи таълимӣ ва маълумоти таҳлили сотсиолингвистӣ робита вучуд дорад? Билохир, дар кадом вазъиятҳои воқеии забонӣ билингвҳо сатҳи билингвизми худро собит месозанд? Дар таҳқиқот талош шудааст, ки бо истифодаи маълумоти таҷриба ба ин саволҳо наздик гарданд. Дар таҷриба 24 нафар аз Озарбойҷон, Қирғизистон ва Қазоқистон иштирок кардаанд. Тарҳи таҷриба ба ҳамгироии таҳлили сатҳи салоҳиятнокии забонӣ тавассути амалиёти таълимӣ ва усули пурсиши муфассали сотсиолингвистӣ асос ёфтааст. Натиҷаҳои таҳқиқоти озмоишӣ нишон доданд, ки 50% билингвҳое, ки сатҳи дониши забони русии худро оли мешуморанд, аз як тараф онро бо шумораи камтари хато тасдиқ мекунанд, аммо аз тарафи дигар - дар озмоишҳо ба саволҳои сатҳи А1–В1 хато роҳ медиханд. Омилҳои асосии ташаккули сатҳи баланди дониши забони руси билингвҳо чунин муайян гардиданд: ҳударзёбии сатҳи дониши забон, истифодаи забони русӣ ҳамчун василаи муоширати доимӣ бо дӯстон, ва одати мунтазами мутолиа. Таҳлили муқоисавии вазъиятҳои гуногуни сотсиолингвистӣ нишон дод, ки дар кишварҳои ИДМ нигоҳ доштани муҳити русзабон ва пуштибонии давлатӣ аз забони русӣ дар ҳифзи сатҳи баланди дониши русӣ нақши муҳим дорад. Яқинан, густариши таҷриба метавонад натиҷаҳои нав ба вучуд орад, аммо ҳудиди раванд дурнамодор ва беназир арзёбӣ мегардад.

Калидвожаҳо: билингвизм; забони русӣ; салоҳияти забонӣ; таҳлис; омилҳои сотсиолингвистӣ.

УДК 81'27:316.77

**ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛЬНОГО ВЫРАЖЕНИЯ ПРИВЕТСТВИЯ
В ЯЗЫКАХ РОССИИ И СТРАН СНГ**

Арсеньева Ирина Альбертовна

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка №3
Институт русского языка
Российского университета дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.10, корп.3
Тел.: +7 (985) 741 84 18
arsenyeva-ia@rudn.ru

Ельникова Светлана Игоревна

Кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой русского языка №3
Институт русского языка
Российского университета дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.10, корп.3
elnikova-si@rudn.ru

Салоев Азиз Тошмуродович

Кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой мировой литературы
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 10
saloev_aziz@mail.ru

В современном мире расширение языкового и культурного взаимодействия этносов в самых различных сферах общественной жизни занимает значительное место, что делает вопрос об их лингвокультурных особенностях чрезвычайно актуальным. Знание лингвокультурных сходств и различий этносов способствует лучшему пониманию их взаимодействия в процессе межкультурной коммуникации, препятствует образованию конфликтов и делает общение более успешным и эффективным. Многолетняя практика общения с иностранцами показывает, что во избежание непонимания и конфликтов с представителями различных лингвокультур необходимо владеть информацией об их самобытности и лингвокультурных особенностях, а также практическими умениями и навыками повседневного межкультурного общения с ними.

Цель данного исследования заключается в описании особенностей межкультурной коммуникации, а именно вербального выражения приветствия, в языках России (тувинском, ингушском и даргинском) и стран СНГ (белорусском, таджикском, туркменском, узбекском, киргизском, армянском, азербайджанском). Для достижения поставленной цели решается ряд задач: выясняется, во всех ли анализируемых языках существует разделение на официальную и неофициальную форму приветствия; определяется значение слов, от которых образованы языковые формы приветствия; устанавливается зависимость вербального выражения приветствия от религии, исповедуемой носителями языков. Делается вывод, что общим признаком вербального приветствия в рассматриваемых языках является использование как официальной, так и неофициальной форм приветствия, выражающих пожелание собеседнику добра и здоровья, а также мира (в языках, носители которых исповедуют ислам).

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; вербальные средства общения; коммуникативный акт; лингвокультура; официальная и неофициальная формы приветствия; культурный шок; эффективная коммуникация.

В современном мире расширение взаимодействия различных этносов и лингвокультур (совокупность культурных особенностей того или иного этноса, выраженная языковыми средствами) в самых различных сферах общественной жизни занимает значительное место, что делает вопрос об лингвокультурных сходствах и различиях этносов чрезвычайно актуальным. Знание лингвокультурных особенностей этносов призвано помочь лучшему их пониманию друг друга, препятствуя образованию конфликтов и делая межкультурные контакты более успешными и эффективными.

Многолетняя практика общения с иностранцами показывает, что для избежания непонимания и конфликтов с представителями различных лингвокультур необходимо владеть информацией об их самобытности и лингвокультурных особенностях, а также практическими умениями и навыками повседневного межкультурного общения с ними.

Цель данного исследования – описать особенности межкультурной коммуникации, а именно вербального выражения официальной и неофициальной форм приветствия, в языках России и стран СНГ. Под официальной формой приветствия в данной работе понимается приветствие в официальных ситуациях общения: в административных и государственных учреждениях, в условиях массмедиа, на работе с коллегами и др., а также в общении с собеседником, являющимся более старшим по возрасту или социальному положению; под неофициальной формой приветствия понимается приветствие в неофициальных ситуациях общения: с друзьями, с хорошими знакомыми, родственниками, а также в общении с собеседником, являющимся более младшим по возрасту или социальному положению.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач:

- 1) выяснить, во всех ли анализируемых языках существует разделение на официальную и неофициальную форму приветствия; если не во всех, то в каких из них отсутствует такое разделение и каким образом выражается приветствие;
- 2) определить, от каких слов образованы языковые формы приветствия, что они означают буквально и что желают таким образом представители различных

лингвокультур при приветствии; какие нюансы существуют в различных лингвокультурах при вербальном выражении приветствия;

3) установить, зависит ли вербальное выражение приветствия от религии, исповедуемой носителями того или иного языка.

В современном мире расширение взаимодействия различных этносов и лингвокультур (совокупность культурных особенностей того или иного этноса, выраженная языковыми средствами) в самых различных сферах общественной жизни занимает значительное место, что делает вопрос об лингвокультурных сходствах и различиях этносов чрезвычайно актуальным. Знание лингвокультурных особенностей этносов призвано помочь лучшему их пониманию друг друга, препятствуя образованию конфликтов и делая межкультурные контакты более успешными и эффективными.

Многолетняя практика общения с иностранцами показывает, что для избежания непонимания и конфликтов с представителями различных лингвокультур необходимо владеть информацией об их самобытности и лингвокультурных особенностях, а также практическими умениями и навыками повседневного межкультурного общения с ними.

Межкультурная коммуникация представляет собой межличностное общение людей, в процессе которого участники коммуникативного акта обнаруживают лингвокультурное отличие друг от друга; «совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам» [5, с.117]. Иными словами, отличительной чертой межкультурной коммуникации является принадлежность участников коммуникативного акта к разным лингвокультурам.

В процессе межкультурной коммуникации представители различных лингвокультур, в первую очередь, воспринимают и оценивают чужую лингвокультуру. Восприятие и оценивание происходит с точки зрения своей собственной лингвокультуры, каждый из коммуникантов считает её единственно правильной, а все другие – как отклонение от нормы. При появлении непривычных ситуаций во время контактов с представителями иной лингвокультуры и вследствие обнаружения лингвокультурных отличий каждый из участников коммуникативного акта познаёт свою собственную лингвокультуру. «В межкультурной коммуникации язык выступает, в первую очередь, как средство, которое используется для взаимопонимания участников коммуникации. Однако в каждом языке наличествует своё видение и восприятие мира, поэтому при коммуникации носителей различных языков возникают ситуации языкового несоответствия» [2, с.20].

Вербальным средством общения является непосредственно речь, делящаяся на внешнюю (выражающуюся в устной и письменной формах) и внутреннюю («проговаривание» про себя при подготовке к устной или письменной речи) [9, с.202-203]. К невербальным средствам общения относятся мимика, жесты, взгляды, телодвижения, дистанция. На успех либо неудачу коммуникативного акта влияет в том числе и знание особенностей способов коммуникации – вербальной и невербальной: «именно невербальный контекст составляет фон для

кодирования и декодирования вербальных сообщений. Как считают специалисты, лишь 35% информации в процессе коммуникации передается с помощью языка, а 65% информации, переданной в ходе общения, мы получаем с помощью невербальных средств» [5, с.101].

Причины возникновения культурного шока

В соответствии с теорией Сэпира-Уорфа носители разных языков видят мир по-разному. Каждый язык представляет одну и ту же окружающую действительность своим собственным способом, формируя таким образом языковую картину мира. Действительно, люди видят мир именно так, как они говорят о нём; а говорят люди о мире по-разному.

При контакте с чужой лингвокультурой коммуникант знакомится, по сути, с новой картиной мира. Несомненно, знакомство с новой лингвокультурой приятно, вызывает удивление, обогащает сведениями и расширяет кругозор. Однако нередко контакт с чужой лингвокультурой может привести к разнообразным трудностям в общении и конфликтам ввиду непонимания данной лингвокультуры.

В процессе межкультурной коммуникации происходит взаимодействие различных взглядов на мир. При этом каждый из участников коммуникативного акта придерживается правил речевого поведения, принятых в его родной лингвокультуре. Предубежденность и неоправданные ожидания представителей различных лингвокультур в процессе межкультурной коммуникации способны привести к несовпадению и столкновению их интересов, то есть к конфликту.

В результате непонимания речевого поведения друг друга у коммуникантов в процессе межкультурной коммуникации могут возникнуть психологические трудности в общении, когда несовпадение взглядов на мир может быть расценено одним из коммуникантов как странность, невежество другого или недоброе намерение, злой умысел, желание обидеть. Психологическое потрясение, стресс, вызванные воздействием новой культуры, называют культурным шоком. Термин «культурный шок» был впервые использован в 1960 году американским исследователем К.Обергом, который отметил, что человек, осваивающий незнакомую для себя культуру, испытывает неприятные эмоции, связанные с несовпадением ожиданий и вероятной негативной оценкой собственной культуры.

При этом различия между лингвокультурами являются источниками разного рода трудностей в общении, связанных, в том числе, с неодинаковой интерпретацией получаемых вербальных сигналов, что способно привести к непониманию, напряженности, культурному шоку, стрессу и конфликту. Таким образом, принадлежность коммуникантов к разным лингвокультурам зачастую нарушает их ожидания ввиду непонимания особенностей, вызывая негативные эмоции (недоверие, неуверенность, тревогу, неприятие) и, как следствие, приводя к неудаче коммуникации и невозможности продолжать общение.

Роль приветствия в межличностной коммуникации

Приветствие играет важную роль в межличностной коммуникации, поскольку, обращаясь при встрече к собеседнику с приветствием, человек тем

самым вступает с ним в диалог и задаёт тон предстоящей беседе. При выборе формы приветствия носителю любого языка необходимо оценить ситуацию, в которой происходит коммуникация, и учесть такие факторы, как:

- в какой ситуации происходит коммуникация: в официальной – в административном учреждении, на рабочем месте, в учебном заведении, в ресторане, в магазине и т.п. либо в неофициальной – дружеская беседа (например, в туркменском языке в официальной ситуации используется выражение *hoş geldiňiz* – Добро пожаловать, а в неофициальной – *Nahili gowu dos* – Как ты, друг? *Bamyňaý* – Как поживаешь;

- какое время суток – утро, день, вечер либо ночь (например, в таджикском языке существуют соответствующие выражения *Субҳ ба хайр* – Доброе утро, *Рӯз ба хайр* – Добрый день, *Шом ба хайр* – Добрый вечер, *Шаб ба хайр* – Доброй ночи).

Кроме того, на коммуникативное поведение человека, вступающего в межкультурную коммуникацию, могут оказывать влияние личностные особенности его собеседника, такие как:

- знакомый это или незнакомый человек (например, в белорусском языке знакомого человека можно поприветствовать с помощью выражения *Здароў, дружа* – Привет / Здравствуй, друг, а незнакомого с помощью выражений *Добрага здароўя, Жэлаю здравствавоваць* – Здравствуйте;

- один это человек или группа лиц (например, в русском языке слово *Здравствуй* используется в неофициальных ситуациях по отношению к одному человеку, а слово *Здравствуйте* – в официальных ситуациях к одному человеку для выражения уважения либо к группе лиц;

- в каких родственных (семейных) отношениях он состоит по отношению к нему;

- какого пола человек (например, во вьетнамском языке существует широкая сеть обращений, в обязательном порядке использующихся вместе с приветствием, характеризующих собеседника по признакам положения внутри семьи, пола, возраста и социального статуса);

- какого возраста (например, в сингальском языке вербальное приветствие сопровождается «разветвлённой системой обращений, выраженных более чем 20 разновидностями местоимений второго лица «ты» и «вы», употребление которых в речи зависит от степени уважения к собеседнику, его возраста, социального статуса, принадлежности к мужскому или женскому полу» [4, с.78];

- каков социальный статус человека и как он соотносится с его собственным положением в обществе (например, в таких языках Юго-Восточной Азии, как китайский, вьетнамский, при приветствии учителя обязательно используется соответствующее вербальное выражение, в сингальском языке при приветствии учителя или монаха так же используются соответствующие вербальные выражения);

- каков род деятельности или профессия (например, русское выражение *Здравия желаю* используется в военной среде между военнослужащими).

В толковых словарях можно найти следующие дефиниции слова *приветствие*. Приветствие – Принятое обращение (слова, жест, движение) при встрече. *Обмениваться приветствиями*¹.

Приветствие – 1. Действие по значению гл. *приветствовать*. Приветствовать – 1. Обращаться к кому-л. с приветствием. – *Здравствуй, Александр, – приветствовал он – племянника*. И.Гончаров, Обыкновенная история. 2. Одобрять, встречать что-л. сочувственно, доброжелательно. *Приветствовать чью-л. инициативу. Приветствовать решения съезда*. Обращение – Действие по знач. гл. *обратить* – *обращать* и *обратиться* – *обращаться*. Обратить – 1. Повернуть в сторону кого-чего-л. – *Жена моя обратила ко мне бледное своё лицо*. Пушкин, Метель. // Устремить (глаза, взор) куда-л., на кого-л. [*Ольга*] *обратила к нему взгляд такой глубокой признательности, что в этом взгляде почудилась ему искра, которую он напрасно ловил почти год*. И.Гончаров, Обломов. 2. перен. Направить, устремить к кому, чему-л. или на кого-, что-л. (свои чувства, мысли, действия и т.п.). – *Если ты не веришь в любовь, то обрати свои чувства на другой, более возвышенный предмет*. Достоевский, Дядюшкин сон.

Таким образом, приветствие представляет собой обращение, направление, устремление к кому, чему-л. или на кого-, что-л. своих чувств, мыслей, действий и т.п., способствующих привлечению внимания будущего собеседника и вступлению с ним в коммуникативный акт. Семантика слова *приветствие* несёт в себе положительную коннотацию, поскольку включает в себя такие компоненты, как ‘одобрение, сочувствие, доброжелательность’. Приветствие в качестве принятого обращения может быть выражено с помощью слов, жестов, движений. Любое приветственное выражение демонстрирует готовность и согласие человека завязать разговор с собеседником и акцентирует внимание на доброжелательном настрое по отношению к нему.

Вербальное выражение приветствия в России

Носители русского языка используют официальную и неофициальную формы приветствия, выражающие пожелание *здоровья* и *добра*. Русский язык – государственный язык Российской Федерации, один из двух государственных языков Беларуси, один из официальных языков Казахстана, Кыргызстана и некоторых других стран, основной язык международного общения в Центральной Евразии, в Восточной Европе, в странах бывшего Советского Союза; принадлежит к восточнославянской группе славянской ветви индоевропейской семьи; письменность – кириллица; религия – христианство.

В зависимости от времени суток русские используют такие выражения приветствия, как *Доброе утро, Добрый день, Добрый вечер, Доброй ночи*.

В официальных и неофициальных ситуациях носители русского языка в качестве вербального приветствия повсеместно используют универсальное слово

¹ Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П.Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>

Здравствуйте. Как правило, данное приветствие используется в официальных ситуациях, но оно также может использоваться и в неофициальных ситуациях по отношению: к знакомому либо незнакомому человеку, в том числе в ситуации знакомства; к одному человеку, к которому обращаются на Вы, либо к группе лиц; к людям разного пола, возраста, социального статуса, рода деятельности. Таким образом, используя приветствие *Здравствуйте*, русские не рискуют ошибиться и оказаться в неловкой ситуации:

– *Ну, здравствуйте,* – сказал он, сердечно пожимая мне руку (Войнович В. Персональное дело, 1975) (в официальной ситуации знакомства по отношению к незнакомому человеку, к которому обращаются на Вы);

– *Здравствуйте, товарищи,* – поздоровался генсек, входя в просторную комнату для переговоров (Ланцов. М., Фрунзе. Том 5, 2024) (в официальной ситуации знакомства по отношению к группе лиц более младшего социального положения);

– *Здравствуйте, дети,* – приветствовала их хозяйка бархатным голосом (Макарычев В. Завещание лейтенанта, 2016) (в официальной ситуации знакомства по отношению к группе лиц более младшего возраста).

Слово *Здравствуй* используется по отношению к одному человеку и подчёркивает доброе, ласковое отношение или уважение к собеседнику:

– *Ну, здравствуй, сынок!* – сказал отец и удивлённо взглянул на украшенное синяками лицо сына (Тихонова Р. Моя любимая – адвокат., 2024);

– *Здравствуй, девочка моя, вот как я люблю тебя* (Кремнёва Т. Режим рулит, 2024).

Кроме того, слова *Здравствуйте*, *Здравствуй* могут использоваться совсем не в качестве приветствия, а с целью ироничного выражения удивлённого несогласия, разочарования и т.п., ср. также в этом смысле устойчивое выражение *Здравствуйте, я ваша тётя*:

– *На третьем курсе завалил сессию, был отчислен – и здравствуй, родная армия!* (Чистякова Ю. Лабиринт для Риты);

– *Ей столько дней пришлось, зная точно о беременности, скрывать от мужа своё состояние. И вот, здравствуйте, я ваша тётя, такое равнодушие!* (Глушко. А. Чёрная вдова);

– *Вижу. В тёмном углу, практически не заметный для невнимательного взгляда, лежал труп. Здравствуйте, я ваша тётя* (Соколова Н.И. Коридоры истории, 2019).

Речевая формула *Добро пожаловать* представляет собой приветствие гостям, участникам чего-н., прибывающим куда-н.:

– *Добро пожаловать, гости дорогие! Присаживайтесь чай пить!* (Дорошенко А. Лесная история, 2020).

Приветствие *Желаю здравствовать* можно рассматривать как устаревшую официальную форму приветствия, встречающуюся в произведениях художественной литературы XVIII-XIX вв. в речи нижестоящего собеседника по отношению к вышестоящему:

– *Желаю здравствовать, милостивый государь!* – проговорил он, увидевши Ивана Фёдоровича (Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки, 1832);

– *Ну, и маслица...* – милостиво разрешил урядник. – [...] *А засим желаю здравствовать. Ещё раз мерси вам за подарочек и угощение* (Куприн А.И. Олеся, 1898);

Восмибратов. – *Желаю здравствовать, ваше высокородие! Имени, отечества не знаю-с...* (Островский А.Н. Лес, 1870);

– *Эхма!* – вскричал сапожник, притопнув ногой по полу. – *И рот широк, да не мне пирог! Так тому и быть!* Одно слово – *Желаю здравствовать вам, Пётр Якимыч!* (Горький Максим. Трое, 1901).

Приветствие *Здравия желаю* является воинским приветствием и используется в соответствии с воинским этикетом в речи военнослужащих при встрече друг друга; при этом младшие по званию (подчинённые) первыми приветствуют старших по званию (начальников):

– *Здравия желаю, товарищ полковник!* – поздоровался он (Боев Т.И. Куковод, 2021);

– *Тогда здравия желаю, товарищ генерал. Примите моё сочувствие вашему горю* (Симонов К. Солдатами не рождаются, 1964);

– *В таком случае здравия желаю, товарищ майор* (Глушков Р. Холодная кровь, 2008).

В неофициальных ситуациях для выражения дружеского расположения, дружеских чувств, доброжелательства русские широко используют слово *Привет* (для знакомых, приятелей, друзей, молодых людей, детей):

– *Привет, ребята, ну как вы тут?* – сказал новооявившийся парень (Изильтори Ф. Заключённые во мраке, 2019).

Кроме того, слово *Привет* может использоваться для выражения удивлённого несогласия, разочарования и т. п.:

– *Ну, вот только с личным – привет* (Леонидов М., Рубин Д. Привет).

В неофициальных ситуациях для выражения дружеского расположения, доброжелательства русские используют также речевые формулы: *Приветствую / Приветствую тебя / Приветствую Вас (вас) / Рад (-а, -ы) приветствовать Вас (вас) / Разрешите (Позвольте) приветствовать Вас (вас)* (в ситуациях, когда человек, являющийся более старшим по возрасту или выше по социальному положению, обращается к собеседнику более младшего возраста или более низкого социального положения):

– *Приветствуем тебя, новая одноклассница!* – хором проговорил класс (Большманн С. Талисман четырёх стихий, 2020);

– *Наконец-то по истечении стольких месяцев рад лично приветствовать вас, господа, – проскрежетал карлик* (Гаглов Е. Посевший бурю, 2018);

– *От лица капитана и всей команды разрешите приветствовать вас на борту теплохода «Остров сокровищ»* (Антонова А. Большая книга ужасов, 2022).

Слово *Здорово* является просторечным, звучит фамильярно, грубо и зачастую считается мужским приветствием:

– Здорово. Как дела? Как Север?.. – и заструилась неспешная мужская беседа (Ан Григорий. Непристойные предложения, украшающие жизнь. Зарисовки из жизни).

Суть опроса иностранных учащихся на тему «Вербальная коммуникация в вашей стране»

В Российском университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы в 2025 году был проведён опрос¹ иностранных учащихся 17-30 лет на тему «Вербальная коммуникация в вашей стране». Вступительное слово сообщало респондентам о том, что проводится анонимный опрос о правилах общения между представителями разных стран, ответы на вопросы которого помогут им лучше понять друг друга. Респондентам предлагалось ответить на вопросы, привести примеры на своём родном языке, перевести на русский язык и по возможности дать комментарии. В опросе учитывались такие признаки респондентов, как возраст, пол, страна и этнический язык – язык коммуникации определённого этноса, обеспечивающий социальное взаимодействие и социокультурные отношения между членами этноса. Все респонденты проходят обучение в РУДН и ежедневно вступают в коммуникацию с представителями разных стран. Разница в принятых в каждой стране правилах вербальной коммуникации, в частности, выражения приветствия, у представителей различных лингвокультур в определённых ситуациях может привести к лингвокультурному шоку ввиду непонимания или неправильного восприятия поведения собеседника, обиде и, как возможному последствию, к конфликту.

Актуальность опроса состоит в том, что данные, полученные в результате анализа ответов, впоследствии помогут преподавателям РКИ лучше понимать своих учащихся, представляющих различные лингвокультуры (сложившиеся у представителей определённого этноса правила, духовные ценности, традиции и обычаи, запечатлённые в их родном языке), обращать внимание на те или иные их лингвокультурные особенности, а иностранным учащимся – избегать потенциальных ошибок в речевом этикете по отношению друг к другу и с пониманием относиться к лингвокультурным особенностям друг друга. Эти данные могут использоваться преподавателями РКИ и иностранными учащимися в ходе различного рода выступлений на конференциях, при подготовке к публикации статей и учебно-методических пособий, что будет способствовать предотвращению культурного шока, конфликтов и содействовать более качественной межкультурной коммуникации.

Результаты анализа полученных данных проведённого опроса выглядят следующим образом.

Вербальное выражение приветствия в некоторых языках России²

• Тувинский язык – государственный язык Республики Тыва Российской Федерации¹, относится к тюркским языкам (саянской группе); письменность – ки-

¹ Опрос проводился с помощью гугл формы. URL: <https://docs.google.com/forms>

² Рассматриваются языки, носители которых приняли участие в анализируемом опросе.

риллица; религия – буддизм. Обзор вербальной и невербальной коммуникации в тувинском языке: [см. 6]. Офиц. и неофиц. (приветствие принято как в общении со взрослыми, так и с ровесниками): *Экии* – Здравствуйте / Привет (букв. Хорошо); неофиц. *Кээ* – Привет.

• Ингушский язык – государственный язык Республики Ингушетия Российской Федерации; наряду с чеченским образует вайнахскую группу нахской ветви нахско-дагестанской семьи; письменность – кириллица, до 1938 г. – латиница, религия – ислам. Об анализе основных факторов, определяющих актуальное состояние ингушского языка в современных условиях: [см. 3]. В ингушском языке нет слова, буквально соответствующего русскому слову *Здравствуйте*; в официальных и неофициальных ситуациях ингуши при приветствии желают друг другу добра: *Маьриша доаг/алда* – Здравствуйте / Привет (букв. Добро пожаловать), *Уйре дика хийла* – букв. Доброе утро, *Ди дика хилда* – букв. Добрый день, *Саире дика хийла* – букв. Добрый вечер; *Ас-салям алейкум* – Здравствуйте (букв. Мир вам). Народы, исповедующие ислам, при приветствии желают мира, используя арабское выражение *السَّلَامُ عَلَيْكُمْ* [ас-салям алейкум] – Здравствуйте (букв. Мир вам). Ответом на это приветствие традиционно является выражение, содержащее не меньше слов, чем само приветствие *وَعَلَيْكُمْ السَّلَامُ* [ва алейкуму-с-салям] – Здравствуйте (букв. И вам мир).

• Даргинский язык – государственный язык Республики Дагестан Российской Федерации; относится к нахско-дагестанской семье; религия – ислам; письменность с 1938 г. – кириллица. О фатической (контактоустанавливающей) функции речевого этикета в ицаринском диалекте цудахарско-сирхинского языка (даргинская ветвь нахско-дагестанских языков: [см. 8]. В официальных и неофициальных ситуациях даргинцы при приветствии желают друг другу добра, здоровья и мира: *Бахъул жуугъур* – Здравствуйте / Привет (букв. Будьте здоровы), *Хъуришид* – Добрый день, *Ас-салям алейкум* – Здравствуйте (букв. Мир вам), *Салам* – Привет.

Вербальное выражение приветствия в языках стран СНГ

• Белорусский язык – государственный язык Республики Беларусь; принадлежит к восточнославянской группе славянской ветви индоевропейской семьи; письменность – кириллица; религия – христианство. О вербальных и невербальных средствах выражения вежливости в повседневной жизни в английском и белорусском языках: [см. 10]. В официальных и неофициальных ситуациях белорусы при приветствии желают друг другу здоровья и добра: *Добрага здароўя* – Здравствуйте, *Желаю здравствуюватъ*, *Добрай раніцы* – Доброе утро, *Добры дзень* – Добрый день, *Добрага вечара* – Добрый вечер; неофиц.: *Прывітанне* – Привет, *Здароў, дружа* – Привет / Здравствуй, друг.

• Таджикский язык – государственный язык Республики Таджикистан; относится к иранской группе индоиранских языков индоевропейской семьи; письменность – в основном кириллица; религия – ислам. «Языковая ситуация в со-

¹ В данной работе рассматриваются только те республики и страны, из которых приехали респонденты, проходившие опрос.

временном Таджикистане характеризуется наличием больших и малых языков количество носителей и сферы функционирования которых имеют значительное различие» [7, с.321]. При официальных приветствиях таджики желают мира, здоровья и добра: *Ас-саляму алейкум* – букв. Мир вам, ответ: *Ва алейкуму-с-салям* – букв. И вам мир; *Саломат бошед* – Будьте здоровы; *Субҳ ба хайр* – Доброе утро, *Рӯз ба хайр* – Добрый день, *Шом ба хайр* – Добрый вечер, *Шаб ба хайр* – Доброй ночи; *Аз дидани шумо шодам* – Рад вас видеть; неофициальное приветствие: *Салом* – Привет.

- Туркменский язык – официальный язык Туркменистана, являющегося светским государством; принадлежит к огузской группе тюркских языков; письменность – латиница. Официальные и неофициальные формы приветствия: *Salam* – Здравствуйте / Привет (*Salam* – от арабского выражения *Ас-саляму алейкум* – Мир вам), *Hoş geldiniz* – Добро пожаловать; *Nahili gowu dos* – Как ты, друг? *Batuyňau* – Как поживаешь? (когда друзья не виделись долгое время).

- Узбекский язык – государственный язык Республики Узбекистан, являющегося светским государством; принадлежит к тюркской языковой семье; современная письменность – латиница, кириллицей пользуются в основном пожилые. О причинах, условиях и примерах поведения различных социальных групп возможных барьерах в процессе межкультурной коммуникации: [см. 1]. Официальная форма приветствия: *Assalyamu aleykum* [Ас-саляму алейкум] – Здравствуйте (букв. Мир вам); неофициальная также: *Салом* – Здравствуйте / Привет.

- Киргизский язык – государственный язык Кыргызской Республики, относится к киргизско-кыпчакской группе тюркских языков; письменность – кириллица (с 1940 г.); религия – ислам. Официальная форма приветствия связана с пожеланием здоровья: *Саламатсызбы!* – В добром ли вы здравии?; неофициальная: *Салам* – Привет.

- Армянский язык – государственный язык Республики Армения (религия – христианство); принадлежит к индоевропейской языковой семье, образуя в ней особую ветвь; письменность – фонетическое (звуковое) письмо на основе армянского алфавита. Официальное приветствие: *Purhlu! ðiq* [barev dzez] – Здравствуйте; неофициальное: *Purhlu!* [barev] – Привет.

- Азербайджанский язык – государственный язык Азербайджанской Республики (религия – ислам); принадлежит к юго-западной (огузской) группе тюркской языковой семьи; письменность – латиница: с 1992 года в стране начался постепенный переход с кириллицы на латиницу, который завершился в 2001 году. Официальное приветствие: *Salam aleykum* [assalyamu aleykum] – Здравствуйте, *Allahın köməyi, dəstəyi üstündə olsun* – Да пребудет с вами помощь и поддержка Аллаха; неофициальное: *Salam* – Привет.

Итоги проведенного опроса

По результатам проведенного опроса были решены поставленные задачи:

1) выяснено, что во всех рассмотренных языках России (тувинском, ингушском и даргинском) и стран СНГ (белорусском, таджикском, туркменском, узбекском, киргизском, армянском) существует разделение на официальную и неофициальную форму приветствия: офиц.: *Экии* – Здравствуйте; неофиц.: *Кээ* –

Привет (тувинский); офиц.: *Маъриша доаг/алда* – букв. Добро пожаловать; неофиц.: *Салам* – Привет (ингушский); офиц.: *Бахъул жугъур* – букв. Будьте здоровы, неофиц.: *Салам* – Привет (даргинский); офиц.: *Добрага здароўя* – Здравствуйте, неофиц.: *Прывітанне* – Привет, *Здароў, дружа* – Привет / Здорово / Здравствуй, друг (белорусский); офиц.: *Саломат бошед* – Будьте здоровы, неофиц.: *Салом* – Привет (таджикский); офиц.: *hoş geldiñiz* – Добро пожаловать; неофиц.: *Nahili gowu dos* – Как ты, друг? *Ватуһау* – *Как поживаешь?* (туркменский); офиц.: *Assalyamu aleykum* – Здравствуйте (букв. Мир вам), *Салом* – Здравствуйте / Привет (узбекский); офиц.: *Саламатсызбы!* – В добром ли вы здравии? и неофиц.: *Салам* – Привет (киргизский); офиц.: *Риштил̆̌ ̆̌л̆̌г [barev dzez]* – Здравствуйте; неофиц.: *Риштил̆̌ [barev]* – Привет (армянский); офиц.: *Salam aleykum* [assalyamu aleykum] – Здравствуйте; неофиц.: *Salam* – Привет (азербайджанский);

2) определено, что представители языков России (тувинского, ингушского и даргинского) и стран СНГ (белорусского, таджикского, туркменского, киргизского) при вербальном выражении приветствия желают собеседнику добра и здоровья: *Экии* – букв. Хорошо (тувинский); *Маъриша доаг/алда* – букв. Добро пожаловать, *Уйре дика хийла* – букв. Доброе утро, *Ди дика хилда* – букв. Добрый день, *Сайре дика хийла* – букв. Добрый вечер (ингушский); *Бахъул жугъур* – букв. Будьте здоровы (даргинский); *Добрага здароўя* – Здравствуйте, *Желаю здравствовать*, *Добрай раніцы* – Доброе утро, *Добры дзень* – Добрый день, *Добрага вечара* – Добрый вечер; *Здароў, дружа* – Привет / Здорово / Здравствуй, друг (белорусский); *Саломат бошед* – Будьте здоровы; *Субх ба хайр* – Доброе утро, *Рӯз ба хайр* – Добрый день, *Шом ба хайр* – Добрый вечер, *Шаб ба хайр* – Доброй ночи (таджикский); *hoş geldiñiz* – Добро пожаловать (туркменский); *Саламатсызбы* – В добром ли вы здравии (киргизский);

3) установлено, что в языках России (ингушском, даргинском) и стран СНГ (таджикском, туркменском, узбекском, киргизском, азербайджанском), носители которых исповедуют ислам, существует также религиозное приветствие, выражающее пожелание мира, заимствованное из арабского языка *السَّلَامُ عَلَيْكُمْ* [ас-саляму алейкум] – букв. Мир вам и ответ на это приветствие – выражение *وَعَلَيْكُمْ السَّلَامُ* [ва алейкуму-с-салям] – букв. И вам мир; а также сокращённое выражение *Салам* – Привет: *Ас-саляму алейкум* (ингушский); *Ас-саляму алейкум*, *Салам* – Привет (даргинский); *Ас-саляму алейкум*, *Ва алейкуму-с-салям*, *Салом* (таджикский); *Salam* (туркменский); *Assalyamu aleykum* (узбекский); *Салам* (киргизский); *Salam aleykum*, *Salam*, *Allahın kōmāyi, dāstāyi üstündə olsun* (азербайджанский).

Таким образом, сравнительное рассмотрение форм вербального выражения приветствия в языках России (тувинском, ингушском и даргинском) и стран СНГ (белорусском, таджикском, туркменском, узбекском, киргизском, армянском, азербайджанском) позволило сделать следующий вывод: общими признаками вербального выражения приветствия в рассматриваемых языках являются использование официальной и неофициальной форм приветствия, пожелание собеседнику добра и здоровья, а также мира (в языках, носители которых исповедуют ислам). Соблюдение правил речевого этикета при приветствии подчёркивает

вежливость и уважение участников коммуникативного акта и способствует успешной и эффективной межкультурной коммуникации.

Литература

1. Аватков В.А., Рожкова З.П. Особенности межкультурной коммуникации с узбекским народом // Вестник культурологии. – 2024. – №2 (109). – С.229-243.
2. Балыхина Т.М., Ветер О.В. Вербальная коммуникация как основа культуры этноса: толерантность и инновационность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: психология и педагогика. – М., 2016. – №1. – С.20-25.
3. Барахоева Н.М., Арсельгова М.А. Ингушский язык в контексте этнокультурного многообразия России // Социолингвистика. – 2024. – №4 (20). – С. 28-40.
4. Воробьёв В.В. Учёт лингвокультурных особенностей сингалцев в процессе межкультурной коммуникации / В.В.Воробьёв, И.А.Арсеньева, Кастури Арраччиге Амила Сурат Малрену // Филологические науки. – 2024. – №6s. – С.72-81.
5. Грушевицкая Т.Г. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / Т.Г.Грушевицкая, В.Д.Попков, А.П.Садохин; под ред. А.П.Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
6. Даржа У.А.О. О вербальной и невербальной коммуникации в тувинском языке // Вестник Тувинского государственного университета. – 2015. – №4 (27). – С.115-122.
7. Искандарова Д.М. Языковая ситуация в Таджикистане: этноконтактные зоны // РУСИН. Лингвистика и язык. – 2023. – №74. – С.319-338.
8. Муталов Р.О. Речевой этикет в ицаринском даргинском: формулы установления контакта // LITERA. – 2022. – №12. – С.91-99.
9. Синельникова А.П. Вербальная коммуникация // Вестник науки. – Иркутск, 2022. – №10 (55), Т.5. – С.202-206.
10. Шамберова Е.А. Беларусь в современном мире // Материалы XVI Международной научной конференции. – Гомель: 2023. – С. 208-213.

FEATURES OF THE VERBAL EXPRESSION OF GREETINGS IN THE LANGUAGES OF RUSSIA AND THE CIS COUNTRIES

Arsenyeva Irina Albertovna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the Russian language chair №3
Russian language Institute

RUDN University

10 building, 3 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Ph.: +7 (985) 741 84 18

arsenyeva-ia@rudn.ru

Yelnikova Svetlana Igorevna

Candidate of pedagogical sciences,
head of the Russian language chair №3
Russian language Institute
RUDN University
10 building, 3 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
elnikova-si@rudn.ru

Saloev Aziz Toshmurodovich

Candidate of philological sciences,
head of the chair of world literature
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 44 620 42 10
saloev_aziz@mail.ru

In the modern world, the expansion of linguistic and cultural interaction between different ethnic groups in various spheres of public life occupies a significant place, which makes the issue of linguacultural characteristics extremely relevant. Understanding the linguacultural similarities and differences between ethnic groups contributes to a better understanding of their interactions in intercultural communication, prevents conflicts, and makes communication more successful and effective. Many years of experience communicating with foreigners demonstrates that to avoid misunderstandings and conflicts with representatives of different linguacultures, it is necessary to be informed about their unique identities and linguacultural characteristics, as well as to possess practical skills and abilities for everyday intercultural communication with them.

The purpose of this study is to describe the characteristics of intercultural communication, specifically the verbal expression of greetings, in the languages of Russia (Tuvan, Ingush, and Dargin) and the CIS countries (Belarusian, Tajik, Turkmen, Uzbek, Kyrgyz, Armenian, and Azerbaijani). To achieve this goal, a number of tasks are solved: to determine whether all analyzed languages distinguish between formal and informal forms of greeting; to determine the meaning of the words from which the linguistic forms of greeting are derived; The dependence of verbal greetings on the religion professed by native speakers is established. It is concluded that a common feature of verbal greetings in the languages under consideration is the use of both formal and informal greetings expressing wishes for good health and well-being, as well as peace (in languages whose speakers profess Islam).

Keywords: intercultural communication; verbal means of communication; communicative act; linguaculture; formal and informal greetings; culture shock; effective communication.

**ХУСУСИЯТҲОИ ИЗҲОРИ ШИФОҲИИ ХАЙРАМАҚДАМГЎЙ
ДАР ЗАБОНҲОИ РОССИЯ ВА КИШВАРҲОИ ИТТИҲОДИ
ДАВЛАТҲОИ МУСТАҚИЛ**

Арсеньева Ирина Альбертовна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
дотсенти кафедраи забони русии №3
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 10, корп. 3
Тел.: +7 (985) 741 84 18
arsenyeva-ia@rudn.ru

Ельникова Светлана Игоревна

Номзади илмҳои педагогӣ, дотсент,
мудир кафедраи забони русии №3
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 10, корп. 3
elnikova-si@rudn.ru

Салоев Азиз Тошмуродович

Номзади илмҳои филологӣ,
мудир кафедраи адабиёти ҷаҳонӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 10
saloev_aziz@mail.ru

Дар ҷаҳони муосир густариши робитаҳои забонӣ ва фарҳангии миллатҳо дар соҳаҳои гуногуни ҳаёти ҷомеа аҳамияти калон дорад. Аз ин рӯ, омӯзиши хусусиятҳои лингвомаданиӣ онҳо мавзӯи рӯз ба ҳисоб меравад. Донишмандони ҷаҳонӣ ва тафовутҳои лингвомаданиӣ ба дарки беҳтари равандҳои муоширати байнифарҳангӣ мусоидат намуда, аз нофаҳмиҳо ва низоъҳои ҷидагирӣ мекунад ва робитаҳоро босамар мегардонад. Таҷрибаи тӯлонии муошират бо хориҷиён нишон медиҳад, ки барои пешгирӣ аз нофаҳмию низоъ дар муошират бо намоёндагонии фарҳангҳои гуногун, донишмандони вижагирӣ миллӣ, забонӣ ва фарҳангии онҳо, инчунин доштани малакаҳои амалӣ дар муоширати ҳаррӯзаи байнифарҳангӣ зарур аст.

Мақсади тадқиқоти мазкур тавсифи хусусиятҳои муоширати байнифарҳангӣ, аз ҷумла шаклҳои шифоҳии салом додан, дар забонҳои халқҳои Россия (тувинӣ, ингушӣ ва даргинӣ) ва кишварҳои ИДМ (беларусӣ, тоҷикӣ, туркманӣ, ўзбекӣ, қирғизӣ, арманӣ, озарбойҷонӣ) мебошад. Барои расидан ба ин ҳадаф як қатор вазифаҳо гузошта шудаанд: муайян кардан зарур аст, ки оё

дар ҳамаи ин забонҳо шаклҳои расмӣ ва ғайрирасмӣ салом додан вучуд доранд; таҳлили маъноӣ вожаҳои асосӣ саломӣ муайян карда мешавад; ва муайян намудани таъсири дин ба шаклҳои изҳори салом.

Ҳамин тариқ ба хулосае омадан мумкин аст, ки дар ҳамаи ин забонҳо ҳам саломҳои расмӣ ва ҳам ғайрирасмӣ вучуд доранд, ки орзую дуои неки саломатӣ, бахт ва сулҳро ба ҳамсухбат мерасонанд. Дар забонҳои халқӣ, ки дини исломо пайравӣ мекунад, мафҳуми сулҳ (“осоиш”, “оромӣ”) нақши марказӣ дорад.

Калидвожаҳо: муоширати байнифарҳангӣ; воситаҳои шифоҳии иртибот; ақидаи коммуникативӣ; лингвистика; шаклҳои расмӣ ва ғайрирасмӣ саломдихӣ; хайрати фарҳангӣ; муоширати самаранок.

УДК 811.161.1

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

Калинина Юлия Михайловна

Кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русского языка №4

Институт русского языка

Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Тел.: +7 (495) 787 38 03 доб. 1515

kalinina_yum@rudn.ru

Анумян Карпис Саркисович

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского языка №4

Институт русского языка

Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Тел.: +7 (495) 787 38 03 доб. 1515

anumyan_ks@rudn.ru

Саидов Зайнулараб Забуриддинович

Кандидат педагогических наук,
ассистент кафедры русского языка №4

Институт русского языка

Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Тел.: +7 (495) 787 38 03 доб. 1515

saidov_zz@rudn.ru

Рассматривается современное состояние русского языка в образовательной среде постсоветских стран на примере Республики Армения и Республики Таджикистан. Особое внимание уделяется статусу русского языка в учебных заведениях стран. Авторами уточнена роль русского языка не только как важнейшей образовательной дисциплины, но и как определяющего фактора для успешной социальной адаптации и развития гражданина страны как личности в современном русскоязычном мире. Отмечается важность русскоязычных образовательных учреждений и фи-

лиалов российских вузов для продвижения русского языка, русской культуры и российского образования в подготовке высококвалифицированных кадров в странах. Общеизвестно, что русский язык как в Армении, так и в Таджикистане играет значимую роль в культурной и образовательной сферах. За последние десятилетия его статус претерпел изменения, что делает необходимым освещение его современного положения. С учетом глобализации и усиления международных связей, знание русского языка остается важным фактором для обоих обществ, что обусловлено как историческими причинами, так и современными реалиями их развития. Изучение изменений и перспектив развития русского языка в Армении и Таджикистане позволяет выявить ключевые тенденции данного процесса и определить пути его поддержки и популяризации.

Ключевые слова: русский язык; русскоязычное образование; РКИ; статус русского языка; Республика Армения; Республика Таджикистан.

Введение. Русский язык, безусловно, является одним из важнейших языков мира и ведущим языком в странах постсоветского пространства. Общеизвестно, что русский язык выступает в качестве официального языка во многих организациях мира, в частности, он – один из языков ООН, который используется в официальных документах. Также русский язык является официальным языком в следующих организациях: СНГ, ШОС, ОДКБ и др. Во многих странах интерес к изучению русского языка и русскоязычного образования растет, не исключение Республика Армения (РА) и Республика Таджикистан (РТ).

Существует значительное количество исследований, посвященных роли русского языка в РА и РТ, однако многие аспекты вопроса остаются недостаточно изученными. Особенно актуальным является изучение влияния современных социокультурных и политических факторов на статус русского языка. Выбор темы обусловлен её актуальностью в контексте изменений в образовательной и культурной сферах Армении и Таджикистана. Структура исследования направлена на последовательное раскрытие темы, начиная с анализа исторических аспектов и заканчивая рекомендациями по развитию русского языка в названных странах.

Русская культура оказала значительное влияние на армянское и таджикское общество, особенно в период советской власти. Литература, музыка, театр и кино на русском языке стали неотъемлемой частью культурной среды постсоветских стран.

Методики преподавания эволюционировали, включая в учебный процесс мультимедийные материалы, интерактивные упражнения и групповые проекты, что стало стандартом преподавания русского языка. Данные методики позволяют еще больше углубляться в языковую среду и развивать коммуникативные навыки учащихся. Следует обратить внимание на то, что «процесс преподавания в конкретной ситуации (например, преподавание иностранного языка в многоязычном и многокультурном регионе) выступает как частный случай более общих закономерностей» [11, с.6]. Однако следует также указать на потребность адаптации методик в соответствии с новыми условиями и многообразием современного образования. В свою очередь разнообразны и социальные аспекты применения русского языка: от повседневной жизни до деловой сферы, в которой немаловажную роль играют как СМИ, так и интернет-ресурсы, становясь важным компонентом для коммуникаций.

В условиях быстро меняющегося мира, как отмечает М.А.Кронгауз, «язык, который существует в меняющемся мире и не меняется сам, перестает выполнять свою функцию» [9, с.8]. Это подчеркивает необходимость адаптации русского языка к современным реалиям, что, в свою очередь, способствует его дальнейшему использованию и развитию в Армении и Таджикистане.

Целью данной статьи является освещение статуса и положения русского языка в качестве важнейшей образовательной дисциплины и определяющего фактора для успешной социокультурной адаптации и развития граждан в постсоветских странах. Новизна работы отражена в подходе к освещению изучаемого вопроса: впервые параллельно рассматриваются статус и положение русского языка в Армении и Таджикистане в сравнительно-сопоставительном аспекте.

Следует отметить, что «в теории межкультурной коммуникации для обозначения процесса вхождения мигранта в новую культуру и ее освоения используются термины «межкультурная адаптация» и «аккультурация». Существует также термин «культурно-коммуникативная адаптация», под которым понимаются процесс и результат взаимного влияния разных культур, когда все или часть представителей одной культуры (реципиенты) перенимают нормы, ценности и традиции другой (у культуры-донора), и основной акцент делается именно на части «коммуникация», так как в процессе адаптации к новой культуре индивид непосредственно вступает в контакт с представителями другой языковой среды» [3, с.59]. Соответственно, «на сегодняшний день человек, который стоит в центре исследований в свете доминирующей антропоцентрической научной парадигмы, выступает не только как *Homo sapiens* – человек разумный, но и как *Homo Sentiens* – человек чувствующий» [4, с.68]. Все эти и другие аспекты, касающиеся эмотивной адаптации, очень важны для освоения иностранного языка (в нашем случае – русского), изучение которого ведется в рамках *эмотивной лингвомиграциологии* (термин К.С.Анумяна). К примеру, в случае с невербальной коммуникацией коллеги указывают на тот факт, что она «обладает специфическими свойствами – она передает не только настроение собеседника, его физическое и душевное состояние, взаимоотношения между говорящими, а также является продолжением и подтверждением вербального высказывания и обладает значительной национально-культурной окраской. Культурная специфика должна быть ключевым элементом для межкультурного общения и обучения ему, наравне с языком, выражающим эту специфику» [21, с.120]. Тем не менее, данный вопрос остается открытым, однако мы не преследуем цели полностью ее осветить в данной работе.

Материалы и методы. В ходе написания статьи авторами были использованы такие методы исследования, как описательный и контекстуальный, а также теоретико-методологический подход, позволяющий рассмотреть и обобщить близкие по теме исследования и материалы.

Результаты и обсуждение. В современном постсоветском пространстве (в нашем случае – Армения и Таджикистан) русский язык все более становится популярным и значимым среди населения стран. Такая тенденция связана с образовательными, политическими, экономическими и социокультурными причинами.

Актуальность русского языка проявляется в открытии русскоязычных образовательных учреждений, развитии русского языка в академической среде и распространении научной и политической информации на просторах сети интернет и др.

В целом, вышеперечисленные направления способствуют развитию социально-экономической составляющей рассматриваемых стран. Это обусловлено тем, что русский язык выступает как объединяющий фактор между различными странами для упрочнения образовательных, экономических и политических взаимоотношений, и это, несомненно, положительно сказывается на республиках.

В глобальном контексте русский язык сохраняет свою значимость как один из ведущих мировых языков. Для Армении и Таджикистана это открывает перспективы укрепления международных связей и участия в глобальных инициативах. Сохранение и развитие русского языка в странах могут способствовать не только улучшению двусторонних отношений с Россией, но и расширению культурного и образовательного взаимодействия с другими государствами, где русский язык так же пользуется популярностью. Вместе с тем, «соблюдение принципов поликультурного мирового сообщества, способность к диалогу культур на всех этапах обучения является главным условием взаимоотношений представителей различных культур» [16, с.1].

В соответствии с Конституцией Республики Таджикистан русский язык считается языком межнационального общения. Президент страны Эмомали Рахмон отмечает: «Мы ясно отдаем себе отчет в том, что на протяжении десятков лет русский язык для нас был и остается окном в науку, средством общения с внешним миром, и растрата этого капитала была бы в ущерб себе» [7, с.88]. В начале XXI века президент Таджикистана подписал важный указ по продвижению русского языка и распределению часов в рамках данного предмета на современном этапе страны [10, с.37]. Для продолжения выполнения данного указа в 2019 году была «принята Госпрограмма на 2021-2030 гг., которая представляется доказательством значимости изучения русского языка в Республике Таджикистан» [19, с.57].

В Республике Армения, например, русский язык в Конституции страны не упоминается (20-ая статья гласит: «Государственный язык Республики Армения – армянский язык» [8]), так как «в результате ряда исторических событий русский язык в Армении утратил статус «второго родного», языка межнационального общения, делопроизводства и т.д.» [13, с.24], и носит статус иностранного. Справедливо отмечает В.М.Алпатов, что «языковая политика всегда объективно связана с двумя естественными и в то же время противоположными человеческими потребностями, которые я назову потребностью идентичности и потребностью взаимопонимания» [2, с.11].

Базовые знания и навыки граждане страны получают в средней общеобразовательной школе. Получение качественного образования в школах республик сопряжено со многими факторами: содержанием школьной программы и учебников с точки зрения методической направленности, педагогическим мастерством

учителя, способностью педагога использовать современные технологии на уроках русского языка.

Отметим, что как в Таджикистане, так и в Армении русский язык используется в дошкольном образовании, и это в основном наблюдается в больших городах. Примечательно, что функционирование русского языка в обеих странах охватывает все этапы образовательного процесса, в которых реализуются программы среднего, среднего профессионального и высшего профессионального образования.

«Изучение русского языка в средних школах с таджикским языком обучения начинается со 2-го класса и продолжается вплоть до 11-го класса» [15, с.112]. В соответствии со школьным учебным планом нагрузка по русскому языку распределена следующим образом: в начальных классах – три часа в неделю, в средних классах – два часа, а в старших классах по три часа в неделю. М.Б.Нагзибекова подчеркивает, что «русский язык как учебный предмет в массовой средней школе нельзя отнести в образовательной системе Республики Таджикистан к иностранным языкам, потому что иностранные языки изучаются по выбору учащихся, изучение же русского языка является обязательным в каждой школе независимо от языка обучения» [14, с.116]. В современном мире приобретение знаний и навыков по иностранным языкам, познание новой иноязычной культуры считается важным для развития каждого человека и является преимуществом в политической, образовательной, социокультурной жизнедеятельности людей.

То же самое практически наблюдается и в армянском среднем образовательном пространстве: «Общеобразовательные школы в Армении – армянские, однако русский язык в средней/общеобразовательной школе – обязательный. Во всех школах изучают русский язык со 2-го класса и иностранные языки – с 3-го, изучают все 12 лет. В начальной и средней школе 2-3 часа в неделю, в старшей – 2 часа, 3-5-8 – в 10-11-12 классах с профильным обучением» [12, с.19].

«В Армении порядка 1450 общеобразовательных школ, из них 45 имеют классы (с 1 по 12) с русским языком обучения, 65 с углубленным обучением русскому языку. Количество часов в указанных школах – 4 часа в неделю, обучение ведётся по российским программам. В г.Ереване из порядка 200 общеобразовательных школ 43 государственные и 2 негосударственные школы (17 старших, 7 средних и 20 основных) являются школами или имеют классы с русским языком обучения, а 35 – с углубленным обучением русскому языку. В Армении, таким образом, общее число школьников, изучающих русский язык, более 350000» [там же].

Необходимо отметить, что тенденция изучения русского языка и получение российского образования среди молодежи Таджикистана велика. В то же время целесообразно отметить, что функционирование русского языка в общеобразовательных школах, в большей степени в сельской местности страны, вызывает беспокойство из-за слабой учебной технической составляющей и недостаточного учебного материала. Многие образовательные учреждения не в полной мере оснащены современными технологиями, а также зачастую в школах наблюдается нехватка методических пособий.

В результате распада Советского Союза в системе образования Таджикистана несколько лет ощущались методические трудности при преподавании русского языка. Отмечаем, что соответствующая программа организации учебного процесса по русскому языку до 2003 года не была составлена. Новая и доработанная версия программы по обучению русскому языку была выпущена в 2008 году. И в настоящее время в школах Таджикистана образовательный процесс по русскому языку осуществляется в соответствии с этой программой. «Автором этой методической программы по русскому языку для таджикских общеобразовательных учреждений является профессор Т.В.Гусейнова» [6]. Наличие такой важнейшей программы в условиях школьного образования страны является значимым достижением в области образовательной политики республики.

Согласно обновленной программе, процесс преподавания русского языка в средних таджикских школах осуществляется в интегрированной форме. Иначе говоря, обучение русскому языку и литературе осуществляется в рамках предмета «Русский язык». Касательно данной формы преподавания Р.Д.Сафарян подчеркивает: «Система интегрированного обучения русскому языку и литературе является наиболее эффективной, дает возможность наиболее рациональным образом реализовать цели обучения» [23, с.8]. В связи с интегрированным обучением русскому языку в условиях школьного образования Таджикистана З.З.Саидов отмечает: «Интегрированное обучение – это комплексные уроки, когда таджикские школьники получают языковые, литературные, лингвострановедческие и лингвокультурные знания, совершенствуя при этом все виды речевой деятельности» [20, с.28].

Качество преподавания во многом зависит от квалификации учителей. Важным этапом развития русскоязычного образования является реализация проекта «Русский учитель за рубежом», организованная в 2017 году под наблюдением Совета Федерации РФ. В рамках данного проекта российские учителя-предметники преподают разные предметы в общеобразовательных учреждениях около 30 стран. Количество учителей каждый год увеличивается по данному направлению. Например, в первом учебном году после реализации проекта в РТ работали 29 российских педагогов, а в начале нового учебного года (2024-2025 гг.) количество российских педагогов составляло 117, среди них – 27 преподавателей русского языка, 33 педагога начального образования и 56 учителей естественнонаучных дисциплин. Нужно отметить, что РТ стала первой в мире страной-участницей данного проекта.

Российская Федерация каждый год расширяет квотирования таджикской молодежи с целью учебы в языковой среде. Например, 2022-2023 гг. со стороны правительства РФ было выделено 750 квот, а в 2023-2024 гг. была выделена 901 квота. И на текущий учебный год (2024-2025 гг.) на обучение студентов из Таджикистана квота увеличена до 1000.

Русский язык активно функционирует в высших учебных заведениях РА и РТ. Как уже отмечалось, в каждом вузе рассматриваемых нами стран изучение русского языка является обязательным. На территории стран в структуре университетов существуют факультеты русской филологии, где молодые люди получа-

ют филологическое образование. В неязыковых средних специальных учреждениях и университетах преподавание русского языка осуществляется в течение 4 семестров. К примеру, ведущим русскоязычным учебным заведением в РТ является «Российско-Таджикский (Славянский) университет (РТСУ)». В данном университете обучение ведется по российским образовательным программам и стандартам. Уместно отметить тот факт, что в РТ также функционируют филиалы следующих московских вузов: «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Национальный исследовательский технологический университет (НИТУ) «МИСиС» и Национальный исследовательский университет (НИУ) «МЭИ» [17].

В академической среде РТ важным аспектом является функционирование ВАК РФ и ВАК РТ. Начиная с 2017 года научные звания и ученые степени присуждаются обеими Высшими аттестационными комиссиями, независимо от того, где проходят защиты диссертационных исследований. Все авторефераты на соискание ученых степеней должны быть написаны на таджикском и русском языках.

Также считаем уместным подчеркнуть, что в рамках двустороннего сотрудничества между Россией и Таджикистаном 2007 год был утверждён «Годом русского языка». В дальнейшем значение русского языка продолжало возрастать: в сентябре 2022 года с открытием пяти новых школ с обучением на русском языке глава государства Эмомали Рахмон провозгласил 2023 год «Годом русского языка» на территории страны. Значимым элементом поддержки языковой традиции является деятельность драматического театра имени В.В.Маяковского, все постановки которого осуществляются на русском языке. Театр вносит весомый вклад в сохранение русской культуры через репертуар разнообразного характера и спектакли высокого художественного уровня.

Отдельного внимания заслуживает празднование Дня русского языка ежегодно 6 июня и Дня рождения А.С.Пушкина. Это событие подчёркивает статус русского языка как одного из официальных языков ООН и его важность для республик.

Вузы Армении с момента их основания сыграли значительную роль в распространении и продвижении русского языка. Как во времена Советского Союза, так и ныне образовательные учреждения страны (школы и вузы) представляют собой некие центры изучения русского языка, одновременно являясь очагами не только освоения языка, а также русской культуры и литературы. Вследствие этого подготавливаются специалисты, которые владеют русским языком на высоком уровне, что, в свою очередь, позволяет реализовывать как экономические, так и научные проекты. Следует отметить, что за пределами СССР число изучающих русский язык, включая школы и вузы, достигало 20 миллионов, что говорит о значимости и востребованности языка в странах Восточной Европы [5, с. 37].

В Армении же ведущими являются факультет русской филологии (1919/1938) Ереванского государственного университета, кафедра русского языка и профессиональной коммуникации (2000) «Российско-Армянский (Славянский) университет (РАУ), кафедра русского языка и методики его преподавания

(1922) Армянского государственного педагогического университета, кафедра русского и славянских языков (1979/2006) Государственного университета имени В.Я.Брюсова, а также отдельные кафедры русского (иностранного) языка и литературы в армянских вузах, где русский язык изучается как специальность, и есть программы бакалавриата и магистратуры по русистике.

Стоит отметить, что в стране функционируют ряд филиалов российских университетов: «Ереванский филиал МГУ им. М.В.Ломоносова в г.Ереване» (2015), «Ереванский филиал РЭУ им. Г.В.Плеханова» (2002), «Ереванский филиал ФГБОУ ВО Московской государственной академии ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И.Скрябина» (2011), «Армянский Институт Туризма» (2001), «Ереванское представительство Московского финансово-промышленного университета «Синергия» (2017).

Как справедливо отмечают коллеги, если «прежде русский язык усваивался населением Армении органично, с ранних лет, «сам по себе», без обращения к армянскому, а школьное и вузовское обучение русскому языку было нацелено не на разговорную речь (которой и так все владели), а на повышение общей грамотности, то теперь армяне изучают русский язык как иностранный. И в этих условиях востребованными становятся компаративные методы обучения. Поколение армянских граждан, рожденных после 1990 г., усваивает русский язык не «напрямую», а через фильтр родного армянского языка» [18, с.197].

Однако данный факт не умаляет значение русского языка в стране. «Армяне-русисты и в советское время, и сейчас продолжают оказывать влияние на процессы во всех областях российской науки о языке. Отметим лишь таких известных ученых, как академики С.Г.Бархударов, Р.И.Аванесов, Ю.Д.Апресян, Н.Д.Арутюнова; доктора филологических наук, профессора Г.А.Хабургаев, И.С.Улуханов, С.К.Шаумян, Р.С.Манучарян и др.» [22, с.27].

Подтверждением тому, что русский язык занимает свое особое место в жизни Армении, является существование «Русского драматического театра имени К. Станиславского» в Ереване, «Кинотеатр Москва», «Русский дом в Ереване», «Дом Москвы», «Дом русской книги», «Русский центр ЕГУ», православные церкви расположенные по всей стране, и мн. др. Помимо этого, русский язык функционирует как «язык внутриармянского диалога, обеспечивая коммуникацию как внутри армянской диаспоры в России, так и между соотечественниками в России и Армении» [1, с.9]. А такого типа учреждения сохраняют и способствуют популяризации как собственно языка, так и русской литературы и культуры.

Заключение. Таким образом, поддержка и развитие русского языка в РА и РТ остаются важными для укрепления стратегического партнерства между государствами. Можно с уверенностью утверждать, что русский язык и русская литература уже с 1930-х годов являлись основным образовательным компонентом, что можно наблюдать и в настоящее время. Русский язык является обязательным предметом для изучения во всех учебных учреждениях, в общеобразовательных школах же преподается начиная со второго класса (в отличие от английского, французского, немецкого и др. иностранных языков, которые преподаются со

второго и третьего классов). Следовательно, внимание к методам преподавания и дополнительным исследованиям может существенно повысить качество обучения. Подчеркнем также, что Россия является одним из крупнейших торговых партнеров Армении и Таджикистана и использование русского языка в деловых и дипломатических коммуникациях облегчает взаимодействие и взаимопонимание.

Снижение интереса к изучению русского языка среди молодежи, отмечаемое в последние годы, требует принятия мер по его популяризации. Этому способствуют культурные центры и русские дома в РА и РТ, Дом Москвы в Ереване, а также представительства Россотрудничества в странах и др., организующие мероприятия для популяризации языка. Проведение конкурсов, фестивалей, литературных вечеров и других мероприятий привлекает внимание молодежи и повышает их мотивацию к изучению русского языка. Важно также использовать социальные сети и другие современные платформы для продвижения языка среди молодежной аудитории. Рассмотрение социокультурных и политических факторов позволило выявить, что глобализация и интеграционные процессы оказывают существенное влияние на использование русского языка в РА и РТ, и это подчеркивает необходимость адаптации языковой политики к современным вызовам. Как видим, несмотря на различия статуса русского в РА и РТ, у стран есть множество сходств в применении и развитии русского языка. «По сути, русский язык для армян всегда был языком познания. Однако новая социолингвистическая ситуация вносит свои коррективы как в процесс, так и в методологию научного познания. Сегодня общепризнанным является тот факт, что язык науки в мире – это английский, и даже в российских университетах происходит стимуляция научных исследований на английском языке, то есть это данность, с которой мы обязаны считаться, и русский язык в качестве языка познания постепенно уступает свое место английскому языку. Это мировая тенденция, тем не менее, согласно данным Индекса устойчивости русского языка в странах постсоветского пространства, Республика Армения занимает первое место по показателю индекса Хирша у 1% наиболее цитируемых авторов (РИНЦ)» [11, с.28].

На основании проведенного анализа рекомендуется усилить образовательные инициативы, которые направлены на распространение русского языка в молодежной среде, внедрение современных подходов и методов обучения языку, повышение квалификации педагогов по преподаваемому языку. Также необходимо продолжить и расширить вектор проектов, способствующих популяризации русского языка как элемента культурного обмена и получения молодыми людьми русскоязычного образования в современном мире.

Литература

1. Акопян К.С., Золян С.Т. Русский язык в Армении: история, вызовы и перспективы // Русский язык за рубежом. Специальный выпуск. Русистика Армении. – 2022. – С.4-10.
2. Алпатов В.М. Языковая политика в России и мире // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. – М., 2014. – С.11-24.
3. Анумян К.С. Особенности эмоционально-коммуникативных процессов адаптации мигрантов // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2020. – №4. – С.58-62.
4. Анумян К.С., Арутюнян В.Н. Армянская диаспора в России: коммуникативно-эмотивная картина мира мигранта // Филологические науки: Научные доклады высшей школы. – 2022. – №3. – С.66-71. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.3-22.066>.
5. Арефьев А.Л. Русский язык в мире: прошлое, настоящее, будущее // Вестник Российской академии наук. – 2014. – Т.84, №10. – С.896-903. – DOI: 10.7868/S086958731410003X.
6. Гусейнова Т.В. Программа по русскому языку для общеобразовательных учреждений с таджикским языком обучения / Министерство образования Республики Таджикистан. – Душанбе, 2008. – 124 с.
7. Каримова И.Х. Государственная политика Республики Таджикистан в вопросах развития русского языка в современном образовательном пространстве // Слово. ру: Балтийский акцент. – 2012. – С.86-90.
8. Конституция Республики Армения от 5 июля 1995 года с учетом изменений 2005 года [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.arlis.am/hv/acts/108722> (дата обращения: 17.07.2025).
9. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. – М.: Знак; Языки славянских культур, 2007. – 145 с.
10. Кудоярова Т.В. Проблемы функционирования и изучения русского языка в постсоветском Таджикистане // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2010. – №1. – С.36-44.
11. Маркосян А.С. Овладение вторым языком как теоретическая и лингводидактическая проблема: на примере французского и армянского языков: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02 / Маркосян Аида Суреновна; Моск. гос. ун-т им. М.В.Ломоносова. – М., 2004. – 32с.
12. Матевосян Л.Б. Русский язык в образовательном пространстве Армении: вчера, сегодня, завтра // Русский язык в Армении. – 2016. – №3 (100). – С.18-22.
13. Мисисян С.С., Камышева С.Ю. Проблемы современной русистики // Научно-методический журнал. – Ереван: Изд-во МГУ, 2023. – №11(15) – С.22-38.
14. Нагзибекова М.Б. Русский язык в Таджикистане: проблемы и перспективы // Евразийский вестник гуманитарных исследований. – 2016. – №1. – С.115-119.
15. Нагзибекова М.Б. Статус русского языка в Республике Таджикистан // Языковая политика стран Содружества Независимых Государств (СНГ): материалы II Международного конгресса. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина. – 2021. – С. 111-112.
16. Паперная Н.В. Диалог культур в образовательном пространстве АГПУ: решения и перспективы / Н.В.Паперная, М.А.Гринько, А.В.Гридасова // Язык и межкультурные коммуникации: сб. науч. ст. / Белорус. гос. пед. ун-т; редкол.: В.Д.Старичёнок [и др.]; отв. ред. В.Д.Старичёнок. – Минск, 2023. – С.318-322.
17. Россия и Таджикистан договорились о сотрудничестве в приоритетных направлениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/19298733> (дата обращения: 16.06.2025).
18. Савченко И.А. Русский язык в современной Армении: элементы компаративного обучения / И.А.Савченко, Ж.Л.Алоян, С.С.Барсеян // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – №483. – С.195-208. DOI: 10.17223/15617793/483/22.

19. Саидов З.З. Русский язык в современном социокультурном, образовательном и политическом пространстве Республики Таджикистан // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. – 2023. – №1. – С.50-62.
20. Саидов З.З. Интегрированное обучение русскому языку таджикских школьников на материале современных художественных текстов: дис. ... канд. пед. наук: 5.8.2 / Саидов Зайнулараб Забуриддинович. – М., 2023. – 241 с.
21. Салоев А.Т. Лингвокультурологический анализ этикетных форм благодарности в разных языках и культурах (на примере русского и таджикского языков) / А.Т.Салоев, Ю.М.Калинина, О.А.Свешникова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2024. – №3(85). – С.118-129.
22. Саркисян А.Г., Акопян К.С. Проблемы современной русистики // Научно-методический журнал. – Ереван: Изд-во МГУ, 2024. – №13(17). – С.25-38.
23. Сафарян Р.Д. Технология усвоения материала при интегрированном подходе // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – М., 2007. – №3. – С.6-12.

**THE CURRENT STATE OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN AN
EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE REPUBLIC OF ARMENIA
AND THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN**

Kalinina Yulia Mikhailovna

Candidate of philological sciences,
head of the chair of Russian language №4
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 787 38 03 ext. 1515
kalinina_yum@pfur.ru

Anumyan Karpis Sarkisovich

Candidate of philological sciences,
senior lecturer of the chair of Russian language №4
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 787 38 03 ext. 1515
anumyan_ks@rudn.ru

Saidov Zainularab Zaburiddinovich

Candidate of pedagogical sciences,
assistant of the chair of Russian language №4
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
saidov_zz@rudn.ru

In the article, the current state of the Russian language in the educational environment of post-soviet countries is considered, using the example of the Republic of Armenia and the Republic of Tajikistan. Special attention is paid to the status of the Russian language in educational institutions of the countries. The authors have clarified the importance of the Russian language not only as the most important educational discipline, but also as a determining factor for successful social adaptation and development of a citizen of the country as a person in the modern Russian-speaking world. Russian Russian-speaking educational institutions and branches of Russian universities are noted for the promotion of the Russian language, Russian culture and Russian education in the training of highly qualified personnel in the countries. It is well known that the Russian language plays an important role in the cultural and educational spheres in both Armenia and Tajikistan. In recent decades, its status has undergone changes, which makes it necessary to highlight its current situation. With globalization and the strengthening of international relations, knowledge of the Russian language remains an important factor for both societies. This is due to both historical and modern reasons. Studying the changes and prospects of the Russian language development in Armenia and Tajikistan allows us to identify key trends and identify ways to support and popularize it.

Keywords: Russia; Russian language; Russian-language education; RFL; status of the Russian language; Republic of Armenia; Republic of Tajikistan.

**ҲОЛАТИ МУОСИРИ ЗАБОНИ РУСӢ ДАР МУҲИТИ ТАЪЛИМИИ
ҶУМҲУРИИ АРМАНИСТОН ВА ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН**

Калинина Юлия Михайловна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
мудири кафедраи забони русӣ №4
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 787 38 03 доб. 1515
kalinina_yum@rudn.ru

Анумян Карпис Саркисович

Номзади илмҳои филологӣ,
муаллими калони кафедраи забони русӣ №4
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Русия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 787 38 03 доб. 1515
anumyan_ks@rudn.ru

Саидов Зайнулараб Забуриддинович

Номзади илмҳои педагогӣ,
ассистенти кафедраи забони русӣ №4
Институти забони русӣ,
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Русия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 787 38 03 доб. 1515
saidov_zz@rudn.ru

Ҳолати муосири забони русӣ дар муҳити таълимии кишварҳои пасошӯравӣ, ба мисоли Ҷумҳурии Арманистон ва Ҷумҳурии Тоҷикистон баррасӣ карда мешавад. Ба мақоми забони русӣ дар муассисаҳои таълимии кишварҳо диққати махсус дода мешавад. Муаллифон аҳамияти забони русиро на танҳо ҳамчун муҳимтарин фанни таълимӣ, балки ҳамчун омили муайянкунандаи мутобиқсозии бомуваффақияти иҷтимоӣ ва рушди шахрванди кишвар, ҳамчун шахс дар ҷаҳони муосири русзабон мушаххас кардаанд. Аҳамияти муассисаҳои таълимии русзабон ва филиалҳои донишгоҳҳои русия барои пешбурди забони русӣ, фарҳанги русӣ ва таҳсилоти русия дар тайер кардани кадрҳои баландихтисос дар кишварҳо қайд карда мешавад. Ба ҳама маълум аст, ки забони русӣ ҳам дар Арманистон, ва ҳам дар Тоҷикистон дар соҳаҳои фарҳангӣ ва таълимӣ нақши муҳим дорад. Дар даҳсолаҳои охир мақоми он тағйир ёфт, ки ин ба равшанӣ андохтани мавқеи муосири он зарур аст. Бо дарназардошти ҷаҳонишавӣ ва таҳкими робитаҳои байналмилалӣ, донишҷуони забони русӣ барои ҳарду ҷомеа омили муҳим боқӣ мемонад. Ин ҳам бо сабабҳои таърихӣ ва ҳам муосир вобаста аст. Омӯзиши тағйирот ва дурнамои рушди забони русӣ дар Арманистон ва Тоҷикистон имкон медиҳад, ки тамоюлҳои калидӣ ошкор карда шаванд ва роҳҳои дастгирӣ ва маъруфияти он муайян карда шаванд.

Вожаҳои калидӣ: забони русӣ; таҳсилоти русӣ; ТРИ; мақоми забони русӣ; Ҷумҳурии Арманистон; Ҷумҳурии Тоҷикистон.

УДК 81'23: 39

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТАДЖИКОВ О СЕБЕ
И ТАДЖИКИСТАНЕ, РОССИИ И РУССКИХ:
МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ**

Смолий Елена Сергеевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего и русского языкознания
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 495 936 8584
smoliy-es@rudn.ru

Повалко Полина Юрьевна

Кандидат филологических наук,
доцент общего и русского языкознания
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 495 936 8584
povalko-pyu@rudn.ru

Колышева Ольга Николаевна

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры общего и русского языкознания
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 495 936 8584
kolysheva-on@rudn.ru

Ашуров Азамат Джумаевич

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной литературы
с методикой преподавания русского языка и литературы
Кулябский государственный университет имени А. Рудаки
735360, Республика Таджикистан, Куляб, ул. С.Сафарова, 16
Тел.: (+992) 98 54 73 3 34 (м.)
azam_ash@mail.ru

Статья посвящена выявлению обобщённых представлений современных таджиков о себе и Таджикистане, о России и русских. Актуальность работы обусловлена значимостью подобного рода исследований в контексте современных активных миграционных процессов, расширения культурного взаимодействия и глобализации. Цель исследования заключается в выявлении представлений современных таджиков о самих себе, своей родной стране, а также о России и русских с их последующей классификацией и интерпретацией. Новизна работы состоит в уникальности собранных с помощью метода ассоциативного эксперимента данных (всего 968 реакций), а также результатов их анализа, классификации и интерпретации. В результате проведённого ассоциативного эксперимента были сформированы ассоциативные поля «Таджикистан», «Россия», «таджики», «русские», которые благодаря их особому текстовому потенциалу были развернуты в тексты-описания, отражающие доминантные характеристики исследуемых стран и народов, существующие в сознании таджиков. Проведённое исследование позволило выявить обобщённые представления таджиков о себе и своей стране, а также о России и русских. Полученные результаты и выводы могут способствовать прогнозированию межнациональной напряжённости и гармонизации межэтнического общения.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент; ассоциации; ассоциативное поле; таджики; Таджикистан; Россия; русские; межэтническое взаимодействие.

Введение. Объединённые общим прошлым, Таджикистан и Россия сегодня – это два самостоятельных государства со своим политическим и экономическим строем, перспективами развития. Таджики и русские – два народа с древней историей, самобытной культурой, особенностями характера и менталитета. При этом обе страны поддерживают тесные связи и взаимодействуют в разных сферах жизни. Таким образом, исследования учёных различных областей знания, посвящённые особенностям межэтнического взаимодействия, имеют особую значимость в современных условиях активных миграционных процессов, культурного взаимодействия и глобализации [см. подробнее 5; 6; 7; 15 и др.]. Данная статья находится в поле указанной научной проблематики, что подтверждает её актуальность.

Основной *целью* работы стало выявление представлений современных таджиков о самих себе, своей родной стране, а также о России и русских. Новизна работы заключается в уникальности собранных с помощью метода ассоциативного эксперимента данных, а также результатов их анализа, классификации и интерпретации.

При проведении исследования авторы опирались на работы, в которых описывается методика применения ассоциативного эксперимента [11; 12; 13], формирования ассоциативных полей [3; 14], изучения этнических стереотипов [1; 4; 10; 17, 18].

Методология и методы. Для выявления обобщённых представлений современных таджиков о себе, Таджикистане, России и русских был выбран метод ассоциативного эксперимента.

Авторы статьи составили анкету, в которую включили названия стран, входящих в Содружество Независимых Государств (СНГ), таких как Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Армения, Азербайджан, Беларусь, Россия, Молдова, Украина, Туркменистан (на правах «ассоциированного члена»), а также наиме-

нования народов, их представляющих: узбеки, кыргызы, таджики, армяне, азербайджанцы, белорусы, русские, молдаване, украинцы, туркмены. Респондентам предлагалось дать минимум 3 реакции на предложенные стимулы, максимальное количество реакций не ограничивалось.

Анкета распространялась двумя способами: в печатном виде и в электронном формате в Yandex Forms. Опрос охватил таджиков, проживающих в Душанбе и Кулябе (Таджикистан), а также находящихся на момент проведения эксперимента в Москве (Россия). В эксперименте приняли участие 102 респондента. Для выявления представлений были отобраны реакции на стимулы «Таджикистан», «таджики», «Россия», «русские». Всего было собрано 968 реакций. На слово-стимул «Таджикистан» было получено 278 реакций; на слово-стимул «таджики» – 238 реакций; на слово-стимул «Россия» было получено 286 реакции; на слово-стимул «русские» – 166 реакций.

Результаты. Представим полученные реакции в виде ассоциативных полей, разделив их на четыре группы: реакции, репрезентирующие представления таджиков о своей родной стране (ассоциативное поле «Таджикистан»), о себе (ассоциативное поле «таджики»), о России (ассоциативное поле «Россия») и русских (ассоциативное поле «русские»). Далее все реакции, составляющие ассоциативные поля, будут сгруппированы по семантическому признаку в тематические группы.

Отметим, что распределение некоторых лексических единиц по тематическим группам может вызвать дискуссию у читателей статьи, так как одна и та же лексическая единица может быть отнесена к нескольким группам. Так, например, реакция *хлопок* может входить как в группу «Природа», так и в группу «Ресурсы». Однако авторы отнесли реакцию *хлопок* в группу «Ресурсы», учитывая значимость этого растения для экономики Таджикистана. Следовательно, предлагаемое нами распределение единиц по группам неизбежно несёт на себе известную долю субъективности.

Анализ полученных реакций позволил выделить наиболее частотные ассоциации в каждом ассоциативном поле. При этом реакции, связанные с одним фрагментом действительности, были объединены в одну ассоциацию. Так, например, в ассоциативном поле «таджики» реакции *гостеприимные* (20), *гостеприимство* (12), *гостеприимные люди* (6), *гостеприимный* (6), *гостеприимный народ* (2) было решено объединить в одну ассоциацию *гостеприимные* (46).

Представления таджиков о Таджикистане

Все полученные реакции на слово-стимул «Таджикистан» представим в виде ассоциативного поля, в котором цифра после слова-реакции означает количество повторений данной лексемы среди реакций респондентов. Всего на данный стимул было дано 278 реакций.

Ассоциативное поле «Таджикистан»: горы 28 / высокие горы 7 / горная страна 5 / большие горы 1 / красивые исторические горы 1 / горный 1; чакан 15 / чакан – это национальная одежда 1; плов 13; хлопок 13; вода 5 / пресная вода 2 / чистая вода 2 / минеральная вода 1 / это страна с чистой пресной водой 1 / много воды 1; солнце 4 / солнечная страна 5 / солнечный 3; Душанбе 11; жара 9; фрук-

ты 8; овощи 7; Куляб 6; соль 6; тюбетейка 6; еда 4 / вкусная еда 1; Памир 4 / Памир – крыша мира 1; природа 4 / красивая природа 1; гостеприимство 2 / гостеприимные 1 / гостеприимный 1; золото 4; Искандер-куль 4; курутоб 4; национальные танцы 4; парки 4; реки 4; чистый воздух 4; демократическая страна 3; домашние животные 3; красивая погода 2 / чистая погода 1; культура 3; ледник 2 / ледник Федченко 1; Пяндж 2 / река Пяндж 1; родная страна 2 / родина 1; А. Рудаки 2; история 2; Навруз 2; озера 2; С.Айни 2; самса 2; семья 2; традиции 2; Таджикистан – родина моя, люблю тебя 1 / Родина моя, люблю её 1; туристический регион 1 / туризм 1; чайхона 2; ягоды 2; аграрная 1; Александрия – Эсхата 1; богатая драгоценными камнями 1; вдали от океанов и морей 1; виноград 1; горная страна в Центральной Азии с древней историей, самобытной культурой и теплотой восточного гостеприимства 1; горцы 1; ГЭС 1; добродушная страна 1; здесь высокие горы сочетаются с плодородными долинами, а традиции идут рука об руку с современностью 1; здесь очень хорошо растёт хлопок и очень много полезных ископаемых (золото, серебро и др.) 1; Иранское интермеццо 1; красивая столица 1; красота 1; лечебные травы 1; люблю национальную одежду и национальные блюда 1; манты 1; мода 1; персоязычная страна 1; поэты 1; растения 1; Рахмон 1; Хатлонская область 1; Худжанд – древнейший город Таджикистана 1.

На основании общего семантического признака сформированы тематические группы.

1. Природа (68): горы 28 / высокие горы 7 / горная страна 5 / большие горы 1 / красивые исторические горы 1 / горный 1; ледник 2 / ледник Федченко 1; реки 4; Искандер-куль 4; природа 4 / красивая природа 1; парки 4; Пяндж 2 / Река Пяндж 1; озера 2.

2. Ресурсы (62): хлопок 13; соль 6; вода 5 / пресная вода 2 / чистая вода 2 / минеральная вода 1 / это страна с чистой пресной водой 1 / много воды 1; золото 4; лечебные травы 1; домашние животные 3; фрукты 8; овощи 7; ягоды 2; растения 1; абрикос 1; виноград 1; ГЭС 1; богатая драгоценными камнями 1; здесь очень хорошо растёт хлопок и очень много полезных ископаемых (золото, серебро и др.) 1.

3. Климат (28): солнце 4 / солнечная страна 5 / солнечный 3; жара 9; чистый воздух 4; красивая погода 2 / чистая погода 1.

4. Еда (25): плов 13, манты 1; еда 4 / вкусная еда 1; самса 2; курутоб 4.

5. Города/регионы (24): Душанбе 11, Куляб 6, Памир 4 / Памир – крыша мира 1; Хатлонская область 1; красивая столица 1.

6. Одежда (23): чакан 15 / чакан – это национальная одежда 1; тюбетейка 6; мода 1.

7. Традиции (12): традиции 2; Навруз 2; семья 2; национальные танцы 4; чайхона 2.

8. Личное отношение к стране (8): родная страна 2 / родина 1; люблю национальную одежду и национальные блюда 1; Таджикистан – родина моя, люблю тебя 1 / Родина моя, люблю её 1; красота 1; добродушная страна 1.

9. История (6): история 2; Иранское интермеццо 1; Александрия – Эсхата 1; Худжанд – древнейший город Таджикистана 1; персоязычная страна 1.

10. Известные люди (5): А. Рудаки 2; С. Айни 2; Рахмон 1.
11. Люди – какие / характеристика людей (5): гостеприимство 2 / гостелюбные 1 / гостеприимный 1; горцы 1.
12. Культура (3): культура 3.
13. Экономика (3): аграрная 1; туристический регион 1 / туризм 1.
14. Политический строй (3): демократическая страна 3;
15. Географическое положение (1): вдали от океанов и морей 1.

За пределами тематических групп остались реакции, представляющие собой развернутую характеристику страны, указанной в качестве стимула: *Горная страна в Центральной Азии с древней историей, самобытной культурой и теплой восточного гостеприимства; Здесь высокие горы сочетаются с плодородными долинами, а традиции идут рука об руку с современностью.*

Тематическими доминантами по количеству данных реакций являются группы «Природа» (всего 68 реакций) и «Ресурсы» (62). В группе «Природа» лидирует ассоциация *горы* (43), представленная рядом реакций, определяющих страну как имеющую горы (*горная страна; горный; горы*) или дающих характеристику самим горам (*большие, высокие, исторические, красивые*). В группе «Ресурсы» наиболее частотной реакцией является *хлопок* (13). При этом группа «Ресурсы» объединяет наибольшее количество разноплановых реакций – всего 15 различных лексем и словосочетаний, что говорит о ценности данных ресурсов для жителей страны.

Тематические группы «Климат» (28), «Еда» (25), «Города / регионы» (24) и «Одежда (23) составляют следующий по численности кластер реакций. В данных группах лидируют реакции *солнце / солнечный* (12), *плов* (13), *Душанбе* (11), *чакан* (16) соответственно.

Ядро ассоциативного поля слова-стимула «Таджикистан» составили наиболее частотные ассоциации: *горы* (43); *чакан* (16); *хлопок* (13); *плов* (13); *вода* (12); *солнце* (12); *Душанбе* (11). Мы можем говорить о том, что именно эти лексемы представляют ключевые для таджиков символы Таджикистана.

Интересным представляется следующее наблюдение: вопреки известному мнению об оценочном характере обобщённых представлений («стереотип предполагает эмоционально окрашенную оценку окружающей действительности, он в высшей степени заряжен чувствами» [8]), представления таджиков о родной стране в большинстве случаев свободны от оценки и выражаются нейтральными лексемами, за исключением немногочисленной группы «Личное отношение к стране» и единичных оценочных реакций типа *красивая природа, вкусная еда* и т.д.

Представления таджиков о таджиках

Далее представим все полученные реакции на слово-стимул «таджики» в виде ассоциативного поля, в котором цифрой обозначено количество повторений данной лексемы среди реакций респондентов. Всего на данный стимул было дано 238 реакций.

Ассоциативное поле «таджики»: гостеприимные 20 / гостеприимство 12 / гостеприимные люди 6 / гостеприимный 6 / гостеприимный народ 2; трудолюбивые

вые 18 / трудолюбивый народ 2 / трудолюбивый 2; плов 12; праздник Навруз 10; красивые 8; уважительные 8; отзывчивые 7; А. Айни 4; добродушные 5; доброжелательные 5; миролюбивый 4; национальные блюда 4; хорошие 4; курутоб 4; отала 4; Рудаки 4; традиции 4; шурпо 4 / шурбо 2; красивый национальный наряд 3 / красивые национальные платья 2; Памир 3; традиционная одежда 3; гордые 2 / гордость 2; дружелюбные 2 / дружелюбный народ 2; шакараб 2 / шокороб салат 2; длинные косы 2; ритуалы 2; атласные платья 2; еда вкусная 2; манты 2; мужественный 2; древние 2 / древний народ 2 / древнейшая культура и история 1; готовы дать жизнь за страну 2; искренние 2; персы 2; простые 2; семейные ценности 2; семья 2; уважение к старшим 2; чакан 2; честные 2; ворота 1; грамотные 1; граница с Афганистаном 1; доброжелательный, открытый и уважающий традиции народ 1; еда (например, плов, манты, далда и др.) 1; замечательные украшения серебряные и золотые 1; кульча 1; мастерицы 1; наивные и добрый народ 1; никогда не ходили войной в чужую страну 1; носители языка ариев в авестийской ветви 1; они славятся своей уважительной манерой общения, семейными ценностями, щедростью и умением находить радость даже в простых вещах 1; особенные люди 1; очень бедные 1; потомки Спитамена 1; путь от зороастризма, древнего Согда 1; разные 1; чайхана 1; южные более агрессивные, бескультурные, северные более толерантные ко всему, более воспитанные 1.

На основании общего семантического признака сформированы тематические группы.

Черты характера (130): гостеприимные 20 / гостеприимство 12 / гостеприимные люди 6 / гостеприимный 6 / гостеприимный народ 2; трудолюбивые 18 / трудолюбивый народ 2 / трудолюбивый 2; гордые 2 / гордость 2; дружелюбные 2 / дружелюбный народ 2; уважительные 8; отзывчивые 7; грамотные 1; добродушные 5; доброжелательные 6; миролюбивый 4; мужественный 2; наивный и добрый народ 1; никогда не ходили войной в чужую страну 1; особенные люди 1; хорошие 4; готовы дать жизнь за страну 2; искренние 2; доброжелательный, открытый и уважающий традиции народ 1; простые 2; честные 2; уважение к старшим 2; они славятся своей уважительной манерой общения, семейными ценностями, щедростью и умением находить радость даже в простых вещах 1; разные 1; южные более агрессивные, бескультурные, северные более толерантные ко всему, более воспитанные 1.

1. Еда (40): плов 12; национальные блюда 4; курутоб 4; отала 4; шакараб 2 / шокороб салат 2; манты 2; шурпо 4 / шурбо 2; еда вкусная 2; еда (например, плов, манты, далда и др.) 1; кульча 1.

2. Традиции (22): традиции 4; праздник Навруз 10; ритуалы 2; чайхана 1; мастерицы 1; семейные ценности 2; семья 2.

3. Одежда (13): красивый национальный наряд 3 / красивые национальные платья 2; традиционная одежда 3; чакан 2; замечательные украшения серебряные и золотые 1; атласные платья 2.

4. История (10): древние 2 / древний народ 2 / древнейшая культура и история 1; персы 2; носители языка ариев в авестийской ветви 1; потомки Спитамена 1; путь от зороастризма, древнего Согда 1.

5. Внешность (10): длинные косы 2; красивые 8.
6. Известные люди (8): А. Айни 4; Рудаки 4.
7. Города и регионы (3): Памир 3.
8. Географическое положение (1): граница с Афганистаном 1.
9. Социальное положение (1): очень бедные 1.

Тематическая группа «Черты характера» предсказуемо является наиболее многочисленной – 130 реакций, что составляет 55% от общего количества. Большинство из них выражено именами прилагательными, которые позволяют воссоздать характерный образ таджиков. Полученные данные подтверждают тезис Ю.С.Степанова: «чем важнее в культурном отношении предмет, тем больше у него “параметров”, тем больше он “параметризован”. Человек занимает здесь вершинное место: ничто так не параметризовано, как человек» [9, с.552]. Отметим, что в данной тематической группе большинство лексем определяет характер взаимодействия таджиков с другими людьми (*гостеприимные, уважительные, дружелюбные, отзывчивые* и др.). Это свидетельствует о том, что таджики считают себя открытым для общения с другими людьми народом. Все лексемы в данной группе представляют исключительно положительные качества таджиков. Это подтверждает полученные другими лингвистами данные, свидетельствующие о том, что автостереотипы, или представления народа о самом себе, всегда преимущественно положительны [см. подробнее 12; 2 и мн. др.].

В двух других группах тематического ядра – «Еда» (40) и «Традиции» (22) – зафиксированы лидирующие реакции *плов* (12) и *праздник Навруз* (10) соответственно. Тематическая группа «Еда» оказалась на втором месте по лексическому разнообразию – в ней представлены 10 лексем, что говорит о важности наименований еды в самохарактеристике народа.

Особо подчёркивается древнее происхождение таджиков и их древняя культура (многократно и разными лексемами: *древние / древний народ / древнейшая культура и история; носители языка ариев в авестийской ветви; потомки Спитамена; путь от зороастризма, древнего Согда*).

Наиболее частотные реакции в рамках данного ассоциативного поля: *гостеприимные* (46), *трудолюбивые* (22), *плов* (12), *праздник Навруз* (10); *красивые* (8); *уважительные* (8), *отзывчивые* (7).

Представления таджиков о России

Все полученные в ходе эксперимента реакции на слово-стимул «Россия» представим в виде ассоциативного поля, в котором цифрой обозначено количество повторений данной лексемы среди реакций респондентов. Всего на данный стимул было получено 286 реакций.

Ассоциативное поле «Россия»: Москва 16 / столица Москва 4 / столица 3; самая большая страна 4 / большая страна 4 / страна с территорией материка 1 / большая территория 1 / очень большая страна в мире 1 / очень большая страна 1 / единственная страна с большой территорией 1 / огромная 1 / большая 1; русский язык 11 / мне нравится русский язык 3 / грамотный русский язык – моя профессия 1 / история русского языка 1; Кремль 13; многонациональная страна 5 / многонациональность 4 / многонациональный народ 4; суп 13; Пушкин 12; Красная

площадь 10; красивые города 4 / очень красивые города 3 / большие города 2 / город 1; медведи(ь) 10; богатая страна 5 / богатая 4; красивая природа 5 / природа 4; культура 7 / богатая культура / государство с великой историей, с богатейшей культурой; леса 9; холод 6 / холодная 1 / холодно 1 / холода 1; красивая 6 / красивая страна 2; большая держава 5 / великая держава 1 / держава 1; наука 5; Санкт-Петербург 5; Федерация 4 / РФ 1; Горький 4; долгая зима 4; Владимир Путин 3; матрёшка 3; снег 3; Эрмитаж 3; армия 2; берёза 2; Гагарин 2; двуглавый орёл 1 / герб двуглавый орёл 1; Достоевский 2; икра 1 / чёрная и красная икра 1; мороз 2; Сибирь 2; Толстой 2; блюда 1; богатая литература 1; возможности 1; Гайдай 1; дружная 1; Жуковский 1; здания 1; Кутузов 1; Ленин 1; Ленинград 1; Лермонтов 1; могучая 1; национальная одежда 1; наш любимый город 1; парки 1; реки 1; Роскосмос 1; Ростов-на-Дону 1; РСФСР 1; русские 1; с разнообразной природой – от тундры до субтропиков – и мощным научным и литературным наследием 1; свободная 1; селёдка 1; сильная 1; снеки 1; Сочи 1; спортсмены 1; средние общеобразовательные учреждения 1; страна с высокими амбициями 1; страна с особыми традициями 1; тайга 1; Тарковский 1; Три царства 1; флот 1; хаос 1; хорошее место 1; Цезарь 1; Циолковский 1; широкие улицы 1; школа 1.

Все реакции были сгруппированы по семантическому признаку в тематические группы.

1. Города / регионы (43): Москва 16 / столица Москва 4 / столица 3; Санкт-Петербург 5; Сибирь 2; красивые города 4 / очень красивые города 3 / большие города 2 / город 1; Ленинград 1; Сочи 1; Ростов-на-Дону 1.

2. Природа (33): медведь (и) 10; леса 9; тайга 1; берёза 2; красивая природа 5 / природа 4; реки 1.

3. Известные люди (32): Пушкин 12; Горький 4; Владимир Путин 3; Жуковский 1; Достоевский 2; Кутузов 1; Толстой 2; Лермонтов 1; Ленин 1; Гагарин 2; Циолковский 1; Тарковский 1; Гайдай 1.

4. Личное отношение к стране (26): красивая 6 / красивая страна 2; наш любимый город 1; богатая страна 5 / богатая 4; хаос 1; страна с высокими амбициями 1; страна с особыми традициями 1; хорошее место 1; свободная 1; могучая 1; сильная 1; дружная 1.

5. Достопримечательности (26): Кремль 13; Красная площадь 10; Эрмитаж 3.

6. Государственность (19): большая держава 5 / великая держава 1 / держава 1; двуглавый орёл 1 / герб двуглавый орёл 1; армия 2; русские 1; флот 1; Федерация 4 / РФ 1; РСФСР 1.

7. Еда (19): суп 13; снеки 1; селёдка 1; икра 1 / чёрная и красная икра 1; Цезарь 1; блюда 1.

8. Климат (18): холод 6 / холодная 1 / холодно 1 / холода 1; долгая зима 4; снег 3; мороз 2.

9. Язык (16): русский язык 11 / мне нравится русский язык 3 / грамотный русский язык – моя профессия 1 / история русского языка 1.

10. Географическое положение (15): самая большая страна 4 / большая страна 4 / страна с территорией материка 1 / большая территория 1 / очень большая

страна в мире 1 / очень большая страна 1 / единственная страна с большой территорией 1 / огромная 1 / большая 1.

11. Культура (14): культура 7 / богатая культура 1 / богатая литература 2 / государство с великой историей, с богатейшей культурой 1; матрёшка 3.

12. Этнический состав (13): многонациональная страна 5 / многонациональность 4 / многонациональный народ 4.

13. Наука и образование (7): наука 5; школа 1; средние общеобразовательные учреждения 1.

14. Одежда (1): национальная одежда 1.

За пределами тематических групп остались три единичные реакции: *три царства, спортсмены*, а также реакция, представленная развернутым выражением, многословно определяющим страну-стимул: *Страна с разнообразной природой – от тундры до субтропиков – и мощным научным и литературным наследием*.

Тематическое ядро поля составляют группы «Города / регионы» (43 реакции), «Природа» (33) и «Известные люди» (32), в которых доминантными реакциями являются *Москва / столица* (23), *медведь(и)* (10) и *Пушкин* (12) соответственно.

Отметим, что входящие в ядро тематические группы являются наиболее вариативными по лексической представленности. Эти данные позволяют сделать предположение о том, что в сознании таджиков Россия является урбанистической страной с разнообразной природой и большим количеством известных деятелей политики, науки и культуры. Это отражается и в приведённой выше развернутой реакции-характеристике России, данной одним из респондентов.

Самые частотные реакции на стимул «Россия»: *Москва* (23), *русский язык* (16); *большая территория* (15); *Кремль* (13); *многонациональность* (13); *суп* (13); *Пушкин* (12). Любопытно, что только реакция *Москва* находится в выделенной нами ядерной тематической группе, остальные же реакции находятся в тематических группах, которые не вошли в ядро по критерию частотности. Примечательно, что такие частотные ассоциации, как *русский язык*, *большая территория* и *многонациональность* составляют тематические группы «Язык» (16), «Географическое положение» (15) и «Этнический состав» (13), которые характеризуются минимальным лексическим разнообразием.

Интересным является наблюдение, что реакции, связанные с характеристикой погоды и климата России (*холод, долгая зима, мороз* и пр.), появляются преимущественно у респондентов, которые проживают или проживали на территории РФ. Очевидно, что для теплолюбивых таджиков погода средней полосы России является важным определяющим страну фактором.

Представления таджиков о русских

Далее представим все полученные реакции на слово-стимул «русские» в виде ассоциативного поля, в котором цифрой обозначено количество повторений данной лексики среди реакций респондентов. Всего на данный стимул было дано 166 реакций.

Ассоциативное поле «русские»: умные 14; честные люди 8 / честные 1 / честность 1 / честный народ 1; добрые 9 / добрый народ 1; серьезные 7; блины 7; хорошие 5 / хорошие люди 1; язык 6; борщ 5; А.С.Пушкин 4; котлеты 4; красивые 4; пельмени 4; страна 4; белокурые 2 / белокурые волосы 1; голубые глаза 3; суп 3; великодушные 2; весёлые 2; Достоевский 2; дружелюбные 2; злые 2; культура 2; литература 2; матрёшка 2; мужество 2; простые 2; сильные 2; Эрмитаж 2; братский народ 1; верность 1; восточные славяне 1; Гоголь 1; душа 1; жизнерадостные 1; здоровые 1; Кутузов 1; любят гостей 1; любят музыку 1; любят пить, но живые и понимающие 1; манная каша 1; мне нравится говорить грамотно и без ошибок, потому что это моя профессия 1; много учёных 1; народ с сильным характером 1; народ-победитель 1; наука 1; начитанные 1; националисты 1; недружелюбные 1; не принимают 1; не уважительны 1; нет улыбок 1; отталкивают 1; Пасха 1; платье 1; понимание 1; пост 1; праздничные 1; предсказуемые 1; приветливый народ 1; русые 1; с широкой душой и чувством юмора 1; светлые глаза 1; славяне 1; смелые 1; современные и умные люди 1; талантливые 1; торты 1; уважительные 1; характер 1; холодные 1; церковь 1; цивилизация 1; частушки 1; щи 1.

На основании общего семантического признака сформированы тематические группы.

1. Черты характера (91): умные 14; честные люди 8 / честность 1 / честные 1 / честный народ 1; добрые 9 / добрый народ 1; серьезные 7; хорошие 5 / хорошие люди 1; сильные 2 / народ с сильным характером 1; мужество 2, весёлые 2, дружелюбные 2; великодушные 2; простые 2; злые 2; здоровые 1; душа 1; характер 1, нет улыбок 1; не принимают 1; предсказуемые 1; с широкой душой и чувством юмора 1, современные и умные люди 1, любят пить, но живые и понимающие 1; понимание 1; братский народ 1, националисты 1; недружелюбные 1; много учёных 1, не уважительны 1; начитанные 1; отталкивают 1; праздничные 1; жизнерадостные 1; талантливые 1; смелые 1; приветливый народ 1; верность 1; любят музыку 1; любят гостей 1; уважительные 1; холодные 1.

2. Еда (26): блины 7; борщ 5; пельмени 4; котлеты 4; суп 3; торты 1; манная каша 1; щи 1.

3. Внешность (12): красивые 4; белокурые волосы 1 / белокурые 2; голубые глаза 3; русые 1; светлые глаза 1.

4. Известные люди (8): А.С.Пушкин 4; Достоевский 2; Гоголь 1; Кутузов 1.

5. Язык (6): язык 6.

6. Традиции (6): матрёшка 2; частушки 1; пост 1; церковь 1; Пасха 1.

7. Государственность (4): страна 4.

8. История (3): восточные славяне 1; народ-победитель 1; славяне 1.

9. Культура (3): культура 2; цивилизация 1.

10. Одежда (1): платье 1.

За пределами тематического распределения оказались некоторые единичные реакции (например, *мне нравится говорить грамотно и без ошибок, потому что это моя профессия; братский народ*); таких реакций – 6 единиц.

Тематическое ядро ассоциативного поля ожидаемо составляют реакции, объединённые в группу «Черты характера». Лидирующими ассоциациями здесь являются лексемы *умные* (14) и *честные* (11). Далее с большим отрывом идут группы «Еда» и «Внешность», в которых наиболее частотными являются реакции *блины* (7) и *красивые* (4).

Тематическая группа «Черты характера» является не только самой многочисленной, но и наиболее вариативной по лексическому наполнению.

Подавляющее большинство реакций являются мелиоративными, однако отметим, что в реакциях на стимул «русские» появляются и единичные негативные оценки в ответах тех респондентов, которые проживали или находятся в данный момент в России (*недружелюбные, не уважительны, отталкивают, националисты, не принимают, нет улыбок, злые* и др.).

Среди остальных групп наибольшим лексическим разнообразием отличается тематическая группа «Еда». Прочие тематические группы лексически не разнообразны и представлены малым количеством реакций.

Наиболее частотные реакции – *умные* (14), *честные* (11), *добрые* (10), *серьёзные* (7), *блины* (7), *язык* (6), *хорошие* (6). Пять из семи наиболее частотных реакций относятся к тематической группе «Черты характера».

Привлекает внимание большое количество единичных реакций, которые составляют почти 30% от общего количества реакций. Это может быть связано с отсутствием у таджиков устойчивого стереотипного представления о русских.

Интерпретация полученных результатов

Представим наиболее частотные ассоциации в ассоциативных полях «Таджикистан», «таджики», «Россия», «русские» в виде таблицы (табл. 1, табл. 2).

Таблица 1 – Наиболее частотные ассоциации к словам-стимулам «Таджикистан» и «Россия»

Ассоциации к слову-стимулу «Таджикистан»	Кол-во	% от общего количества реакций	Ассоциации к слову-стимулу «Россия»	Кол-во	% от общего количества реакций
горы	43	15,5%	Москва	23	8,0%
чакан	16	5,8%	русский язык	16	5,6%
хлопок	13	4,7	большая территория	15	5,2%
плов	13	4,7	Кремль	13	4,5%
вода	12	4,3	многонациональность	13	4,5%
солнце	12	4,3	суп	13	4,5%
Душанбе	11	4,0	Пушкин	12	4,2%

Таблица 2 – Наиболее частотные ассоциации к словам-стимулам «таджики» и «русские»

Ассоциации к слову-стимулу "таджики"	Кол-во	% от общего количества реакций	Ассоциации к слову-стимулу "русские"	Кол-во	% от общего количества реакций
гостеприимные	46	19,3%	умные	14	8,4%
трудолюбивые	22	9,2%	честные	11	6,6%
плов	12	5,0%	добрые	10	6,0%
праздник Навруз	10	4,2%	серьёзные	7	4,2%
красивые	8	3,4%	блины	7	4,2%
уважительные	8	3,4%	язык	6	3,6%
отзывчивые	7	2,9%	хорошие	6	3,6%

Показательным является различие в процентном соотношении полученных ассоциаций на стимулы «Таджикистан», «таджики», с одной стороны, и на стимулы «Россия», «русские» – с другой. Наиболее частотная ассоциация, связанная с Таджикистаном, *горы* составляет 15,5%, ассоциация, связанная с таджиками, *гостеприимные* составляет 19,3% от общего числа реакций. Тогда как самые частотные ассоциации на стимулы «Россия» и «русские» *Москва* и *умные* составляют 8% и 8,4% соответственно. Предполагаем, что такое различие свидетельствует о сформированности стереотипного представления таджиков о себе и своей стране и размытости стереотипного представления таджиков о России и русских.

Отметим, что в ассоциациях, относящихся к странам, респонденты упомянули в обоих случаях столицы (*Душанбе* и *Москву*), еду (*плов* и *суп*). В списке ассоциаций, относящихся к Таджикистану, присутствуют лексемы, связанные с природой (*горы*, *солнце*), ресурсами (*хлопок*, *вода*) и национальным костюмом (*чапан*), в то время как среди самых частотных ассоциаций, относящихся к России, такая лексика отсутствует. При этом акцентируются такие признаки, как обширная территория РФ, её многонациональность, государственный язык, а также самый известный русский писатель и поэт А.С.Пушкин и главный символ страны – Кремль. Согласно результатам проведённого нами эксперимента, превалирующей ассоциацией к стимулу «Россия» в сознании респондентов становится Москва, что позволяет сделать вывод о том, что олицетворением России для них является её столица, в то время как Таджикистан для реципиентов олицетворяют горы.

Большинство ассоциаций на слова-стимулы «таджики» и «русские» вербализуются эпитетами – прилагательными, что предсказуемо, так как респонденты отвечают на имплицитно выраженный вопрос «таджики – какие?», «русские – какие?». Характеризуя слова-стимулы «Таджикистан» и «Россия», респонденты

преимущественно дают реакции в виде существительных, как бы отвечая на вопрос «страна – это что?».

Однозначным лидером среди ассоциаций к слову-стимулу «таджики» является *гостеприимные* (19,3 % от общего количества реакций), в то время как наиболее частотной ассоциацией к слову-стимулу «русские» – *умные* (8,4 %). Другими частотными характеристиками таджиков являются *трудолюбивые, красивые, уважительные, отзывчивые*, а русских – *честные, добрые, серьёзные, хорошие*.

Примечательно, что 4 из 5-ти характеристик таджиков определяют их взаимодействие с другими людьми. Характеристики же русских описывают преимущественно внутренние качества личности.

Также среди наиболее частотных реакций встречаются номинации еды – *плов* и *блины* соответственно, кроме того, тематическая группа «еда» стала второй по частотности реакцией и по разнообразию лексического наполнения, что свидетельствует о важности национальной кухни в формировании представлений о народах.

Еще одной важной характеристикой народа в представлении таджиков о самих себе стал ответ *праздник Навруз*, что говорит о главенствующей роли праздника в самоидентификации таджиков и подтверждает важность сохранения традиций народа.

Любопытно, что при характеристике русских как народа, а также России как страны был неоднократно отмечен русский язык. Возможно, это связано с тем, что русский язык воспринимается респондентами (таджиками) не только как язык русского народа, но и как важнейшее средство межэтнического общения на постсоветском пространстве.

Заключение

По результатам проведённого эксперимента были сформированы ассоциативные поля «Таджикистан», «Россия», «таджики», «русские». Как отмечают исследователи, ассоциативное поле обладает особым текстовым потенциалом, ему присуща «необычайная «текстовая заряженность», то есть потенциальная возможность быть развернутым во множество различных текстов» [14, с.10]. На основе полученных ассоциативных полей смоделируем тексты, в которых отражены представления таджиков о странах и народах, находящиеся в фокус-группе исследования.

Таджикистан – это солнечная горная страна, обладающая природными ресурсами, важнейшие из которых – вода и хлопок. Столицей Таджикистана является Душанбе, а главными символами – национальная одежда чакан и национальное блюдо плов.

Россия – это большая многонациональная страна, символами которой являются Кремль, Пушкин. Национальное блюдо – суп. Столица – Москва – олицетворяет собой всю страну. Русский язык, являясь государственным языком, выполняет в то же время важнейшую функцию межэтнического общения.

Таджики – это гостеприимный, трудолюбивый, отзывчивый, уважительный, красивый народ, главный праздник которого – праздник Навруз, а любимое национальное блюдо – плов.

Русские – это умный, честный, добрый, хороший, серьезный народ. Любимое национальное блюдо – блины. Русский язык является достоянием народа.

Проведённое исследование позволило выявить обобщённые представления таджиков о себе и своей стране, а также о России и русских. Полученные результаты и их интерпретация могут способствовать прогнозированию межнациональной напряженности и гармонизации межэтнического общения.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Языковые стереотипы русского этнокультурного пространства / Н.Ф.Алефиренко, Ш.К.Жаркынбекова; НИУ БелГУ // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н.Гумилева. – 2014. – №3. – С.11-20.
2. Валькин П.В. Этническая идентичность, этноаффилиация и этнические стереотипы русских – коренных жителей Саратовской области // Этническая психология и общество. – М., 1997. – С.145-155.
3. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь / Ю.Н.Караулов, Ю.А.Сорокин и др.; Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 223 с.
4. Колышева О.Н. Этнокультурные стереотипы о Кыргызстане в языковом сознании молодых россиян // Язык и речь в условиях современных реалий: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию выдающегося лингвиста Кыргызстана Геннадия Степановича Зенкова (г.Бишкек, 06-07 июля 2024 г.). – Бишкек: Кыргызский национальный университет им. Ж.Баласагына, 2024. – С.195-203.
5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375с.
6. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
7. Новикова И.А., Панчехина Н.Н. Сравнительные характеристики этнических авто- и гетеростереотипов российских студентов [Электронный ресурс] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2010. – №1. – С.14-19 – Режим доступа: <https://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics/article/view/7726/7179> (дата обращения: 02.06.2025)
8. Питерова А.Ю., Тетерина Е.А. Социальные стереотипы: особенности формирования и изучения // Наука. Общество. Государство. – 2016. – Т.4, №1(13). – С.103-110.
9. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997. – 824с.
10. Таганова Т.А. Этностереотип: лингвистический и лексикографический аспекты / [Электронный ресурс] // Вестник ИвГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnostereotip-lingvisticheskiv-i-leksikograficheskiv-aspekty> (дата обращения: 17.05.2025).
11. Уфимцева Н.В. Этнические ритмы и стереотипы культуры // XI Всероссийский симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Язык, сознание, культура, этнос: теория и прагматика». – 1994. – С.97-98.
12. Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование / Российская академия наук, Институт языкознания. – М., 1998. – С.135-170. EDN SWZFYF.
13. Уфимцева Н.В. Ассоциативная лексикография и исследования языкового сознания / Н.В.Уфимцева, Г.А.Черкасова // Филология и культура. Philology and Culture. – 2014. – №4(38). – С.193-199.

14. Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание. – М: Российский ун-т дружбы народов, 2021. – 251с.
15. Шамбезода М.Х. Номинативное поле концепта «мухочир/мигрант» (на основе результатов свободного ассоциативного эксперимента) // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2023. – №2(80). – С.216-224.
16. Шамбезода Х.Д. Современные тенденции развития лингвистики в Средней Азии // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе, 2024. – №1(83). – С.90-95.
17. Шогенова М.Ч., Дохова З.Р. Этнические стереотипы в речевом поведении современной языковой личности // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – №4. – С.483-494. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-483-494. EDN: YTLJBW.
18. Castano E., Paladino M.-P., Coull A. Protecting the ingroup stereotype: Ingroup identification and the management of deviant ingroup members // The British journal of social psychology. – 2002. – Vol. 41(3). – P.365-386.

MODERN TAJIKS' PERCEPTIONS OF THEMSELVES AND TAJIKISTAN, RUSSIA AND RUSSIANS: RESEARCH METHODOLOGY AND RESULTS

Smoliy Elena Sergeevna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of general and Russian linguistics
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 495 936 8584
smoliy-es@rudn.ru

Povalko Polina Yuryevna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of general and Russian linguistics
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 495 936 8584
povalko-pvu@rudn.ru

Kolysheva Olga Nikolaevna

Candidate of philological sciences,
Senior lecturer of the chair of general and Russian linguistics
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 495 936 8584
kolysheva-on@rudn.ru

Ashurov Azamat Jumaevich

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of foreign literature
with a focus on Russian language and literature teaching methods
Kulyab state university names of the A.Rudaki
735360, Republic of Tajikistan, Kulyab, S.Safarov str., 16
Ph.: (+992) 98 54 73 3 34 (m.)
azam_ash@mail.ru

This article devoted to the contemporary Tajiks' generalized perceptions of themselves, Tajikistan, Russia, and Russians. The relevance of this study lies in the importance of this type of research in the context of contemporary migration processes, expanding cultural interaction, and globalization. The purpose of the study is to identify contemporary Tajiks' perceptions of themselves, their native country, Russia, and Russians, followed by their classification and interpretation. The novelty of the study lies in the unique nature of the data collected using an associative experiment (a total of 968 responses), as well as the results of their analysis, classification, and interpretation. The associative experiment yielded the following associative fields: "Tajikistan," "Russia," "Tajiks," and "Russians." These fields, thanks to their unique textual potential, were then expanded into descriptive texts reflecting the dominant characteristics of the countries and peoples studied, as they exist in the minds of Tajiks. This study revealed the generalized perceptions of Tajiks about themselves, their country, Russia, and Russians. The results and conclusions obtained can contribute to the prediction of interethnic tensions and the harmonization of interethnic communication.

Keywords: associative experiment; associations; associative field; the Tajiks; Tajikistan; Russia; the Russians; interethnic interaction.

**ТАСАВВУРОТИ ТОЧΙΚОНИ МУОСИР ДАР БОРАИ ХУД ВА
ТОЧΙΚИСТОН, ДАР БОРАИ РОССИЯ ВА РУСҲО:
МЕТОДОЛОГИЯИ ТАДҚИҚ ВА НАТИҶАҲО**

Смолий Елена Сергеевна

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи забоншиносии умумӣ ва русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 495 936 85 84
smoliy-es@rudn.ru

Повалко Полина Юрьевна

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи забоншиносии умумӣ ва русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 495 936 85 84
povalko-pyu@rudn.ru

Колышева Ольга Николаевна

Номзади илмҳои филологӣ,
устоди калони кафедраи забоншиносии умумӣ ва русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 495 936 85 84
kolysheva-on@rudn.ru

Ашуров Азамат Цумаевич

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи адабиёти хориҷӣ
бо методикаи таълими забон ва адабиёти рус,
Донишгоҳи давлатии Кӯлоб ба номи А. Рӯдакӣ
735360, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Кӯлоб, кӯч. С. Сафаров, 16
Тел.: (+992) 98 547 33 34 (м.)
azam_ash@mail.ru

Мақола ба омӯзиши тасаввуроти умумии тоҷикони муосир дар бораи худ, кишварашон – Тоҷикистон, инчунин дар бораи Россия ва мардуми рус бахшида шудааст. Мубрамияти тадқиқот дар аҳамияти чунин гуна таҳлилҳо дар замони муосир ифода меёбад, зеро равандҳои муҳочирати ҷаҳонӣ, тавсеаи робитаҳои фарҳангӣ ва ҷаҳонишавӣ зарурати баррасии муносибатҳои байнифарҳангиро тақозо мекунанд.

Мақсади асосии кор таҳқиқи андешаҳо ва тасаввуроти тоҷикони имрӯза дар бораи худ, ватани худ, ҳамчунин дар бораи Россия ва русҳо, бо ҷобачогузорӣ ва шарҳи илмӣ онҳо мебошад.

Навоварии тадқиқот дар он аст, ки маълумот тавассути усули таҷрибаи ассотсиативӣ ҷамъоварӣ шудааст (ҳамагӣ 968 воқуниш), ки бо таҳлил, гурӯҳбандӣ ва тафсири муфасссал коркард гардиданд.

Дар натиҷаи таҷриба майдонҳои ассотсиативии «Тоҷикистон», «Россия», «тоҷикон» ва «русҳо» ташаккул ёфтанд. Ин майдонҳо, ки дорони потенсиали матнии вижа мебошанд, ба шакли матнҳои тавсифӣ таҳия шуданд, ки сифатҳои ҳукмрон ва тасвирии ду халқ ва ду кишварро дар шуури тоҷикон инъикос менамоянд.

Тадқиқоти анҷомшуда имкон дод, ки тасаввуроти умумии тоҷикон дар бораи худ, кишварашон, ҳамчунин дар бораи Россия ва мардуми рус муайян гардад. Натиҷаҳои бадастомада

метавонанд дар пешгӯии вазъҳои эҳтимолии танишҳои байнимиллӣ ва таҳкими муоширати байниқавмӣ нақши мусбат бозанд.

Калидвожаҳо: таҷрибаи ассотсиативӣ; ассотсиатсияҳо; майдони ассотсиативӣ; тоҷикон; Тоҷикистон; Россия; русҳо; ҳамкориҳои байнимиллӣ.

УДК 811.161.1:81-23:81.'367

**ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОНСТРУКТОВ
ГРАММАТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ НА ПРИМЕРЕ СТРУКТУРЫ
«ВЗЯЛ(А)»**

Боровик Владимир Владимирович

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка как иностранного
Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации
Иркутский государственный университет
664003, Россия, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1
Тел.: +7 (3952) 521 912
vel_getman@mail.ru

Каверзина Анастасия Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент,
старший педагог дополнительного образования кафедры русского языка №2,
старший педагог дополнительного образования кафедры русского языка №4
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 433 53 22 доб. 1521
kaverzina-av@rudn.ru

Салоев Азиз Тошмуродович

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры современного русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 08
saloev_aziz@mail.ru

Толмачева Екатерина Юрьевна

Кандидат педагогических наук,
педагог дополнительного образования кафедры русского языка №4
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 952 39 46
tolmacheva_evu@pfur.ru

В статье рассмотрены лингвистические конструкты как символические единицы грамматических концептов на примере структуры *взял (а)*. В рамках теоретических данных, полученных из источников по когнитивной лингвистике, была выбрана именно эта структура лексико-синтаксического плана, чтобы показать, как лингвистические конструкты реализуются в рамках типичного грамматического концепта, свойственного литературному языку, его разговорному стилю. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые на материале лингвистических конструктов изучаются грамматические концепты, неоднородные по своей природе и контактирующие с другими языковыми концептами. В результате исследования установлено, что процесс развития конструктов в рамках какого-либо концепта или даже в границах всей языковой системы зависит от самого концепта, следовательно, лингвистические конструкты в грамматике отличны от подобных образований в фонетике, стилистике. Обнаружены сходства конструктов в лексико-грамматическом плане, поскольку само понятие «концепт» обязательно связано со словарным запасом языка, картиной мира говорящего, а потом уже с грамматическим оформлением речи.

Ключевые слова: лингвистический конструкт; грамматический концепт; модель описания языка; когнитивная лингвистика; структура языка; символическая единица.

Введение. Уровень проблемности темы (неочевидность решений, необходимость теоретического поиска, преодоление трудностей на практике) представляет собой краткое введение в теорию лингвистических конструктов в концепте. Мы будем ссылаться на неоднородный характер этой теории, указывающий на ряд различных моделей описания языка, функционирующий под общим названием «языковой конструкт».

Целью настоящей работы является выявление универсальных и специфических параметров языковых конструктов в системе грамматики на уровне концептов.

Актуальность исследования обусловлена тем, что мы укажем на факторы, определяющие тесное родство этих моделей, и на наиболее существенные элементы, составляющие их обособленность.

Поскольку понятие «лингвистический конструкт» тесно связано с более широким направлением современной лингвистики – когнитивной лингвистикой, работа опирается на теоретические основы быстро развивающейся в настоящее время области.

Личный вклад авторов статьи в решение рассматриваемой проблемы – подробный анализ выражений со встроеной фразой *взять и* (например, *взял и умер, взял и открыл, взял и заблудился*) в свете конструктивно-когнитивной теории как единицы языковых конструкций грамматического концепта. Мы будем обсуждать широкий спектр использования конструкции, ориентируясь на ее нерегулярную формальную структуру и специфическую семантически прагматическую ценность.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- обозначить научную проблему, решаемую авторами, ее актуальность и новизну;
- сделать краткий обзор работ предшественников по теории лингвистических конструкторов и грамматических концептов;
- указать на значимость исследования для теории и практики;
- описать перспективность (значимость данного исследования на ближайшее время);
- обозначить личный вклад авторов статьи в решение рассматриваемой проблемы.

Материалы и методы. Использовались научно-методические статьи и монографии по теме исследования, аудиозаписи звучащей речи и источники письменной речи, сконструированные под разговорную, из социальных сетей.

Для проведения исследования лингвистических конструкторов в грамматическом концепте нами применяются методы тематической классификации и систематизации языкового материала, метод компонентного анализа, элементы когнитивного моделирования как процедуры описания конструктора.

Теоретическую базу исследования составляют работы в области когнитивной лингвистики [1; 4; 5], а также базовые положения лингвокультурологического подхода к изучению лингвистических конструкторов в грамматических концептах [9; 10].

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в практике преподавания русского языка, при разработке и чтении теоретических и практических курсов, посвященных вопросам когнитивной лингвистики, общей грамматики, лингвокультурологии, общего и сравнительно-исторического языкознания. Кроме того, представленный в статье обзор использования конструкторов в грамматике поможет найти и исследовать конструкторы в фонетике, стилистике, графике, орфографии, что, несомненно, будет иметь практический интерес для изучающих русский язык.

Результаты и обсуждение. Термин «лингвистический конструктор» подразумевает языковые конструкции, искусственно созданные средствами современного языка для воссоздания какого-либо факта либо для подтверждения какой-либо гипотезы, основа отдельных теорий, образующих конструктивно-познавательное течение.

Представим краткий обзор работ предшественников по теме.

Следует указать имя Рональда Лангакера – отца-основателя когнитивной лингвистики. Модель когнитивной грамматики, созданная Лангакером, настолько сложна с теоретической стороны и детализирована, что представляет собой как бы отдельную, независимую теорию, и нередко именно так это рассматривается теоретиками когнитивной лингвистики при анализе грамматических концептов [6, с.145].

Когнитивная грамматика имеет много общего на уровне гипотез с работами других исследователей конструктивного поля. Говоря о том, что объединяет перечисленные выше теории, мы будем в значительной степени использовать терминологию, используемую Лангакером в работах по когнитивной грамматике.

Общий знаменатель, объединяющий вышеупомянутые модели, – вот тезис о символизации, утверждающий, что основной единицей языка является символическая единица, условное сочетание фонологической структуры с семантической структурой. То, что некоторые исследователи называют символической единицей, другие называют конструктом, что не меняет того факта, что те и другие определяют основную единицу языка как условную связь формы и значения. Здесь стоит обратить внимание на несколько иной способ использования термина «конструкт» Лангакером, который говорит о конструктах в случае сложных форм, начиная от сложных слов и заканчивая различными синтаксическими шаблонами [10, с.303].

Таким образом, для Лангакера конструкции (они же конструкты в других источниках) не будут единичными морфемами, будь то грамматические или лексические. У Голдберга, с другой стороны, понятие конструкции относится к любой символической единице, также самой простой, как единичная морфема.

В свете этой концепции теряет свою легитимность дихотомическое разделение языка на лексику и грамматику, семантику и прагматику. Язык – лексико-грамматический континуум, из одного конструкта образует полностью специализированные формы (слова), из другого – схематические синтаксические шаблоны. Однако все эти формы имеют одинаковый статус, являясь сочетанием формы и значения. Семантический потенциал заключается не только в лексических единицах, но и в традиционно понятном носителям языка синтаксисе, он, как и лексика, содержит типологизированные единицы, носители определенных значений, с гораздо большей степенью обобщенности или схематичности [10, с.300].

Важным элементом конструктивно-когнитивной модели является отказ от тезиса об автономном характере синтаксиса (при мысли о том, что синтаксические структуры занимают отдельную изолированную область в человеческом уме) в пользу тезиса о немодулярности языковых представлений.

Тезисы о символизации и лингвистическом узусе в значительной степени определяют и связывают теории, имеющие отношение к конструктивно-когнитивному течению. Однако каждая из них имеет свои индивидуальные черты, отличающие ее от других моделей. Именно эти специфические черты будут предметом краткого и обзорного описания в нашей работе на примере разговорных синтаксических конструкций.

Определение Голдберг, взятое нами за основу, чрезвычайно емко в отношении форм, заслуживающих названия конструкторов. Согласно упомянутой точке зрения, конструкторами могут быть как отдельные морфемы, слова, фразы, так и значительно более схематичные синтаксические шаблоны, соответствующие традиционно понимаемым грамматическим правилам.

Однако в своих работах Голдберг в основном сосредотачивается на схематическом наполнении грамматического континуума, анализируя ряд различных аргументированно-предикатных конструкций, таких как конструкция с двойным дополнением (Tom gave Helen a kiss), характерных для английского языка.

Отличительной чертой работ Голдберг является изображение этих конструкторов в контексте радиальных категорий, полисемической сети значения, сосредоточенного вокруг центрального значения, прототипа. А это уже концепт с его концентрическим характером, ядром и периферией.

Полные значения конкретных выражений возникают в результате взаимодействия схематических значений (связанных с данным структурным каркасом) с полностью конкретизированными лексическими значениями слов, заполняющими данный скелет.

В языковом взаимодействии при этом Голдберг уделяет большое внимание анализу отношений, происходящих между аргументированными ролями глаголов, входящих в данную конструкцию (например, *agens*, пациент, получатель), и грамматическими функциями, присущими синтаксическому шаблону (например, объект, близкое дополнение, дальнейшее дополнение). Соответствие этих двух типов аргументированных ролей определяет статус данного выражения как условной языковой единицы – конструктора грамматического концепта.

Понимание конструкции Голдберг остается на границе композиционной и некомпозиционной модели. Как отмечают Крофт и Круз [7, с.158], в разделе описания глагольных предикатов это неприводимая модель, поскольку она основана на семантике рамок, где отдельные элементы рассматриваются как неотъемлемые части большего целого. Напротив, представленное Голдберг описание синтаксической структуры отдельных схем структурно редуцировано в том смысле, что предполагает существование атомистических элементов (порождение, дополнение), что используются для построения более сложных структур.

Для представителя когнитивной лингвистики грамматика – концептуализация, любой тип умственного опыта, включая наиболее непосредственные сенсорно-моторные переживания.

Лангакер в первую очередь фокусируется на концептуальных процессах и механизмах, влияющих на форму и функционирование языковых категорий. Видное место в когнитивной грамматике занимает понятие «лингвистического конструктора», определяемое как способность воспринимать и представлять одну и ту же ситуацию по-разному [6, с.247].

Другими словами, конструктор в концепте – особый способ признания концептуального содержания, кодируемого отдельными языковыми единицами, будь то лексический или принадлежащий к более схематическому виду лексико-грамматический континуум.

Согласно теории Лангакера, даже такие абстрактные грамматические категории, такие как существительное или глагол, могут быть определены в семантических планах, то есть в отношении различных способов построения конструкта.

Здесь следует подчеркнуть, что построение функционирует в когнитивной грамматике как базовый термин, под которым мы понимаем ряд различных, более конкретных концептуальных процессов с определенным влиянием на языковые структуры.

Модель Лангакера от других обсуждаемых нами теорий отличает особый способ понимания языковых значений как концептуальных структур, чья окончательная форма, выраженная языковыми средствами, является результатом действия многих различных когнитивно-познавательных процессов. Именно эти процессы и их влияние на функционирование языковых категорий составляют центр исследовательских интересов автора когнитивной грамматики [10, с.300].

Конструкт *взять и* проявляет много идиосинкразических характеристик в пределах формы, из которых наиболее важным является переходность глагола *взять и* ограничения распределения по отношению к вопросительным и отрицательным формам [8, с.52].

Теперь перейдем к семантическому аспекту. Анализ корпусных данных позволяет выделить несколько отдельных, хотя и довольно тесно взаимосвязанных моделей использования. Вот они:

Agens + *взять и* + действие

В функции субъекта выступает agens – человек, инициирующий и выполняющий действие

Ира взяла и вышла замуж ... тогда поздравляю!

Я сразу же поблагодарила Машу, которая взяла и объяснила, в чем дело.

Субъект выступает в роли пациенса, является участником событий, связанных с основными биологическими функциями человека, такими как смерть, болезнь, рождение или рост.

она взяла и родила.

Бонд, да, я понимаю, я тоже даю ребенку мои разные прозвища, но она взяла и выросла и не хочет, чтобы ее называли этими прозвищами

В функции субъекта мы находим не только людей, но и различного рода элементы неодушевленной материи, в основном устройства или изобретения современной техники, такие как мобильные телефоны или ноутбуки. Соединительные глаголы с *взять и* имеют значение ‘выразить их разрушение, плохое функционирование, или исчезновение’.

несмотря ни на что, ноутбук мой взял и сломался

... камера, к сожалению, взяла и приземлилась,

мой любимый серебряный браслет взял и потерялся, и это меня жестоко опечалило.

А скажите мне еще, есть ли шанс, что это у вас диск взял и испортился?

Еще один конструкт: Погода / атмосферные явления + *взять и* + изменение атмосферных условий

Этот вариант конструкта описывает неожиданные атмосферные явления или внезапное изменение погодных условий (обычно в худшую сторону).

*как в старом фильме: зима снова удивила дорожников. Взяла и не пришла.
к тому же погода взяла и испортилась!*

Приведенные выше примеры использования рассматриваемой конструкции указывает на довольно значительную гибкость с точки зрения семантики аргументированных форм.

Однако следует отметить, что не все перечисленные варианты характеризуют такой же степени познавательной укорененности. Наиболее центральные (прототипные) использования связаны с первым из упомянутых шаблонов, где в функции субъекта мы находим агенса, иницирующего и выполняющего определенное действие.

Убеждение в прототипности именно такого использования проистекает из двух факторов. Во-первых, вот наиболее распространенный вариант конструкции, составляющий примерно 60% всего накопленного корпуса, во-вторых, форма демонстрирует самые тесные связи с основным значением лексемы *взять*, неразрывно связанным с действиями, инициированными и выполняемыми агенсом [3, с.15].

Как видим, конструкция *взять и* является производной от регулярной, полностью композиционной формы, где *взять* функционирует как переходный глагол. Например:

взял ключи и вышел из дома.

они взяли деньги и исчезли.

Когда прямые лексические сигналы не появляются, события, выраженные фразой, чаще всего интерпретируются как имеющие незапланированный или неожиданный характер:

Ира взяла и вышла замуж ... поздравляю!

В нашей культурной традиции свадьба связана с событием, сопровождаемым интенсивной подготовкой, обычно начинающейся задолго до фактической церемонии. В то время как *взять и выйти замуж* предполагает, что празднование было проведено в обход этого подготовительного этапа, просто так и, возможно, даже к удивлению некоторых.

Элемент непосредственности, непредсказуемости или незапланированности следующих событий, как представляется, – фактор, связывающий все использование конструкта *взять и*, также менее прототипные.

Однако в остальных вариантах этой конструкции мы имеем дело с дополнительным элементом, а именно, с сопоставлением двух контрастных концепций – контроля и отсутствия контроля. Первое происходит из-за использования лексемы, которая в своем основном смысле подразумевает контроль агенса над чем-то: захватывая какой-то объект, мы одновременно контролируем его и можем использовать любым способом.

Дело в том, что во всех остальных вариантах конструкта *взять* соединяется с глаголами, обозначающими события, выходящие за рамки возможностей воздействия или контроля со стороны человека, как, например, биологические и физио-

логические процессы, такие как рождение, взросление, смерть или когнитивно-эмоциональные состояния, такие как забывание или воспоминание о чем-либо.

Когда в функции субъекта присутствует не человек, а различные виды предметов, они не могут действовать преднамеренно и активно влиять на то, что с ними происходит (где они находятся или как они функционируют).

Тем не менее, тот факт, что они появляются как элемент конструкта *взять и*, добавляет к ним агенсные черты по образцу преднамеренно действующих существ, обладающих способностью осуществлять контроль над своим местоположением или функционированием [2, с.691].

В последнем из перечисленных примеров мы имеем дело с аналогичной ситуацией – атмосферные явления воспринимаются в метафорических терминах через аналогии с живыми существами, которые могут руководить своими действиями и, следовательно, решать, будут ли они иметь место или нет. Следует подчеркнуть, что в этом варианте конструкта особенно ярко подчеркивается фактор непредсказуемости действия – описываемые погодные явления происходят внезапно и неожиданно.

Заключение. Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что конкретная семантико-прагматическая ценность конструкта имеет свое обоснование в полностью композиционном построении, что находит свое отражение в семантике идиоматического построения, сигнализируя о незапланированном или непредсказуемом характере событий.

Как мы уже отмечалось, основным значением лексемы *взять* является также ‘схватить, выполнять определенную роль, являясь фактором, стимулирующим контраст контроль/ отсутствие контроля’. Размещение этих двух противоположных концептуализаций в непосредственной близости иногда используется для создания юмористического эффекта, придающего высказываниям тон легкости и игривости.

Конструктивно-когнитивная модель делает лингвистический конструкт фундаментальной единицей описания языка, причем понятие конструкта понимается очень широко как любое сочетание формы и смысла. Именно такое понимание приводит к отходу от традиционных дихотомических делений типа лексика / грамматика или семантика / прагматика, позволяя рассматривать язык как континуум единиц, отличающихся во многих отношениях, но имеющих самостоятельный статус.

Такое отношение к языку позволяет, в свою очередь, воспринимать конструкты, которые не раз опускались или вытеснялись в лексико-грамматических полях (а позже и в концептах) как так называемые исключения из правил. Эта переоценка особенно отчетливо различима в ссылках на идиоматические формы, частично заполненные лексически, которые находятся где-то посередине упомянутого континуума – между полностью конкретизированными значениями слов и совершенно схематичными (лексически незаполненными) синтаксическими шаблонами.

Конструкты, о которых была речь в статье, кажется, именно такие. Собственно их семантико-синтаксическая нерегулярность, несомненно, делает из

них «единицы с запасом». Однако в свете предположений теории языка, основанной на узусе, эта маргинальность (неравномерность) приобретает новое значение, являясь отправной точкой для поиска факторов, мотивирующих специфику распределения формы.

Сторонники данной теории заинтересованы в характеристике всей системы структур, составляющих язык, и не только конструкторов, определяемых как «ядро грамматики». Интерес проистекает из убеждения, что многие фундаментальные идеи могут быть сформулированы на основе анализа периферических форм, а теоретический аппарат, служащий для объяснения периферических случаев, может использоваться для объяснения основных случаев.

Таким образом, проведенное исследование лингвистических конструкторов в грамматических концептах показало, что средствами современного русского языка и с помощью данных когнитивной лингвистики можно выстроить систему конструкторов в пределах любой языковой картины мира. В качестве примеров лучше выбирать структуры из разговорного стиля, они наиболее яркие в синтактике и семантике, обязательно содержат тот многовековой ментальный багаж народа, говорящего на русском языке как родном, что поможет осознать и понять соответствующий конструктор.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать выявление и систематическое описание лингвистических конструкторов других концептов и даже других языков в сопоставительном плане.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. – М.: Флинта, 2009. – 412с.
2. Гриченко Л.В., Харченко Ю.А. Лексико-семантическая классификация соматизмов во фразеологических фондах английского и русского языков // Молодой ученый. – 2016. – №13(117). – С.685-689.
3. Мельчук И.А. Две русские лексемы: ВОЗЬМИ [и У-ни] и ВЗЯТЬ² [и У-нуть] // Русский язык в научном освещении. – 2023. – №2. – С.9-25.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ, 2010. – 314с.
5. Пометелина С.М. Когнитивная природа становления грамматической категории времени русского глагола // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. – 2019. – №1. – С.77-83.
6. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. – М., 2018. – 391с.
7. Хренова А.В. Современная когнитивная лингвистика за рубежом. основные единицы исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – №1-1(57). – С.156-161.
8. Чжан Ю. Семантика вопросительных предложений со словом откуда и глаголами брать / взять, братья / взяться // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2019. – №1. – С.51-59.
9. Чудинов А.П., Будаев Э.В. Становление и эволюция когнитивного подхода к метафоре [Электронный ресурс] // Новый филологический вестник. – 2007. – №1. – С.21-45. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-evolyutsiya-kognitivnogo-podhoda-k-metafore>
10. Яхина Г.Ф. Формирование значений и когнитивная грамматика Рональда Лангакера // Теория и практика языковой коммуникации: материалы VIII международной научно-

методической конференции (Уфа, 23-24 июня 2016 г.). – Уфа: Изд-во Уфимского государственного авиационного технического университета, 2016. – С.297-305.

**FEATURES OF LINGUISTIC CONSTRUCTS OF GRAMMATICAL
CONCEPTS ON THE EXAMPLE OF THE STRUCTURE «ВЗЯЛ(А)»**

Borovik Vladimir Vladimirovich

Candidate of philological sciences
associate professor of the chair of Russian as a foreign language
Institute of philology, foreign languages and media communication
Irkutsk state university
1 Karla Marksa str., Irkutsk, Russia, 664003
Ph.: +7 (3952) 521 912
vel_getman@mail.ru

Kaverzina Anastasiya Vladimirovna

Candidate of philological sciences, associate professor,
teacher of the Russian language chair №2
teacher of the Russian language chair №4
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 433 53 22, ext. 1521
kaverzina-av@rudn.ru

Saloev Aziz Toshmurodovich

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of modern Russian language
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 44 620 42 08
saloev_aziz@mail.ru

Tolmacheva Ekaterina Jur'evna

Candidate of philological sciences in pedagogy,
senior lecturer of the Russian language chair №4
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 952 39 46
tolmacheva_evu@pfur.ru

The article deals with linguistic constructs as symbolic units of grammatical concepts using the example of the structure *взял(а)/took*. Within the framework of theoretical data obtained from sources on cognitive linguistics, choosing this particular structure of the lexical-syntactic plan to show how linguistic constructs are realized within the framework of a typical grammatical concept inherent in the literary language, its colloquial style. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time, using the material of linguistic constructs, grammatical concepts that are heterogeneous in nature and in contact with other linguistic concepts are studied. As a result of study, it was found that the process of construct development within a concept or even within the boundaries of the entire language system depends on the concept itself, therefore, linguistic constructs in grammar differ from similar formations in phonetics and stylistics. The similarities between constructs in the lexical and grammatical sense were revealed, since the very concept of "concept" is necessarily associated with the vocabulary of the language, the speaker's worldview, and then with the grammatical design of speech.

Keywords: linguistic construct; grammatical concept; language description model; cognitive linguistics; language structure; symbolic unit.

**ХУСУСИЯТҲОИ КОНСТРУКТҲОИ ЛИНГВИСТӢ ДАР ТАРКИБИ
КОНСЕПТҲОИ ГРАММАТИКӢ ДАР МИСОЛИ ТАРКИБИ «ВЗЯЛ(А)»**

Боровик Владимир Владимирович

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи забони русӣ чун забони хориҷӣ
Институти филология, забонҳои хориҷӣ ва медиакоммуникатсия
Донишгоҳи давлатии Иркутск
664003, Россия, Иркутск, кӯч. Карл Маркс, 1
Тел.: +7 (3952) 521 912
vel_getman@mail.ru

Каверзина Анастасия Владимировна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
муаллими калони таҳсилоти иловагии кафедраи забони русии №2,
муаллими калони таҳсилоти иловагии кафедраи забони русии №4
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 433 53 22 доб. 1521
kaverzina-av@rudn.ru

Салоев Азиз Тошмуродович

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи забони муосири русии
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 08
saloev_aziz@mail.ru

Толмачева Екатерина Юрьевна

Номзади илмҳои педагогӣ,
муаллими таҳсилоти иловагии кафедраи забони русии №4
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 952 39 46
tolmacheva_evu@pfur.ru

Дар мақола конструктҳои лингвистӣ ҳамчун воҳидҳои рамзии концептҳои грамматикӣ дар мисоли сохтори «взял(а)» муоина карда мешаванд. Дар доираи нишондодҳои назариявӣ, ки аз сарчашмаҳои когнитивии забоншиносӣ гирифта шудаанд, маҳз ин воҳиди лексикӣ-синтаксисӣ интихоб гардид, то ки конструктҳои лингвистӣ дар доираи як концепти ҳосаи грамматикӣ чӣ гуна ҳам дар забони адабӣ ва ҳам дар шакли гуфтугӯии он амалӣ мешаванд, нишон дода шавад. Навовариҳои илмӣ таҳқиқот дар он аст, ки бори аввал концептҳои грамматикӣ, ки табиатан гуногунтаркибанд ва бо дигар концептҳои забонӣ дар робита қарор мегиранд, маҳз дар асоси конструктҳои лингвистӣ омӯхта мешаванд. Таҳқиқот нишон дод, ки раванди ташаккул ва тағйири конструктҳо дар доираи як концепт ё ҳатто тамоми низомии забони аз хусусият ва сохтори ҳуди концепт вобаста аст. Ба ҳамин хотир, конструктҳои лингвистӣ дар грамматика аз конструктҳои фонетикӣ ё услубиносӣ фарқ доранд. Муаллифон инчунин умумиятҳои конструктҳоро дар сатҳи лексикӣ-грамматикӣ муайян карданд, зеро концепт ҳамчун мафҳум пеш аз ҳама бо захираи луғавӣ, бо тасаввуроти ҷаҳон дар зехни гӯянда алоқаманд аст ва баъдан бо шакли грамматикӣ ифода меёбад.

Калидвожаҳо: конструкти лингвистӣ; концепти грамматикӣ; модели тавсифи забон; лингвистикаи когнитивӣ; сохтори забон; воҳиди рамзӣ.

УДК 81-26

**СЛАВЯНО-ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ:
ПРИНЦИП ГЕРМЕТИЧНОСТИ ГРАММАТИК В СВЕТЕ
СИСТЕМНОЙ ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВ**

Кобылко Ярослав

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка №2
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 53 22, доб. 1521
kobylko-va@rudn.ru

Куновски Марина Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой русского языка №2
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 53 22, доб. 1521
kunovski-mn@rudn.ru

В статье на примере флективных славянских и агглютинативных тюркских языков рассматривается предположение, что флективные языки в процессе развития постепенно отказываются от флексии и всё больше приближаются к агглютинативному типу. В связи с этим описываются межкультурные и языковые контакты славянских языков с тюркскими языками с целью рассмотрения уровня их взаимодействия, а также возможного на этом фоне сближения одного грамматического типа к другому. Представлены межъязыковые контакты южно- и восточнославянских языков с тюркскими в силу их функционирования в исторически сложившейся географической близости, а также современного двуязычия на определённых территориях стран. Привлечение к анализу западнославянских языков, не в такой степени участвующих в контактах с языками других типов, особенно с тюркскими языками, может послужить точкой отсчёта для отслеживания состояния грамматик у славянских языков, взаимодействующих с тюркскими языками.

В статье описываются два противостоящих процесса, когда тесные языковые контакты, особенно восточно- и южнославянских языков с тюркскими, учитывая разнообразный типологический тип этих языков, с одной – прагматичной, стороны, должны упразднить флективность славянских языков, а с другой стороны, в силу неподвижности скелетов систем синтетических языков – грамматик, изолироваться и сохранять свои древние типологические традиции. В связи с этим в статье также уделяется внимание уровню синтетических и аналитических форм в современных славянских и тюркских языках.

Рассмотрение взаимодействия данных языков позволило сделать вывод, о том, что тюркские и, особенно, славянские языки вне зависимости от насыщенности совместных контактов, в большей степени стремятся сохранить родственные типы грамматик, что является особенным феноменом для флективных языков.

В статье проводится теоретический анализ с опорой на научные концепции системной типологии В. фон Гумбольдта, И.И.Срезневского, И.А.Бодуэна де Куртенэ, Н.С.Трубецкого, Е.Куриловича, Г.П.Мельникова и др.

Ключевые слова: славянские языки; тюркские языки; системная типология языков; флективность; агглютинация; синтетизм; аналитизм

Введение. Языковые взаимосвязи формируются под влиянием эволюционных процессов: образа жизни древних племён, географической близости их обитания, распространения религии, длительной зависимости одних государств от других и смещения языков в условиях двуязычия. В наше время славянские и тюркские языки из-за геополитических, экономических, культурных причин постоянно взаимодействуют друг с другом, что в итоге, в разной степени, влияет на уровни неродственных языковых систем. В отношении восточных славян, особенно относительно современной России, функционируют два варианта взаимосвязей, а именно: географическая близость и тесные экономические, культурные, миграционные связи с тюркоязычными государствами, например, с Казахстаном, Кыргызстаном, Узбекистаном, Азербайджаном; двуязычие на территории страны – русского языка и якутского, тувинского, башкирского, татарского, чувашского, хакасского, кумыкского, карачаево-балкарского и многих других языков. Такое распространение тюркских языков ставит их на второе место по численности носителей в России после славянской группы индоевропейских языков. Взаимосвязь южнославянских языков с тюркскими особенно очевидна, учитывая влияние на них турецкого языка. Турецкий является региональным или локально-официальным языком в Болгарии, Северной Македонии и Сербии. Западнославянские народы, в силу своего географического расположения, обеспечивающего контактирование с языками, схожими по грамматическому типу, а также многовековой направленности на культуры и христианство западных этносов, были отизолированы от неродственных им языков. Таким образом, западославянские языки из-за того, что не участвовали в контактах с языками других типов, могут служить как примерные для других славянских языков, взаимодействующих с тюркскими языками.

Учитывая разносторонние контакты славянских и тюркских языков, необходимо отследить, на каком уровне языковой системы происходят изменения, вызванные наложением уровня системы или её элемента на систему другого языка. «В связи с этим значение термина «языковые контакты» можно было бы определить следующим образом: два языка (А и Б) находятся в контакте, если речь (текст), порождаемая на языке А, содержит в себе элементы и/или отношения языка Б, или, наоборот, речь на языке Б включает в себя элементы и/или отношения языка А, а также если элементы и/или отношения языка А проникают и обнаруживаются в системе языка Б и наоборот. При таком понимании языковых

контактов мы фактически имеем дело только с результатом взаимодействия двух языков на всех уровнях (фонологическом, морфемном, лексемном и грамматическом), причем не только в области речи (текста), но и в области системы» [5, с.108]. При этом результаты такого взаимодействия изначально происходят на периферийных уровнях языковой системы, которые в дальнейшем могут повлиять на грамматический строй языка.

Целью статьи является рассмотрение межъязыковых контактов народов носителей славянских и тюркских языков, а вслед за этим, опираясь на концепции системной типологии, отследить уровень воздействия тюркских агглютинативных языков на флективные славянские языки, а также определить на этом фоне уровень сближения одного грамматического типа к другому.

Взаимодействие уровней языковой системы и их элементов. Межъязыковые контакты народов разных культур предлагается рассматривать с двух точек зрения. Первая – это точка зрения абстрактности, под которой подразумеваются те внеязыковые влияния на языки, которые могут отражаться на периферии языковой системы, что в итоге, на протяжении её длинного давления может повлиять на ядро этой системы – грамматику. Вслед за этим выделяется второй – формальный подход, в рамках которого необходимо рассмотреть отражение этих возможных абстрактных взаимодействий в ядре языка.

Потребность в рассмотрении таких подходов обусловлена тем, что языковая система, несмотря на то, что она имеет жёсткую структуру подсистем и их знаков, именно благодаря их разнovidным взаимосвязям создаёт целостность – язык. Авторы выделяют две основные взаимосвязи между этими подсистемами и их элементами: первая взаимосвязь – «сближение», вторая – «пересечение». В случае первой из них имеются в виду те взаимосвязи подсистем и знаков, элементы которых, в силу своего сближения, независимы друг от друга. Они с лёгкостью передвигаются или заменяются, например, такие отношения представлены между фонетикой (звуковые единицы) и графикой (буквами), лексикологией (словами, словосочетаниями, аббревиатурами и т.п.) и семантикой (значениями). Взаимосвязь «пересечения» заключается в более жёстких связях подсистем и их элементов, которые в общей системе языка создают союзные подсистемы, как, например, грамматика, объединяющая морфологию и синтаксис (пик языковой системы), минуя лексикологию, а для объяснения происходящих в ней изменений также включает фонетику. Вышесказанное показывает, что изменения в этих структурах происходят за счёт подсистем, принимающих участие в процессах «сближения». Для фиксации в литературном языке процессов, происходящих в «пересечении», требуется гораздо больше времени, чем для процессов, происходящих в «сближении», поэтому их отслеживание в языках требует рассмотрения с точки зрения как синхронического, так и диахронического подходов. Наиболее популярные и наглядные среди межъязыковых контактов сближения происходят на уровне лексикологии. Сказать, однако, что в славянских языках преобладают тюркские заимствования или наоборот, по сравнению с заимствованиями из других языков, скорее всего сложно.

И.И.Срезневский, ещё в XIX веке обратил внимание на то, как восточные славяне заимствовали тюркизмы. По его наблюдениям, эти слова были связаны с административной, хозяйственной и бытовой сферами, но не с духовной. А вот как вслед за этим рассуждает Г.П.Мельников: «В то же время ее (тюркская лексика – прим. авторов) доля в русском языке ничтожна по сравнению, например, с долей французских слов в немецком языке, хотя никому не приходит в голову на этом основании говорить о некотором особом франко-германском культурном единстве» [7, с.7].

Взаимоотношения грамматических типов тюркских и славянских языков. От того, насколько языковая система насыщена формальностью, а затем опирается на связях «пересечения», зависит грамматический строй языка. Значительно глубже после теории братьев Шлегель подошел к вопросу о типах языков В. фон Гумбольдт, который распределял языки по четырём классам: агглютинативные; флективные; изолирующие, или корнеизолирующие; инкорпорирующие, или полисинтетические. На его труды опирались другие лингвисты-типологи разных эпох, в том числе И.И.Срезневский, А.А.Потебня, И.А.Бодуэн де Куртенэ, Н.С.Трубецкой, Е.Курилович, А.А.Реформатский, Г.П.Мельников и др.

С типологической точки зрения тюркские языки, не углубляясь в известную сложность компаративистики, связанную с возможностью их детального группирования, относятся к агглютинативному типу. Это говорит о том, что они «обладают техникой агглютинации (лат. — приклеивание, склеивание). В них при образовании форм одного слова или нового слова к основе или корню «приклеиваются», в преобладающем количестве случаев, стандартные однозначные суффиксы, которые стандартно следуют друг за другом в определенной последовательности (*строить – строиться* (в польск. аналитическая конструкция: *budować – budować się* – прим. авт.); в казахском: *ат* – лошадь, *атта* – на лошади)» [7], а также каз. *дос* – русс. друг; каз. *достар* – русс. друзья, морфема -тар – это формант мн. ч.; каз. *достарым* – русс. мои друзья, морфема -ым, которая имеет понятие притяжательности – формант 1-го лица «мой»; каз. *достарыма* – русс. моим друзьям, падежная морфема -а – формант дательного падежа. Таким образом, выбор аффикса может определяться типом конечной буквы и законом звукового сингармонизма: каз. *қол* – *қолдар*, русс. рука – руки; каз. *мектеп* – *мектептер*, русс. школа – школы; каз. *қала* – *қалалар*, русс. город – города.

Идеальный агглютинативный тип характеризуется тем, что «содержит только аналитические морфемы – как корневые, так и служебные. Различие между агглютинативным и изолирующим языком может быть усмотрено лишь в том, что языки агглютинативные имеют обычно в слове несколько служебных морфем при одной корневой, а языки инкорпорирующие, наоборот, несколько корневых морфем на одну служебную. Однако, с точки зрения анализа средств словоразграничения, указанное различие не играет существенной роли, так как структура слова в обоих случаях принципиально одинакова: длинная цепочка аналитических морфем. Само наличие служебных морфем говорит о том, что сложные высказывания формируются из отдельных слов, т.е. значительная часть сообщений передается с помощью фраз» [9, с.266].

Противоположными агглютинативным (например, тюркским) языкам являются языки флективные (например, славянские), в которых слова образуются за счёт корневых, в основном отвечающих за лексическое значение слова и служебных морфем – аффиксов, которые, в отличие от языков агглютинативных, фиксируют не одно, а комплекс грамматических значений, например:

- русс. *город* – *города*,
- белорусс. *горад* – *горада*;
- польск. *miasto* – *miasta*,
- чешск. *město* – *města*.

В вышеуказанных примерах морфема *-а* одновременно является показателем множественного числа и именительного падежа, а также единственного числа и родительного падежа. Также в этих языках одно грамматическое значение может выражаться разными аффиксами, на примере родительного падежа:

- русс. *кам_ня*, *кости*;
- польск. *kamienia*, *kości*,
- чешск. *kamene*, *kostí*.

Н.С.Трубецкой выделял такие черты флективного типа, как «отсутствие гармонии гласных; число согласных, допускаемых в начале слова, не беднее числа согласных, допускаемых внутри слова; слово не обязано начинаться с корня; образование форм осуществляется не только при помощи аффиксов, но и при помощи чередования гласных внутри основы; наряду с чередованиями гласных известную роль при образовании грамматических форм играет и внешне не обусловленное чередование согласных; подлежащее непереходного глагола трактуется совершенно так же, как подлежащее глагола переходного. Стоит обратить внимание на то, что некоторые из этих признаков встречаются также в языках других типов, и в языках флективных могут встречаться характеристики других строев» [10, с.127].

Главное различие между строями индоевропейских и туранских языков (прежнее обозначение для большинства языков Евразии: алтайских языков: тюрко-монгольских, тунгуско-маньчжурских; уральских языков: фино-угорских, самодийских; не включая семитских и китайского) И.А.Бодуэн де Куртенэ определял в связях между элементами речевого потока [1, с.103-107].

В предложении флективного языка одна часть речи с закреплённым грамматическим значением наводит на последующее слово. Продемонстрировать данную закономерность можно на примере экспериментального предложения Л.В.Щербы: «Гло́кая ку́здра ште́ко будлану́ла бо́кра и курдя́чит бокре́нка». Таким образом, после морфемы прилагательного русс. *-ая* может последовать исключительно *-а*, *-я*, *-ь* и т.д. [см. 6]. Стоит обратить внимание, что такие «намекания» скорее всего интуитивны для носителя языка, владеющего языком в совершенстве, в то время как не носитель языка, особенно начального уровня обучения, для того, чтобы начать процесс построения предложения, изначально должен обратиться к его концу и, при наличии, к глаголу предполагаемого потока речи, определить грамматические значения и только после этого начать строить правильное предложение. Таким образом, носитель языка строит предложе-

ние «слева-направо», в то время как не носитель сначала определяет «справа-налево» и только потом выстраивает речь «слева-направо». Например, если не носитель языка хочет рассказать о каком-либо объекте – о друге, которого он видел (*он видит своего нового друга*), то изначально ему необходимо определить грамматические значения для «друга» (в данном примере, в первую очередь род, падеж в зависимости от глагола и одушевленность) и после этого вернуться к построению предложения. Такой подход в какой-то степени указывает на связи «напоминания» характеристик элементов предшествующих звеньев в агглютинативных языках; на примере татарского языка: русс. он/а видит твоего друга – татар. *ул синең дустиңны күрә* (он/а твоего друга видит); русс. я вышел из дома – татар. *мин өйдән чыктым* (я из дома вышел); русс. я слушаю и записываю что ты говоришь – татар. *мин синең нәрсә әйткәнеңне тыңлыйм һәм язам* (я что ты говоришь слушаю и записываю).

Идеальный флективный тип характерен тем, что «языки с морфологией этого типа могут содержать и корневые, и служебные морфемы, причем как те, так и другие могут быть аналитическими и синтетическими. Следовательно, языки этого типа должны проявлять черты уже рассмотренных типов (изолирующих, инкорпорирующих, агглютинативных – прим. авторов). Очевидно также, что и с точки зрения образования более крупных единиц сообщения, чем слова, во флективном языке могут быть использованы и аналитические конструкции, и средства выражения отношений слов во фразе, которые развиты в агглютинативно-инкорпорирующих языках. Кроме того, возможность синтетических корневых морфем принципиально допускает использование тех средств выражения, которые наиболее типичны для аморфных кодовых систем <...>» [9, с.266].

**Таблица 1 – Идеальные морфологические типы кодовых систем
(Г.П. Мельников)**

Название идеального морфологического типа	Наличие служебных морфем	Наличие синтетических морфем
Флективный тип	1	1
Агглютинативный-инкорпорирующий тип	1	0
Аморфный тип	0	1
Изолирующий тип	0	0

Для данного исследования важно то, что в живых языках идеальных грамматических типов не существует и в каждом языке выступает доза другого строя.

Смещение грамматических строев можно представить следующим образом:

Флективный + изолирующий

Флективный + инкорпорирующий

Флективный + агглютинативный

Агглютинативный + флективный

Соотношение определённого грамматического типа подвижно в зависимости от эволюционного процесса, в ходе которого, например, языки приближаются к другому, даже противоположному строю. Сближения между флективными и агглютинативными строями в основном происходят за счёт упразднения флексии и сближения с агглютинативным типом, редко наоборот: «когда индоевропейцы хотят "исправить природу" и создать более совершенный искусственный язык, они невольно упраздняют флективность и прибегают к агглютинации. Между тем, обратное явление было бы немыслимо: нельзя представить себе финна, эстонца, венгра, турка или японца, который, желая создать более совершенный искусственный язык, стал бы упразднять принцип агглютинации и вводить принцип флексии. Итак, индоевропейские языки возникли в процессе преодоления гипертрофии флексии, стремясь к рациональной агглютинации как к идеалу. В этом процессе они, однако, не дошли до конца, не успели создать в "доисторический период" устойчивый тип языкового строя <...>. А потому они и продолжают эволюционировать все в том же направлении, не порывая, однако, с некоторыми элементами своей "переходной" структуры» [10, с.563].

А.В.Шлегель в начале XIX века один из первых обратил внимание на две возможности грамматического строя: синтетическую (грамматическое значение выражено внутри слова) и аналитическую (грамматическое значение выражено за пределами слова).

Многие современные индоевропейские языки упразднили флексию, например, английский язык утратил большинство флексий, вслед за этим язык выстраивается за счёт корней, слова упростились до односложных, большую роль начал играть строгий порядок слов в предложении, вслед за этим вырос уровень аналитичности, и английский язык становится похож на китайский. Повлиять на такое упрощение отчасти могла международность английского языка, в отличие от флективно-синтетического латинского языка, который был международным (в то время «международность» имела зауженное распространение) и как язык общения практически вымер, а возникший от латыни французский язык отстранился от неё дальше, чем другие языки романской группы. Немецкий язык за счёт гармонии гласных, осуществляющейся в развитии умлаута, сближается к агглютинативно-инкорпорирующим строем. Таджикский язык, в отличие от древнеперсидского языка, не сохранил системы флективных форм. В основном это связано с тем, что синтетические формы вышли за пределы слова, а тем самым такие языки в большей степени приобрели аналитические черты.

Таким образом, «в чистом виде аналитизм и синтетизм не представлен ни в одном языке мира, поскольку в каждом языке имеются элементы аналитизма и синтетизма, хотя соотношение их может быть разным» [3, с.265].

Общая характеристика сложности морфологического состава слова может выражаться количеством морфов, которые приходятся в среднем на одну словоформу – это так называемый *индекс синтетичности*, который используется для классификации языков в методе типологических индексов. Индекс синтетичности вычисляется по формуле [4, с.60-64]:

M разделить на W ;

М – количество морфов в отрезке текста (не менее 100 слов) на данном языке;

W – количество словоформ в этом же тексте.

В теории, индекс синтетичности может быть равен единице, если каждое слово состоит из одной морфемы. Однако в реальности таким языком является вьетнамский, и его индекс синтетичности составляет 1,06. Это означает, что на 100 слов приходится 106 морфов.

Рис. 1 – Индекс синтетичности. Общая степень сложности морфологической структуры слова (Гринберг Дж.)

К аналитическим языкам относятся те, у которых индекс синтетичности меньше двух. Если индекс синтетичности находится в диапазоне от двух до трёх, то такие языки считаются синтетическими. А если индекс синтетичности больше трёх, то такие языки относятся к полисинтетическим. Например (табл.2):

Таблица 2 – Индекс синтетичности – примеры языков

Языковой тип	Пример языка	Индекс синтетичности
Синтетический		от 2 до 3
	славянские языки:	
	русский	2,40
	суахили	2,55
Аналитический	якутский	2,17
		от 1 до 2
	вьетнамский	1,06
	иранские языки:	
	персидский	1,52
Полисинтетический	* древнеперсидский	*2,41 (синтетический)
	английский	1,68
		от 3
	палеосибирские языки:	
	эскимосский	3,72

Показатель синтетичности русского языка варьируется от 2,33 до 2,45, что указывает на синтетический характер языка. Помимо русского, в данном диапазоне находятся и другие славянские языки.

Тюркские языки, несмотря на преобладающую роль аффиксации в их грамматике, характеризуются большим наличием аналитических форм благодаря агглютинирующему характеру своей аффиксации.

В отличие от тюркских языков, в славянских языках аналитические формы выражены слабее. Однако это не касается южнославянских языков, которые подверглись влиянию других языковых систем в рамках балканского языкового союза.

Аналитизм может осуществляться за счёт других слов, например, в славянских и тюркских языках:

- в русском языке определение категории лица в глаголах прошедшего времени (*я, ты или он делал*);
- определение будущего времени в глаголах, при этом один из глаголов сохраняет синтез (*я буду, ты будешь делать* и т.д.);
- добавление других слов для определения признака рода (не категории рода) в тюркских языках (в узбек. *qizi* (русс. дочь) и *o'g'li* (русс. сын));
- совпадение одной части речи с другой без их склонения, а затем их определением из контекста (например, татар. *эссе* (наречие жарко и прилагательное жаркий/ая/ое (-ий/-ая/-ое – так как в татарском языке нет категории рода), *салкын* (холодно и холодный) *яхшы* (хорошо и хороший));
- за счёт порядка слов в предложении или интонации (в примере обозначена прописными буквами), например, *Я слушать ты, ТЫ слушать я* вместо *я слушаю тебя и меня слушаешь ты*; фиксированное ударение тюркских, а также западнославянских языков и многие другие.

Вышесказанное говорит об упряднении флективных и агглютинативных форм.

Известна закономерность И.А.Бодуэна де Куртенэ, что среди языков, разных по своему грамматическому строю, находящихся в тесных взаимодействиях, более аналитические из них превалируют над синтетическими. Соотношение между аналитизмом и синтетизмом больше всего представлено в агглютинативных тюркских языках по сравнению со славянскими языками, и, теоретически, такая тенденция может привести к сближению с грамматически более упрощённым аналитическим изолирующим (корневым, односложным, аморфным) типом. В свою очередь, флективно-синтетические славянские языки сохраняют более оптимальный строй по сравнению с тюркскими и не поддаются резким сближениям с аналитическими формами.

Учитывая также, что язык наиболее доступным и удобным способом обслуживает своих носителей, то логичным видится возможность того, что языки с насыщенной формальностью должны упрощать свои системные связи. Такой подход, с одной стороны, должен осуществляться в процессе многовековых вза-

имодействий языков, особенно включая условия бытования на территории одной страны языков, противоположных по своему грамматическому строю.

«Углубляя идеи Гумбольдта, Срезневский отмечал, что в истории развития языков иногда складываются внешние условия (например, многоязычие), ведущие к ослаблению флективной техники, к возрастанию роли паратаксиса (последовательного присоединения, а не подчинения), аналитизма. Но если этот внешний фактор оказывается лишь временным, исходная тенденция к усилению гипотаксиса, как основы флективного строя, восстанавливается» [7, с.6].

Для современного, именно славяно-тюркского, а не прежнего тюркско-славянского двуязычия, когда, например, русский язык стал первичным для билингва современного поколения, знающего его в совершенстве, а второй – тюркский язык является дополнительным и реже используемым, характерно снижение влияния агглютинативного строя на флективный. Это отражается на двуязычных связях, когда тюркские языки начинают приобретать структурные элементы, например, русского языка: русс. *он идёт к тебе*, лит. татар. *ул сиңа бара* («он к тебе идёт»), разг. татар. *ул бара сиңа* («он идёт к тебе»); *син су алдыңмы?* («ты воду взял?») – *мин алдым суны* («я взял воду») (лит. татар. мин суны алдым – «я воду взял»).

В меньшей степени, но также можно наблюдать тенденцию к сближению агглютинативных языков с флективными. Вероятно, в будущем они снова сблизятся с агглютинативным типом. Например, в уральском – эстонском языке «появляется все больше синтетических аффиксов, возникает характерное для многих флективных языков падежное согласование определения с определяемым словом, развивается большое количество нестандартных форм склонения и спряжения, значительную роль начинают играть фузия на стыках морфем и внутренняя флексия, естественно, исчезает гармония гласных. В литературном языке она уже полностью разрушилась. Таким образом, и в морфологии, и в области средств словоразграничения мы видим заметное сближение эстонского языка с флективным строем.

Интересен в этом отношении и мордовский язык. Некогда типичный финно-угорский язык с развитым агглютинативным строем, с богатым вокализмом и гармонией гласных в настоящее время приобрел многие черты флективных языков, аналогичные только что перечисленным для эстонского языка» [8, с.281, 282].

Заключение. Языки, в силу своей функции наиболее удобным и доступным способом осуществлять речевые акты, стремятся к упрощениям элементов разных ярусов языковой системы, на уровне звука, слова, а затем и на уровне морфемы и предложения. Скелет синтетического языка – грамматика меняется не так часто, как другие подсистемы языка, и для фиксации этих изменений требуется больше времени. Однако языки могут сближаться с другими, имеющими иные грамматические структуры языками. Особенно флективные языки упраздняют флективность и сближаются к агглютинативному строю. Также, но гораздо реже, наблюдается обратный процесс. Синтетические флективные и агглютинативные языки за счёт аналитических форм проявляют тенденцию к упрощению

грамматик, в тюркских языках соотношение аналитизма и синтетизма больше, чем в славянских синтетических языках. Таким образом флективно-синтетические славянские языки сохраняют более оптимальный строй по сравнению с тюркскими и не поддаются резким сближениям с аналитическими формами. Несмотря на это, а также на постоянные многовековые контакты славянских языков с тюркскими, в том числе широко распространённые билингвальные связи, их грамматики сохранили большую герметичность по сравнению с такими праиндоевропейскими языками, как современные английский, французский или персидский. То есть тюркские, и особенно славянские языки, вне зависимости от насыщенности совместных контактов, в большей степени стремятся сохранять родственные типы грамматик, что является особенным феноменом для флективных языков.

Тем не менее, как бы сильно языки ни допускали изменения в своих структурах, идеальных, выстроенных грамматик практически не существует, поэтому с типологической точки зрения языковые типы определяются как основной тип и другой, которым он дополняется, например, «флективно-синтетический с элементами агглютинации», «агглютинативно-синтетический с элементами англицизма», «агглютинативно-аналитический» и т.п.

Литература

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – М.: АН СССР, 1963. – Т.I. – 365 с.
2. Бурибаева М.А. Тюркско-славянские языковые контакты на перекрестке времен и цивилизаций // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семантика. Семиотика». – 2012. – №2. – С.15-23.
3. Вендина Т.И. Введение в языкознание: учеб. пособие для педагогических вузов. – М., Высш. шк., 2001. – 288 с.
4. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. – М., 1963. – Вып.II. – С.60-94.
5. Карлинский А.Е. Взаимодействие языков: билингвизм и языковые контакты. – Алматы: КазУМОиМЯ, 2011. – 264 с.
6. Кобылко Я. Речевая деятельность как дихотомия языка и речи: анализ фразы Л.В.Щербы «Глокая куздра...» // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2024. – №3 (85). – С.158-168.
7. Мельников Г.П. Где центр глубинной евразийской культуры? (Идеи евразийства в свете достижений системной типологии языков) // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семантика. Семиотика». – 2011. – №1. – С.6-13.
8. Мельников Г.П. Морфологический строй языка и средства словоразграничения // Исследования по фонологии. – М.: Наука, 1966. – С.263-284.
9. Мельников Г.П. Системная типология языков. – М.: Наука, 2003. – 395 с.
10. Трубецкой Н.С. Избранное. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. – 616 с.

**SLAVIC-TURKIC LANGUAGE CONTACTS: THE PRINCIPLE
OF GRAMMAR HERMETICITY IN LIGHT OF SYSTEMIC
LANGUAGE TYPOLOGY**

Kobyлко Yaroslav

Candidate of philological sciences,
associate professor of Russian language chair №2

Russian language Institute

RUDN University

6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Ph.: +7 (495) 434 53 22, ext. 1521

kobyлко-ya@rudn.ru

Kunovski Marina Nikolaevna

Candidate of philological sciences, associate professor,
head of Russian language chair №2

Russian language Institute

RUDN University

6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Ph.: +7 (495) 434 53 22, ext. 1521

kunovski-mn@rudn.ru

This article, using inflectional Slavic and agglutinative Turkic languages as examples, examines the hypothesis that inflectional languages gradually abandon inflection as they develop and increasingly approach the agglutinative type. In this regard, the intercultural and linguistic contacts of Slavic languages with Turkic languages are described in order to examine the level of their interaction, as well as the possible convergence of one grammatical type to another against this background. The interlingual contacts of South and East Slavic languages with Turkic languages are presented due to their functioning in historically established geographic proximity, as well as modern bilingualism in certain territories of these countries. Including West Slavic languages, which are less involved in contact with languages of other types, especially Turkic languages, in the analysis can serve as a starting point for tracking the state of grammars in Slavic languages interacting with Turkic languages. This article describes two opposing processes whereby close linguistic contacts, especially between East and South Slavic languages and Turkic, given the diverse typological types of these languages, on the one hand, pragmatically, should abolish the inflectionality of Slavic languages. On the other hand, due to the immobility of the skeletal systems of synthetic languages (grammars), they should isolate themselves and preserve their ancient typological traditions. In this regard, the article also focuses on the level of synthetic and analytical forms in modern Slavic and Turkic languages.

An examination of the interaction between these languages allows us to conclude that Turkic and, especially, Slavic languages, regardless of the intensity of their mutual contacts, tend to preserve related grammar types to a greater extent, a phenomenon unique to inflectional languages. This article provides a theoretical analysis based on the scientific concepts of systemic typology by W. von Humboldt, I.I.Sreznevsky, I.A.Baudouin de Courtenay, N.S.Trubetskoy, E.Kurilovich, G.P.Mel'nikov, and others.

Keywords: Slavic languages; Turkic languages; systemic typology of languages; inflectivity; agglutination; synthetism; analyticism.

КОНТАКТҲОИ ЗАБОНИИ СЛАВЯНИЮ ТУРКӢ: ПРИНЦИПИ ГЕРМЕТИКӢ БУДАНИ ГРАММАТИКА ДАР ПАРТАВИ ТИПОЛОГИЯИ СИСТЕМИИ ЗАБОНҲО

Кобилко Ярослав

Номзади илмҳои филологӣ, дотсенти кафедраи забони русии №2
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 53 22, доб. 1521
kobylko-ya@rudn.ru

Куновски Марина Николаевна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
мудири кафедраи забони русии №2
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 53 22, доб. 1521
kunovski-mn@rudn.ru

Дар мақола бо таъия ба намунаи забонҳои флективии славянӣ ва забонҳои агглютинативии туркӣ фарзияе баррасӣ мешавад, ки тибқи он дар ҷараёни рушд забонҳои флективӣ тадриҷан аз флексия даст мекашанд ва ба навъи агглютинативӣ бештар наздик мегарданд. Дар ин замина мушкилоти робитаҳои байнифарҳангӣ ва забонӣ миёни забонҳои славянӣ ва туркӣ шарҳ дода мешавад, то сатҳи таъсири мутақобила ва эҳтимоли наздикшавии сохторҳои грамматикӣ онҳо муайян гардад.

Муаллифон намунаҳои иртиботи забонҳои ҷанубӣ ва шарқии славянӣ бо забонҳои туркиро ба далели ҳамсоияи таърихӣ ҷуғрофӣ, инчунин вазъияти ду забонӣ дар баъзе минтақаҳои кишварҳо меоранд. Ҷалби забонҳои ғарбиславянӣ, ки дар ҷунин тамосҳо камтар иштирок мекунанд, нуктаи муқоисаеро фароҳам меорад, то вазъи грамматикаи забонҳои славянӣ, ки бо туркӣ робитаи зич доранд, равшантар арзёбӣ шавад.

Дар мақола ду раванд муқоиса мешаванд: аз як тараф, робитаҳои наздики забонӣ, бахусус миёни забонҳои шарқиву ҷанубиславянӣ ва туркӣ, агар ба гуногунтип будани онҳо назар андозем, бояд, аз ҷиҳати прагматикӣ, сохтори флективии забонҳои славянӣ камранг созанд; аз тарафи дигар, устувории «скелети» забонҳои синтетикӣ (яъне грамматикаи онҳо) онҳоро водор месозад, ки аз таъсир эмин монда, хусусиятҳои бостонии типологии худро нигоҳ доранд. Бо ин сабаб, дар мақола ба сатҳи зухури шаклҳои синтетикӣ ва аналитикӣ дар забонҳои муносири славянӣ ва туркӣ низ диққат дода мешавад.

Таҳлили робитаи ин забонҳо нишон медиҳад, ки ҳар ду гурӯҳ – забонҳои туркӣ ва, ба шакли хос, забонҳои славянӣ – сарфи назар аз густардории тамосҳои мутақобила, бештар ба ҳифзи навъи ирсии грамматикӣ худ тамоюл доранд, ки ин як падидаи ҷолиб, махсусан барои забонҳои флективӣ ба ҳисоб меравад.

Мақола бар асоси таҳлили назариявӣ ва бо истинод ба мафҳумҳои типологияи системавӣ дар осори В. фон Гумбольт, И.И.Срезневский, И.А.Бодуэн де Куртенэ, Н.С.Трубецкой, Е.Курилович, Г.П.Мелников ва дигарон таҳия шудааст.

Калидвожаҳо: забонҳои славянӣ; забонҳои туркӣ; типологияи системии забонҳо; флективият; агглютинатсия; синтетизм; аналитизм.

УДК 811.161.1'373.613.

РАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Хасанова Шахло Рахмоновна

Кандидат филологических наук, доцент,
декан факультета русского языка и литературы
Таджикский Международный университет иностранных языков
имени С.Улугзаде
734019, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Мухмадиева, 17/6
Тел.: (+992) 90 415 63 17 (м.)
laylo.hasanov@mail.ru

В статье выносятся на обсуждение вопрос, который до сих пор не становился предметом детального исследования отечественных ученых, предлагается его осмысление как в контексте таджикского языка, так и в сопоставительном исследовательском ракурсе. Автор рассматривает проблему таксономии качественных прилагательных русского и таджикского языков с точки зрения их семантической дифференциации на эмпирические и рациональные с последующим выделением в составе рациональных прилагательных единиц, объединенных в лексико-семантическую подгруппу «характер человека». Анализ проводится с опорой на принципы лексико-семантического и компонентного анализа, что делает возможным выявление десяти лексико-семантических подгрупп (ЛСП), объединяющих прилагательные по типу выражаемого признака. В пределах каждой подгруппы формируются синонимно-антонимические парадигмы, отражающие системные связи между лексемами. В результате исследования определяются доминанты синонимических рядов, которые одновременно выполняют функцию полярных ядер соответствующих ЛСП, обеспечивая структурную целостность и семантическую иерархию поля качественных прилагательных.

Работа имеет типологический характер и нацелена на более глубокое осмысление универсальных и национально-специфических особенностей категории качества в русском и таджикском языках.

Ключевые слова: эмпирические прилагательные; рациональные прилагательные; семантический анализ; компонентный анализ; лексико-семантическая подгруппа; синонимический ряд; доминанта; синонимно-антонимическая парадигма.

Лингвистика последних десятилетий характеризуется повышенным интересом к изучению содержательной стороны языка. Особую актуальность приобретают фундаментальные теоретические вопросы относительно соотношения значения и обозначения, структуры семантической организации слова. Данное обстоятельство обусловлено общим поступательным развитием научного знания, стремлением к более глубокому постижению сущности языковых явлений, к переходу от наблюдения за внешними характеристиками

языка (его плана выражения) к исследованию его внутреннего, смыслового содержания.

Настоящее исследование, проводимое в рамках данной статьи, посвящено изучению вопроса семантической структуры адъективного класса слов русского и таджикского языков.

Исходя из характера обозначаемого признака и грамматические особенности слов, прилагательные в русском языке традиционно подразделяются на три лексико-грамматические разряда: качественные, относительные и притяжательные. Однако эта классификация, ставшая общепринятой в школьной и лингвистической практике, подвергается критике со стороны ряда исследователей. Так, в классификации, предложенной В.В.Виноградовым [1] и Н.Ю.Шведовой [4], основным критерием разграничения выступает семантическая природа обозначаемого признака. На этом основании прилагательные делятся на качественные и относительные, причём притяжательные рассматриваются как частный подтип относительных прилагательных.

В таджикском языке традиционным считается выделение двух лексико-грамматических разрядов имен прилагательных: качественные (аслӣ) и относительные (нисбӣ).

Существует ряд других, более частных классификаций имени прилагательного, основанных на его семантике.

Наиболее распространенной семантической дифференциацией прилагательных является их классификация на: «а) оценочные прилагательные (*хороший и плохой*); б) параметрические (*высокий и низкий*); в) прилагательные формы, цвета, вкуса, запаха (*круглый, синий, сладкий, терпкий*); г) прилагательные, обозначающие свойства вещей (*шероховатая поверхность – осязание, ландышевый аромат – обоняние*); д) прилагательные обозначающие физические качества людей и животных, внутренние психологические свойства (*сильный, ловкий, умный, аккуратный*)» [3, с.71].

Основополагающей для нашего исследования является классификация А.Н.Шрамма, основным критерием которой является разнородность обозначаемых признаков, продиктованная различными видами мыслительной деятельности в процессе установления и номинации признака. Признаки, которые могут быть восприняты органами чувств и осознаны в результате «одноступенчатой мыслительной операции сопоставления с эталоном» [9, с.32], ученый называет эмпирическими. Эмпиричность подразумевает процесс непосредственного познания окружающей действительности через чувственное восприятие – зрительные, слуховые, осязательные, вкусовые и обонятельные ощущения. Следовательно, эмпирические прилагательные – это обозначения визуальных, аудиальных, обонятельных, вкусовых и осязательных характеристик объектов действительности.

Данным прилагательным А.Н.Шрамм противопоставляет рациональные, признак которых не поддается чувственному восприятию, а формируется на основе воспринятых органами чувств и в результате анализа и умозаключений.

Основываясь на общеизвестном определении качественных прилагательных, а именно: «разряд прилагательных, которые обозначают внутренние свойства одушевленных предметов и внешние признаки одушевленных и неодушевленных предметов (цвет, форму, вкус, возраст, размеры и другие качества)» [5, с.607], – следует предположить, что выделенные А.Н.Шраммом эмпирические качественные прилагательные и являются обозначением «внешних» признаков одушевленных и неодушевленных предметов. Тогда «внутренние признаки одушевленных предметов» представлены рациональными, с точки зрения ученого, прилагательными. Следовательно, рациональные прилагательные можно репрезентировать адъективами-обозначениями психоэмоционального состояния человека, его черт характера, социального положения.

В рамках представленной статьи ставится задача выявить закономерности семантической организации одного из наиболее представительных в количественном плане объединений рациональных прилагательных – лексико-семантической группы прилагательных, обозначающих черты характера человека.

В настоящее время в современной лингвистике огромное внимание уделяется вербальным средствам выражения и экспликации психофизических качеств человека. Проблемы изучения и описания характера человека становились предметом исследования целого комплекса наук, где центральную роль играет психология личности. В качестве вспомогательных и смежных отраслей выступают психофизиология, социология, педагогика, лингвистика, философия и психогенетика, которые призваны раскрыть биологические, социальные и культурные механизмы формирования индивидуальности. При возросшем интересе лингвистов к данной отрасли остаются дискуссионными и не потеряли своей актуальности вопросы о лексических средствах обозначения черт характера человека.

В этой связи дальнейшую дифференциацию качественных прилагательных, в частности, рациональных, считаем целесообразным осуществить на основе имеющихся в лингвистической литературе более частных классификаций.

Среди наиболее значимых в этом направлении научных изысканий можно назвать диссертационные работы Н.В.Тереховой [8] и А.А.Добрининой [2], которые послужили основной теоретической базой нашего исследования. Методологическую основу анализа составила семантическая типология качественных прилагательных, представленная в работе Р.М.Султановой и отражающая особенности их функционирования в таджикских эпифразах при описании личности [7].

Семантический анализ богатого языкового материала позволил выявить, что лексический состав сопоставляемых языков очень широко представлен единицами-номинациями качеств и признаков человеческого характера. Семантическая разнородность исследуемых образцов вызвала необходимость их дифференциации на основе компонентного анализа. Было установлено десять лексико-семантических подгрупп: в частности, прилагательные, характеризующие 1) самовосприятие и самооценку человека; 2) манеру поведения; 3) волевые качества;

4) интеллектуальные способности; 5) отношение к другим людям; 6) отношение к труду; 7) нравственную сущность; 8) отношение к вещам, 9) темперамент; 10) человека в восприятии других людей.

Первая лексико-семантическая подгруппа прилагательных, характеризующих самовосприятие и самооценку человека в русском языке представлена единицами с положительной семантикой: *скромный, смиренный, самокритичный, простой*, и отрицательной коннотацией: *высокомерный, гордый, горделивый, самоуверенный, самолюбивый, самонадеянный, надменный, хвастливый, заносчивый, тщеславный, амбициозный, кичливый, спесивый, малодоступный, неприступный* и др. Ядром подгруппы выступает антонимическая пара *скромный – высокомерный*. Прилагательные с положительной семантикой тождественны между собой и составляют синонимический ряд с доминантой *скромный*. Этот синонимический ряд противопоставлен второму, образованному прилагательными с отрицательной коннотацией в значении, доминантой которого выступает слово *высокомерный*. Как оказалось, в русском языке прилагательные с отрицательной семантикой данной черты характера значительно преобладают над лексемами с положительной коннотацией.

В таджикском языке самовосприятие и самооценка человека представлены следующими номинациями: положительные черты характера – *хоксор, фурутан, шикастанафс, ҳалим, тавозӯбор, мутавозеъ, хокниҳод*; отрицательные – *худтисанд, ҳавобаланд, мутакаббир, худпараст, мағрур, нурғурур, бовиқорона, худбовар, манманикунанда, шӯҳратдӯст, шӯҳратпараст, лофзан, бодӣ, худсито*. Ядром подгруппы выступает антонимическая пара *хоксор – худтисанд*. На основе полярности значений положительных и отрицательных черт характера в пределах подгруппы выстраиваются синонимо-антонимические отношения. Как и в русском языке, прилагательные с отрицательной семантикой данной черты характера значительно преобладают над лексемами с положительной коннотацией. Однако примечателен тот факт, что если в русском языке допустимо использование прилагательных с отрицательной семантикой с приставкой *не-*, то в таджикском языке подобные слова не используются с приставками отрицания: *некичливый, незаносчивый, невысокомерный*.

В русском и таджикском языках весьма употребительно в рассматриваемом контексте прилагательное *простой – одӣ*, для которого данное значение не является основным (согласно МАС, это 7-ой ЛСВ слова) [6].

Вторая лексико-семантическая подгруппа прилагательных, выражающих манеру поведения человека, в русском языке репрезентирована биполярной оппозицией лексем. Положительные черты характера, обозначения которых составляют синонимический ряд с доминантой *уравновешенный*, представлены следующими лексемами: *серьёзный, спокойный, терпеливый, выдержанный, хлопотливый*. В противоположность им сформирован синонимический ряд прилагательных с негативной оценкой манеры поведения человека, где доминантой является слово *неуравновешенный*: *беспокойный, балованный, озорной, резвый, игривый, шаловливый, суматошный, сумасбродный, неугомонный, суетливый, за-*

диристый, непоседливый, сварливый, склочный, драчливый, скандальный, встыльчивый, плаксивый, раздражительный, буйный, истеричный и др.

Как и в первой подгруппе, обозначения негативных черт характера человека значительно преобладают над положительными. Бытует мнение, что исследуемые единицы находятся не в биполярной оппозиции, а в «эквиполентной», когда «обозначения признака логически равноправны, ни одно из них не является простым отрицанием другого» [2, с.16].

Структуру анализируемой группы прилагательных в таджикском языке формируют как лексемы, содержащие в себе положительную семантику: *ҷиддӣ, мулоҳизакор(она), ором, ботамкин, ботаҳаммул, вазнин, осудадил, осудаҷон, босабр, нуртоқат, нурбардошт, серташивиш, сертараддуд*; так и лексемы, содержащие в себе негативное значение: *бетаҳаммул, ҳардамхаёл, беэтидор, беқарор, бесабр, ноором, эрка, нозпарвард, шӯх, ҷанҷолӣ, ҷангара, арбадакор, девонаавзоъ, беақл, телба, манишатааб, хархашачӯӣ, шӯрапушт, тундмизоҷ, тундхӯ, бадҷаҳл, гирёнҷак, зудранҷ, ғашдор*. Ядром подгруппы выступает антонимическая пара *ботаҳаммул – бетаҳаммул*. На основе полярности значений положительных и отрицательных черт характера в пределах подгруппы выстраиваются синонимно-антонимические отношения.

Третья лексико-семантическая подгруппа прилагательных характеризует волевые качества человека. Группа представлена весьма разнородными по семантике единицами, объединенными одной интегрирующей семой 'воля'. Однако, исходя из направленности волеизъявления, целесообразна некоторая классификация лексем на основе дифференциальных сем.

Так, на основе противопоставления ядерных понятий – *волевой* и *безвольный* возможно объединение таких лексем, как *слабовольный, слабохарактерный, бесхарактерный, слабодушный, малодушный*, которые содержат отрицательную семантику и проявляют тождественность с лексемой *безвольный*. Перечисленные прилагательные содержат противопоставление в плане содержания лексеме *волевой*.

В таджикском языке ядерные понятия группы представлены антонимичными лексемами *боирода – беирода*, которые выступают доминантами синонимичных рядов: *қавишрода, матинирода, боазм, қавиазм, қавирӯх, оҳанинирода, оҳанинрой, суботкор – беирода, сустирода, бечӯрғат, беазм, буздил, бесубот, сустҳиммат*. В образованных синонимно-антонимичных рядах наблюдается семантическая деривация, основанная на словообразовательном гнезде с опорными элементами *ирода* и *азм*. В отличие от русского языка синонимические ряды с положительной и отрицательной семантикой представлены в количественном плане почти равнозначно.

В случае, если воля сконцентрирована на самоорганизации человека, то противопоставление осуществляется между лексемами *организованный – неорганизованный*, которые объединяют вокруг себя тождественные им единицы: *дисциплинированный, собранный и недисциплинированный, распущенный, разболтанный*. В таджикском языке данная подгруппа представлена адъективными единицами *боинтизом – соҳибинтизом, ботартиб, басомон; беинтизом – бесомон*,

бетартиб, где доминантами выступают прилагательные *боинтизом* – *беинтизом*.

При направлении человеком воли на совершение произвола обозначениями черт его характера в русском языке будут лексемы: *своевольный, своевластный, своеправный, самовольный*, которые выражают отрицательную оценку и не имеют положительно обозначенных коррелятов. В таджикском языке лексический состав данной подгруппы состоит из лексем *худсар(она), худрағӣ, саркаш*.

При условии направленности воли на преодоление внешнего воздействия человек будет характеризоваться с положительной точки зрения как *стойкий, верный, железный, несговорчивый, твёрдый* и как *уступчивый, податливый, покладистый, сговорчивый, мягкий* – с отрицательной точки зрения. В данном случае между лексемами положительной и отрицательной семантики также отмечаются синонимо-антонимические отношения. Биполярность основана на базовых лексемах синонимических рядов – *стойкий – уступчивый*.

Лексический состав подгруппы в таджикском языке охватывает прилагательные *матин, устувор(она), тобовар, содиқ, вафодор, яқрав, собитқадам* для положительной оценки, и прилагательные *гандаро, нарм, мулоимтабиат* для отрицательной.

Преодоление опасности так же может рассматриваться в качестве волевых качеств человека, в этом случае ему присущи свойства, выражающиеся прилагательными *смелый, мужественный, храбрый, отважный, бесстрашный, отчаянный*, противопоставленными тождественными между собой лексемами *робкий, боязливый, трусливый, пугливый, несмелый*. Доминантами синонимических рядов выступают антонимические корреляты *смелый – робкий*.

В таджикском языке синонимо-антонимические ряды прилагательных, характеризующих человека в контексте преодоления опасности, репрезентированы биполярной оппозицией прилагательных с положительным значением *нотарс, часур, далер, диловар, боҷуръат, бошӯоат, бебим, шӯҷоатманд, мардона, шердил, бебок, беҳарос, говҷигар, гурдадор, девдил, мутаҳаввир кн., настӯҳ кн.*, и отрицательным – *тарсончак, буздил, беҷуръат, тарсу, ваҳмакӣ, ҳаросон, бадзаҳра, беғурда, беҷигар, бимзада, заифдил, қулангдил*. В качестве доминант выступают антонимы *нотарс – тарсончак*.

Четвертую лексико-семантическую подгруппу прилагательных, описывающих характер человека, можно представить единицами, характеризующими его интеллектуальные способности. Закономерным фактом является репрезентация лексем в синонимо-антонимических отношениях, в результате чего образуются синонимические ряды, вершинами которых выступают противопоставленные корреляты *умный – глупый*. В русском и таджикском языках рассматриваемая подгруппа включает следующие прилагательные с положительной оценкой: *умный, разумный, мудрый, знающий, учёный, образованный, эрудированный, просвещённый, начитанный, интеллигентный, рассудительный, сообразительный, здравомыслящий, остроумный, смекалистый, толковый, башковитый, благоразумный, смыслённый, догадливый*. Обозначения негативных характеристик умственных способностей человека содержатся в следующих прилагательных: *глу-*

ный, неразумный, нелепый, невежественный, пустоголовый, бестолковый, несообразительный, слабоумный, придурковатый, непонятливый и др.

В таджикском языке данная подгруппа представлена как положительно обозначенными лексемами типа *боақл, оқил, олим, бофаҳм, хирадманд, донишманд, зирак, доно, босавод, бофазл, боандеша, бофаросат, бомаърифат, болигдил кн., зиёӣ, дурандеш, бомулоҳиза, хушфаҳм, зариф, ҳозирҷавоб, фозил, гундо кн., гурбуз кн., дақиқасанҷ, жарфандеш, лабиб кн.*, так и лексемами с негативной коннотацией: *бомаънӣ, беақл, камақл, нодон, аҳмақ, аблаҳ, коно, барнос кн., бедониш, бефаҳм, бехирад, кундзехн, забӣ кн., гаданг кн., гафлатпеша, колус кн., кӯрдил, нокисулақл, бедониш, сафаҳ кн., фагок кн., хомрой, ҳеҷмадон*. Доминантами образованных синонимических рядов выступают антонимичные корреляты *боақл – беақл*.

Пятая лексико-семантическая подгруппа объединила в себе прилагательные обозначения качеств человека, касающихся его отношения к другим людям. Ввиду многообразия семантики таких прилагательных в пределах подгруппы была произведена дифференциация второго уровня и были выделены три микрогруппы с вершинами-антонимами: добрый – злой, заботливый – равнодушный, общительный – необщительный.

Микрогруппы, как и подгруппы, основаны на синонимо-антонимических отношениях. Так, микрогруппа с общей доминантой *добрый (некукор) – злой (бад-хоҳ)* состоит из таких противопоставленных синонимических рядов, как *добрый, добродушный, милосердный, добросердечный, доброжелательный, сердечный, незлобивый, благодушный* и *злой, безжалостный, жестокий, недоброжелательный, злонравный, коварный, бессердечный, вредный, сердитый*, а в таджикском – *нек, неқкор, неқхоҳ, хайрхоҳ, хайрандеш, раҳмдил, кушодадил(она), меҳрубон, софдил(она), нармдил(она), ҳалим(она)* и *бад, бадхоҳ, бадандеш, бадхӯ, бадфеъл, бадхислат, шарир, бадқаҳр(она), хашигин(она), бераҳм(она), сангдил(она), золим(она), бад бетараҳҳум, беамон, маккор(она), газаболуд*.

Микрогруппа *заботливый – равнодушный*, как и предыдущая на основе общей семы 'проявление внимания' выражает положительную и отрицательную оценку: *заботливый, отзывчивый, внимательный, неравнодушный, задушевный, чуткий, участливый, услужливый* и *равнодушный, бесчувственный, безразличный, невнимательный, бездушный* – в русском языке. В таджикском: *гамхор(она), дилсӯз(она); эҳтиёткор(она); меҳрубон, мушфиқ, ҳамдард, боилтифот, самимӣ, ҷонӣ, дамсоз, ҳамдард(она), ҳозирхизмат* и *бепарво(ёна), сахтдил(она), бераҳм(она), золим(она); безътино(ёна), лоқайд(она), беилтифот(она), сангдил, бераҳм, бешафқат*.

В свою очередь микрогруппа *общительный – необщительный* на основе общей семы 'готовность к контакту' объединяет в своем составе такие прилагательные, как в русском языке *общительный, словоохотливый, многоречивый, коммуникабельный, многословный, речистый, незамкнутый* и *необщительный, некоммуникабельный, замкнутый, молчаливый, нелюдимый, застенчивый, скованный, скрытный, одинокий, диловатый*, а в таджикском – *одамдӯст, улфат, хушхулқ, хушчақчақ, чақчақӣ, пургӯӣ, сухандон, серган, серманаҳ – одамгурез(она), улфат-*

нопазир(она), сӯр, мардумгурез, канораҷӯӣ, камгап, хаппак, хилватнишин, ғӯшанишин, шармгин, шармин, боҳаё, бошарму ҳаё, дамдузд, дарундор, якка, тоқа, танҳо.

В шестой лексико-семантической подгруппе объединены прилагательные, характеризующие человека по его отношению к труду. Данная группа так же оказалась разнородной по семантике. Помимо основной семы 'отношение к труду', выделяются еще две дифференцирующие семы 'трудолюбие', 'ответственность'. На основе этих двух сем выделяются синонимо-антонимические ряды со следующими биполярными вершинами: *трудолюбивый – ленивый, ответственный – безответственный*.

Отмеченные вершины, выступая в роли антонимических доминант, формируют вокруг себя синонимические ряды, в частности: *трудолюбивый, работающий, деятельный, старательный, активный, энергичный, деловитый, предприимчивый, расторопный – ленивый, нерадивый, безынициативный, пассивный, вялый, неспешный, бездеятельный* – в русском языке и *меҳнатдӯст, меҳнатӣ, ғаёл(она), боғайрат, серҳаракат, серғайрат, бодикҳат, ғаюр, кордон, ўҳдабаро, пухтакор, боғайрат, боадбир, ташиаббускор, чобук, чаққон – танбал, коҳил, лаванд, форизбол, аҳлангор, беташаббус, беғайрат, бепарво, накар, беҳол, беҳавсала, беғаёлият* – в таджикском; *ответственный, аккуратный, обязательный, прилежный, добросовестный, точный – безответственный, небрежный, неаккуратный, халатный, недобросовестный* – в русском языке и *масъул, ҷавобгар, покизагор, боинтизом, дақиқ, серкӯшиш, дақиқ – бемаъсулият, мусоҳилакор, бедикҳат, беинтизом(она), хунуказар, беинсоф* – в таджикском.

Ядро седьмой лексико-семантической подгруппы прилагательных, характеризующих нравственную сущность человека, образуют противоположные по внутреннему содержанию лексемы: *честный – лживый, откровенный – скрытный, порядочный – непорядочный*. Исходя из того, что перечисленные лексемы являются вершинами синонимо-антонимических рядов, в исследуемой подгруппе целесообразно выделить трёх микрогрупп. Так, дифференциальная сема 'честность' является общей для таких прилагательных, как *честный, справедливый, порядочный, правдивый, совестливый, прямодушный*, и противопоставленных им *лживый, бесчестный, бессовестный, двуличный, лицемерный* – в русском языке, и *бошараф(она), бовиҷдон, поквиҷдон, дуруст, боинсоф(она), одил(она), ҳаққонӣ, адолатнок, ҳақгӯӣ, ҳақиқатдӯст, ростқавл, – дуруғгӯӣ, каззоб, беобрӯ, беномус(она), бешараф(она), ноинсофона, бешармона, беҳаё(ёна), дуруя* – в таджикском языке.

Другая дифференциальная сема 'откровенность' является общей для прилагательных *откровенный, искренний, простодушный, чистосердечный, непритворный – неоткровенный, неискренний, притворный, нечистосердечный* – в русском языке, а в таджикском – *самимӣ, кушодадил, софдил, соддадил, ошкоро, содиқ, босадоқат ихлосманд, безараз, сидқӣ, ҳақиқӣ, – бесадоқат, дуруя, риёкорона, мунофиқ(она), сохта, бардуруғ*.

Третья дифференциальная сема 'порядочность' соединяет лексемы *добропорядочный, благородный, благопристойный, добродетельный, праведный, без-*

грешный – непорядочный, развратный, аморальный, распутный, безнравственный, развязный, грешный – в русском языке, а в таджикском – *неккирдор, накӯкор, ҳалолкор, росткор(она), боодабона, одил, боинсоф, бегуноҳ, беайб – настҳимматона, бевиҷдон, разил(она), фосиқ, бадахлоқ, беадаб, густоҳ(она), бетакаллуф(она), гунаҳкор, пургуноҳ*.

Восьмая лексико-семантическая группа прилагательных характеризует отношение человека к вещам. В качестве положительных черт характера в этом смысле следует отметить следующие их номинации в русском языке: *щедрый, бережливый, экономный, заправливый, расчётливый, практичный, хозяйственный*, и в таджикском: *кушодадаст, сахӣ, босаховат, олиҳиммат, карим, сарфа-кор, сариштакор, эҳтиёткор, дурандеш, кордон, кордида, корчаллон*. А как отрицательные – *расточительный, рачительный, скупой, жадный, скаредный, ненасытный, небережливый, прижимистый, мелочный* и таджикского языка *иф-роткор(она), талафкор(она), соҳибэҳтимом (кн.), хасис, мумсик, зихна, бахил, ҳарис(она), чашигурусна, исрофкор, тангдаст, майдагап*.

Девятая лексико-семантическая подгруппа прилагательных характеризует человека по его темпераменту. В эту подгруппу целесообразно на наш взгляд, объединение слов, имеющих дифференциальную сему 'состояние души'. В этом случае следует рассматривать в качестве противоположных маркеров такие черты характера, как *оптимизм* и *пессимизм*. Тогда семантическое поле со знаком плюс будет включать прилагательные *весёлый, жизнерадостный, жизнелюб-вый, неунывающий, бодрый, задорный, подвижный, заводной, активный, энер-гичный, резвый, мажорный*, а со знаком минус – *грустный, печальный, подавлен-ный, унылый, хмурый, угрюмый, депрессивный, флегматичный, безрадостный, минорный*.

В таджикском языке исследуемое объединение слов репрезентировано так же двумя противопоставленными синонимическими рядами, в которые входят, соответственно, прилагательные с положительной семантикой, например: *шод, шодмон, шодком, хурсанд, хуррам, ханди, хушҳол, масрур, зиндадил, хаётдӯст, хандонрӯй, бепарво, рӯҳбаланд, шӯх, пуришавқ, шавқангез, серҳаракат, чобук, богайрат, бардамона; нӯшком, абрукушода*, – и с отрицательной семантикой, в частности *гамгин, маҳзун, пуралам, гамангез, рӯҳафтада, зик, маъюс, афсурда-хотир, афсурдахол, ҳазин, маҳзун, бадқавоқ, турирӯй, аламзада, андӯҳгин, андӯҳзада, гирифтахотир, гуссаманд, диҷам кн., дилафгор, дилхаста, ди-могсӯхта, мағмум кн., мустаманд*.

Десятая лексико-семантическая подгруппа прилагательных, характеризую-щая человека в восприятии других людей, в русском языке репрезентирована би-полярной оппозицией лексем. Положительные черты характера, обозначения ко-торых составляют синонимический ряд с доминантой *уважаемый*, представлены следующими лексемами: *многоуважаемый, заслуженный, почитаемый, почтен-ный, достопочтенный, почтеннейший, приличный, авторитетный, респекта-бельный, высокочтимый, любимый, обожаемый, достойный*. В противополож-ность им сформирован синонимический ряд прилагательных с негативной оцен-кой манеры поведения человека, где доминантой является слово *неуважаемый* –

презренный, презираемый, неавторитетный, малопочтенный, недостойный, нелюбимый.

В таджикском языке обозначения характеристики человека окружающими представлены следующими номинациями: положительная оценка – *соҳибэҳтиром, мӯҳтарам, гиромӣ, соҳибэътибор, иззатманд, боиззат, бообрӯ, мӯътабар, олиқадр, лоиқ, сазовор, арзанда, шоиста, арзишманд, арҷманд, ҳурматнок, ағар кн., ваҷеҳ кн.*; отрицательная – *беэҳтиром, беҳурмат, беиззат, беобрӯ, беқадр, ҳақир, наст, забун, заил, манфур, разил, ракик*. Ядром подгруппы выступает антонимическая пара *соҳибэҳтиром – беэҳтиром*. На основе полярности значений положительных и отрицательных черт характера в пределах подгруппы выстраиваются синонимо-антонимические отношения. Как и в русском языке прилагательные с положительной семантикой значительно преобладают над лексемами с отрицательным значением.

Таким образом, следует заключить, что лексико-семантическая группа прилагательных, характеризующих внутренний мир человека и его личностные качества представлены в двух языках огромным количеством примеров. Обнаруженные единицы объединены на основе интегральной семы 'характер человека' и систематизированы на основе дифференциальных сем в семантические подгруппы и микрогруппы. Всего выявлено 10 лексико-семантических подгрупп.

Превалирующая часть прилагательных в установленных семантических объединениях развивают синонимо-антонимические отношения, основанные на биполярной оппозиции тождественных по значению слов. Семантическая оппозиция обусловлена обозначением положительных и отрицательных черт характера человека.

Несмотря на то, что за основу отбора единиц были взяты денотативные значения, а не коннотативные, синонимические ряды содержат разнообразные с точки зрения стилевой нагрузки единицы. В таджикском языке широко представлены книжные лексемы.

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове) – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.
2. Добринина А.А. Прилагательные современного алтайского языка, обозначающие черты характера человека: в сопоставительном аспекте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Добринина Альбина Албертовна. – Новосибирск, 2006. – 194 с.
3. Климова Ю. Имя прилагательное как репрезентант концепта «качество» в русской языковой картине мира. – Белгород, 2008. – 171 с.
4. Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю.Шведова. Т.І. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемику. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1980. – 784 с.
5. Русский язык: Энциклопедия / Ин-т рус.яз. им. В.В.Виноградова РАН; под общ. ред. А.М.Молдована – 3-е изд. перераб. и доп. – М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. – 904 с.
6. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П.Евгеньевой. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/13/ma229117> (дата обращения: 02.03.2025)
7. Султанова Р.М. Семантический состав таджикских эпифраз / Fundamental Science and technology-promising developments: материалы XXIII Международной научно-

- практической конференции (10-11.08.2020г.). – North Charleston, USA: Научно-издательский центр «Академический», 2020. – С.92-98.
8. Терехова Н.В. Семантико-функциональный анализ имен прилагательных со значением “характер человека” в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Терехова Нелли Владимировна. – Махачкала, 2002. – 156 с.
9. Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. – 134 с.

RATIONAL ADJECTIVES AS A MEANS OF LINGUISTIC REPRESENTATION OF PERSONALITY

Khasanova Shahlo Rahmonovna

Candidate of philological sciences, associate professor,
dean of the faculty of Russian language and literature
Tajik international university of foreign languages
named after S. Ulugzade

734019, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Muhamadiev str., 17/6

Ph.: (+992) 90 415 63 17 (m.)

laylo.hasanov@mail.ru

This article raises an issue that has not yet been the subject of detailed research by Russian scholars, and offers an understanding of it both in the context of the Tajik language and from a comparative research perspective. The author considers the taxonomy of qualitative adjectives in the Russian and Tajik languages from the perspective of their semantic differentiation into empirical and rational adjectives, followed by the identification of units within rational adjectives, grouped into a lexical-semantic subgroup and describing a person's character. The analysis is based on the principles of lexical-semantic and componential analysis, enabling the identification of ten lexical-semantic subgroups (LSGs) that unite adjectives based on the type of feature they express. Within each subgroup, synonymous-antonymous paradigms are formed, reflecting the systemic relationships between lexemes. The study identifies dominant synonymous series, which simultaneously function as the polar cores of the corresponding LSGs, ensuring the structural integrity and semantic hierarchy of the field of qualitative adjectives. This work is typological in nature and contributes to a deeper understanding of the universal and nationally specific features of the category of quality in the Russian and Tajik languages.

Keywords: empirical adjectives; rational adjectives; semantic analysis; componential analysis; lexical-semantic subgroup; synonymous series; dominant; synonymous-antonymous paradigm.

СИФАТҲОИ РАЦИОНАЛӢ ҲАМЧУН ВОСИТАИ РЕПРЕЗЕНТАТСИЯИ
ШАХСИЯТ ДАР ЗАБОН

Ҳасанова Шахло Раҳмоновна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
декани факултети забон ва адабиёти руси
Донишгоҳи байналмилалӣ забонҳои хориҷии Тоҷикистон
ба номи С.Улуғзода
734019, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Мухаммадиев, 17/6
Тел.: (+992) 90 415 63 17 (м.)
laylo.hasanov@mail.ru

Дар мақола масъалае ба баҳс гузошта мешавад, ки то кунун аз ҷониби муҳаққиқони ватанӣ мавриди таҳқиқи ҷиддӣ қарор нагирифта буд. Муаллиф зарурати баррасии онро ҳам дар заминаи забони тоҷикӣ ва ҳам дар раванди муқоисавии забоншиносӣ матраҳ мекунад. Мушкilotи асосӣ ба таксономияи сифатҳои сифатидаи забонҳои русӣ ва тоҷикӣ марбут буда, аз ҷидгоҳи ҷудокунии семантикии онҳо ба ду гурӯҳ – эмпирикӣ ва рационалӣ – таҳлил мегардад. Дар идома, дар доираи сифатҳои рационалӣ воҳидҳои ҷудо карда мешаванд, ки ба воситаи наздикӣ ва умумияти маъноӣ ба як зергурӯҳи лексикӣ-семантикӣ муттаҳид шуда, ҳислати хусусиятҳои шахсро тавсиф мекунад. Таҳлил дар асоси принципҳои таҳлили лексикӣ-семантикӣ ва компонентӣ анҷом меёбад, ки он имкон медиҳад ҳаҷ зергурӯҳи лексикӣ-семантики (ЛСП) муайян гардад, ки дар навбати худ сифатҳои ҳаммаъноро яқоя месозад. Дар доираи ин зергурӯҳҳои сифатҳоро мувофиқи навъи нишонаи ифодаёфта гурӯҳбандӣ мекунад. Дар ҳар як зергурӯҳи парадигмаҳои синонимӣ ва антонимӣ ташаккул меёбанд, ки робитаҳои низомии байни лексемаҳоро инъикос менамоянд. Дар натиҷаи таҳқиқот доминантаҳои қаторҳои синонимӣ муайян ташкил меёбанд, ки ба ҳайси «ядроҳои поляри» дар ЛСП-ҳои мувофиқ амал намуда, ба низоми сифатҳои лексикӣ-семантикӣ ҳамгироии сохторӣ ва иерархияи маъноӣ мебахшанд.

Қор характери типологӣ дошта, ба дарки амиқтари хусусиятҳои умумӣ ва миллӣ-хоси категорияи «сифат» дар забонҳои русӣ ва тоҷикӣ мусоидат мекунад.

Қалидвожаҳо: сифатҳои эмпирикӣ; сифатҳои оқилона; таҳлили семантикӣ; таҳлили компонентӣ; зергурӯҳи лексикӣ-семантикӣ; қилсилаи синонимӣ; ҳукмрон; парадигмаи синонимӣ-антонимӣ.

УДК 821.161.3'06.09:008(476)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЭПОС БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД СУВЕРЕНИТЕТА РЕСПУБЛИКИ: ТЕМАТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Дуктова Любовь Георгиевна

Кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела белорусской литературы XX и XXI столетий
Государственное научное учреждение
«Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси»
220072, Республика Беларусь, Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2
Тел.: +375 (29) 746 97 77
duktova.liubou7@gmail.com

Шарапова Елена Васильевна

Старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин
Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования
«Белорусско-Российский университет»
212000, Республика Беларусь, Могилев, пр. Мира, 43
Тел.: +375 (29) 746 92 21
elenasharapova@tut.by

Тематическая палитра белорусского литературного эпоса 1990-2020-х годов довольно разнообразна, характеризуется сохранением традиций национальной литературы в освещении вопросов древнего прошлого, страниц истории периода Великой Отечественной войны, морально-этических аспектов, рассмотрением проблем экологических (тема последствий Чернобыльской катастрофы), социально-экономических (кризисная ситуация в период распада СССР) и др. Отмечается, что эпические произведения белорусских прозаиков на рубеже XX-XXI веков представлены жанрами исторического романа («Меч князя Вячки»¹ Л.Дайнеко, «Улисс из Пруски», «Васильки на меже» В.Гниломедова), социально-бытового романа («Правда живет посередине» В.Гниломедова, «Юргон» А.Козлова), социально-психологического романа («Единственный оттенок серого», «Открытка», «Доброжелатель» А.Козлова, «История болезни» А.Федоренко), приключенческого романа («Авантюры Прантиша Вырвича, школяра и шпега», «Авантюры студюзуса Вырвича», «Авантюры драгуна Прантиша Вырвича», «Авантюры Прантиша Вырвича, маршалка Менского» Л.Рублевской), военного романа («Голос крови брата твоего» В.Адамчика, «Возвращение к вине», «Не все мы сгинем» И.Чигринова, «Война» В.Гниломедова), исторической повести («Трон» И.Саверченко), новелл («Единица» Л.Рублевской) и др.

Ключевые слова: национальная литература; эпические произведения; белорусская литература; проза; современная литература; роман; тема.

¹ Здесь и далее перевод с белорусского языка авторов этой статьи – Л.Д., Е.Ш.

Введение. Обретение Беларусью статуса суверенитета задало мощный импульс для развития национальной литературы. Наравне с сохранением традиций происходили трансформации, которые коснулись тематики и форм художественных произведений разных родов литературы – лирики, эпоса, драмы. На рубеже столетий на литературной ниве продолжила работу плеяда писателей, творческая реализация которых пришлась на вторую половину XX столетия, среди них – А.Адамович, В.Адамчик, В.Быков, А.Дударев, И.Науменко, И.Пташников, А.Савицкий, Б.Саченко, Я.Сипаков, И.Шамякин, И.Чигринов. В миллениумную эпоху в литературе Беларуси появились новые имена: А.Брава, С.Безлепкина, А.Ветах, Н.Гальперович, В.Гниломедов, К.Гаврилович, З.Дудюк, В.Казько, А.Козлов, Н.Метлицкий, А.Наварич, И.Саверченко, Ю.Станкевич, В.Степан, А.Сыс, А.Федоренко, Н.Чергинец, В.Шнип и др. Исследователи отмечают: «Появление большого количества “программных” произведений и художественных манифестов, которые с начала 1990-х годов становятся одним из признаков литературного процесса, следует расценивать как прямое свидетельство того, что происходит глубинное явление переидентификации личности, оказавшейся в новых условиях существования. Завершили переход от моностилистической литературы советской эпохи к полистилистической литературе современности электронные средства массовой коммуникации. Интернет не только способствовал расширению кругозора пользователей, он снял с отечественной литературы комплекс «провинциальности», окончательно децентрализовав культурную жизнь... Писатель получил возможность творить в условиях полной свободы. Литература стала конкурировать не только с другими видами искусства, которые также стремительно развивались, но и с “сетевой литературой”» [10, с.575-576].

Белорусская проза рубежа XX–XXI столетий представлена различными эпическими формами. Не утрачивают актуальности романские циклы, это произведения В.Гниломедова, Л.Рублевской, И.Чигринова и др. В жанре повести пишут А.Козлов, И.Саверченко, В.Чаропка, А.Федоренко. К рассмотрению различных аспектов развития литературного эпоса Беларуси рубежа XX–XXI вв. обратились белорусские литературоведы А.Бельский [1], Д.Бугаев [2], А.Василевич [3], Е.Городницкий [6], В.Локун [8], Л.Синькова [13; 14] и др.

Материалы и результаты исследования. Одна из магистральных тем белорусского литературного эпоса периода суверенитета республики – освещение событий Великой Отечественной войны. В миллениумную эпоху теме войны посвящают свои произведения представители трех поколений: участники военных батальонов (В.Быков, И.Чигринов), «дети войны» (В.Гниломедов, И.Науменко), послевоенное поколение (В.Мороз).

В известную пентологию Ивана Чигринова вошли романы «Плач перепелки», «Оправдание крови», «Свои и чужие», «Возвращение к вине», «Не все мы сгинем», три из которых были экранизированы (киносериал «Плач перепелки») еще при жизни автора. В последние годы прозаик работал над завершением эпопеи. В основе сюжета – события белорусской деревни в период всенародной партизанской войны, противостояния немецко-фашистским захватчикам. О трагиче-

ской судьбе западнобелорусской деревни в годы довоенного и военного лихолетья – романский цикл Вячеслава Адамчика (романы «Чужая вотчина», «Год нулевой», «И скажет тот, кто родится», «Голос крови брата твоего»). У писателей поколения детей войны Владимира Гниломедова и Ивана Наumenко описание периода военного лихолетья также присутствует в романских циклах. «Особенностью произведений последних лет писателя И.Наumenко стало желание переосмыслить события прошлого с учетом открывшихся новых фактов исторического прошлого страны («Помни, Сталинград»). Писатель до конца дней своих во многом остался верен идеалам своей молодости, опаленной трагизмом и героизмом Великой Отечественной войны» [10, с.599].

События в романе «Война» В.Гниломедова разворачиваются на оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории Западной Беларуси в условиях нацистского режима, возникновения и развертывания партизанского движения. Главный герой произведения Леон Кужаль, житель деревни Пруска, в сложный период военного лихолетья не единожды оказывается в ситуации выбора, в первую очередь – морально-этического. Вместе с женой Феклой он поселяет у себя Василия, русского солдата, отставшего во время отступления от своей воинской части, и даже поручается за него перед временной властью. Леон и Фекла заботятся о внуке Владимире, ставшем для семейной четы отрадой. «Именно Леон является у автора “глубокой совестью” (так назван Иван в “Братьях Карамазовых” Достоевского)» [10, с.614]. В романе транслируются традиционные общечеловеческие ценности, утверждается, что жизненным стержнем человека является семья, род. «Семья в жизни человека занимает ключевое место, представляя собой фундамент, основу для дальнейшей жизни каждого ее члена» [16, с.184]. Взаимоотношения Леона и Феклы – образец для подражания молодого поколения. Роман «Война» В.Гниломедова имеет автобиографические черты, в герое романа Владимире Платонове угадывается личность самого прозаика. Произведение насыщено рядом исторических фактов, о которых читатель узнает как из диалогов героев, так и из цитат множества документов (листожек, газет). Подобное сочетание элементов художественного и публицистического характерно для белорусского романа последних десятилетий.

Среди современных белорусских писателей, пишущих на военную тему, – В.Мороз. В его рассказе «Своя философия войны» затрагиваются вопросы выбора, перед которым находится человек на войне. Н.Курипка в работе «Героический и трагический модусы художественности в современном романе о Второй мировой войне в английской и белорусской литературах (кон. XX – нач. XXI ст.)» отмечает: «Ключевой характеристикой современной военной прозы является расширение проблемно-тематических границ, что свидетельствует об углублении идейных аспектов исследования военной действительности. В произведениях современных писателей исчезает разрыв между трагичностью материала и героической формой его подачи. Тема войны переплетается с социальными, нравственными и этическими проблемами героя, освобождая его от влияния идеологии, обобщения и недоговаривания. Современная военная проза укрепляет идею ценности опыта и памяти, придает им нравственный, духовный и нацио-

нальный смысл» [7, с.4]. В целом, рассуждая о «водоразделе» героического и трагического начала в современной белорусской военной прозе, исследователь приходит к выводу: «Героическое проявляется в духовном пробуждении человека в условиях трагической военной действительности, будь то интимные, моральные или философские аспекты событий. Трагическое проявляется в утрате безусловных гуманистических ценностей – человеческой жизни, духовности, национальной или личной свободы» [7, с.24].

На рубеже XX-XXI столетий активизировалось внимание писателей к теме давнего прошлого белорусов, исторического пути и формирования государственности. «Размышления о прошлом и современности, об извилистых путях национального самоопределения и самоутверждения, тревожное ощущение национальной угрозы, активная современная гражданская позиция пробудили у Генриха Далидовича интерес к Великому Княжеству Литовскому, к национальным и государственным истокам (романы «Звон родного колокола», «Хозяин-камень», «Западники»)» [10, с.605].

Видеть очертания будущего Родины, опираясь на далекое и близкое прошлое, не принимая ряда проявлений настоящего, – одна из особенностей творческого наследия Я.Сипакова. Среди исследователей его творчества – С.Андраюк, П.Дюбайло, В.Конон, Л.Синькова. Ученые отмечают, что своеобразным гимном родной земли выступает книга очерков «Зеленый листок на планете Земля» (которую сравнивают с изданием «Земля под белыми крыльями» В.Короткевича), гимном славянства – сборник «Вече славянских баллад», гимном малой родины – роман «Зубревичская сага». Каждая часть романа отражает неповторимый мир художника слова, ряд историй, в центре внимания которых оказываются и исторические фигуры, и мифические персонажи, и оригинальные реальные личности. Эпизоды текста пронизаны жизнеутверждающей философией, в которой нормы и законы человеческого существования имеют значение в отношении осмысления ценности жизни, победы доброго начала над бесчестным и злым, сохранения собственного достоинства как важной составляющей человеческой сущности. Композиционно произведение «Зубревичская сага» состоит из 16 частей, объединенных рассказом об истории рода, разные поколения которого сталкивались с вызовами времени, искушениями, испытывали щемящие моменты счастья, радости, гордости.

Роман В.Гниломедова «Васильки на меже» посвящен событиям и явлениям в период с лета 1930 по весну 1941 года – это общественно-политическая жизнь на территории Западной Беларуси в межвоенное десятилетие в условиях польского режима санации, начало Второй мировой войны, время объединения Западной и Восточной Беларуси в 1939 году и в целом атмосфера приближающегося военного нашествия.

Название «Васильки на меже» – символическое, многоаспектное. Территория современной Беларуси с 1921 года, когда был подписан Рижский мирный договор между СССР и Польшей, и до 1939 года была рассечена границей – межей, а население оказалось в ситуации пограничья.

В романе «Васильки на меже» показан один из переломных моментов в жизни западнобелорусских земель. 1939 год был насыщенным на события мирового масштаба, когда вновь изменились границы европейских стран и советских республик. Судьбоносным это время стало и для белорусской земли: в сентябре 1939 года была упразднена граница между Западной и Восточной Беларусью, чему способствовал ряд событий. На второй день после нападения Германии на Польшу, которой союзники Англия и Франция не оказали помощи, весть о войне дошла до жителей деревни Пруска на Брестчине. В отчаянии оказалось население припущенского края, однако вскоре в Брест пришли «красные», позже – и обком партии. В вихре событий государственно-политической жизни показана ежедневная работа жителей западнобелорусской деревни, которая не прекращалась во время лихолетья: люди сеяли, пахали, жали, занимались хозяйством. Определенные параллели можно провести между образом васильков во ржи на меже и жизнью белорусов-прусовцев в сложный период столкновения общественно-политических и социально-хозяйственных интересов.

В художественных и художественно-публицистических произведениях Ивана Саверченко представлен пантеон героев давней истории Беларуси: среди мужских образов – фигуры Всеслава Чародея, Миндовга, Рогволода, Витовта Великого, Евстафия Воловича, Симона Будного, Льва Сапегы, Ипатия Потее; среди женских образов – личности Предславы, Рогнеды. В исторических повестях И.Саверченко «Золотой амулет», «Трон», «Вызов, или Государство князя Глеба» показаны типы правителей, патриотов и защитников Отечества.

В 1980-2020-е годы продуктивно заявили о себе Леонид Дайнеко («Меч князя Вячки», «Тропой чародея», «Железные желуди», «Человек с бриллиантовым сердцем»), Зинаида Дудюк («Гонка за волком», «Сотворение», «Год 1812», «Сладость и отравка», «Пора высокого солнца», «На пороге рая»), Людмила Рублевская («Пляски смерти», «Жених панны Дануси», «Сердце мраморного ангела», «Перстень последнего императора», «Золото забытых могил»), Кастусь Тарасов («Последняя любовь князя Миндовга», «Три жизни княгини Рогнеды»), Иван Шамякин («Великая княгиня»). В исторической прозе современных белорусских писателей в поле зрения авторов – славные страницы белорусского прошлого.

Пласт приключенческой прозы в современной литературе Беларуси представлен произведениями разных эпических форм. Это и гепталогия Людмилы Рублевской «Авантюры Прантиша Вырвича», и романы, связанные с путешествиями литературных героев («Улисс из Пруски» В.Гниломедова), историко-приключенческие произведения («След оборотня» Л.Дайнеки) и др. «Цикл произведений Л.Рублевской о Прантише Вырвиче, школяре, студенте, странствующем рыцаре на первый взгляд кажется рассчитанным на подростков. Однако есть в авантюрах Вырвича нечто, что выводит эти книги за пределы обычных приключений, а именно национализм, который проявляется и в восстановлении событий истории Беларуси, и в том, что основное действие книги происходит на родной земле, но прежде всего это видно в системе ценностей, о которых автор напоминает и говорит устами своих героев. Книги о приключениях молодого

шляхтича Прантиша Вывича и доктора Бовтроея Лёдника – подтверждение того, что современная литература не утратила воспитательную функцию, при этом тексты Л.Рублевской не выглядят морализаторскими» [10, с.612].

Особое внимание современных авторов привлекает литература путешествий. Исследователи отмечают в современном мировом литературном процессе развитие жанров странствий, путешествий, выделяя в современных реалиях новые аспекты, например, травелог как жанр для литературных и мультимодальных текстов. «Континент “Литература путешествий” – поистине необозрим. Его изначальные границы упираются в архетипические глубины мифов, проговариваемые в младенческую пору человечества в многообразных вариантах древних эпических повествований о приключениях и подвигах героев, свершенных ими в процессе путешествий и странствий. Стало привычным выводить происхождение древнейших нарративов о странствиях и приключениях из самих условий жизни первобытных людей. Действительно, практически во всех мифах и преданиях народов мира мы находим сказания о путешествиях и подвигах героев. Поражает воображение и разнообразие видов травелога – сказания, легенды, исторические хроники, летописи походов и завоеваний, отчеты экспедиций, путевые письма, заметки, рассказы, дневники, путеводители и справочники, карты-схемы, морские лоции, фантастические путешествия и романы, исповеди, повествования о странствиях души (травелоги души), фото-кино-документы о путешествиях, трэвел-блоги и др.» [11, с.6].

Роман «Улисс из Пруски» – первый в эпопее писателя В.Гниломедова. Своего рода белорусским Улиссом становится главный герой Леон Кужаль, решивший испытать счастье в Америке и все-таки вернувшийся жить домой в родную деревню. Находясь на другом континенте, в различных ситуациях он делает выбор в пользу честной работы и помощи близким. В чужой стране Леон соглашается на тяжелую, а порой и рискованную работу (мыть окна в многоэтажках, работать по хозяйству у фермера), неоднократно убеждая себя в том, что настоящее счастье – быть хозяином на своей земле. Произведение насыщено описаниями различных мест «старой Америки». Например, от нью-йоркских небоскребов, которые видит главный герой, у него появляется ощущение неуютности и тревоги: «Особенно впечатлили высокие, в двадцать и более этажей дома, которые окружали площадь. Действительно, небоскребы... Филиппко, задрав голову вверх, беспокоился: “А что, как который рухнет?.. Придушит...” Они смотрели на мир, как дети, широко открыв глаза, пораженные никогда невиданным и растерянные...» [5, с.224]; «Мимо, широко разбрызгивая лужи, с оглушительным треском промчался мотор – удивительное создание – машина на четырех колесах... Прусковцы чувствовали себя так, словно попали в какие-то большие жернова, и хода назад нет» [5, с.224]. Контрастным является эмотивный план при описании мест на чужбине и на родине. Сравним, как в начале романного цикла В.Гниломедова щемящие нотки радости, умиления, восхищения, восторга присутствуют при описании первого знакомства Леона с белорусским архитектурным памятником – Каменецким столпом. Первое так называемое путешествие в большой мир главному герою произведения Леону Кужелю запомнилось на всю

жизнь. Это была поездка с дедом Кириллом в местечко Каменец, по дороге он впервые увидел это сооружение: «Между тем подвода с седоками добралась до самого верха горы, откуда на расстоянии четырех-пяти верст перед ними открылось удивительное зрелище – Каменецкий столп.

– Что это?

– Каменецкий столп, внучек. Местечко уже недалеко.

– А когда его поставили?

– О-о, это давно было, не при нашей памяти. Князь какой-то... в училище из наук узнаешь!

– А зачем он?

– Край наш защищает! [5, с.30].

Величие архитектурного памятника напоминает о связи веков, создает атмосферу торжества, прикосновения к тайне: «Столп возвышался над всей окрестностью, величественно взирая на человеческую жизнь – бытие, которое неспешно двигалось в заколдованном кругу времени. Леонка видел столп впервые, и первое впечатление было почему-то волнительным. Чем-то исконным веяло от этого зрелища» [5, с.30]. Образ Каменецкой башни как одного из символов ключевых моментов белорусской истории упомянут и в романном цикле в произведении «Война», когда Леон рассказывает об этом артефакте уже своему внуку Володику, как когда-то дед Кирилла рассказывал ему. «Внук засмотрелся на далекий еще столп, а в Леоновой памяти под скрип повозки начали разворачиваться образы пережитого. Вспомнил своего деда Кирилла, который когда-то повез его в Каменец поступать в народное училище... И вот теперь, двигаясь этой песчаной дорогой, Леону думалось: “Все это – и дедушка, и ветошь, и дождь, и роса на траве, и Каменецкий столп – все это одна цепь жизни, которая продолжается, плывет из прошлого в будущее и обладает какой-то удивительной неодолимой и всепобеждающей силой, перед которой, наверное, никто и ничто не может устоять”» [5, с.64]. Отметим, что позже в воспоминаниях В.Гниломедов отметил, какое впечатление на всю жизнь на него лично произвело знакомство с этим архитектурным памятником, символизирующим причастность к большому миру с его многовековой историей: «Каменецкий столп виден издалека... Впервые я увидел его в далеком детстве. Дед Леон Михайлович ехал в Каменец (так у нас говорят) молотить зерно и взял с собой меня. Выехали мы за околицу, проехали километр-другой, поднялись на Бабицкую гору (недалеко от деревни Бабичи) – и открылась волнующая панорама древнего Каменца (потом я увидел ее на рисунке Н.Орды). Как раз с востока поднималось солнце. Красота – не передать словами, происходила какая-то природная мистерия, я все это видел в первый раз и был навсегда поражен божественной красотой этого летнего утра» [12, с.100-101]. Критики отмечают: «Главный герой цикла романов В.Гниломедова – человек внешне сдержанный, практично-заземленный, но внутри него живет поэт-романтик, жаждущий познать мир, увидеть новые континенты. Отъезд его в Америку вызван не только желанием заработать деньги и рассчитаться с долгами, но и желанием “посмотреть на себя со стороны”, жаждой новых впечатлений. Вот как об этих порывах души героя говорит автор: «Словно само пространство

звало в новые дали, что открывались за горизонтами прусковской окрестности. Вспомнил беззаботные слова цыгана Пихты: “А что на месте сидеть?” А действительно, разве не интересно мир увидеть, понаблюдать, как люди живут. А тогда к Анне вернусь! Как-никак, он был уже мужчина и, как ему казалось, мог сам решать свою судьбу”» [10, с.614].

Различные аспекты морально-этических проблем общества затрагиваются в социально-психологических романах А.Козлова («Юргон», «Единственный оттенок серого», «Открытка», «Доброжелатель»), В.Гавриловича («По вере вашей...»). В прозе 2020-х годов А.Козлова используется двойной хронотоп: сначала подробно рассказывается история, которая способствовала тому, чтобы герой стал именно таким, каким мы его видим в последних частях романов. Такое углубление позволяет показать героя в ситуации поиска.

Боль, страх и одновременно жажда жизни нашли отражение в социально-психологических романах А.Козлова «Единственный оттенок серого», «Открытка», «Доброжелатель», в которых поднимаются острые морально-этические вопросы: можно ли получить прощение за очень тяжкие грехи, есть ли оправдание матери, которая жертвует своим ребенком, чтобы избежать наказания за свои поступки, может ли добродетель одного человека породить у другого эгоизм и равнодушие к судьбам других?

В произведениях современных прозаиков ясно прослеживается как ориентированность на установленный в коллективном сознании белорусского общества онтологический комплекс, так и детерминированность укрепления новых элементов, связанных с трансформацией мировоззренческих позиций в ответ на вызовы времени. Завихрение – неожиданный и странный поворот чьей-либо мысли, чьих-либо рассуждений – атмосфера растерянности и поиска новых идеалов, которую передает Иван Шамякин в повестях 1990-х годов «Завихрение», «Сатанинский тур», «Падение». Идеи, которыми живут герои повести «Завихрение» Олег Журкович и Иван Тихотко, такие: «взять у богатых и отдать бедным», «грабь награбленное», «богатство как символ безнравственности». В произведении явно очерчено разделение, касающееся социальных ролей: богатые – с такими персонажами отождествляются человеческие пороки, бедные – обиженные люди, на долю которых приходится череда неудач. Традиционный для советского мировоззрения максимализм проявился в произведении в том, что понятие «добро» ассоциируется с бедностью, а «зло» – с богатством. Но такая постановка вопроса добра и зла проблемно звучит в литературе не только XX в., но и гораздо раньше. И здесь писатель обращает внимание на романтическую личность эпохи Средневековья – Робин Гуда. Идея «робингудства», которую герои понимают по-своему, заполонила мысли Олега Журковича и Ивана Тихотко, за плечами которых – отбытие срока наказания в зоне ограничения свободы.

Олег Журкович – безвинно осужденный человек, который вышел из зоны. Тюрьма разделила его жизнь на две половины. До этого он был молодым архитектором, влюбленным в Рогнеду. Предыдущие события в его жизни – смерть возлюбленной, обвинение его в ее убийстве – переросли в большую душевную боль, с которой Журковичу пришлось жить и во время тюремного заключения, и

после так называемой реабилитации, когда стало известно, что Рогнеда стала жертвой серийного маньяка. Писатель ставит своего героя перед выбором: совершить наказание, которое обещал исполнить перед могилой Рогнеды, или отказать от мести. Так называемое «завихрение» проявляется в отраженных неоднородных ситуациях выбора, с которыми встречается и которые вынужден решать Олег. С одной стороны, он прощает судье несправедливое вынесение приговора. С другой стороны, иначе Олег ведет себя с Загадаем, от которого требует моральной компенсации.

В повести И.Шамякина «Завихрение» писатель изображает проблемы пограничных ситуаций. Завихрение – ситуация неопределенная. Это выбор между наказанием и прощением, любовью и убийством, свободной жизнью и существованием за решеткой. Писатель с разных сторон подходит к осмыслению нравственных проблем общества. Он показывает различные понятия, норм жизни, неписаных правил, которых придерживаются люди.

Герои повести оказываются словно в гуще морально-этических конфликтов. Во-первых, с нормами общественной жизни не совпадали правила, господствовавшие на зоне. Писатель вынуждает читателя посмотреть на жизненные ситуации глазами людей, прошедших через нее. Но ни Олег Журкович, ни Иван Тихотко не стали отпетыми преступниками. Они «принесли» из заключения только лексику (специфичным для языкового плана повести является использование тюремного жаргона) и прозвища, но не философию и мораль тюремной жизни. Во-вторых, иной взгляд на нормы морали привнесла новая социально-политическая ситуация, когда происходила ломка старых приоритетов с наступлением политики приватизации и гласности. В-третьих, поступки и поведение в произведении оцениваются с гуманистически-христианской позиции.

Одна из проблем современной литературы – поиск нового героя времени. Персонажи повести «Завихрение» Тихотко и Журкович – дуалистические образы. С одной стороны, в произведении показано их стремление к чистому и благородному началу. С другой, они не могут избавиться от своих «грехов». Иван продолжает «болеть клептоманией», подводя под свое желание идеологическую основу: «я краду только у богатых». Олег Журкович не может простить, вынуждает обидчика расплатиться за ошибку.

«Правда живет посередине» – седьмой роман гепталогии В.Гниломедова («Улисс из Пруски» (2006), «Россия» (2007), «Возвращение» (2008), «Васильки на меже» (2014), «Война» (2014), «После войны» (2021)), впервые напечатанный в 2021-2022 гг. в журнале «Полымя», в 2023 году вышло его отдельное издание. Время разворачивания событий в романе «Правда живет посередине» – 1950-е годы, так называемая оттепель в политической истории советской страны. Тогдашние события пришлись на период формирования личности белорусского интеллигента Володи Платонова.

В предыдущих шести романах, где главным героем является Леон Кужаль (дед Володи), временное пространство касается первой половины XX века. Герой романа «Правда живет посередине» Володя Платонов показан в различных ситуациях: студенческие годы молодого филолога и первые трудовые будни педаго-

га-руководителя, работа на целине, каникулы в деревне, свидания молодых людей, педагогическая практика и др. В фокусе романа «Правда живет посередине» – период послевоенной жизни советской страны, середина XX века. В произведении показаны настроения, идеи, которыми жило общество: это новый взгляд на личность Сталина и его действия (рассуждения простых людей, озвучивание для студентов и преподавателей решения съезда партии, на котором развенчивался культ советского лидера), осмысление переломных моментов батальи Великой Отечественной войны (рассказы фронтовиков, встреча с писателем К.Симоновым) и др. В канве произведения присутствует ряд имен известных белорусских личностей: Петра Машерова («23 августа. В августе 1955-го первым секретарем» Брестского обкома КПБ был признан Машеров, который до этого года работал в Минском обкоме КПБ» [4, с.350]), Максима Танка («Появился Кмита вместе с Максимом Танком. Это был еще совсем молодой человек, высокий, как и Кмита, стройный, с благородным обликом и умными, вдумчивыми и одновременно веселыми, с искорками, глазами. В обычном костюме, при галстукке. Галстук – модный, с белорусским орнаментом... Аудитория слушала, как заворуженная. Прочитал знаменитое свое стихотворение последнего времени “Ave Maria”, которое высоко оценил Кмита» [4, с.321-322]).

Подчеркнуть исторический аспект помогает упоминание деятелей белорусского прошлого: А.Филипповича («Афанасий Филиппович был непокорным и непоколебимым в вере человеком, твердым, как камень, не хотел терпеть, но терпел, жаловался, бунтовал. Его “Дыярыуш” напоминает “Житие”, написанное протопопом Аввакумом» [4, с.169]), Т.Костюшко («Тимофей Архипович рассказывал и о том, что возле Косово в фольварке Меречевщина родился Тадеуш Костюшко, известный как руководитель и герой восстания 1794 года» [4, с.653]) и др. В произведении подчеркиваются качества, которыми обладали определенные персоналии, подсвечивая тем самым и особенности национального характера, а также идеалы и ценности, которые прошли через века и являются ориентирами для многих поколений жителей белорусской земли. В романе «Правда живет посередине» В.Гниломедова затрагиваются важные вопросы сохранения исторической памяти, осмысления сущности человеческого бытия, показа особенностей национального характера.

Одной из отличительных тем в белорусской литературе 1990-х годов стала тема, связанная с аварией на Чернобыльской АЭС 1986 года и ее последствиями для белорусских земель, с экологической ситуацией на загрязненной радиацией территории страны. «Зона повышенной радиации» – повесть, которую И.Шамякин написал, когда прошло более десяти лет после аварии на ЧАЭС. Как и в предыдущем произведении на чернобыльскую тему – романе «Злая звезда», писатель также обратился и к религиозной тематике.

Национальную маркированность приобретает образ полынного ветра в романе Леонида Леоновича «Полынный ветер». Эпитет «полынный» имеет в произведении негативную коннотацию, используется с намерением подчеркнуть связь с Чернобыльской катастрофой, что актуализирует семантику разрушительной силы ветра, способной принести беду. В романе образ полынного ветра сим-

воличен, выступает не только художественным воплощением преодоления чернобыльских последствий, но и символом событий, перемен в общественно-политической жизни, связанных с разрушением СССР, дыхание которых было ощутимым уже в конце 1980-х годов. Эпитет «попынный» связан с аллюзией на библейский сюжет. Пророческие слова апостола Иоанна Богослова о том, что после трубы третьего ангела на землю упала звезда, из-за чего третья часть рек и родников сделались горькими, «сделались попыною», в общественном сознании отождествились с одной из крупнейших в мире техногенных катастроф XX в., вызванной аварией на Чернобыльской АЭС. Образ звезды Попынь (а также ее производных – Попынь-трава, попынный ветер, злая звезда и др.) в художественном сознании символизирует чернобыльскую трагедию. Следует отметить, что белорусские поэты и прозаики довольно часто обращались к молитвенно-христианским мотивам и интонациям при художественном отражении этой катастрофы, используя их в произведениях разных жанров: в повести («Спаси и помилуй нас, черный аист» В.Казько), в стихотворениях («Вечерняя молитва» А.Письменкова, «Атомная молитва» В.Зуенка), в поэмах («Голгофа» К.Жука, «Авария совести» А.Зекова, «Одиум» Я.Сипакова).

В постсоветское время в белорусском литературном эпосе появился целый ряд произведений на религиозную тему. Среди них повести «Дети ночи – слуги зла», «Распятие, или Болит ли голова у вороны» А.Козлова. «Мистическая повесть “Дети ночи – слуги зла” показывает время перед приходом Антихриста, называемого в ней Хозяином ночи. Задача повести – дать информацию о последних временах земной жизни в библейском понимании, о приходе Антихриста. Повесть отражает христианский взгляд на мир и людей, предупреждает об опасности радикального индивидуализма, призывает современника быть бдительным, чтобы решительно ответить отказом на “приглашение в ад”» [10, с.610]. Христианская основа присутствует в названиях произведений Владимира Гавриловича, в основе сюжета которых события, происходящие в 2020-2021 годах («По вере вашей...»), в 2022-2023 годы («Люби ближнего своего...»), а также истории из далекого XII века. Главный герой двух романов – писатель Евгений Кавенька, наделенный качествами хорошего незлопамятного человека. Он пишет роман, в котором прототипами героев выступают его предки из славного рода Букиничей, проходящие трудный путь духовного очищения. После выхода в свет его книги усилиями племянника Виктора он был обвинен как сын предателя. На помощь писателю приходит творческая интеллигенция, которая помогает обелить память о его семье, герой романа прощает обиду своему обидчику. В основе поступков, оценки ситуаций в творчестве В.Гавриловича, – христианская мораль.

Пространство в белорусских прозаических произведениях фантастического и фэнтезийного характера – это далекие планеты и космические просторы, природное окружение, интересные места Беларуси и зарубежья. Яркими примерами являются произведения средних и малых эпических форм – «Планета в подарок» А.Белоножко, «Единица» Л.Рублевской, «Серебряный подсвечник» А.Федоренко, «Космическая богиня охоты» Г.Авласенко, «Кофе для домового», «Ты, я и Володя» Р. Боровиковой, «Заколдованный шкаф» А.Бычковского и др.

Проблема самосохранения нации затрагивается в романе «Письмо в галактику “Млечный Путь”» Юрия Станкевича. Произведение посвящено переоценке советского прошлого и дальнейшей выкристаллизации белорусского пути. Главный герой – учитель физики и астрономии белорус Андрей Корбат. Он написал послание в галактику Млечный Путь и передал его астронавту В., но письмо было перехвачено, началось следствие. В послании Андрея Корбата – жалоба на тоталитарные порядки советской действительности, направленные на ограничение свободы взглядов и действий в советском государстве. Галактика “Млечный Путь” – звездная система, символ надежд. Образ галактики наделен в романе и научной характеристикой: «Галактика “Млечный Путь” представляет собой сферическую систему из примерно 2×10^{11} звезд, общей массой не менее 3×10^{44} г, или около 1200 млрд. масс Солнца. Большая часть ее внешних областей состоит из темного вещества, роль которого до сих пор неизвестна. Скорость обращения Галактики вокруг галактического центра достигает 300 км/сек. Диаметр Млечного Пути около 10^{23} см, возраст, по крайней мере, 10^{10} лет. В центре “Млечного Пути”, находящемся в созвездии Стрельца, по предположениям, существует сверхмассивная «черная дыра», а сам центр движется относительно близлежащих галактик (а все они разбегаются в разные стороны) со скоростью 50-80 км/с. Расстояние до него от Солнца составляет 8,5 килопарсек (1 кпс = 1000 пс), а расстояние в 1 пс свет проходит за 3,26 года» [15, с.82]. Астрономический код в образе Млечного Пути передает смыслы ценности общественного и личного выбора государственного национального пути. Огромный космос остается для отдельного человека не необъятной пустотой, а пространством, в котором обязательно найдется лакуна, которая будет давать надежду на лучшее будущее.

В рассказе «Единица» (2007) Л.Рублевской внимание направлено на осознание того, что каждый человек – это своего рода единица, то есть нечто важное и значимое. В центре внимания – городской колдун, жизнь которого, кажется, проходит не на виду в современном городе. Замечают его только пьяницы, что кланчат деньги. Свои последние волшебные чары-силы он тратит на смену цифры на номера машины на единицу «Колдун приплющивает выцветшие глаза. Нет, лучше сидеть под ласковым солнышком на облупленной скамейке и чувствовать себя живым... К соседнему подъезду снова подъезжает иномарка. Старик медленно переводит взор на выстроившиеся по обочине дороги машины. Мразь... Колдун с бессильной злобой и бесконечной тоской смотрит на номерную табличку ближайшей машины: “МИГ 99-99”. Девяносто девять – девяносто девять... Номер недостаточности. Колдуну до безумия хочется прибавить к нему единицу» [9, с.252]. С изменением одной цифры по принципу домино запускается цепь изменений. Одна цифра, одно движение способно запустить целый механизм трансформаций, менять ход истории. «Ну что бы от этого изменилось в мире? Проклятый мир... Проклятый двор... Проклятая машина... Проклятый номер... Как будто кто-то не прикрыл дверь, и из узкой щели бьет отвратительный ледяной сквозняк, и берedit, и не дает отдохнуть... И колдун решается. Усилие воли незначительное... И вот черные девятки блестящими жирными пиявками распрямляются, смыкают головы с хвостами... Первая сжимается, сокращается... На

аккуратной табличке – торжественное и совершенное 10-00. Но сила, сошедшая от колдуна, застоявшаяся, темная, неугомонная сила, не может сконцентрироваться и завершиться в одной – этой – точке... Как круги от брошенного в воду камня, расходится она по миру и – к цифрам номеров всех автомобилей в мире добавляется единица... Всего лишь единица... И всего лишь на номерах автомобилей» [9, с.252]. Этот, кажется, небольшой поступок запускает целый механизм сдвигов, провоцируя панику в городе. В произведении утверждается о том, что мир состоит из единиц, жизнь каждого человека связана с другими жизнями и порядком в мире.

В фантастическом рассказе Раисы Боровиковой «Око Вселенной» отражено присутствие одновременно реального и мистического начал в жизни белорусской семьи, где сестра искренне желает выздоровления от смертельной болезни своему брату. Если уж ни лекарства, ни врачи не оставляют надежды на жизнь, искренняя молитва героини произведения Лины в церкви перед иконой Богородицы становится спасительной. Чудо происходит, и брат сообщает ей, что медики ошиблись и он здоров. Символический образ ока Вселенной в произведении – надежда на спасение, вера в чудо. Образ огромного ока, мистического явления, дважды присутствует в канве повествования, его наблюдает героиня произведения Лина в моменты отчаяния и желания помочь близкому человеку. В первом случае мистическую окраску тайны и чего-то возвышенного, необычайного ему придает момент преобразования звезды в живой глаз, который будто входит в картину с нарисованным пейзажем на стене: «В проем распахнутых балконных дверей увидела звездочку. Звездочка влилась в комнату... “А это что еще за чудо?” – подумала она. <...> А звездочка двигалась, двигалась... Вот она подплыла к картине, висевшей на стене напротив кровати, на мгновение остановилась, будто ее заинтересовал изображенный на холсте хутор: изба, крытая соломой, и кладка через небольшой ручей... потом звездочка вспыхнула, стала более яркой и вошла в картину. И сразу же стал исчезать тот хутор... на холсте появилось Око, самое настоящее ясно-голубое око с блестящим черным зрачком. Око заполнило собой всю картину и было живым. Живой глаз. Она чувствовала на себе взгляд. Озноб пошел по коже» [9, с.63]. В обеих сценах произведения при изображении образа живого ока используется эпитет «ясно-голубое», что подчеркивает его сакральную окраску, в финале повествования эпитеты со значением усталости создают впечатление повседневности, приближая этот объект к земным человеческим беспокойствам: «Потом Лина долго гадала: сон это был или что-то другое? <...> Темнота начала рассеиваться, освещаться, она повела взглядом в сторону и увидела око, огромное, ясно-голубое с темной пуговицей-зрачком. Глаз поднимался вверх и вверх, и ей он виделся утомленным, отяжелевшим... “Это же надо, сколько всего насмотрелась! Как трудно лететь ему, будто вобрало в себя все то, чем живет человечество на Земле, чем полнится жизнь человеческая: все страдания, вся боль, любовь и ненависть, напасть и обман, милосердие, жестокость и ярость, алчность, вождение, двуличие, отчаяние и хитрость, бедность и богатство, праведность и неправедность... Куда оно все это несет, кому обо всем расскажет, какая она, жизнь земная? На чей суд вынесет дела и поступки каждого,

кто проходит свой земной путь?» Так думалось ей, а глаз все поднимался и поднимался, все выше и выше, куда не проникает разум человеческий, и проникнет ли?» [9, с.63]. Мистические представления в произведении направляют к рассуждениям о ценности человеческой жизни и присутствию в нем искушения и пороков, при этом неистребимой в целительной для души остается вера в спасение.

На 1990-2020-е гг. приходится расцвет таланта Андрея Федоренко, в художественной копилке которого произведения различных эпических форм, многогранных по своей тематике. Это романы «Жетон на метро», «Межа», «Ревизия»; повести «Деревня», «Дикий луг», «Дядя Адольф», «С корзинкой, или История ненаписанной повести», Ксю», «Ничьи», «Цепь», «Об одном писателе», «Солдат», «Синие цветы», «Тиша», «Щербатый талер»; рассказы «Одноклассник», «Гая», «Тупик». Действие в повести «Цепь» происходит во времена так называемого падения железного занавеса, за которым многим людям представлялась счастливая, комфортная жизнь, «земной рай», на пути к которому человек может поступиться своими принципами и морально-этическими нормами, ведь впереди «розовое будущее» – глянцево-представление об аккуратном домике с красной черепицей крыши, беззаботная комфортная жизнь, тихий вечер и люди, умеющие радостно смеяться. Хирург Евгений Винярский и сам внешне был похож на модель из гламурного журнала. За внешней стороной красивой жизни стоит цепь алчных поступков: он решается украсть деньги коллеги Стельмаха, который держит на работе нужную для операции своей дочери сумму, и тем самым поступиться моральными ценностями ради мечты покинуть Родину.

Писатель внимательно всматривается в современную жизнь, моделирует ее довольно детально и эмоционально. Вместе с тем автор считает целесообразным показать момент так называемого «перерождения», пробуждения в человеке высоких моральных ценностей, или точку, после которой начинается его падение. После воровства денег у коллеги эмоции и переживания захлестывают главного персонажа, но вернуть украденную сумму он не успевает, так как Стельмах умирает. Дальнейшие переживания героя, ощущение себя убийцей и желание смыть с себя вину через помощь другим – аллюзия на образ Раскольникова из романа Ф.Достоевского «Преступление и наказание». Один поступок влечет за собой цепь событий, влияющих как на собственную жизнь героя произведения, так и других людей.

Исследуя психологию человека-современника, А.Федоренко в художественном отражении действительности произведений различных эпических форм ищет тот момент, ту ситуацию-развилку, когда персонаж становится или на путь своего совершенствования (повести «Деревня», «Цепь»), или попадает в кризисную ситуацию, когда каждый последующий шаг лишь усугубляет его положение. Акциональный код – игра в шахматы – позволяет метко показать историю такого падения. В рассказе «Цугцванг» (цугцванг – ситуация в шахматной игре, при которой соперник вынужден делать невыгодный для себя ход), как раз и показаны закономерности, происходящие в человеческой жизни, и от выбранной стратегии защиты, просчета ходов оппонента и других факторов зависит результат.

Повесть «Деревня», романы «Ревизия», «Межа» и ряд других произведений А.Федоренко можно отнести к числу жизнеописаний писателя, отражающих убеждения, взгляды, отношение по ряду вопросов при отражении действительности. Образ интеллигента, патриота представлен в романе «Ревизия», в котором используется художественный прием – роман в романе. Главный герой произведения Алесь Труханович показан в двух ипостасях. Это студент, который неистово окунается в атмосферу литературной бурлящей жизни периода девяностых годов прошлого столетия, и красноармеец, возвращающийся в деревню во времена 1920-х гг. В произведении затрагиваются проблемы жизни и смерти, выбора исторического пути.

Художественный мир романа «Межа» А.Федоренко основывается на воспоминаниях, оценках, переживаниях самого автора, в произведениях превалирует субъективно-рефлексивное начало, когда основу сюжета составляют внутренние рассуждения, самовыражения авторского «я». Межа как пограничное состояние в романе А.Федоренко – условная временная единица, когда литературный герой пытается оглянуться на предыдущий жизненный путь, это время размышления, подведения итогов, осмысления выбора своего жизненного пути, литературной судьбы.

В художественной системе А.Федоренко важным является найти точку, после которой герой имеет возможность встать на путь очищения («Деревня», «Цепь»), момент переосмысления ради совершения своего выбора в дальнейшем. Налицо стратегия вызревания критических точек и определения наличия или отсутствия так называемого иммунитета к критическим ситуациям. Она направлена на показ обстоятельств, приводящих героя или к трагическому падению, или ко взлету. Писатель не удовлетворяется просто анамнезом, прозаик-психолог старается добраться до осмысления истоков явлений, пристально всматривается в сдвиги человеческой души. Исследователи отмечают: «Повести и романы «История болезни», «Смута», «Такое короткое лето», «Цепь», «Деревня», «Солдат», «Цугцванг», «Ничьи», «Ревизия», «Межа» свидетельствуют, что в белорусскую прозу пришла оригинальная творческая личность – со своим видением мира и человека, со своей творческой манерой, крепким деревенским характером. <...> Определяющим в творчестве А.Федоренко является национальный белорусский элемент. Жесткий реалист и сторонник русской классики в утверждении высоких нравственных ценностей, писатель внимательно всматривается в современную жизнь, пытаясь найти в ней позитивные истоки самостояния человека в кризисных условиях современности. Поэтому с таким упорством он стремится найти в сегодняшней действительности, в прошлом, в самом человеке светлое начало, выделить и утвердить его. Созерцательность, как определяющий элемент внимательного и глубинного взгляда на человека и мир становится основным творческим способом мышления и творческой реализации автора» [10, с.608].

Таким образом, в тематической палитре современной белорусской литературы – темы поиска исторического пути белорусской государственности, переосмысления событий советского времени, озвучивания остросовременных вопросов общественно-политического и социально-экономического развития суве-

ренной страны, постижения христианских основ морально-этических ценностей населения Беларуси. В белорусской словесности отмечается активное освоение новых тем: фантастическое и фэнтезийное осмысление действительности, обращение к глобальным экологическим темам и т.д.

Заключение. Рубеж XX-XXI вв. – отличительный период в развитии белорусского литературного эпоса. Крупные эпические формы представлены романами, в которых отражена тема военного прошлого («Возвращение к вине», «Не все мы сгинем» И.Чигринова; «Война» В.Гниломедова), Чернобыльской аварии и ее последствий («Полынный ветер» Л.Леонovichа; «Злая звезда» И.Шамякина), исторического прошлого («Меч князя Вячки», «След волколака», «Железные желуди» Л.Дайнеко; «Великая княгиня» И.Шамякина; «Храм без бога» В.Чаропко; «Зубревичская сага» Я.Сипакова; «Глеб Минский» Я.Конева), затрагиваются вопросы социальных трансформаций и морально-этических проблем («Юргон», «Открытка» А.Козлова; «По вере вашей...» В.Гавриловича), переосмысления политических событий довоенного периода советского государства («Западники» Г.Далидовича; «Васильки на меже» В. Гниломедова).

Повести в белорусской литературе 1991-2020-х гг. характеризуются значительным тематическим и стилевым развитием, представлены в творчестве А.Осипенко, А.Браво, А.Козлова, И.Науменко, И.Саверченко, Ю.Станкевича, К.Тарасова, А.Федоренко и др. В современной повести возрастает роль фантастического и мистического начала (А.Козлов, Л.Рублевская, Ю.Станкевич, А.Федоренко, В.Чаропко), символичности и аллегоричности (И.Шамякин, А.Наварич, И.Саверченко).

Большой корпус художественных произведений современной белорусской литературы составляют малые эпические произведения В.Адамчика, А.Жука, Я.Сипакова, Б.Саченко, М.Стрельцова и других писателей; в этот период стали довольно распространенными малые жанровые формы, которые и ранее существовали в белорусской литературе: притчи («Клетка», «Пожар», «Свой всему», «Домовичок» Я.Сипакова), новеллы («Пион», «Два часа», «Июльской ночью», «Красный мячик», «Штурман» В.Степана) и др.

В художественной литературе рубежа XX-XXI вв. представлены произведения разных писательских поколений на историческую тему. Фигуры известных деятелей давней белорусской истории, знаменитых участников значимых событий XIX – начала XX вв., борцов за победу в годы Великой Отечественной войны, известных личностей современников привлекают внимание поэтов, прозаиков, драматургов, публицистов в миллениумную эпоху. Использование больших эпических форм позволяет панорамно отразить историческую действительность. В это время продолжает работать над циклом романов И.Чигринов, В.Гниломедов создает окталогию, акцентируя в ней внимание на влиянии ключевых событий XX в. на судьбу белорусов. Историческая проза пополняется произведениями Л.Дайнеко, А.Наварича, И.Саверченко, К.Тарасова и др. Одна из важных задач, которая строит перед творцами, – создание пантеона героев, определение ключевых точек в формировании идеи суверенитета, проецирование в со-

знании современника событий и фигур – свидетелей глубинных истоков исторического пути к государственной независимости.

Литература

1. Бельский А.И. Современная белорусская литература. Становление и развитие творческих индивидуальностей (80-90-е гг.). – Минск: Народное просвещение, 1997. – 254 с. (на белорус. яз.)
2. Бугаев Д. Исповедальное слово: литературная критика, воспоминания. – Минск: Худ. лит-а, 2001. – 324 с. (на белорус. яз.)
3. Василевич А.А. Проблема мифологизма в современной белорусской литературе: на материале прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08 / Василевич А.А.; НАН Беларуси. – Минск, 2005. – 22 с. (на белорус. яз.)
4. Гниломедов В. Правда живет посередине. – Минск: Белорусская наука, 2022. – 773с. (на белорус. яз.)
5. Гниломедов В. Улисс из Пруски. – Минск: Худ. лит-ра, 2006. – 380 с. (на белорус. яз.)
6. Городницкий Е.А. Белорусская литература второй половины XX в. (авторы, жанры, стили). – Минск: Белорусская наука, 2022. – 229 с. (на белорус. яз.)
7. Курипка Н.О. Героический и трагический модусы художественности в современном романе о Второй мировой войне в английской и белорусской литературах (кон. XX – нач. XXI ст.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03; 10.01.01 / Курипка Николай Олегович. – Минск, 2022. – 26с. (на белорус. яз.)
8. Лоқун В. Белорусская проза XXI века и постмодернизм // Нёман. – 2009. – №3. – С.138-149.
9. Планета в подарок: фантастика / сост. и вступ. статья А.Карлюкевич. – Минск: Аверсэв, 2024. – 350 с. (на белорус. яз.)
10. Республика Беларусь – 25 лет созидания и свершений: в 7 т. Т.7. Культура. Изобразительное и декоративно-прикладное искусство. Театр. Экранные искусства. Музыкальное искусство. Литература. Музеи. Любительское художественное творчество / редсовет: В.И.Адрейченко. – Минск: Беларуская наука, 2020. – 785 с.
11. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Травелог: теоретико-методологический анализ / Ин-т философии и права Уральского отд. Российской акад. Наук. – Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2021. – 265с.
12. С росных тропинок: автобиографии писателей Беларуси. – Минск: Литература и искусство, 2009. – 464 с. (на белорус. яз.)
13. Синькова Л. Белорусская литература XI-XXI веков: становление и эволюция жанров // Журнал Белорусского государственного университета. – 2024. – №3. – С.31-36 (на белорус. яз.)
14. Синькова Л. Между текстом и дискурсом: белорусская литература XX-XXI вв.: история, компаративистика и критика (литературная критика, статьи, беседы). – Минск: Паркус плюс, 2013. – 292 с. (на белорус. яз.)
15. Станкевич Ю. Оплодотворение олуха. – Минск: Учит. газ., 2005. – 560 с. (на белорус. яз.)
16. Фисенко О.С. Репрезентация концепта «семья» в языковом сознании Василия Васильевича Розанова как представителя нового религиозного сознания конца XIX – начала XX веков / О.С.Фисенко, Л.В.Адонина, Ш.Б.Рахимова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2024. – №1(83). – С.178-191.

**THE LITERARY EPOS OF BELARUS DURING THE PERIOD OF
THE REPUBLIC'S SOVEREIGNTY: THEMATIC ORIGINALITY**

Duktova Liubov Georgijevna

Candidate of philological sciences, associate professor
senior researcher of the chair of Belarusian literature
of the 20th and 21st centuries
State scientific institution "Center for research
of Belarusian culture, language and literature
of the National academy of sciences of Belarus"
220072, Republic of Belarus, Minsk, Surganov str. 1, building 2
Ph.: +375 (29) 746 97 77
duktova.liubou7@gmail.com

Sharapava Elena Vasiljevna

Senior lecturer of the chair of humanities
Inter-state educational institution of higher education
"Belarusian-Russian university"
212000, Republic of Belarus, Mogilev, Mir ave., 43
Ph.: +375 (29) 746 92 21
elenasharapova@tut.by

The thematic palette of the Belarusian literary epic of the 1990-2020s is quite diverse; it is characterized by the preservation of the traditions of national literature in covering issues of the ancient past, the pages of history of the Great Patriotic War, moral and ethical aspects, as well as consideration of environmental issues (the consequences of the Chernobyl disaster) and socio-economic issues (the crisis situation during the collapse of the USSR). It is noted that the epic works of Belarusian prose writers at the turn of the 20th – 21st centuries are represented by the genres of a historical novel ("The Sword of Prince Vjachka" by L.Daineko, "Ulysses from Pruska", "Cornflowers on the Border" by V.Gnilomedov), a social novel ("The Truth Lives in the Middle" by V.Gnilomedov, "Jurgon" by A.Kozlov), a socio-psychological novel ("The Only Shade of Gray", "Postcard", "Volunteer" by A.Kozlov, "Medical History" by A.Fedorenko), an adventure novel ("The Adventures of Prantish Vyrvich, Scholar and Spy", "The Adventures of Studiosus Vyrvich", "The Adventures of Dragoon Prantish Vyrvich", "The Adventures of Prantish Vyrvich, the Mensk Leader" by L.Rublevskaya), a military novel ("The Voice of Your Brother's Blood" by V.Adamchik, "Return to Guilt", "Not all of us will perish" by I.Chigrinova, "War" by V.Gnilomedov), a historical novel ("Throne" by I.Saverchenko), novellas ("Unit" by L.Rublevskaya) and others.

Keywords: national literature; epic works; Belarusian literature; prose; contemporary literature; novel; theme.

ЭПОСИ АДАБИИ БЕЛАРУС ДАР ДАВРАИ СОҲИБИХТИЁРӢ: ХУСУСИЯТИ МАВЗӢ

Дуктова Любовь Георгиевна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
ходими калони илмӣ шуъбаи адабиёти беларусии асрҳои XX ва XXI
Муассисаи давлатии илмӣ
«Маркази тадқиқоти фарҳанг, забон ва адабиёти беларусии
Академияи миллии илмҳои Беларус»
220072, Ҷумҳурии Беларус, Минск, кӯч. Сурганов, 1, корп. 2
Тел.: +375 (29) 746 97 77
duktova.liubou7@gmail.com

Шарапова Елена Васильевна

Устои калони кафедраи фанҳои гуманитарӣ
Муассисаи давлатии таҳсилоти олии байнидавлатӣ
«Донишгоҳи Беларусу Россия»
212000, Ҷумҳурии Беларус, Могилёв, гузаргоҳи Мир, 43
Тел.: +375 (29) 746 92 21
elenasharapova@tut.by

Мавзӯҳои асосии эпоси адабии беларус дар давраи соҳибхитӣ ҷумҳурӣ (солҳои 1990-2020) хеле ғуноғунанд ва идомаи суннатҳои миллии адабиётро дар инъикоси саҳифаҳои таърих, рӯйдодҳои давраи Ҷанги Бузурги Ватанӣ, масъалаҳои ахлоқӣ ва маънавӣ нишон медиҳанд. Дар айни замон, дар осори ин давра ҳам масъалаҳои экологӣ (оқибатҳои фочеаи Чернобил), ҳам иҷтимоию иқтисодӣ (бӯҳрони давраи пошхӯрии Иттиҳоди Шӯравӣ) ва дигар мавзӯҳои муҳими ҳаёти мавриди таҳлил қарор гирифтаанд. Дар асарҳои насри муосири беларусӣ дар марҳилаи гузариш аз асри XX ба XXI ҷанрҳои ғуноғун ба назар мерасанд. Аз ҷумла, романҳои таърихӣ чун «Шамшери княз Вячка» (Л.Дайнеко), «Юлисс аз Пруск», «Ғули василек дар сарҳад» (В.Гниломёдов); романҳои иҷтимоиву рӯзгорӣ («Ҳақиқат дар миёна аст» В.Гниломёдов, «Юргон» А.Козлов); романҳои иҷтимоиву равоӣ («Ягона сояи хокистарӣ», «Кортпостал», «Некхоҳ» А.Козлов, «Таърихи беморӣ» А.Фёдоренко); романҳои саёхативу саргузаштӣ («Саргузашти Прантиш Вирвич, шогирд ва ҷосус», «Саргузашти донишҷӯи Вирвич», «Саргузашти драгуни Прантиш Вирвич», «Саргузашти Прантиш Вирвич, маршалки Минск» Л.Рублёвская); романҳои ҷангӣ («Овози хуни бародари ту» В.Адамчик, «Бозгашт ба ғунаҳкорӣ», «Ҳамаи мо аз байн намеравем» И.Чигринов, «Ҷанг» В.Гниломёдов); повестҳои таърихӣ («Тахт» И.Саверченко) ва новеллаҳо («Воҳид» Л.Рублёвская) нақши муҳим доранд.

Ҳамин тавр, адабиёти насри Беларус дар давраи соҳибхитӣ идомаи мантиқии анъанаҳои миллии буда, дар баробари он бо рангҳои нави мавзӯӣ ва равишҳои иҷтимоиву ахлоқӣ ғани гардидааст.

Калидвожаҳо: адабиёти миллии; асарҳои эпикӣ; адабиёти беларусӣ; наср; адабиёти муосир; роман; мавзӯ.

УДК 811.112

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ СИМВОЛ *ЛЕС* В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ 2024 ГОДА**

Гусаров Дмитрий Александрович

Доцент кафедры немецкого языка
Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76
Тел.: +7 495 229 40 49
d.gusarov@my.mgimo.ru

Доцент кафедры русского языка №1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, доб.1586
gusarov_da@pfur.ru

Пшеничникова Ангелина Юрьевна

Ассистент кафедры русского языка № 1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, доб.1586
angelina82@mail.ru

Мельникова Елена Николаевна

Старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин
Белорусско-Российский университет
212000, Республика Беларусь, Могилев, пр. Мира, 43
elnikmel@gmail.com

Статья посвящена исследованию леса как лингвокультурного символа, обладающего глубокой аксиологической и семантической значимостью. Актуальность работы обусловлена необходимостью осмысления роли природных объектов в формировании культурных кодов, ценностей и поведенческих моделей. Цель исследования – выявить основные семантические и функциональные аспекты леса в различных художественных контекстах, а также определить его

влияние на восприятие человеком действительности и его поведение. Новизна работы заключается в комплексном анализе леса как лингвокультурного феномена на материале современных немецкоязычных текстов – произведений из длинного списка Немецкой книжной премии 2024 года. В результате исследования выделены ключевые аспекты символа *лес*: его сакральная и мифологическая роль, экзистенциальное значение, экономическая и экологическая функции, а также метафорическое использование в художественных дискурсах. Показано, что *лес* выступает как многогранный символ, объединяющий природное и культурное, опасное и спасительное. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что *лес* остается важным элементом человеческого мировосприятия, отражающим глубинные связи между человеком, природой и социумом. Исследование вносит вклад в понимание лингвокультурных механизмов формирования ценностных ориентиров и поведенческих стратегий.

Ключевые слова: лес; лингвокультурный символ; аксиология; ценность; художественный текст; дискурс; концепт.

Введение. *Лес* как лингвокультурный феномен является объектом пристального научного изучения. В частности, подчеркивается, что лес может приобретать символическое значение, обусловленное историческими событиями. Например, Аденский лес, согласно исследованию Н.С.Ищенко, – это «символ двух мировых войн, разрушивших миф о прогрессе, который несет всем народам земли европейская цивилизация» [1, с.22]. В некоторых культурах лес является частью религиозного культа. В частности, в мировоззрении этнической группы Со Ту (одно из этнических меньшинств Вьетнама) «деревья олицетворяются как боги», а «леса считаются священными местами» [26, с.152]. Образ леса активно используется и в поэзии. Так, в творчестве В.Ф.Ходасевича «путешествие через лес становится метафорой отъезда из России в Европу» [9, с.86]. Кроме того, в поэтических текстах образ леса становится составляющей метафорических моделей и «репрезентируется как помощник, носитель сакральных знаний», а также «как некий целитель эмоциональных состояний человека» [4, с.37]. В текстах сказочного жанра, по мнению К.З.Островской, «лес всегда сохраняет оттенок опасности, выражая непостижимый характер сакрального» [5, с.3]. Лес в сказке «представляет собой границу между обыденным миром, который герой покинул, и сакральным центром, к которому герой стремится» [6, с.113]. Свойственная образу леса сакральность позволяет ему выступать в художественных текстах в качестве мифологемы для «манифестации гуманистических идей, торжества добра, света, справедливости» [7, с.146].

В данном исследовании концепт *лес* рассматривается как лингвокультурный символ. Концепты как «наименьшие единицы языковой картины мира» [8, с.194] представляют собой «единицы концептуальной системы, связанные с языковыми выражениями, содержащими информацию о мире» [8, с.195]. По мнению В.И.Карасика, лингвокультурные символы – это образы «с высокой ценностной значимостью», которые становятся «центрами притяжения для разных концептов, норм поведения, жизненных установок, объединяющих всех носителей определенной культуры» [2, с.215]. Ценности же представляют собой высшие ориентиры поведения [3, с.184].

Цель настоящего исследования заключается в выявлении основных семантических и функциональных аспектов леса как лингвокультурного символа, а также в определении влияния данного символа на восприятие и поведение человека. Для достижения этой цели применяется метод лингвокультурного анализа, который включает в себя изучение контекстов употребления лексем, связанных с лесом, и их интерпретацию в рамках культурных и аксиологических парадигм.

Материалы и результаты исследования. Для выявления образно-перцептивных признаков концепта *лес*, отражающих его аксиологическое содержание как лингвокультурного символа, мы обратимся к текстам художественных произведений, вошедших в длинный список Немецкой книжной премии в 2024 году. Проведенный анализ позволил нам объединить текстовые фрагменты в следующие группы, соответствующие отдельным аксиологическим моделям.

Лес – это природный объект, который вызывает особые чувства своими размерами, возрастом, сложностью организации. Отдельные деревья, как уникальные явления, поражающие воображение человека, получают имена выдающихся личностей. По сравнению с лесом человек мал, а история человечества коротка и быстротечна. Лес воспринимается как дом, дающий защиту. Человек стремится к единению с ним:

1. In Utah lebt der Pando, ein eigentümlicher Baum, **er besteht aus 47.000 Stämmen, ist vor rund 80.000 Jahren gekeimt...** [11] / В Юте живет Пандо, уникальное дерево, оно **состоит из 47000 стволов и зародилось 80000 лет назад...**

2. Und nun der **General Sherman Tree, der voluminöseste Baum weltweit**, mit einer Geschichte, die amerikanischer kaum sein könnte, denn einst **nannten ihn Utopisten Karl Marx Tree**, ein Name, der wegradiert werden musste, weil Karl Marx hierzulande des Teufels ist, jetzt **ist er nach einem Bürgerkriegsgeneral benannt**. Und dieser **Mammutbaum**, der **dreitausend Jahre** lang namenlos blieb, bevor die **Menschen aus ihm ein Symbol für dieses oder jenes machten**, wächst...im Sequoia National Park, **84 Meter ist er hoch**. Der erste Besuch bei ihm abends kurz vor Sonnenuntergang, ein **Schockmoment, er ist noch größer als erwartet: ein Koloss** [11] / А теперь **Генерал Шерман, самое объемное дерево в мире**, с историей, которая едва ли может быть более американской: когда-то утописты **назвали его деревом Карла Маркса**, именем, которое пришлось стереть, поскольку Карл Маркс считается здесь дьяволом. Теперь **оно названо в честь генерала гражданской войны**. И это **исполинское дерево, остававшееся безымянным три тысячи лет**, пока люди не сделали его символом того или иного,...растет в национальном парке Секвойя. **Высота дерева 84 метра**. Его первое посещение вечером перед закатом было **шоком**. Оно **еще больше, чем ожидаешь: колосс**.

3. [**Mammutbäume**] stehen in Gruppen herum, alles nahe Verwandte, weil **die Samen zu schwer** für weite Reisen sind. Verwandte, die **hundert, tausend, zweitausend oder auch dreitausend Jahre alt sind** [11] / [**Исполинские деревья**] стоят группами, все близкие родственники, поскольку **семена слишком тяжелые** для

далеких путешествий. Родственники, которым **сто, тысяча, две или даже три тысячи лет**.

4. Ein junger Mann kommt den Berg hinabgestolpert, mit geschultertem Schlafsack..., er hat **zwischen diesen uralten Bäumen gecampt**, er ist zu beneiden. **Wie herrlich muss es sein, am Fuß dieser Bäume zu schlafen, wie herrlich muss es sein, in diesen Wäldern zu leben?...** Wie klein fühlt man sich zwischen all diesen Bäumen und wie geschützt. Der Wald nimmt Besitz von deinem Körper, du wirst zu einem Teil von ihm. Teil eines Mammutbaumwaldes sein, das wäre was, verloren gehen in ihm [11] / Какой-то молодой человек спускается с горы, за плечами у него спальный мешок..., он **разбивал лагерь среди этих древних деревьев**. Ему можно позавидовать. **Как должно быть прекрасно спать у подножья этих деревьев, как должно быть прекрасно жить в этих лесах!...** Насколько маленьким чувствуешь себя среди всех этих деревьев и насколько защищенным. Лес овладевает твоим телом, ты становишься его частью. Стать частью леса исполинских деревьев, раствориться в нем – это было бы нечто.

5. ...eine Geschichte über eine Frau, die nach einer verheerenden Sturmkatastrophe **in einem Baumhaus im Wald lebte** [13] / ...история про женщину, которая после ужасного урагана **жила в лесу в доме на дереве**.

6. Sein Zimmer ging hinaus zum Balkon, vor dem eine große, alte Fichte stand. Man hatte das Gefühl, **mitte im Wald zu wohnen** [13] / Его комната заканчивалась балконом, перед которым стояла большая старая сосна. Было такое чувство, будто **живешь посреди леса**.

7. Vom Hochsitz aus hatte ich am Morgen gesehen, dass in etwa hundert Metern Entfernung der **Wald** begann, und wenn ich nur lange genug in eine Richtung ging, könnte ich **dort Schutz finden**... [14] / Утром с охотничьей вышки я увидел, что примерно через сто метров начинался **лес**, и если я достаточно долго буду идти в ту сторону, я **найду там защиту**...

В то же время лес таит в себе опасность: человек здесь может погибнуть в результате совершения преступления, вследствие погодных условий или несчастного случая:

8. Wir sehen die Birke, sie liegt nicht auf dem Weg, ist im Wald drin umgefallen..., wir haben alle Glück gehabt, **jemand hätte erschlagen werden können**... Wir sprechen über Ödön von Horváth, der **während eines heftigen Gewitters auf den Champs-Élysées von einem abgebrochenen Ast erschlagen wurde**... Auf dem Rückweg fallen all die Birkenstümpfe ins Auge, die im Wald herumstehen... Es hätte so viele Möglichkeiten gegeben, **durch eine altersschwache Birke zu Tode zu kommen** [11]. / Мы увидели березу, она лежала не на дороге, а упала в сторону леса... Нам всем повезло, кого-то могло убить. Мы заговорили об Эдёне фон Хорвате, которого **убило обломившимся суком во время сильной грозы на Елисейских полях**. На обратном пути внимание привлекают березовые стволы, стоящие в лесу... Столько было бы возможностей **погибнуть от дряхлой березы**.

9. Zum Unterricht musste sie **mit dem Fahrrad durch den Wald ins Dorf runterfahren**. Immer wieder erzählte sie: Dann kam einer und hat **mich vom Velo gerissen**. So hörte die Geschichte jedes Mal auf. Ich hätte nie gewagt zu fragen: Und dann? **Vergewaltigung** ist ein großes Tabu, sagt Isadora [11] / На уроки ей нужно было **ехать на велосипеде через лес в деревню**. Она постоянно рассказывала: и тут ко мне кто-то подошел и **сдернул меня с велосипеда**. На этом история каждый раз заканчивалась. Я бы никогда не отважился спросить, что было дальше. «**Изнасилование** – это табу», – сказала Изадора.

10. 275 Schülerinnen... wurden mitten in der Nacht von angeblichen Sicherheitskräften in Lkws vom Schulgelände gebracht und **in die Wälder entlang der Grenze zu Kamerun verschleppt** [13] / Среди ночи люди, выдававшие себя за сотрудников службы безопасности, погрузили 275 школьниц на грузовики и **насильно увезли их в леса вдоль границы с Камеруном**.

11. Mit einer schmalen Bergbahn fuhr ich an **bewaldeten Hängen** entlang auf Domodossola zu. **Das satte Grün** wirkte **beruhigend**, ...dabei wusste ich ja, dass **auch diese Bäume genügten, um jemanden daran aufzuhängen** [10] / По узкоколейной горной железной дороге я ехала в Домодоссоло вдоль **покрытых лесом склонов**. **Густая зелень успокаивала**... При этом я знала, что даже этих **деревьев было бы достаточно, чтобы кого-нибудь на них повесить**.

12. ...wären die Zeiten besser gewesen, wären es vielleicht auch die Menschen, sie wären nicht durch Pensionsflure gezogen und hätten andere Menschen aus ihren Zimmern gezerrt, um sie **im Wald zu ermorden**... [10] / ... были бы времена лучше, может, и люди были бы лучше. Они бы не ходили по коридорам пансионата и не вытаскивали других людей из их комнат, чтобы **убить их в лесу**...

13. ...und plötzlich zieht Nadja mich am Handgelenk, **denn wir stehen mitten auf der Straße in diesem heiteren bunten Wald, und ein elektrischer SUV kommt lautlos angerauscht**... [23] / Неожиданно Надя тащит меня за запястье, потому что **мы стоим посреди дороги в этом радостном пестром лесу, а электромобиль бесшумно подъезжает**...

Опасность предполагает приключения: странствие по лесу, в том числе с использованием средств маскировки, борьбу с врагами, бегство от опасности:

14. Ich habe zehn Staffeln gesehen: Nach einer Zombieapokalypse **ziehen die Überlebenden durch die Wälder Amerikas** und versuchen, die Gesellschaft neu aufzubauen, während sie **gegen die bluthungrigen Zombies kämpfen** müssen [22] / Я посмотрела десять сезонов: после зомби-апокалипсиса выжившие **скитаются по лесам Америки** и пытаются заново построить общество, при этом им приходится **сражаться с кровожадными зомби**.

15. Die ganze Familie kann **sich tarnen, unbemerkt durch die Wälder ziehen und aus dem Hinterhalt attackieren** [22] / Целая семья может **замаскироваться, незаметно бродить по лесам и нападать из засады**.

16. Er habe gedacht, **er bleibe die Nacht über im Wald sitzen**, am Morgen **gehe er los**. Egal, in welche Richtung er ginge, **irgendwann würde er irgendwo auf eine Straße treffen oder auf einen Schienenstrang**. Schließlich war er in der Bundesrepublik Deutschland und nicht im **Urwald der Demokratischen Republik Kam-**

puchea [15] / Он подумал, что **ночь пересидит в лесу, а утром пойдет**. Все равно в каком направлении. Когда-нибудь он **наткнется на шоссе или железную дорогу**. В конце концов, он был в Федеративной Республике Германия, а не в **девственном лесу** Демократической Республики Кампучия.

Поскольку дети любят приключения, то отправляются в лес, часто без ведома взрослых:

17. Im Sommer haben wir **Nachtwanderungen durch den Wald gemacht. Heimlich**, meine Eltern haben davon nie etwas erfahren [14] / Летом мы **совершали ночные прогулки по лесу. Тайно**, мои родители никогда об этом не узнали.

18. Ich sah **unsere gemeinsame Geschichte** plötzlich wieder in Jespers Augen, ich sah den heranwachsenden Jungen, mit dem ich **durch die Wälder getobt war**, der mich **auf seinem Rücken kilometerweit getragen hatte**, mit dem ich **Feuer gemacht hatte, immer größere, gefährlichere Feuer**, mit dem mich so viele **intensive Erinnerungen** verbanden [14] / В глазах Еспера я вдруг снова увидел **наши с ним истории**. Я увидела подросткового мальчика, с которым мы **с шумом носились по лесам**, который **несколько километров нес меня на спине**, с которым мы **разводили костры, все более большие и опасные**, с которым меня связывало так много **ярких воспоминаний**.

19. Ich vermisste alles, nichts konnte mein altes Leben ersetzen. **Ich vermisste die anderen Kinder, den Wald, unsere Hütten in toten Bäumen** [25] / Я скучал по всему, ничто не могло заменить мою прежнюю жизнь. Я скучал по другим детям, по лесу, **нашим хижинам в мертвых деревьях**.

20. Als Kind hat er alle **Knochenstücke und Geweihreste aufgehoben, die er auf Streifzügen im Wald** oder auf der Heide gefunden hatte... [24] / Ребенком он собирал остатки костей и сброшенных рогов, которые он находил во время **прогулок в лесу** или на пустоши...

В непосредственной близости от леса располагается жилище людей:

21. Die Gewitterzelle **driftet fort, über die schmucklosen Siebzigerjahrebauten am Rande des Waldes**... [24] / Грозовая туча двинулась дальше, над незатейливыми строениями семидесятых годов на краю леса...

22. Waldstadt II heißt doch nicht umsonst so...das bedeutet doch, dass da, **wo jetzt die neuen Wohnhäuser stehen, früher Wald war, und da, wo keine Häuser stehen**, ist dann folglich was?... **da ist natürlich immer noch Wald, unberührter Wald** [17] / Лесной город II это не просто название. Это означает, что **там, где сейчас стоят новые дома, раньше был лес**. А там, где нет домов, следовательно, что? Там, конечно, **все еще лес, нетронутый лес**.

23. Sie sind nur eine große Runde durchs Wohngebiet gelaufen, weil **im Wald hinter den Häusern zu hoch Schnee lag** [17] / Они пробежали большой круг по жилому кварталу, потому что **в лесу за домами еще лежал снег**.

24. Ich ließ die Rauchschwaden hinter mir, **bis ich am Wald war, der unser Viertel säumt** [25] / Я оставляла за собой клубы пара, пока не оказалась у леса, **который окаймлял наш квартал**.

Близость к жилищу или иным строениям, используемым людьми, обеспечивает соответствующий вид из окна:

25. Den Türen gegenüber lagen **Fenster, durch die man auf einen Pinienwald blickte...**[12] / Напротив дверей находились **окна, через которые был виден сосновый лес.**

26. Ihr Krankenzimmer war hell, große **Fenster** gaben den **Blick auf ein Waldstück** und auf benachbarte Villen frei [10]. / Ее больничная палата была светлой, из больших окон **открывался вид на лес и соседние виллы.**

27. **Im Vorzimmer zu seiner Praxis blickte sie über das Wäldchen hinweg in den Sonnenaufgang,** der die zart gerippte Wolkendecke rosa anglühte [18] / **В прихожей своего кабинета он смотрела поверх леса на закат,** окрасивший в розовый нежные перьевые облака.

Лес приносит людям пользу в повседневной жизни: это источник материала для отопления и изготовления орудий труда; в лесу охотятся и даже откармливают животных:

28. Meine Schwestern stampfen den Mais..., **ich gehe in den Wald und suche Brennholz...** [12] / Мои сестры толокут кукурузу, а я **иду в лес за дровами.**

29. Wenn wir **einen Hebel hätten, eine Stange...** verschwand Matthias hinter den Büschen, **ging auf ein Bambuswäldchen zu...** Ich...sah, wie Matthias etwas aus seinem Werkzeuggürtel zog. Es war die kleine **Säge**, er **setzte sie...an einer Bambuspflanze an** und **brachte** so in kürzester Zeit... **Bambusstange für Bambusstange zu Fall** [12] / Если бы у нас был **рычаг, стержень.** Маттиас исчез за кустами и **подошел к бамбуковой роще.** Я видел, как он снял что-то со своего пояса. Это была маленькая **пила.** Он **поднес ее к бамбуковому дереву** и за короткое время **повалил один за одним несколько бамбуковых стержней.**

30. Ein Glas mit Elmer-Fudd-Aufdruck, das ist der **dämliche Jäger, der Bugs Bunny erfolglos mit der Schrotflinte durch die Wälder jagt** [22] / Стакан с рисунком Элмера Фадда. Это глупый **охотник,** который безуспешно **бегает с ружьем по лесам за кроликом Банни.**

31. Etwas **kam langsam aus dem Wald** und näherte sich...dem Haupthaus. Ich sah eine dunkle Gestalt, die **ein totes Tier hinter sich herzog...** [14] / Что-то медленно **вышло из леса** и приближалось к главному зданию. Я видел темную фигуру, которая **тащила за собой мертвое животное...**

32. Schweine wurden **in den Wald getrieben,** wahrscheinlich **zur Eichelmast** [12] / Свиней **загоняли в лес,** вероятно, для **откорма желудями.**

Поскольку лес приносит пользу, то он становится объектом политической борьбы:

33. Andererseits ist es ein Fehler zu unterschätzen, welche Strahlkraft die Forderungen der Bauern besessen haben, wie verheißungsvoll ihre Ziele gewesen sind. Aufhebung der Leibeigenschaft, ...**freie Jagd und freie Nutzung des Waldes...** [12] / С другой стороны, было бы ошибкой недооценивать, какой притягательной мощью обладали требования крестьян, насколько перспективными были их цели. Отмена крепостного права, **свободная охота и свободное пользование лесом...**

Лес – это имущество, которое становится объектом товарно-денежных отношений:

34. Als Dinesh in den Sechzigerjahren in Savarkars Alter gewesen war, hatte sein Vater **ein Stück Wald besessen und es verkauft**, um ihm davon die Schiffspassage nach Europa zu **finanzieren** [21] / Когда Динеш в шестидесятые годы был в возрасте Саваркара, его отец **владел участком леса и продал его, чтобы оплатить** ему билет на корабль до Европы.

Лес – это место работы:

35. Von seinem ersten **Geld, das er im Wald verdient hatte**, hatte er ihr Schuhe gekauft [27] / Со своих первых **денег, которые он заработал в лесу**, он купил ей туфли.

36. Ihre Vorfahren hatten schon im achtzehnten Jahrhundert... **Bäume gepflanzt, Wälder gelichtet, Baumstämme auf Flößen die Theiß entlanggeschifft**... [27] / Ее предки уже в восемнадцатом веке **сажали деревья, прореживали леса, сплавляли бревна** на плотах по Тисе...

Лес – это место для прогулок и пробежек, часто с домашними животными:

37. Nach einem starken Kaffee laufe ich **mit der Hündin...bis in den nächstgelegenen Wald**, dort bis an den kleinen Bach... [16] / После крепкого кофе я **бегу с собакой до ближайшего леса**, а там до маленького ручья...

38. Mutter war ins Tessin gefahren und Shedhir eines Morgens **beim Spaziergang im Wald...entschwunden** [11] / Мама уехала в Тичино, а Шедхир **пропал однажды утром во время прогулки в лесу**...

39. Ein Spaziergang im Grunewald...Es hat geschneit, jetzt regnet es, Matsch, Laub und Nadeln am Boden, die **Hunde sausen zwischen den Bäumen durch**... [11] / Прогулка в лесу Груневальд. Шел снег, теперь идет дождь. Кругом слякоть, листва и хвойные иголки. Собаки **носятся между деревьев**.

40. Ich gehe **mit meinen Eltern spazieren...den schmalen Waldweg** hinunter zum Fluss...Auf der anderen Uferseite **joggt eine Frau** mit rotem Stirnband [20] / Я **гуляю** с моими родителями **по узкой лесной дороге** вниз к реке. На другом берегу **пробегают трусцой** женщина в красной надобной повязке.

Лес – это место для развлечений, например, катания на лыжах. Но такое развлечение требует знаний и подготовки:

41. Wenn er gleich mit Ralf und Jochen **in den Wald geht, kriegen die Skier ihre Feuertaufe** [17] / Если он сейчас **пойдет в лес** с Ральфом и Йоханом, то **лыжи получат свое боевое крещение**.

42. Nach zwanzig Metern auf dem Bürgersteig...merken sie, dass es schlauer gewesen wäre, die **Skier erst im Wald unterzuschnallen**. Man findet keinen Halt auf dem festgetretenen überfrorenen Schnee, nicht mal mit den Stöcken [17] / Чезез двадцать метров по тротуару... они понимают, что было бы разумнее **пристегивать лыжи уже в лесу**. На утоптанном замерзшем снеге нельзя было найти точку опоры даже с помощью лыжных палок.

43. Erst will er das Wachs für «Ich weiß nicht richtig» nehmen, doch dann entscheidet er sich für «nasser Schnee»...So konzentriert ist er, weil er keine **Stelle auslassen will, die sich später im Wald als Bremsklotz entpuppen könnte**, dass er die Ankunft von Ralf und Jochen nicht mitbekommt [17] / Сначала он хотел взять смазку «я точно не знаю», но потом сделал выбор в пользу «мокрый снег»... Он работал

очень сконцентрировано, потому что не хотел, **чтобы какое-то место на лыжах затормозило его в лесу**. Он даже не заметил, как пришли Ральф и Йоханн.

Лес становится местом сброса отходов:

44. Der Jauchefahrer, der die Grube abpumpte, alle drei bis vier Monate, und sich das Abpumpen gut bezahlen ließ, wenngleich er die **Gülle am Ortsrand in den Wald kippte** [12] / Водитель, который откачивал выгребную яму, брал за это высокую плату, хотя **выливал жижу в лесу на окраине населенного пункта**.

Лес – это препятствие, через которое надо пройти, чтобы достигнуть цели:

45. Sie **erreichten nach einem längeren Waldstück ein langgestrecktes Gebäude** [18] / Преодолев длинный участок леса, они дошли до вытянутого здания...

46. Bei Comrat hatte es eine Großoffensive gegeben, ...und plötzlich gab es keine Wehrmacht mehr, sondern nur noch einzelne, zerlumpte Soldaten, die... sich schon fast sicher wähnten, als sie versuchten, **sich in die kleinen, deutsch benannten Orte der Umgebung durchzuschlagen, durch Wälder** und über Flüsse,... [23] / Под Комратом было большое наступление...И неожиданно вермахта больше не стало, а остались отдельные оборванные солдаты, которые уже мнили себя в безопасности, когда **через леса и реки пытались прорваться к населенным пунктам**, носившим немецкие названия.

47. Wenn er von hier exakt geradeaus losmarschieren würde, überlegt Jannes **mit Blick auf den Waldrand, würde er direkt auf der großen Heide...wieder rauskommen** [24] / Глядя на опушку леса, Йаннес думал, что если он отсюда пойдет прямо, то выйдет на большую пустошь.

48. Nach etwas weniger als zwei Stunden, die ich **durch dichten Wald lief...erreichte ich eine Straße** [14] / Спустя почти два часа бега по лесу я достиг шоссе...

49. **Nach einer zehnminütigen Fahrt durch den dichten Wald erreichten wir eine Lichtung** und hielten unmittelbar vor einem Hochsitz [14] / После десятиминутной поездки по густому лесу мы достигли прогалины и остановились перед охотничьей вышкой.

50. Morgens, gleich nach dem Aufwachen, **begab ich mich...durch den Pinienwald hinunter ans Meer...** [12] / По утрам сразу после пробуждения я отправлялся через хвойный лес вниз к морю.

Через лес проходит путь, по которому его можно преодолеть:

51. «Nach einem fast zweistündigen Aufstieg erreichten wir den Gipfel», fährt sie fort, «und **der Weg führte durch stärkere Eichenwälder hinunter in ein abgelegenes Tal...** [20] / После двухчасового подъема мы достигли вершины, – продолжила она, – и путь вел **через более густые дубовые леса** вниз к удаленной долине.

52. **Durch diesen Wald führte ein Pfad, über den man zu einer Badebucht gelangte** [12] / **Через лес вела тропа, по которой можно было дойти до бухты для купания.**

53. Ich kam am frühen Nachmittag am Bahnhof in Rheinsberg an, fuhr von dort ein Stück mit dem Bus und **lief dann etwa zwanzig Minuten zu Fuß über Platten-**

und Sandwege durch einen Wald [16] / Днем я приехала на вокзал в Рейнсберге, оттуда ехала еще некоторое время на автобусе, а потом еще **шла пешком минут двадцать через лес по тропам, выложенным плитами или усыпанным песком.**

Лес понимается как препятствие и в метафорическом смысле:

54. Sie gehörte dem Kreis der Erwachsenen an, und wir, Hellmut und ich, sein jüngerer Bruder Herbert und all die Jungen im Salon, **waren durch einen tiefen, unsichtbaren Wald davon getrennt, der sich in den nächsten Jahren lichten würde, um uns hindurchzulassen**, aber niemand konnte so genau sagen, wann [10] / Она принадлежала к кругу взрослых, а мы, Гельмут и я, ее младший брат Герберт и все мельчили в салоне, **были отделены от него густым невидимым лесом, который в ближайшие годы начнет редеть, чтобы впустить нас**, но никто не мог сказать когда.

Лес изолирует, скрывает объекты от внешнего мира:

55. Das Alpenhaus war **fest umschlossen von der tiefen Stille des Waldes**,... [18] / Альпийский домик был **плотно окутан глубокой тишиной леса**...

56. Dann fiel mir ein, dass der See **von Wald umgeben war** [16] / Потом я вспомнила, что озеро **было окружено лесом.**

57. Waldstadt II ist ein **Wohngebiet mitten im Wald... Keine Autobahn, auf die man stößt, keine Straße kilometerweit** [17] / Лесной город II – это жилой квартал **посреди леса... Никаких автобанов**, на которые можно наткнуться, **никаких дорог на километры вокруг.**

58. ...erst jetzt erkannte ich, dass das Resort **von dichtem Wald umgeben war** [14] / Только теперь я понял, что санаторий был **окружен густым лесом.**

59. Der Ort ist ein einziges Neubaugebiet um den Fliegerhorst..., den die Nationalsozialisten damals in den Dreißigern aus dem Boden gestampft haben, **tief versteckt im Wald, wo niemand hinsah** [24] / Этот населенный пункт – единственная новая застройка рядом с аэродромом, который тогда в тридцатые годы построили национал-социалисты, спрятав его **глубоко в лесу, где никто не увидит.**

Лес растет вдоль дороги. Его видят путники или проезжающие из окна транспорта:

60. Sie **betrachtete überaus aufmerksam den vorbeiflitschenden Wald**, der nicht zu enden schien... [18] / С повышенным вниманием она **рассматривала проносившийся мимо лес**, который, казалось, не хотел заканчиваться.

61. Zurück nehme ich die Straße. Ich gehe in der Mitte der Fahrbahn, weil **ich mich vor dem ausufernden Schwarz der Bäume und Sträucher am Straßenrand fürchte** [20] / Обратно я пошел по дороге. Я шел посередине дорожного полотна, потому что боялся выступившую по краям дороги темноту деревьев и кустарников.

62. Jannes... **schaut aus dem Fenster hinaus in die Nacht und den Wald, bis sie den Ort erreichen**, wo er zur Grundschule gegangen ist: Faßberg [24] / Йаннес **смотрел на ночь и лес за окном, пока они не доехали** до городка, где он ходил в школу.

63. **Wir fahren wieder schneller**, zu meiner rechten Seite befanden sich Felder, **auf der linken zog sich ein Wald entlang**, Kiefern, in Reihen gepflanzt... [12] / Мы снова **поехали быстрее**. Справа от меня находились поля, **слева тянулся лес**, посаженные в ряд сосны...

64. Stattdessen **zog außerhalb meines Zugfensters ein Dunkeldeutschland vorbei, mit dichten Wäldern** und Märchen voller Wölfen [21] / **Вместо этого снаружи моего поезда тянулась темная Германия, с густыми лесами**, наполненными сказками и волками.

Запахи леса оказывают успокаивающее влияние на человека:

65. Sie bewegte sich vorsichtig unter deren Gewölbedecke, trat immer tiefer in eine in allen Grüntönen leuchtende Dunkelheit ein, bis in einen **uralten Nadelwald, der einen beruhigenden Harzgeruch verströmte** [18] / Она осторожно двигалась под сводчатым покровом, заходила все глубже в светящуюся всеми оттенками зеленого темноту, до **древнего хвойного леса, который источал успокаивающий аромат смолы**.

Лес меняет характер человека:

66. Die Kaffeepausen verbrachten sie schweigend. Nur wenn sie **durch den Wald gingen, verlor sich Imres Wortkargheit** [27] / Перерывы на кофе они проводили молча. Лишь когда они **шли по лесу, неразговорчивость Имре исчезала**.

Тишина леса противопоставляется шуму инфраструктурных объектов:

67. Vom erhitzten Asphalt stieg Sommergeruch auf, aus **dem Wald drangen trotz des Verkehrslärms Stille und Andacht** [18] / От нагретого асфальта поднимался запах лета. **От леса, несмотря на шум транспорта, исходила тишина и умиротворение**.

Там, где инфраструктура приходит в упадок, на ее месте появляется лес:

68. Das Alpenhaus war eine Kriegersruine...; **wo einst das Dach war, wuchs ein Wald. Ein Wald mit Tieren**, sogar einen Fuchs habe man da oben schon gesehen. **Das Grün hatte letztlich das gesamte Gebäude eingenommen...** **Rankpflanzen verdichteten sich zu Teppichen im leeren Raum**, hohe Bäume schossen aus Fenstern und Regenrinnen [18] / Альпийский домик был руинами времен войны. Там, где **когда-то была крыша, теперь рос лес**. Лес с животными. Говорят, там даже видели лису. **Зелень заняла все здание. Выюны в пустых помещениях стали плотными, как ковры, из окон торчали высокие деревья**.

69. Vanessa stellte sich vor, wie Berlin nach einer globalen Katastrophe, alle **Menschen tot, vielleicht von einem Waldteppich überzogen wäre**, in ihrer Erdgeschosswohnung ein tintenschwarzer Tümpel waberte und **Ahorn aus den alten Holzfenstern spross** [18] / Ванесса представила себе Берлин после глобальной катастрофы. Все люди мертвы, **возможно, покрыты лесным ковром**. В ее квартире на цокольном этаже колыхается черная лужа, а **из старых деревянных окон растет клен**.

70. **Der Park glich einem Urwald. Unter Baumriesen wucherten wilde Hecken...** Farnen, Sträuchern, Bambussprösslinge schossen in die Höhe, manche **mittlen auf dem Weg** [12] / **Парк был похож на девственный лес**. Под огромными

деревьями **разрослись кустарники**. Папоротники, кусты, поросли бамбука устремлялись ввысь, некоторые **посреди дороги**.

Инфраструктура нарушает целостность леса:

71. Die ersten Dächer der alten Heilstättengebäude **ragten aus dem Wald auf**. Die breite Straße, auf der Lastwagen und Busse entlangdonnerten, **wirkte wie eine erst kürzlich geschlagene Schneise durch den dichten Wald** [18] / Первые крыши старых зданий санатория **торчали из леса**. Широкое шоссе, по которому гроыхали грузовики и автобусы, **казалось недавно прорубленной в густом лесу просекой**.

72. Auf einem Plateau, **wo die Laubbäume des Parks in einen Pinienwald übergingen, ragte ein langes, mehrstöckiges Gebäude auf** [12] / На плато, где лиственные деревья парка переходят в хвойный лес, **возвышалось длинное многоэтажное здание**.

Объекты инфраструктуры могут отгораживаться от леса преградой, которую необходимо преодолеть, чтобы попасть в лес:

73. Sie erinnert die Klinik... als Ort der Ruhe und Langeweile, sie habe lange Spaziergänge im Garten gemacht, sei ab der zweiten Woche täglich **durch ein... Zaunloch in den Wald eingestiegen, um dort die Wege zu erkunden** [19] / Она вспоминала о клинике как о месте спокойствия и скуки. Она совершала долгие прогулки в саду, а со второй недели **через дыру в заборе ежедневно выбиралась в лес**, чтобы разведывать там тропы.

Человек может целенаправленно уничтожать лес:

74. Ich notiere: Seit den 1990er-Jahren setzt das türkische Militär systematisch kurdische Wälder in Brand [20] / Я записываю: с 1990-х годов турецкие военные систематически поджигают курдские леса.

В лесу хоронят умерших:

75. **Die Beerdigung... fand ein paar Wochen später auf so einem seltsamen Waldfriedhof statt**, den David im Internet gefunden hatte [23] / **Похороны состоялись** пару недель спустя **на странном лесном кладбище**, которое Давид нашел в интернете.

Лес открывает у человека сверхъестественное восприятие, здесь встречаются с умершими:

76. Und dann **geschieht es, auf dieser Lichtung**, wo endlich Himmel sichtbar ist, ein dunkler Himmel, der für einen Moment aufreißt, grell wird, ich spüre eine Stimme, es ist nicht so, dass ich sie höre, ich spüre sie, es ist die Stimme meines Vaters, den ich nicht kannte, der im Auto starb,... dieser Mann ist hier, er ist bei mir, **er ist der Wald, er ist diese Jahrtausende alte Bäume**, er ist der Regen, er ist mein Beschützer, ich bin er... [11] / А потом **случилось это. На этой прогалине**, где наконец-то стало видно небо, темное небо, которое на миг прояснилось, стало ярким. Я почувствовала голос, не услышала, а именно почувствовала. Это был голос моего отца, которого я не знала, который погиб в автокатастрофе. Этот человек здесь, он со мной, **он лес, он эти тысячелетние деревья**, он дождь, он мой защитник, я есть он...

Заходя в лес, человек попадает в другой мир, который изолирует его от повседневности:

77. **Einen Wald betreten war wie in eine Kirche gehen. Das Gefühl für die Zeit verlor sich, Zugehörigkeiten verschoben sich. Der Wald war innen, alles andere außen...** Der Hof, das Dorf, seine Familie, Kato – sie waren irgendwo jenseits dieses Waldes, in einer unwirklichen, nahezu bedeutungslosen Welt [27] / **Зайти в лес это как сходить в церковь. Чувство времени теряется, чувство принадлежности сдвигается. Лес был внутри, все остальное – снаружи.** Двор, деревня, его семья, Като – они были где-то по ту сторону этого леса, в нереальном, почти **ничего не значащем мире.**

Лес меняет свой облик в зависимости от времени года:

78. **Der Wald ist um diese Jahreszeit am schönsten – der Boden bedeckt von Grün und all den zarten Frühblühern,** die den Nachtfrost trotzen. **In den lichten Kronen der Bäume sitzen gut sichtbar die Vögel.** Später im Jahr wird man sie nur noch hören, nur ahnen, an welcher Stelle im dichten Blättermeer sie sich verstecken. **Beinahe ungehindert erreicht die Sonne den Waldboden** [16] / **В это время года лес особенно прекрасен – земля покрыта зеленью и нежными ранними цветами,** которые противостоят ночному холоду. **В прозрачных кронах деревьев сидят птицы, которых хорошо видно.** Позже в течение года их будет только слышно, можно будет только догадываться, а каком месте плотного моря листвы они прячутся. **Почти беспрепятственно на лесную почву падает солнечный свет.**

79. Die Rückenlehne wurde ein Stück weiter hochgeschoben, jetzt schaute Anna direkt in das **Wäldchen, durch das der Schnee tanzte** [18] / Спинку сиденья немного подняли, теперь Анна смотрела прямо на **лес, в котором танцевал снег.**

80. Dann, einer Eingebung folgend, bewegte sie sich auf den Spuren eines Fuchses in den angrenzenden **Wald. Gefrorene Wurzeln und Zapfen knackten unter ihren Füßen, Schnee rutschte ihr in die Stiefel** [18] / Затем, повинуясь внезапно пришедшей мысли, она последовала по лисьему следу в прилегающий **лес. Замерзшие корни шишки трещали у нее под ногами, снег соскальзывал в сапоги.**

81. Auf der Rückfahrt **durch den von Tau und Regentropfen blitzenden, sehr unweihnachtlichen Wald** singt Fynn neben ihm schief vor sich hin [24] / На обратном пути через совсем **не рождественский лес, блестящий от росы и капель дождя,** Финн что-то напевает себе под нос.

Деревья в лесу воспринимаются как живые люди, человек в лесу общается с ними:

82. Jeden Abend **striefte Lev durch den Wald, bis er einen Baum entdeckte, der auf ihn zu warten schien.** Er lehnte sich an den Stamm, sah hinauf, zu den **Ästen, zur Krone,** hoffte, dass es ihm nicht ergehen werde wie jenen weiter unten, die, ohne Rinde, ohne Äste, **darauf warteten, auf der Schmalspurbahn abtransportiert zu werden...** Manchmal hatte er den Eindruck, **der Baum würde ihm antworten.** Und ohne, dass er wusste wie, **war er auf die andere Seite der Natur geraten** [27] /

Каждый вечер Лев бродил по лесу, пока не находил **дерево, которое, казалось, ждало его**. Он прислонялся к столбу, смотрел вверх на ветки и крону, надеялся, что с этим деревом не будет так, как с теми, которые без коры и веток **ждут внизу, чтобы их отвезли отсюда по узкоколейке**. Иногда ему казалось, что **дерево ему отвечает**. Сам не зная того, он **оказывался на другой стороне природы**.

83. Es gab **Bäume, die abweisender waren als jeder Mensch**, den er kannte. Dann gab es **welche, die sich einander zuneigten, aus Rücksicht, Fürsorge oder Bedürftigkeit in eine bestimmte Richtung wuchsen, Eigenschaften ausbildeten, die sie von anderen unterschied**. Früher war das alles einfach ein Wald gewesen, nun lernte Lev die **Bäume als Einzelwesen zu sehen** [27] / Были **деревья, которые еще более отталкивающие чем люди**, которых знал Лев. Потом есть те, которые **склоняются друг к другу, проявляя внимание, заботу** или имея потребность расти в определенном направлении. Были те, которые **развивали в себе качества, отличающие их от других**. Раньше это был просто лес. Теперь же Лев научился **видеть в каждом дереве отдельную сущность**.

84. Einen Baum zu fällen kam ihm mit einem Mal falsch vor. Er legte die Hände auf den Stamm, auf die Rinde, etwas **an diesem Baum war lebendig, würde immer lebendig bleiben**, auch wenn er längst verarbeitet worden war [27] / Повалить дерево вдруг показалось ему неправильным. Он положил руки на ствол, **что-то в этом дереве было живое и всегда останется живым**, хотя оно давно уже было обработано.

85. Jeden Morgen oder Abend, je nachdem, welche Schicht er hatte, ging Lev durch den Wald...Es gab **Bäume, die er immer wieder aufsuchte, wie einen Freund** [27] / Каждое утро или вечер, в зависимости от смены, Лев шел по лесу...Были **деревья, которых он постоянно навещал как друзей**.

Лес – это место развития сказочных сюжетов, в которых деревья оживают:

86. Ihr erster Auftritt überhaupt war bei einem Weihnachtsspiel im Kindergarten gewesen, die Hauptrolle: **eine kleine, schiefe Tanne. Von den hohen, geraden Bäumen im Wald nur verspottet. Der Nikolaus kam in den Wald** und suchte nach einem Weihnachtsbaum für den Himmel, und er wählte sie, die schiefe Tanne Juno [13] / Ее первым выступлением был рождественский спектакль в детском саду. Главная роль: **маленькая косая ель, над которой смеялись высокие стройные деревья. В лес пришел Николаус, чтобы найти рождественское дерево для небес**. Он выбрал именно ее, косую ель Джуно.

Лес населен живыми существами, в том числе мифическими и сказочными. Некоторые из них могут представлять опасность для человека:

87. **Hirsche stolzieren vorbei**, es knackt und zirpt und zwitschert, unbekannte Geräusche rundum, **kein Mensch weit und breit**...Wälder sind unheimlich so ganz allein [11] / Мимо **гордо проходят олени**, все хрустит, стрекочит и щебечет, кругом незнакомые звуки, на многие километры **ни души**...**Совсем одному в лесах неуютно**.

88. ...**der Wolf**...jagte über den Acker davon, war innerhalb von Sekunden **zum Fleck am Waldrand geworden**, grau in braun, kaum zu unterscheiden von einem jun-

gen **Reh** oder einem **streunenden Hund** [24] / Волк убежал через пашню, в течение нескольких секунд стал **пятном на опушке леса**, серое на коричневом, едва отличим от молодой **косули** или **бродячей собаки**.

89. Jannes will nur noch nach Hause, doch er bremst tatsächlich ein wenig ab. **In der Nacht kann ja theoretisch immer etwas aus dem Wald springen** [24] / Йаннес хочет теперь только домой, но он действительно немного притормаживает. **Ночью теоретически всегда что-то может выпрыгнуть из леса**.

90. Man sah sie fast nie, diese **Hunde**...aber in einer Nacht kamen sie in die Stadt...sie liefen glücklich und schwanzwedelnd durch die Straßen, und als sie den **Toten die Arme aus den Gelenken gebrochen hatten, trugen sie sie wie Trophäen in die umliegenden Wälder** [23] / Этих **собак** почти никогда не видели. Но однажды ночью они пришли город. Они бежали счастливые по улицам, виляя хвостами, а когда они **выгрызли мертвым руки из суставов, то отнесли их словно трофеи в окружающие город леса**.

91. Später hat der Fürst ein schlechtes Gewissen, er will das Grab von Giselle besuchen und **verläuft sich im Wald**. Er **trifft auf die Wilis**, so eine Art Geister von Frauen, die aus Liebeskummer starben. Der Fürst muss mit ihnen **tanzen, bis er tot umfällt**... [12] / Потом герцог испытывает муки совести. Он хотел навестить могилу Жизель и **заблудился в лесу**. Здесь он **встречает вилисов**, что-то вроде душ женщин, которые умерли он несчастной любви. Герцог должен **танцевать с ними, пока он не упадет замертво**.

Заключение. Проведенное исследование демонстрирует, что лес является одним из ключевых лингвокультурных символов, обладающих глубокой аксиологической значимостью. Его образ пронизывает различные сферы человеческой деятельности – от мифологии до повседневной жизни. Лес выступает не просто как природный объект, но как сложный культурный код, отражающий ценности, страхи и устремления человека и социума.

Среди основных аспектов леса как лингвокультурного символа можно выделить следующие. Лес предстает как пространство сакрального и мифологического. В мифологии и религиозных традициях лес часто ассоциируется с тайной, священным знанием и переходом между мирами. В сказках он становится местом испытаний, где герой сталкивается с опасностями. В рассмотренных художественных текстах лес символизирует путь к уединению или бегство от реальности.

Лес проявляется в контексте экзистенциальных переживаний. Он воспринимается как место, где человек ощущает свою малость перед величием природы, но одновременно находит утешение и защиту. В немецких художественных текстах, рассмотренных в исследовании, подчеркивается, что древние деревья вызывают у людей чувство благоговения, напоминая о непостижимой временной протяженности природы. В то же время лес может быть местом, где человек обретает гармонию.

Лес выступает как источник ресурсов и объект экономических отношений. В повседневной жизни лес играет практическую роль: он дает древесину, служит местом охоты, сельскохозяйственного использования и поэтому становится

предметом товарно-денежных отношений. Однако эксплуатация леса нередко приводит к конфликтам, например, в историческом контексте крестьянских восстаний, где свободный доступ к лесу был одним из ключевых требований.

Лес участвует в формировании урбанистического и экологического дискурса. Современные тексты отражают двойственное отношение к лесу: с одной стороны, он противопоставляется городской среде как пространство тишины и чистоты, с другой – инфраструктура (дороги, жилые районы) вторгается в лесные массивы, нарушая их целостность. В то же время есть примеры обратного процесса – когда заброшенные здания поглощаются лесом. Это подчеркивает хрупкость баланса между цивилизацией и дикой природой.

Лес является местом опасности и приключений. Он становится ареной драматических событий: здесь происходят преступления, люди теряются, сталкиваются со стихийными бедствиями или мифическими существами. Однако эта опасность притягательна, особенно для детей, которые видят в лесу пространство свободы и игры.

Лес как лингвокультурный символ приобрел и метафорическое значение. В одном из рассмотренных примеров лес используется как метафора жизненного пути: взросление описывается как переход через невидимый лес, отделяющий ребенка от мира взрослых.

Таким образом, лес – это многогранный символ, который объединяет в себе природное и культурное, сакральное и повседневное, опасное и спасительное. Его образ варьируется в зависимости от контекста: в одних случаях он символизирует гармонию и вечность природы, в других – хаос и угрозу. Однако во всех проявлениях лес остается важной частью человеческого мировосприятия, отражая глубинные связи человека с природой и социумом.

Литература

1. Ищенко Н.С. Арденнский лес как текст в автореферентной повести Елены Хаецкой «Летающая Тэкла» // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2024. – №2(43). – С.20-24.
2. Карасик В.И. Карусель как лингвокультурный символ // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2022. – №3(166). – С.215-220.
3. Карасик В.И. Ценностная картина мира как объект аксиологической лингвистики // Языки, литературы и культуры народов России в современной академической науке: материалы Международной научно-практической конференции (Международного научного форума), посвященной 85-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (г.Казань, 09-11 октября 2024 г.). – Казань: Академия наук Республики Татарстан, 2024. – С.183-188.
4. Каргаполов Е.П. Образ леса в метафорических моделях авторской картины мира Владимира Волковца / Е.П.Каргаполов, Т.В.Федосова, М.И.Абдыжапарова // Филология и человек. – 2025. – №1. – С.27-39.
5. Островская К.З. Концепт лес в народной волшебной сказке как экспликация надбытийности сакрального // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 8(122), авг. – С.1-5.
6. Островская К.З. Анализ метафорической ассоциативной карты «Хозяин леса» как поликодовой метафоры для репрезентации фрейма «магические существа» // Успехи гуманитарных наук. – 2023. – №12. – С.112-116.

7. Паранук К.Н. Мифологема леса в романе А.Кима "Отец – лес" и повести Н.Куёка "Лес одиночества" // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2018. – №4(227). – С.141-146.
8. Рахимова Ш.Б. Вербализация концепта "счастье" в русском языке (на материале паремиологических текстов) // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2023. – №1(79). – С.194-202.
9. Сухоева Д.А. Эмиграция как путешествие через лес (на материале лирики В.Ф.Ходасевича) // Филология в XXI веке. – 2022. – №2(10). – С.86-93.
10. Bossong N. Reichskanzlerplatz. – Berlin: Suhrkamp, 2024.
11. Buono Z. del. Seinetwegen. – München: Beck, 2024.
12. Friedrich F. Die Passagierin. – Frankfurt am Main: Fischer, 2024.
13. Hefter M. Hey guten Morgen, wie geht es dir? – Stuttgart: Klett-Cotta, 2024.
14. Kaleyta T. K. Heilung. – München: Piper, 2024.
15. Köhlmeier M. Das Philosophenschiff. – München: Hanser, 2024.
16. Krien D. Mein drittes Leben. – Zürich: Diogenes, 2024.
17. Kubiczek A. Nostalgia. – Hamburg: Rowohlt, 2024.
18. Lenze U. Das Wohlbefinden. – Stuttgart: Klett-Cotta, 2024.
19. Oravin M. Toni & Toni. – Wien: Droschl, 2024.
20. Othmann R. Vierundsiebzig. – Hamburg: Rowohlt, 2024.
21. Sanyal M. Antichristie. – München: Hanser, 2024.
22. Sargnagel S. Iowa. – Hamburg: Rowohlt, 2024.
23. Suffrin D.V. Nochmal von vorne. – Köln: Kiepenheuer & Witsch, 2024.
24. Thielemann M. Von Norden rollt ein Donner. – München: Beck, 2024.
25. Thomas R.-M. Die schönste Version. – Hamburg: Rowohlt, 2024.
26. Tran T.M. An. Trees Are Gods: The Sanctification of Forests in the Traditional Worldview of the Co Tu People in Vietnam // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2022. – Vol.21, №3. – P.151-161.
27. Wolff I. Lichtungen. – Stuttgart: Klett-Cotta, 2024.

FOREST AS LINGUOCULTURAL SYMBOL IN GERMAN-LANGUAGE LITERATURE OF THE 2024 YEAR

Gusarov Dmitry Alexandrovich

Associate professor of the chair of German language
Moscow state institute of international relations (university)
of the Ministry of foreign affairs of the Russian Federation
119454, Russia, Moscow, Vernadskogo ave., 76
Ph.: +7 495 229 40 49
d.gusarov@mv.mgimo.ru

Associate professor of the chair of Russian language №1
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 434 00 01, ext. 1586
gusarov_da@pfur.ru

Pshenichnikova Angelina Yurievna

Assistant of the chair of Russian language №1
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 434 00 01, ext.1586
angelina82@mail.ru

Melnikova Elena Nikolajevna

Senior lecturer of the of chair of humanities
Belarusian-Russian university
212000, Republic of Belarus, Mogilev, Mira str., 43
elnikmel@gmail.com

The article is devoted to the linguocultural symbol *forest*, possessing profound axiological and semantic significance. The relevance of the study stems from the need to comprehend the role of natural objects in shaping cultural codes, values, and behavioral models. The aim of the research is to identify the key semantic and functional aspects of the forest across various literary contexts and to determine its influence on human perception and behavior. The novelty of the work lies in its comprehensive analysis of the forest as a linguocultural phenomenon, based on contemporary German-language texts—specifically, works from the 2024 German Book Prize longlist. The study highlights several critical dimensions of the *forest*: its sacred and mythological role, existential significance, economic and ecological functions, as well as its metaphorical use in literary discourses. The findings demonstrate that the *forest* serves as a multifaceted symbol, bridging the natural and cultural realms while embodying both peril and sanctuary.

Keywords: forest; linguocultural symbol; value; literary text; discourse; concept.

**РАМЗИ ЛИНГВОФАРҲАНГИИ «ҶАНГАЛ» ДАР АДАБИЁТИ
ОЛМОНИЗАБОНИ СОЛИ 2024**

Гусаров Дмитрий Александрович

Дотсенти кафедраи забони олмонии
Донишқадаи давлатии муносибатҳои байналмилалӣ Москва
(университети ВКХ ФР)
119454, Россия, Москва, хиёб. Вернадский, 76
Тел.: +7 495 229 40 49
d.gusarov@my.mgimo.ru

Дотсенти кафедраи забони русии №1
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, доб.1586
gusarov_da@pfur.ru

Пшеничникова Ангелина Юрьевна

Ассистенти кафедраи забони русии №1
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, доб.1586
angelina82@mail.ru

Мельникова Елена Николаевна

Омӯзгори калони кафедраи фанҳои гуманитарӣ
Донишгоҳи Беларусу Россия
212000, Ҷумҳурии Беларусь, Могилёв, хиёб. Мир, 43
elnikmel@gmail.com

Мақола ба омӯзиши калимаи “чангал” ҳамчун рамзи лингвофарҳангӣ, ки дорои аҳамияти амиқи арзишӣ ва маъноӣ мебошад, бахшида шудааст. Ақтуалӣ будани ин қори илмӣ дар зарурати дарк кардан ва фаҳмиши нақши объектҳои табиӣ дар ташаккули рамзҳои фарҳангӣ, низоми арзишҳо ва намунаҳои рафторӣ ифода меёбад. Ҳадафи тадқиқот муайян кардани паҳлӯҳои асосии семантикӣ ва функционалии мафҳуми “чангал” дар матнҳои гуногуни бадеӣ, инчунин ошкор сохтани таъсири он ба тарзи дарки воқеият ва рафтори инсон мебошад. Навовариҳои тадқиқот дар он аст, ки “чангал” ҳамчун падидаи лингвофарҳангӣ дар асоси матнҳои муносири олмонизабон - асарҳое, ки ба рӯйхати дарози «Ҷоизаи китоби Олмон – 2024» дохил шудаанд, таҳлил мегардад. Дар натиҷаи тадқиқот як қатор ҷанбаҳои калидии рамзи “чангал” муайян карда шуданд: нақши анъанавӣ ва мифологӣ, аҳамияти экзистенсиалӣ, функсияҳои иқтисодиву экологӣ, инчунин истифодаи метафорӣ он дар дискурси бадеӣ. Тадқиқот нишон медиҳад, ки “чангал” ҳамчун рамзи ҷанбаҳои зухур мекунад, ки маъноӣ табиӣ ва фарҳангӣ, ҳатаринок ва наҷотбахшро дар худ муттаҳид менамояд. Хулоса бар он аст, ки “чангал” то ҳол унсури муҳими ҷаҳонбинии инсон боқӣ монда, робитаҳои амиқи байни инсон, табиат ва ҷомеа ро ифода мекунад. Ин тадқиқот дар фаҳмиши механизмҳои лингвофарҳангии ташаккули арзишҳо ва стратегияҳои рафторӣ саҳми назаррас мегузорад.

Калидвожаҳо: чангал; рамзи лингвофарҳангӣ; аксиология; арзиш; матни бадеӣ; дискурс; концепт.

УДК 81'276.6:39(100)

МАКРОПОЛЕ *КАТА-ЇД* «МАЛАЯ РОДИНА» КАК ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «ДОМ» В ШУГНАНО-РУШАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Некушоева Шахло Саиднуриддиновна

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник отдела памирских языков
Институт гуманитарных наук имени Б. Искандарова
Национальной академии наук Таджикистана
736000, Республика Таджикистан, Хорог, ул. У. Холдорова, 4
Тел.: (+992) 93 597 11 76 (м.)
nekushoevash@gmail.com

Статья посвящена исследованию концепта "Дом" в шугнано-рушанской лингвокультуре через призму макрополя шугнанского *Kata-Īd* и рушанского *Kona-Īod*, что в переводе означает "Малая родина". Показано, как эти лексемы отражают не только физическое пространство, но и глубоко эмоциональную и культурную привязанность носителей данных языков к дому как символу родных мест и идентичности. Исследуются когнитивные структуры, связанные с концептом "Дом", описываются микрополя, такие как «архитектурные элементы», «коллективные понятия» и «выражения с семантикой» малой родины. Данное макрополе характеризуется насыщенной метафоризацией понятий, указывающих на репрезентацию концепта «Дом», в частности, посредством синтаксических единиц разных уровней в значении «родной край», «малая родина», «место детства». Ядро самого макрополя представлено лексемами шуг. *kata-ēd*, руш. *kina-ēod* «дедовский дом», шуг.-руш. *watan* «родина», шуг.-руш. *diyor* – «селение», «страна», «округ»; «родина», шуг.-руш. *joydod* – «местожительство»; «родные места», «родина». Особое внимание уделяется метафорическому переносу значений, который помогает выявить глубокие связи между физическим и культурным восприятием дома в рамках шугнано-рушанской этнической группы.

Ключевые слова: концепт «Дом»; макрополе; лингвокультура; когнитивная лингвистика; малая родина; метафоризация; шугнано-рушанская группа языков.

Каждый язык воплощает в себе определённое мировоззрение. Люди, говорящие на разных языках, воспринимают и концептуализируют реальность по-разному. Это связано с тем, что язык тесно связан с мышлением и культурой носителей. Когнитивные подходы – это способы, с помощью которых человек осмысливает окружающий мир через язык. Язык характеризуется наличием разных когнитивных подходов и разных взглядов на мир [5, с.186]. Следует напомнить, что существует ряд базовых концептов, которые присущи каждому языку, потому что они встроены в саму природу человеческого разума. «... Если мы хотим найти по-настоящему универсальные человеческие концепты, то мы должны искать их не в окружающей нас действительности, а в своей голове»

[5, с.189]. А.Вежбицкая подчеркивает важность изучения языка как отражения человеческого мышления и культуры. Она утверждает, что каждый язык содержит уникальные когнитивные подходы к описанию мира, но при этом внутри всех языков можно найти общее – универсальные концепты, заложенные в человеческом сознании.

Безусловно, слова и выражения служат, прежде всего, для общения, то есть для обмена значимой информацией между людьми. Они нацелены на то, чтобы обозначать и передавать те концепты, которые наиболее востребованы в коммуникации – то, что нужно сказать, чтобы быть понятым, чтобы действовать в обществе, передавать знания, эмоции и т.д.

Однако сфера концептов, то есть всё то, что человек способен осмыслить и о чём может думать, значительно шире, чем те концепты, которые он может выразить словами, «... поскольку человек мыслит о гораздо большем, чем говорит» [2, с.4].

Данная диспропорция между объёмом концептосферы и языковыми средствами её репрезентации особенно ярко проявляется при анализе лингвокультурных концептов, где вербализация лишь частично охватывает глубину ментальных содержаний. Именно поэтому при изучении концепта *Дом* в шугнано-рушанской (далее шуг.-руш.) группе языков особое значение приобретает метафорический пласт макрополя шуг. *Kata-Ĉid* / руш. *Kona-Ĉod* – «Малая родина», репрезентирующий не только физическое пространство, но и эмоционально-культурную привязанность, которая выходит за рамки буквального значения.

С точки зрения лингвокультурной значимости в выявленной ранее структуре концепта *Дом* в шуг.-руш. группе языков макрополе шуг. *Kata-Ĉid*, руш. *Kona-Ĉod* – «Малая родина» занимает особое место. Данное макрополе характеризуется насыщенной метафоризацией понятий, указывающих на репрезентацию концепта *Дом*, в частности посредством синтаксических единиц разных уровней, в значении «родной край», «малая родина», «место детства». Согласно теории Дж.Лакоффа и М.Джонсона, метафоризация в нашем сознании играет ведущую роль в организации абстрактной части концептов путем переноса семантических структур [8, с.25-26]. Подобный перенос семантических структур в рамках исследуемого нами макрополя обнаруживается в семантике лексемы для обозначения самого макрополя: шуг. *kata-ĉid*, руш. *kona-ĉod* «дом предков», «дедовский дом», представляющей собой исконную лексику. Первая часть лексических единиц шуг. *kata-ĉid* и руш. *kona-ĉod*, означающих «дом предков», представлена компонентами шуг. *kata-* («большой») и руш. *kona-* («старый»), которые в указанном контексте выражают значения «истоки», «происхождение» или «род», семантически раскрывая коннотацию понятия «малой родины». В данной синтаксической конструкции понятие «дом» соотносится с концептом «Малая родина», что ставит его смысловую сторону в оппозиции по отношению к заимствованным из перс.-тадж. языка понятиям шуг.-руш. *yaribi* и шуг.-руш. *yayr* «чужбина». В рамках макрополя шуг. *Kata-Ĉid*, руш. *Kona-Ĉod* противопоставление понятия дом словам для обозначения

«чужбина» демонстрирует глубокие когнитивные процессы в восприятии пространства и культурную значимость родного края. Противопоставление выражения шуг.-руш. *as ɣaʁ ɣaʁčɪn* (руш. *yiʁčɪn*) - букв. «пришедший из чужбины», «чужой» и фразы *kas mi čīd-and-am naḫfīc*, руш. *kas may čod-andir-am niḫtaɣ* – букв. «из этого дома мы вышли», то есть «выходцы из одного рода», показывает, что в коллективном сознании носителей языков данной группы дом воспринимается не только как материальный артефакт, но и как ключевая единица, хранящая культурную нагрузку, коллективную идентичность и единство происхождения. Такая смысловая постановка выявляет синтезирование субъективного опыта проживания с общей исторической памятью этнической группы, что в результате придает понятию дом значение микрокосма, охватывающее макрокосмический образ родины.

Синтаксическая конструкция шуг. *kata-čīd*, руш. *kona-čod* буквально переводится «большой дом», однако её использование в речи носителей языков применительно к большим жилым постройкам не наблюдается. Эта лексема, характеризующаяся особым символическим значением, в языках шуг.-руш. группы может применяться к разным по объему жилым домам старой постройки. Основная ее культурная нагрузка заключается именно в том, что в ней заложена идея «дома предков», откуда вытекает происхождение человека, всего рода, что становится предпосылкой дани почести и уважения к своим истокам. Поэтому лексема шуг. *kata-čīd*, руш. *kina-čod* выступает в качестве единицы с широким коннотативным значением, заключающимся в отражении связи поколений, в установленных веками этических нормах.

Исходя из методики структурного анализа концепта в когнитивной лингвистике, ментальное знание об объекте организуется посредством фреймов, структурированных когнитивных схем, где центральный элемент (ядро) окружён периферийными понятиями. В рамках этого подхода концепт интерпретируется как многоуровневая ментальная единица, реализуемая в языке через совокупность лексико-семантических, образных, ассоциативных и прагматических признаков [8, с.55-60; 1, с.34-36].

Ядро самого макрополя представлено лексемами шуг. *kata-čīd*, руш. *kina-čod* «дедовский дом», шуг.-руш. *watan* «родина», шуг.-руш. *diyor* – «селение», «страна», «округ»; «родина», шуг.-руш. *joydod* – «местожительство»; «родные места», «родина». Примеры из онлайн словаря Д.Карамшоева ярко демонстрируют коннотативное значение лексем ядерной зоны в качестве понятий как «дом», так и «малой родины»: бадж. *mi xu watanum lap žīwǝ* «я очень люблю эту свою родину»; шуг. *wāḍ-en xu joydod-and firīpt* – «они добрались до родного края (до дома)»; шуг. *firīpt-en tar xu diyor* – «они прибыли в свой край». Несмотря на то, что лексическое ядро, активно используемое в речи, формируется практически за счёт заимствований из перс.-тадж. языка (*watan* и *diyor*), данные элементы демонстрируют выраженное семантическое воплощение концепта *Дом* в шуг.-руш. группе языков. Лексемы ядерной зоны, несмотря на различие между обозначающими физический артефакт (*kata-čīd* – «дедовский дом») и абстрактными понятиями (*watan* – «родина», *diyor* – «край», *joydod* –

«родное селение»)), объединяются общими семантическими признаками, такими как безопасность, чувство принадлежности, начало жизни, корни, уют, тепло и комфорт.

Сама ядерная зона демонстрирует когнитивную структуру, концептуальную зону, отражающую связь между понятиями *дом*, *родной край*, *родовое представление о происхождении человека*.

Приядерная зона расширяется за счёт включения в систему архитектурных терминов, обозначающих ту или иную часть традиционного дома. Эти термины, являясь значимой частью приядерной зоны, отражают комплексную семантическую структуру и придают концепту *Дом* в исследуемых языках многомерность содержания. Связь между понятиями «дом» и «малая родина» отражает единство восприятия дома как материальной постройки и физического укрытия, а также его абстрактных значений, таких как уют, комфорт, защищённость и родная среда.

Несмотря на то, что по сравнению с другими макрополями, входящими в структуру концепта *Дом* в шуг.-руш. группе языков, данное макрополе представлено минимальным числом языковых единиц, насчитывающих 39 единиц разных языковых уровней, именно в нём категория дома начинает функционировать как своего рода микрокосм. По сути, в рамках данного макрополя понятие «дом» приобретает уникальные свойства, семантически приближающие его к концепции «родной край», «малая родина», характеризующимися традиционными сторонами культуры и социальным укладом носителей языков. Данное утверждение соответствует наблюдениям К.Крамш, относительно того, что даже небольшой поток речи может объединять огромное знание определенной области в случае вовлеченности данной речи в многогранный культурно-исторический контекст [12, с.30-55].

В лингвокультурном направлении ряд исследователей допускает, что концепт в традиционном ракурсе может выходить за рамки своего денотативного значения, приобретая объемный коннотативный смысл и символическую функцию. При этом вся составляющая концепта демонстрирует коллективный общий опыт сообщества и формирует представление об идентичности [10, с.206-208].

В результате анализа языкового материала макрополе шуг. *Kata-Čid*, руш. *Kona-Čod* – «Малая родина» было подвергнуто деструктуризации и представлено в виде трех микрополей: 1. архитектурные элементы, связанные с идеей «малой родины»; 2. лингвокультуремы, выражающие значение «малой родины» и 3. коллективные понятия. Семиотические особенности и культурная специфика микрополей данного поля не обозначены отдельными наименованиями в исследуемых языках, что являлось предпосылкой для образования лексических лакун. Такое языковое явление соответствует констатации того, что всегда существуют понятийные области, которые не находят свое выражение или определение в языке в силу отсутствия необходимого внимания. Согласно В.Л.Муравьеву, «не все способы выражения понятий закреплены в равной степени в языке» [9, с.5], т.е. это указывает на то, что один и тот же концепт в

одном языке может быть представлен широким набором языковых средств, тогда как в другом языке та или иная его характеристика может быть упущена.

Следует указать, что при анализе всего состава макрополя шуг. *Kata-Ĉid*, руш. *Kona-Ĉod* «Малая родина» в целях соблюдения краткости преимущественно представлены лексемы и выражения шугнанского языка, которые в большинстве случаев имеют аналогичные соответствия в других языках данной группы. Итак, методом деструктуризации исследуемого макрополя выявленный пласт лексических единиц был классифицирован по трем микрополям, характеризующим его семантическое пространство следующим образом:

Таблица 1 – Семантико-когнитивная структура макрополя *Kata-Ĉid* – «Малая родина»

Макрополе <i>Kata-Ĉid</i> - «Малая родина»			
Ядерная зона: шуг. <i>kata-ĉid</i> , руш. <i>kona-ĉod</i> , шуг.-руш. <i>watan</i> , шуг.-руш. <i>diyor</i> , шуг.-руш. <i>joydod</i>			
Микрополе	Кол-во единиц	Описание	Примеры
Архитектурные элементы со значением малой родины	9	Лексемы, отражающие материальные и пространственные аспекты родины	<i>kicor</i> – очаг, <i>pidīnd</i> – порог <i>zīngak</i> – выступ очага
Коллективные понятия	7	Лексемы, обозначающие коллективные явления и групповые понятия	<i>tabāq</i> – несколько домов <i>qišloq</i> – село, <i>ĵamoat</i> – джамаат <i>Pomīr</i> – Памир
Выражения с семантикой малой родины	23	Лексемы и выражения, подчеркивающие эмоционально-ценностное содержание	<i>dod ĉid</i> – отчий дом <i>kata-ĉid</i> – дедовский дом <i>mi ĉid-and nof ĉūjīn</i> – родился в этом доме

В соответствии с выбранным методом структурирования выявленные три отдельных микрополя способствовали более широкому отражению составляющих материальные, эмоционально-эстетические и общеколлективные аспекты концепта *Дом* в шуг.-руш. группе языков. В рамках микрополя «Архитектурные элементы со значением малой родины» выявлено 9 лексических единиц и синтаксических конструкций, обозначающих архитектурные элементы традиционного дома. Среди них выделяются шуг. *kicor*, сар. *kacūr*, руш., хуф. *ardōn*, бр., рош. *radōn* «очаг»; шуг. *zīngak*, руш. *zong*, хуф. *zaeng*, бр. *zing*, *zingak*, рош. *zāng* «передний выступ очага»; шуг.-руш. *sitan-en* «столбы»; шуг.-руш. *pīnz sitan* «пять столбов»; шуг. *nēx*, руш., хуф. *nox*, бр., рош. *nōx*, сар. *nox* «нары», «возвы-

шенности вдоль стен». Кроме того, в данное микрополе входят шуг. *pigāl*, также *sarpigal*, руш. *pagal*, хуф., бр. *sarpagal*, рош. *sarpegal*, или *darvazīn* «край крыши»; шуг., руш. *dupeša*, бр., рош. *darbuša* «узкий коридор от основания до двери», а также шуг. *roygā*, руш., хуф. *pōgā*, бр., рош. *rayga*, сар. *ruygo* («пол», «основание»). Данные культурно маркированные лексемы, как в отдельной форме, так и в составе синтаксических конструкций, отражают символические значения пространства, тесно связанные с понятием «малой родины». Эти коннотативные оттенки придают речевому контексту носителей языков выраженную оценочную окраску.

В рамках лингвокультурного анализа следует подчеркнуть, что в культурах исследуемых народов понятие «дом» как концепция «малая родина» формируется еще на этапе его строительства. Одним из базовых архитектурных элементов данного процесса является шуг. *kīcor*, который выступает не только в роли оси дома, но и является символическим пространством поддержания жизненной энергии, комфорта, уюта и тепла. Особое внимание уделяется его переднему выступу, именуемому шуг. *zīngak*, функционирующему в роли своеобразного алтаря, где проводится большинство жизненно важных ритуалов. Архитектурные элементы традиционного дома шуг. *kīcor* и шуг. *zīngak* при наличии сформулированных под влиянием историко-культурного опыта дополнительных смысловых значений, выступают как метафорические символы истоков, точек возврата и мест детства. Такие коннотативные значения данной лексемы, как «родной край», «малая родина», обнаруживаются в составе синтаксических конструкций шуг. *dod zīngak*, руш. *ped zong* – букв. «отцовский выступ», шуг. *nān zīngak*, руш. *mod zong* – букв. «материнский выступ». С учетом данных контекстов, демонстрация значения «малая родина», «родной край» проигрывается лексемами шуг. *dod*, руш. *ped* «отец», шуг. *nān*, руш. *mod* «мать». Эти термины родства, усиливая в контексте названных синтаксических конструкций значение «родной край», ярче отражают культурно-пространственные и когнитивные связи, являющиеся коллективными идентификаторами носителей исследуемых языков.

Маркером «малой родины» в шуг.-руш. группе языков также выступает метафорическое выражение шуг.-руш. *pīnz sitan* – «пять столбов» (шуг., руш., хуф., бр., рош. *sitan*, сар. *s(ы)tan*, перс.-тадж. *sutun* – «столб», «колона», заимствованное из перс.-тадж.). Столбы традиционного дома являются не только физическими опорами кровли, но и несут в себе значительную культурную нагрузку, поскольку каждый из них в отдельности обладает обрядово-ритуальными и нравственно-моральными функциями. На материальном и культурно-нравственном уровнях пять столбов отражают глубинные когнитивные схемы коллективного мировоззрения, а также передают значения «устойчивость», «защищенность», «уют», «комфорт». Экспрессивная конструкция шуг. *Mustākam vi!*, руш. *Mustākam vaw!* «Будь устойчивым (крепким)!!», вознесенная мастером при полном завершении постройки дома с обращением к главному столбу [4], является своего рода призывом к стойкости и устойчивости пребывания, родной земли, родного края.

В рамках предложенной группы лексических единиц со значением «малой родины» значимое место также занимает лексема *nêx*, используемая для обозначения «нар», «возвышенности вдоль стен». Использование этой лексемы в составе ряда синтаксических конструкций и выражений, в том числе шуг. *mi nêx*, руш. *to nox* бр., рош. *to nêx* «мои нары»; шуг. *xi nêx tir*, руш. *xo nox tur*, бр., рош. *xo nêx tur* «на своих нарах»; шуг. *tar xi nêx*, руш. *tar xo nox*, бр., рош. *tar xo nêx* «до своих нар», демонстрирует семантический сдвиг прямого обозначения данной единицы благодаря метафорическим и ассоциативным процессам в ходе языкового и культурного развития. С когнитивной точки зрения, притяжательное местоимение шуг. *mi*, руш., бр., рош. *to*, «мой, моё, мои», а также возвратное притяжательное местоимение шуг. *xi*, руш., бр., рош. *xo* «свой, своё, свои» в составе этих синтаксических конструкций играют ключевую роль. Маркируя субъективное пространство и устанавливая границу между «своим» и «чужим», эти местоимения создают структурированное восприятие окружающего мира, личного пространства и образа «малой родины». В семантике этих синтаксических конструкций ощущается эмоциональная окраска и отношение носителей языков к данному архитектурному элементу. Создается понимание того, что лексема шуг. *nêx* – это не просто название «возвышенности вдоль стен», а место, наполненное комфортом, уютом и внутренним единством. Способствуя когнитивной категоризации, эти местоимения выделяют возвышенности вдоль стен традиционного памирского дома как часть личного опыта и культурной самобытности носителей шуг.-руш. группы языков. Поэтому в приведенных синтаксических конструкциях притяжательные местоимения не только показывают факт владения, но и систематизируют осознание когнитивного пространства, акцентируя внимание на эмоциональной и личностной связи между человеком и окружающим его пространством.

Согласно рассуждениям И.Ф.Туана о категории пространства и места (*Space and Place*), можно прийти к выводу, что корреляция физической и культурно-психологической сторон пространства формирует не только восприятие жилища, но и укрепляет его как носителя коллективной идентичности и эмоциональной вовлеченности. Любой вид пространства, будь то открытое место, жилье, дом, деревня или страна, как таковое, не обладает определенными дополнительными значениями, однако оно приобретает символическое содержание вследствие опыта и восприятия носителей культуры, живущих в нем. Носители культуры, формируя устойчивые культурные связи со средой, нагружают пространство и место эмоционально-культурной символикой, включая чувство сопричастности, уюта или, напротив, отчуждения. В результате каждая культура формирует собственное восприятие окружающей среды (дома, деревни или любое другое локальное место), превращая его в некое пространство, где коллективное осознание совместного бытия и традиции усиливают чувство единства и духовной принадлежности. И.Ф.Туан утверждает, что дом – это не просто строение, он является «полем заботы» (*field of care*), где накапливаются воспоминания, чувства и личная история. Дом – это старое родовое поместье, старый район, родной город или родина [13, с.137-138, 140-144].

Исходя из высказываний К.Крамша о пространстве и месте [12, с.30-55], фразовые выражения, которые могут встречаться в той или иной традиции, являются проявлением общих когнитивных моделей носителей культур и дополняют понимание сказанного как символического центра, отражающего коллективный опыт сообщества. Подобная концептуализация говорит о том, что язык, который служит средством записи и передачи культурных значений, играет основополагающую роль в структурировании и передаче общих взглядов и установок.

Согласно вышесказанному, в рамках исследования структурно-когнитивного содержания концепта *Дом* в шуг.-руш. группе языков на основе микрополя «архитектурные элементы с оттенком значения малой родины» демонстрируется тесная связь между архитектурными частями и физической организацией пространства, а уникальное восприятие семантики «родного края», «малой родины» отражено в лексических единицах и выражениях, определяющих эти элементы. Анализ данного микрополя позволил выявить, что ряд архитектурных элементов, несущих коннотативную нагрузку значения «малой родины», передают сложные культурные смыслы и в качестве метафоры формируют уникальную общность взглядов и установок. Именно такие маркированные языковые конструкции в качестве основного инструмента языка фиксируют, передают и структурируют общую картину мира носителей языков относительно концепта *Дом*.

Нельзя не согласиться с И.Ф.Туаном относительно его утверждения, что осознание пространства выявляется не только его физическими свойствами, но и эмоциональным и культурным опытом носителей культуры [13, с.65-67]. В контексте данного исследования подобный подход способствует формированию представления о родине как о пространстве, характеризующемся эмоциональной насыщенностью и коллективной идентичностью. Результаты анализа данного микрополя свидетельствуют о том, что вследствие синтеза практического и символического значений можно по-новому выявить осмысление дома как «малой родины», где материальное и эмоциональное переплетаются в единой системе смысловых связей.

Микрополе «*Коллективные понятия*» характеризуется наименьшим количественным составом и включает 9 лексико-синтаксических единиц. Несмотря на ограниченное количество, данные единицы обладают высокой лингвокультурной значимостью как маркеры концептов единства, сплочённости и родовой идентичности. В состав данного микрополя входят такие лексемы и синтаксические конструкции, как шуг.-руш. *tabāq* – несколько домов, совместно решающих бытовые и социальные вопросы; шуг.-руш. *qişloq* – село; шуг.-руш. *jamoad* – административное объединение, включающее несколько сёл; шуг.-руш. *diyoor* – селение, страна, округ, родина; *joydod* – местожительство, родные места; шуг.-руш. *Pomir* – Памир; *māš jamoad* «наш джамаат», и *tu/māš diyor* – синтаксические конструкции, обозначающие коллективную принадлежность к определённой территории. Такая картина дает нам основание рассматривать данное микрополе в качестве лингвокультурного репрезентанта макрополя «Малая родина».

Единицы микрополя «*Коллективные понятия*» отражают устойчивые формы социального устройства, типичные для традиционных сообществ, где важную роль играет коллективная форма жизни. Например, шуг.-руш. *tabāq* как объединение домов – это не просто бытовая, социальная категория, а укоренённая модель взаимосвязи и взаимодействия обитателей этих домов. Единицы, входящие в данное микрополе, выражают чувство соотнесенности к родному месту, идентификацию с определённой территорией или социальной группой (*māš joydod* «*наше место*», «*наш край*» *tu diyor* «*мой край*»), что указывает на глубокую лояльность и социальную идентичность. Семантика таких единиц, как *tabāq* и *jamoot*, пронизана идеей коллективной взаимопомощи, совместного решения общих проблем, что отражает традиционные формы кооперации, основанные на доверии и общности интересов. Указанные признаки позволяют отнести это микрополе и к лексико-семантической реализации концепта *Дом* в рамках лингвокультурной парадигмы исследуемой языковой группы. Актуализация в семантике этих единиц значений коллективной взаимопомощи и объединения усилий во благо сообщества выходит за рамки сугубо бытового взаимодействия. С этой точки зрения, в лингвокультурной картине мира шугнано-рушанской этнической группы дом является символом общности, безопасности, поддержки и укоренённости. Чтобы чувствовать всю культурную нагрузку репрезентантов концепта *Дом* через призму исследуемого микрополя в значении «Малой родины», необходимо опираться на внутренний культурный и когнитивный багаж – на знания, накопленные о мире через опыт, традиции, язык и коллективную память» [7, с.165]. В данном контексте лексемы шуг.-руш. *tabāq* и шуг.-руш. *jamoot* проявляются в форме расширенного дома, своего рода макромоделей дома, в котором ряд родственных и соседствующих домов и шире – поселений организуют единую ячейку, функционирующую согласно принципам доверия и взаимной поддержки.

Следовательно, с точки зрения метафорического и культурно-ценностного аспекта, микрополе «Коллективные понятия» является репрезентантом как макрополя «Малая родина», так и концепта *Дом* в языковой картине мира носителей данной культуры.

Микрополе «Выражения с семантикой малой родины» представляет собой наиболее объёмный сегмент в структуре исследуемого макрополя, поскольку оно представлено наибольшим количеством выражений, фразеологизмов и устойчивых единиц, в сумме насчитывающих 23 единицы. Каждая единица подчеркивает эмоционально-ценностный аспект данного микрополя в структуре концепта *Дом* в шуг.-руш. группе языков. Системный анализ концепта, в данном случае макрополя, согласно утверждениям Телии, «позволяет выявить глубинные культурные смыслы, зафиксированные во фразеологическом фонде языка, и в полной мере отразить ценностные ориентиры носителей» [11, с.14-17]. Представленные выражения в большинстве своем являются некими стереотипными выражениями, которые «уподобляются фразеологизмам, носят устойчивый характер, усваиваются в готовом виде, сохраняют устойчивые грамматические формы. В различ-

ных лингвистических традициях их называют фразеологическими выражениями, формулами речи и т.п.» [6, с. 57].

Анализ фрагментарных выражений и синтаксических конструкций дает возможность обнаружения дополнительных смыслов внутри концепта, чем самым широко раскрываются его ценностные стороны. Такой комплексный подход к исследованию когнитивной структуры макрополя шугн. *Kata-čīd*, руш. *Kona-Čod* - «Малая родина» создает основу для выявления семантических связей и ассоциативных признаков, формирующих в коллективном сознании стереотипы, приписанные объекту. Опираясь на понятие «концептуальная информация», Н.Н.Болдырев акцентирует внимание на существенности этой информации в том плане, что «именно концепт определяет семантику языковых единиц, используемых для ее передачи» [3, с.84]. С этой точки зрения, ряд синтаксических конструкций и выражений рассматриваемого макрополя шуг.-руш. группы памирских языков не только передает огромную концептуальную информацию, но и существенно способствует раскрытию всего семантического поля концепта Дом в картине мира носителей языков.

Такие фразы с составным компонентом шуг. *nêx* – «возвышенности вдоль стен»: шуг. *tar xu nêx xu firêptow* букв. «дойти до своих нар», т.е. «вернуться в родной край», шуг. *xu nêx ti xu rost čīdow* букв. «лечь на свои нары», т.е. «находиться у себя дома») и шуг. *xu nêx ti xu pod-en ađertow* букв. «выпрямить ноги на свои нары», т.е. «вернуться в родной дом, на родную землю», шуг. *artam xu bar-nêx-and šo* «каждый на своих главных нарах царь», шуг. *ar tam xu čīd-and podčo* «каждый в своем доме король» демонстрируют глубокое чувство принадлежности и эмоциональной связи с пространством, символизирующим родное жилище, родное место. В семантике вышеприведенных выражений обнаруживается как физическое нахождение в пределах родного края, так и когнитивные ориентировки, связанные с понятием *родной край*.

В лингвокультурной парадигме шуг.-руш. группы языков понятие «дом» выходит за пределы его обычной трактовки как «жилище», то есть места постоянного или временного проживания. Согласно теоретическим представлениям о стереотипизации и формульности в языке, анализируемые выражения, в том числе шуг. *dod čīd*, руш. хуф. *ped čod*, бр., рош. *ped čöd* «отцовский дом», *boboyi čīd*, руш. хуф. *boboyi čod* «дом предков», шуг. *dod zīngak*, руш. *ped zong* – букв. «отцовский выступ», шуг. *nān zīngak*, руш. *mod zong* – букв. «материнский выступ», шуг. *dod zamīn*, руш. *ped zamīn* «отцовская земля», «отцовский дом», шуг. *bob zamīn*, руш. *būb zamīn* «земля предков», «родной дом», представляют собой устойчивые, стереотипные конструкции. Частое их употребление говорит об их устойчивости и закреплённости в языковом коллективном сознании, где они традиционно служат для репрезентации родовых связей и подчеркивают значимость истоков человека. В их семантике отражены культурные, социальные и когнитивные стереотипы, установленные в сообществе носителей этих языков.

Таким образом, макрополе «Малая родина» в рамках семантико-когнитивной структуры расширяется как в значении функционального назначения дома, так и представления о происхождении, духовных ориентирах, а также глубокой эмо-

циональной привязанности и чувстве принадлежности к своему пространству, к своему дому. В семантике стереотипных выражениях *dod ċīd* и *boboyi ċīd* выявляется сакральная значимость «родового очага» и демонстрируется отчетливо выраженное уважение к отцовскому дому, к дому предков. Обладая устойчивой, стандартизированной формой, эти стереотипные выражения играют ключевую роль в моделировании общего представления о семье, происхождении и родовых традициях.

С позиции лингвокультурной парадигмы, макрополе шуг. *Kata-Ċīd*, руш. *Kona-Ċod* – «Малая родина» в семантико-когнитивной структуре концепта *Дом* является результатом накопления в сознании носителей шуг.-руш. группы языков представления о доме как о родной земле, родном крае, родовой преемственности и сакральной связи поколений. Тем самым это макрополе выступает в роли ключевого элемента, определяющего систему ценностей как в рамках данного макрополя, так и в целом в структуре концепта *Ċīd* - Дом. Все стереотипное составляющее данного микрополя становится посылом для формирования негативно маркированного значения глагола шуг. *ċīd pat ċīdow*, руш. *ċod pat ċegow* «сносить дом». В коннотативном плане этот глагол отражает нежелательное нарушение сложившихся культурных сценариев почитания семейного очага, родного места. На наш взгляд, коннотативное поле данного глагола возникает в контексте традиционного представления о том, что нарушение культурных стереотипов относительно родового гнезда и связи между поколениями может сильно затронуть ценностную картину мира сообщества.

В случае, если родовой дом всё же подлежит сносу, традиционно предписано проведение ритуала, направленного на умиротворение духа предка, что отражено в обряде шуг. *ba nīmi arwogīn xidoyi ċīdow*, руш. *ba nomi arwogon xidoyi ċegow* – «жертвование во имя духа предка». Этот обряд, представляющий собой своеобразный лингвокультурный код, образует языковые формулы, заключающиеся в вознесении молитвы к усопшему, а также ритуальные действия, сводящиеся к жертвоприношению, угощению у могилы предка, которому принадлежал дом для сноса. Таким образом, чтобы получить одобрение духа предка на снос родового дома, у народов Западного Памира формируется целостный «культурный сценарий» взаимодействия с миром предков.

В этнографических источниках, таких как исследование традиционного памирского дома К.С.Васильцова, данный сценарий предполагает приглашение старейшин и халифа, приготовление ритуальных блюд и их совместное потребление у могилы предка. Жертвоприношение во имя духа предка заключается в прочтении молитвы и прошении разрешения на снос дома. Затем зажигается свечильник, который с целью завоевания расположения духа предка оставляется на несколько дней [4]. В лингвокультурной парадигме данный сценарий выступает показателем того, как языковые выражения и ритуальные формы фиксируют ценностные отношения к пространству, к дому как к базовому элементу коллективного самовосприятия. В культуре носителей шуг.-руш. группы языков «снос дома» обосновывается культурными, мифологическими и религиозными мотивами, что придает дому сакральную значимость в глазах тех, кто ценит и почита-

ет традиции, связанные с родовым гнездом. Ритуалом семья выражает свою благодарность предку за защиту и уют, которые были обеспечены для членов семьи с построением дома. Это акт признания заслуг умершего, гарант того, что его заслуги не забудут и не осквернят.

Составной частью фразовых единиц шуг. *dod zīngak* – букв. «отцовский выступ очага», шуг. *nān zīngak* – букв. «материнский выступ очага» является лексема шугн. *zīngak* «выступ очага». Вероятно, стереотипное выражение шуг. *nān zīngak* является более поздним образованием, однако частотность его использования говорит о том, что выражение глубоко усвоено носителями языков. Следует отметить, что словосочетания шуг. *dod zīngak* и шуг. *nān zīngak* в речи носителей соответствующих языков могут маркироваться как положительной, так и отрицательной коннотацией. Если в одном контексте эти выражения могут звучать как похвала, одобрение или позитивная характеристика, то в другом – как критика, насмешка или негативная оценка: шугн. *xu dod zīngak ti-yum nūšć*, руш., хуф. *xo dod zengak ti-yum nušč* «я нахожусь в своем отцовском доме»; шуг. *yam na tu dod zīngak*, руш., хуф. *yim na ta dod zengak* «это не твой отцовский дом». Выступ, как часть традиционного очага, в культуре шугнано-рушанской этнической группы коррелирует с понятием «родной дом», «малая родина», тогда как сам очаг испокон веков был и остается центром, объединяющим всех членов большой семьи, равномерно даруя им тепло и свет. В коллективном сознании носителей культуры лексемы шуг. *čīd*, шуг. *kicor*, шуг. *zīngak* идентифицируются с понятиями *отцовский дом*, *родина*, *родная земля*, *родной порог*, *корни*, *семья*, *род*.

Такие выражения, как шуг. *xu pigal ta soyibi kin-en*, руш., хуф. *xo pagal ta soyibi kin-an* букв. «нужно смотреть за краем своей крыши», в значении «быть хозяином своего дома, земли, родины», шуг. *ḫāb-am ḫēm* – «приют», «ночлег», «свой угол»; шуг. *wi-nd na ḫab-at na ḫem* «у него нет ни приюта, ни пропитания», в значении без дома, без родного угла, шуг. *xu nān zīngak ti xu is čīdow*, руш., хуф. *xo nān zengak ti xo is čegow* – букв. «чувствовать себя на материнском выступе очага», в значении «чувствовать себя комфортно», «чувствовать в своем доме», «радость от пребывания в родном крае» и многие другие выражения с оттенками значения «малая родина» придают концепту *Дом* в исследуемых языках значение причастности человека к пространству проживания (дом, двор, село, край), отражая невидимую, но крепкую связь между ним и местом его детства, местом всей его жизни, местом, где он испытывал самые счастливые моменты.

Логическая связь между этим иерархическими слоями – макрополя шуг. *Kata-Čīd*, руш. *Kona-Čod* и концепта *Дом* проявляется в их совместном формировании целостной когнитивной модели, где материальные и эмоциональные компоненты интегрируются, обеспечивая многомерное представление изучаемого концепта. В этом случае понятие «дом» воспринимается не только как место проживания конкретной семьи, но и как символ родной земли, с которой связана личность каждого человека. Данный аспект включает в себя идеи принадлежности, исторической памяти и эмоциональной привязанности к месту рождения. Этот пласт концепта особенно важен в традиционной культуре шугнано-

рушанской этнической группы, где привязанность к родному селению или долине формирует основу идентичности.

Такие высказывания, как шуг. *māš-ām kaz di čīd-and ĵudo sat* «мы вышли из этого дома» и шуг. *uz-um yik di čīd-and nof čujin* «я родился в этом доме» (букв. мне вот в этом доме пупок отрезали), отражают в первом случае генеалогический источник, а во втором – символ перехода из материнской утробы в дом, где было заложено начало жизни. Посредством генеалогического источника дом демонстрируется не только в качестве временного жилья, но и в значении исторической и социальной модели, из которой формируется группа людей. Концептуализация посредством момента рождения символизирует дом с материнским лоном, то есть дом питает, дает кровь и жизнь.

Таким образом, анализ макрополя шуг. *Kata-Čīd*, руш. *Kona-Čod* показывает, что концепт *Дом* в исследуемых языках приобретает многослойное содержание посредством взаимодействия микрополей «Архитектурные элементы со значением малой родины», «Коллективные понятия» и «Выражения с семантикой малой родины», которые являются отражением понятий «родина», «территориальная принадлежность» и «семейная идентичность». Метафорическое перенесение значений, структурирование ментальных схем и связь с культурной памятью подчёркивают, что дом – это не просто физическое пространство, а символический узел, объединяющий личный и коллективный опыт.

Анализ микрополей в интегрированной форме, играя ключевую роль в раскрытии полной картины концепта *Дом*, позволил не только определить структурно-семантические параметры, но и составить представление о культурно значимых ценностях, связанных с переживанием родного пространства, обуславливая тем самым глубокое эмоциональное восприятие и интерпретацию этого концепта в сознании носителей языков и культур.

Литература

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 1996. – 138 с.
2. Бабушкин А.П., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика и семасиология: монография. – Воронеж: ООО «Ритм», 2018. – 229 с.
3. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 185 с.
4. Васильцов К.С. Алам-и сагир: к вопросу о символике традиционного памирского жилища [Электронный ресурс] / Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-884314-159-6/ МАЭ_РАН. – 30с.
5. Вежбицкая А. Семантика, культура и познание // THESIS. – 1993. – Вып.3. – С.185-206.
6. Гаджиева Н.А., Ярова Я.Р. Стереотипные средства выражения категории «сочувствие» в социально-бытовом дискурсе (на материале лезгинского и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – №8 (50): в 3-х ч., ч.III. – С.57-60.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Изд. 7-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.

8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
9. Муравьев В.Л. Лексические лакуны. – Владимир: Владимирский гос. пед. ин-т им. П.И. Лебедева-Полянского, 1975. – 97 с.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ «Восток-Запад», 2007. – 226 с.
11. Телия В.Н. Фразеология как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1986. – 247 с.
12. Kramsch Claire. Language and Culture // [AILA Review, Volume 27, Issue 1](#), Jan 2014. – P.30-55.
13. Tuan Y.-F. Space and Place: The Perspective of Experience. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977. – 235p.

MACRO-FIELD *KATA-ČĪD* – "SMALL HOMELAND" AS A REFLECTION OF THE CONCEPT «*HOME*» IN SHUGHNI-RUSHANI LINGUISTIC CULTURE

Nekushoeva Shahlo Saidnuriddinovna

Candidate of philological sciences,
senior researcher of the chair of Pamir languages
Institute of humanities named after B.Iskandarov
National Academy of sciences of Tajikistan
736000, Republic of Tajikistan, Khorog, U. Kholdorov str., 4
Ph.: (+992) 93 597 11 76 (m.e)
nekushoevash@gmail.com

The article is dedicated to the study of the concept of "Home" in the Shughni-Rushan linguistic culture through the macro-field of Shughni *Kata-ČĪd* and Rushani *Kona-Čod*, which translates as "*Small Homeland*". The author analyzes how these lexemes reflect not only physical space but also deep emotional and cultural attachment, acting as symbols of native places and identity. The article examines the cognitive structures associated with the concept of "Home" and describes the micro-fields such as architectural elements, collective concepts, and expressions with the semantics of the small homeland. Special attention is given to the metaphorical transfer of meanings, which helps reveal the deep connections between the physical and cultural perceptions of home within the Shughni-Rushani ethnic group.

Keywords: concept *Home*; macro-field; linguistic culture; cognitive linguistics; small homeland; metaphorization; architecture.

**ХАВЗАИ ВОҲИДҲОИ “ВАТАНИ ХУРД” ҲАМЧУН
ИНЪИКОСКУНАНДАИ КОНСЕПТИ “ХОНА” ДАР ЗАБОНҲОИ
ГУРҲУҲИ ШУҒНОНӢ-РУШОНӢ**

Некушоева Шахло Саиднуриддиновна

Номзади илмҳои филологӣ,
ходими калони шуъбаи забонҳои помир
Институти илмҳои гуманитарии ба номи Б. Искандаров
Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон
736000, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Хорог, кӯч. У.Холдорова, 4
Тел.: (+992) 93 597 11 76 (м.)
nekushoevash@gmail.com

Мақола ба таҳқиқи концепти *Хона* дар фарҳанги лингвистикии шугнано-рушанӣ тавассути макрополи шуг. *Kata-Čid* ва руш. *Kona-Čod*, ки маънои “Ватани хурд” дорад, баҳшида шудааст. Муаллиф таҳлил мекунад, ки чӣ гуна ин луғатҳо на танҳо фазои моддиро, балки рабтҳои эҳсосӣ ва фарҳангӣ, ки рамзҳои ҷойҳои ватанӣ ва ҳувият мебошанд, инъикос мекунанд. Дар мақола сохторҳои когнитивии марбут ба концепсияи *Хона* омӯхта мешавад ва микрополҳо, ба монанди унсурҳои меъморӣ, концептҳои коллективӣ ва ибораҳои бо маънии ватани хурд, шарҳ дода мешаванд. Вазтарин диққат ба интиқоли метафорикии маънӣ дода шудааст, ки қумак мекунад, ки пайвандҳои амиқи байни перцепсияи физикӣ ва фарҳангии хона дар гурӯҳи этникии шугнано-рушанӣ ошкор шаванд.

Калимаҳои калидӣ: концепти *Хона*; макросаҳро; фарҳанги забонӣ; лингвистикаи когнитивӣ; “ватани хурд”; метафоризатсия; меъморӣ.

УДК [811.26]

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА У СТУДЕНТОВ ИЗ СНГ НА УРОВНЕ ТРКИ-3

Иванова Валерия Владимировна

Доцент кафедры русского языка и методики его преподавания

Институт русского языка

Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Тел.: +7 (495) 787 38 03, доб.1139

ivanova-vv@rudn.ru

Иностранные студенты из стран СНГ в российских вузах выделяются в отдельную аудиторию обучающихся, нуждающихся в особом подходе к изучению русского языка на стыке методики преподавания русского языка как иностранного, русского как неродного и развития языка у билингвов. При этом студентам необходимо получать и развивать навыки межкультурной профессиональной коммуникации с учётом русской лингвокультуры. Цель данной статьи – привести примеры положительного опыта преподавания в данной аудитории студентов на примере материалов пособия «Мировой Пушкин». Дается обзор упражнений, описывается механика работы, приводится статистика и иные обоснования успешности подхода. Особое внимание предлагается уделять развитию навыков продуктивных видов речевой деятельности, а также междисциплинарным заданиям и работе с материалами, имеющими высокую лингвокультурологическую ценность.

Ключевые слова: студенты из СНГ; методика преподавания русского языка; русский язык как иностранный; РКИ; русский язык как неродной; лингвокультурология.

Доля иностранных студентов из стран СНГ в российских вузах «около 8% от общего числа всех студентов в вузах России» [ТАСС, 2025, эл. источник]. Данный факт привела замдиректора Института психологии Российского государственного педагогического университета имени А.Герцена Галина Иконникова на конференции. «Взаимодействие национальных образовательных систем стран Содружества как фактор повышения качества образования на пространстве СНГ», состоявшейся в Душанбе в апреле 2025 года. При этом эксперт подчеркнула стабильное повышение количества обучающихся из стран Содружества.

Иностранцы, поступившие в высшие учебные заведения России, обязаны пройти обучение на «подготовительных факультетах». Исключение составляют студенты из Республики Беларусь, которые могут быть зачислены сразу на основной курс обучения. При этом «роль русского языка на современном этапе развития как внутри самой России, так и на международном уровне не перестает сокращаться. Не снижается его роль и на пространстве СНГ. Так, русский язык

является вторым государственным языком в Беларуси, официальным языком в Казахстане, Киргизии, в Конституции Республики Таджикистан русскому языку придан статус языка межнационального общения» [10, с.298]. «Русский язык прочно занимает определенные ниши. Представители отдельных профессий (к примеру, деятели искусств и ученые) активно использовали русский язык, сохранив его и в период независимости. ... На уровне межнациональных экономико-политических отношений русский язык приобрел в СНГ своеобразный политический статус. Благодаря некоторым политическим факторам также возросла в Таджикистане важность русского языка и для внутренних процессов» [3, с.72]. 2023-й год в Таджикистане был объявлен Годом русского языка. «Современное состояние и развитие социокультурных процессов, культурные, научные и экономические контакты стран и их народов выдвигают задачи, связанные с изучением роли языка и культуры в профессиональной деятельности. [...] Основу любого сотрудничества составляет профессиональная коммуникация сотрудников, базовыми составляющими которого являются личность, язык, языковая компетентность, культура, являющиеся наиболее фундаментальным и важнейшим инструментом для достижения целей в сфере народного хозяйства, экономики, занятости, уровня жизни» [5, с.48].

Подобная динамика становится вызовом для русистов, задействованных в системе высшего профессионального образования. «Профессионально ориентированное обучение подчиняется проблеме формирования профессионально-коммуникативных навыков учащихся. Данные навыки могут быть сформированы при выполнении комплекса упражнений, так как каждая изучаемая грамматическая форма должна быть последовательно проведена через языковые упражнения к упражнениям в речевой коммуникации. Качества упражнений разной категории должны соотноситься с содержанием намеченной цели определенного этапа обучения, а критерием может служить степень подготовленности учащихся» [9, с.330]. В частности, необходимо определение баланса приёмов из методик преподавания русского языка как иностранного (РКИ), русского как неродного и языковых занятий с билингвами.

Студенты из стран СНГ, приехавшие в Россию для получения высшего профессионального образования, выделились в отдельную аудиторию, нуждающуюся в системном обучении русскому языку. Цели профессиональной межкультурной коммуникации на русском языке выступают на первый план. «Особую роль в достижении профессиональных целей играет знание местной культуры и владение «местным» языком, т.е. средством общения представителей определенного региона, участие которых предусмотрено в деловой коммуникации, что позволяет им быть более интегрированными в производственный процесс и менее изолированными от местных сотрудников и клиентов, избежать риски, связанные с мошенничеством, убытком, дискомфортом, снижением профессиональной эффективности» [4, с.49].

Стоит учитывать, что граждане стран «ближнего зарубежья», приехавшие в Россию получать высшее образование, имеют право доказать владение русским языком как иностранным (РКИ) на уровне ТРКИ-4, соответствующего уровню

образованного носителя русского языка. Действительность показывает, что с данной задачей справляются далеко не все. Так, опыт преподавания русского языка первокурсникам филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН) демонстрирует, что лишь 1 из 15 студентов проходят тестирование на знание русского языка и получают право изучать не РКИ, а иной иностранный язык в группах с россиянами. Соответственно, 14 из 15 студентов с уровнями ТРКИ-3 (а в некоторых случаях – и ТРКИ-2) на занятиях «иностраннй язык» изучают русский язык.

При учёте факта, что иностранные студенты с гражданством стран дальнего зарубежья на I курсе владеют русским языком на уровне ТРКИ-1 (B1+), обучение для них организовано в РУДН в отдельных языковых группах по методике преподавания русского языка как иностранного. Входное диагностическое тестирование показывает, что средний показатель владения русским языком на третьем сертификационном уровне составляет 52%. Данная цифра выведена по результатам анализа ответов более 90 иностранных студентов-первокурсников РУДН из стран СНГ за 3 года (с сентября 2022 по октябрь 2024 года). Тестирование проводилось по материалам стандартизированных тестов по ТРКИ-3 по аспектам «Лексика. Грамматика», «Чтение», «Аудирование» и «Письмо». Наиболее слабые результаты показывали студенты из Туркменистана. Наиболее высокие – обучающиеся из Армении, Казахстана и Кыргызстана. Студенты из Таджикистана демонстрировали результаты от «неудовлетворительно» до «отлично». В случае, когда учащиеся из СНГ демонстрируют уровень владения русским языком ниже ТРКИ-2, они переводятся в группы студентов из стран дальнего зарубежья.

Высокий уровень владения языком таких учащихся вызывает трудности у преподавателей, так как учебных пособий и учебников по русскому языку для иностранных студентов, обучающихся с «нулевого уровня» по ТРКИ-2, значительно больше, чем аналогичных для уровня ТРКИ-3. Решение можно найти в специализированных учебных материалах по русскому языку для билингвов, в пособиях по развитию русской речи, а также в комплексах упражнений по формированию и укреплению коммуникативных компетенций общения на русском языке. С учётом того, что студенты получают высшее профессиональное образование, логичен фокус на материалах научного стиля русского языка и русской лингвокультурологии. «Невозможно обучать языку в отрыве от культуры народа – носителя этого языка. Слово отражает жизнь общества, поскольку слово – материальный комплекс, за которым закреплено определенное значение, обусловленное национальной культурой. Следовательно, обучение неродному (в данном случае русскому) языку сопровождается целью формирования «вторичной языковой личности» (термин Ю.Н.Караулова), которая с усвоением языка впитывает и культуру, отраженную в этом языке, адекватно воспринимает и понимает особенности русской картины мира, ментальность и традиционные ценности русского этнос» [2, с.342]. При этом «чем динамичнее будут развиваться связи между государствами, тем реальней будет просматриваться объективная потребность в знании русского языка. Решение проблем языковой ситуации непосредственно

связано и с сохранением и развитием национальной культуры, которая является составной частью цивилизационных процессов нации» [10, с.304].

Учебный процесс по русскому языку для студентов из СНГ проходит в отдельных аудиториях и построен, в том числе, по правилам методики преподавания русского языка как неродного с элементами лингвокультурологии, лингвострановедения, культуры речи, развития речи, а также аналитического чтения художественной литературы. Особое внимание уделяется коррекционной языковой работе, а также развитию навыков продуктивной речи: письма и говорения. Цель обеспечения участия в речевой деятельности достигается через широкое использование коммуникативных упражнений, что соответствует методике преподавания русского языка как иностранного, в том числе – как неродного. Под коммуникативными упражнениями понимается «вид творческих упражнений, обеспечивающих формирование речевых умений и наиболее высокий уровень практического владения языком. С позиции коммуникативно-деятельностного подхода такие упражнения считаются ведущими на занятиях, и на их выполнение рекомендуется отводить основную часть учебного времени» [1, с.103].

Предположительно эффективными могут быть междисциплинарные упражнения для развития коммуникативных навыков на русском языке. «В современной лингвистике к малоизученным относятся проблемы взаимосвязи профессиональной культуры и профессионального общения в различных сферах, в связи с чем требуется комплексное изучение данного вопроса с учетом достижений в области лингвокультурологии, антропологической лингвистики, социолингвистики, психолингвистики и др.» [5, с.55]. Данное утверждение подтверждалось на практике в течение трёх лет обучения иностранных первокурсников филологического факультета РУДН, приехавших из стран СНГ, направлений «Филология», «Психология», «Связи с общественностью», «Журналистика», «Телевидение». В группах представлены граждане Казахстана, Кыргызстана, Молдавии, Монголии, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана. Группы формировались по географическому принципу (из одного региона) и официально подтвержденному уровню владения русским языком – от ТРКИ-2 до ТРКИ-3.

С учётом необходимости расширенного использования коммуникативных упражнений были созданы учебные материалы, которые были апробированы и опубликованы в учебном пособии «Мировой Пушкин» в издательстве «Флинта» в 2025 году. Выход пособия был обусловлен 225-летним юбилеем великого Поэта, а также высокой лингвокультурологической ценностью, освоение которой необходимо для перехода на уровень владения русским языком ТРКИ-4. «Актуализация заложенных в текстах Пушкина мотивов и их воплощение в художественных произведениях говорит о непрекращающемся открытом диалоге читателя и самого Пушкина, о возвращении к текстам разного жанра (не только хрестоматийные поэзия или проза, но и критические статьи и письма), говорит об их перечитывании, установлении новых внутренних связей с российским и европейским общепозитическим контекстом, поиске ответов на волнующие современных читателей и обитателей сети вопросы» [7, с.24]. В данном пособии факты о творчестве Александра Сергеевича Пушкина были сгруппированы по биографиче-

ской хронологии Поэта и его лингвокультурологическому наследию на континентах: в Африке, Европе, Азии, Америке. К изложению материалов применялся междисциплинарный подход с целью развития коммуникативных компетенций у иностранных студентов российских вузов, владеющих русским языком на уровне ТРКИ-3 и представляющих различные направления и специальности. Так, в каждом тематическом разделе («Африканские корни. Детство. Москва», «Лицейские годы. Санкт-Петербург. Европа и Пушкин», «Молодость. Ссылка в Крым. Путешествия», «Зрелость. Болдинская осень. Памятники Пушкину в Азии», «Венчание. Творчество. Признание Пушкина в Америке») даны тексты с лингвокультурологическими комментариями и упражнения коммуникативного характера. Каждый раздел содержит материалы о влиянии творчества Пушкина на музыку, живопись, скульптуру, театр, кинематограф, а также о музеях, посвященных Пушкину.

В упражнениях имеются учебные материалы для развития междисциплинарных умений – так, есть задания на стыке литературы и математики, культурологии и туристического менеджмента, истории и дизайна. Все упражнения поделены на рубрики, среди которых: «Творческая лаборатория», «Дискуссия», «Проба пера. Напишите сочинение», «Экскурсионный тур» и другие. Упражнения направлены на развитие коммуникативных компетенций учащихся через разговорные ситуации, прикладную лингвокультурологию, в том числе – лингвокультуропрофессиологию. Данный термин предложено [5, с.54-55] «использовать для номинации раздела лингвокультурологии, нацеленного на изучение взаимосвязи и взаимодействия профессиональной культуры и языка для специальных целей». Это «полноценная уровневая подсистема национального языка, представляющая собой совокупность особых, характерных для языка, призванного обслуживать коммуникацию в специальной области науки (отрасли), лингвистических (морфологических, лексических, грамматических, синтаксических, семантических) средств и воспроизводимых в системе профессиональной коммуникации формирующихся под влиянием научного мышления специалистов представлений, интерпретирующих факты и явления, связанные не только с общей культурой народа, но и с ценностями материальной культуры, создание которых происходит в результате практической деятельности профессиональной языковой личности в рамках определенной научной языковой картины мира» [6, с.22].

Так, в заданиях рубрики «Творческая лаборатория» учащимся предлагается представить себя в роли различных профессионалов: скульпторов, математиков, географов, историков, дизайнеров, композиторов и др. Например, студенты на занятиях по русскому языку выводят формулу успеха – считают результативность Александра Сергеевича за 88 дней, проведенных в изоляции в Болдине. Коммуникативная часть упражнения побуждает студентов рассказать о своём творческом опыте во время пандемии COVID-19 в 2020 году. В роли композитора предлагается выбрать персонажа из романа в стихах «Евгений Онегин», для которого хотелось бы написать музыку, и пояснить свой выбор. При обсуждении памятника Пушкину в Шанхае, который претерпевал изменения, сносы и восстановления, рекомендуется составить исторический график событий и пояснить

причины изменений в памятнике. При работе над «Сказкой о Попе и работнике его Балде» обучающиеся ставят себя на позиции адвоката Попа и составляют аргументы в защиту его поступков – они поясняют мотивы и обстоятельства, которые побудили антигероя сказки вести себя неподобающим образом. В тематическом блоке «Венчание. Творчество. Признание Пушкина в Америке» много внимания уделяется теме свадебных традиций – студентам предлагается стать дизайнерами свадебных нарядов Александра Пушкина и Натальи Гончаровой, а также стать организатором мальчишника Александра Сергеевича в доме на Арбате.

Развитие продуктивных речевых навыков на русском языке происходит и через задания о живописи, посвященной А.С.Пушкину. Картины «Пушкин-ребёнок», «Портрет Гончаровой», «А.С.Пушкин на акте в Лицее 8 января 1815 года» (И.Е.Репин, 1911 год) и другие дают визуальный материал, который студенты описывают устно по представленным схемам и с использованием слов и словосочетаний из справки. Студентам даются задания для диалогов и дискуссий. Темы имеют высокий мотивационный потенциал – опыт использования материалов в учебных аудитория обучающихся из стран СНГ доказывает, что студентам интересно высказывать свои мнения на темы по типу «Почему Пушкина считают пророком?», «Почему путешествия способствуют творчеству?», «Почему памятник Пушкину установлен в Южной Корее?».

Часть коммуникативных упражнений для развития речи построены на материале русских фразеологизмов и афоризмов. Обучающимся даются различные задания по работе с крылатыми выражениями: найти аналоги в родной лингвокультуре, пояснить значение пословиц, подобрать синонимы, найти иные варианты фразеологизмов с ключевым словом из фразы-примера – например, со словом «золото», «творчество» или «труд». «Изучение этноязыкового сознания на ассоциативном уровне показало уместность и эффективность включения его в дидактическую сферу образовательного пространства при организации учебной деятельности как средства формирования лингвокультурологической компетенции учащихся – отчетливо декларируемого принципа современной дидактики» [2, с.354.]

Все упражнения подбираются в соответствии с темой раздела и раскрывают наследие произведений Александра Сергеевича Пушкина и отражение народной мудрости в его творчестве. Так, при работе с повестью «Метель» авторы предлагают задания к пословицам, передающим ценность супружеской верности и важность единобрачия: «Муж – не сапог: не снимается с ног», «Жена – не рукавица: с белой ручки не стряхнешь да за пояс не заткнешь». В ряде упражнений на установление синонимичности даются справки со словами и выражениями, похожими по значению с анализируемыми примерами. Так, в одном из упражнений даётся 7 фразеологизмов, встречающихся в поэме «Руслан и Людмила», среди которых: «Не ударить в грязь лицом», «Ясный сокол», «Хранить как зеницу ока». В задании сказано: «Найдите соответствие между фразеологизмами и возможными вариантами их значений, представленными в материале для справок (одно значение лишнее)». Студенты не только устанавливают взаимосвязи, но и ком-

ментируют своё решение. К лишнему варианту из справки предлагается подобрать синонимичное выражение.

Часть фразеологизмов подобрана с использованием слов-тюркизмов. У студентов из стран СНГ повышается мотивация к изучению русского языка при узнавании элементов родных лингвокультур, нашедших место в системе русского словаря. Одним из таких слов является «богатырь». Обучающиеся выступают на занятиях с монологическими высказываниями по пословицам «Богатырь умрёт – имя его останется», «Богатырь ни с мечом, ни с калачом не шутит», «Богатыря узнаешь на поле брани» – поясняют их значение, подбирают варианты из родного языка, приводят примеры использования в коммуникативных ситуациях.

Коммуникативные навыки развиваются и через афоризмы. Обучающиеся комментируют слова знаменитых деятелей культуры: писателей, композиторов, художников. Например, студентам для анализа даются фразы: «Чтобы красоту создать, надо самому быть чистым душой» М.И.Глинки и «Пушкин – умнейший муж России» Марины Цветаевой.

Вышеперечисленные задания используются и при развитии устной монологической речи на русском языке как у носителей русского языка, так и у билингов. «Рассказы билингов соответствуют текстам монолингов и отражают степень использования словарного запаса, характерную для своих возрастных групп. Однако качество нарративов значительно отличается, что удастся обнаружить при анализе частотности использования совпадающих в текстах подкорпусов униграмм и биграмм. Сопоставление с принятым в качестве верифицирующего корпуса нарративов монолингов показало разную степень развития нарративных навыков в одинаковых возрастных группах, что прежде всего отражается на степени развернутости элементов нарратива и их унифицированности» [12, с.340].

В каждом тематическом разделе есть послетекстовые задания на понимание прочитанного. Одно из заданий требует не только назвать верные и неверные утверждения, но и обязательно аргументировать свой выбор – устно привести доказательства. Не менее 40% утверждений – ложные.

Письменные речевые навыки развиваются, в частности, упражнениями из рубрики «Проба пера». В каждом разделе авторы ставят задачу написать сочинения с использованием слов, словосочетаний и фразеологизмов по пройденным материалам на темы, например: «Мой незабываемый экзамен», «Дальнейшая судьба героев повести «Метель»», «Моя любимая сказка», «От какой новости в 2020-м году Вы воспряли духом?».

Финальные упражнения построены на анализе стихотворения Александра Сергеевича Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», а также на творческой работе по созданию собственного произведения в честь великого русского Поэта. Обучающиеся выбирают тип произведения: памятник, картина, музыка, стихотворение или нечто «иное». Авторы пособия подсказывают творческий путь конструирования – так, далее даются варианты стиля, в котором может быть создан потенциальный шедевр студентов. На выбор даются классический, авангардный, романтический или реалистический стили. Аудитория также

выбирает биографический период, в котором хотели бы запечатлеть Александра Сергеевича. При выполнении задания необходимо аргументировать своё решение – почему, например, Поэт изображается словом или красками, в период детства или зрелости. Внешняя форма произведения также должна отображать суть – обучающиеся дают ответы на вопросы об одежде, аксессуарах, позе и компаньонах. Выводом работы над творческим произведением в честь Пушкина будет аргументация основной темы – студенты могут предложить свой вариант выбрать из предложенных авторами: «муки творчества», «светлое вдохновение», «величие природы», «гордость за результат».

Контрольное тестирование в конце первого семестра (16-18 учебных недель – 64-72 академических часа занятий в группе 12-23 человека) показывают положительную динамику – результат правильных ответов составляет 66% по аспектам «Лексика. Грамматика», «Чтение», «Аудирование», «Письмо» уровня ТРКИ-3 – прирост составляет 14%. В случае выявления отстающих студентов СНГ им предлагается перевестись в группы для студентов из стран дальнего зарубежья. По окончании первого курса (2 семестра – 36 учебных недель) средняя оценка студентов составляет 68 баллов по шкале из 100 баллов. Около 20% первокурсников из стран СНГ получают оценку «отлично» (от 86 баллов и выше). Около 50% получают в зачётные книжки оценку «хорошо» (70-85 баллов), из которых 3/5 имеют баллы выше среднего. Примерно 30% имеют от 51 до 69 баллов – «удовлетворительно». Случаи неуспеваемости после второго семестра единичны – исчисляются 0-2 фамилиями и объясняются, в основном, слабой явкой на занятия и непредоставлением домашних работ.

Таким образом, для развития коммуникативных навыков на русском языке у иностранных студентов российских вузов из стран СНГ с уровнем владения ТРКИ-3 эффективным видится междисциплинарный подход с использованием материалов по лингвокультурологии, лингвострановедению с заданиями коммуникативного характера и с использованием материалов художественной литературы для развития речи.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Изд-во «ИКАР», 2009. – 448 с.
2. Арынбаева Р.А. Формирование лингвокультурологической компетенции казахстанских учащихся в обучении русскому языку как неродному / Р.А.Арынбаева, Ж.К.Маханова, Н.В.Дмитрюк // Русистика: Лингвистические и лингводидактические проблемы билингвизма. – 2023. – №3. – С.341-355.
3. Бабаджанова М. Знать язык – познать мир: изучение и поддержка русского языка в Республике Таджикистан // Этнодиалоги: научно-информационный альманах. – 2023. – №1 (70). – С.68-82.
4. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). – М.: РУДН, 1997. – 331 с.
5. Воробьев В.В., Закирова Е.С. Коммуникативная лингвокультурология и профессиональное общение // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2023. – №3(81). – С.47-58.

6. Закирова Е.С. Лингвокультурологическая парадигма языка для специальных целей (на материале английского и русского языков для специальных целей в сфере автомобильного транспорта): дис... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.20 / Закирова Елена Сергеевна. – М., 2015. – 447 с.
7. Овчаренко А.Ю., Русакова М.В. А.С.Пушкин как национальный гипертекст (постановка проблемы) // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2023. – №3 (81). – С.17-27.
8. Стрельчук Е.Н. Мировой Пушкин: учеб. пособие / Е.Н.Стрельчук, А.А.Григорян, В.В.Иванова, В.С.Борченко. – М.: Флинта, 2025. – 176 с.
9. Сычева Г.П., Куликова Т.Д. Система упражнений, направленных на формирование профессионально-коммуникативной компетенции при обучении языку специальности // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. №63-1. – С.327-330.
10. Хурсанова Н.Н. Реализация государственной политики Республики Таджикистан в сфере укрепления позиции русского языка // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2023. – №3 (81). – С.298-307.
11. Число студентов из СНГ, обучающихся в РФ, выросло до 20% за последние пять лет [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2025. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/23641203> (дата обращения: 12.08.2025).
12. Шишков М.С. Формирование нарративной стратегии в рассказах билингвов на русском языке: корпусное исследование // Русистика: Лингвистические и лингводидактические проблемы билингвизма. – 2023. – №3. – С.321-340.

DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE SKILLS IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF STUDENTS FROM THE CIS AT THE C-1 LEVEL

Ivanova Valeriya Vladimirovna

Associate professor of the chair of the Russian language
and methodology of its teaching
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 787 38 03, ext. 11 39
ivanova-vv@rudn.ru

Foreign students from the CIS countries in Russian universities are a separate group of students who need a special approach to learning Russian at the intersection of teaching Russian as a foreign language, Russian as a non-native language, and language development for bilinguals. At the same time, students need to acquire and develop their skills in intercultural professional communication, taking into account the Russian linguistic and cultural context. The purpose of this article is to provide examples of positive teaching experiences in this audience, using the materials of the manual "Global Pushkin" as a case study. The article provides an overview of the exercises, describes the mechanics of the approach, and provides statistics and other evidence of its effectiveness. Special attention is given to the development of productive language skills, as well as interdisciplinary assignments and materials with high linguistic and cultural value.

Keywords: students from the CIS; methods of teaching Russian; Russian as a foreign language; RFL; Russian as a non-native language; linguoculturology.

РУШДИ МАЛАКАҲОИ КОММУНИКАТСИОНИИ ЗАБОНИ РУСӢ ДАР ДОНИШЧӢУЕНИ ИДМ ДАР САТҲИ С-1

Иванова Валерия Владимировна

Дотсенти кафедраи забони русӣ ва методикаи таълими он

Донишгоҳи дустии халкҳои Россия

117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6

Тел.: +7 (495) 434 00 01, доб.1139

ivanova-vv@rudn.ru

Донишҷӯени хориҷӣ аз кишварҳои идм дар донишгоҳҳои русия ба аудиторияи алоҳидаи донишҷӯене, ки ба омӯзиши забони русӣ дар марзи методикаи таълими забони русӣ ҳамчун забони хориҷӣ, русӣ ҳамчун забони ғайридавлатӣ ва рушди забон дар дузабонҳо нисз доранд, ҷудо карда мешаванд. Дар ин ҳолат донишҷӯен бояд малакаҳои муоширати касбии байнифарҳангиро бо назардошти фарҳанги забони русӣ ба даст оранд ва инкишоф диҳанд. Мақсади ин мақола овардани намунаҳои таҷрибаи мусбати таълим дар ин аудиторияи донишҷӯен дар мисоли маводи Дастури “Пушкини Ҷаҳонӣ” мебошад. Шарҳи машқҳо дода мешавад, механикаи кор тавсиф карда мешавад, омор ва дигар асосҳои муваффақияти равиш оварда мешаванд. Ба рушди малакаҳои намудҳои самараноки фаъолияти нутқ, инчунин вазифаҳои байнисоҳавӣ ва кор бо маводҳои, ки арзиши баланди лингвокультурологӣ доранд, диққати махсус дода мешавад.

Калидвожаҳо: донишҷӯени ИДМ; методикаи таълими забони русӣ; забони русӣ ҳамчун забони хориҷӣ; РКИ; забони русӣ ҳамчун забони ғайридавлатӣ; лингвокультурология.

УДК 81.11

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ОБРАЗА *ЛЕС*
СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТЕЙ ВАСИЛИЯ КЛИМОВА
«БОГАТЫРСКАЯ ПАЛИЦА» И ВАЛЕРИАНА БАТАЛОВА
«НЕХОЖЕНОЙ ТРОПОЙ»)**

Иванова Светлана Сергеевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка №1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, доб. 15 86
ivanova-ss@rudn.ru

Вологина Наталья Владимировна

Кандидат политических наук, доцент,
проректор по учебной работе
Белорусско-Российский университет
212000, Республика Беларусь, Могилев, пр. Мира, 43
Тел.: +375 22 271 28 21
nvshel@mail.ru

Юсупова Дарья Тимуровна

Ассистент кафедры русского языка №1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, доб. 15 86
yusupova-dt@rudn.ru

В рамках данной статьи анализируется когнитивно-семиотический механизм репрезентации пространственного образа *ЛЕС* в текстах произведений коми-пермяцко-русских писателей XX века Василия Климова «Богатырская палица» (1974) и Валериана Баталова «Нехоженой тропой» (1962). Пространственный образ в текстовом (возможном) мире репрезентируется автором с помощью языковых / текстовых инструментов. В тексте автор и читатель-интерпретатор имеют дело не с пространством как таковым, но с его языковым конструктором. В основу анализа механизма

репрезентации нами положена концепция об операциях номинации, предикации, локализации, которые приводят в действие языковую систему (Ю.С.Степанов). К имени *ЛЕС* в текстах избранных произведений приписываются предикаты, отображающие его физическое, эмоциональное и др. состояние, а также предикаты, обозначающие физическое действие. Благодаря указанным предикатам, авторы формируют так называемую антропоморфную метафору, когда неодушевленный объект мыслится как человеческое существо. Отметим, что в коми-пермяцкой картине мира лес является не просто элементом ландшафта, но другом и помощником человека. С лингвосомиотической точки зрения, *ЛЕС* функционирует в текстах как индексально-иконический знак. Индексальная составляющая возникает в силу того, что ЛЕС является точкой пространства. А иконическая составляющая – это его метафорическая репрезентация в тексте, благодаря которой образ леса наделяется чертами человека.

Ключевые слова: семиотология; репрезентация; пространственный образ; возможный (текстовый) мир; индексально-символический знак; Василий Климов; Валериан Баталов.

Когнитивная лингвистика исходит из тезиса о связи языка и познавательной деятельности. Этот тезис находит свое отражение в теории ментальных пространств, которая была создана Ж.Фоконье. Данная теория представляет собой попытку смоделировать механизмы языкового понимания, исходя из теоретических принципов когнитивной лингвистики [8].

Согласно концепции Ж.Фоконье, между языком и мышлением есть три вида связей: проекционное, прагматически-функциональное и схематическое отображение. Проекционное отображение базируется на метафоре. Прагматически-функциональное основывается на метонимии и синекдохе; оно соотносится с двумя категориями объекта, связанными прагматической функцией: например, автор книги ассоциируется со своим произведением. А схематическое отображение возникает тогда, когда общие схемы, фреймы, модели используются для моделирования ситуации в контексте в соответствии с грамматическими конструкциями [8, с.98].

В целом ментальные пространства, согласно Ж.Фоконье, возникают в сознании человека, когда он думает или говорит. Существует два вида ментальных пространств: базовое пространство, которое используется для описания реальности; а также сконструированные пространства, которые апеллируют к возможным мирам. «Наиболее распространенными являются ментальные пространства, обозначающие время, с маркерами, обозначающими день, месяц и год» [12, с.101].

В 1948 году Э.Толменом был введен в когнитивистику термин «когнитивная карта». На данный момент параллельно используются понятия: *ментальные карты*, *когнитивные*, *интеллектуальные*, *imaginary map*. Везде речь идет о знаковом способе хранения и структурирования информации, имеющей географическую (пространственную) «привязку», о реконструкции и конструировании пространства в сознании. При этом одним и тем же термином могут обозначаться и образ окружающей среды в уме индивида, и карта как объект иконического отображения на плоскости познавательных или эмоциональных представлений людей об окружающем мире. Этот тезис созвучен идее Ю.М.Лотмана о том, что «художественное пространство представляет собой модель мира данного автора, выра-

женную на языке его пространственных представлений» [11, с.213]. Согласно Ю.М.Лотману, в пространственном континууме текста происходит действие и в нем же помещаются персонажи. Языковыми / текстовыми инструментами репрезентации пространства являются определение его границ, наличие системы предикатных знаков, характеризующих его, и детализация объектов и персонажей текста [11].

Когнитивистика ставит акцент на конструировании пространственных образов. То есть объектом могут стать вербальные и визуальные образы как пространственные конструкторы *индивидуального* сознания, а одним из практических результатов – карта как инструмент интерпретации текстов. Вот почему мы останавливаемся на понятии *когнитивное картирование*, которое подразумевает изучение индивидуальных когнитивных особенностей создания, вербализации / визуализации пространственных представлений. По существу, когнитивная карта – не сам пространственный образ, но его формализованная схема.

Отсюда, говоря о пространственных образах в структуре текста / возможного мира, мы ведем речь, прежде всего, об их лингвистическом конструировании.

В рамках данной работы мы анализируем механизм конструирования пространства леса в текстах повестей Василия Васильевича Климova «Богатырская палица» и Валериана Баталова «Нехоженой тропой».

Василий Васильевич Климов (1927-2020) – отечественный коми-пермяцкий и русский писатель, поэт, драматург, сценарист. Из-под его пера вышла книга рассказов «Сломанная ветка» (1960), повесть «Богатырская палица» (1974) и многие другие произведения.

Валериан Яковлевич Баталов (1926-1998) – коми-пермяцкий и русский писатель-прозаик, заслуженный работник культуры РФ (1998). Он является автором таких романов, повестей и рассказов, как «Нехоженой тропой» (1962), «Край мой милый» (1967), «На Иньве» (1968).

Художественное пространство, репрезентированное в повести «Богатырская палица», – это прежде всего пространство леса. В целом, в истории малого коми-пермяцкого народа лес играл и играет важнейшую роль. Как отмечает сам Василий Климов, который, помимо собственно литературного творчества, известен как исследователь-фольклорист, «родина коми-пермяков – таежный край, где много зверя и дичи, небольших рек и родников, лесных парм-возвышенностей и низин» [6, с.171].

Центральные персонажи повести «Богатырская палица» – старый пастух Егор и мальчик-подпасок Петя Алимov – которые в годы Великой Отечественной войны пасут колхозное стадо. Жизнь героев неразрывно связана с лесом. Не случайны слова старика Егора: «Всю жизнь в лесу – вот и оброс мохом», – характеризующие внешность персонажа, до глаз заросшего бородой [6, с.6].

Именно глубокая связь с миром природы является доминантой характера данного персонажа. Будучи «естественным человеком», герой искренне верит в могущество сверхъестественных сил (лешего, болотную хозяйку и других мистических существ, населяющих лес). Но дед Егор не только «естественный человек», живущий в гармонии с природой, он также включен и в социальные от-

ношения. Будучи колхозным пастухом, пасет стадо, однажды обнаруживает в лесу дезертира. Однако главное в характере персонажа – это именно его природное, «естественное» начало.

Рассмотрим текстовый механизм репрезентации пространственного образа ЛЕС, опираясь на концепцию Ю.С.Степанова о номинации, предикации и локализации как лингвистических операциях, приводящих в действие языковую систему [13].

На первом этапе репрезентации пространственного образа в тексте происходит его номинация (присвоение имени).

В повести в художественной форме автор обращается к сугубо, казалось бы, теоретическому вопросу – специфике именования объектов. В лексеме «лес» он видит противоречие между формой и семантикой, когда краткое имя не может охватить поистине необъятный и неподвластный пониманию человека референт:

Лес... Какое короткое имя дали ему люди и какой он сам необъятный. Всем велик лес: и размерами, и красотой, и щедростью даров своих. Сколько веков человек в лесу, кажется, знает его насквозь, а все равно стоит лес непонятный, таинственный... [6, с.51].

Полагаем, можно говорить о том, что в тексте романа Василия Климova «Богатырская палица» пространство леса выступает как самостоятельный персонаж. В возможном мире повести автор создает, по существу, полноценную карту, очерчивая его границы. Для этого в тексте используется серия коми-пермяцких имен собственных, а именно:

а) номинации населенных пунктов: *село Синяшор; деревня Кайдук;*

б) номинации рек: *река Синяшорка;*

в) номинация части лесного массива: *Гавкин мыс*, где *мыс* – выделяющаяся чем-либо из лесного массива часть леса. Приведем фрагмент текста, в котором представлена максимальная географическая конкретизация пространства:

За лесом шел лог, на его дне весело журчал ручей, за логом снова начиналась возвышенность и снова лес. Эти места называют у нас Гавкин мыс. Вот здесь-то, у Гавкина мыса, дед Егор остановил стадо на отдых [6, с.12].

Или в другом фрагменте текста:

Места были знакомые, мы тут с дедом Егором драли лыки, и я уверенно шел к деревне Кайдук, о которой говорил дед. Заблудиться тут невозможно: на севере идет наша, Шумиловская грань, на юге в двух километрах – Шуровская, с запада их пересекает пожарная просека. Правда, к востоку лес тянется до Теплого мыса, но за ним сразу начинаются колхозные поля [6, с.44].

Однако такого рода географическая «достоверность» пространства, даже «документальность», в тексте выступает в неразрывной связи с его мифологизированностью. В языковом аспекте мифологизация проявляется включением в текст номинаций коми-пермяцких фольклорных магических существ: *богатырь Гавка, леший Висел, болотная хозяйка Йома*. В работе «Корни бытия: этнографические заметки о коми-пермяках» В. Климов отмечает, что «неизвестно, откуда появилось прозвище Висьэв (Висел), но ... оно родственно словам «висьнь»

(болеть) или «висйыны» (*отбрасывать, откидывать*), потому что есть вариант этого прозвища – Висйэв» [6, с.215].

Любит Висел над людьми потешиться-посмеяться. Это вроде как работа его. То дорогу у человека украдет, то зверя у охотника из-под самого носа угонит, то сотворит еще какую-нибудь пакость [6, с.35].

Именно Виселу дед Егор оставляет послание на бересте. «Согласно поверьям коми-пермяков, магическое “письмо” лешему может писать только специальный человек – “тöдiсь” (персонаж, аналогичный русскому знахарю). Из рассказов деревенских жителей – в том числе самих “знающих” – следует, что “письмо” лешему до сих пор относится к числу “тайных” обрядов и о его подробностях редко рассказывают непосвященным» [9, с.147-148].

Другой мифологический персонаж, упоминающийся в повести «Богатырская палица», – Йома. Согласно коми-пермяцкой фольклорной традиции, это тетка лешего, «такая же длиннорукая и длинноногая, как он. И людей водит так же, как он» [9, с.218].

В текст включены коми-пермяцкие легенды, связанные с каждым из названных мифических персонажей. Так, богатырь Гавка был отцом прекрасной Зойты, которую похитил трехглавый коршун. Спасая дочь, он трижды метнул в похитителя свою палицу, раз за разом сшибая головы огромной хищной птицы. Однако Зойта все же погибла, а палица «упав, вся ушла в землю, только самый конец рукоятки остался над землей... А лес, куда упала Гавкина палица, издавна называю Гавкин мыс. Посреди его, на пригорке, стоит каменный столбик, похожий на обомшелый пенек... Это и есть рукоять Гавкиной палицы» [6, с.15]. Этот богатырский артефакт в тексте повести выступает символом силы и мужества, а также богатства. Именно этот мифический артефакт стремится найти мальчик Петя в надежде, что под нею таятся несметные сокровища.

Мифологизированность лесного пространства подкрепляется и фольклорным образом цвета папоротника. Это, по словам старика Егора, цветок лешего Висела:

Висел никому не показывает его цвет, таит от людей... Цветок у папоротника небольшой, он имеет большую волшебную силу. Закроешься тем цветком, невидимым станешь. Никакой колдун не может заколдовать того человека, у которого есть этот цветок [6, с.35].

В фольклорной картине мира (как русской, так и коми-пермяцкой) цвет папоротника – символ тайных подземных сокровищ. Однако в тексте повести Климова этот образ приобретает и иные смыслы, соотносимые со временем действия произведения (период Великой Отечественной войны): ... *Кто-нибудь его [цветок] уже нашел бы, превратился бы в невидимку – и конец Гитлеру!* [6, с.66]. Здесь сакральное растение, наделяющее человека способностью становиться невидимым, необходимо не для поиска кладов, но для победы в войне.

Живя в мире легенд, подпасок Петя страшится встречи с потусторонними силами, которые мерещатся ему в обыденных вещах, например, корову, скрывающуюся среди ветвистых деревьев, он принимает за лешего:

Я оглянулся. Среди листвы появилась страшная, бородатая, рогатая рожа. «Лешак!» – мелькнуло в голове... Я осторожно поглядел... Действительно, старая белая корова, каких много в нашем стаде [6, с.45].

Следующим этапом репрезентации пространственного образа ЛЕС в тексте повести В.Климова является предикация, то есть приписывание к имени объекта предикатных знаков.

В логико-семантической традиции предикаты – это языковые знаки, манифестирующие свойства объекта и его отношения с другими объектами. Кроме того, можно говорить и о так называемом бытийном предикате, который «удостоверяет» сам факт наличия объекта в рамках текстового (возможного) мира. В качестве (в функции) бытийного предиката может выступать и целостный контекст. Вводя имя в рамки текста, автор постулирует его присутствие в мире. В каждое высказывание о предмете «встроена» презумпция существования этого предмета, поскольку нельзя говорить о том, чего не существует.

Таким образом, роль бытийного (экзистенциального) предиката, заключающаяся в манифестации присутствия объекта в текстовом (возможном) мире, утверждает, что в «данной сфере бытия имеются объекты определённого типа» [7, с.31]. Бытие – это характеристика, которой обладают все объекты мира. Важно отметить, что этот показатель бытия не детализирует атрибуты объекта, которые позволяют отличить один объект от других. Мы знаем, что объект есть, но не знаем, что он собою представляет.

Кроме собственно бытийного предиката, к имени ЛЕС приписывается целая система других предикатных знаков. Так, например, лес наделяется антропоморфными свойствами, о чем свидетельствует глагольная лексика, характеризующая его (*вздыхает, состарился, охает, кормишь, одеваешь*):

Что-то скрипнуло. А что? Может, сухое дерево? Оно. Вон та засохшая тихта с красно хвоей, это она скрипит. «Это лес вздыхает. Состарился лес, вот и вздыхает. Молодой веселится, старый охает да вздыхает».

Подобно человеку, лес обладает способностью говорить, шушукаться:

Все молчали. Один лес не молчал, он жил своей жизнью; ели и тихты шушукались между собой, на осинах шушала листва [6, с.54].

Лесу присваиваются как позитивные, так и негативные антропоморфные черты. Так, с одной стороны, он помогает человеку выжить, а с другой – может быть опасным для него. Об этом свидетельствуют лексемы *кормишь, одеваешь, заведешь в беду*: *«Сегодня ты, лес, кормишь и одеваешь нас... А завтра возьмешь и заведешь в беду, и нет на тебя ни суда, ни закона» [6, с.51].* В целом, ключевым свойством леса является его суровый по отношению к человеку характер: *Суровы наши прикамские леса. Дед Егор говорил, что лес любит таких людей, которые уважают его порядки, радуют о лесе. Беда с человеком в лесу чаще всего случается по его же вине... [6, с.51].*

Однако лес в тексте повести В.Климова – это не только «суровое» пространство. Временами оно распахивается, наполняется светом, именно в таком ключе автор говорит о поляне среди леса:

Присутствовал страх наступить на этот лужок, чтобы не на рушить, не разрушить такую радость, такую красоту, только смотреть на нее и любоваться невиданной картиной. И я вдоволь любовался. Любовался до такой степени, пока не был одурманен сладким запахом. И не осмелился нарушить этот красивый ковер, который сплели земля, солнце и сладкий воздух леса... [6, с.56].

В данном фрагменте пространственный образ «поляна» репрезентируется посредством лексем со следующей семантикой:

- визуального восприятия: *красоту, картиной, любовался, красивый ковер*;
- восприятия посредством обоняния: *сладким запахом, сладкий воздух*.

В результате пространственный образ репрезентируется как прекрасный, благоухающий.

Можно говорить о том, что, с когнитивно-лингвистической точки зрения, приписывание лесу свойств живого существа суть когнитивная метафора. Она позволяет осмыслять непостижимый объект по аналогии с уже знакомыми, известными интерпретатору [10].

В качестве дескрипций леса выступают также сравнительные обороты, например, ветви деревьев сопоставляются с лапами медведя. В итоге лес предстает перед читателем подобным опасному зверю:

Высокий густо лес обступил небольшую, заросшую бурьяном полянку. Высокие старые ели и пихты протянули к ней свои мохнатые ветки, похожие на медвежьи лапы, словно приготовились кого-то схватить [6, с.17].

Пространство леса в тексте наполнено живыми существами, которые по своему одушевляют его. Автор использует общие имена – названия птиц и насекомых, не сопровождая их системой предикатных знаков (*дятел, кукушка, голубь, личинка короеда, комары*):

В лесу отовсюду слышатся звуки, как всегда бывает в ветреный день: какие-то шорохи, шелест, шуршанье, тихий треск и среди этого лесного шума четко раздается стук дятла и кукование кукушки [6, с.29].

Аналогично в другом фрагменте:

Пели птицы, изредка кричал дятел, курлыкали лесные голуби... неожиданно с громким хлопанием крыльев взлетит тетерка, заглушит птичий гомон. Вот она села на дерево, и на какое-то мгновение наступает тишина, только слышно, как в сухом дереве скрежещет личинка короеда, и жалобно пищат комары [6, с.54].

Не только верхние ярусы леса населены живыми существами, но и внизу кипит жизнь:

Высокие и низкие, островерхие и пологие, они [муравейники] виднелись тут всюду: и под корявыми низкорослыми елями, и под густыми кустами можжевельника, и возле старых пней [6, с.66].

Таким образом, пространство леса автор репрезентирует как неоднородное, наполненное жизнью и по-своему одушевленное.

Пространство леса, мифологизированное и сакральное, в тексте повести соотносится с пространством деревни. Деревня в рамках пасторальной художественной традиции воспринимается как райский локус. Однако в тексте Климова

идилличность данного локуса нивелируется. Петя, вернувшись из леса в деревню, видит покосившиеся опустевшие избы с разбитыми стеклами, разобранную кузницу. Эти перемены не могли произойти лишь на протяжении нескольких недель пребывания героя в лесу. Автор специально акцентирует внимание читателя на запустении деревни, чтобы не возникало противопоставления между пространством леса и идиллическим пространством деревни.

Герой пребывает не только в пространстве леса и деревни, но и пастбища. Нахождение героя на пастбище показано как время его взросления, возмужания. Не случайно автор указывает, что день рождения Пети приходится на время его пребывания на пастбище со стадом. «Но вот накануне воскресного дня ко мне подошла Титовна и сказала: “Петя, у тебя завтра день рождения?” – Да» [6, с.69]. Если лес предстает как пространство тайное, закрытое, то пастбище более открытое, «распахнутое» светлое.

Примечательно, что лес в качестве полноценного персонажа текста мы можем наблюдать также в повести «Нехоженой тропой» (1962) другого коми-пермяцкого писателя – Валериана Баталова (1926-1998).

В повести «Нехоженой тропой» рассказывается о приключениях ребят-следопытов. Центральный персонаж романа – мальчик-подросток Дима, решивший со своими товарищами отправиться в путешествие по лесу.

Первую часть пути они проделывают по реке на лодке и видят лесистые склоны:

Навстречу плыли то высокие и обрывистые берега, то пологие и низкие, то покрытые коричневато-желтым песком, то заросшие высокой травой и густым ивняком. Прямые, как свечи, сосны, темные высокие ели попеременно с кудрявыми березами и осинами сплошной зеленой стеной подступали к воде. То тут, то там, растопырив сучья и словно застыв в испуге, с обрывистых берегов свисали над рекой деревья [2].

Для репрезентации референта ЛЕС автор использует систему предикатов: (сосны) *прямые, как свечи*, (ели) *темные высокие*, (березы) *кудрявые*, (деревья) *свисают, растопырив сучья*. В итоге пространственный образ предстает перед читателем как сплошная линия деревьев, нависающая над рекой и плывущими по ней путешественниками.

Лес в повести В.Баталова, как и в повести В.Климова, подробно характеризуется с помощью предикатных знаков. И здесь обнаруживается двойственность восприятия леса героями произведения: с одной стороны, лес показан как темное, мрачное пространство, с другой – как прекрасное, в некотором смысле пасторально-идиллическое.

Рассмотрим фрагмент:

В лесу вечер наступает раньше, чем в поле или в лугах. Едва скроется солнце, как уже сгущаются сумерки, деревья закутываются в темную пелену, все предметы вокруг теряют четкость очертаний и смутно темнеют расплывчатыми пятнами. Наступившие сумерки застали ребят у большого бурелома [2].

Здесь представлены такие предикаты, как *темная пелена, теряют четкость очертаний* (окружающие предметы), *смутно темнеют расплывчатыми пятнами*

ми. В результате лес показан автором как темное, опасное, неудобное пространство.

Аналогично и в другом фрагменте:

Но Дима уже ничего не слышал, он спал, и снился ему сон. Как будто идет он, а под ногами у него упругий, пружинящий мох. Дима поднял голову и увидел вокруг глухую тайгу. Он пошел прямо через бурелом, через цепкий ельник, через какие-то овраги. Вокруг перелетали с ветки на ветку стаи тетеревов и рябчиков, их было много, как скворцов осенью. Меж сосен мелькнула быстрая тень волка, над красным малиновым кустом поднялся медведь, стороной пробежал олень, задевая ветви рогами. А Дима шел вперед и совсем не боялся.

Но вот перед ним открылось безбрежное море, по которому катились шумные волны с белой пеной на высоких гребнях [2].

Описывая сон героя, автор показывает пространство леса. К именам его составляющих приписаны внутренние предикатные знаки: *упругий, пружинящий* (мох), *глухая* (тайга), *цепкий* (ельник), *стаи тетеревов и рябчиков, красный малиновый* (куст). Таким образом, пространство леса репрезентируется как темное, нехоженое, тайное, с одним лишь ярким пятном – малиновым кустом.

Несмотря на свою мрачность, лес для героев романа является прекрасным и по-своему близким пространством:

Ребята с сожалением покинули уютный берестяной шалаши и вскоре вошли в лес. Идти было легко, после небольшого ельника начался чистый сосновый бор, выстланный, словно ковром, мягкой золотистой хвоей. Высокие прямые сосны с пушистыми шапками кудрявых ветвей на самых вершинах возвышались вокруг. Их красноватые стволы, словно тысячи колонн, уходили рядами вдаль. Вот уже два километра, три километра тянется бор, и все нет ему конца.

– Какой красивый лес! – сказала Таня.

– Да, красивый, – подтвердил Дима и достал карту [2].

С одной стороны, герои сожалеют о покинутом уютном шалаше. С другой – лес не менее прекрасен. Предикатные знаки отображают:

– цветовые характеристики (*золотистой, красноватые*),

– размер и форму деревьев (*высокие, прямые, словно тысячи колонн, уходили рядами вдаль*),

– эстетические характеристики (*красивый*).

В результате лес предстает перед читателем как бесконечно уходящие вдаль ряды прекрасных деревьев, как чистое и светлое.

В повести В.Баталова пространство леса так же, как и в повести В.Климова, мифологизировано:

«Это Адово озеро», – подумал Дима. Он прыгнул в долбленку, качавшуюся у берега, и поплыл. Огромная волна подняла лодку выше деревьев. Тут из зеленой глубины выплыл Водяной царь. Он грозно взглянул на Диму, потрянул длинной зеленой бородой и строго спросил: «Ты зачем явился в мои владения? Или не знаешь, что человеку заказаны пути к Адову озеру? Убирайся отсюда подобру-поздорову, пока цел». Оглянулся Дима вокруг и увидел с гребня волны, что на дру-

гом берегу стоит высокий светлый сосновый бор. Схватил Водяной царь Диму за ногу... [2].

В приведенном фрагменте упоминается такой персонаж коми-пермяцкого фольклора, как Водяной царь, обитающий, что немаловажно, в Адовом озере (от слова «ад»), куда человеку нет пути. Автор детально описывает внешность царя: длинная зеленая борода, грозный взгляд. Мифологическое, таинственное существо становится доступно для понимания человеком, близким ему.

Таким образом, проанализировав языковой / текстовый механизм репрезентации пространственного образа «лес» в текстах В.Климова «Богатырская палица» и В.Баталова «Нехоженой тропой», остановимся на характеристике лексемы «лес» как языкового знака.

С лингвосемиотической точки зрения, языковые знаки подразделяются на три типа: индексальные, иконические, символические [1; 3].

Индексальный знак находится в прямой причинно-следственной связи со своим референтом [3]. Индексами в тексте повести «Богатырская палица» являются имена собственные, отображающие пространственные координаты.

Иконический знак (от греч. *ἰκόν*) основан на отношениях подобия, имитации [3]. Иконически компонент в процессе репрезентации пространственного образа лес возникает в ситуации, когда автор обращается к его метафорическому осмыслению.

Символический же знак не имеет прямой связи с референтом и обладает множественностью значений [3]. Символический компонент есть и у знака «лес», и его присутствие обеспечивается наличием интертекстуальных отсылок к коми-пермяцкому фольклору. Таким образом, пространственный образ «лес», с когнитивно-семиотических позиций, представляет собой индексально-иконический знак с символическим компонентом. В соответствии с коми-пермяцкой картиной мира лес репрезентируется авторами как живое существо, помощник человека, умеющего жить в этом пространстве.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). – М.: Едиториал УРСС, 2009. – 384 с.
2. Баталов В.Я. Нехоженой тропой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rovalib.com/read/valeryan_batalov/nehogenov_tropov.html#61440 (дата обращения: 01.08.2025)
3. Бразговская Е.Е. Референция и отображение (от философии языка к философии текста). – Пермь: ПГПУ, 2006. – 191 с.
4. Глебкин В.В. Теория концептуальной интеграции Ж.Фоконье и М.Тернера: опыт системного анализа [Электронный ресурс] // Вопросы философии. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?id=826&option=com_content&task=view. (дата обращения: 01.08.2025)
5. Кирющенко В. Язык и знак в прагматизме. – М., 2008. – 200 с.
6. Климов В.В. Богатырская палица. – М., 1974. – 96 с.
7. Климов В.В. Корни бытия: этнографические заметки о коми-пермяках. – Кудымкар, 2007. – 368 с.

8. Ковальчук Л.П. Теория концептуальной интеграции Ж.Фоконье и М.Тернера // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011. – №1 (8). – С.97-101.
9. Королева С.Ю. Художественный мифологизм в прозе о деревне 1970-1990-х годов: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Королева Светлана Юрьевна. – Пермь, 2006. – 191 с.
10. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём // Теория метафоры. – М., 1990. – С.387-415.
11. Лотман Ю.М. К проблеме пространственной семиотики // Об искусстве. – СПб., 1998. – С.442-444.
12. Лотман М.Ю. Семиосфера. – СПб., 2000. – 704 с.
13. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения. – М., 2011. – 245 с.

**REPRESENTATION OF THE SPATIAL IMAGE OF THE *FOREST*
THROUGH THE PRISM OF THE KOMI-PERMYAK LINGUISTIC
WORLDVIEW (BASED ON THE STORY OF VASILY KLIMOV
"THE BOGATYR MACE" AND VALERIAN BATALOV
"THE UNTREATED PATH")**

Ivanova Svetlana Sergeevna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of Russian language №1
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 434 00 01, ext. 15 86
ivanova-ss@rudn.ru

Vologina Natalia Vladimirovna

Candidate of political sciences, associate professor,
vice-rector for academic affairs
Belarusian-Russian university
212000, Republic of Belarus, Mogilev, Mir ave., 43
Ph.: +375 22 271 28 21
nvshel@mail.ru

Yusupova Daria Timurovna

Assistant of the chair of Russian language №1
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 434 00 01, ext. 15 86
yusupova-dt@rudn.ru

This article analyzes the cognitive-semiotic mechanism of representing the spatial image of the forest in the works of 20th – century Komi-Permyak-Russian writers Vasily Klimov, "Bogatyr Mace" (1974), and Valerian Batalov, "Untrodden Path" (1962). The spatial image in the textual (possible) world is represented by the author using linguistic/textual tools. In the text, the author and the reader-interpreter deal not with space as such, but with its linguistic construct. Our analysis of the representation mechanism is based on the concept of nomination, predication, and localization, which activate the linguistic system (Yu.S. Stepanov). In the texts of the selected works, the name "*FOREST*" is accompanied by predicates reflecting its physical, emotional, and other states, as well as predicates denoting physical action. Using these predicates, the authors form a so-called anthropomorphic metaphor, whereby an inanimate object is conceived as a human being. It is worth noting that in the Komi-Permyak worldview, the forest is not simply an element of the landscape, but a friend and helper of man. From a linguosemiotic perspective, "*FOREST*" functions in the texts as an indexical-iconic sign. The indexical component arises because the *FOREST* is a point in space. The iconic component is its metaphorical representation in the text, through which the image of the forest is imbued with human traits.

Keywords: semiotology; representation; spatial image; possible (textual) world; indexical-symbolic sign; Vasily Klimov; Valerian Batalov.

**РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗИ ФАЗОНИ «ЧАНГАЛ»
АЗ МУДДОИ МАНЗАРАИ ЗАБОНИЮ ФАРҲАНГИИ КОМИ-ПЕРМЯК
(БАР АСОСИ ПОВЕСТҲОИ ВАСИЛИЙ КЛИМОВ
«БОГАТЫРСКАЯ ПАЛИЦА» ВА ВАЛЕРИАН БАТАЛОВ
«НЕХОЖЕНОЙ ТРОПОЙ»)**

Иванова Светлана Сергеевна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсенти кафедраи забони русии №1
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, доб. 1586
ivanova-ss@rudn.ru

Вологина Наталья Владимировна

Номзади илмҳои сиёсӣ, дотсент,
проректор оид ба кори таълимӣ
Донишгоҳи Беларусу Россия
212000, Чумхурии Беларус, Могилёв, хиёб. Мира, 43
Тел.: +375 22 271 28 21
nvshel@mail.ru

Юсупова Дарья Тимуровна

Ассистент кафедры заботи русии №1
Института заботи русй
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, доб. 1586
yusupova-dt@rudn.ru

Дар мақола механизми когнитивӣ-семиотикии репрезентатсияи образи фазои «Чангал» дар матни асарҳои нависандагони коми-пермяки асри XX – Василий Климов («Богатырская палица», 1974) ва Валериан Баталов («Нехоженой тропой», 1962) мавриди таҳлил қарор мегирад. Дар ҷаҳони матнӣ (ё ҷаҳони имконпазире, ки тавассути матн бунёд мешавад) образи фазой бо истифода аз абзорҳои забонӣ ва матнӣ сохта мешавад. Муаллиф ва хонанда-тафсиргар на ба фазои воқеӣ, балки ба конструкти забонии он рӯ ба рӯ мешаванд.

Асоси назариявии таҳлил бар концепсияи Ю.С.Степанов оид ба амалиёти номгузорӣ, предикатсия ва локализатсия гузошта шудааст – амалҳое, ки низомии забонро ба ҳаракат меоранд. Дар матни асарҳои интихобшуда ба номи «Чангал» предикатҳое нисбат дода мешаванд, ки вазъи ҷисмонӣ, эҳсосӣ ва дигар ҳолатҳои онро инъикос мекунанд, инчунин предикатҳое, ки амалҳои ҷисмониро ифода мекунанд. Маҳз тавассути ин предикатҳо нависандагон метафораи антропоморфӣ месозанд – ҳолате, ки объекти нотабиӣ ҳамчун мавҷуди инсонӣ дарк мегардад.

Муҳим аст, ки дар тасаввури забонию фарҳангии коми-пермяк чангал танҳо як ҷузъи манзара нест – он ҳамсафари инсон, дӯст ва ёвари ӯ ба ҳисоб меравад. Аз нигоҳи лингвосемиотикӣ чангал ҳамчун нишонаи индексалӣ-иконикӣ дар матн амал мекунад: чангал ҳамчун нуқтаи фазой хусусияти индексӣ дорад, дар ҳоле ки метафораи образи он, ки ба чангал сифатҳои инсонӣ мебахшад, хусусияти иконикиро таъмин менамояд.

Калидвожаҳо: семиотопология; репрезентатсия; образи фазой; ҷаҳони матнӣ (имконпазир); нишонаи индексалӣ-символӣ; Василий Климов; Валериан Баталов.

УДК 811.161.1

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ ДИСКУРСА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ТЕКСТОВ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА
ГАБРИЭЛЯ МАРКЕСА И ИСАБЕЛЬ АЛЬЕНДЕ**

Лазарева Олеся Сергеевна

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры общего и русского языкознания
Российский университет дружбы народов,
ответственный секретарь журнала
«Вестник Российского университета дружбы народов
Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика»
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: + 7 (499) 936 85 84, доб. 2584
lazareva-ov@rudn.ru

Акопян Лариса Сениковна

Преподаватель кафедры русского языка
и профессиональной коммуникации
Институт филологии и межкультурной коммуникации
Российско-Армянский (Славянский) университет
0051, Республика Армения, Ереван, ул. О.Эмина, 123
Тел.: + (374 12) 775 775
larisa.hakobyan@rau.am

В статье рассматривается художественный дискурс произведений Гарсиа Маркеса и Исабель Альенде. Акцент в работе делается на анализе лингвокультурологических маркеров художественного дискурсов.

Дискурс художественных текстов Гарсиа Маркеса и Исабель Альенде представляет собой сложное многомерное полиморфное явление, в рамках которого переплетаются описание реальной действительности и мистические переживания, все это причудливым образом соединяется с экстралингвистическими основами текстов, связанными с историей и лингвокультурой.

Авторские интенции художественных текстов Маркеса и Альенде связаны с особым литературным направлением магического реализма; героями решаются экзистенциальные вопросы бытия; религиозно-философские проблемы так же находят отражение их в произведениях. Важнейшими маркерами дискурса художественных текстов Маркеса и Альенде являются этномаркеры, обусловленные имплицитным и эксплицитным выражением социокультурных представлений авторов, которые репрезентируют не только авторские взгляды на окружающую действительность, но и мировидение народов Латинской Америки.

Сложные экстралингвистические основы лингвокультурного контекста произведений Маркеса и Альенде связаны с историей Колумбии (политическая виоленсия, гражданская война) и Чили (народные восстания, политические убийства, военный режим), а также с национальными особенностями обычаев и верований, с симбиозом христианских и языческих представлений различных этносов.

Ключевые слова: дискурс; художественный дискурс; Гарсиа Маркес; Исабель Альенде; магический реализм.

Исследование текстов художественного дискурса в начале XXI века стало особо актуальным, поскольку изучение литературного произведения невозможно без учета различных экстралингвистических факторов. Лингвокультурологические основы, особенно этномаркеры из переводных художественных текстов, зачастую бывают непонятными читателям иной лингвокультуры.

Изучение дискурсивных параметров текстов различных стилей и жанров, выявление их дискурсивных свойств позволяют в полной мере реконструировать языковую и концептуальную картину мира этноса.

Дискурс как лингвистическое понятие представляет собой сложное многоуровневое образование, в рамках которого исследование прагматических интенций автора, его дискурсивной личности дает наибольшие результаты, поскольку учитываются различные характеристики как самого текста, так и его металингвистические основы.

Теория дискурса исторически складывалась на протяжении последних десятилетий. В диахронии основы дискурсивных изысканий в лингвистике восходят к философским трудам Декарта, Канта и Гегеля. В частности, Кант писал о дискурсивном мышлении (опыте), противопоставляя его созерцанию. Дискурсивное мышление он относил к сфере логики как научного знания.

Гегель, развивая идеи Канта, считает, что человек обладает дискурсивным мышлением, так как интуитивно умеет обобщать и анализировать опыт.

Философское понимание дискурса отличается от собственно лингвистического, хотя лингвистическое знание оперирует подобными категориями.

Об особенностях функционирования языка, о деятельностной его основе в начале XX века писал в свое время Ф. де Соссюр. В частности, он обращал внимание на то, что язык социален по своей природе и указывал на его знаковую природу: «Язык есть нечто вполне определенное в разнотелственной совокупности фактов речевой деятельности» [18].

Отметим, что в работе Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики» используется термин *дискурс*, однако термин употреблялся как синоним к терминосочетанию «речевая деятельность».

Активное исследование дискурса и его описание как лингвистического феномена связывается с работами Эрика Бюиссанса, в частности с научной статьей «Абстрактное и конкретное в лингвистических фактах: речь – дискурс – язык», которая была написана в 1942 году и перепечатана в журнале *Political science* в 2016 г. в русском переводе в разделе «Перечитывая классику». Бюиссанс, в частности, писал: «...предметом изучения лингвистики, собственно, является

язык: лингвистический факт относится к категории актов социальной коммуникации, а язык – это не акт, это система. Речь же является актом, но, как мы видели, лингвистические факты в ней связаны с нефункциональными элементами, от которых нужно абстрагироваться. Когда процесс их исключения произошел, получается лингвистический факт в чистом виде, т.е. дискурс» [5, с.214].

В истории лингвистической теории дискурсивные исследования на протяжении XX связывали с именами Т. ван Дейка, Дж.Остина, Рут Водак, Дж.Серля, которые трактовали понятие дискурс в соответствии со своими лингвистическими концепциями изучения языка и речи.

Так, Т. ван Дейк в работе «Discourse and Context A sociocognitive approach» («Дискурс и контекст. Социокогнитивный подход») отмечает: «I therefore adopt a rather broad definition including (spoken and written) verbal structures and any semi-otic (interpretable) aspect of the communicative event that directly sustains the event, such as relevant sound structures and visual (writing, print) structures, facework and gestures, but not the location or other properties of the participants» («...я принимаю довольно широкое определение, включающее (устные и письменные) вербальные структуры и любой семиотический (интерпретируемый) аспект коммуникативного события, который непосредственно поддерживает событие, например, соответствующие звуковые структуры и визуальные (письмо, печать) структуры, обличовка и жесты, но не местоположение или другие свойства участников») [22, с.117].

Ван Дейк, по сути, рассматривает дискурс как многомерное понятие, «аспект коммуникативного события», часть семиотики. Дискурс по ван Дейку включает любые письменные и устные структуры, а также невербальные аспекты, влияющие на коммуникацию и понимание смысловой сущности.

Дж.Остин рассматривал дискурс как часть характеристик речевых актов, его теория связана с философией языка и базируется на постулате о деятельностной природе языка. Остин полагал, что понимание смыслового содержания речевых актов зависит от предшествующего дискурса (коммуникативной ситуации).

Дж.Серль также связывал дискурс с теорией речевых актов. Он полагал, что в производстве речевых актов существует определенная закономерность. Речевые акты связаны с регулятивными и конститутивными аспектами.

Особо значимым является тезис Дж.Серля о сущности художественного дискурса. По Серлю, важно художественный текст с художественным вымыслом автора отграничивать от обыкновенной лжи. Такая постановка вопроса лишь на первый взгляд представляется парадоксальной. Но в действительности художественный текст создается автором с определенной прагматической целью. Серль в работе «Логический статус художественного дискурса» писал: «Человеку, не понимающему особых конвенций художественного вымысла, могло бы показаться, что художественный вымысел – это просто ложь. Что отличает художественный вымысел от лжи – так это наличие особого набора конвенций, дающих автору возможность проделывать действия,

соответствующие деланию утверждений, которые как он знает не являются истинными, при том, что он не имеет намерения обманывать» [16].

Серль считает, что художественные тексты дают «эксплицитное представление осуществленных всерьез речевых актов, передать которые является целью (или главной целью) художественного текста».

Позиция Дж.Серля представляется нам близкой, поскольку в произведениях Гарсиа Маркеса и Исабель Альенде художественный вымысел является важной частью их художественных произведений, созданных в рамках направления магического реализма. В произведениях Альенде и Маркеса сливаются реальная действительность и мир магических и мистических событий, которые происходят или потенциально могут произойти с героями произведений. В художественных текстах Альенде и Маркеса зачастую нет маркеров, по которым читатель может определить действительны ли какие-то события или они являются частью воображения или даже сна персонажа.

Об этих особенностях художественных текстов Серль писал: «...каким образом автор создает вымышленный мир, мир романа или что-то вроде этого.

Делая вид, что он осуществляет референцию к людям и рассказывает о происшедших с ними событиях, авторы текстов магического реализма создают вымышленных персонажей и вымышленные события. В случае реалистического или натуралистического вымысла автор будет осуществлять референцию к реальным местам и событиям, перемешивая эти акты референции с фиктивной референцией, таким образом делая возможной трактовку вымышленной истории как расширения наших знаний о том, что существует на самом деле. Автор установит с читателем набор соглашений о том, насколько горизонтальные конвенции вымысла разрушают вертикальные конвенции речи всерьез» [16].

Во многих своих произведениях Маркес создает вымышленную историю вымышленного городка Макондо, давая возможность читателям изучить историю городка, узнать его обитателей. В данном случае, по Серлю, Маркесу удастся разрушить «горизонтальные конвенции вымысла» и «вертикальные конвенции речи всерьез». У И.Альенде вымышленная реальность связывается с мистическими персонажами (духи умерших людей, которые ведут себя как живые люди).

В современной лингвистике существуют различные точки зрения по поводу определения сущности дискурса. О сущности дискурса, типах и видах дискурса написано множество работ. Самыми значительными для теории дискурсивных исследований являются труды Н.Д.Арутюновой [3]; М.Л.Макарова [12]; монография «Современные дискурсивные практики: подходы и решения» [17]; С.М.Колесникова [10; 11], В.З.Демьянков [8]; И.И.Чумак-Жунь [21]; Н.Ф.Алефиренко [1].

Существующие точки зрения проанализировал В.И.Карасик. Он же составил типологию научного осмысления видов дискурса.

В.И.Карасик, отталкиваясь от метафорического определения дискурса, данного Н.Д.Арутюновой («дискурс – это речь, погруженная в жизнь»), добавляет, что дискурс «порождается участниками общения и характеризует их» [9, с.55].

Далее в статье «Дискурсивное проявление личности» В.И.Карасик справедливо утверждает, что «существующие подходы к классификации типов дискурса можно условно разбить на пять типов: тематический (о чем идет речь), субъектный (кто принимает участие), инструментальный (как выражается содержание диалога), режимный (каким каналом общения пользуются коммуниканты), акциональный (какое социальное действие совершается). Выделение этих подходов обусловлено функциями речи и разработанными в лингвистике и других областях гуманитарного знания моделями коммуникативной ситуации» [Там же, с.56-57].

Ученый полагает, что в фокусе субъектного типа дискурса «находятся типизируемые ситуативно-личностные характеристики участников общения» [Там же, с.58].

Одним из видов субъектного типа дискурса является, по терминологии В.И.Карасика, бытийный дискурс, который «тематически бесконечен и касается вопросов смысложизненного порядка. В ходе такого общения его участники стремятся максимально раскрыть свое внутреннее Я, нацелены на взаимопонимание, но осознают, что в таком общении понять друг друга вряд ли можно с исчерпывающей полнотой. Это разговор по душам, исповедь, произведения художественной литературы, философские и психологические беседы» [Там же, с.59].

То есть, по мнению В.И.Карасика, в художественном дискурсе на первый план выступает внутреннее Я человека (и писателя, и читателя), которое в процессе коммуникации через посредство художественного текста пытается разрешить сложные философско-мировоззренческие вопросы.

Во многих исследованиях отмечается, что дискурс художественного текста (дискурс в узком смысле, понимаемый как продукт речевой деятельности) обязательно включает характеристики и собственно лингвистические, и экстралингвистические.

Дискурс художественного текста (художественный дискурс) рассматривается в современной когнитивной лингвистике как многомерное сложное понятие.

Дискурс художественной литературы имеет массу особенностей в сравнении с другими типами дискурсов, поскольку художественный текст является продуктом речевой деятельности конкретного человека, репрезентирует в той или иной мере его мировоззренческие установки, относит текст к определенной лингвокультуре, к которой принадлежит автор.

В художественном тексте обычно отражаются интенции автора, при этом автор выступает как дискурсивная личность, эксплицитно или имплицитно репрезентируя идею произведения.

При этом обычно многоуровневость художественного текста влияет на восприятие и интерпретацию его читателями.

О.Ю.Стародубова пишет об этом в работе «Анатомия текста и дискурса. Часть 1: Художественный дискурс и механизмы конструирования модели действительности: учебное пособие»: «Нередко смысл, заложенный творцом, значительно корректируется реципиентом. Личностные особенности и идентичности читателя (национальная, гендерная, социальная, эпохальная и т.д.) в процессе

декодирования смысла и конструирования текстовой модели позволяют ему строить собственную проекцию (вторичная лингвокогнитивная модель), определять вектор понимания и систему координат и доминант текста относительно момента» [19, с.29].

Именно потому, что русскоязычные читатели по-своему воспринимают художественные тексты Гарсиа Маркеса и Исабель Альенде, следует подробно рассматривать лингвокультурные маркеры их художественных дискурсов.

Произведения Гарсиа Маркеса и Исабель Альенде приоткрывают русскоязычным читателям мир Колумбии и шире – Латинской Америки. Без определенных пояснений имплицитные интенции авторов остаются непонятыми, так как описания действительности не объясняют очевидные для латиноамериканских читателей вещи.

Следует уточнить, что лингвокультурные маркеры художественного дискурса связываются с этномаркерами (прецедентные имена собственные, этнонимы, именованья уникальных предметов быта), а также с социально значимыми для этнокультуры понятиями (например, виоленсия для художественного дискурса Г.Маркеса).

В произведениях Маркеса лингвокультурные маркеры текстов связаны с двумя аспектами: во-первых, это магический реализм; во-вторых, это исторически сложившиеся особенности лингвокультуры Колумбии, связанные со сложными историческими и политическими процессами в стране и в целом в Латинской Америке.

Дискурсивные характеристики художественных текстов Маркеса, выраженные и эксплицитно, и имплицитно, позволяют интерпретировать идейную сущность и определять тематическую специфику его произведений.

Художественный дискурс текстов Маркеса связан с магическим реализмом, без осознания сущностных параметров которого невозможно в полной мере осознать глубину и многоуровневую семантику его произведений.

Обозначим, как мы трактуем понятие магического реализма.

Термин магический реализм появился и стал использоваться для характеристики текстов латиноамериканских и африканских писателей еще в первой четверти XX века.

Вначале термин использовался в теории живописи при описании «разрушения» экспрессионистской живописной традиции. Считается, что первыми учеными-критиками искусствоведения, употребившими этот термин, являются Франц Роо (немецкий искусствовед и критик) и Массимо Бонтемпелли (итальянский критик и писатель, создатель журнала «900»). Понятие магического реализма они связывали с живописью, пытаясь объяснить почему искаженная действительность живописных полотен экспрессионистов позволяет гораздо точнее, нежели на реалистических картинах, передавать оттенки чувств и эмоции людей, переосмысливать действительность.

В «Большой российской энциклопедии» 2004-2017 гг. содержится словарная статья о магическом реализме:

«МАГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ, течение в европейском и американском искусстве и литературе 20 в., соединявшее фантастические и мифологические элементы с реалистическими приёмами повествования и построения образа. Термин был введён нем. критиком Ф. Ро в кн. «Постэкспрессионизм: магический реализм» (1925) для обозначения некоторых проявлений «новой вещественности», соприкасающихся с романтической фантастикой. <...> В литературе М.р. как течение, близкое сюрреализму и авангардизму, утвердился в Италии в 1920-х гг., наиболее ярко воплотившись в творчестве М. Бонтемпелли. Он применил термин «М.р.» к литературе.

<...> Идеологической основой латиноамериканского М.р. стало стремление утвердить самобытность национальной культуры. Определение «М.р.» было применено для характеристики латиноамериканской словесности А. Усларом Пьетри в 1948» [4].

В произведениях Гарсиа Маркеса самобытность национальной культуры проявляется во всех описаниях жизни и быта небольших городков, в портретах персонажей, в рассказах о семейных патриархальных отношениях, в кратких и ярких живописных изображениях природы, говорящих о внутренних переживаниях персонажей больше, чем детализация поступков и событий: *«За перилами лежал цветник, разбитый Аделаидой и моей дочерью. Потому и благоухал розмарин, что каждое утро они окружали его своими заботами, чтобы по ночам его горячие испарения проникали в комнаты и облегчали сон.*

Жасминник посылал им свой навязчивый аромат, и мы дышали им, потому что он был в возрасте Исабели, потому что его запах был своего рода продолжением ее матери. Сверчки трещали во дворе среди кустов, потому что после дождей мы забыли выдолоть сорную траву» [14].

Природные пейзажи Маркеса проникнуты символикой; излюбленным приемом является имплицитное отождествление природы и человеческого общества. Маркес через описание природных явлений демонстрирует собственное отношение к описываемым сюжетам, интенции автора практически всегда соотносятся с природными картинками.

«Вдруг точно вихрь взвился посреди селения – налетела банановая компания, неся палую листву. Листва была взбаламученная, буйная – человеческий и вещественный сор чужих мест, опаль гражданской войны, которая, отдаляясь, казалась все более неправдоподобной. Листва сыпалась неумолимо. Она все заражала буйным смрадом толпы, смрадом кожных выделений и потаенной смерти» [14].

Пространство художественного дискурса произведений Гарсиа Маркеса пронизано описаниями чувственных ощущений, запахами, ароматами. Яркий визуальный ряд вещей и детальная передача тактильных ощущений являются особенностями индивидуально-авторского стиля писателя, создают особый мир его произведений.

Детализация костюмов включает образы персонажей в архетипическую парадигму лингвокультуры Латинской Америки.

В монографии «Поэтика мифа» Е.М.Мелетинский отмечает, что описания одежды относятся к «элементарным семантическим оппозициям, в первую очередь соответствующим простейшей пространственной и чувственной ориентации человека (верх/низ, левый/правый, близкий/далекий, внутренний/внешний, большой/маленький, теплый/холодный, сухой/мокрый, тихий/громкий, светлый/темный, парные различия цветов и т.п.)» [15, с.230]. Одежда является своеобразным архетипом, отражающим национальную специфику и индивидуализирующим образы.

В повести Маркеса «Палайя листва» изображение одежды сопровождает все знаковые события произведения.

Индианка Меме, ставшая любовницей доктора, (как считали все в городе) появляется в церкви в экстравагантном наряде в шляпе, чем провоцирует своеобразный скандал в обществе городка Макондо. Описание наряда Меме дается через восприятие одной из главных женских героинь повести «Палайя листва», Исабель, дочери полковника Аурелиано Буэндиа:

«Через три-четыре недели после ухода из дому Меме явилась в церковь к ранней воскресной службе в шумящем платье набивного шелка и несуразной шляпке с букетом искусственных цветов на макушке. Я так привыкла видеть ее скромно одетой, большую часть дня босиком, что в то воскресенье чуть не приняла за другую, не нашу Меме. Она слушала заутреню в первых рядах, среди дам, важничая и кривляясь под грудой нацепленного барахла, вычурно новая – новизной дешевого зрелища» [14].

Полковник Аурелиано Буэндиа всегда строго и элегантно одет, его зять всегда одет в строгий сюртук, застегнутый на все пуговицы. Описание пошива свадебного платья Исабель, дочери полковника, представляет собой развернутый рассказ о ее чувствах и переживаниях, а также об эмоциях ее мачехи.

Прекрасное платье Исабель переносит ее в мир фантазии и мистических переживаний, где она сама не может отличить реальность собственного существования, своей жизни, важнейшего события замужества. Все утверждают, что Исабель удивительно похожа на мать и она уже не может отделить себя от рожденного ее сознанием образа матери:

«В воскресенье вечером я примерила в спальне у мачехи подвенечное платье. Я видела себя в зеркале – бледную и чистую, окутанную облаком воздушной кисеи, и сама себе казалась призраком своей матери. Я твердила в зеркало: "Это я, Исабель, на мне подвенечное платье, утром я выхожу замуж", но не узнавала себя, сквозь мое отражение проступал образ мертвой матери. Меме говорила мне о ней в угловом доме несколько дней назад. Она сказала, что после моего рождения мать обрядили в свадебное платье и положили в гроб. И теперь, глядя на себя в зеркало, я видела подернутые зеленой могильной плесенью кости матери, груды истлевшего тюля и слежавшийся желтый прах. Я была вне зеркала. Внутри его моя ожившая мать глядела на меня, протягивала руки из своего пространства, словно хотела коснуться смерти, вкалывавшей первые булавки в мой свадебный венец. А сзади, стоя посреди

спальни, серьезно и изумленно глядел отец: "Сейчас, в этом платье, ты совершенно такая же, как она"» [14].

В повести «Недобрый час» описания природы связаны с ощущением катастрофы в жизни городка Макондо и его жителей. Маркес описывает разные виды дождя, наводнение. Ощущение влажной духоты, от которой мучаются жители городка, становится лейтмотивом произведения, символизируя жизненную безысходность и одновременно ощущение невозможности перемен.

Не только описание природы, костюмы, но и интерьеры домов в повести «Недобрый час» становятся неотъемлемой частью образов персонажей, выявляя национально-культурную специфику.

Отметим, что в культурологии и лингвокультурологии давно признается существование особого стиля (иногда его называют колониальным) в странах Латинской Америки.

Об этом, пишет, например, Л.И.Танаева в работе «О понятии стиля в колониальном искусстве XVI-XVIII вв»: «Латинская Америка создавала собственную традицию не столько на основе ассимиляции больших исторических стилей, сколько на основании их испано-португальского диалекта. Постепенно ей это удалось: в поздний колониальный период, когда окрепло национальное чувство, народная стихия проникла в привозные формы, пропитала их своим красочным духом, породила свои жанры и собственный типаж. Индейские Мадонны, Иисус в венке из шипов кактуса, архангелы в пестротканых инкских одеждах или ацтекских плащах из перьев обрели собственную логику существования и весомость национальных символов» [20, с.88-89].

Лингвокультурологические маркеры художественных произведений Маркеса связаны с национальными особенностями; именно особый латиноамериканский стиль и составляет основу магического реализма писателя.

Магический реализм Маркеса основывается на удивительном сочетании вполне реалистических описаний происходящих событий, объяснений политических перемен, связанных с гражданскими войнами в Колумбии, которые практически не заканчиваются с середины XIX века, с не менее реалистическим описанием разнообразных мистических событий, происходящих то ли в реальности, то ли во сне. Все это соединяется с красочными картинами пейзажей, ярких костюмов, деталями интерьеров домов в колониальном латиноамериканском стиле.

Магия в произведениях Маркеса описывается как явление вполне обыденное, мистические персонажи действуют так же, как и реальные люди (ходят, греются у огня, как в повести «Палайства»).

Внук полковника Буэндиа видит, как на стул садится мертвец и смотрит в угасший очаг, ребенка это не пугает, он воспринимает происходящее как естественное жизненное событие. Мальчик вспоминает о стуле и погасшем очаге, о мертвце, о том, что мертвец не снимает шляпу в то время, как вместе с другими мальчиками идет на плантацию, а потом охотится на птиц.

Удивительное сочетание мистики и реальности в лингвокультурном пространстве повести «Палая листва» представляется вполне естественным:

«У нас на кухне есть старый резной стул без спинки, на сломанное сиденье которого дедушка ставит к огню башмаки для просушки.

Вчера в это самое время Тобиас, Абраам, Хильберто и я из школы пошли на плантации. Мы взяли с собой пращу, большую старую шляпу собирать птиц, и новый складной нож. По дороге я вспомнил негодный стул, задвинутый в угол кухни. Когда-то на него сажали гостей, а теперь он достается мертвецу. Мертвец садится на него каждый вечер и, не снимая шляпы, глядит на золу погасшего очага» [14].

Нужно отметить, что в мистических переживаниях мальчика нет ничего, что в авторской интерпретации могло бы свидетельствовать о том, что внук полковника Буэндиа обладает буйной фантазией, что это ему «привиделось». Никаких реалистических объяснений просто нет, как нет и указаний на то, что с психикой ребенка не все в порядке. Магический реализм Маркеса допускает зыбкую иную реальность происходящего.

Еще одной приметой особого направления магического реализма в повести Гарсиа Маркеса «Палая листва» служит эпизод с запахом жасмина, кусты которого были посажены в саду в год смерти первой жены полковника, матери Исабель, но потом кусты погибли от заморозков, заново их не сажали. Но сын Исабель почувствовал этот запах, мачеха Исабель Ада (Аделаида) тоже чувствует запах несуществующих кустов жасмина. Но на этот раз есть объяснение, что запах – это своеобразное воспоминание о былом, кусты когда-то были:

«В тот вечер, засыпая, я почувствовал запах, которого нет ни в одной из комнат дома. Сильный, резкий запах, будто встряхнули жасминовый куст. Я открыл глаза, втянул в себя густой, насыщенный аромат и сказал: "Чувствуешь?" Ада глядела на меня, но, когда я заговорил, опустила глаза и отвела их в сторону. Я повторил: "Ты чувствуешь? Откуда-то тянет жасмином". Она ответила: "Это пахнут кусты, которые росли у стены девять лет назад". Я выпрямился и сел. "Но ведь кустов нет", – сказал я. Она ответила: "Сейчас-то нет. Но девять лет назад, когда ты только родился, вдоль стены двора рос жасмин. Жаркими ночами он пах точно так же, как теперь"» [14].

Сочетание реальной картины (мальчик ложится спать) и описание ощущений аромата цветов жасмина от кустов, которые погибли много лет назад, возможно только в лингвокультуре народов Латинской Америки. Многоуровневая реальность повести Маркеса, сочетание реалистических картин быта, натурализма и мистики составляют особенность индивидуально-авторской интерпретации действительности. Следует отметить, что во многих повестях Маркеса эмоциональные переживания героев произведений могут быть связаны не просто с реалистическими картинами окружающей действительности, но и с неприглядным натурализмом жизни.

Так, в повести «Палая листва» появляется описание сумасшедшей Лукресии, на которую ходят смотреть мальчишки. Жалкое зрелище, которое она собой

представляет, не вызывает у внука полковника Буэндия ни жалости, ни отвращения, только животный интерес к наготы женщины.

Для произведений магического реализма Маркеса характерно особое течение времени, что в целом является приметой произведений латиноамериканских авторов. В повести «Палая листва» несколько временных пластов.

Во-первых, реальное время, где происходят события, связанные со смертью одного из главных героев – доктора и его похоронами. В настоящем реальном времени семья Буэндия (сам полковник, его дочь и внук) живут в маленьком городке Макондо, несмотря на то, что семья имеет некоторый достаток, их дом обветшал, муж Исабель исчез вместе с деньгами.

Во-вторых, прошлое, которое связано с семейной историей главных героев – семьей полковника Буэндия, его умершей первой женой и дочерью Исабель.

Прошлое причудливо переплетается с настоящим. В реальном времени прошло всего несколько часов, за которые были организованы похороны, и процессия двинулась на кладбище; но описанный временной отрезок в жизни семьи и всего городка – двадцать пять лет. Хронотоп художественных текстов Маркеса, с причудливым переплетением временных пластов, составляет индивидуальную особенность дискурсивного пространства его произведений.

Важнейшей отличительной чертой дискурса повестей Маркеса является имплицитное обращение к национальному опыту народа. В повести «Палая листва» это связано с описанием стремительного развития банановых плантаций, а затем и их экономического угасания, что сказалось на благосостоянии всех жителей Макондо. В интерпретации Гарсиа Маркеса краткое время богатства и процветания плантаций и городка не пошло на пользу жителям, а хозяева плантаций, как палая листва, промелькнули в их жизни, отравляя все вокруг.

Лингвистические маркеры дискурса художественных текстов Маркеса связаны также с постоянным изменением повествователя в произведении. Так, в повести «Палая листва» рассказчиками становятся полковник Буэндия, его дочь Исабель, его внук. С изменением рассказчика меняются смысловые акценты повествования, но затем создается целостная картина происходящих и произошедших событий.

В повести «Палая листва», своем первом значительном произведении, имплицитно Гарсиа Маркес рассказывает о таком историческом явлении, как политическая виоленсия, состоящая в том, что в ходе борьбы за власть между либеральной и консервативной партиями со стороны враждующих сторон была проявлена жестокость, политические убийства становятся обыденными, происходят массовые репрессии с многочисленными убийствами. Колумбийские историки утверждают, что в результате политической виоленсии (*la violencia*) погибли свыше 200 000 тысяч человек.

Описание политической виоленсии как особого исторического явления становится лингвокультурной основой дискурса художественных текстов Маркеса. Это находит отражение и в повестях «Палая листва» и «Недобрый час» и в знаменитом романе «Сто лет одиночества».

В повести «Недобрый час» происходит убийство, его расследует глава местного самоуправления – алькад, который совсем недавно по приказанию властей руководил массовыми арестами и убийствами политически неблагонадежных людей. Именно поэтому зубной врач городка Макондо не желает оказывать ему медицинскую помощь.

А в повести «Палая листва» местные жители возненавидели местного доктора именно потому, что он не оказал помощь рабочим, которые пострадали от рук военных во время забастовки.

Политическая виоленсия, а еще раньше – гражданская война, которая практически не прекращалась во второй половине XIX века, является базовой основой лингвокультурного пространства художественного дискурса произведений Гарсиа Маркеса.

В повестях Маркеса «Недобрый час» и «Палая листва», в романе «Сто лет одиночества» содержится узнаваемая латиноамериканскими читателями историческая правда жизни, нестандартно сочетающаяся с мистическими фантастическими событиями и образами.

Объясняя особенности произведений магического реализма, А.А.Гугнин в монографии «Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления» отмечал: «Огромный и сложный контекст, который с неизбежностью должен быть вовлечен в изучение проблематики магического реализма, выводит на многие коренные проблемы человеческого бытия и человеческого сознания, одновременно отражающего и формирующего это бытие» [7, с.35].

Сложный лингвокультурный контекст произведений Маркеса связан с историей Колумбии, Латинской Америки в целом, с национальными особенностями обычаев и верований, с симбиозом христианских и языческих представлений различных этносов. Особая национальная картина мира с неповторимым мирозерцанием, в котором соединяются основы совершенно различных типов культур, становится лингвокультурной основой художественных произведений Маркеса. Без осознания и понимания лингвокультурных особенностей его произведений читателю невозможно разобраться в символике произведений, истолковать их проблематику и идею.

Художественный дискурс повестей и романов Гарсиа Маркеса представляет собой сложный полиморфный результат авторской интенции; при этом лингвистическое основание – язык художественных текстов, индивидуально-авторский стиль; экстралингвистическое основание – социальные и прагматические установки автора, связанные с лингвокультурологическими основами мировоззрения Маркеса.

То есть художественный дискурс текстов Маркеса теснейшим образом связан с социокультурными представлениями писателя, который репрезентирует не только собственные взгляды на окружающую действительность, но и мировидение народа Колумбии и всей Латинской Америки.

В социокультурном и морально-нравственном плане основой мировоззренческих установок персонажей произведений Маркеса является утверждение цен-

ности семьи, близких, доверительных отношений между родными людьми. Неоспоримыми ценностями героев Маркеса является чувство долга. Именно чувство долга побуждает полковника Аурелио Буэндиа из повести «Палая листва» взять на себя бремя похорон доктора, которого ненавидело все население городка Макондо и, по сути, подставить под удар и себя, и свою семью.

Вопросы долга, чести и веры, эксплицитно и имплицитно становятся центральными в произведениях Маркеса, составляют лингвокультурную основу его текстов в совокупности с экстралингвистическими характеристиками.

Необходимо заметить, что к экстралингвистическим основам произведений Маркеса следует отнести не только прямые отсылки к историческому прошлому Колумбии, но и описание обрядов, традиций и национально-культурных особенностей поведения народа, причем, как и во всей Латинской Америке, в Колумбии переплелись культурные особенности различных народов и этнических групп.

Так, в повести «Палая листва» важным персонажем является индианка Меме, рассказывающая Исабель о прошлом ее семьи, о скитаниях во время гражданской войны, которые и привели семью Буэндиа в Макондо.

В рассказе Меме, которая по-своему искренне любила мать Исабель, звучит недоумение по поводу обычаев и традиций белых аристократов. Меме не понимает зачем семья везла с собой большое количество одежды людей, которые давно умерли. Нерациональность поведения белых людей, их представления о доброте и милосердии удивляет Меме, хотя она выросла и долгое время жила в этой семье:

«Меме без стеснения входила во все подробности и рассказывала о самых странных чудачествах с неодолимым желанием пережить их заново и скорбным сознанием очевидной невозможности это сделать. В дороге никто не терпел страданий и лишений, уверяла она. Даже лошади спали под москитной сеткой, и не потому, что мой отец был мот или сумасброд, а просто мать имела необычные понятия о милосердии и человечности и считала, что богу одинаково угодна защита от москитов и человека, и бессловесной твари. Всюду они возили за собой обременительный и странный груз: чемоданы с одеждой людей, умерших еще до их собственного рождения...» [14].

Помимо Меме в повести «Палая листва» присутствуют практически безмолвные персонажи, молодые индейцы, выросшие в доме полковника Буэндиа, живущие в его доме, почитающие его и полностью находящиеся в зависимости от его решений. Именно поэтому индейцы беспрекословно слушаются полковника и помогают ему осуществить похороны доктора. Безмолвная покорность показана как отличительная черта индейского характера.

Среди лингвокультурологических основ художественных текстов Гарсиа Маркеса следует назвать и образно-метафорическое описание мистических представлений персонажей, что вполне может рассматриваться как символическое осмысление и одновременно познание окружающей действительности. Например, в повести «Палая листва» мистические переживания внука полковника Буэндиа имплицитно показывают сложный процесс осмысления мальчиком окружающего мира, попытку постигнуть его и неожиданное понимание, что с мисти-

ческими переживаниями он остается один. Когда мальчик чувствует запах жасмина от кустов, которые погибли от заморозков до его рождения, и делится этими переживаниями, он получает поддержку от жены деда, испытывающей те же ощущения. Никакого реалистического объяснения явления в произведении нет, это символическая отсылка к прошлому семьи. Далее, когда мальчик делится с Адой своими мистическими «наблюдениями» о том, что к ним в дом приходит мертвец и сидит на старом стуле, она обрывает его речь и говорит, что ничего подобного быть не может. Никакого продолжения этот разговор не имеет, мальчик просто понимает, что о его переживаниях, ощущениях и страхах нельзя никому говорить.

«Я понял, что на кухне водится мертвец, который каждый вечер, не снимая шляпы, садится на этот стул и смотрит на золу погасшего очага. Немного погодя я сказал: "Наверное, он все равно что мертвец на кухне". Ада взглянула на меня, вытаращила глаза и спросила: "Какой мертвец?" Я сказал: "Тот, что каждый вечер сидит на стуле, куда дедушка ставит сушить башмаки". Она ответила: "Никакого мертвеца там нет. Стул стоит у огня потому, что ни на что больше не годен, только башмаки сушить"» [14].

Экстралингвистические основы художественного дискурса текстов Маркеса имплицитно включают в себя философскую концепцию экзистенциального одиночества. Персонажи Маркеса, уважающие семейные ценности, соблюдающие аристократические традиции семьи, по-своему одиноки. Этот урок одиночества и усваивает внук полковника Буэндиа.

Одинок и сам полковник, который так и не рассказал своей семье (дочери и жене) о том, что же связывало его с доктором, который поселился в его доме. Исабель и Аделаида не совсем понимали, что доктор, по сути, спас Аурелио Буэндиа, помог ему преодолеть последствия инсульта.

Единственный религиозно-философский диалог доктора и полковника проливает свет на их внутренний мир и сложные межличностные отношения. Полковник пытается понять доктора и объяснить ему сущность своего понимания предназначения жизни, однако диалог не приводит ни к каким реальным действиям и последствиям. Каждый остается со своими ощущениями и мыслями:

«— Мы стараемся спасти душу, доктор. В этом разница. — И тут я зашел дальше, чем намеревался. Я сказал: — Вы не слышите его, потому что вы атеист.

Он ответил спокойно, невозмутимо:

— Поверьте мне, полковник, я не атеист. Дело вот в чем: мысль, что бог существует, тревожит меня так же, как и мысль, что он не существует, и потому я предпочитаю об этом не размышлять.

Не знаю отчего, но у меня было предчувствие, что он именно так мне и ответит. "Это человек, встревоженный богом", — подумал я, дослушав то, что он сказал мне нечаянно, но ясно и точно, как будто прочел эту фразу в книге» [14].

Одинокa дочь полковника Исабель, которая не обрела душевной близости с мужем, исчезнувшим из Макондо и жизни Исабель. Исабель, по сути, не знала

своего мужа, который практически с ней не общался. Никаких слов любви не было сказано.

В произведениях Маркеса зачастую многие события оказываются незавершенными, читатель, вступая в заочный диалог с автором, волен додумывать канву событий художественного текста. В повести «Палая листва» остается непоясненным вопрос о том, что же произошло с мужем Исабель. Либо он сбежал, украв последние сбережения семьи Буэндия, либо погиб при ограблении. Хотя имплицитно присутствуют намеки на то, что муж Исабель все же сбежал. В одной из его реплик, адресованных жене, он говорит, что не против остаться в Макондо навсегда, но фраза остается незавершенной.

Произведения Маркеса как единый художественный дискурс отличаются особой вымышленной реальностью, связанной с городком Макондо. Практически во всех произведениях Маркеса Макондо является центром происходящих событий. Детальное описание городка соотносят с описанием округа Йокнопатофа в произведениях Уильяма Фолкнера.

Макондо у Маркеса становится не только топонимическим центром произведений, но и персонажем. Городок переживает экономический подъем, когда в городе появляется железная дорога и рядом с городком разрастаются банановые плантации, жители становятся богатыми, сорят деньгами, но затем городок переживает упадок, так как банановая компания сворачивает свою деятельность. Маркес сравнивает случайных для городка людей, нечестных дельцов с палой гниющей листвой на улицах городка в повести «Палая листва».

Особенности хронотопа Маркеса во всех произведениях в целом являются лингвистической основой художественного дискурса писателя.

Если кто-то из персонажей покидает Макондо, он пропадает, теряется и, только возвращаясь, опять становится частью жизни. Так, например, в повести «Палая листва» приятельница Исабель Хеновева Гарсиа сбежала из городка с директором кукольного театра, а затем вернулась с шестью детьми.

В произведениях Исабель Аленде лингвокультурные маркеры текстов связаны с индивидуально-авторской интерпретацией магического реализма, а также с исторически сложившимися особенностями лингвокультуры Чили, связанными со сложными историческими и политическими процессами в стране. В чилийском социуме причудливо соединены христианские религиозные представления о мире с индейскими мистическими представлениями, тотемизмом и фетишизмом индейской традиционной культуры. Так, в романе «Ева Луна» главная героиня чувствует и видит свою умершую мать.

Дискурс романов Исабель Аленде, как и произведений Гарсиа Маркеса, является полиморфным, семантическая «многослойность» объясняется различными семиотическими кодами художественных текстов.

Так, в романе «Ева Луна» экстралингвистические основы художественного дискурса (как и в текстах Маркеса) имплицитно включают в себя философскую концепцию экзистенциального одиночества. Персонажи И. Аленде, страдающие от семейных неурядиц, нуждающиеся в элементарном сочувствии и любви, одиноки. Одинока после смерти матери Ева:

«Не представляя, что делать дальше, я села в простенке между двумя колоннами какого-то здания и настроилась на борьбу с чувством одиночества и сиротского уныния. Испытывать эти не слишком приятные эмоции мне уже приходилось, и теперь я четко ощущала приближение очередного приступа отчаяния. Впадать в такое состояние мне не хотелось; я привычно спрятала лицо между поджатými коленями и призвала на помощь маму».

Одинок страдавший от тирании отца Рольф, страдает от одиночества мать Евы – Консуэло, не знавшая своих родителей и помещенная в монастырь:

«Три года провела Консуэло в монастыре, и за все это время чувство одиночества ни на миг не покидало ее; ей все время было холодно: даже в те дни, когда солнце согревало ее тело, лед, сковывавший душу, не успевал растаять».

Одиночество и страстное желание социальной справедливости толкает Наранхо, приятеля Евы, на путь борьбы с политической хунтой.

Романы Исабель Альенде, как и Гарсиа Маркеса, отличаются сложным лингвокультурным контекстом, эксплицитно связанным с историей Чили (хотя во многих романах топоним неопределен и связан с «какой-то» латиноамериканской страной), с национальными особенностями обычаев и верований, с симбиозом христианских и языческих представлений белых переселенцев и местных индейцев. Особая национальная картина мира с неповторимым мирозерцанием, в котором соединяются основы совершенно различных типов культур, становится социальным маркером художественных произведений Исабель Альенде. Без осознания и понимания лингвокультурных особенностей его произведений читателю невозможно разобраться в символике произведений, истолковать проблематику и идею произведений.

Метод магического реализма особенно ярко проявился в художественном дискурсе Исабель Альенде. Верования, стереотипы, мистические предрассудки индейцев Латинской Америки, выходцев из Африки в соединении с мистическими представлениями европейских переселенцев создают мистическую, «магическую» основу художественного осмысления действительности.

Магический реализм романов Исабель Альенде основывается на удивительном сочетании вполне реалистических описаний происходящих событий, (Восстание Падших), с не менее реалистическим описанием разнообразных мистических событий. Все это соединяется с красочными картинами пейзажей, ярких костюмов, деталями интерьеров домов.

Магия в произведениях Альенде описывается как явление вполне обыденное, мистические персонажи действуют так же, как и реальные люди (ходят, разговаривают, даже вступают в полемику, от них исходят запахи). В романе «Ева Луна» призрак матери Евы пахнет свежим накрахмаленным полотном.

Рассматривая лингвистические и социальные маркеры художественных текстов магического реализма, нужно обратить внимание на такой прием, как остранение.

Эффект остранения в художественных текстах магического реализма является важнейшим приемом создания мистического контекста, который необходим для описания особой картины мира государств Латинской Америки

(Чили – в произведениях И.Альенде, Колумбии – Г.Г.Маркеса, Бразилии – Ж.Амаду и Х.Л.Борхеса и пр.)

Своеобразный эффект остранения в дискурсивном пространстве романов Исабель Альенде в рамках магического реализма позволяет автору и читателю по-иному рассмотреть обыденные явления, «выпавшие из привычного контекста», «представленные в новой, неожиданной перспективе». Поэтому в романе «Ева Луна» на помощь испуганной Еве (когда она была подростком и попала в эпицентр народного восстания, которое подавляли войска) приходит ее умершая мать, берет ее за руку и ведет в безопасное место. Умершая мать ведет себя как живой человек, разговаривает с Евой, ведет ее за руку и пр.:

«... я привычно спрятала лицо между поджатыми коленями и призвала на помощь маму. Вскоре я ощутила едва уловимый, но такой знакомый и безошибочно узнаваемый запах чистого полотна и крахмала, а через минуту мама и сама появилась передо мной как живая: тугая коса уложена на затылке, большие глаза с легкой поволокой, лицо в веснушках. Она строго сказала, что вся эта суета, все аресты и неприятности не имеют ко мне никакого отношения. Не твоего ума это дело, дочка, и нечего тебе бояться, давай собирайся, пойдем отсюда вместе. Так мы и поступили: я встала, взяла маму за руку, и мы пошли куда глаза глядят».

Пространство художественного дискурса романов Исабель Альенде пронизано описаниями чувственных ощущений, запахами, ароматами, яркими колористическими картинками. Красочный визуальный ряд и детальная передача тактильных ощущений являются особенностями индивидуально-авторского стиля, создают особый мир произведений. Так, в романе «Ева Луна» главная героиня Ева постоянно ощущает запахи, а цвета каких-то предметов ее захватывают настолько, что заставляют совершать необдуманные поступки. Так, будучи подростком, находясь в услужении семьи голландских переселенцев, Ева идет на всяческие ухищрения, чтобы полюбоваться картиной с изображением моря и парусника, когда она вспоминает мать, то ощущает запахи свежего постиранного накрахмаленного белья:

«В часы сиесты, когда в доме царили тишина и покой, я на время бросала работу и пробиралась в столовую, где на стене висела большая картина в позолоченной раме – окно, распахнутое навстречу морскому горизонту, волнам, скалам, пасмурному небу и чайкам. Я вставала перед картиной, заложив руки за спину, и не отрываясь смотрела на морской пейзаж. Мысленно я уносилась прочь из дому, путешествовала по морям и океанам, где встречала сирен и дельфинов...»

Для произведений магического реализма Исабель Альенде, как и для произведений Жоржи Амаду и Гарсиа Маркеса, характерно особое течение времени. Например, в повести «Ева Луна» несколько временных пластов.

Во-первых, реальное время, где происходят события, связанные с реальной жизнью Евы, ее отношениями с Ральфом. В настоящем реальном времени Ева живет в семье дядюшки ее возлюбленного Ральфа, который находится в отъезде.

Во-вторых, прошлое, которое связано с семейной историей главных героев – историей жизни матери Евы Консуэло, с историей взросления самой Евы, с историей жизни Ральфа в семье до эмиграции, омраченной тиранией отца и его убийством группой школьников, с историей жизни Наранхо, ставшего революционером, и пр.

Прошлое причудливо переплетается с настоящим. В реальном времени прошло несколько дней жизни Евы, но одновременно в разных временных пластах проходит история жизни многих персонажей романа. Хронотоп художественных текстов И.Альенде, с причудливым переплетением временных пластов, составляет индивидуальную особенность дискурсивного пространства ее произведений.

Лингвистические маркеры дискурса художественных текстов Исабель Альенде связаны также с постоянным изменением повествователя. Так, в романе «Ева Луна» повествование ведется от имени Евы, Рольфа Карле, матери Евы Консуэло.

В целом, дискурсы художественных текстов Гарсиа Маркеса и Исабель Альенде представляют собой сложное многомерное полиморфное явление, в рамках которого переплетаются описание реальной действительности и мистические переживания, все это причудливым образом соединяется с экстралингвистическими основами текстов, лингвистическими и социальными маркерами, связанными с историей и лингвокультурой народов Колумбии и Чили.

Лингвокультурологические маркеры художественных дискурсов Гарсиа Маркеса и Исабель Альенде обусловлены различными аспектами взаимодействия культуры и языка. Маркес и Альенде репрезентируют системную целостность лингвокультурологической общности своих народов, описывая систему национально-культурных ценностей в диахронии.

По сути, во всех рассмотренных художественных произведениях отражена сложная концептуальная и языковая картина мира пестрого общества Колумбии и Чили, поскольку в этих странах наблюдается смешение различных этносов и народностей, обладающих своими парадигмами ценностей.

Художественные тексты Маркеса и Альенде представляют собой целостные дискурсы, результат творческой деятельности. Художественный дискурс всего корпуса произведений Маркеса и Альенде отражает, по выражению В.В. Воробьева, «национальные формы бытия общества, воспроизводимые в системе языковой коммуникации и основанные на его культурных ценностях», – всё, что составляет «языковую картину мира» [6, с.32].

Важнейшей частью лингвокультурологической основы дискурса художественных текстов Гарсиа Маркеса являются экстралингвистические характеристики, связанные с имплицитным и эксплицитным выражением социокультурных представлений писателя, который репрезентирует не только собственные взгляды на окружающую действительность, но и мировидение народа Колумбии и всей Латинской Америки.

Сложные экстралингвистические основы лингвокультурного контекста произведений Маркеса связаны с историей Колумбии (политическая виоленсия, гражданская война), национальными особенностями обычаев и верований, с симбиозом христианских и языческих представлений различных этносов. Особая национальная картина мира с неповторимым мирозерцанием, в котором соединяются основы совершенно различных типов культур, становится лингвокультурной основой художественных произведений Маркоса.

Авторские интенции художественных текстов Маркеса и И.Альенде связаны с особым литературным направлением магического реализма; героями Маркеса и И.Альенде решаются экзистенциальные вопросы бытия; религиозно-философские проблемы также находят отражение в рассмотренных произведениях. Многие персонажи переживают мистический опыт осмысления действительности. Магия, мистика в текстах И.Альенде и Маркеса описываются как явление вполне обыденное.

Лингвокультурные основы произведений Исабель Альенде и Маркеса отражают морально-нравственную ценностную парадигму, включающую духовное наследие семьи.

Во всех художественных произведениях Исабель Альенде и Гарсиа Маркеса содержатся социальные, идеологические, культурные коды, требующие дешифровки, детального понимания со стороны читателя. Культурные коды сопряжены с лингвокультурными базовыми категориями мировоззренческой парадигмы, с этномаркерами и предопределены комплексом мистических представлений различных этносов, смешавшихся на территориях Чили и Колумбии.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. – М.: Флинта, 2020. – 282 с.
2. Альенде И. Ева Луна. Истории Евы Луны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <file:///C:/Users/likak/Downloads/Ева%20Луна.%20Истории%20Евы%20Луны.fb2> (дата обращения: 02.08.2025)
3. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С.136-137
4. Большая российская энциклопедия. Магический реализм [Электронный ресурс]. – Режим оступа: https://old.bigenc.ru/fine_art/text/2151991 (дата обращения: 29.05.2025)
5. Бюиссанс Э. Абстрактное и конкретное в лингвистических фактах: речь – дискурс – язык // Политическая наука. – 2016. – №3. – С.209-216
6. Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. – М.: РУДН, 1997. – 331 с.
7. Гугнин А.А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления / Российская академия наук; Институт славяноведения. Научный центр славяно-германских исследований. – М., 1998. – 117 с.
8. Демьянков В.З. Предвидеть и предсказать: дискурс о предзнании и прекогниция // Когнитивные исследования языка. // Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках: Современные проблемы и методология исследования: материалы X Международного конгресса по когнитивной лингвистике (17-20 сентября 2020 г.). – Екатеринбург: Уральский гос. пед. университет, 2020 / отв. ред. вып. А.П.Чудинов. – М.: Ин-т

- языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2020. Вып. 2(41) – С.65-72.
9. Карасик В.И. Дискурсивное проявление личности // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2016. – Т.20, №4. – С.56-77.
10. Колесникова С.М. От смысла к тексту: лингвокогнитивное исследование: монография [Электронный ресурс]. – М.: МПГУ, 2023. 240 с. ISBN 978-5-4263-1240-1. – Режим доступа: <https://znanium.ru/catalog/product/2157560> (дата обращения: 10.07.2025).
11. Колесникова С.М. The concept “Family” in the Russian and Chinese linguoculture: cognitive, phonosemantic and educational aspects // Asia life sciences. – Vol. Supp.22, Issue 2. – Aug. 2020.
12. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
13. Маркес Г.Г. Недобрый час: Повести и рассказы [Электронный ресурс] / пер. и авт. послесл. В.Мелиновскис. – Рига: Лиесма, 1986. – Режим доступа: http://lib.ru/MARKES/nedobryi_chas.txt (дата обращения: 01.06.2025)
14. Маркес Г.Г. Палая листва. Повесть. 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/MARKES/listwa.txt> (дата обращения: 30.05.2025)
15. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – 3. изд., репр. – М.: Вост. лит-ра, 2000. – 406 с.
16. Серль Дж.Р. Логический статус художественного дискурса. 1974-1975 [Электронный ресурс] / пер. с англ. А.Д.Шмелева. – Режим доступа: https://ruthenia.ru/logos/number/1999_03/1999_3_04.htm (дата обращения: 25.05.2025)
17. Современные дискурсивные практики: подходы и решения [Современные дискурсивные практики: подходы и решения 2023]: монография [Электронный ресурс] / В.С.Григорьева, Н.Ю.Бородулина, М.Н.Макеева и др.; под общ. ред. Л.Г.Поповой. – Тамбов: Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2023. – 219с., 4,5 кв.
18. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Извлечения // Звегинцев В.А. "История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях." Ч. 1. – М.: Учпедгиз, 1960. – 406 с. Электронная версия подготовлена А.В.Волковой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://genhis.philol.msu.ru/article_184.shtml (дата обращения: 01.08.2025)
19. Стародубова О.Ю. Анатомия текста и дискурса. Ч.1: Художественный дискурс и механизмы конструирования модели действительности: учеб. пособие. – Чебоксары: ИД «Среда», 2021. – 136 с.
20. Танаева Л.И. О понятии стиля в колониальном искусстве XVI – XVIII вв. // Искусствознание. Журнал по истории и теории искусства. – 2012. – №1-2. – С.56-91.
21. Чумак-Жунь И.И., Ковалева С.В. Лингвопрагматические компоненты текстов народно-поэтического дискурса (на материале текстов народных заговоров). // Вопросы журналистики, педагогики и языкознания. – 2021. – № 41 (1). – С.545-553.
22. Van Dijk Teun A. Cambridge university press the Edinburgh building. – Cambridge CB2 8RU, UK. Published in the United States of America by Cambridge university press. – New York. 2008. – 267 p.

LINGUOCULTURAL MARKERS OF DISCOURSE IN MAGICAL REALISM ARTISTIC TEXTS BY GABRIEL MARQUEZ AND ISABEL ALLENDE

Lazareva Olesya Sergeevna

PhD in philology,
associate professor of the General and Russian linguistics chair,
Executive secretary of editorial team
of RUDN journal of language studies, semiotics and semantics
RUDN University
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: + 7 (499) 936 85 84, ext. 2584
lazareva-ov@rudn.ru

Hakobyan Larisa Senikovna

Lecturer of the chair of Russian language and professional communication
Institute of philology and intercultural communication
Russian-Armenian university
0051 Yerevan, Republic of Armenia, Hovsep Emin str., 123
Ph.: +(374 12) 775 775
larisa.hakobyan@rau.am

The article deals with the artistic discourse of the works of García Márquez and Isabel Allende. The emphasis in the work is on the analysis of linguacultural markers of artistic discourses. The discourse of the artistic texts of García Márquez and Isabel Allende is a complex multidimensional polymorphic phenomenon, within which the description of reality and mystical experiences are intertwined, all this is intricately combined with the extralinguistic foundations of the texts associated with history and linguaculture.

The author's intentions of the artistic texts of Márquez and Allende are associated with a special literary trend of magical realism; the heroes solve existential questions of being; religious and philosophical problems are also reflected in the works.

The most important markers of the discourse of the fiction texts of Marquez and Allende are ethnomarkers associated with the implicit and explicit expression of the socio-cultural ideas of the authors, which represent not only the author's views on the surrounding reality, but also the worldview of the peoples of Latin America.

The complex extralinguistic foundations of the linguocultural context of the works of Marquez and Allende are associated with the history of Colombia (political violence, civil war) and Chile (popular uprisings, political assassinations, military regime), as well as with national characteristics of customs and beliefs, with a symbiosis of Christian and pagan ideas of various ethnic groups.

Keywords: discourse; fiction discourse; García Márquez; Isabel Allende; magical realism.

**НИШОНАҲОИ ЛИНГВОФАРҲАНГИИ ДИСКУРСИ МАТНҲОИ ҲУНАРӢ
ДАР РАҲИ МАГИЧЕСКИ РЕАЛИЗМИ ГАБРИЭЛЬ МАРКЕС ВА
ИСАБЕЛЬ АЛЬЕНДЕ**

Лазарева Олеся Сергеевна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
дотсенти кафедраи забони умумӣ ва русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия,
сармуҳаррири маҷаллаи
«Вестник Российского университета дружбы народов»
Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика»
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (499) 936 85 84, доб. 2584
lazareva-ov@rudn.ru

Акопян Лариса Сениковна

Муалими кафедраи забони русӣ
ва коммуникатсияи касбӣ
Институти филология ва коммуникатсияи байнифарҳангӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Арманистон
0051, Ҷумҳурии Арманистон, Ереван, кӯч. О. Эмина, 123
Тел.: +(374 12) 775 775
larisa.hakobyan@rau.am

Дар мақола дискурси ҳунарии асарҳои Гарсиа Маркес ва Исабель Альенде таҳлил мешавад. Таваҷҷӯҳ асосан ба баррасии нишонаҳои лингвофарҳангӣ дар дискурси ҳунари равона шудааст.

Дискурси асарҳои ҳунарии Маркес ва Альенде як падидаи мураккаби полиморфӣ ва бисёрсатҳӣ мебошад, ки дар он тавсифи воқеият ва таҷрибаҳои сиррӣ бо ҳам омехта шудаанд ва ба таври зебо бо заминаҳои экстралингвистии матн, вобаста ба таърих ва фарҳанги забонӣ пайваст мешаванд.

Ниятҳои муаллифон дар асарҳои Маркес ва Альенде ба ҷараёни адабии реализми магииқ алоқаманданд; қаҳрамонҳо масъалаҳои ҳастӣ ва экзистенсиалиро ҳал мекунанд; масъалаҳои динӣ ва фалсафӣ низ дар асарҳо инъикос меёбанд.

Аҳамияти асосии маркерҳои дискурси ҳунари дар асарҳои Маркес ва Альенде ба этномаркерҳо тааллуқ дорад – нишонаҳое, ки бо ифодаи возеҳ ва пинҳонии нуқтаи назарҳои иҷтимоиёфарҳангии муаллифон вобастаанд. Ин нишонаҳо на танҳо назари муаллифониро ба воқеият инъикос мекунанд, балки ҷаҳонбинии халқҳои Лотинӣ Америкаро низ намояндагӣ мекунанд.

Заминаҳои экстралингвистии лингвофарҳангӣ дар асарҳои Маркес ва Альенде бо таърихи Колумбия (таҷовузҳои сиёсӣ, ҷанги шаҳрвандӣ) ва Чили (шӯришҳои мардумӣ, қатлҳои сиёсӣ, режими низомӣ) вобастаанд, ҳамчунин бо хусусиятҳои миллий, одатҳо ва эътиқодҳои мардум ва симбиози маънавиёти масеҳӣ ва пантэйзмии халқҳои гуногун.

Калидвожаҳо: дискурс; дискурси ҳунари; Гарсиа Маркес; Исабель Альенде; реализми магииқ.

УДК 81'272

**ЕДИНИЦЫ И СТРАТЕГИИ ПРИ КИРГИЗСКО-РУССКОМ
ПЕРЕКЛЮЧЕНИИ КОДА: ТРУДНОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ,
АЛГОРИТМ АНАЛИЗА**

Москвичева Светлана Алексеевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего и русского языкознания
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел. +7 (499) 936 85 73
moskvitcheva@mail.ru

Баянбаева Жадыра Амангельдиевна

Кандидат филологических наук,
заместитель декана по научно-инновационной работе
и международному сотрудничеству
Казахский национальный университет имени аль-Фараби
050040, Республика Казахстан, Алматы, пр. аль-Фараби, 71
Тел. +7 (777) 163 54 61
bayanbaevazhadra@mail.ru

Алтынбекова Бегаим

Аспирант кафедры общего и русского языкознания
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел. +7 (499) 936 85 73
altynbek0810@gmail.com

Переключение кода представляет собой естественный и закономерный процесс в ситуациях языковых контактов. Исследование его социальной, психологической и когнитивной природы важно для принятия решений в области языковой политики и планирования, в том числе в части планирования корпуса в условиях сосуществования идеологий пурификации и интернационализации. Статья написана на материале корпуса единиц переключения кода, собранных методом сплошной выборки из устных (интервью, сериалы) и письменных (комментарии к сериалам) текстов на киргизском языке. В фокусе исследования находятся дефиниции и факторы разграничения таких теоретических конструктов, как «переключение кода», «вкрапление», «заимствование», «смещение кода», обсуждаются трудности определения и разграничения данных понятий

на материале киргизско-русского переключения кода. Предлагается алгоритм анализа единиц переключения кода, учитывающий социолингвистический и психолингвистический аспекты ситуации, методы выделения единиц переключения кода, определения длины синтагмы, стратегии формальной и семантической адаптации единиц по методологии К.Майерс-Скоттон.

Ключевые слова: киргизско-русский билингвизм; смешение кода; заимствование; вкрапление; формальные стратегии переключения кода; алгоритм анализа переключения кода.

Введение. Понимание кода как любого варианта (формы существования) языка влечет за собой признание переключения кода (далее ПК) в качестве регулярного, частого и естественного феномена в рамках большинства коммуникативных ситуаций. Например, использование литературных, разговорных и сленговых форм в актах коммуникации на русском или любом другом языке вполне правомерно можно рассматривать как ПК.

Вместе с тем, в теоретическом плане интересно, а в социальном плане значимо ПК в ситуациях контактов разных языков, поскольку именно в этом случае может происходить заимствование, иногда чрезмерное, иноязычной лексики, насыщение языка варваризмами, появление так называемой макаронической речи, что совершенно справедливо вызывает критику и порождает движение языкового пуризма.

Особый тип ПК возникает в ситуации прямых языковых контактов в сообществах с высоким уровнем развития двустороннего социального билингвизма. Наличие и тип билингвизма – это первый определяющий фактор при исследовании специфики ПК. Вторым не менее важным фактором является наличие/отсутствие диглоссии. В ситуации диглоссии распределение языков в сообществе происходит по типу дополнительной дистрибуции, поскольку за определенными ситуациями и/или сферами коммуникации закрепляется тот или иной идиом. Это оказывает самое непосредственное влияние на феномен ПК, который, в первую очередь, оказывается связан с изменением коммуникативной ситуации. В ситуации слабой диглоссии или ее отсутствия ПК часто наблюдается в рамках одной и той же коммуникативной ситуации, а условием его появления в большей степени является социальная приемлемость языковых форм, которая может быть связана как с нормативной стороной языка, так и с уровнем понимания говорящими тех или иных языковых единиц.

Языковая ситуация в Кыргызстане, где киргизский и русский языки обладают престижем, имеют высокий институциональный и фактический статус, едва ли может быть оценена как диглоссная, а хороший уровень владения большинством населения как киргизским, так и русским языком дает возможность отнести ее к типу социального билингвизма. В целом, в исторической перспективе большое влияние русского языка на киргизский, социальный билингвизм и отсутствие диглоссии, поскольку ни киргизский, ни русский язык нельзя считать миноритарными в сложившейся на сегодняшний день языковой ситуации, определяют тип и специфику феномена ПК в речи современных киргизофонов.

Исследование феномена ПК в конкретных языковых ситуациях представляет интерес в теоретическом плане, поскольку освещает целый ряд вопросов, связан-

ных с семантической и типологической динамикой языка, механизмами адаптации заимствований, а также вопросами связи когнитивных и языковых структур. Не менее значим и практический аспект исследования ПК, с которым связаны вопросы языковой политики, нормализации социального функционирования языка, а также корпусного планирования. Аспекты планирования корпуса, которое может опираться как на идеологии пуризма, так и открытости заимствованиям и влиянию другого языка, были и остаются важными и чувствительными для киргизского социума, и в этом смысле исследование ПК на киргизско-русском материале предстает как важная задача, поскольку высока потребность в получении достоверных аналитических результатов по количественным и качественным показателям уровня возможной гибридизации языка.

Методология исследования. Цель и задачи настоящего исследования, безусловно, значительно уже и скромнее обозначенных выше проблем. В статье предлагается обсудить трудности, с которыми столкнулись авторы при анализе феномена киргизско-русского переключения кода в устной спонтанной речи киргизско-русских билингвов. Дело в том, что существующие дефиниции, алгоритмы анализа ПК и смежных с ним явлений, таких как заимствования, вкрапления, смешения кода, не всегда легко применимы к эмпирическому материалу. Трудности возникают при разграничении заимствований и вкраплений, вкраплений и собственно ПК, если под последним понимается единица на языке-доноре длиной более чем в словоформу. Нетривиальной представляется и задача разграничения феномена смешения кода (далее СК) и ПК. Поскольку в киргизском языке уже присутствует большое количество как собственно русских заимствований, так и интернационализмов, заимствованных через посредство русского языка, то провести границу между конвенциональным и узуальным использованием данных единиц, особенно в устной речи непросто [1; 3; 6]. Вместе с тем, ответ на этот вопрос важен, поскольку, как было сказано выше, он затрагивает чувствительные для социума вопросы «чистоты» языка и культуры речи.

В данной работе мы остановимся на возможных методах и принципах выделения единиц ПК с учетом их структурных характеристик и объема синтагмы, обсудим вопросы, связанные с определением статуса вкрапления и возможности его трактовки как минимальной единицы ПК, рассмотрим эвристические возможности и лимиты социолингвистических и психолингвистических факторов и их теоретических конструкторов при описании феномена ПК. В методологическом плане преимущественно мы опирались как на работы западных исследователей [8; 12; 13; 14; 17], так и российских лингвистов [2; 4; 7].

Общие методологические принципы исследования состоят в следующем:

1. ПК признается как естественное и закономерное следствие языковых контактов. Случаи смешения языков и, как следствие, ошибок, обусловленные недостаточным владением иностранным для говорящего языком, в данной статье не анализируются. Иными словами, речевая продукция говорящих (идиолект) рассматривается в макро- и микросоциолингвистическом, а не в лингводидактическом аспектах.

2. ПК трактуется в широком смысле и включает как вкрапления, так и синтагмы, фразы и сверхфразовые единицы.

3. ПК происходит только и исключительно на уровне речи индивида (идиолекта), однако оно социально обусловлено, поскольку ПК предполагает понимание широкой аудиторией включенных единиц, а, следовательно, ПК системно обусловлено и его структура не хаотична.

4. Структурные характеристики ПК, а именно характеристики единиц (семантические, морфологические, синтаксические), их объем (длина синтагмы), прагматическая и социолингвистическая нагрузка, зависят от конкретной языковой ситуации, включающей типологические характеристики контактирующих языков, их формы существования, коммуникативные домены и символические измерения.

5. Эмпирико-индуктивный тип исследования ПК приводит к необходимости корректировки и уточнения существующих теоретических подходов к исследованию ПК и адаптации их под конкретную ситуацию.

Статья написана на материале трех типов данных: во-первых, транскрибированные тексты популярного сериала на киргизском языке «Баарыбиртууган» (объемом записи 4 ч. 40 м.), во-вторых, тексты комментариев в интернет-пространстве к этому сериалу (2594 комментария, 154 646 знаков без пробелов), в-третьих, транскрибированные тексты интервью известных медиаличностей и людей различных профессий Кыргызстана на популярных интернет-каналах видеохостинга «Ютуб», «Супер-Инфо» и «Азаттык» (объем интервью составил 18 ч. 30 м.). Все три источника данных представляют собой формы публичного разговорного языка, близкого к литературному (стандартному). Тексты сериала и интервью в основной массе являются устной разновидностью киргизского литературного языка. Вместе с тем, текст сериала – это обработанный литературный текст, в то время как тексты публичных интервью представляют собой спонтанную, но контролируемую ситуацией речь. Язык комментариев, несмотря на письменную форму, близок к устной разговорной речи. Анонимность комментариев дает известный простор для свободы самовыражения, однако она ограничена правилами общения и модерацией чата.

Обсуждение: трудности анализа ПК. Из первичного материала случаи ПК отбирались методом сплошной выборки. Уже на этом этапе работы авторы столкнулись с определенными трудностями в трактовке тех или иных единиц.

Первая трудность состояла в определении минимальной длины синтагмы, которую можно было бы трактовать как единицу переключения кода. Так, например, слово *подтаканчик* (*подкаблучник*):

(1) *Подтакачник болуп жашашым керек беле?* [Я должен был жить как подкаблучник?].

Здесь, безусловно, наблюдается результат смешения кода, но можно ли использование словообразовательных морфем (в данном случае под- и -чик-) считать случаем ПК? С формальной точки зрения ничто не мешает такой трактовке, поскольку морфемы представляют собой значимые синтагмы, но для

решения вопроса, по-видимому, также следует привлекать экстралингвистические (когнитивные, психологические и социолингвистические) критерии.

Вторая трудность связана с первой, поскольку так же отсылает к вопросу о длине синтагмы и состоит в трактовке ПК длиной в одно слово/словоформу (а таких случаев ПК в нашем материале абсолютное большинство – 88% от общего количества случаев ПК). Такие единицы могут быть квалифицированы как заимствование, вкрапление или собственно ПК. В Словаре социолингвистических терминов [5] вкрапление определяется следующим образом: «Использование языковой единицы с сохранением признаков (...), свидетельствующих о ее иностранном происхождении (принадлежность к другому языку, диалекту, стилю). Использование иноязычных вкраплений в речи отличается от заимствований, адаптированных к системе данного языка и подчиняющихся его нормам, и от переключения кодов, при котором другой код (язык, диалект, стиль), выбранный говорящим, реализуется как системное явление с соответствующими лексическими, фонетическими, грамматическими и др. свойствами его элементов» [5, с.37-38].

Из определения следует, что вкрапление отличается от заимствования фактом адаптации последнего, а от переключения кода – фактом отсутствия системы морфосинтаксических маркеров языка-донора во включенной синтагме. Однако степень адаптации языковой единицы в принимающем языке может варьироваться от частичной, например, только фонетической, до полной фонетико-грамматической адаптации. В некоторых случаях слово/словоформа в процессе ПК может получить частичное морфосинтаксическое оформление, сохраняя элементы грамматической структуры языка-донора. Процессы адаптации заимствований в аспекте морфосинтаксического оформления, и это показывает наш материал, имеют характер шкалы от нуля киргизских формальных показателей до полного морфосинтаксического оформления. Присоединение тех или иных аффиксов не происходит хаотично. Ряд показателей, например, аффикс принадлежности у существительных, появляется с высокой вероятностью (30% случаев от общего числа вкраплений-существительных). Очень высока вероятность оформления существительного падежным аффиксом (43% случаев от общего числа вкраплений-существительных), при этом существует своя шкала частотности и вероятности появления того или иного падежа. Как правило, легче присоединяются реляционные морфемы, связанные с так называемым объективным типом категорий (типа категории числа в русском языке).

Фактор частотности появления единицы в речи говорящих также не всегда служит надежным критерием разграничения заимствования и вкрапления: существенную роль могут играть факторы актуальной информационной повестки, связанной с ней модой на слова и выражения, индивидуальный вкус говорящих, региональные особенности. Вопрос о разграничении заимствования в собственном смысле слова и ПК в виде вкрапления следует решать комплексно. Помимо частотности единицы ПК, семантико-грамматических и прагматических аспектов, среди которых важное место занимает наличие эквивалента в киргизском

языке, следует также учитывать степень когнитивной и психологической приемлемости данной единицы в принимающем языке.

Сложность анализа вкраплений проиллюстрируем тремя примерами (2-4) переключения кода:

(2) *Последствияга жооп берем деген эч ким жок* [Нет человека, который бы взял на себя ответственность за последствия].

(3) *Анткени көп эле* (прим.: пауза) *воспоминаниялар Инстаграмада* [Потому что многие воспоминания в Инстаграме]

(4) *Эй, Бакыт, ошол мент үчүн экөөбүздүн отношениябыз бузуду, допустим* [Эй, Бакыт, допустим, наши с тобой отношения испортились из-за этого мента].

Во всех случаях вкрапления являются отглагольными существительными со значением результата действия. Все три единицы ПК представлены в русской форме мн.ч. Вместе с тем, словоформа *воспоминания* дополнительно оформляется и киргизским аффиксом мн. ч. *-лар-*. *Последствия* такого аффикса не имеют, по-видимому, потому что в киргизском языке в когнитивном плане *последствия* воспринимаются скорее как собирательное существительное, но лексема оформляется аффиксом дат. п *-га-*. Словоформа *отношения* имеет аффикс *-быз-* (аффикс 1 лица мн. ч. с семантикой принадлежности), но необходимость наличия показателя мн.ч. (*-лар-*) вызывает сомнения, поскольку на киргизском языке *отношения* (в значении 'отношения между людьми') скорее требуют грамматической формы ед.ч.

Переключение кода и смешение кода. Третья трудность связана с различием феноменов переключения и смешения кода. Если понимать смешение кода как процесс, а не как результат, то основными маркерами различия будут экстралингвистические психологические, компетентностные, социальные факторы. В целом ряде работ фактор мотивированного перехода на иной идиом является ведущим для отделения ПК и смешения кода. Так, в Словаре социолингвистических терминов [5] ПК определяется следующим образом (выделение полужирным шрифтом – наше):

«Переход с определённого языка или формы его существования (кода, субкода) на другой код, обусловленный изменением ролевых отношений между говорящими в процессе коммуникации. (...) ПК всегда мотивировано желанием говорящего достичь максимально эффективного общения. Способность к ПК свидетельствует о достаточно высокой степени владения языком(ами) или его(их) подсистемами, а также об определённой коммуникативной и общей культуре человека. Механизм кодовых переключений обеспечивает взаимопонимание между людьми и относительно комфортный процесс речевой коммуникации. Мотивированное ПК следует отличать от заимствования языковых единиц, их вкрапления в речь, от смешения языкового кода, когда переход от одного языка к другому не имеет мотивировки и является, как правило, результатом неполноценного владения языком, формами его существования, стилями» [5, с.163-164].

Таким образом, условием ПК является хороший уровень владения контактирующими языками (или формами существования одного языка), а также мотиви-

рованное их использование в одном акте коммуникации. В этом определении появляется третий теоретический конструкт – смешение кода, под которым в данном случае понимается результат немотивированного смешения языков, так называемый макаронический язык, являющийся следствием низкого владения языком/языками или низкого уровня культуры речи. Вместе с тем, СК имеет второе значение и может означать и гибридный/креолизированный текст – результат, в том числе, мотивированного и сознательного ПК. Если обратиться к определению в Словаре понятия СК, мы увидим, что второе значение СК как раз соответствует такому пониманию СК.

«2. Вид речевой стратегии в ситуации билингвизма, предполагающий хорошее владение обоими языками и высокий уровень компетенций, когда происходит переход с одного языка на другой внутри высказывания. Иноязычные вкрапления могут выполнять функцию этнических или социальных идентификаторов» [5, с.196].

Неоднозначный характер дефиниций Вкрапления, ПК, СК обусловлен сложностью и текучим характером самих феноменов, поскольку во многом, подчеркнем это еще раз, данные явления зависимы и производны от конкретных языковых ситуаций и актов коммуникации, от идиостиля коммуникантов, который определяется их личностями, целями и задачами их коммуникативных стратегий.

Рассмотрим ряд критериев различения феноменов ПК и СК. В таблице 1 в вертикальной колонке собраны и приведены факторы различий между ПК и СК, упоминаемые в специальной литературе [8; 11; 12]. Все они являются валидными, но в то же время имеют свои ограничения.

Таблица 1 – Факторы дифференциации феномена переключения и смешения кода

	Фактор	Переключение кода	Смешение кода
Ф1	Конвенциональное (+)/ Локальное (–)	+	–
Ф2	Сознательное (+)/ Бессознательное (–)	+	–
Ф3	Мотивированное (+)/ Немотивированное (–)	+	–
Ф4	Смена коммуникативной ситуации (+)/ Та же коммуникативная ситуация (–)	+ (?)	– (?)
Ф5	Соблюдение прагма-синтаксических правил (+)/ Нарушение правил (–)	+	–
Ф6	Межфразовое (интерсентенциональное) переключение (+)/ Внутрифразовое (интрасентенциональное)	+	–

	(–)		
Ф7	Высокий уровень владения идиомом (+)/ Низкий уровень владения идиомом (–)	+ (?)	– (?)

Социолингвистический подход: диглоссия и ПК/СК. Подход к анализу ПК через призму факторов конвенционального характера ПК и локального характера СК (Фактор 1), а также фактора 4 (смена коммуникативной ситуации) часто опирается на социолингвистический подход, который лежит в основе целого ряда западных исследований ПК [8; 12]. В них конвенциональное ПК производно от диглоссного распределения языков в билингвальных языковых ситуациях. Например, может быть связано с практикой использования разных языков или их вариантов в обыденных сферах коммуникации и в престижных публичных ситуациях (религиозных, культурных, торговых и иных практиках). Важно, что смена кода обусловлена и коррелирует с социальной структурой и связанными с ней коммуникативными установками. СК выступает как локальный феномен, прежде всего связанный с языковой личностью говорящего.

Данный макросоциолингвистический подход к анализу случаев ПК, продуктивный для описания ситуаций диглоссии, с определенными ограничениями применим к анализу нашего материала. Несмотря на то, что в подавляющем большинстве случаев мы имеем дело с ПК в рамках одной коммуникативной ситуации, оно может быть обусловлено удобством и привычкой перехода на русский язык для более точного выражения понятий из области науки, медицины, культуры и др., которые можно рассматривать как следствия диглоссии. Причины такого ПК лежат в области особенностей контактов киргизского и русского языков в Республике Кыргызстан [1; 6].

Рассмотрим два примера (5 и 6):

(5) *Анан узиге тартканда моюну сынып перелом шейного позвоночника с ушибом спинного мозга деген диагноз коюлду* [После узи поставили диагноз перелом шейного позвоночника с ушибом спинного мозга].

(6) *Башында кармаганда незаконное хранение оружия деп обвинение коюшуп...* [Вначале, когда его задержали, выдвигали обвинение в незаконном хранении оружия].

Как представляется, в данных случаях и им подобных мы имеем дело с типичным примером ПК, хотя здесь нет смены коммуникативной ситуации и говорить строго о конвенциональном характере появления русскоязычного фрагмента затруднительно. Не очевидны и прагматические цели ПК. Однако между ПК (5) и ПК (6) есть различия. Если в первом примере (5) пассаж, связанный с медицинским дискурсом, привычнее и органично (по крайней мере в настоящее время) звучит по-русски и при желании его можно отнести к конвенциональному типу, то второй пример (6) легко может быть построен на киргизском языке, а ПК носит локальный характер. Добавим, что с нашей точки зрения не следует расценивать данные случаи как примеры макаронической речи, учитывая степень и глубину русско-киргизских языковых контактов, влияние русского языка на формирование научного и ряда других функциональных стилей киргизского языка.

Не вполне укладываются эти примеры в дихотомию маркированного/немаркированного ПК [14], где немаркированный тип ПК фактически соответствует конвенциональному ПК, определяемому речевыми правилами сообщества и ожиданиями коммуникантов, а маркированное ПК является следствием сознательного акта в целях получения определенного коммуникативного эффекта. В абсолютном большинстве примеров из нашего материала ПК нет смены коммуникативной ситуации, а распределение языков можно определить как контрастирующую, а не дополнительную дистрибуцию, иными словами, на данном этапе мы имеем дело со свободным варьированием, исход которого может быть разным.

Психолингвистический и прагматический подходы и факторы ПК/СК. В данном случае речь идет о степени эвристической и операциональной ценности Факторов 2 (сознательное/бессознательное ПК) и 3 (мотивированное/ немотивированное ПК). Противопоставление ПК как сознательного и мотивированного процесса СК как бессознательной и немотивированной деятельности предлагается в целом ряде работ, посвященных данному вопросу [9; 10; 17]. Как и предыдущие, данные факторы имеют свои ограничения, связанные с типом языковых ситуаций в условиях языковых контактов. В основе мотивированного осознанного ПК всегда лежат вполне определенные коммуникативные стратегии и связанные с ними прагматические задачи. Приведем три примера (7, 8, 9) мотивированного ПК из нашего материала:

(7) *Мы с мужем в России и ждём каждые серии. Сонун сериал экен* [... Отличный сериал].

Из более широкого контекста примера (7) становится очевидным, что говорящий вполне осознанно использует два языка. Он подчеркивает место своего проживания и этим объясняет необходимость говорить на русском языке, но одновременно демонстрирует и владение киргизским языком.

Пример (8) представляет собой ПК с выражением-сентенцией на языке-доноре. Классикой такого жанра являются крылатые выражения на латинском и некоторых европейских языках.

(8) *Ал жерде дагы жакшы суммага кирип кеттик бирок ничё, «Всё, что нас не убивает, делает сильнее» дегендей ал жаатта да өзүмө бир практика алдым* [И там мы ушли в минус, но ничего, как говорится: «Всё, что нас не убивает, делает сильнее», и в этой сфере я получил практику].

В нашем материале общая доля примеров такого типа относительно невелика, но они значимы и представляют интерес с социокультурной точки зрения. Во-первых, их использование подтверждает факт если не всеобщего, то широкого владения языком сентенции-вставки (русским), поскольку ПК данного типа всегда сознательно, мотивированно, является риторическим приемом и рассчитано на широкую аудиторию. Во-вторых, выбор языка ПК говорит об определенной общности культурного ареала и престиже языка вставки. В материале есть формально схожие примеры ПК, но их природа иная. Рассмотрим пример (9):

(9) *Соонун тартылынтыр, ржу не могу дейт беле* [Отлично сняли, как там говорят: «Ржу не могу»?].

Использование сниженных паремий прежде всего является показателем наличия русскоязычной языковой среды и непосредственных языковых контактов, что и делает возможным использование в качестве «крылатых фраз» разговорных и просторечных высказываний (9).

Возвращаясь к фактору мотивированности ПК, отметим, что на мотивированный и осознанный характер перехода на русский язык в (9) прямо указывает выражение *дейт беле* [как говорят].

Немотивированная смена языка может быть следствием интерференции при недостаточном владении одним из контактирующих языков, например, в ситуации изучении иностранного языка [16]. Также она может происходить в ситуациях диглоссии субтрактивного типа, провоцирующей так называемое полужазичие с гибридным кодом. Однако, судя по нашему материалу, немотивированный переход на другой язык характерен и для речи билингвов с высоким уровнем владения обоими языками. Во многих, если не в большинстве, случаев мотивы перехода на русский язык с трудном поддаются объяснению, по крайней мере с точки зрения прагматических установок.

Рискнем также предположить, что часто ПК происходит автоматически и неосознанно, поскольку скорость речи говорящего, как правило, не снижается. Однако для подтверждения данной гипотезы требуются специальные исследования с применением инструментальных методов и специальных программ.

Подводя итог обсуждению факторов мотивированного/немотивированного и осознанного/спонтанного ПК/СК, следует сказать, что они остаются полезным теоретическим конструктом, но далеко не все случаи ПК, особенно это касается вкраплений, поддаются однозначному распределению по этим типам, а следовательно, требуется поиск и введение дополнительных факторов.

Уровень сформированности коммуникативных компетенций (Фактор 7) так же не является решающим при разграничении ПК и СК. Если сознательное мотивированное ПК коррелирует с хорошим знанием языка и высоким уровнем культуры речи, то немотивированное/спонтанное ПК может наблюдаться, как было сказано выше, в ситуации как хорошего, так и плохого знания языка/языков.

В заключении раздела, посвященного описанию трудностей разграничения таких понятий, как ПК и СК, приведем пример (10), который, по всей видимости, следует трактовать как СК, однако и здесь возникают вопросы:

(10). *Тигил просто реально не прав болчу да* [Тот просто реально не прав был].

Очевидно, что большая часть слов данной фразы сказаны на русском языке, но дело в том, что предикативное ядро, а это управляющая синтаксическая структура, выражено на киргизском. В эту стержневую структуру вставлен русский остров, который с синтаксической точки зрения является именной частью сказуемого, а с лексико-семантической – это довольно устойчивое и распространенное клише. При таком подходе данная фраза мало чем отличается от других случаев ПК.

Результаты: алгоритм анализа ПК

Обозначив ряд трудностей при исследовании ПК в спонтанной публичной речи киргизско-русских билингвов, мы хотели бы предложить следующий алгоритм анализа ПК.

1. Анализ феномена ПК должен последовательно проводится от определения ситуации ПК и постановки целей и задач: исследование естественной и спонтанной речи в социуме или же это ситуации обучения языку. Не менее важно, идет ли речь о прямых или опосредованных языковых контактах. С учетом этих факторов мы получаем четыре принципиально различные ситуации: А. Естественнo-спонтанное использование языка в условиях прямых языковых контактов (наша ситуация киргизско-русского билингвизма); Б. Естественнo-спонтанное использование языка в условиях опосредованных языковых контактов (румыно-французский билингвизм в прошлом); В. Обучение языку в условиях прямых языковых контактов (большинство диглосных ситуаций, например, англо-испанский билингвизм в США); Г. Обучение языку в условиях опосредованных языковых контактов (изучение любого иностранного языка, например, английского в Российской Федерации).

2. Единицы ПК выделяются на основании формальных, психолингвистических и социолингвистических критериев. При решении вопроса о заимствовании/вкраплении следует консультироваться со словарями (в нашем случае включена ли данная единица в нормативные словари киргизского языка или нет), на фактор частотности данной единицы в речи, также допустим метод интроспекции, если вопрос решается носителем, для которого киргизский язык родной.

3. С точки зрения длины синтагмы единицы ПК могут быть представлены вкраплениями в форме отдельных слов, предложно-падежных форм и иных синтагм, обусловленных морфосинтаксической системой языка, словосочетаний (оба – интрасентенционное ПК) и фраз (интерсентенционное ПК). Как представляется, следует учитывать словосочетания с любым типом связи: сочинительной, подчинительной, примыкания. Предикативный тип связи также учитывается, при этом подлежащее и сказуемое могут находиться в дистантной позиции.

4. При анализе на уровне языковой структуры, а это анализ стратегий и механизмов включения единицы ПК в принимающий язык, предлагается использовать рамочную модель переключения кода (*Matrix Language Frame Model*) К.Майерс-Скоттон [13; 14; 15]. Для обозначения принимающего языка в Модели используется следующий термин: матричный (принимающий) язык – *matrix language*, встроенный (язык-донор) язык – *embedded language*. Для нас важными оказались два типа стратегий Модели: формальные стратегии включения единицы ПК в матричный язык и семантические стратегии.

Формальные стратегии связаны с механизмами адаптации единицы ПК к структуре матричного языка. Они подразделяются на три типа. Во-первых, это так называемые голые формы (*bare forms*), то есть вкрапления-слова, не имеющие формальных показателей принимающего языка. Примером такого типа адаптации может служить (11).

(11). *Көп-көп просмотр болсун* [Пусть будет много просмотров].

Во-вторых, это пиджинизированные формы. В нашем материале это вкрапления с переразложением основы слова языка донора, использование инфинитива глагола в значении финитных форм и ряд других единиц. В примере (12) вкрапление-прилагательное пафосный выполняет функцию наречия, сохраняя форму прилагательного с показателями муж. р., ед. ч. Пример такого рода не единственный в нашем материале, это, скорее, правило, чем исключение. ПК с вкраплениями в формах с аффиксом -о чаще всего являются категорией состояния (*жалко*) или частицы (*хорошо*). Вполне возможно, что здесь наблюдается влияние киргизского языка, где адвербиализация ряда прилагательных осуществляется при помощи изменения синтаксической функции, без изменения формы слова (*жакшы адам* [хороший человек] – *жакшы жооп берди* [хорошо ответил]).

(12). ... *өтө эле пафосный угулбасын деп атам да* [...Не хочу, чтобы звучало пафосно]

В-третьих, это вкрапления с морфосинтаксической рамкой (*morphosyntactic frame*) принимающего языка (см. примеры (2-4) настоящей статьи).

Четко разграничить стратегию голых форм и пиджинизации не всегда легко. В ситуации контакта типологически разных, но вместе с тем словоцентричных языков, таких как киргизский (агглютинативный с развитой системой морфологических показателей) и русский (флективный с развитой системой морфологических показателей), далеко не все голые формы являются таковыми на самом деле. Этот факт нужно учитывать при анализе ПК. Например, позиция субъекта высказывания (подлежащего) не требует формального выражения в виде падежного окончания ни в русском, ни в киргизском языке, в таком случае вкрапление сохраняет форму русского слова, причем почти всегда с сохранением показателя рода и часто числа, что говорит об определенной пиджинизации формы.

Семантическая стратегия приводит к появлению так называемых островов (*EL island*), которые представляют собой синтагму встроеного языка, включенную в язык-матрицу в морфосинтаксическом оформлении языка донора. В наших примерах чаще всего острова имеют форму словосочетания (пример (13)), но могут быть представлены и в виде более сложной единицы (именной, глагольной и иной группы).

(13). *Эми бир айда бир жолу генеральная уборка деп коёбуз ээ айымдар ошого атайын жардамчы келет* [Ну, раз в месяц генеральная уборка – так мы женщины называем – для этого специально помощница приходит].

Трактовка острова именно как семантической, а не формальной стратегии основывается на том, что остров репрезентирует единое понятие, сложный концепт, формально выраженный рядом связанных словоформ. Для включения острова в речь билингвами могут использоваться различные формальные стратегии (во многом это определяется типом контактирующих языков). В нашем материале чаще всего острова включаются по типу голых форм.

Определенные трудности связаны с анализом вкраплений длиной в одну словоформу, которые полностью сохраняют грамматическое оформление языка-

донора, причем не в начальной форме (именительный падеж для существительных и прилагательных, инфинитив для глаголов). Рассмотрим пример (14):

(14). ...*Канча мактасан да ошканы ненавижу* [Сколько бы ни хвалили, ненавижу Ошку].

Сложность анализа примеров такого типа состоит в том, что, с одной стороны, голая форма *ненавижу* репрезентирует не просто семантику ‘испытывать ненависть’, но ‘я-здесь-сейчас-испытываю ненависть’, то есть является полноценной синтагмой, отличие которой от классических вкраплений-островов в том, что дополнительные смыслы выражены не лексически, а грамматически, поскольку связаны с предикацией. С этой точки зрения *ненавижу* следует рассматривать как особый тип острова, а не просто вкрапление. С другой стороны, *ненавижу* – это предикативное ядро высказывания. Возникает вопрос, а какой, собственно, язык является языком-матрицей, а какой встроенным языком? В этом смысле, по-видимому, можно говорить не о переключении, а о смешении кода.

5. Анализ на макросоциолингвистическом уровне должен, в первую очередь, учитывать общую социолингвистическую конфигурацию региона, в том числе степень и тип билингвизма, наличие диглоссии, уровень владения различными языковыми компетенциями, социальные представления о языке и языковые аттитюды. Также следует обратить особое внимание на рассмотренные выше факторы конвенционального/локального, мотивированного/спонтанного ПК (мотивированность ПК может иметь как семантические, так и прагматические мотивы).

Закключение. Переключение кода предстает как закономерный и естественный процесс как в билингвальных, так и монолингвальных ситуациях, но с высоким уровнем диатопического, диастратического, диафазического варьирования. Сложности, связанные с анализом данного феномена, обусловлены целым рядом факторов. Во-первых, переключение кода происходит только на уровне речи индивида, следовательно, для валидного исследования его типов и структурных особенностей требуется исходная большая и репрезентативная выборка. Во-вторых, кодовые переключения в высокой степени производны и зависимы от особенностей конкретных языковых ситуаций (социолингвистический конфигурации, типа контактирующих языков, их вариативности в синхроническом и диахроническом плане, языковых идеологий и политики), следовательно, существующие теоретические конструкты, методы и методики исследований с необходимостью должны быть адаптированы под конкретный материал. В-третьих, находясь в центре социальных и индивидуальных, языковых и культурных практик, на пересечении языка и речи, анализ феномена переключения кода требует комплексного подхода, учитывающего социальную, психологическую, лингвистическую, культурную составляющие сообщества.

Литература

1. Дербишева З.К. Языковые контакты в сфере билингвизма в Кыргызстане [Электронный ресурс] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – Т.13, №1. – С.144-155. – Режим доступа: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-144-155>
2. Зурабова Л.Р. Грамматический аспект изучения переключения языковых кодов: модели и подходы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Лингвистика. – 2019. – №4. – С.24-34.
3. Мурзалиева Д.Д. Поддержка русского языка и образования на русском языке в Кыргызской Республике // Альманах «Этнодиалоги». – 2021. – №2 (64). – С.95-104.
4. Остапенко Т.С. Становление понятия «переключения кодов»: междисциплинарный подход // Социо- и психолингвистические исследования. – 2017. – Вып.2. – С.171-176.
5. Словарь социолингвистических терминов / В.Ю.Михальченко (и др.). – М.: Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.
6. Тагаев М.Дж., Борчиева Б.Т. Билингвальное образование как основа гуманитарного пространства и интеграционных процессов в ЕАЭС (на материале Киргизской Республики) // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2017. – С.908-911.
7. Хилханова Э.В., Папинова Ж.Б. К вопросу о терминах переключение кодов, смешение кодов, вкрапления и критериях их разграничения // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – №2 (69). – С.667-671.
8. Auer P. (1998). Introduction: Bilingual conversation revisited. In Auer, P. (ed.) // Code-switching in conversation: Language, interaction and identity. – London; New-York: Routledge. – P. 1-24.
9. Baetens-Beardsmore H. (1982). Bilingualism: Basic Principles. – Clevedon: Tieto LTD.
10. De Bot K. Cognitive processing in bilinguals: language choice and codeswitching. In: R.B.Kaplan (ed.) // The Oxford handbook of applied linguistics. – New York: Oxford university press, 2002. – P.287-300.
11. Grosjean, F. (2000). Processing mixed language: issues, finding, and models. In Li Wei P. (ed.) // The Bilingual Readers. – London: Routledge. – P.443-470.
12. Hudson R.A. (2000). Sociolinguistics. foreign language teaching and research press. – Cambridge: Cambridge university press. 2000. – 284 p.
13. Myers-Scotton C. (1993). Duelling language. – Oxford: Oxford university press. – 304 p.
14. Myers-Scotton C. (2000). Testing a model of morpheme classification with language contact data // International Journal of Bilingualism. – V.4, №1. – P.1-8.
15. Myers-Scotton C. (2002). Contact linguistics: bilingual encounters and grammatical outcomes. – Oxford: Oxford university press.
16. Paradis M. Neurolinguistic aspects of implicit and explicit memory: implications for bilingualism. In N. Ellis (ed.) // Implicit and explicit learning of second languages. – London: Academic press, 1994. – P.393-419.
17. Treffers-Daller J. Mixing two languages: French- Dutch contact in a comparative perspective. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1994.

UNITS AND STRATEGIES IN KYRGYZ-RUSSIAN CODE SWITCHING: DIFFICULTIES IN IDENTIFICATION, ANALYSIS ALGORITHM

Moskvitcheva Svetlana Alekseevna

Candidate of philology,
associate professor of the chair of General and Russian linguistics
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (499) 936 85 73
moskvitcheva@mail.ru

Altynbekova Begaiym

Postgraduate student of the chair of General and Russian linguistics
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (499) 936 85 73
altynbek0810@gmail.com

Bayanbayeva Zhadyra Amangeldievna

Candidate of philological sciences,
deputy dean of the faculty of philology
for scientific and innovative work and international cooperation
Al-Farabi Kazakh national university
71 Al-Farabi ave., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050040
Ph.: +7 (777) 163 54 61
baranbaevazhadra@mail.ru

Code-switching is a natural and regular process in situations of language contact. Studying its social, psychological and cognitive nature is important for decision-making in the field of language policy and planning, including corpus planning in conditions where ideologies of purification and internationalization coexist. The article is based on a corpus of code-switching units collected by continuous sampling from oral (interviews, TV series) and written (comments on TV series) texts in the Kyrgyz language. The study is devoted to the analysis of definitions and factors distinguishing such theoretical constructs as 'code-switching', 'interjection', 'borrowing', 'code-mixing', and discusses the difficulties of distinguishing between these concepts. An algorithm for analyzing code-switching units is proposed, taking into account the sociolinguistic and psycholinguistic aspects of the situation, methods for identifying code-switching units, determining the length of a syntagma, and strategies for formal and semantic adaptation of units according to the methodology of C. Myers-Scotton.

Keywords: Kyrgyz-Russian bilingualism; code-mixing; borrowing; intercalation; formal code-switching strategies; code-switching analysis algorithm.

**ВОҲИДҲО ВА СТРАТЕГИЯҲО ДАР ҚАДАМИ КИРГИЗӢ-РУСӢ:
ДИҚҚАТ БА МУШКИЛОТИ ТАӢИНИ ВОҲИДҲО ВА АЛГОРИТМИ
ТАҲЛИЛ**

Москвичева Светлана Алексеевна

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи забони умумӣ ва русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (499) 936 85 73
moskvitcheva@mail.ru

Баянбаева Жадыра Амангельдиевна

Номзади илмҳои филологӣ,
муовини декан оид ба корҳои илмӣ-наоварона ва ҳамкориҳои байналмилалӣ
Донишгоҳи милли Қазоқистон ба номи аль-Фараби
050040, Қазоқистон, Алмато, пр. аль-Фараби, 71
Тел.: +7 (777) 163 54 61
bayanbaevazhadra@mail.ru

Алтынбекова Бегаим

Докторанти кафедраи забони умумӣ ва русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (499) 936 85 73
altynbek0810@gmail.com

Гузариши код (switching) як раванд табиӣ ва конунманд дар вазъиятҳои тамоси забонӣ мебошад. Таҳлили хусусиятҳои иҷтимоӣ, раванӣ ва когнитивии он аҳамияти калон дорад, махсусан барои қабули қарорҳо дар самти сиёсати забонӣ ва тарҳрезии корпусҳо дар муҳити ҳамзистии идеологияҳои поксозӣ ва интернационализатсия.

Маводи мақола аз корпуси воҳидҳои гузариши код гирифта шудааст, ки бо усули интихоботи пурра аз матнҳои шифохӣ (суҳбатҳо, сериалҳо) ва навишти (тавзеҳот ба сериалҳо) дар забони киргизӣ ҷамъоварӣ шудааст.

Дар маркази таҳқиқ таърифҳо ва омилҳои фарқгузори мафҳумҳои назариявӣ монанди «гузариши код», «вкрапление» (вобастагӣ), «қарзгирӣ», «омезиши код» қарор доранд. Мушкилооти муайянқунӣ чунин воҳидҳо дар киргизӣ-русӣ мавриди баррасӣ қарор гирифтаанд.

Мақола алгоритми таҳлили воҳидҳои гузариши код-ро пешниҳод мекунад, ки ҷанбаҳои социолингвистӣ ва психолингвистиро ба назар мегирад, усулҳои муайян кардани воҳидҳои гузариш, дарозии синтагмаро муайян мекунад ва стратегияҳои мутобикқунӣ формалӣ ва семантикӣ бар асоси методологияи К. Майерс-Скоттонро дар бар мегирад.

Қалидвожаҳо: киргизӣ-русӣ билингвизм; омезиши код; қарзгирӣ; вобастагӣ; стратегияҳои формалӣ гузариши код; алгоритми таҳлили гузариши код.

УДК 81'37:82-1

**КОГНИТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕТАФОРЫ
«ФУТЛЯР» (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА А.П.ЧЕХОВА
«ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ»)**

Яркина Людмила Павловна

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка № 4
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 495 434 53 00
IarkinaLP@vandex.ru

Ху Чанцин

Аспирант
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 495 434 53 00
1042248284@rudn.ru

Новикова Наталья Степановна

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка № 4
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
novikova-ns@rudn.ru

Статья посвящена анализу метафоры «футляр» в когнитивно-лингвистическом аспекте на материале рассказа А.П.Чехова «Человек в футляре». Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом к изучению метафор как инструментов концептуализации социальной и психологической реальности, особенно в контексте классической литературы. Новизна работы заключается в применении методов когнитивной лингвистики к художественному тексту с целью выявления глубинных ментальных структур, скрытых за метафорическим образом. В рамках анализа показано, как метафора «футляр» отражает установки замкнутости, страха и конформизма, присущие не только индивидуальному сознанию (персонаж Беликов), но и коллективному менталитету. Выявлены когнитивные механизмы, лежащие в основе

формирования художественного образа, а также его функция в моделировании картины мира. Сделан вывод о высокой концептуальной ёмкости метафоры «футляр» и её роли в репрезентации культурного сценария изоляции и отчуждения.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; концептуальная метафора; художественный текст; футляр.

Введение. Когнитивная лингвистика представляет собой междисциплинарное направление, «в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент системы знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации»¹. Когнитивная лингвистика исходит из предпосылки, согласно которой язык отражает, конституирует и актуализирует когнитивные структуры, репрезентирующие опыт носителя языка [10, с.38]. Язык при этом рассматривается не только как средство коммуникации, но и как инструмент концептуализации действительности [16, с.1002]. Анализ литературных текстов через призму когнитивной лингвистики открывает новые горизонты в понимании художественных образов, позволяя раскрыть глубинные концептуальные структуры, скрытые за языковыми формами. Художественный текст в когнитивной лингвистике трактуется как манифестация ментальных моделей автора и персонажей. Это позволяет выявлять глубинные когнитивные структуры, скрытые за лексико-семантическими уровнями. Особенно перспективным оказывается анализ концептов, метафорических моделей и фреймов в рамках образной системы произведения [15, с.95]. Особую значимость приобретает изучение метафор как когнитивных механизмов, которые не только украшают язык, но и формируют наше восприятие мира. Они представляют собой «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [10, с.27]. Целостность метафоры отражает свойственную ей слитность эмоционально образно-словесных компонентов смысла [1, с.22]. Достижения когнитивной теории метафоры широко применяются в современной лингвистике, но до сих пор, по мнению некоторых исследователей, недостаточно востребованы в литературоведении [7, с.87]. В этом контексте рассказ А.П. Чехова «Человек в футляре» представляет собой уникальный материал для исследования, поскольку метафора «футляр» становится центральным элементом, организующим как индивидуальное сознание героя, так и социальные взаимодействия.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью интеграции когнитивных методов в литературоведение, что позволяет глубже понять архетипические образы, такие как Беликов. Цель работы – провести когнитивно-лингвистический анализ метафоры «футляр», выявив её концептуальную нагрузку.

¹ Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов (фрагменты) // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2014. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kratkiv-slovar-kognitivnyh-terminov-fragmenty> (дата обращения: 14.06.2025).

ку и роль в моделировании внутреннего мира героя и социальной реальности. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

1. Провести обзор существующих лингвистических и литературоведческих интерпретаций образа Беликова.
2. Определить теоретические основания когнитивного анализа метафоры.
3. Выявить ключевые когнитивные фреймы, связанные с метафорой «футляр».
4. Описать механизмы метафоризации и их влияние на восприятие героя.
5. Рассмотреть, как структура языка отражает особенности мировосприятия персонажа.
6. Сделать вывод о роли когнитивной метафорики в построении образа героя и в создании общего смысла рассказа.

В качестве гипотезы исследования мы рассматривали идею о том, что метафора «футляр» в рассказе Чехова отражает устойчивую ментальную модель, определяющую восприятие мира и поведение Беликова. Его речь и действия формируются в рамках концептуальной схемы «защита – изоляция – порядок», что свидетельствует о когнитивной ограниченности и страхе перед неопределённостью.

Теоретические основы исследования. Исследование основывается на методологии когнитивной лингвистики, разработанной в трудах Дж.Лакоффа и М.Джонсона [10], а также получившей дальнейшее развитие в русской научной традиции (Е.С.Кубрякова [8, 9], З.Д.Попова, И.А.Стернин [13] и др.). Основное внимание уделяется концептуальной метафоре как механизму, структурирующему мышление и отражающемуся в языке. Когнитивная теория метафоры, разработанная Дж.Лакоффом и М.Джонсоном, принципиально изменила понимание природы метафоры. Согласно этой теории, метафоры являются не просто стилистическими фигурами, а фундаментальными когнитивными структурами, организующими наше мышление и восприятие действительности. Метафоры позволяют осмысливать абстрактные концепты через конкретные физические и пространственные образы. Важнейшими для нашего исследования являются следующие положения когнитивной теории:

1. Метафоры системны и образуют сложные концептуальные структуры.
2. Они отражают базовые способы категоризации опыта.
3. Метафоры культурно обусловлены, но имеют универсальные основания.

Е.С.Кубрякова развивает эти идеи, рассматривая метафору как основной когнитивный механизм, посредством которого человек осваивает и структурирует опыт [8; 9], В.В.Телия [15] подчеркивает роль метафоры в семантическом моделировании действительности, отмечая ее способность создавать новые смыслы. Особое значение для нашего анализа имеет понятие «фрейма» [5; 14; 17] как когнитивной структуры, организующей знания о типичных ситуациях. В рассказе Чехова метафора «футляр» активизирует целую систему фреймов, связанных с защитой, изоляцией и страхом.

Методология исследования. Наряду с лексико-семантическим и сопоставительным анализом, а также элементами прагматического анализа текста, в работе применялись следующие исследовательские методы:

1. Контекстуальный анализ языковых средств
2. Интерпретационный анализ художественного текста
3. Концептуальный анализ метафоры
4. Фреймовый анализ

Материалом для анализа послужил оригинальный текст рассказа А.П.Чехова «Человек в футляре»¹, а также научные и критические источники, раскрывающие образ Беликова в литературоведческом контексте [2, с.6].

Обсуждение и результаты. Анализ образа Беликова из рассказа А.П.Чехова «Человек в футляре» – одна из центральных тем литературоведческих исследований. Беликов – учитель греческого языка, человек, стремящийся спрятаться от жизни в «футляр» – систему запретов, норм, страха и социального конформизма. Это не только конкретный персонаж, но и обобщённый тип, олицетворение «человека в футляре» – психологического, социального, культурного явления. Рассказ А.П.Чехова «Человек в футляре» традиционно анализируется в русле социокультурной критики, акцентирующей внимание на консерватизме и страхе перед жизнью, присущих главному герою – Беликову. Однако современная когнитивная лингвистика предлагает иной взгляд: язык персонажа и описание его внешности отражают не только особенности его характера, но и структуру его мышления, основанную на специфических ментальных моделях. Образ «футляра», проходящий через весь рассказ как сквозная метафора, выполняет и художественную, и когнитивную функцию: он задаёт способ восприятия мира героем и влияет на его речевое поведение. Такой подход позволяет по-новому интерпретировать известный образ и выявить его глубинные когнитивные механизмы. В самых общих чертах различие между двумя подходами к анализу образа Беликова отражены в таблице 1. Главное, что необходимо иметь в виду при анализе художественного текста, – это то, что он создаётся творцом языка, свободным от случайных, несущественных обязательств [11, с.706].

Таблица 1

Критерий	Литературоведческий анализ	Когнитивно-лингвистический анализ
Фокус	Сюжет, характер, символика	Язык, метафоры, концепты
Беликов	Символ общественного страха и застоя	Модель восприятия мира через призму страха
Метод анализа	Историко-культурный, типологический	Когнитивные модели, метафорический анализ

¹ Чехов А.П. Человек в футляре // Рассказы. М.: Худ. лит-ра, 1981. С.85-96.

Концептуальные метафоры – это не просто элементы языка, а универсальные структуры мышления, обладающие способностью к обобщению и концентрации информации [8, с.84]. Они позволяют человеку понимать абстрактные категории через конкретные образы. Метафора, как утверждают Дж.Лакофф и М.Джонсон, – это «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида». Она отражает сам способ, каким мы чувствуем и действуем в этом мире» [10, с.5, 27]. В художественном дискурсе метафора представляет собой не только эстетическое, но и концептуальное средство, посредством которого автор структурирует читательское восприятие реальности. В основе коммуникации лежит принцип кооперации, стремление к взаимодействию, присущее нормальному общению людей [4, с.42]. В рассказе А.П.Чехова «Человек в футляре» метафора «футляр» служит когнитивной моделью, определяющей как внутреннюю структуру образа Беликова, так и его взаимодействие с социумом. Образ Беликова – воплощение человека, замкнувшегося в ментальном, социальном и физическом «футляре». Предметные указания на закрытые формы – зонтик в чехле, часы в чехле, нож в чехольчике – последовательно создают когнитивный фрейм изоляции. Герой структурирует свою картину мира через циркуляры, предписания и страхи нарушить норму.

Беликов мыслит в рамках следующих фреймов:

1. *Безопасность = Изоляция*. Поведение героя – постоянное ношение калош, закрытые ставни, избегание открытого общения – демонстрирует буквальное следование этой рамке.

2. *Авторитет = Истина*. Частые ссылки на циркуляры и постановления как на высшие инстанции отражают отказ от личной интерпретации и абсолютизацию власти.

Метафора «футляр» у Чехова имеет не только индивидуальный, но и социальный уровень. Страх и негибкость мышления Беликова оказываются заразительными: его коллеги начинают подстраивать своё поведение под его стандарты даже после его смерти. Фраза «Как бы чего не вышло» становится языковым маркером тревожного сознания и социального конформизма. Таким образом, футляр у Чехова – это не только метафора страха, но и модель воспроизводства социальной инерции. Беликов боится открытого, спонтанного, живого. Он одевается и мыслит так, чтобы исключить любую неясность, любое отклонение от нормы. Образ Беликова формируется через систему устойчивых концептуальных метафор и когнитивных схем. Его «футляр» – не просто метафора, а модель мира, выражающаяся как в его поведении, так и в лексике, описывающей его. Беликов воспринимает реальность как потенциально враждебную. Его одежда становится не просто бытовой деталью, а проявлением когнитивной установки на постоянную защиту: «Он ходил в калошах, с зонтиком, даже в хорошую погоду, и носил тёплый фуфайку, уши закрывал ватой...»¹. Повторы, однородные члены, избыточные уточнения (даже в хорошую погоду) создают ощущение навязчивости и закрытости восприятия.

¹ Цит. по: Чехов А.П. Человек в футляре // Рассказы. М.: Худ. лит-ра, 1981. С.85-96.

Таблица 2 – Когнитивные фреймы образа Беликова

Фрейм	Семантическое наполнение	Примеры из текста / Интерпретация
ФУТЛЯР	Изоляция, безопасность, защита от внешнего мира	Очки, чехлы, галоши, зонт, пальто – всё носит замкнутый характер, символизируя его стремление оградиться от жизни
СТРАХ	Осторожность, избегание изменений, негативная оценка нового	«Он и теперь боялся, чтобы чего не вышло...» Страх перед слухами, страх нарушить правила и быть осуждённым
ПОРЯДОК / ЗАКОН	Консерватизм, буквальное следование инструкции, недоверие к свободе	«Для него были ясны только циркуляры и газетные статьи, в которых запрещалось что-нибудь». «В разрешении же и позволении скрывался для него всегда элемент сомнительный, что-то недосказанное и смутное»
АНТИХАОС	Стремление к предсказуемости, неприязнь к спонтанности и эмоциональности	Если учитель едет на велосипеде, то что же остается ученикам? Им остается только ходить на головах! И раз это не разрешено циркулярно, то и нельзя». Его раздражает живость Ваври, её езда на велосипеде – это разрушает его упорядоченный, «правильный» мир
СОЦИУМ КАК УГРОЗА	Общество представлено как источник давления, слухов, опасности	«...у него на лице было написано: как бы чего не вышло!» Фрейм восприятия мира Беликовым настолько глубоко укоренён, что отражается в мимике. Он живёт в режиме перманентной угрозы
ЗАМКНУТОСТЬ / ТИШИНА	Предпочтение тишины, уединения, нежелание вступать в эмоциональные или физические контакты	«...даже свои мысли он старался прятать в футляр.» Он практически не участвует в реальной жизни, общается официально, дистанцированно, живёт в «коробке» одиночества
ФОРМАЛЬ-	Ориентация на внешние	«Было у него странное обыкновение

Фрейм	Семантическое наполнение	Примеры из текста / Интерпретация
НОСТЬ	нормы и формы, а не на внутренние чувства	— ходить по нашим квартирам. Посидит, этак, молча, час-другой и уйдет. Это называлось у него «поддерживать хорошие отношения с товарищами», и, очевидно, ходить к нам и сидеть было для него тяжело, и ходил он к нам только потому, что считал свою товарищескую обязанностью»

Поведение героя организовано в рамках устойчивой когнитивной схемы:

- стимул (внешний мир) – угроза;
- реакция – избегание/укрытие;
- стратегия – формализм, страх изменений, контроль за средой.

Это проявляется в повторяющихся действиях героя: ношение тёплой одежды летом, использование зонта и калош в ясную погоду, избегание живого общения. Все эти черты иллюстрируют фрейм *защита от опасности*, активный в когнитивной модели Беликова. На лексическом уровне концепт "футляр" и связанные с ним метафоры реализуются через следующие языковые средства:

- частотное употребление слов, обозначающих ограничение и изоляцию (фу-файка, калоши, ватка, тишина);
- конструкции, выражающие страх и предосторожность («чтобы чего не вышло»);
- описания, передающие монотонность и замкнутость (однотипные повторы, параллелизм).

Рассказ Чехова построен как концептуально завершённая когнитивная модель, где Беликов символизирует менталитет самоограничения и внутренней цензуры. Его жизнь – следование установке «как бы чего не вышло», которая становится концептом-ядром его картины мира. Он буквально не может мыслить вне категорий запрета и угрозы. «Жизнь – это опасность» → всё, что вне «футляра», вызывает панику (велосипеды, смех, любые изменения). «Правила – это стены» → его гипертрофированная любовь к циркулярам не просто бюрократия, а попытка построить когнитивную защиту от хаоса. Когда Беликов сталкивается с альтернативной когнитивной моделью (например, поведением Коваленко), его система даёт сбой. Его менталитет не может ассимилировать новые данные (свободное поведение Вареньки, насмешки коллег). Отсутствие когнитивной гибкости ведёт к катастрофе: смерть Беликова – это, по сути, крах всей его концептуальной системы. Образ Беликова оказывается не просто индивидуальным, но типологически значимым: автор через язык создаёт когнитивный портрет эпохи, в которой боязнь свободы и инаковости становится социальной нормой.

Заключение. Рассказ «Человек в футляре» давно вошёл в школьную и университетскую программы как яркий пример психологической прозы. Однако большинство исследований сосредоточены на его социально-критической или

философской интерпретации. Когнитивный же подход позволяет взглянуть на образ Беликова как на лингвистическую репрезентацию определённого типа ментальности, где важную роль играет внутренняя структура мышления, построенная на страхе, самоцензуре и контроле. Проведенное исследование позволяет сделать ряд важных выводов, имеющих значение как для понимания конкретного произведения Чехова, так и для развития методов литературоведческого анализа в целом.

1. Метафора «футляр» в рассказе Чехова представляет собой сложную, многоуровневую когнитивную структуру, которая организует художественный мир произведения на различных уровнях – от предметных деталей до философских обобщений. Эта метафора раскрывает не только особенности мышления конкретного персонажа, но и механизмы формирования и передачи социальных моделей поведения.

2. Образ Беликова воплощает специфическую, патологическую когнитивную модель, основанную на трех ключевых принципах: страхе как основном мотиве поведения, изоляции как способе защиты и ригидности мышления как основном когнитивном стиле.

3. «Беликовщина» как социальный феномен отражает глубинные механизмы распространения и закрепления деструктивных когнитивных паттернов в коллективном сознании, показывая, как индивидуальные страхи и ограничения могут становиться социальной нормой.

Когнитивно-лингвистический подход демонстрирует свою эффективность при анализе классических литературных текстов, позволяя выявлять глубинные механизмы смыслообразования и по-новому интерпретировать хорошо известные произведения.

Представляется перспективным осуществление сравнительного анализа с другими произведениями Чехова («Крыжовник», «О любви»), что позволило бы выявить общие закономерности в изображении «футлярного» сознания. Кроме того, интересным и полезным был бы сопоставительный анализ чеховской метафоры с аналогичными образами в мировой литературе. Материалы данной работы могут быть использованы в междисциплинарных исследованиях языка и мышления, на курсах когнитивной лингвистики, а также в вузовском преподавании литературы.

Литература

1. Аванесян М.О. Передача смысла с помощью метафорических сравнений [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2015. – №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/peredacha-smysla-s-pomoschyu-metaforicheskikh-sravneniy> (дата обращения: 12.06.2025).
2. Ваджибов М.Д. Чеховский «Человек в футляре» в современной риторике (из опыта работы) [Электронный ресурс] // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2016. – №6-1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/chehovskiy-chelovek-v-futlvare-v-sovremennoy-ritorike-iz-opyta-raboty> (дата обращения: 07.06.2025)

3. Ильина Л.Е. Концептуальная метафора как воплощение смысла постфольклорного текста // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2024. – №4. – С.82-97.
4. Карасик В.И. Нормы поведения в языковой картине мира [Электронный ресурс] // Вопросы современной лингвистики. – 2019. – №4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/normy-povedeniya-v-yazykovoy-kartine-mira> (дата обращения: 12.06.2025).
5. Красных В.В. "Фрейм 'футляр' в когнитивном пространстве чеховского текста" // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – №2. – С.26-38.
6. Котиева И. Х. Образ Беликова в рассказе А.П.Чехова «Человек в футляре» [Электронный ресурс] // Вестник науки. – 2019. – №2 (11). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-belikova-v-rasskaze-a-p-chehova-chelovek-v-futlvare> (дата обращения: 07.06.2025).
7. Крылова Е.О. Метафора в прозе А.П.Чехова как смыслопорождающий механизм [Электронный ресурс] // Вестник НовГУ. – 2008. – №47. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-v-proze-a-p-chehova-kak-smysloporozhdavushchiy-mehanizm> (дата обращения: 12.06.2025)
8. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма. Лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994. – №4. – С.34-37
9. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. – М.: Языки русской культуры, 2004. – 555с.
10. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2008. – 256 с.
11. Мякшева О.В. Лингвистический анализ художественного текста как ключ к его осмыслению: когнитивно-дискурсивный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: теория языка, семиотика, семантика. – 2023. – Вып.14, №3. – С.704-718.
12. Новицкая И.В. Теория концептуальной метафоры и развитие альтернативных концепций в рамках когнитивного направления метафорологии (по материалам современной англистики) [Электронный ресурс] // Язык и культура. – 2019. – №46. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-kontseptualnoy-metafor-i-razvitiye-alternativnykh-kontseptsii-v-ramkah-kognitivnogo-napravleniya-metaforologii-po-materialam> (дата обращения: 07.06.2025).
13. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ, 2007. – 314с.
14. Соколова О.В. Категория фрейма в когнитивной лингвистике [Электронный ресурс] // Нефтегазовые технологии и экологическая безопасность. – 2007. – №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-freyma-v-kognitivnoy-lingvistike> (дата обращения: 09.06.2025).
15. Телия В.В. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира. 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://genhis.philol.msu.ru/article_66.shtml (дата обращения: 09.06.2025)
16. Фаткуллина Ф.Г., Сулейманова А.К. Языковая картина мира как способ концептуализации действительности [Электронный ресурс] // Вестник Башкирск. ун-та. – 2011. – №3-1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-kak-sposob-kontseptualizatsii-deystvitelnosti> (дата обращения: 07.06.2025).
17. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып.23. – С.52-92.

**COGNITIVE-LINGUISTIC ANALYSIS OF THE METAPHOR "CASE"
(BASED ON THE STORY "THE MAN IN THE CASE" BY A.P.CHEKHOV)**

Yarkina Lyudmila Pavlovna

Candidate of philological sciences, associate professor,
associate professor of the chair of Russian language №4
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Tel.: +7 495 434 53 00
IarkinaLP@yandex.ru

Hu Changqing

Postgraduate student
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Tel.: +7 495 434 53 00
1042248284@rudn.ru

Novikova Natalia Stepanovna

Candidate of philological sciences, associate professor,
associate professor of the chair of Russian language №4
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
novikova-ns@rudn.ru

The article is devoted to the analysis of the metaphor "case" in the cognitive-linguistic aspect using the material of A.P. Chekhov's story "The Man in a Case". The relevance of the study is due to the increased interest in the study of metaphors as tools for conceptualizing social and psychological reality, especially in the context of classical literature. The novelty of the work lies in the application of cognitive linguistics methods to a literary text in order to identify the deep mental structures hidden behind the metaphorical image. The analysis shows how the metaphor "case" reflects the attitudes of isolation, fear and conformism inherent not only in individual consciousness (the character Belikov), but also in the collective mentality. The cognitive mechanisms underlying the formation of the artistic image, as well as its function in modeling the picture of the world, are revealed. A conclusion is made about the high conceptual capacity of the metaphor "case" and its role in representing the cultural scenario of isolation and alienation.

Keywords: cognitive linguistics; conceptual metaphor; artistic text; case.

**ТАҲЛИЛИ МАЪРИФАТӢ-ЛИНГВИСТИКИИ МЕТАФОРАИ "ПАРВАНДӢ"
(БАР АСОСИ ҲИКОЯИ "МАРДЕ ДАР ПАРВАНДА"-И А.П.ЧЕХОВ)**

Яркина Людмила Павловна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
дотсенти кафедраи забони русии №4
Институти забони русии
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 495 434 53 00
IarkinaLP@yandex.ru

Ху Чанцин

Аспиранти
Институти забони русии
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 495 434 53 00
1042248284@rudn.ru

Новикова Наталья Степановна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
дотсенти кафедраи забони русии №4
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Росси, Москва, кӯч. Миклухо-Маклая, 6
novikova-ns@rudn.ru

Мақола ба таҳлили метафораи "ҳолат" дар ҷанбаи маърифатӣ-лингвистӣ, ки бар пояи достони А.П.Чехов "Марде дар як парванда" асос ёфтааст, бахшида шудааст. Аҳамияти таҳқиқот аз афзоиши таваҷҷӯҳ ба омӯзиши метафороҳо ҳамчун абзорҳои концептуализатсияи воқеияти иҷтимоӣ ва раванӣ, бахусус дар заминаи адабиёти классикӣ, вобаста аст. Навоварии асар дар татбиқи усулҳои маърифатии забоншиносӣ ба матни адабӣ барои муайян кардани сохторҳои амиқи зеҳнии пинҳоншуда дар паси тасвири мачозӣ мебошад. Таҳлил нишон медиҳад, ки чӣ гуна метафораи "ҳолат" муносибати танҳой, тарс ва конформизмро, ки на танҳо ба шуури инфиродӣ (персонажи Беликов), балки ба тафакқури коллективӣ низ хос аст, инъикос мекунад. Механизмҳои маърифатӣ, ки асоси ташаккули тасвири бадеӣ мебошанд, инчунин вазифаи он дар моделсозии тасвири ҷаҳон баррасӣ мешаванд. Хулоса дар бораи қобилияти баланди мафҳумии метафораи "ҳолат" ва нақши он дар ифодаи сценарияи фарҳангии танҳой ва бегонашавӣ бароварда мешавад.

Калидвожаҳо: забоншиносии маърифатӣ; метафораи мафҳумӣ; матни адабӣ; маврид.

УДК 372.881.161.1

ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМЫ ПЕРСОФОНОВ КАК УСЛОВИЕ ДЛЯ ЭТНООРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ РКИ

Пронкин Николай Валерьевич

Аспирант кафедры русского языка №3
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 787 38 03 доб. 2662
1142220864@rudn.ru

В статье рассматриваются лингвокультурные особенности иранского суперэтноса, актуальных для этноориентированного обучения РКИ. Для определения коммуникативного профиля иранцев предлагается описание лингвокультуры, задающие коммуникативные прескрипции.

Ключевые слова: русский язык как иностранный (РКИ); персидский язык; речевой этикет; этно-ориентированное обучение; коммуникативный подход.

В процессе изучения иностранных языков и последующей межкультурной коммуникации происходит неизбежное столкновение инородных лингвокультур. Разница накопленного общественно-исторического опыта, понимания речевого этикета и применяемых средств общения порождает непонимание и конфликты у представителей отличных лингвокультурных общностей. Сравнительный метод, лежащий в основе межкультурного и этноориентированного подхода в обучении, позволяет описать исследуемый иноязычный коммуникативный профиль и подготовить специалистов к участию в диалоге культур. Настоящая статья посвящена проблеме определения персидского коммуникативного поведения с позиции носителя русского языка. Собранный из лингвокультурных деталей иранский портрет как лингводидактический продукт призван помочь преподавателю РКИ в реализации коммуникативного подхода. Медиация преподавателем российско-иранского диалога в вузе необходима при подготовке и проведении ситуационного анализа, групповых работ, презентации проектов и докладов, телемоста, ролевых игр, круглого стола, дебатов.

Задача формирования учебной группы в этно-ориентированном обучении языку проводит параллель с процессами этногенеза исследуемого региона и оперирует этнонимом. В случае с преподаванием РКИ студентам Исламской республики Иран стоит отметить, что этноним *иранцы* является также суперэтносом в социологическом преломлении. Таким образом, иранцы – это мозаичная целостность нескольких этносов, возникших в регионе Ближнего Востока, облада-

ющих геополитическим сознанием [5, с.381]. В свою очередь, в лингводидактическом контексте важно то, что многонациональную общность Ирана определяет персидский язык, связующий различные районы внутри и за пределами страны в качестве языка делопроизводства и ретранслятора культуры, в частности, исламской. По этой причине с некоторой долей условности иранский лингвокультурный портрет как инструмент в лингводидактике может быть применён к представителям близких культурно-языковых территорий, в первую очередь, к *персофонным* афганцам и таджикам [8, с.64].

Персофоны задали литературную норму для *персидского* (от перс. زبان فارسی, от тадж. забони форсӣ), *афганского персидского* (от перс. فارسی دری, от тадж. форсии дарӣ) и *таджикского* (от перс. فارسی تاجیکی, от тадж. форсии тоҷикӣ) языка, образуя с близкими трём языкам наречиями зону диалектного континуума на линии г.Йезд – г.Герат – г.Мазари-Шариф – г.Душанбе. Согласно шкале измерения сходства языков С.Е.Яхонтова, процессы языковой дивергенции в классическом персидском языке с расхождением на персидский, дари и таджикский начались примерно 500 лет назад, что соответствует второй группе родственных идиом. Таким образом, *персофоны* от г.Урмии и г.Керманшаха на западе до г.Худжанда и г.Куляба на востоке могут поддерживать диалог на бытовые темы с небольшими барьерами во взаимопонимании [9, с.30].

Подтверждением схожести этноспецифического дискурса народов Ирана, Афганистана и Таджикистана может служить единый памятник персидской литературы начала XI века, эпос «Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси. Метафорическая образность и стройная логическая структура нарративного произведения в традиционном поэтическом жанре *маснави* (от перс. مثنوی, от тадж. маснавӣ) служит для читателя проводником в традиционные культурные коды, например, *суфизма* (от перс. صوف [sʊːf] – одежда из грубой шерсти у аскетов), получившего развитие на периферии языческого мира [6, с.66]. Свидетельствами сферы персидского культурного влияния также выступают поэтическая форма *рубай* (от перс. رباعی, от тадж. рубой) и музыкальный инструмент *рубаб* (от перс. رباب, от тадж. рубоб). Каждый *бейт* (от перс. بیت, от тадж. байт – двестишие) в рубай содержит законченную мысль, а сам лирический жанр, известными авторами которого являлись Омар Хайям и Абу Абдаллах Рудаки, записывался *арузом* (от перс. عروض, от тадж. арӯз – метрическая система арабо-персидского стихосложения) и распространялся в регионе по мере его исламизации. В свою очередь, организация ЮНЕСКО в 2024 году включила струнный щипковый инструмент рубаб в качестве артефакта нематериального наследия иранских народов. Примечательно, что игрой на традиционном для памирских народов рубабе сопровождаются свадебные церемонии на персидском говоре, а *lingua franca* в гористой местности для памирских народов служит так называемый «межпамирский фарси» [1].

Лингвокультурное сопоставление собеседников, налаживающих международный контакт, является неременным условием для этноориентированного обучения иностранному языку. Нюансы лингвокультуры иранского суперэтноса, в частности, речевого этикета, возможно проанализировать через правила общения, которые для акторов определяются через прескрипции регламента, запрета и

интерпретации. Поскольку учётом национально-специфичных черт поведения персофонов, прежде всего, занимаются преподаватели РКИ, то в этой связи интерпретирующие прескрипции будут широко представлены в полученном коммуникативном профиле. Реплики или действия людей другой национальной группы требуют от преподавателя высшей школы деликатного перевода, так как в межкультурном общении затрагиваются гетерогенные функционально-семантические поля вежливости [4, с.56].

Образцом этичного взаимодействия людей в иранской культуре служит персидское слово-артефакт *таароф* (от перс. تعارف – досл. «знакомство, представление»). Таароф как свод неписанных правил, регламентирующих речеповедение, упрощённо характеризуется преувеличенной вежливостью, стремлением поддерживать позитивный публичный имидж. Близким эквивалентом явления в русском языке можно считать *комплимент*, под которым понимается речевой подарок от нижестоящего лица с целью приобрести расположение вышестоящего лица. Исследователи прослеживают в концепте суфийскую и литературную традицию, явившуюся историческим результатом жизни иранцев в авторитарном режиме и социуме теонормной этики. Так, чтобы свобода самовыражения не была расценена как инакомыслие, речь иранцев приобретала гибкую форму, повышающую статус адресата и одновременно понижающую статус адресанта при условии логического непротиворечия. Похожими чертами в повседневном общении обладал русский крестьянский этикет, а отдельные черты русской поведенческой церемониальности воспроизводятся по торжественным случаям [2, с.306].

Оборотам речи в таарофе присущи поэтические тропы, например:

- *Ясные ваши глаза!* (от перс. چشم شما روشن!) в значении *Очень рад тебя видеть!* при встрече друзей, которые давно не виделись;
- *У нас есть дервишская хижина* (от перс. یک خانه ی درویشی داریم) в значении *Приглашаю вас в гости* с уничижением в сторону своего дома;
- *Буду на службе!* (от перс. در خدمت باشم) в значении *Что могу вам предложить?* со стороны гостеприимного хозяина и *Ваши шаги над нашими глазами* (от перс. قدم شما روی چشم) в значении *Будем вам рады* при приглашении к родственникам;
- *Ваша жертва!* (от перс. قربان شما) в значении *Вашими молитвами!*, также для ответа на комплимент;
- *Пусть твоё дыхание будет тёплым!* (от перс. دمت گرم) в значении *Спасибо за помощь!* для выражения благодарности;
- *Цветок прекрасен со всех сторон* (от перс. گل پشت و رو ندارد) в значении *Я не обижен* для ответа на извинение человека (например, водителя такси), повернувшегося спиной к собеседнику.

Этические параллели обнаруживаются в таджикском языке в лингвоконцепте *одоб*. Данные корпусной лингвистики характеризуют таджикскую вежливость через сочетание добродушия, смущения, приемлемого поведения и проявления уважения. Ассоциативно-вербальное поле лингвоконцепта *одоб* проявляется через следующие слова: *благодарие* (от тадж. ахлоки хамида), *приветствие* (от

тадж. салом додан), *этическое воспитание* (от тадж. тарбияи ахлоку одоб), *обращение на Вы* (от тадж. шумо гуфтан), *уважение и почитание старших* (от тадж. иззату эҳтиром ба калонсолон), *хорошее отношение* (от тадж. муносибати хуб), *речевой этикет* (от тадж. рафтору гуфтор) [11, с.178].

Церемонность в диалоге в первую очередь решает задачу вежливого приветствия и обращения, выбора подходящего вокатива. Среди лексем *гражданин*, *товарищ* и *господин* элементом в русском языке, соответствующим коммуникативному поведению персофонов, служит вокатив *господин/госпожа* (от перс. آقا, от тадж. оқо / от перс. خانم, от тадж. хонум), используемый в официально-деловом стиле, приоритетном для образовательных целей. Таким образом могут обращаться друг к другу участники дебатов на занятии РКИ. Поскольку к прескрипции регламента относится проявление иранцев почтительности к преподавателю как носителю социального статуса, то предписанием для преподавателя в этом случае будет обучение разновидностям вокативных формул в русском языке, а именно, имени с отчеством. Примечательно, что в формальной ситуации иранцы не употребляют личное имя, так как в лингвокультурной среде персидского языка распространено обращение по фамилии с указанием статуса, должности или титула [10, с.226].

Обратить внимание преподавателю РКИ, следящему за регламентом, стоит на уместность местоимений. В персидском и таджикском языке, в отличие от английского, существует различие местоимений *ты* (от перс. تو, от тадж. ту) и *вы* (от перс. شما, от тадж. шумо), что соответствует русскому языку. Однако в русском языке считается неуместным упомянуть в третьем лице присутствующего при разговоре человека, в то время как в персидском диалоге подобное «исключение» через местоимения *он/она* возможно [3, с.474].

Вежливость как основа регламента межкультурного диалога имеет лингвистическое выражение. Для лингводидактики дословный перевод метафоричных выражений иранского таарофа нецелесообразен. Однако в русском, персидском и таджикском языках имеются простые частотные лексические единицы, такие как *спасибо* (от перс. متشکرم, от тадж. ташаккур), *пожалуйста* (от перс. لطفا, от тадж. лутфан, также от перс. بفرمایید, от тадж. бифармояед), *прошу Вас* (от перс. خواهش می‌کنم, от тадж. хоҳиш мекунам), а также грамматическая категория сослагательного наклонения. По этой причине преподаватель РКИ как модератор диалога предваряет речь учащихся фразой-обращением, например, *Прошу Вас, мы хотели бы услышать ваше мнение, господин Моради* [7, с.88].

К прескрипции запрета в среде персофонов относится ограничение на прикосновения мужчин и женщин. Тактильность как невербальное средство общения используется русскими в рукопожатии и объятиях при приветствии. В то же время иранскую женщину, согласно мусульманской этике, не принято приветствовать рукопожатием и объятиями мужчине, не состоящему с ней в родственных связях. В этой ситуации на помощь приходит универсальный для обоих полов приветственный жест, при котором нужно положить ладонь правой руки на свою грудь близ сердца, сопроводив небольшим поклоном и приветственной фразой *Здравствуйте!* (от перс. سلام عليكم, от тадж. салом алайкум – досл. «Мир

вам!») [2, с.307]. Также неприличным и, как следствие, запрещённым в коммуникации выступает жест большого пальца, поднятого вверх. Подобный знак не обозначает одобрение или позитивную эмоцию, а является грубым символом для иранца [4, с.57].

К прескрипции интерпретации в российско-иранском и российско-таджикском взаимодействии стоит отнести частотное упоминание Бога, в частности, в текстах официально-делового стиля. Получателя письма предваряет оборот-бисмиллях *Во имя Всевышнего!* (от перс. *بسم الله*, от тадж. бисмиллох). Упоминание Бога в устной речи иранца и таджика присутствует в прощании, например, *Пусть Бог держит Вас!* (от перс. *را ديه گنا د خد!*) и *Храни вас Бог!* (от тадж. *Худо хофиз!*), в клятвах и опасениях, например, *Нет, клянусь Богом!* (перс. *نه، به خدا قسم*) и *Не дай Бог!* (от тадж. *Худо накунад!*), что указывает на искренность говорящего [2, с.311].

Преподавателями замечено, что иранцы в учебной аудитории вслух обсуждают ответы друг друга. Подобное отклонение от академической дисциплины связано с традицией коллективизма, социально-культурными реалиями иранского общества. Коллективное обсуждение с последующими предложениями как активное вторжение в личную зону человека призвано стандартизировать понимание какого-либо исследуемого предмета, что не следует интерпретировать собеседнику как неуважение к нему [4, с.58].

Таким образом, в статье рассмотрены невербальные средства и речевые акты с позиций национально-специфичной вежливости, а также некоторые психологические характеристики коммуникативного дискурса персофонов. Коммуникативный профиль иранского суперэтноса выступает ключом к этноориентированному обучению РКИ, а заданная рамка прескрипций предназначена преподавателю РКИ как медиатору в российско-иранском диалоге.

Литература

1. Большая российская энциклопедия. Рубаб [Электронный ресурс] / под ред. С.Л.Кравец. – Режим доступа: <https://old.bigenc.ru/music/text/3517612> (дата обращения: 08.07.25).
2. Бэни Ф.А. Таароф в иранском речевом этикете // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2022. – №8-2. – С.299-316.
3. Годрати А. Личные местоимения и звания в роли обращения в русском и персидском языках // Молодой ученый. – 2017. – №10 (144). – С. 472-475.
4. Груздева Е.А. Межкультурный подход в обучении русскому языку как иностранному иранских учащихся // Известия ВГПУ. – 2019. – №7 (140). – С.55-61.
5. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.
6. Лахути Л.Г. Культурные коды иранской традиции («Шахнаме» Абулькаси́ма Фирдоуси и суфийские маснави Фарид ад-Дина 'Аттара) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2014. – №6 (128). – С. 66-95.
7. Мадасени А., Мостафави Геро Х. Вежливость и речевой этикет в русской и иранской культурах // Вестник НГПУ. – 2013. – №4. – С.87-94.
8. Сатцаев Э.Б. Ираноязычные народы: лингвистическая классификация и языковая ситуация // Известия СОИГСИ. – 2019. – №32. – С. 61-72.

9. Фомин А.Ю. Глоттохронологическое исследование дивергенции таджикского, дари и персидского языков. – Душанбе: Изд-во РТСУ, 2011. – 34 с.
10. Хасанзаде Р. Анализ функционирования собственных имен в качестве слов-обращений в русском языке в сопоставлении с их эквивалентами в персидском языке // Исследовательский журнал русского языка и литературы. – 2018. – № 1(11). – С. 215-233.
11. Худоев Х.Е. Лексическая объективация концепта "одеб" (вежливость) в таджикском языке (на материале лексикографических источников и Национального корпуса таджикского языка) // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2022. – № 2(77). – С. 170-182.

LINGUO-CULTUROMEMS OF PERSOPHONES AS A CONDITION FOR ETHNO-ORIENTED TEACHING OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Pronkin Nikolai Valerievich

Postgraduate student of the chair of Russian language №3
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 787 38 03 ext. 2662
142220864@rudn.ru

This article deals with the linguacultural characteristics of the Iranian super ethnos, which are relevant for ethno-oriented teaching of Russian as a foreign language. To determine the communicative profile of Iranians, a description of the linguacultureme defining communicative prescriptions is offered.

Keywords: Russian as a foreign language (RFL); Persian language; speech etiquette; ethno-oriented teaching; communicative approach.

ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМҲОИ ПЕРСОФОНҲО: ШАРТ БАРОИ ТАЪЛИМИ ЭТНООРИЕНТИРӢ РУСӢ ЧУН ЗАБОНИ ХОРИҶӢ

Пронкин Николай Валеревич

Аспиранти кафедраи забони русии №3
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 787 38 03 дох. 2662
142220864@rudn.ru

Мақола ба таҳлили хусусиятҳои лингвофарҳангии суперэтноси форсӣ (эронӣ) бахшида шудааст, ки барои таълими равиши этно дар самти омӯзонидани забони русӣ ҳамчун забони хориҷӣ аҳамияти калон дорад. Барои муайян кардани профили коммуникатсионӣ ва хусусиятҳои муоширатии эронӣ пешниҳод мешавад, ки лингвокултуремаҳо тавсиф карда шаванд, ки нишондодҳои коммуникатсионӣ ва меъёрҳои рафториро муайян мекунанд.

Калидвожаҳо: русӣ ҳамчун забони хориҷӣ (РКИ); забони форсӣ; одоби гуфтор; таълими равиши этно; равиши коммуникатсионӣ.

УДК 809.155.0+15+008(5753)

ОТРАЖЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ КРЕСТЬЯНСТВА В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

Норов Мирзомурод Боймахмедович

Кандидат филологических наук, докторант
Институт языка и литературы им. Рудаки НАН Таджикистана
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 38/1
Тел.: (+992) 600 31 96; (+992) 93 553 21 97 (м.)

В статье рассмотрены вопросы, связанные с особенностями жизни и труда таджикских крестьян, их образа мысли и жизнедеятельности на фоне прошлых картин мира представителей этого сословия, которые представляют особую значимость для таджикского лингвосоциума. Установлен общий подтекст мировоззренческо-ценностных ориентиров, а также некоторые сохранившиеся элементы земледельческих традиций таджиков, проведен лингвокультурологический анализ социоисторических истоков упадка земледельческой идентичности вследствие имплантации иноземных культур и сакральных догм и, соответственно, проявлений недоброжелательного отношения к дехканину и его работе.

На примере «Воспоминаний» С.Айни, где дехканин изображен в положительных тонах, а его труд достойно оценивается как благородное занятие, показано своеобразие его мировосприятия, связанное с верованиями и традициями таджикского социума, отраженное в культурных концептуализациях, и на этой основе выделены понятийные, образные и ценностные характеристики концептов «дехкон» (крестьянин), «деревня» и «труд». Отмечены доминирующие ценности и идеалы таджикского крестьянства, нормы поведения, неразрывная связь с землей, природообусловленность его мышления, особенности бытовой культуры и семейных отношений, религиозность и установка на предопределенность судьбы.

Ключевые слова: земледелие; труд; традиции; дехканство (крестьянство); концепт; понятийные, образные, ценностные характеристики; художественный текст.

На современном этапе развития языкознания рассмотрение социокультурных вопросов в рамках междисциплинарного научного направления – лингвокультурологии, использующей «интегрированное понимание таких терминов, как «когнитивный» и «культура», когда они относятся к языку» [12, с.293], несомненно способствует освещению многих сторон жизнедеятельности человека в разные исторические эпохи. Исходя из этого, в современных разработках гуманитарных наук главным объектом исследования стал человек. В общем, концентрация внимания на субъекте познаний – человеке обусловило зарождение когнитивизма, которое связывают «со стремлением преодолеть бихевиоризм как методологию научного исследования и вернуть мысль (mind) в науки о человеке [11, с.30] или с обретением современным языкознанием «антропного характера» [11, с.36]. Австралийский ученый иранского

происхождения Ф.Шарифиён в своих работах использует термин «культурная лингвистика» для обозначения недавно разработанной дисциплины междисциплинарного происхождения, которая, по его мнению, исследует связь между языком и культурными концептуализациями и занимается особенностями человеческих языков, кодирующих или воплощающих культурно сконструированные концептуализации, охватывающие весь спектр человеческого опыта [16, с.2]. По утверждению Шарифиёна, теоретическая структура лингвокультурологии обеспечивает основу для понимания культурных концептуализаций и их реализации в языке. В основе теоретической структуры лингвокультурологии лежит понятие «культурной когниции» и «культуры», поскольку они связаны с языком. Культурная когниция – это форма «энактивной когниции», которая возникает в результате социальных и языковых взаимодействий между людьми во времени и пространстве [16, с.22].

На этом фоне далее Ф.Шарифиён пишет, что как центральный аспект культурной когниции язык служит (по словам Thiongo, 1986) «коллективным банком памяти» культурной когниции речевого сообщества. Многие аспекты языка речевого сообщества сформированы элементами культурной когниции, которые преобладали на разных этапах истории этого сообщества и которые оставили следы в последующей языковой практике. В этом смысле язык можно рассматривать как первичный механизм «хранения» и передачи культурной когниции, действующий как банк памяти и как текучее средство для (ре-) передачи культурной когниции [16, с.24].

С учётом этих утверждений, лингвокультурологический взгляд и анализ специфических черт крестьянства и его труда представляют большую ценность для таджикского лингвосоциума, что обуславливает актуальность данной статьи. Для проведения анализа попытаемся дать описание через лингвокультурные концепты «*дехкон*», «*труд*» со всеми связанными с ними коннотациями и ассоциациями по материалам «Воспоминаний» С.Айни. Для этого необходим ретроспективный взгляд на земледелие и общественную востребованность/невостребованность и профпригодность крестьянина – основного производителя материальных благ, как социально-активного класса, представляющего в эпоху жизни автора «Воспоминаний» безмолвное большинство в силу воздействия политических и сакральных установок. Важно также обрисовать окружающую социальную среду и, по возможности, реконструировать общий подтекст мировоззренческо-ценностных ориентиров этой категории лиц, их духовный и моральный облик в преемственной связи с этнокультурными традициями таджикского народа, осветить психокультурные стороны укорененных древних и религиозных установок и земледельческих традиций, провести культурологический анализ социоисторических истоков деградации земледельческой цивилизации после арабского нашествия и номадического политического давления, имплантации архетипа социального смирения под воздействием деструктивных элементов иноземных культур и религиозных догм, сказавшихся со временем на их характере и традициях. В этом контексте заметим, что земледелие и труд у наших древних предков считались благим

делом и им даже приписывали чудодейственную силу [5, с.6]. Следует напомнить, что благое дело, наряду с благой мыслью и благим словом, составляют один из элементов зороастрийской триады [1, с.149].

Известно, что основой человеческой экзистенции и жизнеобеспечения является труд, преобразовавший среду человеческого обитания. Великий немецкий философ И.Гердер считает земледелие «столпом, на котором держится все государственное устройство» [7, с.292]. Когда мы говорим о труде, перед нашим взором тут же встают крестьянский труд и всевозможные работы, связанные с земледелием. Напомним, что представители земледельческих работ на таджикском языке именовались словами *деҳқон*, *кишоварз*, *барзгар* и *кадевар*. Поскольку крестьянская работа связана с землей и производилась она в сельской местности, крестьянина называли *деҳқон* (от слова – *деҳ* – *поселение*), хотя первоначально данное слово означало собственника земли, землевладельца, со временем превратившегося в старшину поселения. Но тот факт, что за этим словом закреплено именно понятие “земля”, на которой выращиваются разные культуры для удовлетворения материальных потребностей, не вызывает никакого сомнения. Следует отметить, что вначале труд, вернее, физический труд, не рассматривался как благородное занятие, а достоинство культуры и образа жизни его представителей определяли соответственно этому оценочному критерию. Среди классиков таджикско-персидской литературы восхваление достоинства крестьянского труда больше всего встречается у Носира Хусрава [15, с.315].

Таким образом, чтобы представить характеристику образа жизни, мысли и действий дехканина, необходимо обрисовать штрихами его литературный портрет и его эпоху, провести исторический, сопоставительный и лингвокультурологический анализ и выяснить психокультурную подоплёку недоброжелательного отношения обществ к этим категориям лиц.

Термин “деҳқон” (крестьянин), как отмечал известный исследователь персидско-таджикской литературы А.Бертельс, имеет очень сложную историю с разными значениями и с этимологической точки зрения, по словам иранского учёного Маликушшуаро Бахора, означал первоначально главу третьего сословия иранского народа (ваструйушан) и старшину (*buzurg*) барзигаров (земледельцев), а потом при исламе *деҳканами* стали называть иранскую знать (*buzurgoni Iron*). В некоторых случаях *деҳканом* называли падишаха или марзбана (правителя пограничной области) какой-нибудь страны и края. Действительно, дехкане после исчезновения сословия всадников (*savoron*), которое было высшим классом у иранцев, заняли положение предводителей и старейшин иранского народа” [3, с.18].

Российский исследователь А.Я.Гуревич, напоминая о предании забвению крестьянина на протяжении долгой истории, приводит слова Жака Ле Гофа о том, что «будучи устранено из литературы Раннего Средневековья, крестьянство возвращается в нее в ином обличье, а именно под именем «язычников» (*pagani*, *rustici pagani*), «грешников», «бедняков» и, наконец, «невежественных», «неграмотных людей» – слово *rusticus* все более приобретало именно такой оттенок», и

отмечает, что *rusticitas* означало «невежество», «необразованность», «неотесанность», «грубость» и *rusticatia* «деревенская жизнь», «сельский труд», «земледелие» [9, с.19]. В «Воспоминаниях» С.Айни *деҳқон* (крестьянин) обрисован, в основном, в положительных тонах, в значении жителя сельской местности, занимающегося земледелием, зарабатывающего тяжелым трудом свой хлеб, хорошего семьянина, кормильца. Но наряду с этим, сельский житель (*рустой, деҳотӣ*) фигурирует иногда в негативном ключе, как *сахроӣ* (деревенщина)¹: *Эй сахроӣ!* (с.351) / – *Эй, деревенщина!* (с.501), *нурикаш* (навозник) *Я больше не мог терпеть, пришёл в ярость и закричал: Эх ты, деревенщина, навозник! Ўй сахроӣ нурикаш! / Ў сухани маро бурида, маро даиномӣ сахроӣна дод* (с.435) / *Он прервал меня и обругал по-деревенски* (с.621), *ин сахроӣ нодон/деревенский невежда* (с.618); *побараҳна* (голодранец) – в значении бедный, поскольку жители деревни жили бедно, а также *нодон* (невежда). Даже сквернословие, унижение достоинства, оскорбительные слова, которыми ругают, приписывали людям деревни: *дар солҳои аввале, ки ман дар шаҳри Бухоро будам, мардум (ба истисноӣ баъзе касон), хусусан муллоҳо, ба ман бо назари бисёр паст менигарстанд ва бо оҳанги таҳқиромез маро “сахроӣ” меномиданд* (с.393) / *В первые годы моей жизни в Бухаре люди (за исключением лишь некоторых), в особенности муллы, смотрели на меня очень презрительно и, желая унижить, называли “деревенщиной”* (с.563). Одним из значений слова “сахро” (поле) в таджикском языке является «деревня»: *талабони қашшоқе, ки ба сахро алоқаманд буданд, ба деҳаи худ рафта, ба қорҳои деҳқонӣ падар ва ё ягон хеши наздиқашон ёрӣ медоданд* (с.575) / *Бедные ученики, связанные с деревней, уезжали к себе домой и помогали в сельских работах родителям или близким родственникам* (с.818).

Итак, номинативное поле концепта *деҳқон* (крестьянин) в «Воспоминаниях» очень широкое, оно, помимо основного значения – крестьянин, стало употребляться в значении *деревня, деревенщина, невежда* и др. Думается, что корни такого недоброжелательного отношения к крестьянам и их труду нужно искать в той социокультурной истории, в которой они оказались.

Так, выше мы упоминали о почитании труда как неотъемлемой части жизни и доброго занятия в зороастрийских источниках. Но позднее, после смены религии и утраты многих традиционных культов предков, на физический труд стали смотреть с презрением, называя его черным, принадлежащим к низшим, к простонародью, а людей, выполняющих такую работу, стали обозначать такими выражениями, как *чёрный люд, люди чёрной породы, неквалифицированный*. Черная работа подразумевала чаще физически тяжёлый или грязный труд, не требующий высокого мастерства. Одно из значений таджикского слова арабского происхождения «*меҳнат*» (труд) является *мусибат, машаққат* (трудности, тяго-

¹Здесь и далее примеры с указанием страницы приводятся из следующих изданий: Айни С. Воспоминания. Душанбе: Глав.ред. науч. таджик. Энциклопедии, 2009. 680 с. (на тадж.яз.); Айни С. Воспоминания / пер. с тадж. А.Розенфельд; подг. А.Розенфельд, А.А.Семёнов, Н.А.Кисляков, А.Н.Болдырев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 1081 с.

сти, несчастье) [12, с.346]. Это подтверждает и А.Я.Гуревич: «В античности труд не считался добродетелью и неотъемлемым атрибутом жизни: человек был *homo politicus* по преимуществу. Позднеантичная цивилизация не признавала высокого достоинства физического труда. Термин *negotium* («дело», «занятие», «труд») имел также значение «досада», «неприятность»; это слово было производным от *otium* («досуг», «покой», «спокойная жизнь») и выражало отрицание этого понятия [9, с.36].

А.Е.Бертельс также приводит слова В.В.Бартольда о том, что, несмотря на употребление слова *дехкан* в разных значениях, оно уже в очень ранних источниках (IX в.) может иногда обозначать простого земледельца, крестьянство [5, с.19-20], и с течением времени в персидском и таджикском языках за этим словом утвердилось значение «крестьянин» [3, с.20]. Эволюцию термина *дехкан*, по оценке А.Бертельса, верно подмечает В.В.Бартольд, который считал, что «иранская земельная аристократия, потерявшая после арабского завоевания большую часть своих земель, на протяжении нескольких столетий продолжала беднеть, ее хозяйство постепенно приходило в упадок. Часть дихканов стала сборщиками налогов в халифате, а часть обнищала, превратилась в крестьян или группу населения,...» [3, с.20].

Если судить по данным сельскохозяйственной статистики эпохи жизни автора «Воспоминаний», то видно, что из общего количества жителей страны дехкане, являвшиеся основными производителями материальных благ, составляли 91% и находились в тягостном и угнетённом состоянии [13, с.19]. И они, как и в прошлом, платили государству, светским и духовным феодалам 40 видов налогов. Наиболее обременительным налогом считался херадж – поземельный налог [13, с.20-21]: *Дар натицаи ин гуна андозгундорӣ деҳқононе, ки дар асл дар вақти андозандозӣ як бор тороҷ дида буданд, дар вақти пардохтани пули андоз тамоман хонавайрон шуданд ва маҷбур гардиданд, ки баъзеҳион заминҳионро бо нархи арзон ба бойҳо фурӯхта, баъзеҳион ҳайвоноти корӣ ва асбоби хонашонро фурӯхта пули андозро диҳанд (с.58) / Крестьяне оказывались ограбленными с самого начала – при определении суммы налога. Когда дело доходило, наконец, до уплаты денег, они окончательно разорялись, одни вынуждены были по дешевой цене продавать баям свою землю, другие – рабочий скот и земледельческие орудия (с.88). Айни пишет, что хотя основным занятием жителей считалось земледелие, однако никто из них не мог на это существовать; более того, земледелие приносило убытки, которые приходилось покрывать доходами от других занятий. Тут следует добавить, что многие разорившиеся крестьяне перебрались в города и образовали отдельные прослойки. В «Воспоминаниях» С.Айни встречаем детали нелицеприятных зрелищ, когда, убегая от тяжелой работы, часть людей обращалась к легкому заработку, например, к заклинаниям и чтению молитв или продаже земли, что, с позиции автора «Воспоминаний», считалось позорным: *падар ва писар заминро фурӯхта хӯрдаанд/он продал землю и проел с сыном, все, что получил. Маълум буд, ки ӯ дар ин кори бемеҳнат ҳам сиёдуқ буда, кораи пеи намерафт (с.27) / Говорили,**

что он занимается заговорами и заклинаниями. Было очевидно, что и в этом легком деле ему не сопутствует удача (с.43).

Необходимо подчеркнуть, что именно дехкане больше всех являлись хранителями древних традиций. Примером тому служит доисламский праздник Навруз, праздник возрождения природы: *Халқи тоҷик, дар ҳолате, ки иди рамазон ва иди иди қурбон барин идҳои диниро як рӯз барпо меошад, иди Наврӯзо ҳафтаҳо давом меод. Ба сабаби дар аввали баҳор, дар вақти ба ҳаракат даромадани тамоми растаниҳо рост омадани ин иди табиат инсон ҳам ба ҳаракат меомад. ... Дар ҳақиқат, ин ид ба ҳаракат омадани киштҳои галладона ва сар шудани киштукори дигар ҳосилоти заминӣ буд, ки инсонро сер карда, сабаби баҳои ҳаёти ӯ мешуданд* (с.580) / *Таджикский народ, отводивший на курбан или рамазан по одному дню, справлял праздник Нового года неделями. Этот праздник падал на начало весны, когда вся природа оживала и люди так же приходили в движение. Действительно, этот праздник, связанный с появлением всходов пшеницы и ячменя, а также с началом сева других культур, служащих человеку для пропитания, представлялся людям основой их существования. Дар замони пеш деҳқонони тоҷик пеш аз соли нав-пеш аз моҳи ҳамал – дар ҳар деҳа ба майдонҳо ҷамъ шуда ғуштигирӣ ва дигар ҳаракатҳои баданӣ карда, ғӯё ба тани аз сармои зимистон афсурдашудаашон қуввати нав меоданд ва дар аввали ҳамал се рӯз сайругашти умумӣ карда, ба киштукор меадромаданд* (с.580) / *В прежние времена таджикские крестьяне в деревнях перед Новым годом – перед месяцем хамал – собирались на площадях, занимались борьбой и другими физическими упражнениями, словно хотели влить новые силы в свои уставшие за зиму члены: в начале хамала три дня продолжались общие гулянья, а затем приступали к пахоте* (с.825). В этом ключе следует подчеркнуть, что Новый год персоязычных народов совпадает с началом Навруза, и, несмотря на то, что после утверждения ислама календарь изменился, дехкане продолжали работать по солнечному календарю. Они использовали свой сельскохозяйственный календарь, поскольку лунный месяц – «неудобное средство измерения времени. Смену времен года и, следовательно, ритм человеческой жизни определяет не Луна, а Солнце» [4, с.14]. Так, если бы они действовали по мусульманскому календарю, то это приводило бы к несоответствиям между традиционными сезонными праздниками, такими как Навруз, знаменовавший начало весны, поскольку «согласно астрономическим представлениям древних иранцев,... день Нового года должен был совпадать с “вхождением Солнца в созвездие Овна», т.е. соответствовать весеннему равноденствию» [4, с.321]. При этом богатым материалом для крестьянского бытоописания служат фольклорные записи, поскольку фольклор тесно связан с этнографией. Одним из народных, по сути крестьянских, обрядов, связанных с Наврузом, является обряд «чуфтбаророн» (вывода волов), когда Бобои Дехкон (Дед-земледелец) разбрасывает семена по земле. Согласно таджикским фольклорным материалам, время «чуфтбаророн» определяют опытные старики и старшины села. Из собравшихся людей для проведения «чуфтбаророн» один из почетных стариков селения произносил слова молитвы: *кушоини кор, баркату*

барор, Бобои Дехқон мададгор, якатон ҳазор шавад / успехов в работе, обилие хлеба и удачи, Дед-земледелец – на помощь, пусть ваше богатство приумножится в тысячу раз [2, с.58]. Таким образом, можно сказать, что именно крестьяне, несмотря на воздействия инокультурных факторов, в определенной степени способствовали сохранению многих земледельческих традиций.

Необходимо констатировать, что начиная с периода халифата упадку дехканского хозяйства таджиков в немалой степени способствовала хараджная система налогообложения, жесткое притеснение которого привело к утрате крестьянами жизненных идеалов, надежды на возможность улучшения жизни, к расстройству хозяйств. В связи с термином *дехкан* также уместно обратить внимание на термин *мульк*, означавший мелкую земельную собственность, передаваемую по наследству территорию с крестьянами, живущими на этой территории [3, с.16]. Тогда, как пишет А.Бертельс, «наследственное традиционное владение местной знатью землями на правах мулька находилось в резком противоречии с хараджной системой, распространенной и укрепленной арабами-завоевателями и сохранившейся затем в отпавших от халифата областях, и дехкане на протяжении многих столетий до арабского завоевания превратившиеся из общинных старейшин в земледельцев, были связаны узами патриархальных отношений с крестьянством. Их взгляды на земельную собственность отличались от точки зрения, распространенной в халифате». Для подкрепления этих слов А.Бертельс приводит высказывания Захир ад-Дина об аббасидском халифе Маъмуне и испахбаде¹ Шарвине: «Маъмун ар-Рашид захотел купить в Мазандеране несколько мульков, которые называются «маъмун». Когда они (т.е. халиф) прибыли в Рей, испахбад (Шарвин, правитель Мазандерана) пришел повидать его. Приближенные халифа заявили испахбаду, что следует продать халифу несколько мульков. Испахбад ответил: «Я не продаю мульков, и, по нашему мнению, продавать мульк – обычай отвратительный». Через несколько дней Маъмун ар-Рашид пришел в дом испахбада: так как иного выхода не было, [испахбад] подарил (*hadya kard*) ему триста деревьев в горах и долинах и составил дарственную запись (*qabolai habt navisht*)» [3, с.21-22]. Отголоски таких идей мы также находим в стихотворении С.Айни «Мафрӯш замин!» - Не продавайте землю!), который считал продажу земли позорным явлением. Это означает, что наши предки, несмотря на смену религии и культуры, остались верными некоторым добрым старым традициям, поскольку, как видим из приведенного примера, такие элементы инокультуры, как продажа земли, была чужда и противостественна для древней ирано-таджикской культуры, и наши предшественники хотели по возможности сохранять свои традиции земледелия.

Рассматривая положение дехкан в XI веке, А.Бертельс обращает внимание также на соотношение между терминами *дехкан*, *кедхуда* и *михтар*, которые иногда считались равнозначными, и отмечает, что крупная местная знать также не теряла патриархальных связей с народом. В подтверждение своих слов он

¹ Испахбад – среднеперсидский термин, означающий «военачальник».

приводит рассказ Иб ал-Асира о посланнике, который был отправлен в Гилян правителем Мардавиджем из династии Зияридов к своему брату Вушмагиру [3, с.22]: «Я нашёл его (Вушмагира) среди людей, которые возделывали рис. Когда они меня увидели, они приблизились ко мне. Они были босы, полураздеты, на них были только штаны с разноцветными заплатами и какие-то лохмотья. Я передал Вушмагиру послание Мардавиджа... Он сделал вид, как будто плюет в бороду своему брату, и воскликнул: «Теперь он надел черные одежды!» (А.Бертельс поясняет, что черный цвет – цвет Аббасидов, и Вушмагир имел в виду, очевидно, то, что Мардавидж одержал победу, выступив на стороне Аббасидов). Я убедился в такой его необразованности, что мне стыдно было с ним говорить.... Но позднее он стал царем, который знал, как управлять своими владениями и какой политики в отношении подданных придерживаться» [3, с.23]. Здесь мы видим сохранение некоторых патриархальных следов ираноязычных народов, проявляющихся в их культуре земледелия и образе жизни. Участие Вушмагира в труде крестьян А.Бертельс связывает с зороастрийским обычаем, согласно которому «царь должен был один раз в году выходить пахать вместе с крестьянами» [3, с.23].

Рассуждая о различии культуры ученых и культуры народов Азии – Китая и Индии, немецкий философ И.Гердер утверждал, что у этих народов «ученый должен знать науки, занятия которыми вменены ему в обязанность: он хранит такие знания и доверяет их тем, кто принадлежит к его сословию, а не доверяет всему народу» [7, с.311]. То есть каждый должен заниматься своим делом согласно иерархии и сословию, так как он создан именно для такого рода занятий и его занятие должно передаваться по наследству. По словам И.Гердера, это так называемые тайные науки древних, которые были принадлежностью особых сословий, ... а у всех других разрядов людей, у каждого другого звена в государстве были свои дела. Культура народа, отмечает И.Гердер, состояла для них (то есть народов Азии) в добронравии и полезных ремеслах [7, с.311]. Далее, сравнивая культуру восточноазиатских народов с культурой европейской [7, с.311], И.Гердер пишет следующее: «Если такой-то народ или такой-то класс отличается добронравием и знанием ремесел и искусства, если он обладает достаточными для работы и жизненного благополучия понятиями и добродетелями, то он и достаточно просвещен, даже если и не умеет объяснить причины лунного затмения...» [7, с.312]. Итак, если судить по гердеровским меркам, то нередко крестьяне, которых стали приписывать к категории необразованных и невежественных, имеющих низкое интеллектуальное развитие, выполнявших так называемую черную работу без знания дела, оказывается блестяще разбирались во всех сельскохозяйственных делах, знали до основания тонкости своей профессии (по таджикским меркам – *бесавод аммо саводомӯзи сад омӯзгор / неграмотный, однако преподающий урок более сотни знатокам*), о чём, в частности, свидетельствуют советы и указания отца автора «Воспоминаний» своему сыну для проведения посевных работ: *уштурдав (скакать верблюда)*, повторная культивация земли и др.: *Падар тирамоҳ заминро об дода каландгардон карда, зимистон қавсоб ва чиллаоб дода монда буд ва баҳор баъд аз як бори дигар каландгардон*

кардан пору рехт, гови касона (кироя) заминро дураҳа ронда ва дандонаву мола карда тухмро кишит, кишит бисёр холибех сабзид ва дар ҳар қадам як донa ҷуворӣ менамуд. Деҳқонони ҳамсоя ба падарам маслиҳат доданд, ки киширо вайрон карда дубора сертухмитар корад. «Ғӯза каландрав, ҷуворӣ уштурдав» гуфтаанд – гуфт, яъне ғӯза ҳамин тарз кишта шавад, ки дар байни беҳҳои вай ба осудагӣ каланд равад ва кор кардан мумкин шавад ва ҷувориро ба тартибе бояд кишит, ки дар байни пояҳои вай шутур давида роҳ рафта тавонад. Баъд аз он ки кишит аз гармии офтоб пажмурда шудан гирифт, як бор об дод (с.108) / С помощью взятого в наем быка отец дважды вспахал землю, забронировал весь участок, чтобы семена ушли на необходимую глубину. Посев получился очень редкий, ростки сорго вошли на расстоянии одного шага друг от друга. Соседи советовали отцу перепахать землю и посеять погуще, потому что в таком виде часть пашни пропадет зря. Однако отец был другого мнения. – «Хлопок нужно сеять так, чтобы между растениями было расстояние на кетмень, а сорго – чтобы между стеблями мог скакать верблюд», говорится в поговорке, - отвечал он. Аз оби аввал чанд рӯз гузаит? – 10 рӯз гузаит. Хуб, ҳоло ба об наомадааст. Ин тавр бошад, ба об омадааст. Агар тавонӣ, рафта як об деҳ. Кулӯхи офтобхӯрдари бисёр андохтам. Агар об нахӯрад, нобуд мешавад, - гуфт (с.110) / Сколько прошло дней после первого полива? – Десять дней. – Ну, ладно, поливать второй раз еще рано! Прошло двадцать дней. – Ну, значит, уже время поливать, - сказал отец. Я насыпал там много комьев земли от стены. Если посев не получит сейчас воду, все пропадет (с.164). Крестьяне знали в какое время года хлопок созревает и сколько раз надо его поливать: Ин ғӯзаатон ала қарақ (ғӯзаи аз кӯраки дар офтоб шукуфта) аст ё ғӯзаи покиза? – Ғӯзаи сунбулагӣ,... ҳоло моҳи мизон надаромадааст ва ғӯзаҳои бевақтӣ акнун шукуфта истодаанд. Дар ин вақт ала-қарақ аз кучо ёфт мешавад? (с.212) / Твой хлопок из недозревших коробочек полноценный? – Этот хлопок подобен гиацинту, ведь ещё не наступил месяц мизон, а поздний хлопок только зацвел. Откуда же теперь вы найдете недозревший хлопок? (с.307). По данным русского агронома Леонтьева, который в 1916 г. по заданию царского правительства изучал сельское хозяйство эмирата, бухарские дехкане не пользовались минеральными удобрениями [см. 13, с.104-105]. Они использовали органические удобрения: дар кашшукҳо ба харҳошон нурӣ бор карда оварда, вайҳоро дар заминҳои кишит шуданӣ мерехтанд (с.21) / Крестьянские мальчики вели ослов, нагруженных корзинами с навозом, высыпали его на поля, подготовленные к посеву (с.33).

С.Айни, часто пребывал среди людей простого труда и ремесленников, что, по словам И.С.Брагинского, «на всю жизнь оставило неизгладимый след в его душе. Как тонкий знаток языка, быта и культуры, в своих «Воспоминаниях» он вскрывает философию крестьянской жизни [6, с.118]. О крестьянах рассказывает с теплотой, живо интересуясь их бытом и жизнью [6, с.37]. Первые воспоминания С.Айни о крестьянских работах и положении крестьян даны в главах «Отец», «Земледелие», «Уборка урожая и его распределение», «Положение в нашей деревне в те годы», «Поездка за город», «Новое русло

Шофиркома», «В Шофурском тюмене после прерывтия нового канала», а также в рассказе об Аловиддине Говджигаре и частично в других фрагментах книги. Первые уроки земледелия С.Айни тоже получил от отца, которые потом служили руководящим указанием для него в работе на приусадебном участке. Тогда он изнутри узнал о тяжелой работе дехканина, его трудолюбии и долготерпении, подметил такие его положительные качества, как наблюдательность, созерцательность, стойкость, выдержка, что подтверждают слова И.С.Брагинского, исследователя творчества С.Айни, о психологических чертах таджикского дехканина, например, то, «что обычно таджикский дехканин любит созерцать, наблюдать, рассуждать, философствовать. У него в чести долготерпение (сабр). И это качество, выработанное жизнью, выявляется у разных людей таджикской национальности по-разному, порою совершенно противоположно: и отрицательно, и положительно. Когда созерцательность, готовность к терпению попадают под воздействие мусульманской проповеди “таваккал” (*предопределение*), “тақдир” (*судьба*), то это приводит к пассивности. С другой стороны, способность терпеть приводит к стойкости, к невероятному стоицизму, к умению ради поставленной цели выдержать все, вынести любое страдание» [6, с.121]. Один из биографов С.Айни – литературовед Р.Хошим писал: «Когда холера ... унесла тысячи жизней, одиннадцатилетний Садриддин стал и матерью, и отцом для своих младших братьев. Садриддину пришлось теперь самому пахать и сажать, растить и собирать урожай, самому продавать его на базаре, содержать в порядке дом, словом, делать все, что положено взрослому крестьянину» [14, с.33].

Выше было отмечено, что Ф.Шарифиён под термином «культурная лингвистика» подразумевает новую дисциплину, которая исследует связь между языком и культурными концептуализациями. В триаде Ф.Шарифиёна «культурная когниция – культурные концептуализации – язык» самое важное – культурные концептуализации. В культурных концептуализациях отражаются языковые особенности, связанные, в частности, с верованиями, общественными правилами и традициями отдельного социума [16, с.5].

Как известно, культурный концепт – основная единица лингвокультурологии. Исследователь С.А.Голева в структуре концепта выделяет три характеристики: понятийный, образный и ценностный – при доминирующей роли последнего компонента [8, с.3]. С учётом этого, рассмотрим концепты “деҳқон” (*крестьянин*), “деревня” и “труд” с их дополнительными характеристиками по материалам «Воспоминаний» С.Айни:

1. Понятийные характеристики: деҳаи Соктаре, Гиждувон, Шофирком (с.5, 13), Махаллаи Боло, Сайидато (с.5, 17), Дехнави Абдуллошон (с.6), деҳаи Болои Рӯд, Сарваре ва Табарӣён (с.7), деҳаи Рӯбаҳо (с.8, 16), ёбони Ко-Ко, степь Ко-Ко (с.24, 38), Ғарибмазор, Ғариб-Мазор (с.38, 56), Бухоро (с.5, 14) и др.

2. Образные характеристики: жители сельской местности, род их занятий, условия жизни в деревне, статус, особенности быта и труда, внешность, детали одежды и т.д.: деҳқонони деҳаи Махаллаи Боло / крестьяне деревни Махаллаи Боло (с.20, 32); чӯпонӣ / пастухи (с.7, 14); пахтакашӣ / очистка хлопка (с.7, 14);

заминҳои кишт / посевные земли (с.9, 17); аз деҳқонони миёнаҳол / крестьян среднего достатка (с.8, 16); одами одӣ / простой человек (с.8, 16); гиждувониён / гиждуванцы (с.5, 12); Дар пеиш дарвоза ва пайваста ба дарвозахона як оғили похсағӣ ва дар қатори оғил як соботи чорпобандии похсағӣ буда, дар рӯ ба рӯи оғил ва собот як меҳмонхонаи хиштихомӣ бо суффаи бино ёфта буд (с.9) / Возле крытого прохода у ворот находился глинобитный хлев с навесом для скота. Напротив хлева и навеса была построена мехмон-хона из сырцового кирпича с суфой перед ней (с.17-18); дар деҳаи Болои Рӯд, дар Сарваре ва Табарӣён ном деҳаҳо чандин санги осӣ будааст (с.7) / в селениях Болои-Руд, Сарвари, Табарӣён находилось несколько мельниц (с.15); Падар барои ин кор ба ман як каландча харида дод ва ман кор сар кардам: бо каландча он заминчаро се бор каландгардон кардам, ки он замин дар чуқурӣ се қадӣ он каландча нармӣ пайдо кард (с.107) / Отец купил мне небольшой кетмень, и я приступил к работе. Я трижды взрыхлил землю, и она на глубину трёх кетменей стала мягкой (с.160)]; ин деҳа аз ҳад зиёд қашшоқ буда, аксари хонаҳои похсағӣ буд (с.6) / Деревня была крайне бедной, почти все жители ютились в убогих глинобитных домах (с.13); Соҳиби бог, ки Нурмуҳаммад ном дошт, як одами қариб шастсола буда, чеҳраи сиёҳчатоб, риши кулӯтаи сиёҳи камсафедӣ ва чашимони сиёҳи обдор, лекин андӯҳгин, пешонаи васеъ, лекин пурчин дошт. Дар танаи як чомаи кори нампахтаи сар то по дарида буд, ки аз болои эзори пурямоқ пӯшида миёнаиро бо ресмоне аз рӯи вай мебастан... Поҳояи ҳам бараҳна буда, нӯгу рӯю кафу пошнаи поҳояи ҳамагӣ якранг сиёҳ, чиркин ва кафидагӣ буданд... Дастони фароҳафи дарозпанҷаи ин одам пур аз гӯзаобилаи хушида буд, ки бинанда гумон мекард кафҳои дастаиро бо ангиштонаи марази ағаз печонда гирифтааст (с.364) / Хозяин сада, которого звали Нур-Мухаммад, был человек лет шестидесяти со смуглым лицом, круглой черной бородой с небольшой проседью и черными блестящими глазами, которые всегда печально смотрели из-под его широкого морщинистого лба. Поверх заплатанных штанов он носил очень рваный рабочий халат, наполовину стеганный на вате и подпоясанный веревкой. Руки этого человека с широкими ладонями и длинными пальцами сплошь покрывали мозоли от сбора хлопка, казалось, что они усеяны бородавками (с.520); Чуфтрони ро тамом карда омада, баъд аз хӯрок ба ҷои хобидан боз ба кори каланд ё дос мебаромад (с.365) / Закончив работу и поев, он принимался работать кетменем и серпом (с.521). Одним из факторов, вызвавших разорение крестьян, были ростовщические ссуды под высокие проценты. Хотя Бухарский эмират был одним из центров исламского мира и ростовщичество (риба) считалось грехом, оно внедрялось под видом других спекулятивных форм: Аловуддин он вақт диндор ва “судхӯрӣ ба шариат рост намеояд” гуфта, ин таклифро рад кард (с.368) / Как набожный человек, Аловуддин сослался на то, что “ростовщичество противоречит шариату”, и отклонил его предложение (с.526); Ман меҳоҳам, ки ба шумо се ҳазор танга ёфта дода, шуморо аз қарз халос кунам. Лекин ман ба он пул аз шумо ғоида намегирам. Чунки аз рӯи шариат ғоидахӯранда ҳам, ғоидадиҳанда ҳам дар оташи дӯзах месӯзанд. Фақат шумо заминҳоятонро ба ман ҳосилгарав

мекунед ва ман ҳосили ҳарсолаи онҳоро ба худӣ шумо ҳар сола ба ҳазор танга мефурӯшам (с.369) / Я найду для вас три тысячи тенег и освобожу от долга. За эти деньги я не возьму с вас процентов, потому что, согласно шариату, берущий проценты и дающий их – оба на том свете будут гореть в адском огне. Вы лишь заложите у меня свою землю под урожай, и я ежегодно буду продавать вам урожай с неё за тысячу тенег (с.527); Авезхоҷа деҳқони безамин буд. Ў дар замини заминдороне, ки худ кор намекарданд, ё кор карда наметавонистанд, чоряккорӣ ва бо истилоҳи он вақт корандагӣ мекард (с.46) / Отец Лутфулло работал чайрикором – издольщиком, или как тогда говорили, “был сеятелем” на землях у тех крестьян, которые сами их не обрабатывали (с.70); деҳқонбачагон / крестьянские мальчики (с.33).

3. Ценностная характеристика: положительное отношение к труду, земледелию как средству повышения благосостояния, верность традициям земледелия, например, бережное отношение к земле: взаимопомощь и коллективизм людей, объединённых общей деятельностью, общими интересами в деревне, противоположные индивидуализму, труд на энтузиазме: положительные свойства характера бедных деҳкан (любовь к труду, чувство собственного достоинства, бережное отношение к семейным традициям, уважение к знаниям, к грамотным людям, высокая степень природообусловленности восприятия окружающего мира), отрицательные качества (невежество, фатализм, суеверие, убеждение в неизбежности предначертаний судьбы, убежденность в превосходстве городских жителей над деревенскими и др.). Замин аз кишӣт монда аз кор баромада меравад (с.8) / Земля, которая у него там была, оставшись без посева, приходит в запустение (с.16); Аҳолии он деҳа, ки дар он ҷо ягон нафар ҳам одами саводнок набудааст, ҳатто мактаби пешимасҷидӣ ҳам надоштаанд (с.7) / Жители деревни, в которой не было ни одного грамотного человека и даже отсутствовала школа при мечети (с.15); Чунки ӯ ба сабаби қашшоқӣ имконияти дар мадраса истиқомат кардан надошт (с.9) / Из-за бедности не мог больше оставаться в медресе (с.17); Бечораро агар як чиз диҳанд хурсанд шуда меҳӯрад ва агар надиҳанд, ҳарчанд гушина бошад ҳам, талаб намекунад. Аммо калонгир, ҳарчанд сер бошад ҳам, ба пеши ӯ ба ҷои як табақ таом се табақ мондан лозим аст, вагарна “маро ҳурмат накарданд” гуфта қаҳр мекунад (с.14) / Бедняку что ни дашь, он всему обрадуется и все съест, а если ничего не дать, то, как бы он ни был голоден, не попросит. А вот перед богатым, как бы он ни был сыт, вместо одной тарелки надо ставить целых три, а иначе он рассердится и скажет: “Меня не уважают” (с.25); Ҷувориҳо бо ёрмандии хару аспӣ ҳамсоягон ва бачагонӣ деҳа кӯфтем ва галбер карда ҷои кардем (с.117) / С помощью осла и лошади соседей и деревенских ребят я обмолотил соргов и, првяв, сложил в кучу (с.175); Мардуми деҳаро хабар доданд ва ҳамон рӯз баъд аз пешин мурдаро бародоштаанд ва ба ҳавлии масҷид бурда ҷаноза хонданд (с.42) / Оповестили жителей деревни, и в тот же день после полудня покойника отнесли во двор мечети, где прочли заупокойную молитву (с.64); Дар ҳамон тирамоҳе, ки рӯди нав бароварда шуд, деҳқононм тумани Шофирком аз ин

комёбиш худ рӯҳи нав ёфта кор сар карданд. Гандуми тирамоҳиро кишта гирифтанд, шоҳҷӯйҳоро кофта тоза карда барои кишти баҳорӣ тайёрӣ диданд (с.57) / Осенью, когда был прорыт новый канал, крестьяне Шофурскомского тюменя, одушевленные удачей, приступили к полевым работам. Начали сеять озимую пшеницу, очищать и прорывать арыки, готовясь к весенней пахоте (с.86).

Отец Айни был правоверным человеком, хорошо разбирался в исламских установках, сам Айни был духовным интеллектуалом, но использование заклинаний и чтений молитв, чтобы добыть пропитание, казалось ему неприемлемым и противоестественным, он осуждал эти обычаи, считая честный труд единственно дозволенным источником пропитания. Чтение молитв и заклинаний ради наживы он называет “кори бемеҳнат” (работа без труда). Заметим, что в таджикском языке *кор* – работа, занятие и *меҳнат* (труд) – равнозначные по смыслу. Однако, как уже отмечалось, “меҳнат” ещё означает трудности, несчастье, и С.Айни уподобляет заклинание и чтение молитв легкой несостоящей работе, даровому занятию, а плату за них считает незаслуженным: *як лаб нони беминнат ёфта ишкам сер кардан аст* (с.89) / *найти честно заработанный кусок лепешки и насытить свой желудок* (с.134); *гувоҳҳои ӯ... бинобар надонистанишон фарзи айн (зарурияти динӣ)* (с.59) / *чаще всего это происходило потому, что свидетель не знал всех тонкостей шариата* (с.89); *Он вақтҳо дар деҳаҳо доктор набуд. Дар деҳаи мо бошад, ҳамон табиби кӯҳнаи нодон ҳам набуд, ки бо ҷӯнда додани хасу хошок беморон ва бемордоронро тасалли диҳад. Дар деҳаи мо танҳо эшонон ва дуохонон буданд, ки бесаводони деҳа ҳам ба онҳо ихлос надоишанд ва онҳо ҳар вақт дуохонии худро дар деҳаҳои дурдаст кор мефармуданд / тогда в деревнях докторов не было* (с.109) / *В нашей деревне не было даже невежественного знахаря, который мог бы утешить больных и их родню, давая под видом лекарства какой-нибудь отвар. У нас в деревне имелось только несколько имамов и заклинателей, которым не верили даже неграмотные односельчане, и им приходилось читать молитвы и заклинания в дальних деревнях* (с.163); *Намедонам, аз беҳабарии ман ё бо ягон сабаби дигар гови ҷӯишоямон дар як шаб бемор шуда ҳаром мурд. Модарам ин хабарро дар бистари бемориаш шунида гуфт: - Ҳар балое, ки омада бошад, ба ҳамон гов занад. Кошки вай нештар мемурд, ки шояд падарат зинда мемонд. Гӯсолаширо ҳам барои саломатиаш худат ва бародаронат дафъ кардан даркор аст* (с.112) / *Не знаю, по моему ли недосмотру или по какой-нибудь другой причине, но наша корова однажды ночью заболела и сдохла. Услышав об этом, мать, лежавшая больной, сказала: - Пусть все беды, какие придут, падут на голову этой коровы. Если бы она подохла раньше, может быть, отец твой выжил. Нужно зарезать теленка ради здоровья твоего и твоих братьев* (с.166-167); *Мӯйсафедони деҳа ин ҳосили баландро дида мегуфтанд, ки “ҳосили ин қадар баланд ҳосият надорад. Ана ҳамин ҳосили аз ҳад афзун буд, ки сари Сайидмуродхоҷаро (падарам) хӯрд”* (с.118) / *Видя наши обильный урожай, деревенские старики говорили: - Такой обильный урожай не к добру. Ведь съел же он жизнь Сайид – Марод-ходжи* (с.176); *Биё, ба Худо ҳавола кун, Худо ба*

кишитат барака диҳад! (с.558) / *Передай все это богу, а он благословит твои поля!* (с.794); *Агар аз чизи деҳқоние, ки худо ба ман додааст, андак ба шумо одамгарӣ кунам, зарар надорад*” / *Если из того, что нам послал бог, я немного и поделюсь с вами, беды не будет* (с.528); *Деҳ марава деҳ мардро аҳмақ кунад, Ақдро бенуру беравнақ кунад. Ман насиҳати Мавлоноро гӯи накарда ба саҳро омадам, саҳро ба дилам зад* (с.125) / *Мавлоно Джалолиддин Руми писал: Не стремись в деревню, люди там глупеют, Мысль теряет ясность, ум у них тупеет. Я не послушался совета Мавлоно и приехал в деревню, а мне уже наскучило* (с.186); *Ў хушгап ва ҳикоябоф буда, дуруштмуомилаги кӯҳистонигиро бо шириносхании бухорогӣ дар худ гун карда буд* (с.236) / *Он тоже был приятным собеседником и умел рассказывать интересные истории, прихотливо сочетая в себе грубость горца с бухарской вежливостью* (с.340); *Ман ба пеши як одами калонзодаи шаҳрӣ, ки ҳама ӯро ҳурмат мекунам ва хизматгорунаи ҳам либоси озодаи шаҳрӣ доранд, бо либоси даридаи саҳроӣ чӣ гуна рафта метавонистам?! (с.126) / Как я мог войти в своей грязной рваной деревенской одежде к человеку, которого все уважали и у которого слуги были в чистой городской одежде?! (с.188); Ин бог дар канори ҷӯи Деших буда, хеле обишор ва хушҳаво буд* (с.364) / *Деревня находилась на берегу канала Деших, была обильно водой и обладала хорошим климатом* (с.519); *Дар тобистони соли 1894 аҳволи бемор вазнинтар шуд. Бародар ва хешовандонаи қарор доданд, ки ӯро дар айёми гармо ба ягон саҳро фиристонанд, ки ҳавои соф гирад* (с.364) / *Летом 1894 года состояние больного ухудшилось. Брат Аллом-махдума и родственники решили послать его на жаркое время в деревню, чтобы он подышал свежим воздухом* (с.519); *Дар он тарафи ҷӯи киштҳои сабзавотӣ (сабзӣ, пиез, карам) ва полезӣ (харбуза, тарбуз, зомуча, каду) паҳн шуда рафта, манзараи дилкушоеро дар пеши назар ҷилва медоданд* (с.364) / *По другую сторону канала раскинулись огороды, на которых росли морковь, лук, капуста; виднелись бахчи с дынями, арбузами, маленькими круглыми дынками и тыквами. Все это радовало глаза* (с.519).

Автор «Воспоминаний» наслаждаясь красотой природы, написал тогда следующее двустишие: *Сояи беду лаби ҷӯ пеши кишт, Турфа маконест чу боги биҳишт!* (с.364) / *У пашины – ивы тень, склонившейся к ручью, Чудесное местечко, здесь словно сад в раю* (с.519-520).

Итак, на примере наблюдений писателей жизни крестьян прошлой исторической эпохи можно воссоздать их картину мира и своеобразие жизнедеятельности, что позволяет утверждать, что крестьянский труд в таджикской концептосфере представляет собой, прежде всего, достойное занятие, направленное на создание материальных и духовных ценностей.

Изучение ценностных характеристик концепта «дехканство/крестьянство» в художественном дискурсе дало возможность определить значимость данного феномена в таджикской лингвокультуре, выделить и проанализировать сферы его идентификации, структурно-содержательные, образные, оценочные и ценностные характеристики. Следует также подчеркнуть продуктивность привлечения литературных текстов в качестве носителей социокультурной информации о

таджикском крестьянстве и в целом о таджикском этносе в историческом контексте.

Литература

1. Авеста. Избранные гимны / пер. с авестийского и коммен. проф. И.М.Стеблин-Каменского. – Душанбе: Адиб, 1990. – 176 с.
2. Асрори В. и Амонов Р. Таджикское устное народное творчество (таджикский фольклор). – Душанбе: Маориф, 1980. – 304 с. (на тадж.яз.)
3. Бертельс А.Е. Насир-и Хосров и исмаилизм. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1959. – 289 с.
4. Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. – М.: Наука; Глав. ред. Вост. лит-ры, 1975. – 336 с.
5. Брагинский И.С. От Авесты до Айни. – Душанбе: Ирфон, 1981. – 256 с.
6. Брагинский И.С. Проблемы творчества Садриддина Айни. – Душанбе: Ирфон, 1974. – 174с.
7. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / пер. и примеч. А.В. Михайлова. – М.: Наука, 1977. – 704 с.
8. Голева С.А. Лингвокультурологический и ономастический компоненты концепта «город» в русском и английском языках. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://booksprime.ru/books/arhetip-i-simvol/>. (дата обращения: 5.04.2025).
9. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М.: Искусство, 1990. – 396 с.
10. Кирокосьянц Г.Я. Cultural linguistics или лингвокультурология? Образ как связующее звено в Cultural Linguistics Г.Палмера // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет. – Душанбе: РТСУ, 2023. – №3 (81). – С. 286-297.
11. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. – 391 с.
12. Таджикско-русский словарь. 70000 слов и выражений. – Изд. 2-е, доп. и испр. / Д.Саймиддинов, С.Д.Холматова, С.Каримов. – Душанбе, 2006. – 784с.
13. Тухтаматов Т.Г. Россия и бухарский эмират в начале XX века. – Душанбе: Ирфон, 1977. – 208 с.
14. Хошим Рахим, Фиш Радий. Глазами совести. – Душанбе: Ирфон, 1978. – 296 с.
15. Хусрав Носир. Избранное. – Душанбе: Издательско-полиграфический центр ООО НПЦ ОГРТ, 2003. – 348 с.
16. Farzad Sharifian. Cultural conceptualisations and language // Monash University. John Benjamins Publishing Company. – Amsterdam/Philadelphia. 2017. – 191 с.

REFLECTION OF PEASANTRY ELEMENTS IN THE SOCIO-CULTURAL LIFE OF THE TAJIK PEOPLE

Norov Mirzomurod Boymakhmedovich

Candidate of philological sciences, doctoral candidate
Rudaki Institute of language and literature
National Academy of sciences of Tajikistan
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave., 38/1
Ph.: (+992) 600 31 96; (+992) 93 553 21 97 (m.)

This article deals with issues related to the life and work of Tajik peasants, their way of thinking and life, against the backdrop of the past worldviews of this class, which are of particular significance for the Tajik linguistic society. The general subtext of worldview and value orientations, as well as some surviving elements of Tajik agricultural traditions, has been established. A linguacultural analysis is conducted of the sociohistorical origins of the decline of agricultural identity due to the implantation of foreign cultures and sacred dogmas and, consequently, manifestations of hostility toward the peasant and his work.

Using the example of S. Aini's "Memories," which depicts the peasant in positive terms and values his labor as a noble occupation, the uniqueness of his worldview, linked to the beliefs and traditions of Tajik society, is demonstrated, reflected in cultural conceptualizations. On this basis, the conceptual, figurative, and value characteristics of the concepts of "dehkon" (peasant), "village," and "labor" are identified. The dominant values and ideals of the Tajik peasantry, norms of behavior, an inseparable connection with the land, the natural determinacy of their thinking, characteristics of everyday culture and family relationships, religiosity, and a focus on the predetermination of fate are highlighted.

Keywords: agriculture; labor; traditions; dehkanstvo (peasantry); concept; conceptual, figurative, and value characteristics; literary text.

ИНЪИКОСИ УНСУРҲОИ ДЕҲҚОНӢ ДАР ЗИНДАГИИ ИҶТИМОИВУ ФАРҲАНГИИ МАРДУМИ ТОҶИК

Норов Мирзомурод Боймахмедович

Номзади илмҳои филология, докторант

Институти забон ва адабиёти ба номи Рӯдакии АМИТ
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, х. Рӯдакӣ, 38/1
Тел.: (+992) 600 31 96; (+992) 93 553 21 97 (м.)

Дар мақола масъалаҳои марбут ба ҳосиятҳои тарзи зиндагӣ ва меҳнати деҳқонони тоҷик, ҷаҳонбинӣ ва хусусиятҳои фикрию фарҳангии онҳо баррасӣ мешаванд. Ин раванд дар қиёс бо тасаввуроти таърихӣ намоёндагони табақаи деҳқонӣ таҳлил шуда, аҳамияти онҳо барои ҷомеаи забонӣ ва фарҳангии тоҷик таъкид мегардад. Муайян шудааст, ки арзишу меъёрҳои ҷаҳонбинии деҳқонон дорои заминаи муштарақанд ва бархе аз анъанаҳои қуҳани кишоварзӣ то имрӯз боқӣ мондаанд. Ҳамзамон, аз дидгоҳи лингвофарҳангӣ сарчашмаҳои коствагии иҷтимоию таърихӣ хувияти деҳқонӣ ҳамчун паёмади воридшавии фарҳангҳои бегона ва ақидаҳои аҳкоми динӣ таҳлил шудааст, ки ин раванд ба пайдоиши муносибати манфӣ нисбат ба деҳқон ва заҳмати ӯ замина гузоштааст.

Дар асоси «Хотираҳо»-и С. Айни, ки дар он симони деҳқон бо мавқеи мусбӣ ва бо ҷойгоҳи шонистаи меҳнати ӯ ҳамчун машғулияти бошараф нишон дода шудааст, вижагиҳои ҷаҳонбинии деҳқон, аз ҷумла эътиқод, расму ойинҳои решадор дар фарҳанги тоҷик баррасӣ мешаванд. Дар ин замина хусусиятҳои маъноӣ, образӣ ва арзишии мафҳумҳои «деҳқон», «деҳа» ва «меҳнат» ҷудо карда шудаанд. Муайян мегардад, ки кадом арзишҳо ва идеалҳо дар зисти фарҳангии деҳқон ҳукмронанд, рафтори рӯзмарра, иртиботи ҷудонашаванда бо замин, вобастагии тафаккури ӯ ба шароити табиат, хусусиятҳои фарҳанги маишӣ ва муносибатҳои оилавӣ, диндорӣ ва эътиқод ба тақдирӣ пешакӣ чӣ гуна зоҳир мешаванд.

Калидвожаҳо: кишоварзӣ; меҳнат; анъанаҳо; деҳқонӣ; концепт; хусусиятҳои маъноӣ, образӣ ва арзишӣ; матни бадеӣ.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338.22.018

**ИННОВАЦИОННАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ГЕНЕЗИСА
РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ**

Баринов Михаил Александрович

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики инноваций и финансы
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г.Столетовых
600005, Россия, Владимир, ул. Чайковского, д.36, кв.45
Тел.: +7 920 623 0240
31f84@mail.ru

В контексте современных вызовов, стоящих перед российской экономикой, сопровождающихся трансформацией экономических отношений и усилением роли регионов в обеспечении национальной конкурентоспособности, актуализируется проблема поиска новых драйверов роста, альтернативных традиционной сырьевой модели. В статье рассматриваются аспекты поляризации и значительной дифференциации региональных социально-экономических систем с учетом их особенностей и уровня генезиса, что обуславливает необходимость разработки и реализации стратегий, основанных на мобилизации эндогенного потенциала административно-территориальных образований. Ключевым элементом здесь выступает инновационная активность как региональных, так и хозяйствующих субъектов, что обуславливает актуальность проведенного исследования. Исчерпание возможностей экстенсивного роста и факторов преимущества детерминирует потребность в переходе к экономико-математической, статистической моделям, базирующимся на знаниях, технологических изменениях и непрерывном процессе генерации и диффузии инноваций как продуктов или процессов грамотных управленческих решений, на базе оценки и идентификации пространственных и динамических характеристик. В этой связи возникают цель и комплекс научно-практических задач, связанных с идентификацией профилирующих видов экономической деятельности, определяющих модернизационный потенциал территорий, оценкой и мониторингом инновационного онтогенеза регионов, а также разработкой адекватного методического инструментария для их диагностики и прогнозирования.

Ключевые слова: генезис; инновационная направленность; валовой региональный продукт; регион.

Особенности генезиса мезоэкономических систем на современном этапе развития Российской Федерации требуют принятия грамотных управленческих решений, которые должны быть основаны на грамотном инструментарии по идентификации тенденций и специфики региональной инновационной составляющей. Факторы, которые на протяжении десятилетий оказывали определяющее воздей-

ствие на экономическую составляющую жизнедеятельности общества, такие как обширные запасы природных ресурсов, дешевая рабочая сила, емкий внутренний рынок базовых товаров, а также унаследованный от советской эпохи промышленный потенциал, в значительной степени исчерпали свойственный (каталитический) потенциал. Их дальнейшая эксплуатация не может обеспечить требуемых темпов и, что более важно, нового качества экономического роста, соответствующего вызовам постиндустриальной эпохи, цифровизации и перехода к экономике знаний. В связи с этим возникает острая, императивная потребность в поиске и внедрении новой альтернативы, которая должна лечь в основу как выбора, так и последующей практической реализации долгосрочных стратегических решений на всех уровнях управления – от федерального до муниципального. Этот стратегический выбор должен быть направлен на активизацию и мобилизацию эндогенных, то есть внутренних, источников развития, уникальных для каждой территории. Следовательно, на первый план выдвигаются масштабные задачи по идентификации, поддержке и стимулированию тех самых профилирующих, или ключевых, видов экономической деятельности, которые в состоянии выступить в роли точек роста и определить специализацию региона в общероссийском и международном разделении труда. Именно эти виды деятельности формируют коге-компетенции территорий и составляют основу их модернизационного потенциала – комплексной способности к качественному обновлению, внедрению инноваций, адаптации к меняющимся внешним условиям и генерации добавленной стоимости. При этом критически важным является рациональный и комплексный учет всего спектра имеющихся ресурсов, выходящий далеко за рамки простого перечисления природных богатств. Речь идет о необходимости тщательной инвентаризации и оценки человеческого капитала (его образовательного и профессионального уровня), научно-технического задела, инфраструктурной обеспеченности, географического положения, инвестиционного климата, институциональной среды и даже культурно-исторического наследия, которое может стать основой для развития креативных индустрий и туризма.

Формирование и функционирование региональных систем через призму инновационной среды рассматривала Г.Г.Уварова. Она идентифицировала их как следствие применения цифровых технологий, которые учитывают с позиции экономической защищенности состояние систем, функционирующих в период рыночных трансформаций и санкционного давления со стороны ряда стран мирового сообщества [9]. Фундамент для изучения инновационного прогресса как сложного и многокомпонентного явления был подготовлен в трудах ряда ключевых экономистов. Й.Шумпетер [10] определял нововведения как «созидательное разрушение», видя в них главную движущую силу экономики. Г.Менш [15] анализировал, как фундаментальные инновации помогают выйти из кризисных периодов хозяйственного цикла. Б.Санто [8] подчеркивал системную природу инновационной деятельности, а К.Фримен [14] стал автором теории национальных инновационных систем.

Вопросы развития и оценки инновационных возможностей на уровне регионов России глубоко исследованы отечественными специалистами, такими как

А.Л.Железинский [16], Н.Ш.Батирова [11], А.В.Красников [4], Т.Ю.Ксенофонтова [5], А.Н.Гончарова [2], Н.Е.Егоров [3], Л.В.Глезман [11], Ш.И.Нигматуллин [7], Е.А.Филатов [13], А.Доронин [12] и др. Их работы заложили базис для создания методов диагностики инновационного потенциала и разработки оценочного инструментария, тесно увязанного с общим ресурсным состоянием территории.

Целью настоящего исследования является разработка и апробация на материалах Приволжского федерального округа методического подхода к оценке уровня инновационного развития региональных экономических систем, их группировки на основе интегрального индекса, а также выявление и количественная оценка влияния ключевых факторов инновационной активности на Валовой региональный продукт (ВРП). Для достижения поставленной цели была сформирована система частных индикаторов X :

X_1 – Степень износа основных фондов (%);

X_2 – организации, выполнявшие научные исследования и разработки, (единиц);

X_3 – численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками (человек) (человек.);

X_4 – численность исследователей по техническим областям науки в 2021 г.(человек);

X_5 – численность исследователей в возрасте 30-39 лет (человек);

X_6 – внутренние затраты на научные исследования и разработки (млн руб.);

X_7 – внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки, связанные с приобретением оборудования (млн руб.);

X_8 – Количество выданных патентов на изобретения (штук).

На основе представленных показателей по средством пространственного анализа был разработан интегральный индекс Y_I , характеризующий уровень региональных инновационных систем в пространственном аспекте. Расчет, был осуществлен по формуле средней геометрической:

$$Y_{IX} = \sqrt[n]{X_1 \cdot X_2 \cdot X_n} \quad (1)$$

где Y_{IX} – интегральный индекс оценки инновационного развития в пространственном аспекте;

X_n – значение инновационных факторов, влияющих на региональное развитие с учетом пространственной составляющей.

Автором была разработана система отбора индикаторов, которая отвечала ряду критериев – это уровень значимости p и значение коэффициента корреляции r . Предложена авторская система распределения субъектов в табл. 1.

Таблица 1 – Группировка региональных инновационных систем на базе пространственной характеристики

Группа	Уровень инновационного потенциала	Значение
1	весьма высокий	от 0,801 до 1
2	высокий	от 0,601 до 0,8
3	средний	от 0,401 до 0,6
4	ниже среднего	от 0,201 до 0,4
5	низкий	от 0 до 0,2

Для идентификации и распределения субъектов согласно их генезису инновационной составляющей необходимым является осуществление нормализации критериев с целью приведения к безразмерной величине, для этого была использована формула (2):

$$N_x = \frac{x_i}{x_{\max}} \quad (2)$$

где N_x – нормированное значение фактора X_n ;

x_i – расчетное значение показателя по анализируемому региону;

$x_{\max}$ – максимальное расчетное значение по ПФО.

Предложенные и полученные результаты имеют границы от 0 до 1 и чем ближе значение индикатора к его максимуму, тем региональная система более динамично развивается с учетом инновационной составляющей. Результатом вычислений послужило распределение субъектов ПФО (табл.2).

Таблица 2 – Значение интегрального индекса Y_{ix} субъектов ПФО и распределение их по группам

№ п/п	Субъект (область)	Значение интегрального индекса Y_{ix}	Распределение по группам
1	С1	0,35	4
2	С2	0,02	5
3	С3	0,04	5
4	С4	0,61	2
5	С5	0,08	5
6	С6	0,06	5
7	С7	0,39	4
8	С8	0,04	5
9	С9	0,31	4
10	С10	0,07	5
11	С11	0,16	5

12	C12	0,55	3
13	C13	0,18	5
14	C14	0,09	5

Примечание* С – соответствующий код региона (Республика Башкортостан – "С 1", Республика Марий Эл – "С 2", и т.д., согласно расположению субъектов, в статистическом сборнике)

Среди всех регионов Приволжского федерального округа Республика Татарстан демонстрирует наилучший результат по сводному индексу Y_{ix} , который составляет 0,61. Несмотря на лидерство в рамках округа, она входит лишь во вторую группу, так как ни один субъект не смог достичь категории с достаточно высоким уровнем развития в сфере инноваций. Близка к переходу в категорию «выше среднего» Самарская область, и этот шаг может быть осуществлен при условии раскрытия всех имеющихся у нее возможностей.

В то же время значительное число субъектов, таких как Республики Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Чувашия, а также Кировская область, показывают слабые результаты и имеют низкие показатели инновационного развития. Однако при грамотной реализации их природного и экономического потенциала эти регионы могли бы значительно улучшить свои позиции.

Следующим шагом в работе стал поиск факторов, которые могут оказывать воздействие на основной показатель исследования – Валовой региональный продукт (ВРП). С целью определения силы влияния этих факторов и построения прогнозной модели был применен регрессионный анализ. Данный метод предполагает создание математических моделей на основе отобранных статистических показателей, предоставленных Росстатом [16]. На первом этапе анализа рекомендуется исключить из модели факторы с наименьшим воздействием на зависимую переменную Y и сосредоточиться на статистически значимых ($p \leq 0,05$), что доказывает, что полученные результаты не являются случайными.

Инновационный генезис территорий представляет собой сложный и многогранный процесс зарождения, формирования и устойчивого развития пространств, обладающих повышенной концентрацией научного, технологического и творческого потенциала. Это явление выходит далеко за рамки простого размещения высокотехнологичных компаний на ограниченной площади; это глубокое преобразование самой сути территории, её ДНК, основанное на симбиозе образования, исследований, бизнеса и комфортной среды для жизни. Исторически такие точки роста возникали стихийно вокруг крупных университетов или в местах концентрации талантливых людей, как, например, Кремниевая долина, чья история началась с университета Стэнфорда и стратегического решения поддерживать предпринимательскую активность выпускников. Однако современный подход к инновационному генезису всё чаще предполагает целенаправленное проектирование и катализ этих процессов со стороны государства и частного капитала, эффективность деятельности которых необходимо оценивать при принятии управленческих решений на региональном уровне.

Следует заметить, что основой исследования выступали субъекты ПФО. Логика оценки мезотерриторий состоит в том, чтобы определить корреляционную

зависимость результирующих показателей Y и факторов X , с последующим выявлением из их числа ключевых. (см. табл.3).

Таблица 3 – Исходные показатели для расчета регрессионной зависимости

№	Субъект	Значение критерия, Y и X								
		Y	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	X_7	X_8
1	C1	2000037,9	59,4	78	8 341	2937	1648	13250,1	248,4	457
2	C2	221991	71,1	7	162	7	21	219,1	51,9	87
3	C3	298023,1	66,9	22	981	257	170	1131,9	21,6	66
4	C4	3454700	53,5	127	12871	4631	2389	22452,5	527,5	726
5	C5	841936,2	68,7	33	1770	842	347	2432,9	42	126
6	C6	392957,9	67,7	29	1453	948	369	2004,4	18,8	95
7	C7	1740525,3	64,5	68	9671	3916	1895	21689,3	322	397
8	C8	481407	55	25	1589	196	151	3120,2	20,8	82
9	C9	1888121,4	58,7	94	41524	13819	5880	90491,4	3704,3	349
10	C10	1394280,3	65,7	25	846	202	132	1072,3	97,3	93
11	C11	537290	53,9	29	4287	1879	743	4795,8	121,6	137
12	C12	2122537,2	60,4	55	7561	4658	2022	26008,6	875,7	386
13	C13	1005800,9	60,2	60	5023	1136	738	7995,5	137,7	194
14	C14	498806,3	58,1	26	4936	1839	641	18547,4	27,8	164

Моделирование выполнялось в среде Statistica 6.0 для субъектов ПФО. Его логика заключалась в установлении корреляций между результативными показателями и факторными признаками с последующим отбором наиболее важных из них. Для обоснования включения переменных в модель был проведен парный корреляционный анализ, который выявил тесную взаимосвязь между факторами X_1 , X_2 , X_6 . Признаки X_3 , X_4 , X_5 , X_7 , X_8 статистически не связаны между собой, поэтому их использование в регрессионном уравнении оправдано при условии достижения требуемого уровня значимости ($p \leq 0,05$) (см. табл.4).

Таблица 4 – Итоги парного корреляционного анализа

Показатель	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7	X8
X1	1,000	-0,548	-0,570	-0,470	-0,493	-0,369	-0,369	-0,497
X2	-0,548	1,000	0,943	0,816	0,885	0,616	0,616	0,959
X3	-0,570	0,943	1,000	0,937	0,974	0,734	0,734	0,963
X4	-0,470	0,816	0,937	1,000	0,987	0,885	0,885	0,899
X5	-0,493	0,885	0,974	0,987	1,000	0,848	0,848	0,947
X6	-0,369	0,616	0,734	0,885	0,848	1,000	1,000	0,739
X7	-0,369	0,616	0,734	0,885	0,848	1,000	1,000	0,739
X8	-0,497	0,959	0,963	0,899	0,947	0,739	0,739	1,000

Произведен корреляционно-регрессионный анализ с учетом отобранных факторов X и результативного показателя Y . На основе проделанных расчетов были выбраны для дальнейшего исследования факторы X_1 , X_2 и X_6 , однако поскольку только значения для X_2 и X_6 были ниже 5%-ного порога, фактор X_1 был исключен из дальнейшего рассмотрения.

Таблица 5 – Результаты множественного линейного регрессионного анализа для X_1 , X_2 и Y

№ п/п	Показатель	параметр коэффициента	стандартная ошибка коэф-фициента регрессионной модели	критерий студента	уровень значимости статистики студента
1	Постоянная индивидуальная переменная (ПИП)	-692643	1135058	-0,610227	0,555324
2	X_1	10209	17080	0,597717	0,563319
3	X_2	21033	3301	6,371934	0,000081
4	X_6	1338	408	3,279354	0,008298

Следующим шагом было определение парной корреляции между индикаторами инновационной направленности X_6 , X_2 с целью исключения из модели тех

из них, которые являются взаимозависимыми. По итогам анализа выявлена их взаимосвязь друг с другом, что является причиной исключения X_6 из дальнейших расчетов. Результаты вычислений представлены в табл.6.

Таблица 6 - Результаты линейного регрессионного анализа для X_2 и Y

№	Показатель	Параметр коэффициента	Стандартная ошибка коэффициента регрессионной модели	t критерий Стьюдента	Уровень значимости статистики Стьюдента
1	Постоянная индивидуальная переменная (ПИП)	-23821,1	193414,2	-0,123161	0,904018
2	X_2	25386,3	3319,5	7,647540	0,000006

Расчеты для множественной линейной регрессии показали высокую силу связи: коэффициент множественной корреляции (R) равен 0.91. Статистическая значимость модели подтверждается крайне низким уровнем p-value (0.000000059) и значением F-критерия Фишера (58.48), которое существенно превышает критическое (4.75). Это свидетельствует об адекватности модели и целесообразности использования в ней факторного признака X_7 (в уравнении 1) и X_3 (в уравнении 4):

$$Y = -23821,1 + 25386,3 \cdot X_2 \quad (4):$$

что графически представлено на рисунке 1:

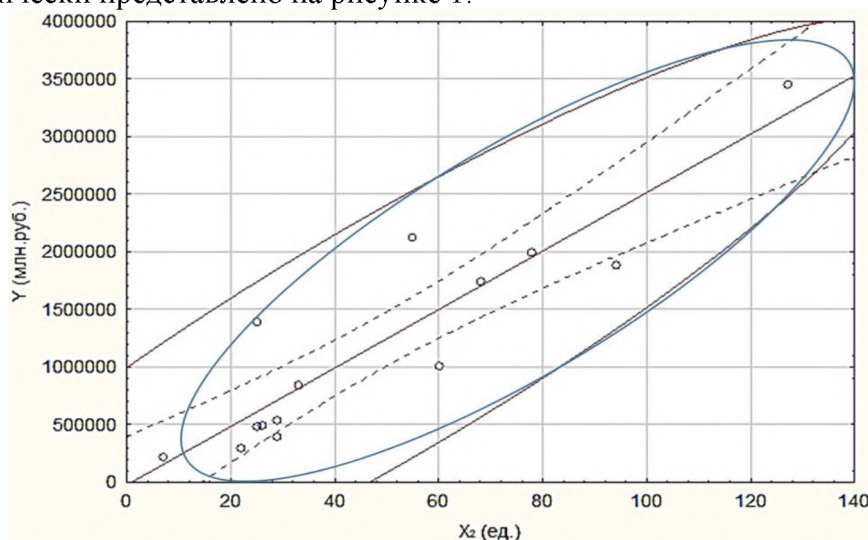

Рис.1 – Зависимость между Y и X_2 за 2021г.

Исходя из рисунка 1, подавляющее большинство эмпирических наблюдений концентрируется в пределах доверительного интервала, визуализированного в

форме овала и расположенного вдоль прямой линии регрессии. Такая компактная группировка точек вокруг теоретической линии тренда является убедительным свидетельством высокой степени тесноты корреляционной связи между факторным признаком (количество организаций, выполнявших научные исследования и разработки? X_2) и результирующим показателем – валовым региональным продуктом (Y).

Важно отметить, что характер расположения данных на диаграмме рассеяния имеет четко выраженную направленность: наблюдается устойчивая тенденция к возрастанию значений Y по мере увеличения X_2 . Это визуально проявляется в движении облака точек снизу-вверх, что позволяет сделать категоричный вывод о положительном значении как углового коэффициента регрессионной прямой, так и коэффициента корреляции в целом. Данное положение дел эмпирически обосновывает целесообразность и статистическую значимость включения фактора X_2 в формализованную экономико-математическую модель. Обоснование такой зависимости имеет глубокий экономический смысл. Активная научно-исследовательская и опытно-конструкторская деятельность организаций генерирует инновации, которые, воплощаясь в новых технологиях, продуктах и патентах, напрямую катализируют рост добавленной стоимости и, как следствие, валового регионального продукта.

Заключение. Таким образом, представленные данные убедительно доказывают, что инновационный сектор выступает ключевым драйвером экономического роста на мезоуровне. В современных условиях глобальной конкуренции и технологической трансформации проблема стратегического выбора траектории развития региона неразрывно связана с укреплением его инновационного потенциала. Преодоление сырьевой модели экономики и снижение критической зависимости от импорта, особенно в высокотехнологичных отраслях, возможно лишь через целенаправленное стимулирование научно-технической деятельности. Следовательно, императивом современной региональной политики становится формирование целостной и эффективной региональной инновационной системы (РИС). Эта система, интегрирующая университеты, научные центры, бизнес и власть, выступает фундаментальной основой для перехода к экономике знаний и новому технологическому укладу, выполняя роль локомотива устойчивого и суверенного развития территории.

Литература

1. Глезман Л.В. Рейтингование как метод оценки инновационного и научно-технологического развития регионов России / Л.В.Глезман, С.Ю.Исаев, С.С.Федосеева // Вопросы инновационной экономики. – 2023. – Т.13, №2. – С.927-940.
2. Гончарова А.Н. Методические подходы к оценке научно-технологического и инновационного развития региона // Вестник науки. – 2021. – Т.1, №6-1 (39). – С.99-107.
3. Егоров Н.Е., Ковров Г.С. Сравнительная оценка инновационного развития регионов крайнего севера // Арктика и Север. – 2020. – №41. – С.62-74.
4. Красников А.В., Парфененкова А.Н. Оценка влияния развития полиграфической промышленности на инновационное развитие российских регионов // Экономика и предпринимательство. – 2021. – №6(131). – С.365-369.

5. Ксенофонтова Т.Ю. К вопросу о развитии методических подходов к оценке уровня инновационного развития регионов / Т.Ю.Ксенофонтова, С.В.Грушинский, В.П.Крикун // Инновации и инвестиции. – 2022. – №2. – С.4-7.
6. Ксенофонтова Т.Ю., Плотников А.П. К вопросу оценки инновационного развития регионов // Инновационная деятельность. – 2022. – №3(62). – С.31-37.
7. Нигматуллин Ш.И. Оценка инновационного потенциала и инновационного развития в регионе // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2021. – №3(159). – С.62-66.
8. Санто Б. Инновация как средство экономического развития / пер. с венг. с изм. и доп. авт.; общ. ред. и вступ. ст. Б.В.Сафонова. – М.: Прогресс, 1990. – 295 с.
9. Уварова Г.Г., Тимейчук Л.Н. Инновационное развитие региональных систем как фактор обеспечения экономической безопасности РФ // Социальные и экономические системы. – 2022. – №6-4(33). – С.384-398.
10. Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия / пер. с англ.; предисл. и общ. ред. В.С.Автономова. – М.: Экономика, 1995. – 540 с. (Экон. наследие).
11. Batirova N.Sh. Theoretical aspects of assessing the level of innovative development of the region's industry // Bulletin social-economic and humanitarian research. – 2022. – №13 (15). – С.119-131.
12. Doronin A., Trubitsyn K. Analysis of the heat tariff impact on gross regional product in the samara region // Proceedings – 2019: materials of 1st International conference on control systems, mathematical modelling, automation and energy efficiency (SUMMA 2019). – 2019. – С.147-150.
13. Filatov E.A. Author's regional measurement of investment intensity of gross regional product of irkutsk region // New technologies and special-purpose development priorities: IOP Conference series: materials science and engineering. – 2019. – С.120-123.
14. Freeman C. Technology policy and economic performance: lessons from Japan. – L.: Frances printer publishers, 1987. – 168 p.
15. Mensch G. Das technologische patt: Innovationen überwinden die depression. – Frankfurt am Main: Umschau. Verlag, 1975. – 115 s.
16. Zelezinskii A.L. Methodological approaches to assessing and forming prospects of innovative development of the regions / A.L.Zelezinskii, O.V.Arhipova, D.V.Hodos, D.V.Parsukov // Economic Vector. – 2021. – №2(25). – С.51-59.
17. Официальный Интернет-сайт Росстата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gks.ru (дата обращения: 21.08.2025).

INNOVATIVE FOCUS ON THE GENESIS OF REGIONAL SYSTEMS

Barinov Michael Alexandrovich

Candidate of economic sciences,
associate professor of the chair of economics of innovations and finance
Vladimir state university named after A.G. and N.G.Stoletovs
600005, Russia, Vladimir, Tchaikovsky str. 36, apt. 45
Ph.: +7 920 623 02 40
31f84@mail.ru

In the context of modern challenges facing the Russian economy, accompanied by the transformation of economic relations and the strengthening of the role of regions in ensuring national competitiveness, the problem of finding new growth drivers alternative to the traditional raw materials model is

becoming more pressing. The article examines aspects of polarization and significant differentiation of regional socio-economic systems, taking into account the features and level of genesis, which necessitate the development and implementation of strategies based on the mobilization of the endogenous potential of administrative-territorial entities, the key element of which is the innovative activity of both regional and economic entities, which determines the relevance of the study. Exhaustion of the possibilities of extensive growth and advantage factors determines the need for a transition to economic-mathematical, statistical models based on knowledge, technological changes and a continuous process of generation and diffusion of innovations as products or processes of competent management decisions, based on the assessment and identification of spatial and dynamic characteristics. In this regard, there arises a goal and a set of scientific and practical tasks related to the identification of the main types of economic activity that determine the modernization potential of territories, the assessment and monitoring of the innovative ontogenesis of regions, as well as the development of adequate methodological tools for their diagnostics and forecasting.

Keywords: genesis; innovative focus; gross regional product; region.

САМТГИРИИ ИННОВАТСИОНИИ ГЕНЕЗИСИ СИСТЕМАҲОИ РЕГИОНАЛӢ

Баринов Михаил Александрович

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
дотсенти кафедраи иқтисодиёт ва молияи инноватсионӣ,
Донишгоҳи давлатии Владимир ба номи А.Г. ва Н.Г.Столетовҳо
600005, Россия, Владимир, кӯч. Чайковский, х.36, кв.45
Тел.: +7 920 623 02 40
31f84@mail.ru

Дар шароити ҷолишҳои муосири иқтисоди Россия, ки бо тағйирёбии муносибатҳои иқтисодӣ ва болоравии нақши минтақаҳо дар таъмини рақобатпазирии миллии хамроҳ аст, масъалаи ҷустуҷӯи омилҳои нави рушд, алтернативӣ ба модели анъанавии ашёпоя (сырьевой модели) аҳамияти махсус пайдо мекунад.

Дар мақола ҷанбаҳои поляризация ва фарқияти назарраси системаҳои иҷтимоию иқтисодии минтақаҳо бо дарназардошти хусусиятҳои онҳо ва сатҳи ташаккул (генезис) баррасӣ мешаванд. Ин вазъ зарурати таҳия ва татбиқи стратегияҳои ба миён меорад, ки бар асоси сафарбарсозии потенциали дохилии воҳидҳои маъмурию ҳудудӣ устувор бошанд.

Унсурҳои калидӣ дар ин раванд фаъолияти инноватсионӣ ба шумор меравад – ҳам аз ҷониби минтақаҳо ва ҳам аз ҷониби субъектҳои хоҷагидорӣ. Маҳз ин омил асоси тадқиқоти мазкурро ташкил медиҳад. Тамом шудани имкониятҳои афзоиши экстенсивӣ ва пастшавии таъсири омилҳои классикии афзалият талаб мекунад, ки иқтисодиёт ба моделҳои илмӣ–математикӣ ва оморӣ, ки бар асоси дониш, тағйироти технологӣ ва ҷараёни пайвастаи тавлид ва паҳншавии инноватсияҳо қарор доранд, гузарад. Инноватсия дар ин замина ҳамчун маҳсул ё раванд баромад мекунад, ки натиҷаи қарорҳои дурусти идоракунии стратегӣ ва арзёбии ҳосиятҳои фазоӣ ва динамикии рушд мебошад.

Дар ин робита, мақсад ва маҷмуи вазифаҳои илмӣ-амалӣ муайян мегарданд, ки ба идентификатсияи намудҳои асосии фаъолияти иқтисодӣ, муайян кардани потенциали муосирсозии минтақаҳо, арзёбӣ ва мониторинги онтогенези инноватсионии онҳо, инчунин таҳияи асбоби методологии мувофиқ барои таҳҳис ва пешгӯӣ равона шудаанд.

Калидвожаҳо: генезис; самтгирии инноватсионӣ; маҳсулоати минтақавии ноҳилис (ВМН); минтақа.

УДК 005.334.4:658.155.3:347.736 (575.3)

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСГРАНИЧНОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Шарифов Такдир Абдулмаджидович

Кандидат экономических наук, доцент
заведующий кафедрой финансов и кредита
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
Тел.: (+992 37) 227 54 59
t_sharifov@mail.ru

Трансграничная несостоятельность остается малоизученной темой как в юридической, так и в экономической литературе в Республике Таджикистан. Кроме того, практически отсутствует специальное экономико-правовое регулирование этой сферы: законодательные положения, касающиеся трансграничного банкротства, ограничиваются указанием на применение принципа взаимности при решении вопроса о признании иностранных судебных решений и распространения принципа национального режима на иностранных кредиторов. В современных экономических условиях все более актуальной становится проблема действия судебных решений за границей применительно к трансграничной несостоятельности, в основе которой лежит концепция основных и вторичных производств по делам о банкротстве. При этом даже принцип взаимности судами не применяется ввиду узкого его толкования. Нормы же общего характера в таких спорах, по сути, неприменимы. В связи с этим и в силу интеграции Республики Таджикистан в мировые экономические процессы отечественное судопроизводство могут сталкиваться с правоотношениями, осложненными иностранным элементом. Представлен один из первых судебных актов на практике рассмотренных дел в Республике Таджикистан о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда.

Отмечена важность состоявшегося в октябре 2025 года в Санкт-Петербурге заседания рабочей группы Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ по разработке проекта модельного закона «О трансграничной несостоятельности и банкротстве».

Ключевые слова: банкротство; трансграничная несостоятельность (банкротство); судопроизводство; судебные решения; иностранный элемент; иностранные кредиторы; иностранные дебиторы; принцип взаимности.

Институт банкротства является неотъемлемым элементом рыночной экономической системы. Он может служить стимулом для эффективного функционирования хозяйствующих субъектов, обеспечивающих структурные изменения в экономике, осуществляя перелив капитала от одной отрасли экономики в другие в минимальные сроки. «Банкротство, являясь чрезвычайно крайним явлением кризисного состояния хозяйствующего субъекта, означает практическую несо-

стоятельность, приводящую в итоге к невозможности удовлетворения требований кредиторов по денежным обязательствам. Поэтому поиски комплексного определения данной категории не случайны. Располагаясь на стыке юриспруденции и экономики, банкротство имеет одновременно как экономическое, так и юридическое содержание» [7, с.16].

Для экономики Республики Таджикистан, вступившей на путь рыночных преобразований, несостоятельность (банкротство) представляется относительно новым явлением в деятельности хозяйствующих субъектов. Многие аспекты становления института банкротства нуждаются в теоретическом осмыслении из-за неоднозначности толкования определенных понятий [Там же, с.5].

Российский исследователь В.А.Бублик, рассматривая вопрос правового регулирования трансграничной несостоятельности в Российской Федерации, указывает на то, что «в последнее время в силу интеграции России в мировые экономические процессы отечественные суды, рассматривая дела о несостоятельности, стали сталкиваться с правоотношениями, осложненными иностранным элементом. Это помогло актуализировать проблему скудности законодательного регулирования данного института и слабой научной проработанности соответствующей темы» [2, с.5].

Трансграничная несостоятельность (банкротство) – это ситуация, при которой должник имеет активы в нескольких государствах или когда некоторые из кредиторов должника находятся не в том государстве, в котором ведется производство по делу о несостоятельности.

Вместе с тем следует констатировать, что «практически отсутствует специальное правовое регулирование этой сферы: законодательные положения, касающиеся трансграничного банкротства, ограничиваются указанием на применение принципа взаимности при решении вопроса о признании иностранных судебных решений и распространение принципа национального режима на иностранных кредиторов. При этом даже принцип взаимности судами не применяется ввиду узкого его толкования. Нормы же общего характера в таких спорах, по сути, неприменимы» [там же].

То есть проблемы трансграничной несостоятельности (банкротства), в настоящее время из теоретической составляющей переходят к практической категории проблем, связанных с участием кредиторов и должников.

В мировой практике правового регулирования трансграничных банкротств базируется, главным образом, на модели территориализма (territorialism).

В литературе отмечается множество недостатков, связанных с данной моделью правового регулирования трансграничной несостоятельности.

Вышеупомянутая модель основывается на реализации локальных активов должника в пользу локальных кредиторов, проповедуя идеи фаворитизма и протекции в пользу последних. Концепция территориализма предусматривает применение исключительно национального законодательства о несостоятельности [10, с.777].

На наш взгляд, она не способствует формированию и развитию благополучного инвестиционного климата, (например, в Республике Таджикистан), поскольку лишает потенциальных инвесторов (кредиторов) значительной степени предсказуемости в отношении регулирования процедур несостоятельности, осложнённых иностранным элементом.

По сути, производство по делу о несостоятельности должника ограничивается одной юрисдикцией, а иностранные активы в данном случае будут реализованы в ходе иных параллельных производств. Подобный концепт исключает любые попытки координации производств, кооперацию между управляющими по делу о банкротстве и судебную взаимопомощь.

Тем временем, в силу интеграции Республики Таджикистан в мировые экономические процессы, отечественное судопроизводство может сталкиваться с правоотношениями, осложнёнными иностранным элементом.

Отличительной чертой трансграничного банкротства является наличие иностранного элемента.

Это прежде всего нахождение кредитора должника за пределами страны, нахождение имущества, принадлежащего должнику (либо его активов) за рубежом, разумеется заявление кредитора о возмещение долга с привлечением норм иностранного права, возбуждение дела в связи банкротства должника в нескольких государствах, банкротство юридического лица, учредителями которого являются граждане другого государства и, наконец, решение о банкротстве должника, которое должно быть исполнено в иностранном государстве.

В современных экономических условиях все более актуальной становится проблема действия судебных решений за границей применительно к трансграничной несостоятельности, в основе которой лежит концепция основных и вторичных производств по делам о банкротстве. Вопросы признания и исполнения решений по делам о банкротстве ввиду специфики данных дел исключаются из сферы регулирования большинства универсальных международных договоров, касающихся трансграничного оборота судебных актов.

Как справедливо отмечают И.В.Кирюшина, Е.Ю.Коваленко, «в настоящее время применительно к трансграничным банкротствам возникает множество спорных вопросов. Помимо вопросов правоприменения возникают и вопросы исполнимости судебных решений, особенно исполнения решений арбитражами недружественных юрисдикций» [3, с.31].

В Республике Таджикистан процесс банкротства юридических лиц и индивидуальных предпринимателей рассматривается Законом Республики Таджикистан «О несостоятельности (банкротстве)» [6], а правовые отношения, связанные с применением к кредитным организациям процесса добровольной и принудительной ликвидации, в том числе банкротства, регулируются Законом Республики Таджикистан «О ликвидации кредитных организаций» [5].

В рамках этих двух законов понятие трансграничное банкротство предусмотрено всего лишь в статье 39 Закона РТ «О ликвидации кредитных организаций», где дано определение и понятие трансграничного банкротства:

1. Для обеспечения равного доступа местных и внешних кредиторов к обанкротившейся кредитной организации с трансграничной деятельностью:

- Национальный банк Таджикистана всесторонне сотрудничает с уполномоченными органами иностранного государства, в котором обанкротившаяся кредитная организация имеет филиалы;

- оставшаяся часть требований иностранного кредитора местной кредитной организации может быть удовлетворена вместе с требованиями, принятыми специальным администратором;

- вопросы признания банкротства иностранной кредитной организации со стороны местной кредитной организации и принятие временных мер по ее управлению и оздоровлению решается судом;

- суд может по запросу специального администратора разрешить перевести в страну активы обанкротившейся иностранной кредитной организации, в которой расположен ее головной офис или где она осуществляет основную деятельность, в интересах кредиторов данной кредитной организации.

Как отмечает М.Д.Кодирова, «еще одна группа законов касается банкротства, а также соответствующих полномочий судов. Эти законы регулируют, например, проблемы неплатежеспособности, страхования депозитов, деятельность агентств по реструктуризации. Механизмы осуществления *банкротства* и обеспечения стабильного функционирования банковского сектора предназначены для укрепления стабильности банковской системы и доверия к ней, однако если они недостаточно отработаны, то могут подорвать рыночную дисциплину. Среди элементов системы обеспечения банковской стабильности – функция «кредитор последней инстанции» и услуги по страхованию депозитов. Конкретная форма механизма обеспечения банковской стабильности имеет большое значение для управления риском» [4, с.28]. Т.е в условиях фактического отсутствия законодательного регулирования трансграничных банкротств в отечественном законодательстве роль по восполнению пробелов, допущенных законодателем, возложена на судебный корпус. Стоит подчеркнуть, что именно судебная практика наряду с доктринальными исследованиями на данный момент предопределяют развитие института трансграничной несостоятельности в Республике Таджикистан.

Как видим, несмотря на роль, которая проведена данной процедуре, на практике возникает множество проблем, так или иначе связанных с недостаточностью как международно-правового регулирования, так и более детальной законодательной регламентации на уровне национального права.

Следует отметить, что одним из первых судебных актов в практике рассмотренных дел в Республике Таджикистан, о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда стало обращение ТОО «Айгерим» (Республика Казахстан) в лице конкурсного управляющего А.К.Мустафиной в Высший Экономический суд Республики Таджикистан от 25 июня 2012 года о признании и приведении в исполнение Решения Специализированного Межрайонного экономического суда Костанайской области от 20 марта 2012 года (дело №2-408/10) о взыскании с Частного Предпринимателя «Ахмедшоев Гайратшох Акбаршоевич»

(Республика Таджикистан) в пользу ТОО «Айгерим» (Казахстан) суммы основного долга в размере 1 245 016 тенге и госпошлины в госдоход Республики Казахстан 37 350 тенге¹.

Впоследствии определением Экономического суда г. Душанбе от 07.06.2013г. решение иностранного суда (Республика Казахстан) и исполнительный лист о взыскании суммы долга с ИП Г.А.Ахмедшоев были признаны на территории Республики Таджикистан².

Отсюда следует, что по данному делу решение иностранного суда о взыскании с ЧП «Ахмедшоев Гайратшох Акбаршоевич» в пользу ТОО «Айгерим» (Казахстан) суммы долга было приведено в исполнение на территории Республики Таджикистан.

Приведенная правоприменительная практика (прецедент) между Таджикистаном и Казахстаном заложила практическую основу реализации принципа трансграничных процедур банкротства на территории Республики Таджикистан [1].

Стоит отметить, что на практике могут встречаться и более сложные судебные дела, когда процессуальные различия процедур банкротства, приводят к отрицательным решениям по поводу иностранного банкротства отечественным судопроизводством и отечественного банкротства иностранным судопроизводством.

То есть, при несостоятельности должника, связанного с правопорядком двух или более государств, возникает достаточное количество проблем, для разрешения которых суду соответствующего государства необходимо обратиться к документам, регулирующим вопросы трансграничной несостоятельности.

Для Таджикистана актуальность проблемы трансграничной несостоятельности заключается в том, что в современной отечественной экономико-правовой науке и практике недостаточно изучены и разработаны вопросы о:

- применимом праве в делах о трансграничной несостоятельности (банкротстве);
- защите прав и законных интересов кредиторов;
- установлении международной подсудности;
- признании и исполнении иностранных судебных решений [9].

Подобные прецеденты стали причиной того, что на площадке Межпарламентской ассамблеи СНГ приступили к разработке модельного закона о трансграничной несостоятельности и банкротстве. Параллельно готовится и соответствующее межгосударственное соглашение с тем, чтобы решения судов о банкротстве преодолевали пограничные барьеры, а регионы получили то, чего им

¹ Решение Специализированного Межрайонного экономического суда Костанайской области от 20 марта 2012 года (дело №2-408/10).

² Определение Экономического суда г. Душанбе от 23 июля 2013 года (дело №2-480/12).

хронически не хватало: единые критерии, понятную координацию и взаимное признание¹.

А.Н.Ланцов, председатель Союза арбитражных управляющих «Саморегулируемая организация «Дело», Председатель Оргкомитета Конгресса «Парадная Ассамблея», отмечает, что: "в 2023 году были первые выступления по поводу законодательства о трансграничном банкротстве. А в 2024 году уже после серии наших выступлений Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ (МПА СНГ) обратила на это внимание и по сути дела поручила "Парадной Ассамблее" заняться разработкой этого модельного закона. Мы же составили рабочую группу для разработки данного закона и по оценкам МПА, подобного уровня нет ни в одном законе. В работе над законом принимает участие огромное количество докторов и кандидатов юридических и экономических наук, заведующие кафедрами, ректоры разных университетов"².

По его словам, ожидается, что закон будет готов для рассмотрения Межпарламентской Ассамблеи уже к концу текущего года.

«Модельный закон о трансграничной несостоятельности банкротства может носить рекомендательный характер. Да, национальные законодательства – они разные. Но есть же какие-то общие аспекты, механизмы. И вот как их реализовывать мы работаем. Да, конечно, мы в первую очередь должны защищать свое национальное законодательство. Но сегодня назрел вопрос, алгоритм взаимодействия, базовые принципы должны быть», – считает Марияш Кабикенова, председатель правления СРО администраторов – Казахстанский союз управляющих в процедурах реабилитации и банкротства³.

Следует также отметить, что 2 октября 2025 года в Таврическом дворце города Санкт-Петербурга (Российская Федерация) состоялось заседание рабочей группы Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ по разработке проекта модельного закона «О трансграничной несостоятельности и банкротстве». Заседание прошло под руководством ректора Российско-Таджикского (Славянского) университета, доктора экономических наук, профессора Машраба Файзулло⁴.

В заседании приняли участие представители парламентов стран-участников СНГ, а также эксперты и специалисты в области права, финансов и антикризисного управления. Мероприятие стало частью системной работы по совершен-

¹ В МПА СНГ работают над модельным законом о трансграничной несостоятельности и банкротстве. URL: https://iacis.ru/novosti/postovannye_komissii/v_mpa_sng_rabotayut_nad_modelnim_zakonom_o_transgranichnoj_nesostovatelnosti_i_bankrotstve

² Трансграничное банкротство СНГ – 2025: модельный закон, активы и новые правила. URL: <https://cronos.asia/ekonomika/transgranichnoe-bankrotstvo-modelnyj-zakon?ysclid=mh01ukijh0165555423> (16.09.2025. 03:57)

³ Там же.

⁴ Ректор РТСУ принял участие в заседании рабочей группы МПА СНГ. URL: https://www.rtsu.tj/news/?ELEMENT_CODE=ректор-rtu-prinyal-uchastie-v-zasedanii-rabochey-gruppy-mpa-sng

ствованию правовых механизмов экономического взаимодействия между государствами Содружества.

В ходе заседания обсуждались ключевые положения будущего закона, включая вопросы правовой гармонизации, координации между национальными юрисдикциями, защиты интересов кредиторов и должников, а также внедрения цифровых инструментов в процедуры банкротства. Отдельное внимание было уделено необходимости установления единых терминов и подходов, что обеспечит прозрачность и эффективность трансграничных процессов.

Ректор РТСУ Машраб Файзулло отметил значимость совместной работы экспертов и подчеркнул, что создание единых подходов к регулированию трансграничной несостоятельности будет способствовать развитию экономического сотрудничества, повышению доверия инвесторов и устойчивости финансовых систем стран СНГ.

В рамках заседания член рабочей группы, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации РФ по конституционному законодательству и государственному строительству Николай Владимиров подчеркнул значимость разработки модельного закона для гармонизации законодательства в сфере банкротства. Сенатор отметил, что единообразие правовых норм и механизмов взаимодействия между странами СНГ способствует повышению инвестиционной привлекательности региона.

Предложения и замечания, поступившие от представителей Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана, были систематизированы и учтены в новой редакции проекта закона.

В рамках заседания были также подведены итоги Международного конгресса «Парадная Ассамблея», прошедшего в сентябре в Алматы. Как отметил член рабочей группы и председатель оргкомитета конгресса Андрей Ланцов, мероприятие объединило порядка 200 специалистов из шести стран СНГ и стало важной площадкой для обсуждения современных подходов к антикризисному управлению и процедурам банкротства. По результатам обсуждений были выработаны предложения по подготовке временных рекомендаций для арбитражных управляющих и созданию специализированного электронного справочника.

Активное участие РТСУ в работе рабочей группы МПА СНГ подчёркивает значимую роль университета в формировании правового пространства Содружества и укреплении академического сотрудничества в Евразийском регионе.

Литература

1. Антикризисное управление – без границ: Казахстан принимает эстафету // Арбитражный управляющий. – 2025. – №5 (138). – С.10-11.
2. Бублик В.А. О правовом регулировании трансграничной несостоятельности в Российской Федерации // Российское право: образование, практика, наука. – 2020. – №6. – С.4-14. DOI: 10.34076/2410_2709_2020_6_4.
3. Кирюшина И.В., Коваленко Е.Ю. Трансграничное банкротство: понятие, основы правового регулирования, практика правоприменения // Юрис лингвистика. – 2024. – №31. – С.27-33.

4. Кодирова М.Д. Управление банковскими рисками: учеб. пособие. – Душанбе: РТСУ, 2025. – 192с.
5. О ликвидации кредитных организаций: Закон Республики Таджикистан №719 от 28 июня 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: mmih.adlia.tj
6. О несостоятельности (банкротстве): Закон Республики Таджикистан №46 от 8.12.2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: mmih.adlia.tj
7. Файзулло М.К., Шарифов Т.А. Особенности развития института банкротства в Республике Таджикистан: монография – Душанбе: РТСУ, 2023. – 162 с.
8. Шарифов Т.А. Концептуальные основы становления института банкротства в транзитивной экономике Республики Таджикистан: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / Шарифов Тақдир Абдулмаджидович. – Худжанд, 2015. – 23с.
9. Шарифов Т.А. Проблемы реализации трансграничных процедур банкротства на территории Республики Таджикистан и пути их преодоления в государствах-участниках СНГ [Электронный ресурс] // Парадная Ассамблея: материалы Алматинского Международного антикризисного конгресса (16.09.2025г.). – Режим доступа: <https://disk.vandex.ru/d/FKrtP6bKEPWEpw>)
10. Bebchuk L.A., Guzman A.T. An Economic Analysis of transnational bankruptcies // Journal of law and economics, University of Chicago press. – 1999. – Vol. 42 (2), Oct. – P.777-778.

ECONOMIC AND LEGAL REGULATION OF CROSS-BORDER INSOLVENCY (BANKRUPTCY) IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Sharifov Taqdir Abdulmajidovich+

Candidate of economical sciences, associate professor
head of the chair of finance and credit
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992 37) 227 54 59
t_sharifov@mail.ru

Cross-border insolvency remains an understudied topic in both legal and economic literature in the Republic of Tajikistan. Furthermore, there is virtually no specific economic and legal regulation in this area: legislative provisions concerning cross-border bankruptcy are limited to references to the application of the principle of reciprocity when recognizing foreign judgments and extending the principle of national treatment to foreign creditors. In the current economic environment, the issue of the validity of foreign judgments in cross-border insolvency, which is based on the concept of primary and secondary bankruptcy proceedings, is becoming increasingly pressing. Moreover, even the principle of reciprocity is not applied by the courts due to its narrow interpretation. General rules are essentially inapplicable in such disputes.

One of the first judicial acts in the practice of cases considered in the Republic of Tajikistan is presented, as well as cases on the recognition and enforcement of a decision of a foreign court in the Republic of Kazakhstan.

In this connection and due to the integration of the Republic of Tajikistan into global economic processes, domestic legal proceedings may encounter legal relations complicated by a foreign element.

It was noted that on October 2, 2025, a meeting of the working group of the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the CIS on the development of a draft model law "On Cross-Border Insolvency and Bankruptcy" was held at the Tauride Palace in St. Petersburg (Russian Federation).

Keywords: bankruptcy; cross-border insolvency (bankruptcy); legal proceedings; court decisions; foreign element; foreign creditors; foreign debtors; reciprocity principle.

ТАНЗИМИ ИҚТИСОДИЮ ҲУҚУҚИИ ШИКАСТИ (МУФЛИСШАВИИ) БЕАСОСИ ТРАНСМАРЗӢ ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Шарифов Такдир Абдулмачидович

Номзади илми иқтисодӣ, дотсент,
мудири кафедраи молия ва қарзи
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992 37) 227 54 59
t_sharifov@mail.ru

Масъалаи муфлисии трансмарзӣ дар Тоҷикистон ҳам дар адабиёти ҳуқуқ ва ҳам дар иқтисод то ҳол ба таври кофӣ таҳқиқ нашудааст. Ғайр аз ин, танзими махсуси иқтисодию ҳуқуқии ин соҳа умуман вучуд надорад: меъёрҳои қонунгузорӣ, ки ба муфлисшавии трансмарзӣ дахл доранд, асосан ба принсипи мутақобила дар эътироф кардани ҳалномаҳои судии хориҷӣ ва ба татбиқи низоми миллии муомила нисбат ба кредиторони хориҷӣ таъя мекунад. Дар шароити нави иқтисодӣ масъалаи татбиқ ва эътибори ҳалномаҳои судӣ берун аз кишвар, хусусан дар парвандаҳои марбут ба муфлисшавии трансмарзӣ, аҳамияти тоза пайдо мекунад. Ин мавзӯ ба концепсияи оғози раванди асосӣ ва ё иловагӣ оид ба парвандаҳои варшикастагӣ таъя мекунад. Бо вучуди ин, ҳатто принсипи мутақобила низ аз ҷониби судҳо бинобар маҳдуд шарҳ дода шуданаш ба таври амалӣ истифода намегардад. Меъёрҳои умумӣ бошанд дар ҷунин баҳсҳо одатан татбиқнопазиранд.

Дар мақола яке аз аввалин парвандаҳои амалии судии Тоҷикистон дар бораи эътироф ва иҷрои ҳалномаи суди хориҷӣ дар Ҷумҳурии Қазоқистон мавриди баррасӣ қарор дода мешавад.

Дар заминаи раванди ҳамгироии Тоҷикистон ба чараёни иқтисодии ҷаҳон, эҳтимолияти ру ба ру шудани судҳои кишвар бо ҳолатҳои, ки дорои унсuri хориҷӣ мебошанд, мушкилтар мегардад.

Қайд мешавад, ки 2 октябри соли 2025 дар Қасри Таврический (ш.Санкт-Петербург, Федератсияи Россия) ҷаласаи гурӯҳи кории Ассамблеяи байнипарлумонии кишварҳои ИДМ оид ба таҳияи лоиҳаи Қонуни намунавӣ «Дар бораи варшикастагӣ ва муфлисшавии трансмарзӣ» баргузор гардидааст.

Калидвожаҳо: муфлисшавӣ; варшикастагии трансмарзӣ; судрасонӣ; ҳалномаҳои судӣ; унсuri хориҷӣ; кредиторони хориҷӣ; қарздорони хориҷӣ; принсипи мутақобила.

УДК 332.1

ОСОБЕННОСТИ НАУЧНО-ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Быкова Маргарита Леонидовна

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики инноваций и финансов
Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
601270, Россия, Владимирская обл., Суздальский р-н,
п. Боголюбово, ул. Новая, д.20 кв.19
Тел.: +7 902 888 0842
margarita93@bk.ru

Статья посвящена актуальной проблеме пространственной асимметрии научно-инновационного развития регионов России и разработке дифференцированных подходов к региональной политике в условиях импортозамещения. Методологической основой исследования выступает авторская система оценки, предполагающая три ключевых блока показателей: ресурсный потенциал, патентную активность и уровень внедрения инноваций в реальный сектор экономики. На основе кластерного анализа методом k-средних проведена группировка 85 субъектов РФ, результатом которой стало выделение 7 типов регионов с характерными моделями развития – от глобальных лидеров до зон технологической стагнации. Проведенный анализ выявил значительную дифференциацию: разрыв между максимальными и минимальными значениями интегральных показателей достигает 40 раз. Установлено, что лишь ограниченное число регионов демонстрирует сбалансированное развитие по всем компонентам инновационного цикла, в то время как большинство характеризуются дисбалансом между научным потенциалом и его коммерциализацией. Особое внимание уделяется парадоксальным случаям, когда регионы с низким ресурсным потенциалом демонстрируют относительно высокие показатели внедрения инноваций за счет экстенсивного заимствования технологий. Научная новизна работы заключается в разработке комплексной типологии регионов и обосновании адресных мер государственной политики для каждого кластера. Предложены конкретные инструменты для каждого типа регионов: от стимулирования частно-государственного партнерства в лидирующих кластерах до создания цифровых платформ удаленного доступа к научным ресурсам в периферийных зонах.

Ключевые слова: инновационное развитие; региональная дифференциация; кластерный анализ; типология регионов; научно-инновационный потенциал; государственная региональная политика.

Введение. В современных условиях исследование особенностей научно-инновационного развития территорий представляется актуальным направлением, поскольку позволяет находить точки роста, снижать риски и формировать сбалансированную политику регионального роста. Особое значение изучение данного направления приобретает в условиях нестабильности и трансформации эко-

номических моделей, так как именно инновации становятся основой для устойчивого развития регионов и страны в целом.

Развитие мезотерриторий традиционно находится в фокусе внимания зарубежных и отечественных ученых. В современных условиях формирование эффективной системы мониторинга пространственной организации факторов научно-инновационного развития становится критически важным для стратегического управления регионом. Такой мониторинг позволяет выявлять ключевые точки роста, объективно оценивать потенциал и дисбалансы территорий, а также разрабатывать адресные меры политики, направленные на стимулирование инноваций. Грамотная диагностика пространственного размещения научного, технологического и кадрового потенциала обеспечивает конкурентоспособность территории в условиях глобальных вызовов и трансформации экономических моделей, делая такие исследования не просто актуальными, а стратегически необходимыми.

Данное исследование направлено на комплексную оценку научно-инновационного развития регионов России для выявления имеющих место территориальных диспропорций. Его ключевая цель заключается не только в диагностике существующих разрывов, но и в разработке адресных мер региональной политики, способных трансформировать выявленные различия в точки роста.

В ходе исследования были решены следующие задачи:

- рассмотрены теоретические аспекты и особенности научно-инновационного развития территорий;
- предложена система показателей для оценки развития научно-инновационной сферы на региональном уровне;
- сформированы территориальные кластеры по показателям научно-инновационного роста;
- проведено сравнение параметров внутри кластеров со средними характеристиками ресурсного потенциала, патентной активности и реализуемости инноваций в регионах Российской Федерации;
- сформулированы выводы и предложены траектории регионального роста с учетом особенностей научно-инновационного развития территорий.

Научная новизна работы состоит в разработке оригинальной трехблочной системы показателей, комплексно охватывающей все стадии инновационного цикла, с последующим применением кластерного анализа, позволившим выявить семь типов регионов с уникальными моделями развития.

Методологическую основу составляет синтез общенаучных методов анализа и специализированных процедур статистической кластеризации. Исследование реализовано через последовательность этапов: формирование системы показателей, нормализацию данных, расчет интегральных индексов и группировку регионов. Ключевым инструментом выступил метод k-средних, позволивший объективно выделить разнородные группы территорий на основе минимальной внутригрупповой вариации.

Результаты исследования демонстрируют глубокую структурную асимметрию инновационного пространства России, где разрыв между лидирующими и

отстающими регионами превышает 40 раз. Выделение семи кластеров позволило идентифицировать не только полюса роста и депрессивные зоны, но и регионы с парадоксальными моделями развития.

Проведенный анализ доказывает неэффективность унифицированного подхода к инновационной политике и необходимость перехода к дифференцированным решениям. Для каждого типа регионов сформулированы приоритеты: от коммерциализации исследований в лидирующих кластерах до интеграции в национальную систему через аутсорсинг в слабых регионах.

Литературный обзор. В настоящее время инновационное направление признается ключевым направлением регионального развития, при этом масштабы и результативность инновационной деятельности напрямую зависят от уровня экономического развития территории, а также от качества институциональных и инфраструктурных условий инновационной среды. В работе О.В.Артемовой отмечается, что инновационное развитие региона определяется уровнем его социально-экономического развития, состоянием институциональной и инфраструктурной среды [2, с.9]. Исследователи исходят из понимания инновационного развития как процесса формирования региональной инновационной системы, способной наращивать потенциал и реализовывать его через создание конкурентоспособных товаров и услуг. Экономическое развитие и потенциал регионов Российской Федерации, включая их инновационные возможности, проявляются в конкурентоспособности экономического и инновационного пространства, при этом неоднородность этого пространства обусловлена различиями в экономических потенциалах, эффективности их использования, дифференциации институциональной среды (включая меры федеральной поддержки) и неравномерности развития инфраструктуры. Все это приводит к значительной дифференциации регионов по уровню экономического и инновационного развития. Для анализа таких территориальных диспропорций авторы предлагают использование концепции макрорегиона – целостного образования, объединяющего субъекты с общими географическими, природно-климатическими условиями и функциональными связями. Однако стоит отметить, что такой подход может быть не всегда оправдан, поскольку сама концепция макрорегиона как единого объекта управления сталкивается с существенными ограничениями. Во-первых, административные границы субъектов РФ далеко не всегда совпадают с реальными границами инновационных и экономических кластеров, что создает риски искусственного объединения разнородных образований. Во-вторых, даже в рамках географически близких территорий могут наблюдаться радикальные различия в институциональной среде, качестве управления и глубине интеграционных связей, что нивелирует преимущества макрорегионального подхода.

Активизация интереса инновационной деятельности в современной экономической науке и практике повсеместно признается ключевым драйвером социально-экономического развития регионов. Теоретическое обоснование этой позиции имеет глубокие корни в работах классиков экономической мысли. Н.Д.Кондратьев в своих исследованиях длинных волн экономической конъюнктуры убедительно продемонстрировал, что периоды кризисов и депрессий со-

здают уникальные предпосылки для освоения фундаментальных научных открытий и крупных технологических изобретений, которые впоследствии становятся основой для преодоления кризисных явлений и выхода на качественно новые рубежи технологического и экономического развития [7, с.142].

В.И.Вернадский в своей концепции ноосферы раскрыл диалектическую взаимосвязь процессов развития природы и общества, утверждая, что человеческий разум представляет собой такую же фундаментальную и вечную составляющую бытия, как материя и энергия. Й.Шумпетер внес принципиально важное разграничение между радикальными (базисными) инновациями, которые определяют облик кардинальных перемен в экономике и обществе, и инкрементальными (улучшающими) инновациями, которые обеспечивают непрерывность процесса поступательного развития. Г.Менш не только статистически подтвердил учение Кондратьева и Шумпетера о длинных волнах технологической динамики, но и ввел важное понятие псевдоинноваций как частичных улучшений устаревших поколений техники [7, с.141].

Современное понимание инновационного процесса представляет его как развитие, начинающееся с фундаментальных научных исследований и завершающееся успешной коммерциализацией новых продуктов и технологий. В этой цепи движущей силой выступает рыночный спрос, а ключевым ресурсом – научные знания и интеллектуальный капитал. Такой взгляд требует формирования целостной региональной инновационной системы, органически интегрированной в национальную инновационную систему и включающей взаимосвязанные компоненты производственно-технологической, финансовой, кадровой, информационной и сбытовой инфраструктуры.

Особое значение в современных условиях приобретает активная роль государственных институтов в информационном обеспечении инновационных процессов и создании эффективных мотивационных механизмов, поскольку рыночные механизмы сами по себе не всегда способны обеспечить прорывное инновационное развитие, особенно в условиях глобальной конкуренции и быстро меняющейся технологической парадигмы.

Центральное место в концепции инновационного развития занимает категория инновационного потенциала региона, представляющая собой комплексное, многогранное явление, объединяющее ресурсную (кадровую, материально-техническую, финансовую, информационную) и организационно-экономическую составляющую. Эффективность использования инновационного потенциала определяется не столько абсолютными объемами имеющихся ресурсов, сколько институциональной способностью субъектов региональной экономики трансформировать эти ресурсы в реальные конкурентоспособные продукты и технологии через налаженные механизмы взаимодействия между наукой, бизнесом и властью [3, с.2].

При этом инновационный потенциал формируется как за счет мобилизации внутренних ресурсов территории, так и за счет активного привлечения внешних возможностей через механизмы межрегионального и международного научно-технического сотрудничества. Анализ структуры инновационного потенциала

должен осуществляться с обязательным учетом специфики и роли различных субъектов инновационной деятельности: вузов и академических институтов, научно-исследовательских организаций, предприятий разного масштаба – от малых инновационных фирм до крупных корпораций.

Среди ключевых факторов, определяющих динамику развития инновационного потенциала региона, необходимо выделить: последовательность и обоснованность региональной инновационной политики; стратегии инновационного развития хозяйствующих субъектов; кредитно-финансовую политику кредитных учреждений региона; потребительские предпочтения и характер конкурентной среды; уровень развития инновационной инфраструктуры; накопленный задел научно-технических знаний и разработок.

Преодоление фрагментарности и повышение эффективности современной инновационной системы России требует построения целостной интегрированной модели, основанной на принципах государственно-частного партнерства, формирования инновационной культуры во всех слоях общества и создания целеориентированных мотивационных механизмов, обеспечивающих синергию интересов всех участников процесса генерации, внедрения и коммерциализации новшеств. Региональный аспект этого процесса приобретает особую значимость в контексте задач пространственного развития и снижения межрегиональной асимметрии [3, с.3].

Успешное развитие инноваций на национальном и региональном уровнях требует создания эффективного механизма стимулирования инновационного прогресса, где ключевую роль играет финансовая составляющая. Именно действенная система финансирования позволяет мобилизовать существующие финансовые ресурсы региона, что напрямую влияет на активизацию инновационной деятельности, повышение конкурентоспособности и социально-экономическое развитие территории.

Инновационный механизм функционирует на трех уровнях – макро-, региональном и корпоративном – и включает пять взаимосвязанных компонентов: организационный, финансовый, механизм разработки и внедрения, технологического трансфера и интеллектуальной собственности. На макроуровне внимание сосредоточено на разработке государственной стратегии инноваций, создании благоприятной среды и реализации национальных программ. Региональный уровень адаптирует эти задачи с учетом специфики территории, создавая условия для инновационных процессов в предпринимательской сфере.

Ключевым условием успеха является гармоничное взаимодействие организационных, экономических и финансовых аспектов системы развития региона. Это сотрудничество обуславливает формирование региональной инновационной стратегии, способствующей эффективной адаптации новшеств к рыночным условиям. Финансовая составляющая обеспечивает ресурсную базу, организационная – создает институциональные условия для генерации и реализации идей, экономическая – отвечает за коммерциализацию и управление инновациями.

Для активизации инновационного развития необходимо укреплять партнерство между государственными органами, предприятиями и органами местного

самоуправления, обеспечивая доступ к финансовым, материальным, интеллектуальным ресурсам при сохранении определенной автономии участников. Важными практическими мерами являются организация технологического трансфера, проведение профильных семинаров и конференций, поддержка инноваций в коммунальном хозяйстве, гарантии экономической безопасности участников, программы профессионального обучения.

Региональные власти должны осуществлять мониторинг инновационных инициатив, проводить тарифные реформы для инновационных компаний и контролировать крупные проекты. Формирование инновационной политики требует консолидации усилий государственных и местных органов власти, предприятий, общественных организаций и профсоюзов с учетом специфики региональных центров экономического развития, промышленной и инвестиционной политики, а также внедрения передовых научно-технических разработок [1, с.266].

Высокий уровень финансовой обеспеченности регионов создаёт мощный импульс для инновационного развития местных предприятий. Эти территории, как правило, обладают развитой научно-исследовательской инфраструктурой и концентрацией квалифицированных кадров, что обеспечивает синергетический эффект. Регионы с низким уровнем финансовых ресурсов демонстрируют значительно более скромные показатели инновационной активности

Близость к ведущим инновационным центрам создаёт для менее развитых регионов двойственный эффект. С одной стороны, она предоставляет потенциальный доступ к научной инфраструктуре и кадрам, но с другой – провоцирует отток финансовых ресурсов в более развитые соседние территории. Предприятия периферийных регионов часто вынуждены направлять средства в инновационные центры для оплаты исследований и разработок, соответствующих международным стандартам, что дополнительно ослабляет их собственную инновационную базу. Это создаёт эффект инновационной периферии, где географическая близость к центрам развития не только не способствует диффузии инноваций, но и усугубляет региональные диспропорции за счет концентрации ресурсов в ограниченном числе точек роста [9, с.122].

Государственная поддержка инновационной деятельности требует комплексного подхода на всех этапах проектного цикла, что реализуется через систему институтов развития, оказывающих финансовую, информационную и институциональную поддержку. Сотрудничество с международными консалтинговыми компаниями позволяет получать экспертные данные, способствующие улучшению бизнес-среды и повышению конкурентоспособности национальной экономики.

Важным элементом государственной политики является создание разветвленной инфраструктуры, включающей технопарки, технологические бизнес-инкубаторы, венчурные фонды и высокотехнологичные компании. Эти структуры, наряду с проведением национальных конкурсов инновационных идей, формируют среду для генерации и коммерциализации новшеств.

Эффективное государственное управление инновациями на местах способствует не только развитию науки и технологий, но и улучшению социально-

экономической ситуации, обеспечивая тем самым устойчивое развитие и повышение конкурентоспособности страны в целом [4, с.43].

Инновационное развитие общества и государства выступает ключевым драйвером социально-экономической стабильности и конкурентоспособности. Переход к интенсивному типу экономического роста, основанному на знаниях и технологиях, становится стратегическим приоритетом для современных национальных экономик. Инновационность наравне с классическими факторами производства превращается в неотъемлемый элемент организации производственных процессов на уровне предприятий, отраслей и регионов [8, с.2215].

Активная цифровая трансформация глобальной экономики актуализирует необходимость непрерывного воспроизводства новых знаний, технологий и информации во всех сферах деятельности. Это требует формирования эффективного инновационного потенциала как на национальном, так и на региональном уровнях. Способность регионов генерировать и внедрять инновации напрямую влияет на возможность стран соответствовать современным технологическим трендам, поддерживать конкурентоспособность на мировом рынке и укреплять свои позиции в условиях глобальной конкуренции.

Для России инновационное развитие регионов имеет особое значение, формируя основу экономического успеха и технологического суверенитета национальной экономики. В этой связи осуществляется регулярный мониторинг и оценка результатов инновационного развития субъектов Российской Федерации, позволяющий выявлять точки роста и разрабатывать адресные меры поддержки. Эффективная инновационная политика на региональном уровне становится критически важным элементом обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны в долгосрочной перспективе [10, с.478].

С 2007 года для оценки конкурентоспособности стран с точки зрения их инновационного развития рассчитывается Глобальный инновационный индекс. В 2023 году Россия заняла в этом рейтинге 51-е место, уступая практически всем европейским и многим азиатским странам. К сильным сторонам Российской Федерации относятся развитый человеческий, масштабный внутренний рынок. Однако эти преимущества нивелируются серьезными системными проблемами: низким качеством, слабой экологической эффективностью, недостаточным развитием венчурного финансирования и управлением качеством [6, с.46].

Национальная политика России направлена на преодоление этих дисбалансов через Концепцию технологического развития до 2030 года, Стратегию научно-технологического развития и указ Президента о национальных целях развития. Однако внутренняя региональная дифференциация остается значительной [5, с.345]. В настоящее время российская инновационная система демонстрирует ведущие позиции в области человеческого капитала и генерации знаний, но сталкивается с институциональными и инфраструктурными ограничениями, а ее развитие носит неравномерный характер как на международной арене, так и внутри страны.

Материалы и методы. В исследовании был использован комплекс общенаучных (анализ, синтез, обобщение) и специальных методов, среди которых важ-

ная роль принадлежит статистической кластеризации, которая позволила провести обоснованную группировку территорий по уровню их научно-инновационного развития. Данный подход обеспечил объективность и системность анализа, позволив выявить диспропорции и потенциал развития регионов. Основные этапы исследования отображены на рисунке 1.

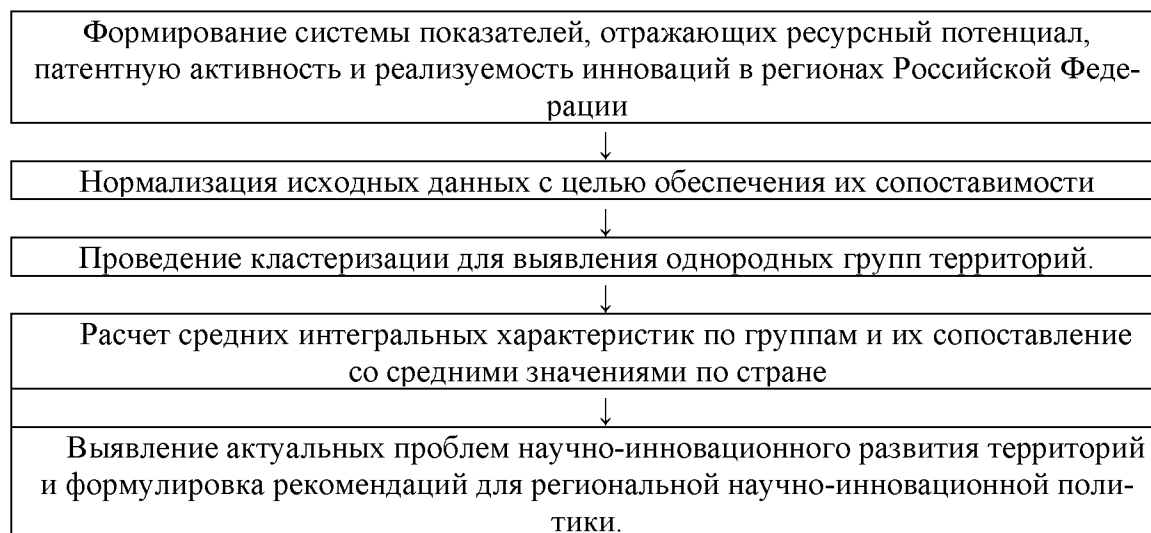

Рис. 1 – Оценка специфики научно-инновационного развития территорий

Предложенная система оценки научно-инновационного развития территорий основана на анализе трёх взаимосвязанных блоков показателей, отражающих полный цикл создания и внедрения инноваций.

Первый блок – ресурсный потенциал – характеризует вход в инновационную систему и включает наличие организаций, выполняющих НИОКР (x_1), численность научного персонала (x_2) и количество исследователей с учёными степенями (x_3). Эти показатели отражают стартовые условия и кадровый задел для генерации знаний.

Второй блок – патентная активность – фиксирует промежуточные результаты: количество выданных патентов и поданных заявок на изобретения (x_4 , x_5) и полезные модели (x_6 , x_7), что свидетельствует о способности создавать защищаемые интеллектуальные продукты.

Третий блок – реализуемость инноваций – оценивает итоговую эффективность через число используемых передовых технологий (x_8), долю инновационно-активных предприятий (x_9) и финансовую отдачу от инноваций (x_{10}), демонстрируя реальное проникновение инноваций в экономику.

Таким образом, предложенная система показателей охватывает всю цепочку: от ресурсов через научные результаты к их практической реализации и экономическому эффекту.

Для приведения разнородных данных к единой шкале была выполнена их нормализация относительно максимального значения по каждому показателю в соответствии с формулой:

$$x_i^* = \frac{x}{x_{\max}} \quad (1)$$

где $x_{\max}$ – верхняя граница значения, демонстрирующая предельный уровень развития научно-инновационного потенциала в выборке регионов;

x – значение показателя, характеризующего научно-инновационную деятельность в отдельном субъекте РФ.

Важным результатом исследования стало формирование территориальных кластеров, классифицированных по показателям научно-инновационного роста. Кластеризация проведена с учетом минимизации вариации признаков внутри каждой группы и максимальной дистанции между выделенными кластерами.

После группировки регионов был проведен расчет интегральных значений по направлениям оценки (2);

$$\begin{cases} I_1 = \sqrt[3]{x_1 * x_2 * x_3} \\ I_2 = \sqrt[4]{x_4 * x_5 * x_6 * x_7}, \\ I_3 = \sqrt[5]{x_8 * x_9 * x_{10}} \end{cases} \quad (2)$$

где I_1 , I_2 , I_3 – интегральные значения развития регионов в области ресурсного потенциала, патентной активности и реализуемости инноваций.

Расчет средних интегральных характеристик по группам и их сопоставление со средними значениями по стране позволил выявить ключевые диспропорции в развитии регионов. Такой анализ показал, какие кластеры территорий опережают общероссийские показатели, а какие существенно отстают от среднего уровня. Это дало объективную основу для дифференциации региональной политики: выделения точек роста, требующих поддержки, и депрессивных зон, нуждающихся в целевых мерах государственного стимулирования. Таким образом, метод обеспечил не только диагностику, но и практическую базу для принятия управленческих решений.

В результате проведенной нормализации исходных данных и последующего расчета интегральных показателей для каждого блока научно-инновационного развития были получены результаты, систематизированные в таблице 1 (представлен фрагмент расчетов для регионов Центрального федерального округа).

Таблица 1 – Фрагмент нормализации исходных данных и расчета интегральных характеристик для регионов Центрального федерального округа

	Σ_1	Σ_2	Σ_3	Σ_4	Σ_5	Σ_6	Σ_7	Σ_8	Σ_9	Σ_{10}	I_1	I_2	I_3
Белгородская область	0,03	0,01	0,01	0,05	0,04	0,04	0,02	0,18	0,48	0,23	0,01	0,04	0,27
Брянская область	0,02	0,00	0,00	0,01	0,01	0,11	0,07	0,10	0,28	0,32	0,00	0,03	0,21
Владимирская область	0,04	0,02	0,01	0,03	0,04	0,02	0,02	0,24	0,44	0,08	0,02	0,02	0,21
Воронежская область	0,08	0,05	0,02	0,08	0,08	0,07	0,06	0,18	0,35	0,04	0,04	0,07	0,14
Ивановская область	0,03	0,00	0,01	0,02	0,01	0,01	0,01	0,07	0,44	0,31	0,01	0,01	0,21
Калужская область	0,05	0,03	0,01	0,03	0,03	0,02	0,02	0,20	0,49	0,07	0,03	0,03	0,19
Костромская область	0,01	0,00	0,00	0,02	0,02	0,02	0,01	0,10	0,23	0,14	0,00	0,02	0,15
Курская область	0,02	0,01	0,01	0,03	0,04	0,02	0,02	0,10	0,32	0,24	0,01	0,02	0,20
Липецкая область	0,02	0,00	0,01	0,01	0,01	0,02	0,02	0,17	0,40	0,04	0,01	0,01	0,13
Московская область	0,31	0,39	0,19	0,21	0,22	0,31	0,21	1,00	0,47	0,07	0,28	0,24	0,32
Орловская область	0,02	0,00	0,00	0,01	0,01	0,02	0,01	0,08	0,37	0,07	0,01	0,01	0,13
Рязанская область	0,03	0,01	0,00	0,03	0,03	0,05	0,03	0,11	0,36	0,11	0,01	0,04	0,16
Смоленская область	0,03	0,00	0,00	0,01	0,01	0,00	0,01	0,12	0,29	0,17	0,01	0,01	0,18
Тамбовская область	0,03	0,00	0,00	0,02	0,02	0,01	0,01	0,10	0,33	0,05	0,01	0,01	0,12
Тверская область	0,03	0,01	0,01	0,02	0,02	0,02	0,02	0,17	0,42	0,19	0,01	0,02	0,24
Тульская область	0,03	0,02	0,01	0,03	0,03	0,03	0,02	0,21	0,47	0,13	0,02	0,03	0,23
Ярославская область	0,05	0,03	0,02	0,02	0,03	0,04	0,03	0,21	0,44	0,03	0,03	0,03	0,14
г. Москва	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	0,92	0,66	0,03	1,00	1,00	0,25

На основе полученных нормализованных значений была проведена кластеризация методом к-средних. Число кластеров было определено на основе формулы Стерджесса и составило для 85 рассмотренных регионов России 7. Ввиду отсутствия нужных статистических данных в работе не были рассмотрены ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области.

В результате проведенного анализа были выделены устойчивые кластерные группы регионов (табл.2).

Таблица 2 – Результаты кластеризации регионов по параметрам научно-инновационного развития

Кластер	Кол-во регионов	Перечень регионов	I ₁	I ₂	I ₃
1	4	Вологодская, Мурманская области, Хакасия, Карачаево-Черкесская Республика	≈0	≈0	0,004
2	2	Ростовская область, Татарстан	0,004	0,013	0,093
3	6	Башкортостан, Удмуртия, Нижегородская, Самарская, Саратовская, Челябинская области	0,049	0,061	0,314
4	33	Белгородская, Брянская, Владимирская, Воронежская, Тюменская, Ивановская, Волгоградская, Калужская Ульяновская, Курганская, Курская, Липецкая, Орловская, Рязанская, Кировская, Пензенская, Тверская, Новосибирская, Омская, Томская, Тульская, Ярославская, Архангельская, Новгородская области, Коми, Адыгея, Крым, Марий Эл, Мордовия, Чувашия, Приморский край, Хабаровский край, Алтайский край	0,026	0,031	0,164
5	4	Московская, Свердловская области, Санкт-Петербург, Пермский край	0,438	0,448	0,325
6	35	Костромская, Смоленская, Тамбовская области, Республика Карелия, Ненецкий автономный округ, Калининградская, Ленинградская, Псковская области, Республика Калмыкия, Краснодарский край, Астраханская область, г. Севастополь, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Ставропольский край, Оренбургская область, Югра,	0,010	0,009	0,089

		Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Алтай, Республика Тыва, Красноярский край, Иркутская, Кемеровская области, Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Камчатский край, Амурская, Магаданская, Сахалинская области, Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ.			
7	1	г. Москва	1,00	1,00	0,25

Данный подход позволил объективно оценить уровень развития каждого кластера относительно среднего по стране, определить регионы-лидеры и территории, требующие дополнительной поддержки. Сравнение средних кластерных показателей с общероссийскими значениями ($I_1=0.04$, $I_2=0.05$, $I_3=0.15$) демонстрирует критическую асимметрию пространственного развития.

Кластер 5 представляет собой полюс роста национальной инновационной системы. Регионы данной группы превышают среднероссийские значения в 10-11 раз по ресурсному потенциалу и патентной активности, формируя 40% научного потенциала страны при доле в населении не более 15%. Высокий уровень внедрения инноваций ($I_3=0.325$) указывает на эффективную коммерциализацию разработок, однако отставание этого показателя от I_1 и I_2 свидетельствует о сохраняющемся разрыве между генерацией знаний и их практическим применением.

Кластер 3 демонстрирует сбалансированное развитие с превышением среднероссийских показателей по всем компонентам. Особенно выделяется уровень внедрения инноваций ($I_3=0.314$), что объясняется высокой концентрацией промышленных предприятий, ориентированных на технологическую модернизацию. Данный кластер представляет собой промышленно-инновационный пояс России, где научный потенциал эффективно трансформируется в производственные технологии.

Кластер 4 включает в себя 33 региона и характеризуется показателями ниже средних по ресурсам и научной деятельности. Это свидетельствует о заимствовании технологий при слабой собственной исследовательской базе. Регионы этой группы демонстрируют зависимую модель развития, ориентированную на импорт.

Кластер 6 с критически низкими показателями ($I_1=0.010$, $I_2=0.009$, $I_3=0.089$) представляет периферийную зону инновационного пространства. Значения I_1 и I_2 более, чем в 4 раза ниже среднероссийских, что отражает истощение научного потенциала. Низкое внедрение инноваций ($I_3=0.089$) свидетельствует о структурных барьерах технологической модернизации. Эти регионы рискуют оказаться в инновационной ловушке без целевых мер государственной поддержки.

Кластер 2 (Ростовская область, Татарстан) показывает аномалию - крайне низкие I_1 и I_2 при относительно высоком I_3 (0.093), что указывает на экстенсивную модель заимствования технологий без развитой научной базы. Кластер 1 с $I_3=0.004$ представляет зону технологической стагнации, где отсутствует даже базовая инновационная активность.

Город Москва (Кластер 7) с абсолютными значениями $I_1=1.00$ и $I_2=1.00$ подтверждает статус глобального научно-инновационного центра, однако умеренный показатель внедрения инноваций ($I_3=0.25$) демонстрирует ситуацию, при которой наблюдается дисбаланс между колоссальным научным потенциалом и его коммерциализацией.

Проведенный кластерный анализ выявил глубокий структурный дисбаланс научно-инновационного пространства России, что требует перехода от унифицированного подхода к строго дифференцированной региональной политике, нацеленной не на выравнивание, а на рациональное использование уникального потенциала каждого типа регионов. Для регионов-лидеров ключевой задачей становится преодоление имеющего место разрыва между научным потенциалом и его коммерциализацией. Это требует создания глобальных полюсов притяжения технологических инвестиций через стимулирование частно-государственного партнерства в формате инновационного заказа от крупных корпораций, а также через учреждение венчурных фондов с государственным участием, ориентированных на глубокие технологические стартапы на поздних стадиях.

Для промышленно-инновационного пояса региональная политика должна фокусироваться на технологической трансформации традиционных отраслей путем создания инжиниринговых центров мирового уровня на базе ведущих промышленных предприятий и внедрения системы налоговых кредитов для компаний, внедряющих отечественные разработки.

Наиболее сложная задача стоит для регионов с критически низкими показателями, где необходимо предотвратить углубление инновационной ловушки через создание цифровых платформ удаленного доступа к ресурсам ведущих университетов и внедрение моделей инновационного аутсорсинга, когда крупные компании размещают в этих регионах исследовательские задачи с низкой добавленной стоимостью, но высоким обучающим эффектом. Одновременно требуется общесистемная координация через создание Федерального центра управления научно-инновационным развитием регионов, который будет вести постоянный мониторинг показателей и корректировать меры поддержки в режиме реального времени, обеспечивая тем самым формирование целостного национального инновационного пространства.

В рамках дальнейших исследований планируется углубленный качественный анализ драйверов и барьеров развития внутри каждого кластера, а также динамический анализ, позволяющий отследить траектории перемещения регионов между кластерами под влиянием внешних шоков и внутренней политики, что позволит оценить эффективность принимаемых управленческих решений. Также планируется адаптация методологии для проведения сравнительного анализа с регионами других стран, что позволит выявить общие закономерности и уникальные

особенности формирования инновационных систем в условиях разных институциональных сред.

Литература

1. Агафоненко О.Ю. Определение структуры финансового механизма инновационного развития региона // Финансовые рынки и банки. – 2024. – №6. – С.266-271. – DOI: 10.24412/2658-3917-2024-6-266-271
2. Артемова О.В., Ужegov А.О. Инновационное развитие регионов Уральского макрорегиона // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2023. – №1 (69). –С.9-20.
3. Басюк А.С. Сущность и принципы инновационного развития региона / А.С.Басюк, К.Н.Вицелярова // Экономические исследования. – 2023. – № 2. – EDN WVXRPH.
4. Бекбусинова Г.К. Государственное управление инновационным развитием регионов в РК / Г.К.Бекбусинова, Г.Б.Дюсембаева, Л.С.Абдыгалиева, Б.Б.Аипов, Ф.Т.Тумаш // In The World Of Science and Education. – 2025. –С.42-45.
5. Бидова Б.Б., Мелешко О.П. Правовая политика России по обеспечению национальной безопасности в научно-технологической сфере [Электронный ресурс] // Право и государство: теория и практика. – 2023. –№9(225). –С.344-349. – Режим доступа: http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_9_344.
6. Долгих Е.А., Паршинцева Л.С. Оценка инновационного развития регионов России // Финансы и управление. –2024. –№3. –DOI: 10.25136/2409-7802.2024.3.71213. EDN: XVUTKZ
7. Клейнер Г.Б. Экономические циклы во времени и в пространстве: возможности синтеза // Научные труды Вольного экономического общества России – 2023. – Т.240. – С.139-168. – DOI: 10.29141/2658-5081-2023-24-4-1. – DOI: 10.38197/2072-2060-2023-240-2-138-168.
8. Кузьминых Н.А. Система управления инновационным развитием региона в контексте цифровой трансформации / Н.А.Кузьминых, А.О.Милицкая // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т.12, №4. – С.2213-2230. – DOI 10.18334/vines.12.4.116800.
9. Наумов И.В., Никулина Н.Л. Моделирование пространственных эффектов инновационного развития регионов России // Проблемы развития территории. – 2023 – Т.27, №6. – С.121-140. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.8
10. Ткачева Т.Ю. Оценка инновационного развития регионов России в современных условиях / Т.Ю.Ткачева, Е.Ю.Чарочкина, Е.С.Симоненко // Естественно-гуманитарные исследования. – 2023. – №6(50). – С.474-479.

FEATURES OF SCIENTIFIC AND INNOVATIVE DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS

Bykova Margarita Leonidovna

Candidate of economical sciences,
associate professor of the chair of economics of innovations and finance
Vladimir state university named after A.G. and N.G. Stoletov
601270, Russia, Vladimir region, Suzdal district,
p. Bogolyubovo, Novaya str., 20 apt. 19
Ph.: +7 902 888 08 42
margarita93@bk.ru

The article is devoted to the urgent problem of spatial asymmetry of scientific and innovative development of Russian regions and the development of differentiated approaches to regional policy in the context of import substitution. The methodological basis of the study is the author's assessment system, which assumes three key blocks of indicators: resource potential, patent activity and the level of innovation implementation in the real sector of the economy. Based on the cluster analysis using the k-means method, a grouping of 85 constituent entities of the Russian Federation was carried out, which resulted in the identification of 7 types of regions with characteristic development models – from global leaders to zones of technological stagnation. The analysis revealed significant differentiation: the gap between the maximum and minimum values of integral indicators reaches 40 times. It was found that only a limited number of regions demonstrate balanced development in all components of the innovation cycle, while the majority are characterized by an imbalance between the scientific potential and its commercialization. Particular attention is paid to paradoxical cases when regions with low resource potential demonstrate relatively high rates of innovation implementation due to extensive borrowing of technologies. The scientific novelty of the work lies in the development of a comprehensive typology of regions and the substantiation of targeted public policy measures for each cluster. Specific tools are proposed for each type of region: from stimulating public-private partnerships in leading clusters to creating digital platforms for remote access to scientific resources in peripheral zones.

Keywords: innovative development; regional differentiation; cluster analysis; typology of regions; scientific and innovative potential; state regional policy.

ХУСУСИЯТҲОИ РУШДИ ИЛМӢ ВА ИННОВАТСИОНИИ МИНТАҚАҲОИ РОССИЯ

Бикова Маргарита Леонидовна

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
дотсенти кафедраи иқтисодиёт ва молияи инноватсионӣ,
Донишгоҳи давлатии Владимир ба номи А.Г. ва Н.Г. Столетовҳо
601270, Россия, вилояти Владимир, ноҳияи Суздал,
п. Боголюбово, кӯч. Нав, х.20, кв.19
Тел.: +7 902 888 08 42
margarita93@bk.ru

Мақола ба яке аз масъалаҳои муҳими замони муосир – асимметрияи ғуборобарии фазои рушди илмӣ ва инноватсионии минтақаҳои Россия бахшида шудааст. Муаллиф дар доираи ин мавзӯ зарурати таҳияи назария ва усулҳои дифференсалии сиёсати минтақавӣ дар шароити ивазкунии воридот (импортозамещение)-ро баррасӣ менамояд.

Асоси методологии тадқиқотро низомии муаллифии баҳодиҳӣ ташкил медиҳад, ки аз се блоки калидии нишондиҳандаҳо иборат аст:

1. потенциали захиравӣ (ресурсный потенциал);
2. фаъолияти патентӣ;
3. сатҳи татбиқи инноватсияҳо дар бахши воқеии иқтисод.

Бо истифода аз усули кластерии таҳлил (методи k-средних) муаллиф гурӯҳбандии 85 субъекти Федератсияи Россияро анҷом дода, дар натиҷа 7 намуди минтақаҳо бо моделҳои хоси рушд ҷудо намудааст – аз пешсафон ва марказҳои ҷаҳонӣ то минтақаҳои дорони нишонаҳои руқди технологӣ.

Таҳлил нишон дод, ки фарқияти байни нишондиҳандаҳои ҳадди баланд ва пасти умумӣ (интегралӣ) метавонад то 40 маротиба бирасад. Танҳо шумораи маҳдуди минтақаҳо тавонистаанд дар тамоми ҷузъҳои давраи инноватсионӣ рушди мутавозин нишон диҳанд, дар ҳоле ки аксарияти онҳо аз дисбаланс миёни потенциали илмӣ ва дараҷаи тичоратии он (коммерсиализатсия) ранҷ мебаранд.

Муаллиф инчунин ба ҳолатҳои парадоксалӣ таваҷҷуҳ зоҳир мекунад, ки дар онҳо минтақаҳои дорои имконияти маҳдуди захиравӣ нишондиҳандаҳои нисбатан баландтари татбиқи инноватсияро тавассути қабули густурдаи технологияҳои хориҷӣ ба даст меоранд.

Навоварии илмӣ тадқиқот дар таҳияи типологияи мукаммали минтақаҳо ва асосноккунии чораҳои мақсадноки сиёсати давлатӣ барои ҳар як кластер ифода меёбад. Барои ҳар як гурӯҳи минтақаҳо асбобҳои мушаххаси амалӣ пешниҳод шудаанд — аз таҳкими шарикии давлатӣ ва хусусӣ дар минтақаҳои пешрафта то ташкили платформаҳои рақамии дастрасии дурдаст ба захираҳои илмӣ дар минтақаҳои канорӣ ва сусттаракӣ.

Калидвожаҳо: рушди инноватсионӣ; тафовутҳои минтақавӣ; таҳлили кластерӣ; типологияи минтақаҳо; потенциали илмӣ-инноватсионӣ; сиёсати давлатии минтақавӣ.

УДК 331.024.2:325(575.3)

**РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДУКТИВНОЙ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

Раимдодов Умед

Кандидат экономических наук,
заведующий отделом
Государственное учреждение «НИИ труда, миграции и занятости населения»
при Министерстве труда, миграции и занятости населения
Республики Таджикистан
734026, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Борбад, 86-41
Тел.: (+992) 93 101 09 71 (м.)
umed_r64@inbox.ru

Внешняя трудовая миграция сегодня для Республики Таджикистан является объективным фактором, влияющим на материальное положение граждан, существенное пополнение государственного бюджета решение отдельных социальных проблем, в частности, связанных с хронической избыточностью трудовых ресурсов. Операции по денежным переводам от трудовых мигрантов на сегодняшний день составляют значительную часть платежного баланса республики.

Регулирование трудовой миграции с целью продуктивной занятости граждан на внешнем рынке труда требует от государства реформ в сфере образования и получения квалификации потенциальными мигрантами, а также его активного участия в построении системы их предвыездной подготовки.

В статье определены основные проблемы формирования продуктивной занятости населения Республики Таджикистан в контексте миграционных процессов, рассмотрены ключевые документы (стратегии, концепции, соглашения), направленные на совершенствование государственной политики в данной сфере. Показаны тенденции и перспективы диверсификации трудовой миграции из Таджикистана, что может снизить его зависимость от отдельных стран. Обоснована необходимость включения образовательной миграции в парадигму миграционной политики государства.

Ключевые слова: внешняя трудовая миграция; регулирование; продуктивная занятость; диверсификация; рынок труда; трудоустройство; миграционная политика.

В Таджикистане миграционная политика является составной частью государственной внешней и внутренней политики, а ее реализация – одна из приоритетных задач государства. Миграция влияет на многие стороны жизнедеятельности общества – как на социальное, экономическое, внешнеэкономическое, демографическое развитие, так и на национальную безопасность страны. Внешняя трудовая миграция сегодня для Республики Таджикистан является неотъемлемым фактором, она улучшает материальное положение граждан, существенно

пополняет государственный бюджет и позволяет решить отдельные социальные проблемы, в частности, связанные с хронической избыточностью трудовых ресурсов. Операции по денежным переводам от трудовых мигрантов на сегодняшний день составляют значительную часть платежного баланса республики [1, с.11].

Правительство Республики Таджикистан рассматривает регулирование трудовой миграции, как одну из приоритетных задач своей внешней политики. Трудовая миграция выступает в качестве регулятора и содействует решению задач одновременно в двух направлениях: первое – обеспечение недоиспользованных внутренних трудовых ресурсов продуктивной занятостью за рубежом, и второе – рациональное использование средств и инвестиций мигрантов для создания новых рабочих мест с достойной заработной платой внутри страны, что доказывает важную роль трудовой миграции в реализации государственной политики в сфере расширения продуктивной занятости [5, с.56].

Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон 21 декабря 2021 года в своем Послании Маджлиси Оли страны подчеркнул: «С целью содействия решению проблем, связанных с занятостью населения, необходимо принять и реализовать Концепцию развития эффективной занятости в Республике Таджикистан на период до 2040 года, а также среднесрочные программы ее реализации»¹.

В рамках реализации поручения Главы государства в мае 2022 года Постановлением Правительства Республики Таджикистан была принята «Концепция развития продуктивной занятости в Республике Таджикистан на период до 2040 года» [6].

Концепция состоит из пяти ключевых направлений государственной политики в сфере занятости и социальной защиты:

- расширение сферы продуктивной занятости;
- знания и навыки, технологии и возможности продуктивной занятости;
- развитие бизнеса и создание продуктивных рабочих мест;
- институты и программы рынка труда и социального партнерства.

Концепция разработана в целях содействия реализации положений «Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года», в которой политика расширения продуктивной занятости населения определена как одно из четырех основных приоритетных направлений развития страны [7].

Концепция представляет собой общее и комплексное видение национальной политики по содействию развитию продуктивной занятости населения Республики Таджикистан как одного из национальных приоритетов, способствующих достижению Целей устойчивого развития (далее – ЦУР), в том

¹Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмона «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики» от 21 декабря 2021, г. Душанбе. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/9389/poslanie-prezidenta-tadzhikistana-lidera-natsii-ob-osnovnykh-napravleniyakh-vnutrennei-i-vneshnei-politiki-respubliki>

числе полной и производительной занятости населения, достойной заработной платы и трудовой деятельности для всех.

Понятие продуктивной занятости в рамках НСР-2030 рассматривается совместно с ростом производительности труда, достойным уровнем заработной платы, широким доступом к социальному обеспечению, а также безопасными условиями труда и представляется как вопрос взаимосвязи экономического роста и сокращения бедности, защиты интересов и прав работников как важный и эффективный фактор в направлении повышения уровня и качества жизни населения страны, это доказывает, что продуктивная занятость и достойный труд являются неотъемлемыми частями. В Концепции продуктивная занятость рассматривается именно в этом контексте [6, с.69].

Социально-экономическое решение вопроса обеспечения продуктивной занятости населения предполагает разработку целей комплексной политики на основе фундаментальных принципов достойного труда, в том числе содействия обеспечению занятости населения, соблюдения международных стандартов труда, обеспечения социальной защиты и социального взаимодействия для каждого человека [3, с.163].

Следует заметить, что в Республике Таджикистан создана достаточно солидная нормативно-правовая база регулирования процессов миграции в контексте обеспечения продуктивной занятости населения которая основывается, прежде всего, на Конституции республики, гарантирующей гражданам свободное передвижение и выбор места жительства, выезд за пределы республики и возвращения в нее.

Что касается международно-правовых актов, то Правительством Республики Таджикистан ратифицировано более 15 конвенций Международной Организации Труда (МОТ) и Международной Организации Миграции (МОМ), а также подписан ряд двусторонних и многосторонних соглашений со странами СНГ, полноценно регулирующих эти вопросы. В 2018 году Республика Таджикистан поддержала Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции и согласилась исполнять 23 цели данного документа. В 2021 году Таджикистаном был представлен первый отчет о выполнении Глобального договора о миграции, в котором отмечался прогресс в реализации некоторых целей.

Реальностью республики является существование «трехкомпонентного» рынка труда, который практически в равных долях формируют официальная занятость, неформальная занятость и трудовая миграция (в значительной степени неформальная и неконтролируемая) [7, с.17].

Для продуктивной занятости населения Республика Таджикистан подписала Межправительственные соглашения со странами СНГ – с государствами, с которыми нас связывает общая история, культура, наука, родственно-дружеские связи, торгово-экономические отношения. Соглашения в области трудовой миграции были подписаны с Российской Федерацией (2004), Республикой Кыргызстан (1998), Республикой Казахстан (2005), Республикой Беларусь (2011). В 2021 году Республика Таджикистан заключила Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве между Министерством труда, миграции и занятости населения РТ и

Республики Узбекистан в сфере труда и занятости населения. Данные соглашения дают возможность взаимодействовать в сфере трудовой миграции и обеспечения социально-правовой защиты трудящихся-мигрантов на территории стран назначения для продуктивной занятости.

В государственном регулировании миграции в Республике Таджикистан важным шагом являются разработка и одобрение Правительством РТ 30 июня 2023 года №309 Стратегии регулирования миграционных процессов в Республике Таджикистан на период до 2040 года. новая Стратегия стремится к формированию более широкого подхода к управлению миграцией и охватывает разные группы мигрантов.

Настоящая Стратегия является уникальным нормативно-правовым актом, где впервые в практике в рамках одной миграционной Стратегии рассматриваются все виды миграции населения (трудовая миграция граждан Республики Таджикистан за рубеж, трудовая миграция иностранных граждан в Республику Таджикистан, экологическая миграция, внутренняя (добровольная) миграция, миграция иностранных беженцев и лиц, ищущих убежище в Республике Таджикистан), законодательно осуществляющиеся на территории одной взятой страны.

Стратегия предусматривает решение актуальных для республики и ее граждан мероприятий по реализации миграционной политики Республики Таджикистан, в том числе:

- совершенствование национального законодательства в области миграции;
- установление государственного управления миграционными процессами;
- развитие международного и межведомственного сотрудничества; стремление к безопасной, упорядоченной и легальной миграции;
- обеспечение социально-правовой защиты мигрантов и членов их семей;
- диверсификация миграционных потоков за рубеж;
- обучение мигрантов современным рабочим профессиям, имеющим спрос на международном рынке труда, и повышение их квалификации; социальная адаптация и реинтеграция возвратившихся из-за рубежа трудящихся мигрантов и членов их семей;
- государственная поддержка и стимулирование таджикских диаспор, зарубежных соотечественников и трудящихся-мигрантов по их привлечению в процесс социально-экономического и инновационного развития страны; сведение к минимуму рисков миграции населения;
- упрощение доступа к государственным услугам в области миграции; предупреждение и искоренение фактов торговли людьми в контексте международной миграции;
- урегулирование миграционного потока как внутри страны, так и за рубежом, а также другие наиболее важные вопросы в области миграции. Стратегия имеет непосредственную взаимосвязь с международными и национальными нормативно-правовыми актами, а также другими стратегиями, предусматривающими решение проблем в области миграции.

Прежде всего, необходимо отметить, что положения Стратегии состоят из основополагающих норм и принципов, закрепленных в Международной Конвен-

ции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, которая ратифицирована Республикой Таджикистан 28 ноября 2001 года, №462. Исходя из этого, Стратегия предусматривает решение комплекса вопросов касательно соблюдения прав и свобод мигрантов; недопустимости любых форм дискриминации; обеспечения безопасности, упорядочения и легальной миграции; получения защиты и помощи со стороны консульских или дипломатических учреждений государства происхождения; защиты их экономических, социальных, культурных, национальных и иных интересов; получение любой медицинской помощи в крайне необходимой для сохранения жизни или избежания непоправимого ущерба их здоровью; создание благоприятных условий для право перевода заработанных средств и сбережений мигрантов и ряд других положений по социально-правовой защите трудящихся-мигрантов и членов их семей.

Стратегия учитывает положения других Международных Конвенций в области миграции и занятости, ратифицированных Республикой Таджикистан, которые призывают государства-члены Международных Конвенций к развитию международного сотрудничества и защите прав мигрантов независимо от национальности, расы, религии или пола мигрантов, в том числе имеются в виду:

- Конвенция 97 о работниках-мигрантах (пересмотренная в 1949 г.);
- Конвенция 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении работникам-мигрантам равенства возможностей и обращения;
- Конвенция 122 о политике в области занятости;
- Конвенция 181 о частных агентствах занятости.

На основании принятой законодательной базы Республики Таджикистан определены предпосылки внешней трудовой миграции, дано обоснование трудовой миграции граждан страны за рубеж, сформулированы основные цели политики в области внешней трудовой миграции, экономические, социальные и стратегические цели государства, содержание и пути реализации политики внешней трудовой миграции, а также вопросы стимулирования внешней трудовой миграции посредством создания системы мотивации ориентированности рабочей силы на продуктивную занятость.

Министерством труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан разработан поэтапный План реализации Стратегии регулирования миграционных процессов на 2023-2025гг. План включает 67 пунктов решение вопросов миграции, имеет непосредственную взаимосвязь с Концепцией развития продуктивной занятости в Республике Таджикистан до 2040 года, где важная роль отводится внешней трудовой миграции граждан Таджикистана. В названной стратегии отмечено, что доходы трудящихся-мигрантов, как правило, намного выше, чем в республике, и расширение экспорта рабочей силы за рубеж будет способствовать увеличению доходов и росту объема сбережений населения. Это, в свою очередь, может послужить важным источником инвестиций в экономику страны, тем самым подтверждая потенциал миграции в социально-экономическом развитии Таджикистана.

Республика Таджикистан ставит своей целью подписание межправительственных соглашений в сфере трудовой миграции с теми государствами, которые

ратифицировали Международную конвенцию о защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей и имеют спрос на иностранную рабочую силу, чтобы минимизировать степень риска в период пребывания мигрантов на территории этих государств [5, с.117].

Для обеспечения продуктивной занятости граждан Таджикистана в Российской Федерации между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан действует Соглашение об организованном наборе граждан Республики Таджикистан для осуществляющих временную трудовую деятельность на территории Российской Федерации. Соглашение определяет порядок и условия взаимодействия Сторон при организованном наборе граждан Республики Таджикистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации.

В рамках реализации Соглашения предусмотрено использование информационно-аналитической системы Общероссийская база вакансий «Работа России». В соответствии со ст.6 Соглашения работодатель может разместить на портале информацию о наличии свободных рабочих мест и вакантных должностей в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Он также должен указать информацию о заработной плате, режиме работы, требованиях к квалификации и образованию, профессиональным знаниям, навыкам, опыту работы и предоставлении дополнительных социальных гарантий. Обязательные условия для участия работодателя в организованном наборе трудящихся мигрантов:

- обеспечение трудящихся-мигрантов безопасными условиями труда, обеспечение охраны труда и техники безопасности на рабочих местах;
- отсутствие не устранённых нарушений трудового и миграционного законодательства Российской Федерации;
- отсутствие фактов несчастных случаев на производстве в течение года до даты изъявления желания принять участие в организованном наборе;
- отсутствие задолженности по заработной плате.

Работодатель, выступающий в качестве принимающей стороны трудящегося-мигранта, несёт обязанности по осуществлению миграционного учёта в соответствии с законодательством Российской Федерации [11, с.8].

Для привлечения граждан Республики Таджикистан в рамках Соглашения работодатель заключает договор об организованном наборе и привлечении с отправляющей организацией. Порядок и условия взаимодействия работодателей и Агентства по трудоустройству за рубежом при Министерстве труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан регулируются договорами, заключёнными между ними.

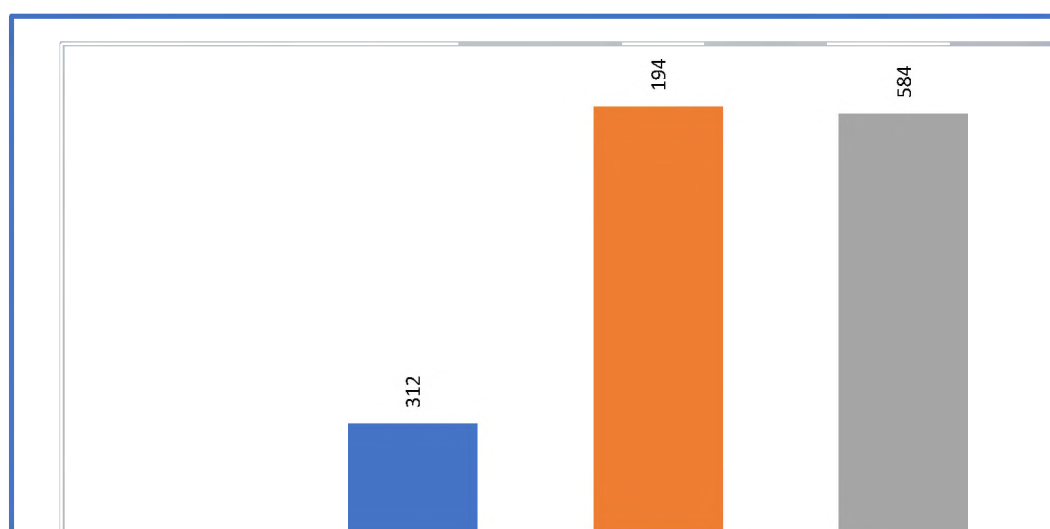
Для размещения информации о свободных рабочих местах, вакантных должностях и участии в мероприятиях, предусмотренных Соглашением, работодателю нужно поставить соответствующую отметку в настройках профиля компании на портале.

От правильного организованного набора трудовые мигранты получают больше выгоды. Помимо продуктивной занятости со стабильным заработком, они получают более высокий уровень социальной и правовой защищенности.

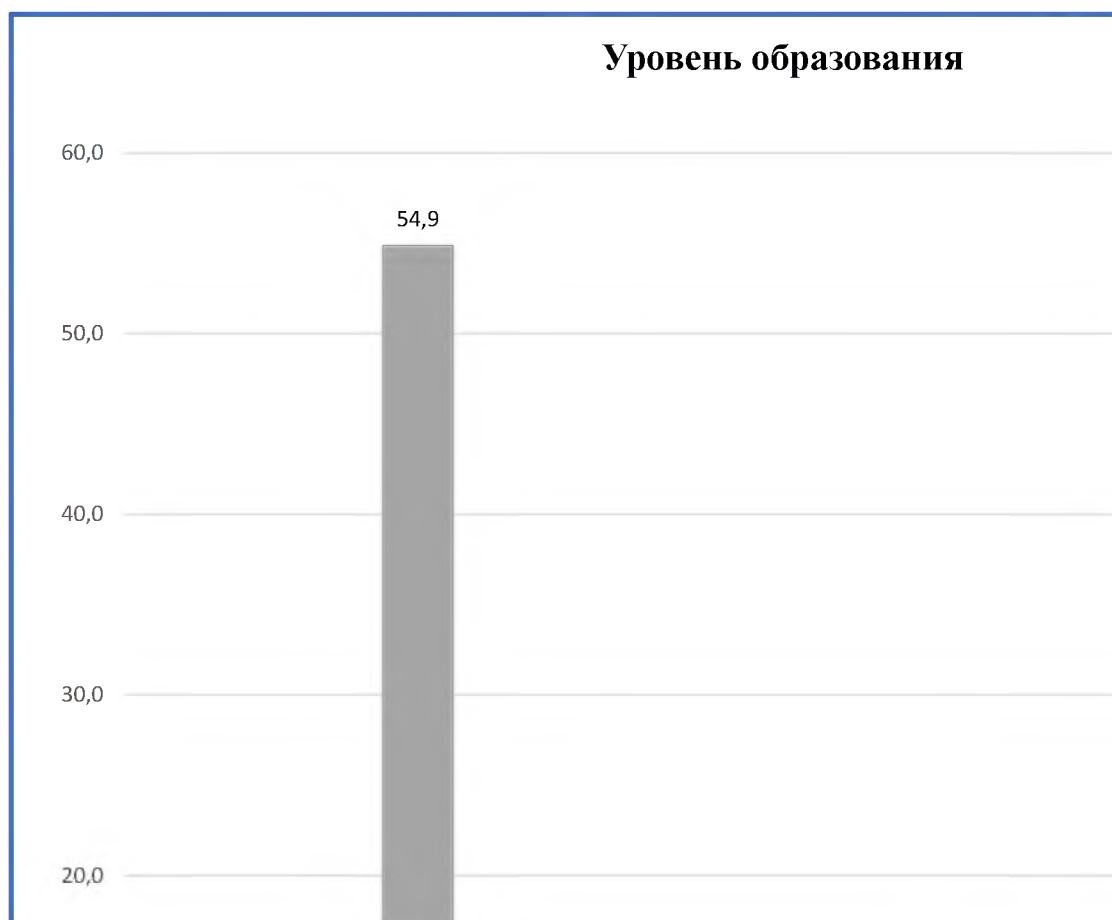
Сотрудниками Государственного учреждения «НИИ труда миграции и занятости населения» в 2024 году было проведено исследование в городах и районах с наиболее высокой концентрацией возвратившихся трудовых мигрантов.

Цель исследования: определить социально-экономические проблемы граждан, возвратившихся из трудовой миграции.

Опрос возвратившихся трудовых мигрантов в пилотных районах осуществлялся с использованием планшетов, на которых было установлено программное обеспечение KOVO-Collect, широко использующееся в мире для сбора данных как для масштабных, так и для небольших исследований.

Исследованием было охвачено 2252 возвратившихся трудовых мигрантов: из ГБАО – 312 чел., Хатлонской обл. – 584 чел., Согдийской обл. – 194 чел., РРП – 391 чел., Душанбе – 773 чел. Из числа опрошенных мужчины составляют – 88,9% и женщины – 11,1%. Из опрошенных основную массу возвратившихся из миграции составляют люди в возрасте от 30 до 39 лет – 38,4%, 40-45 лет – 22,1%, а в возрасте от 18 до 29 – 20%. То есть подавляющую часть (80%) опрошенных составляют люди молодого и среднего возраста. В возрасте свыше 46 лет – 20%. Что касается семейного положения, то почти 89,6% опрошенных находились официально в браке на момент проведения опроса, 17% являются вдовцами, 4,2% разведены.

Исследование показало, что 54,9% опрошенных имеют среднее образование, 10,1% имеют начальное профессиональное образование, 11,1% имеют высшее образование, 8,3% – степень бакалавра, 5,5% – неоконченное среднее образование, краткосрочные курсы окончили 4,9% опрошенных и 0,6% опрошенных имеют степень магистра.

Как выяснилось, 95% граждан, возвратившихся из России, только 41% для повторной миграции выбирают названную страну, 18% респондентов не планируют в дальнейшем трудовую деятельность за рубежом, 28% респондентов не определились с выбором миграции, 13% возвратившихся называют причинами :специальную военную операцию РФ на территории Украины, мобилизацию в Российской Федерации, ужесточение миграционного контроля в РФ, в связи с терактом в Крокус Сити, ксенофобию, нарушения прав мигрантов, снижение курса доллара к российскому рублю, изменение направления трудовой миграции и планирование повторной миграции в Южную Корею, Великобританию, Германию, Польшу, Венгрию, Казахстан, Литву, Латвию, страны Персидского залива.

По данным Международной организации по миграции, в период с 2022 по 2024 годы 3500 граждан Таджикистана, используя территории стран Латинской Америки, мигрировали в США.

Новым и важным подходом в решении регулирования трудовой миграции является диверсификации потоков трудовой миграции из Таджикистана в развитые социально-экономическом отношении страны дальнего зарубежья, так как привлекательность стран ближнего зарубежья снижается среди граждан нашей республики. Поиск новых направлений для избыточной рабочей силы из республики важен как по экономическим, так и по политическим причинам – мигранты становятся заложниками кризиса в политических отношениях между странами

Диверсификация трудовой миграции – это долгосрочный процесс, зависящий от множества факторов, и ее успешность зависит от глобальных изменений, происходящих в мире, и внутренней миграционной политики страны назначения [2, с.157.]

В национальном плане реализации Стратегии регулирования миграционных процессов на период 2023-2025гг. в пункт 16 включены мероприятия, связанные с диверсификацией трудовой миграции из Республики Таджикистан, а в Концепции развития продуктивной занятости в Республике Таджикистан на период до 2040 года отмечается, что сфокусировать трудовую миграцию в одной стране без диверсификации представляет собой серьезную проблему. За счет укрепления диверсификации трудовой миграции можно снизить зависимость страны от отдельных стран [10, с.117].

В связи с этим Правительство Таджикистана начало уделять внимание диверсификации схем трудовой миграции, исследуя потенциально новые страны назначения, такие как Катар, Южная Корея, Кувейт, Великобритания, ЕС, Латвия, Литва.

В 2019 году Таджикистан подписал Соглашение с Правительством Катара в рамках которого создана межправительственная комиссия, которая рассматривает широкий аспект вопросов, включая привлечение рабочей силы из Таджикистана и организацию тренингов для трудовых мигрантов по востребованным специальностям на рынке труда Катара в отраслях строительства, туризма, транспорта, охраны.

31 октября 2024 года было подписано Соглашение между Министерством труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан и Министерством занятости и труда Республики Южной Кореи по организованному набору и трудоустройству граждан Республики Таджикистан в Южной Кореи. Республика Таджикистан в 2024 году стала 17-м членом EPS-и Внешней политики труда Республики Кореи.

В нашей стране на базе Центра народных ремесел и развития профессиональных навыков Министерства труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан функционируют курсы корейского языка для граждан, которые планируют трудовую деятельность в Южной Кореи. В данном центре в 2025 году более 340 граждан прошли курсы корейского языка.

В ходе официального визита Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона в Кувейт в начале ноября 2024 года был подписан Меморандум по регулированию рабочей силы в частном секторе. Согласно подписанному Меморандуму, трудовые мигранты будут трудиться в Кувейте на основе индивидуальных трудовых договоров, которые будут регулироваться трудовым законодательством этой страны. Документ предполагает упрощение требований и процедур для сотрудничества в сфере трудовой миграции между двумя странами в рамках действующих законодательных норм.

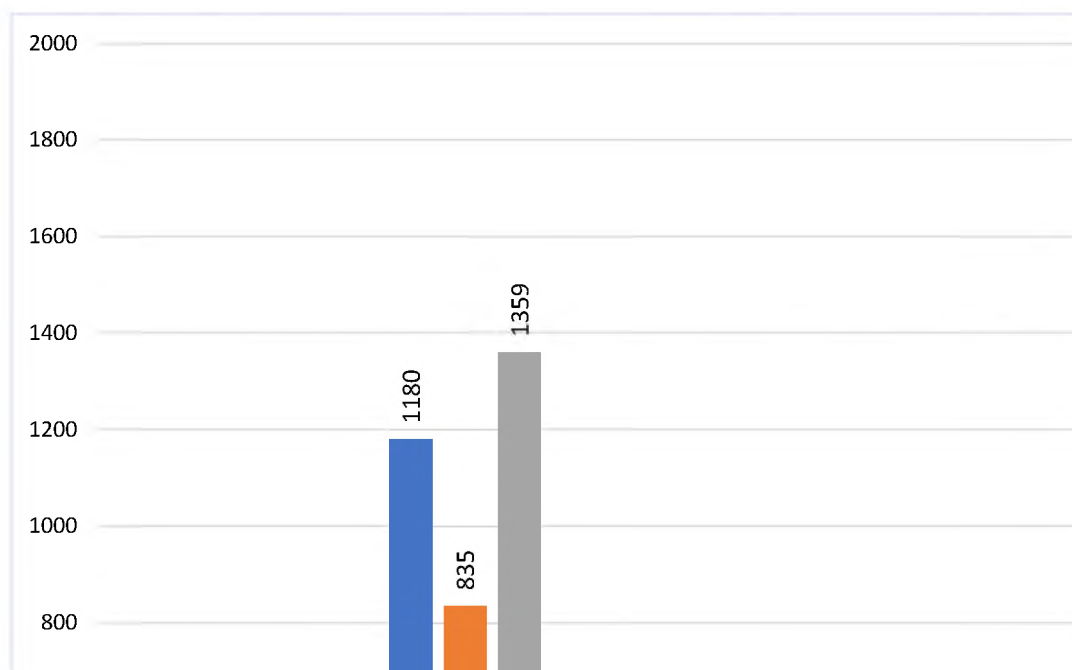
Главной целью подписания Меморандума является укрепление сотрудничества в области труда и занятости. Документ направлен на усиление защиты прав граждан, временно находящихся в Кувейте и занимающихся трудовой деятельностью. После ратификации Меморандума граждане будут иметь возможность участвовать в организованном наборе для трудоустройства в Кувейте. Соглашение о сотрудничестве, заключённое между Государственным учреждением «Агентство по трудоустройству за рубежом» при Министерстве труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан и кувейтской компанией AL-Hugood International Company, подписано.

В Республике Таджикистан создана необходимая инфраструктура по упорядочению предвыездной подготовки трудовых мигрантов.

Министерством труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан при содействии Азиатского банка развития в рамках проекта по улучшению профессиональных навыков и возможностей трудоустройства в шести пилотных городах и районах республики Душанбе, Худжанд, Бохтаре, Рогуне, Дангаре, Восе созданы Центры профессиональных навыков для предвыездной подготовки трудовых мигрантов. Предвыездная подготовка трудовых мигрантов в данных центрах осуществляется по 18 профессиям, функционируют также курсы русского, английского и корейского языков.

География миграции с целью поиска работы для молодёжи в последние годы расширяется, и наблюдается устойчивая тенденция роста трудового потока из Таджикистана в странах с дефицитом трудовых ресурсов, в частности, Литве, Латвии, Англии, Южной Корее, Японии, Турции, странах ЕС и Персидского залива. Такая мотивация обусловлена более высокой оплатой и надёжными гарантиями безопасности в этих странах. В связи с этим миграционная политика в республике должна быть направлена в сторону профессиональной и трудовой мобильности молодёжи. Расширение географии миграции создаёт дополнительные возможности для квалифицированной молодёжи со знанием языка.

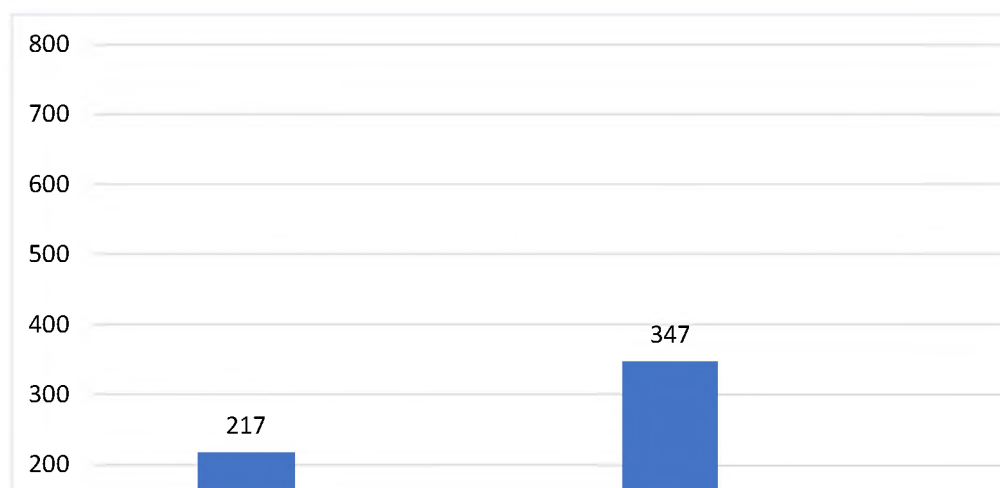
Диаграмма 3 – Динамика миграционного притока граждан РТ в странах ЕС

Источник: Статистические данные OECD. URL: <https://www.oecd.org>

Как показывают данные диаграммы 3, поток миграции из Республики Таджикистан в страны ЕС в 2021 году по сравнению с 2023 годом увеличился на 20,3%.

Диаграмма 4 – Динамика трудовой миграции из РТ в Южную Корею

Источник: Статистические данные OECD. URL: <https://www.oecd.org>

Как показывают данные диаграммы 4, поток миграции из Республики Таджикистан в Южную Корею в 2023 году по сравнению с 2021 годом увеличился в 3,4 раза.

В рамках программы сезонных сельскохозяйственных работ (SWP) Республика Таджикистан сотрудничает с Великобританией. Программы SWP стали привлекать трудовых мигрантов из Таджикистана с момента пилотного запуска.

Статистика за период с 2020 по 2023 показывает, что граждане Таджикистана входили в 10 ведущих стран, чьи граждане получили наибольшее количество виз по данной программе. В период с 2020 по 2023 гг. 10542 гражданина республики получили рабочие визы на сезонные сельскохозяйственные работы в Великобритании

Источник: Home office, immigration system statistics. 2023

Программа предлагает трудоустройство в различных отраслях экономики Великобритании, но граждане Таджикистана в основном привлекаются в отрасли сельского хозяйства. Операторы этой программы используют разные стратегии по найму граждан из Таджикистана. Оператор Pro-Force в 2022 году заключил соглашение о сотрудничестве с Государственным учреждением «Центр консультирования и предвыездной подготовки трудовых мигрантов».

Образовательная миграция является ключевой возможностью решения проблемы диверсификация трудовой миграции из республики. Как отмечает В.Р.Сагитова, «особая привлекательность образовательной миграции в том, что помимо научных, академических преимуществ, она создаёт дополнительные экономические, социальные и политические эффекты, поскольку едут в страны с высокими показателями финансовой надёжности и устойчивости» [9, с.5].

С обучением нашей молодежи в развитых странах в дальнейшем можно решить проблему их трудоустройства. К тому же многие развитые страны столкнулись сегодня с демографической проблемой, обусловившей нехватку трудовых ресурсов, решить которую они пытаются и при помощи образовательной миграции.

Образовательная миграция даёт возможность странам получить молодого, квалифицированного, мотивированного на интеграцию работника. По данным Министерства образования и науки Республики Таджикистан, более 41,2 тысячи таджикских юношей и девушек в настоящее время обучаются за пределами Таджикистана. Большинство (80,5%) молодёжи обучаются в Российской Федерации.

Диверсификация трудовой миграции с целью обеспечения продуктивной занятости граждан на внешнем рынке труда потребует серьёзных реформ в сфере образования и получения квалификации потенциальными мигрантами, а также активного участия государства в построении системы предвыездной подготовки мигрантов. В этой системе все поставщики услуг должны находиться в координации друг с другом, тесно сотрудничать, иметь чётко определённые мандаты. Кроме того, граждане должны быть осведомлены о возможностях получения таких услуг и иметь доверие к государственным организациям [10, с.27].

В институциональном развитии необходимо уделять внимание созданию не только государственных, но и частных структур, которые помогают легальному трудоустройству мигрантов. У нас этот “срединный уровень” очень слабо развит: мало частных агентств занятости, поэтому мигранту самому трудно найти работу, он ищет ее через знакомых, “черных посредников” и т. д. Когда эта система будет институционально развита – будет и процесс легализации [2, с.160].

Многие государства, такие как Азербайджан, Армения, Молдова, с высоким уровнем внешней трудовой миграции уделяют большое внимание государственным и частным агентствам по трудоустройству за рубежом для диверсификации и регулирования данного процесса. Активная деятельность по поиску рабочих агентств расширила возможности по трудоустройству. Деятельность агентств занятости за рубежом рассматривается в качестве эффективной альтернативы нелегализованному посредничеству. В идеале – трудоустройство через агентство является более надежным способом, чем трудоустройство через нелегализованных посредников и теневую занятость. Поэтому в странах, где деятельность агентств контролируется должным образом, защита прав мигрантов надёжнее обеспечивается через агентство, чем через нелегализованных посредников. Агентства по трудоустройству за рубежом могли бы помочь в предвыездной подготовке мигрантов: в профессиональной подготовке, получении правовых знаний, особенно по миграционному законодательству принимающей страны, изучении языка страны достижения, ее культурных традиций.

Создание эффективных механизмов практического применения существующих нормативно-правовых актов в работе координирующих органов, регулирующих процессы миграции, является оптимальным решением на пути искоренения незаконной внешней трудовой миграции граждан республики. Целесообразно, опираясь на международный опыт, особенно тех стран, которые достигли в этом направлении существенных успехов (в частности, Узбекистан, Филиппины) разработать и внедрить действенный механизм реализации этих законов в рамках программного подхода на базе имеющихся высоких технологии [5, с.167].

Для решения этих задач в Министерстве труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан создана рабочая группа по разработке Закона Республики Таджикистан о трудоустройстве граждан Республики Таджикистан за рубежом. Закон устанавливает порядок трудоустройства и осуществления временной трудовой деятельности таджикских граждан за пределами страны, определяет правовые нормы защиты и регламентирует порядок осуществления лицами временной трудовой деятельности, регулирует отношения, связанные с деятельностью субъектов по трудоустройству за рубежом.

Литература

1. Асанов Б.М. Теоретические аспекты современных международных миграционных процессов // Вопросы экономических наук. – 2020. – №4(104). – С.9-11.
2. Бабаджанов Р.М., Абдурахимова Н.Ч. Институциональный потенциал обеспечения миграционных процессов Республики Таджикистан // Экономика Таджикистана. – 2022. – №1. – С.157-164.
3. Бабаджанов Р.М., Халимханов З.А. Совершенствование институционального обеспечения трудовой миграции из Республики Таджикистан // Экономика Таджикистана. – 2020. – №4-2. – С.162-171.
4. Баранова Ю.К. Регулирование миграционных потоков и рынок труда // Социально-экономические явления и процессы. – 2019. – Т.14, №1 (105). – С.110-113.
5. Бобозода А. Совершенствование системы управления и инструменты обеспечения миграционной безопасности в Республике Таджикистан: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.06.01 / Бобозода Анвар. – Душанбе, 2025. – 380с.
6. Концепция развития продуктивной занятости в Республике Таджикистан на период до 2040 года [Электронный ресурс] / Министерство труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан. – С.12. – Режим доступа: <https://www.mehnat.tj>
7. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mmk.tj/system/files/> с
8. Раимдодов У.С. Механизм регулирования трудовой миграции в контексте продуктивной занятости населения Республики Таджикистан (научный отчёт) [Электронный ресурс] / Министерство труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан. – Режим доступа: <https://www.mehnat.tj>
9. Сагитова В.Р. Феномен образовательной миграции // Наука общество. Оборона. – 2024. – Т.2, №1(38). – С.55-60.
10. Стратегия регулирования миграционных процессов в Республике Таджикистан на период до 2040 года [Электронный ресурс] / Министерство труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан. – Режим доступа: <https://www.mehnat.tj>
11. Соглашение об организованном наборе граждан Республики Таджикистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации. [Электронный ресурс] / Министерство труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан. – Режим доступа: <https://www.mehnat.tj>

**REGULATION OF LABOR MIGRATION IN THE CONTEXT OF ENSURING
PRODUCTIVE EMPLOYMENT IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN**

Raimdodov Umed

Candidate of economical sciences
head of department

State institution "Research Institute of labor, migration, and employment"
under the Ministry of labor, migration, and employment of the Republic of Tajikistan
734026, Tajikistan, Dushanbe, Borbad ave., 86-41
Ph.: (+992) 93 101 09 71 (m.)
umed_r64@inbox.ru

For the Republic of Tajikistan, external labor migration today is an objective factor affecting the financial situation of citizens, significantly replenishing the state budget, and addressing certain social issues, particularly those related to chronic labor surplus. Remittances from labor migrants currently account for a significant portion of the country's balance of payments.

Regulating labor migration to ensure productive employment in the external labor market requires government reforms in education and skills acquisition for potential migrants, as well as active participation in building a system for their pre-departure training.

In the article, the key challenges in fostering productive employment in the Republic of Tajikistan in the context of migration processes are identified and key documents (strategies, concepts, agreements) aimed at improving state policy in this area are examined. Trends and prospects for diversifying labor migration from Tajikistan, which could reduce its dependence on individual countries, are discussed. The need to incorporate educational migration into the state's migration policy paradigm is substantiated.

Keywords: external labor migration; regulation; productive employment; diversification; labor market; employment; migration policy.

**ТАНЗИМИ МИГРАТСИЯИ МЕХНАТӢ ДАР ҚАРИНАИ ТАЪМИНИ
СЕРКОРИИ САМАРАНОКИ АҲОЛИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН**

Раимдодов Умед

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
Мудири шуъбаи Муассисаи давлатии
«Пажӯҳишгоҳи меҳнат, муҳоҷират ва шуғли аҳоли»-и
назди Вазорати меҳнат, муҳоҷират ва шуғли аҳолии Ҷумҳурии Тоҷикистон
734026, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёб. Борбад, 86-41
Тел.: (+992) 93 101 09 71 (м.)
umed_r64@inbox.ru

Имрӯз муҳоҷирати меҳнатии хориҷӣ барои Ҷумҳурии Тоҷикистон яке аз омилҳои муҳими таъсирбахш мебошад, ки ба сатҳи зиндагии шаҳрвандон, пурра кардани буҷети давлатӣ ва ҳалли

як қатор мушкилоти иҷтимоӣ, аз ҷумла барзиёдии неруи қорӣ ба ҳисоб меравад. Ҳаҷми интиқоли маблағҳои муҳоҷирони меҳнатӣ то ҳол бахши назарраси тавозуни пардохтии кишварро ташкил медиҳад.

Танзими раванди муҳоҷирати меҳнатӣ бо ҳадафи таъмини шӯғли муассир дар бозорҳои меҳнати хориҷӣ аз давлат талаб менамояд, ки дар соҳаи таҳсилот ва тақмили ихтисоси муҳоҷирони эҳтимоли ислохот гузаронад, инчунин дар ташкили системаи оморасозии пеш аз сафарии онҳо нақши фаъол дошта бошад.

Дар мақола мушкилоти асосии ташаккули шӯғли маҳсулноки аҳолии Ҷумҳурии Тоҷикистон бо дарназардошти чараёнҳои муҳоҷиратӣ таҳлил карда мешаванд. Ҳуҷҷатҳои калидӣ (стратегияҳо, консепсияҳо ва созишномаҳо), ки ба тақмили сиёсати давлатӣ дар ин самт равона шудаанд, мавриди таҳлил қарор гирифтаанд. Ҳамчунин, раванду дурнамоҳои диверсификатсияи муҳоҷирати меҳнатӣ аз Тоҷикистон нишон дода мешаванд, ки метавонанд вобастагии онро аз давлатҳои ҷудогона поинтар намоянд. Зарурати ворид намудани таҳсилоти муҳоҷиратӣ ба парадигмаи сиёсати мигратсионии давлатӣ асоснок карда мешавад.

Калидвожаҳо: муҳоҷирати меҳнати хориҷӣ; танзим; шӯғли самаранок; диверсификатсия; бозори меҳнат; ба қор таъминкунӣ; сиёсати мигратсионӣ.

УДК 331.108.4

СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ

Худяков Серафим Олегович

Аспирант кафедры экономики и менеджмента в здравоохранении
Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицин-
ского менеджмента при Департаменте здравоохранения г.Москвы
115088, Россия, Москва, ул. Шарикоподшипниковская, 9
Тел.: +7 903 571 06 01
s.o.khydiakov@gmail.com

В условиях стремительных изменений, вызванных глобализацией и быстрым технологическим прогрессом управление знаниями, становится ключевым фактором, определяющим успех организаций. Одной из самых значительных составляющих системы управления знаниями является корпоративное обучение, которое направлено на развитие профессиональных навыков сотрудников и обеспечивает их актуальными знаниями, необходимыми для выполнения поставленных задач. В статье рассматриваются основные аспекты управления знаниями, включая его роль в формировании культуры непрерывного обучения, способствующего инновациям и высоким результатам. Особое внимание уделяется интеграции процессов управления знаниями с программами корпоративного обучения. Предлагаются стратегии, которые могут быть реализованы для оптимизации процессов передачи и освоения знаний. Таким образом, исследование подчеркивает, что управление знаниями и корпоративное обучение неразрывно связаны и должны рассматриваться как взаимодополняющие процессы. Резюмируется, что эффективное взаимодействие между ними способствует созданию устойчивой организации, способной успешно справляться с изменениями в условиях современного рынка.

Ключевые слова: управление знаниями; корпоративное обучение; интеграция; стратегии развития.

Современный мир бизнеса характеризуется высокой степенью неопределенности и динамичности, что приводит к необходимости постоянного обновления знаний и навыков сотрудников в организациях. Технологические новшества, изменения потребительских предпочтений и экономические колебания требуют от компаний гибкости и способности быстро адаптироваться к новым условиям. В такой непростой обстановке успех и устойчивость компании во многом определяются способностью эффективно управлять знаниями. Это включает в себя целый ряд процессов, таких как сбор, хранение, распространение и применение информации и опыта, которые накапливаются как в рамках организации, так и за ее пределами [13].

Управление знаниями становится стратегическим приоритетом для организаций, стремящихся не только выжить, но и преуспеть в конкурентной среде.

Важно отметить, что создание и внедрение систем управления знаниями требует комплексного подхода и интеграции различных методов и технологий. В центре данной системы находится корпоративное обучение, которое выступает важным инструментом в рамках управления знаниями [1]. Корпоративное обучение направлено на развитие и совершенствование кадрового потенциала, что позволяет сотрудникам не только приобретать актуальные знания, но и применять их на практике для решения конкретных задач.

Существующие исследования подтверждают [1-3; 8-9], что организации, активно инвестирующие в корпоративное обучение, демонстрируют более высокие результаты в своей деятельности, проявляют эффективность в реализации стратегий и достигают больших успехов в условиях рыночной нестабильности. Такие компании способны эффективно использовать накопленные знания и опыт, что, в свою очередь, влияет на их конкурентоспособность и способность быстро реагировать на вызовы внешней среды. Таким образом, понятие управления знаниями и его неотъемлемая часть – корпоративное обучение – становятся основой для формирования устойчивого и инновационного бизнеса, способного не только выжить, но и прогрессировать в условиях постоянно меняющегося мира. Отмечая российскую специфику внутрифирменного обучения, А.И.Лыжин подчеркивает, что «в российском понимании корпоративный университет – это система концептуальных программ по обучению, которая, создаваясь на основе стратегии компании, способствует ее реализации и дает толчок дальнейшему развитию, распространяет корпоративные ценности и культуру. Данная форма внутрифирменного обучения призвана решать множество важнейших задач, среди которых стоит особенно отметить удовлетворение потребности организации в квалифицированных кадрах, повышение мотивации и систематизацию бизнес-процессов по развитию сотрудников» [6].

В 2023 году мировой рынок корпоративного обучения оценивался в 163,5 млрд долл США и, по прогнозам, вырастет с 176,58 млрд долл США в 2024 году до 326,84 млрд долл США к 2032 году, увеличившись в среднем на 8% за прогнозируемый период (2025-2032) [16].

Корпоративное обучение – это система учебных мероприятий, направленных на повышение эффективности работы сотрудников. Корпоративное обучение повышает производительность труда, мотивацию, эффективность работы и удержание сотрудников, что, в свою очередь, помогает организациям достигать своих бизнес-целей. Существует два типа методов обучения: виртуальное и очное. Кроме того, анализ рынка корпоративного обучения проводится по регионам, ключевым игрокам и сегментам.

Пандемия оказала негативное влияние на рынок корпоративного обучения. Из-за COVID-19 по всему миру было потеряно около 195 миллионов рабочих мест. Кроме того, в Европе и арабских странах во время пандемии наблюдались самые серьезные последствия для занятости в процентном соотношении. Таким образом, глобальный экономический кризис привёл к бюджетным ограничениям в корпоративном секторе, с которыми пришлось столкнуться командам, занима-

ющимся исследованиями и разработками, а также к ряду проблем, связанных с демонстрацией окупаемости инвестиций в их программы обучения.

Глобальный рынок корпоративного обучения сегментирован по программам обучения, способам обучения, отраслям и регионам. В зависимости от программы обучения рынок сегментирован на цифровое обучение, развитие навыков межличностного общения, инклюзивность, соблюдение нормативных требований и другие. В зависимости от способа обучения рынок сегментирован на электронное и очное обучение. В зависимости от отрасли рынок сегментирован на розничную торговлю, фармацевтику и здравоохранение, финансовые услуги, профессиональные услуги, государственные предприятия, информационные технологии и другие отрасли. В зависимости от региона рынок сегментируется на Северную Америку, Европу, Азиатско-Тихоокеанский регион, Латинскую Америку, Ближний Восток и Африку.

Управление знаниями можно рассматривать как систему, которая включает в себя процессы идентификации, создания, представления, распространения и применения знаний. Эксперты выделяют два основных типа знаний: явные и неявные [2]. Явные знания легко документируются и передаются, в то время как неявные знания, основанные на личном опыте и интуиции, представляют собой настоящую ценность для организации, так как они трудно формализуются и передаются передаче.

Неявные знания часто формируются в результате длительного опыта и практики, и именно они часто определяют уникальные конкурентные преимущества компании. Люди, обладающие значительным опытом в своей области, могут принимать решения и находить решения проблем, основываясь на интуитивном понимании ситуации, что невозможно достоверно записать или передать в виде документов или учебных пособий. Это делает такие знания особенно ценными для организаций, стремящихся к инновациям и оптимизации своих процессов.

Управление знаниями как система предполагает, что необходимо не только идентифицировать и документировать явные знания, но и разрабатывать стратегии для выявления, поддержания и передачи неявных знаний [9]. Этот подход включает в себя создание культуры, способствующей обмену знаниями, когда сотрудники мотивированы делиться своим опытом и обучаться друг у друга.

Одним из ключевых аспектов эффективного управления знаниями является использование технологий [3]. Системы управления знаниями становятся важными инструментами, позволяющими организовать и систематизировать как явные, так и неявные знания. Платформы для обмена информацией, базы данных, где можно хранить документы и справочные материалы, а также инструменты для совместной работы, помогают создать среду, в которой знания легко доступны и могут быть эффективно использованы. Технологизация корпоративного обучения, в том числе, активное использование технологий дистанционного обучения, по мнению Т.Д.Рудиной «не только отвечает на вызовы, стоящие перед компаниями, но и способствует эффективному развитию и повышению профессиональных навыков сотрудников. Развитие электронных технологий и их интеграция в обучение предоставляют уникальные возможности для создания гибких

и доступных образовательных программ в компании, которые могут удовлетворить различные потребности персонала» [10].

Корпоративное обучение играет ключевую роль в механизме управления знаниями, обеспечивая не только передачу информации, но и культурный контекст для её применения [1]. Основной целью такого обучения является не только запоминание фактов или овладение новыми навыками, но и создание активной среды, в которой сотрудники могут обмениваться опытом, обсуждать существующие решения и совместно искать новые подходы к решению задач. «Недавние исследования, проведенные в 3200 американских компаниях, показали, что 10-процентное увеличение расходов на тренинг персонала дают прирост производительности труда на 8,5%, в то время как такое же увеличение капиталовложений дает прирост производительности только на 3,8%», – отмечает в своей работе А.В.Стрельников [11.]

Важной частью корпоративного обучения является внедрение различных методов, чтобы учесть разнообразие стилей обучения сотрудников [3]. Тренинги и семинары обычно фокусируются на конкретных темах или навыках и позволяют людям взаимодействовать друг с другом, обсуждать возникающие вопросы и делиться идеями. Использование таких форматов стимулирует участие и создает возможность для живого обмена мнениями.

Менторство представляет собой еще один мощный механизм передачи знаний, который позволяет менее опытным сотрудникам учиться у более опытных коллег [3]. Ключевым аспектом здесь является создание доверительных отношений, что способствует более открытому диалогу и лучшему пониманию неявных знаний, которые зачастую не могут быть задокументированы.

Онлайновые курсы расширяют доступ к обучению, позволяя сотрудникам учиться в удобное для них время. Это особенно важно в условиях быстрой смены технологий и методов работы, когда необходимость в получении новых знаний может возникнуть в любой момент. Платформы для онлайн-обучения могут быть интегрированы с системами управления знаниями, что позволяет отслеживать прогресс обучения и связывать его с реальными проектами и практическими задачами.

Для эффективного достижения поставленных целей корпоративное обучение должно активно сотрудничать с системами управления знаниями [14]. Это включает в себя как поддержку документирования полученных знаний, так и создание механизмов для регулярного обновления и пересмотра этих знаний. Например, созданные в ходе обучения материалы могут быть использованы для дальнейшего изучения другими сотрудниками, а каталоги лучших практик могут обновляться на основе полученного опыта.

Кроме того, важно поощрять культуру обмена знаниями, где сотрудники не боятся делиться своими успехами и неудачами [18]. Наученные уроки, извлеченные из практики, могут стать основой для развития новых курсов или обновления существующих тренингов, что делает процесс обучения динамичным и актуальным.

Таким образом, корпоративное обучение, объединяясь с управлением знаниями, не просто передает информацию, но и создает среды для взаимодействия, обсуждения и сотрудничества, что ведет к устойчивому росту и эффективности всей организации.

На рисунке 1 представлены основные аспекты интеграции корпоративного обучения и управления знаниями.

Рис. 1 – Основные аспекты интеграции корпоративного обучения и управления знаниями

Источник: составлено автором

Систематизация и хранение знаний – это фундаментальная составляющая успешного корпоративного обучения и управления знаниями в организации [18]. Создание базы данных, в которой аккумулируются результаты обучения, обеспечивает легкий доступ к информации для всех сотрудников.

Обратная связь и менторство – важные компоненты, способствующие более глубокому усвоению знаний. Обеспечение каналов для взаимодействия между опытными сотрудниками и новичками создает не только возможность для передачи знаний, но и формирует атмосферу доверия.

Культура обмена знаниями является важнейшим аспектом в создании прогрессивной и гибкой рабочей среды. Когда сотрудники активно вовлечены в процесс обучения и активно делятся своими знаниями и опытом, это создает атмосферу взаимного уважения и сотрудничества.

Современные технологии также играют ключевую роль в управлении знаниями. Системы управления обучением и платформы для совместной работы позволяют автоматизировать процессы, упрощая доступ к обучающим материалам и данным.

Таким образом, интеграция всех этих элементов – систематизация и хранение знаний, обратная связь, культура обмена знаниями и использование технологий – составляет комплексный подход к корпоративному обучению, который

способствует созданию эффективной и устойчивой организационной среды, где каждый сотрудник может развиваться и вносить вклад в общее дело.

Для эффективного улучшения системы управления знаниями в рамках корпоративного обучения, по мнению автора, можно рассмотреть ряд стратегий, которые помогут адаптировать подходы к обучению, повысить качество и значимость получаемых знаний для сотрудников и компании в целом. «Чтобы корпоративное образование было максимально эффективным, нужно, чтобы и у руководства, и у сотрудников было единое видение целей и миссии компании, а также необходимо их отношение к профессиональным знаниям как к источнику, способствующему развитию персонала, а значит и компании в целом», - отмечается в исследовании российских ученых [4].

Одним из ключевых методов является регулярная оценка потребностей в обучении. Это не просто формальная процедура, а систематический процесс, который включает сбор и анализ информации о текущих навыках, квалификациях и карьерных целях сотрудников. На основании полученных данных можно разрабатывать программы обучения, которые точно соответствуют требованиям бизнеса и стратегическим целям компании [12]. Такой подход позволяет избежать бесцельных тренингов и нецелесообразных затрат, а также дает возможность сотрудникам развивать те навыки, которые необходимы для их профессионального роста и достижения результатов.

Кроме того, создание межфункциональных команд, которые смогут участвовать в процессе обучения и обмена знаниями, является весьма эффективной стратегией [8]. Составление групп из представителей различных подразделений и уровней позволяет интегрировать разнообразный опыт и взгляды, что способствует генерации новых идей и подходов к решению проблем. Такое взаимодействие не только обогащает процесс обучения, но и укрепляет командное взаимодействие внутри компании, помогает наладить связи между отделами.

Важным элементом является и внедрение специальных программ по поощрению сотрудников за активное использование и распространение знаний. Мотивация и признание достижения – это эффективный способ, который подстегивает сотрудников делиться своим опытом, проводить обучающие сессии и принимать инициативу в обмене знаниями. Это может включать как материальные бонусы, так и нематериальные поощрения, такие как признание на собрании, карьера или возможность участия в различных проектах. Такая схема не только стимулирует активность сотрудников, но и способствует развитию культуры обучения в компании, где обмен знаниями становится естественной частью рабочего процесса.

Помимо этого, использование технологий также играет важную роль в управлении знаниями. Внедрение онлайн-платформ для дистанционного обучения и систем управления обучением предоставляет сотрудникам гибкость в обучении и способствует доступности информации.

С учетом вышеизложенного, стратегии, направленные на улучшение системы управления знаниями в корпоративном обучении, требуют комплексного подхода. Путем постоянной оценки потребностей, создания межфункциональных команд, внедрения программ поощрения и использования современных техноло-

гий, компания может значительно повысить эффективность своих усилий в области обучения и развития сотрудников, что приведет к улучшению работы всей организации.

Управление знаниями в системе корпоративного обучения представляет собой один из наиболее значимых и сложных процессов, требующих комплексного подхода и глубокой интеграции различных методов и стратегий. В условиях быстро меняющегося делового ландшафта, когда изменения в технологиях, потребительских предпочтениях и рыночной конъюнктуре происходят с невероятной скоростью, организации должны осознать, что их сотрудники являются главным активом. Инвестиции в обучение и развитие персонала – это не просто финансовые затраты, но стратегическое вложение в будущее компании, которое обеспечит не только ее выживание, но и процветание. Именно «профессиональная подготовка, уровень образования, состояние готовности к квалификационному росту влияют на общий уровень конкурентоспособности работников компании» [7, с.167]

Эффективное управление знаниями, интегрированное в корпоративные программы обучения, является ключом к созданию культуры постоянного улучшения и инноваций. Как отмечает В.В.Дьяченко, «главной целью корпоративного обучения является не просто донести необходимую информацию, но изменить поведение сотрудника на рабочем месте, благодаря чему он станет более продуктивным и эффективным» [5].

Это требует от организаций проактивного подхода в выявлении, сборе и передаче знаний внутри команды, а также использования современных технологий для оптимизации этих процессов. Такой подход способствует формированию структуры, в которой знания становятся доступными и актуальными для всех сотрудников, что, в свою очередь, позволяет им максимально эффективно применять их на практике. Таким образом, организации, реализующие стратегии управления знаниями в рамках корпоративного обучения, не только сохраняют свои конкурентные преимущества, но и значительно повышают свою способность к адаптации и быстрому реагированию на изменения.

Рассматривая вопросы создания системы управления знаниями и развития корпоративного обучения, необходимо отметить, что этот процесс весьма затратный. При рассмотрении подходов к определению бюджета на обучение нового сотрудника несколько отраслевых отчетов предоставляют ценные данные:

1. Отчет Ассоциации по развитию талантов за 2022 год: в этом отчете говорится, что в 2021 году средняя организация потратила 1280 долл на обучение сотрудников. Кроме того, средняя стоимость часа обучения оценивается в 103 долл [16]. При этом среднее количество учебных часов на одного сотрудника составило 32,9, что меньше, чем 35 часов в 2020 году. Прямые расходы на обучение, которые включают в себя внутренние услуги, услуги поставщиков образовательных услуг и возмещение расходов на обучение, в 2021 году практически не изменились. Более четверти (28 процентов) расходов в 2021 году пришлось на поставщиков образовательных услуг, а 9 процентов – на возмещение расходов на

обучение. Остальные 62 процента пришлось на внутренние услуги. Эти показатели практически не изменились по сравнению с 2020 годом.

2. Исследование журнала Training Magazine за 2022 год: исследование, проведенное в период с апреля по июль 2022 года, показало, что в 2022 году компании в среднем потратили 1207 долл на одного обучающегося. Это на 1071 долл больше, чем в 2021 году [15]. В исследовании участвовали корпорации и образовательные учреждения из США, в которых работает 100 и более сотрудников. В отчете отмечается: «В 2021-2022 годах расходы на обучение в США впервые превысили отметку в 100 млрд долл. Рост на 10 процентов до 101,6 млрд долл был отчасти обусловлен значительным увеличением бюджетов крупных компаний, инфляцией и тем, что организации продолжали инвестировать в технологии виртуального обучения на фоне продолжающейся пандемии COVID-19, но также начали возвращаться к очному обучению и разрешать поездки. Заработная плата снизилась, но расходы на сторонние товары и услуги выросли на 1% до 8,2 млрд долл. А другие расходы на обучение (например, на поездки, помещения, оборудование) восстановились почти до уровня 2020 года и составили 28,3 млрд долл по сравнению с 15,5 млрд долл в 2021 году» [15].

Инвестиции в эту область становятся необходимыми для достижения долгосрочных целей и устойчивого роста бизнеса. В итоге, успешное управление знаниями является основой формирования интеллектуального капитала компании, который является залогом ее успеха. Именно через развитие и применение этого капитала компании могут открывать новые рынки, улучшать свои продукты и услуги, а также повышать уровень удовлетворенности клиентов. Применение таких практик не только улучшает внутренние процессы, но и создает позитивный имидж компании, демонстрируя ее приверженность к развитию и инновациям. Таким образом, управление знаниями в корпоративном обучении не просто актуально – оно становится критическим элементом стратегии бизнеса в условиях глобальных изменений и неопределенности.

Литература

1. Ананченкова П.И. Корпоративное обучение – механизм воспроизводства трудовых ресурсов // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. – 2024. – Т. 23, №1. – С.83-87.
2. Ананченкова П.И. Проблема оценки влияния обучения на развитие человеческого капитала компании // Современные механизмы трансформации и общества: вчера, сегодня, завтра: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Краснодар: Краснодарский ЦНТИ-филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2023. – С.19-24.
3. Андриянов Н.Ю., Тонконог В.В. Роль и место руководителя в управлении организацией // Парадигмы социальных и экономических процессов России и тенденции их трансформации: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: Индивидуальный предприниматель Алзидан Махер, 2024. – С. 29-34.
4. Давыдова Ю.А. Корпоративное обучение как элемент непрерывного образования / Ю.А. Давыдова, Д.Д.Пургина, Н.Н.Денисенкова // ЦИТИСЭ. – 2022. – №4 (34). – С.306-314.
5. Дьяченко В.В. проблемы переноса обучения на практику в процессе корпоративного обучения в современных организациях // Актуальные исследования. – 2023. – №17-2 (147). – С.15-18.

6. Лыжин А.И. Роль и место мастера производственного обучения в системе внутрифирменного корпоративного обучения // Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория (ИНСАЙТ). – 2023. – №3 (15). – С.62-73.
7. Маликова Р.Э. Формирование конкурентоспособности работников на предприятиях: зарубежный опыт // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2020. – №2 (70). – С.161-169.
8. Поветьева Е.Д. Использование управления знаниями и принципов обучающейся организации в менеджменте // Молодой учёный: материалы VIII Международной научно-практической конференции. – Пенза: Наука и Просвещение, 2024. – С.102-106.
9. Попов И.Л., Тонконог В.В. Влияние современных глобальных вызовов на рынок труда // Мир труда в XXI веке: адаптация к новым реалиям: материалы X Международной научно-практической конференции. – М.: ИИЦ АТиСО, 2024. – С.145-148.
10. Рудина Т.Д. Электронное обучение как метод корпоративного обучения // Вестник науки. – 2024. – Т.4, №11 (80). – С.213-223.
11. Стрельников А.В. Формы корпоративного обучения как элемента системы непрерывного обучения персонала. // Сервис в России и за рубежом. – 2011. – №2 (21). – С.104-110.
12. Федорова С.В. Управление знаниями в системе корпоративного обучения на основе международных стандартов на примере образовательных программ по направлению электроэнергетика и электротехника / С.В.Федорова, Т.Б.Соколова, И.М.Старцев // Развивая энергетическую повестку будущего: материалы Международной научно-практической конференции. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), 2021. – С.235-240.
13. Худяков С.О., Ананченкова П.И. Управление знаниями как фактор профессионального роста работников компании // Мир труда в XXI веке: адаптация к новым реалиям: материалы X Международной научно-практической конференции. – М.: ИИЦ АТиСО. – С.208-212.
14. Худяков С.О. Управление знаниями и управление талантами: общее и различия / С.О.Худяков, Д.С.Силаев, В.В.Тонконог // Труды аспирантов Научно-исследовательского института организации здравоохранения и медицинского менеджмента: сб. науч. трудов аспирантов. – М.: НИИОЗММ, 2023. – С.131-136.
15. 2022 Training Industry Report [Electronic resource]. – Access mode: <https://trainingmag.com/2022-training-industry-report/> (дата обращения: 12.10.2024)
16. ATD Research: Spending on Employee Training Remains Strong. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.td.org/content/press-release/atd-research-spending-on-employee-training-remains-strong> (дата обращения: 12.10.2024)
17. Corporate Training Market Size, Share, and Growth Analysis [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.skyquestt.com/report/corporate-training-market> (дата обращения: 12.10.2024)
18. Tonkonog V.V., Ananchenkova P.I. Corporate training in the practice of foreign companies // Labour and social relations journal. – 2023. – Vol.34, №4. – P.82-92.

KNOWLEDGE MANAGEMENT SYSTEMS AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF CORPORATE TRAINING

Khudiakov Serafim Olegovich

Postgraduate of the chair of healthcare economics and management
Research institute for healthcare organization and medical management
at Moscow department of healthcare

115088, Russia, Moscow, Sharikopodshipnikovskaya str., 9

Ph.: +7 903 571 06 01

s.o.khydiakov@gmail.com

In the conditions of rapid change caused by globalization and rapid technological advancement, knowledge management is becoming a key factor determining the success of organizations. One of the most significant components of a knowledge management system is corporate training, which is aimed at developing employees' professional skills and providing them with the relevant knowledge necessary to accomplish their tasks. In the article, key aspects of knowledge management are examined, including its role in fostering a culture of continuous learning that fosters innovation and high performance. Special attention is paid to integrating knowledge management processes with corporate training programs. Strategies that can be implemented to optimize knowledge transfer and acquisition are proposed. Thus, the study emphasizes that knowledge management and corporate training are inextricably linked and should be viewed as complementary processes. It is concluded that effective interaction between them contributes to the creation of a resilient organization capable of successfully coping with changes in today's market conditions.

Keywords: knowledge management; corporate training; integration; development strategies.

СИСТЕМАҲОИ ИДОРАКУНИИ ДОНИШ ҲАМЧУН ОМИЛИ РУШДИ ОМУЗИШИ КОРПОРАТИВӢ

Худяков Серафим Олегович

Аспиранти кафедраи иқтисод ва идоракунии дар соҳаи тандурустии
Пажӯҳишгоҳи илмиву таҳқиқотии ташкили тандурустӣ ва менеҷменти тиббӣ
назди Департаменти тандурустии шаҳри Москва

115088, Россия, Москва, кӯч. Шарикоподшипниковская, 9

Тел.: +7 903 571 06 01

s.o.khydiakov@gmail.com

Дар шароити тағйироти босуръат, ки аз глобализатсия ва пешрафти тези технологӣ ба вучуд меоянд, идоракунии дониш ба яке аз омилҳои калидӣ табдил меёбад, ки муваффақияти ташкилотхоро муайян мекунад. Яке аз ҷузъҳои муҳимтарини системаи идоракунии дониш омӯзиши корпоративӣ мебошад, ки ба рушди малакаҳои касбии кормандон равона гардида, онҳоро бо донишҳои муҳиме таъмин мекунад, ки барои иҷрои вазифаҳои гузошташуда заруранд.

Дар мақола ҷанбаҳои асосии идоракунии дониш баррасӣ мешаванд, аз ҷумла нақши он дар ташаккули фарҳанги омӯзиши пайваста, ки ба инноватсия ва ба даст овардани натиҷаҳои баланд мусоидат мекунад. Ба ҳамгироии равандҳои идоракунии дониш бо барномаҳои омӯзиши корпоративӣ таваҷҷуҳи махсус дода мешавад. Стратегияҳои пешниҳод мегарданд, ки метавонанд барои оптимизатсияи равандҳои интиқол ва азхудкунии дониш амалӣ карда шаванд.

Хулоса карда мешавад, ки идоракунии дониш ва омӯзиши корпоративӣ ҷудонашаванда буда, бояд ҳамчун равандҳои ҳамдигарро пурракунада баррасӣ шаванд. Муайян мешавад, ки ҳамкориҳои самараноки онҳо ба ташкили як ташкилоти устувор мусоидат мекунад, ки метавонад дар шароити бозори муосир бо тағйиротҳо бомуваффақият мубориза барад.

Калидвожаҳо: идоракунии дониш; омӯзиши корпоративӣ; ҳамгирӣ; стратегияҳои рушд.

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 25.09.2025г. Подписано в печать 30.09.2025г.
Формат 60x84_{1/16}. бумага и печать офсетная. Гарнитура литературная.
Объем 51,0 п.л. Тираж 100 экз. Заказ №205

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г.Душанбе,
ул. Мирзо Турсунзаде, 30